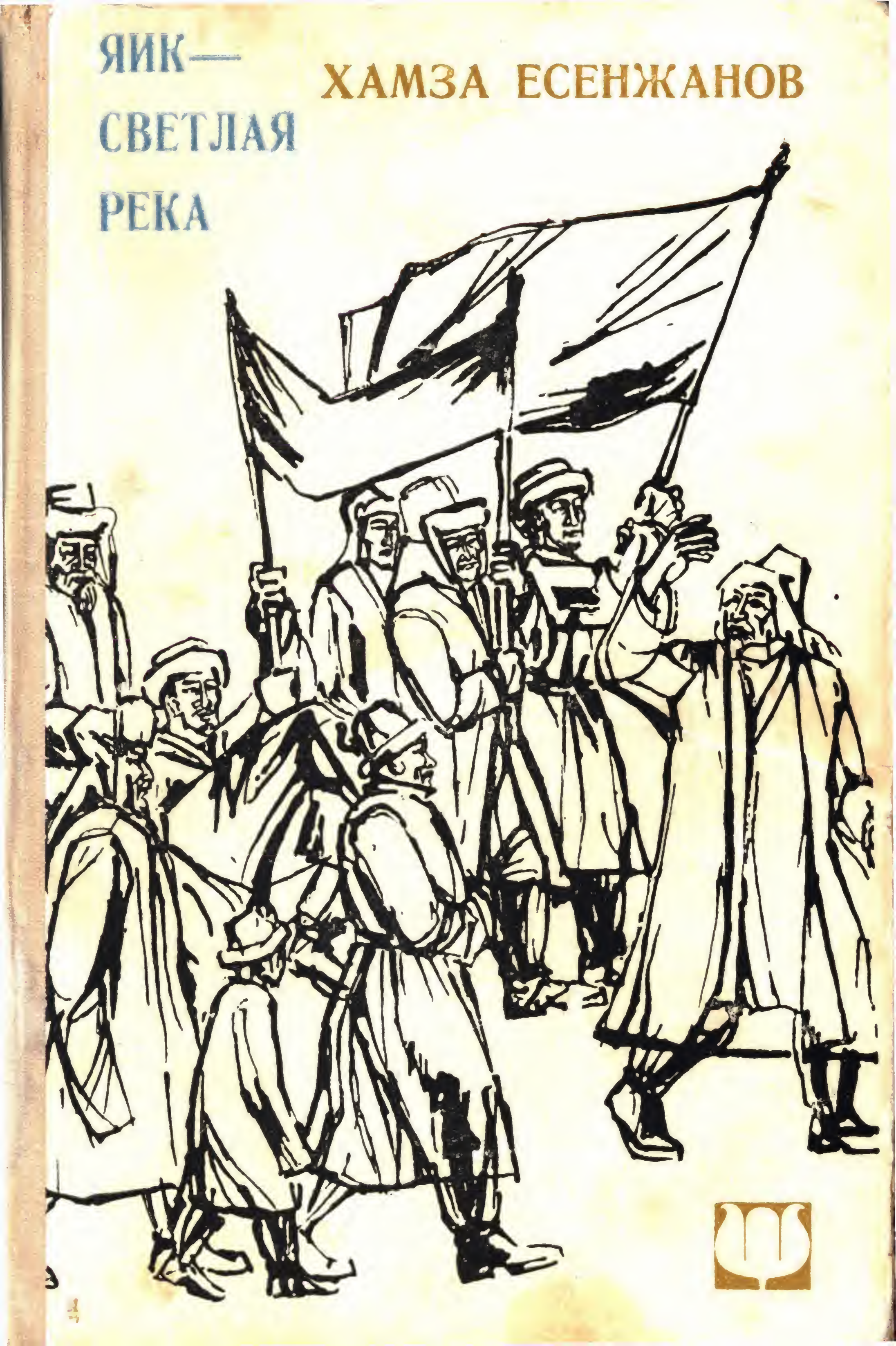
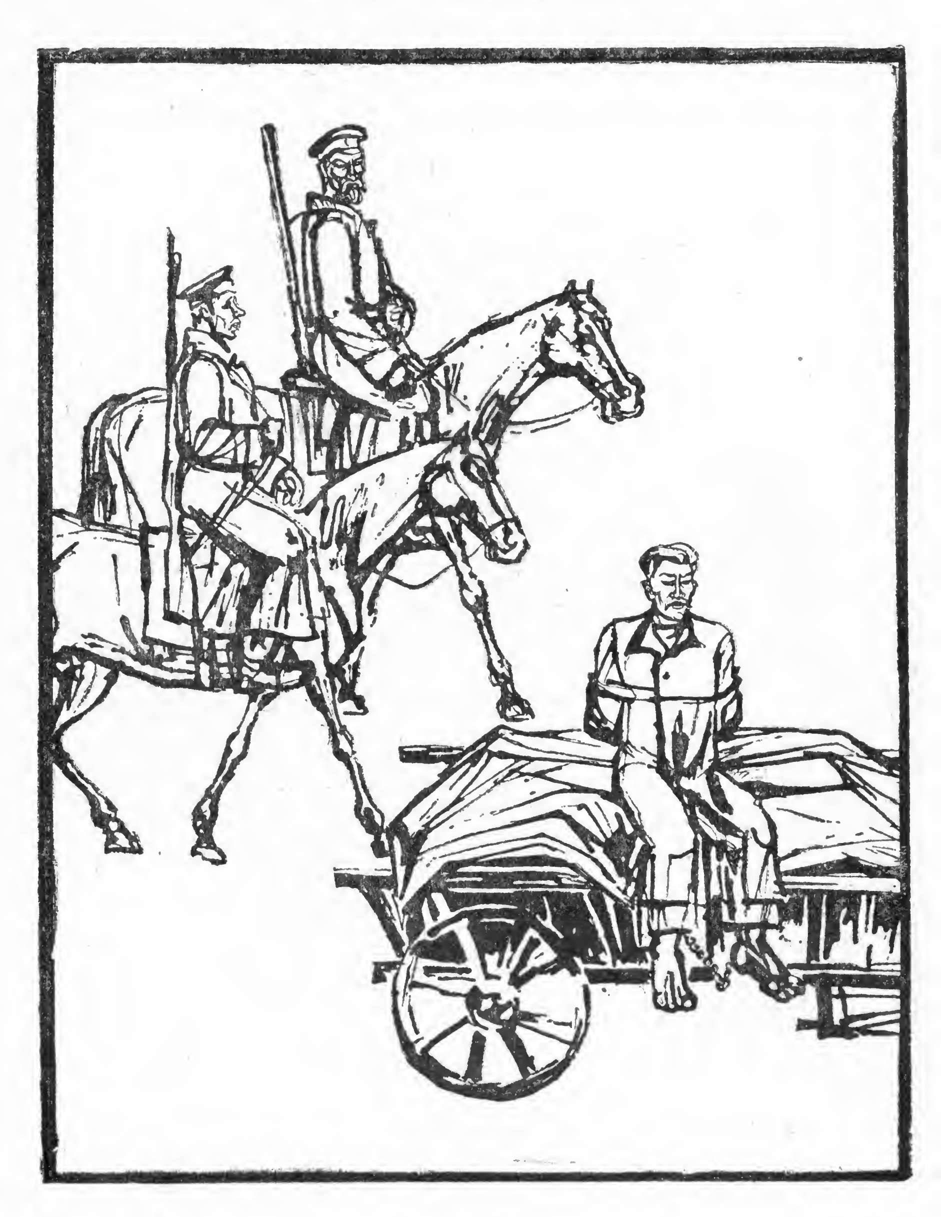

ЯИК—
СВЕТЛАЯ
РЕКА
ХАМЗА ЕСЕНЖАНОВ

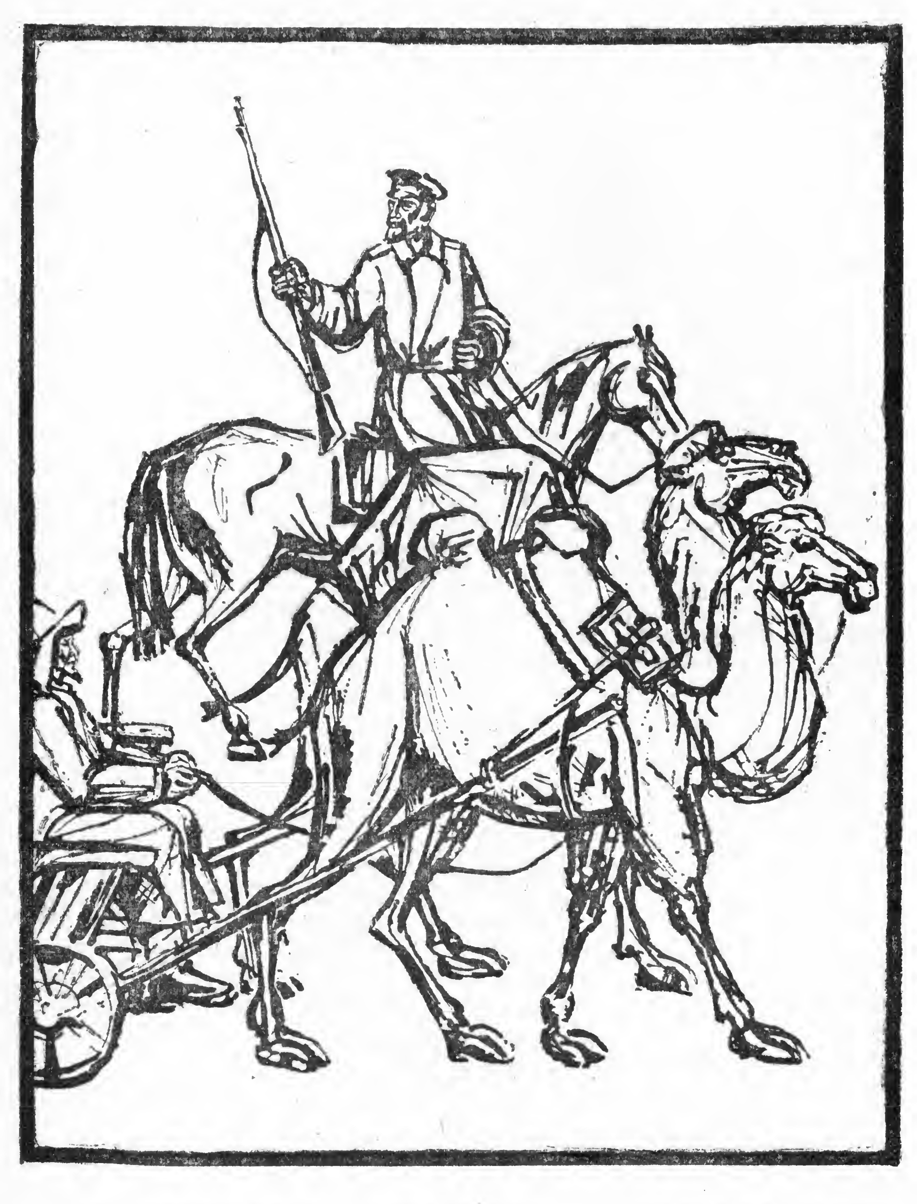
ЖАЗУШЫ

Хамза Есенжанов

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С КАЗАХСКОГО

ЯИК — СВЕТЛАЯ РЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ», АЛМА-АТА — 1973

Хамза Есенжанов — автор многих рассказов, повестей и романов. Его наиболее значительным произведением является роман «Яик — светлая река». Это большое эпическое полотно о становлении советской власти в Казахстане. Есенжанов, современник этих событий, использовал в романе много исторических документов и фактов. Прототипы героев его романа — реальные лица. Автор прослеживает зарождение революционного движения в самых низах народа — казахских аулах, кочевьях, зимовьях; показывает рост самосознания бывших кочевников и влияние на них передовых русских и казахских рабочих-большевиков.

Роман «Яик — светлая река» в 1968 году получил Государственную республиканскую премию имени Абая.

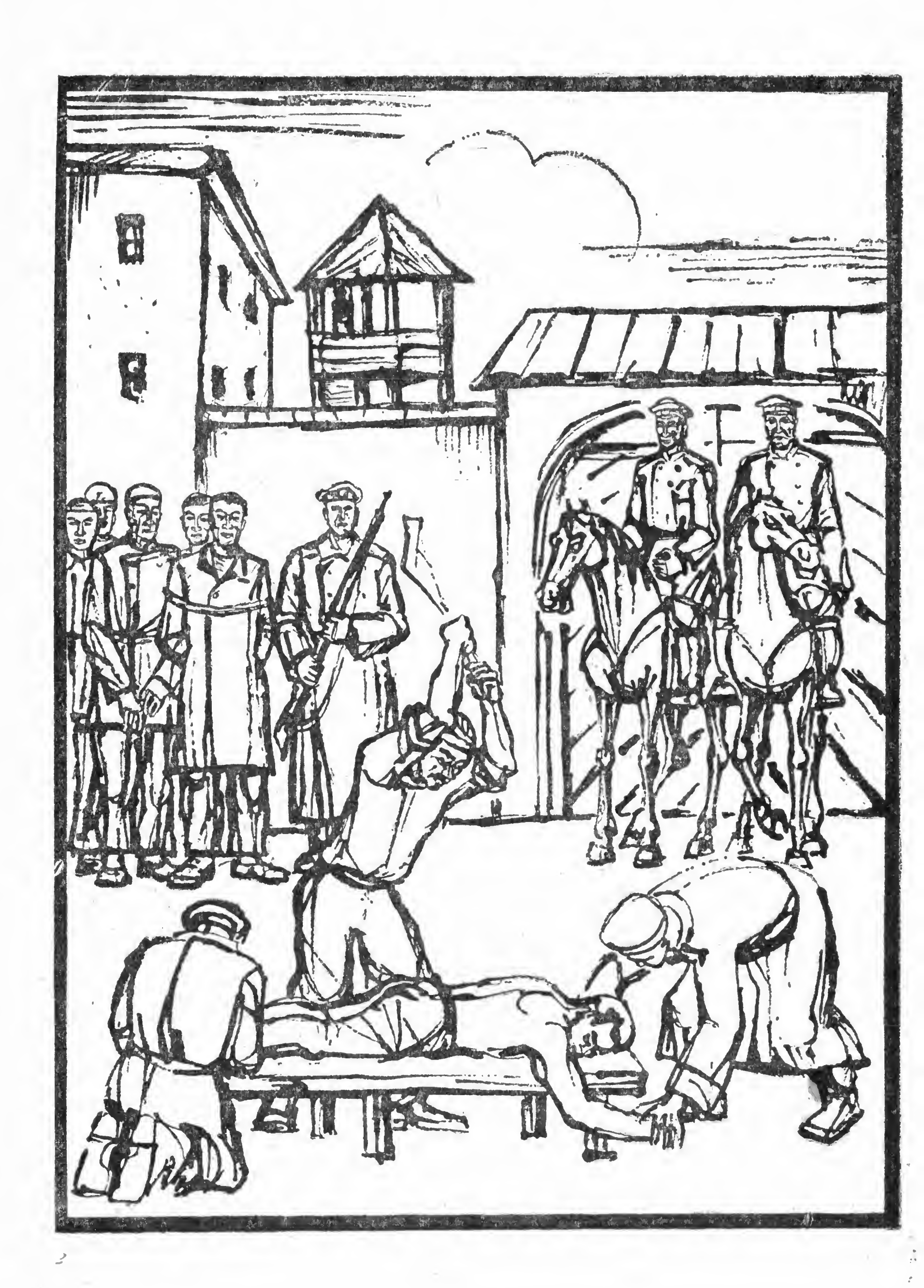

7-3-3
387—71

Вот они, быстротечные Едиль да Яик, не раз в верховья их устремляли герои свои челны.

Сакен Сейфуллин

Книга первая

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Хаким кончал в этом году реальное училище.

В городе у него были излюбленные места, которые он посещал каждый день. Никакая непогода не могла удержать его. Этими местами были клуб медиков и дом на Губернаторской улице с высоким крыльцом и зеленой крышей. Едва на землю опускались сумерки, как он спешил в клуб потанцевать с Мукарамой, а потом провожал ее по тихим, заснувшим улицам. Мартовские события, взбудоражившие город, нисколько не волновали Хакима. Он почти не ходил на съезды, куда стремились попасть все учащиеся; как-то случайно зашел с Мукарамой, но она сказала «скучно!»,— и он уже больше не помышлял об этом. Его не увлекали ни бурные споры товарищей, проходившие в общежитиях и ученических клубах, ни разговоры на улицах, Хаким отделился от друзей.

Сегодня он лениво лежал на кровати и, заложив руки под голову, вспоминал, как вчера вечером танцевал с Мукарамой, как провожал ее. Шли по освещенной стороне улицы, как хотелось Хакиму; ему было лестно на виду у всех идти рядом с Мукарамой. Возле дома с зеленой крышей и высоким крыльцом остановились. Мукарама пригласила его войти.

— Хаким,— негромко спросила она, когда они уже сидели в просторной и богато убранной коврами комнате,— что

вы думаете делать после окончания училища, останетесь в Уральске или поедете в свою, как ее... Джамбейту? Какое нехорошее название! — в голосе девушки и ласка и тихая, затаенная грусть.

— Когда я возле вас, моя звезда всегда надо мною,— сказал Хаким.— Работать в хорошем или жить в плохом городе — все равно, лишь бы быть с вами вместе,— он улыбнулся, довольный своим удачным ответом.— Но почему вы считаете Джамбейту плохим?

— Некрасивое название. Что это слово означает?

— Я же не словесник, чтобы знать значение каждого слова. В нашем языке много подобных слов: Анхата, Шидерты, Бульдурты, Уленты, Калдыгайты, Кокпекты...

— Ой-ой-ой! Какое множество «ты-ты-ты»!

— Можно сказать и Анхали, Шидерли, Бурдурли, Уленди, Калдыгайли! — добавил Хаким.— Со временем ученые напишут пудовые тома об окончаниях «ты» и «ли», доказав происхождение этих звуков своими тончайшими аргументами. Но что нам до этого!

— Вы не ответили на мой вопрос, Хаким.

— Где пожелаете, там и останусь. Только сначала надо окончить институт.

— Институт?! — воскликнула Мукарама и задумалась. Она вспомнила одного знакомого.— Хаким, вы знаете доктора Ихласа?! Он, кажется, тоже из Джамбейты. Красивый такой...

— Знаю, из наших мест. Да, он красивый человек. И жена у него красивая. И сын, должно быть, будет красивый.

— У него есть жена и сын? — удивилась Мукарама.

«Зря я все-таки сказал, подумает, что ревную...» — мысленно упрекнул себя Хаким.

— Мальчик у них совсем маленький. Ему около года. Они нам доводятся дальними родственниками.

Обоим стало неловко, и к этому разговору они больше не возвращались. Хаким все еще лежал в кровати и улыбался — так приятны были ему эти воспоминания. Но размышления о докторе Ихласе настораживали его. «Почему она так интересовалась доктором? Странно...— думал Хаким.— Но нет, не может этого быть, чтобы доктор ей... Нет, Мукарама любит меня. Конечно же, только меня».

За окном — весна! Тает. С крыш звонко, одна за другой, падают крупные капли; в косых лучах солнца, щедро льющихся через окно на пол, кружатся тысячи мельчайших пылинок. Беспрерывно чирикают воробьи. Рядком усаживаясь на карниз, они то вдруг с шумом взлетают ввысь, то опять возвращаются и клювами расправляют взъерошенные перья.

Хаким смотрит в окно и сладко потягивается. Воробьиное чириканье напоминает ему родной аул, такие же солнечные мартовские дни — ту беспечную детскую пору, когда он сбивал сосульки с карнизов плоских крыш, когда, взобравшись на сено, сложенное на крыше, ложился на солнечную сторону и часами наблюдал за перелетными птицами в бездонном голубом небе. Он считал и пересчитывал их и всегда сбивался со счета. Вспоминалась теперь и пестрая деревянная чашка с курткоже [1]. Хаким словно держит в руках эту пеструю чашку, слышит запах, чувствует, как текут слюнки... «Вот бы увидела Мукарама, как я пил из той чашки...» — думает он.

В комнату вошел его товарищ по училищу Сальмен, с удовольствием растирая мохнатым полотенцем раскрасневшееся тело. Косо посмотрев на Хакима, он недоуменно пожал плечами и прошел к своей койке.

А Хаким ничего не слышал и ничего не видел. Воображение рисовало ему глиняную землянку с тухлым, прокисшим воздухом, в одном углу жалобно блеет только что окотившаяся двойняшкой овца, в другом — он и Мукарама — молодожены. Мукарама, с детства привыкшая к роскоши, меняет свой уютный четырехкомнатный деревянный дом на сырую полуразвалившуюся землянку?.. Его любимая Мукарама, привыкшая к кровати с пружиной, белоснежным простыням... Нет, аульная жизнь — не ее удел. Да и сам он вдруг почувствовал, что не сможет больше жить в такой землянке. «Я должен остаться в городе. Я буду в городе вместе с Мукарамой!»

— Эй, Онеке, ты все еще лежишь? Дорогой мой, уже десять часов! — войдя в комнату, проговорил гимназист с худощавым лицом и круглыми большими глазами.

Хаким, не обращая внимания на вошедшего, продолжал беспечно смотреть в окно.

Сальмен пригласил Амира сесть.

— Сегодня жумга — день молитвы и праздника. Некуда идти, нечего делать, вот и лежим, отсыпаемся,— как бы оправдывался Сальмен. Он уловил в обращении товарища к Хакиму какую-то иронию, но, не поняв ее, решил тут же спросить: — Скажи-ка, Амир, что это за Онеке?

— Можно сказать и Евеке вместо Онеке. Суть не изменится. Все равно — покоритель неприступных женских сердец,— сухо бросил Амир.

— А-а, вон оно что,— протянул Сальмен.— Понял, понял: Евгений Онегин... Это наш-то Хаким?!..— И, хлопнув себя по колену, громко рассмеялся.

---

[1] Курткоже — суп, заправленный куртом.

— Эй ты, рыбак-баркин! [1] Да знаешь ли ты вообще что-нибудь, кроме чудака рыбака да судака-рыбки! Слушай, я тебе сейчас новость расскажу: и Овчинникова, и Макарова, и всех этих Акчуриных и Кубжасаровых обложили налогом. Каково?.. Теперь-то, наверное, придется им распрощаться с мельницами, заводами и всем богатством. Одно осталось — бежать. А знаешь, куда нынче буржуи собираются? В Барса-Кельмесскую область [2],— продолжал неугомонный Амир, толкая в плечо Хакима.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое,— хмуря брови, просил Хаким,— и без того не могу собраться с мыслями...

— Вставай, лежебока! Небось в любовной упряжке коренным идешь. Как по Абаю:

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Нечего сказать, красивая у тебя девушка. Сам видел: в момент одурачивает простачков! Смотри, Хаким, чтобы и ты не попался на ее крючок. Оторвешься от друзей — туго придется...

— Довольно! Сколько можно подшучивать?..

Но Амир не унимался:

Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет...

— Тьфу!..

...Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет...
Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред...

— Ну, чего замолчал? Пропой уж до конца.

— Ты, видно, не собираешься идти на собрание, самовлюбленный Нарцисс!..

— У меня сегодня много неотложных дел.

— Конечно, конечно,— к Курбановым зайти...

Хаким отвернулся. «Завидует...» — подумал он. Но прямодушный и находчивый весельчак Амир, несмотря на то, что Хаким отвернулся от него, продолжал со смехом:

— Хаким, дружище, зачем нам городские чиновничьи дочери? Неженки... Зачем ты спешишь с женитьбой? Повремени, мы найдем себе без восьми черных!..[3] Наших, простых, степных!

---

[1] Баркин — ветвь рода Байбакты, занимавшаяся рыболовством.

[2] Барса-Кельмесская область — дословно: поедешь — не вернешься.

[3] Без восьми черных — то есть без калыма. Обычно калым за девушку устанавливался в восемь голов рогатого скота, среди которых должны были быть четыре стельные коровы.

— Нет, Амир, твое деление на простых — степных — и городских — чиновничьих — неверное,— возразил Сальмен.— Ты как будто не невест, а скакунов себе выбираешь. И там и здесь есть хорошие и плохие девушки.

— В спорах рождается истина, как говорил наш филолог. Правильно, Сальмен, вступай в спор. Под простыми я подразумеваю дочерей трудового народа! Понял? То-то! — Амир назидательно поднял палец. Немного помолчал и заговорил совершенно о другом: — Вчера на заводе был митинг. Выступал Дмитриев. Жаль, что вас там не было. Вот оратор так оратор! Хорошо говорил, народу собралось много. После собрания его рабочие на руках вынесли... А сегодня состоится митинг фронтовиков. Одевайтесь, пойдемте! Будет очень интересно! Опять должен выступать Дмитриев.

Хаким встал с постели и начал одеваться, не поддерживая разговора Амира с Сальменом.

— Хаким, давай и мы сходим. Ты слышал, что Амир говорил? Там будут все студенты. А после митинга втроем зайдем в чайную и пообедаем.

Хаким отрицательно покачал головой и вышел.

2

Доктор Ихлас Шугулов, приехавший в город из Джамбейты, остановился у толмача — переводчика Минхайдара Курбанова. Встал он в это утро рано. Торопливо позавтракав, пошел на заседание земства, где вторую неделю обсуждались вопросы землеустройства.

— До скорого свидания, аже![1] — Доктор почтительно склонил голову перед бойкой старушкой с узкими, плутоватыми глазами.

— Счастливого пути, доктор! Не опаздывайте на обед,— ласково ответила старуха, провожая гостя.

— Постараюсь, постараюсь...

Когда за доктором захлопнулась дверь, старуха начала на все лады расхваливать его:

— Воспитанный человек, благородный, учтивый... Уходит — прощается, приходит — здоровается. Среди теперешней молодежи это клад, а не человек.

Молодой доктор нравился старухе не только своей учтивостью и изысканностью манер, но и щедростью. Старуха, хорошо знавшая цену деньгам, умела оценить и такое благородство гостя. На деньги, что давал доктор, можно было купить продуктов на целую неделю.

---

[1] Аже — бабушка.

— Видимо, правду говорили, что отец его — богатый человек. Да, видно, и сам он получает немалое жалованье, если имеет возможность давать деньги без счета... Красивый, очень красивый человек,— бормотала старуха, складывая в аккуратную стопку обесценивающиеся керенки.— С образованными людьми никогда не пропадешь...

Мукарама стояла перед трюмо и поправляла свои пышные волосы. Минхайдар просматривал «Уральский вестник». Они не обращали внимания на старуху. Толмач скользил глазами по заголовкам — неинтересно. Взгляд его остановился на объявлениях, набранных крупным шрифтом. Но и здесь он прочел только приказ наказного о поголовном взятии всех казаков на учет.

Свернув газету, Минхайдар положил ее на стол и несколько минут сидел молча, нервно покусывая ногти. Затем встал, прошел в свою комнату, переоделся и, вернувшись, задумчивым взглядом посмотрел на Мукараму. Она все еще стояла возле трюмо. Минхайдар позвал сестренку в свой кабинет.

— Мукарама, иди-ка сюда!

— Что скажешь, абый? [1] — спросила девушка, входя вслед за ним в комнату.

Мукарама знала: если брат вызывал ее в кабинет, то разговор предстоял серьезный. Она с нескрываемым любопытством смотрела в бледное лицо брата, стараясь угадать, о чем он будет говорить. Но лицо Минхайдара было непроницаемо — он умел скрывать свои чувства. Тонкие морщинки на нахмуренном лбу и всегда сжатые губы придавали его лицу суровый вид. Но Мукарама все же заметила внезапную перемену в брате за последнюю неделю: под глазами у него появились синие круги, и сам он казался помятым и измученным, словно не спал несколько ночей подряд. Брат теперь был холостым человеком, и Мукарама подумала: «Может, засиделся где-нибудь на гулянке?..» Но тут же отбросила эту мысль — ведь она видела, что всю ночь напролет в кабинете Минхайдара горел свет.

Толмач подошел к окну и, резко обернувшись, в упор посмотрел на сестру. Скрестив руки на груди, он медленно начал говорить:

— Когда умер ати [1], ты была еще маленькая. Растить тебя, воспитывать и учить — все эти обязанности легли на мои плечи. Ты это сама прекрасно знаешь. Вот и сейчас я частично выполняю эти обязанности. Ты окончила медицинские кур-

---

[1] Абый — старший брат *(татарск.)*.
[2] Ати — отец *(татарск.)*.

сы. Это хорошо. Но достаточно ли это образование? Нет. И это ты тоже отлично понимаешь. Ты должна поступить в институт. Но!.. Но что теперь делается в мире?! Все перевернулось вверх дном, все перемешалось и перепуталось, и учиться в такой обстановке, конечно, нет никакой возможности. Гражданская война!.. Долго ли продлится она, скоро ли кончится — известно одному аллаху. Я говорю это к тому, что тебе нужно начать работать по специальности. Кое-что я уже придумал на этот счет и хочу дать тебе сегодня совет, а заодно и предложить место, которое я подыскал, где можно хорошо устроиться.

Этот нравоучительный тон брата Мукарама знала отлично. «Опять советы...» — недовольно подумала девушка. Ей хотелось теперь поскорее уйти куда-нибудь, все равно куда, лишь бы не слышать монотонного голоса брата.

— Я все выполню, что бы вы мне ни сказали! — выпалила она и схватилась за ручку двери. Но тут же отдернула руку, испугавшись своих необдуманно сказанных слов: «Выполню все... А вдруг он что-нибудь предложит такое... Родной брат, а обязательно идет наперерез твоим желаниям...» Невозмутимый вид брата, его серьезный и настойчивый взгляд не на шутку встревожили Мукараму.

— Я присмотрел тебе место, где ты получишь хорошую практику,— снова начал Минхайдар.— Ты будешь работать с доктором Ихласом. Он согласен руководить твоей практикой. Этот человек — видный хирург.

— Здесь, в Уральске? — вырвалось у Мукарамы.

— Нет. В Джамбейте... Скоро этот человек, по всей вероятности, станет министром казахского правительства... Во всяком случае, доктор Ихлас и сейчас заведует уездной больницей. У него впереди большая перспектива, и, если ты захочешь, эта перспектива будет и у тебя.

— Абый, зачем иметь огромную перспективу где-то? Для меня как для медицинской сестры вполне достаточно и здешней городской больницы,— начала было возражать Мукарама, но брат тут же перебил ее:

— Ты же только что дала обещание, что будешь выполнять все, что я скажу.

Голос брата звучал властно и твердо, и Мукарама с гневом подумала: «Жестокий; безжалостный человек! Почти выгнал свою жену, заставил ее уехать к родителям. Теперь надо мной хочешь властвовать?..» Она презирала брата в эту минуту, ненавидела его всем своим существом, но не могла сейчас открыто высказать ему свое негодование. Стараясь скрыть нахлынувшие чувства, Мукарама отвернулась и тихо проговорила:

— Куда ты меня посылаешь? В глушь, с незнакомым человеком, одну...

— Не в глушь, а в уездный центр. Там у нас много знакомых татар. Я напишу письмо Валию Черному, ты у него остановишься и будешь жить. И не вздумай плакать, Мукарама, ты уже не девочка. Люди в восемнадцать лет государством управляют!.. Тебе необходимо ехать в Джамбейту и по другой причине, но... об этом разговор будет после. Так вот, слышала, что я тебе сказал? Все!

Не успела Мукарама опомниться, как Минхайдар вышел из кабинета. Она не слышала, как брат одевался в передней, как он вышел на улицу, громко хлопнув дверью; девушка стояла неподвижно, затуманенным взглядом смотрела в окно и обдумывала, что теперь будет делать. Брат тверд, он постарается выполнить все, что сказал.

Едва Минхайдар вышел из дому, в кабинет колобком вкатилась старуха.

— Ты поезжай, Мукарама, поезжай! Не противься своему брату. С доктором Ихласом не только в Джамбейту — в Стамбул можно ехать! Такой симпатичный человек, э-э-э...— протянула она.

Мукарама внимательно поглядела на старуху и мысленно отметила, что и она в последние дни как-то изменилась: оживилась, бойчее двигала руками, громче и торопливее разговаривала, и в глазах ее светился какой-то подозрительный блеск.

— Его отец, говорят, богатый-пребогатый,— тараторила старуха.— И сам он человек щедрый-прещедрый! Среди нас, татар, редко встречаются такие люди. Разве только Акчурины?.. Но они все семейные...

И Мукараме вдруг все стало ясно. «Неужели они меня за этого доктора?.. Вдвоем решили?.. Доктор Ихлас!.. «Жена... Ребенок...» — вспомнила она слова Хакима.— Нет, этого не может быть!» Она на миг увидела перед собой Хакима. «Нет, это невозможно!..»

— Знаю, трудно в молодые годы... Вместе гуляли, ходили на танцы, привыкли друг к другу,— словно угадывая мысли девушки, говорила старуха.— Но ты не унывай, таких студентов еще встретится много, ой как много! А такой милый человек, как доктор, встречается в жизни один раз, да и то только счастливой девушке.

— Я же, бабушка, не просила вас подыскивать мне счастливого человека! Женатого... с ребенком...— Губы девушки дрогнули.— Если бы была жива мама...— Она не договорила и стремглав выбежала из кабинета.

— Э-э, ты еще молода. Не понимаешь ты ничего,— сказала вслед ей старуха и покачала головой.

3

Никто не откликнулся в доме Курбановых, когда Хаким постучал в дверь. «Неужели Мукарамы нет дома? Но если ее нет, где же тогда старуха?» Он постучал еще раз, не очень сильно, но настойчиво. По-прежнему ни звука. Прислушался: в сенцах будто заскрипели половицы, и снова тихо. «Неужели ослышался?» Хаким громко застучал в дверь и прислонился ухом к замочной скважине. Молчание. Тогда он надавил плечом — дверь поддалась. Заглянув в небольшую щель, Хаким ничего не смог увидеть. Еще сильнее надавил плечом, но массивная зеленая дверь больше не поддавалась. Юноша растерянно стоял перед нею, не зная, что предпринять. Но вдруг его взгляд упал на перила, и он решил взобраться на них и оттуда заглянуть в окно. Прохожих не было, только в конце улицы маячила одинокая фигура. Хаким быстро вскарабкался на перила и заглянул в окно. Там в знакомом ему трюмо он увидел отражение девушки. Это была Мукарама. Она сидела на корточках, обхватив голову руками. Лица ее не было видно.

«Что с ней?.. Плачет?..» Хаким ясно видел, как поднимаются и вздрагивают плечи Мукарамы, и не мог оторвать взгляда от окна. Но с минуты на минуту могли появиться на улице люди, и это заставило его спрыгнуть вниз и снова подойти к двери.

По обеим сторонам крыльца стояли две скамейки. Чтобы не вызвать подозрений у прохожих, Хаким сел на скамейку с видом человека, который живет в этом доме. «Почему не открыли дверь? Мукарама, конечно, видела меня в окно... Может быть, случилось какое-то несчастье и она не хочет, чтобы я видел ее с заплаканными глазами? Но это глупо. Может, из-за меня что?.. Может, с братом поссорилась? Из-за чего? Они всегда жили мирно».

Немного повременив, Хаким снова настойчиво постучал в дверь. Но теперь, чтобы его не могли увидеть из окна, он плотно прижался к двери. Постучал второй раз, третий — нетерпение росло. Вот скрипнула дверь, и по полу легко зашуршали шаги. «Идет!..» Сердце гулко забилось в груди. «Обниму и крепко-крепко поцелую»,— подумал он и уже приготовился выполнить свои намерения, но дверь открылась, и на пороге появилась старуха.

— Вам кого? — сухо спросила она, словно никогда раньше не знала Хакима.

— Аже, я... Мне надо поговорить с Мукарамой по одному делу...— робко сказал Хаким и хотел войти, но старуха преградила дорогу.

— Мукарамы нет дома,— оборвала она Хакима и стала закрывать дверь.

Хаким не сразу нашелся что сказать; он успел просунуть руку, так, чтобы дверь не могла закрыться, и, собравшись с мыслями, проговорил:

— Аже, вы должны впустить меня. Я всего только на одну минуту. Одно только слово скажу и уйду. Ведь Мукарама дома, вон в той комнате сидит. Я ее видел...

Хаким замечал и раньше, что старуха с неприязнью относится к нему, но чтобы захлопывать перед ним дверь — этого не было. «В чем дело?..»

— Оказывается, ты не только под чужими дверьми околачиваешься, но и в чужие окна подглядываешь! — обрушилась старуха на Хакима.— Как это так — ни с того ни с сего ломиться и дверь к девушке? Где это видано? Вас только допусти, вы и в девичью спальню ворветесь!.. Мукарама больна и не велела никого впускать к себе. Убери руки и не хватайся.

Хаким вспыхнул, но сдержал себя и тихим извиняющимся голосом проговорил:

— Прошу прощения, аже. Я долго стучался, но никто не ответил. Вот и заглянул в окно. Ничего в этом плохого нет. Если Мукарама больна, то тем более я обязательно должен повидать ее.

— Нет, нет. Не велено!..

Но тут из комнаты в сенцы вышла Мукарама — Хаким увидел ее в просвет двери.

— Добрый день, Мукарама! Я хотел к тебе только на минутку, но аже не пускает меня. Мы никак с ней не можем договориться.

Девушка приоткрыла дверь, но молчала. Она безразличным взглядом обвела старуху и так же безразлично посмотрела на Хакима. Ее глаза, казалось, потускнели и были безучастными ко всему происходящему. Хаким растерялся. «Может, и в самом деле больна?» — мелькнула догадка. Он пристальней взглянул в лицо девушки, стараясь поймать ее взгляд, но она, как и в первый день их знакомства, смотрела куда-то поверх Хакима. Маленькая ямочка на правой щеке, которая всегда появлялась, когда она смеялась, теперь была еле заметна. Брови нахмурены, нижняя губа поджата. «Это что за перемена?» Робким, взволнованным голосом он спросил:

— Что случилось, Мукарама, что с тобой?

— Я вас не приглашала,— словно сдерживая гнев, ответила девушка.

— Да, мы условились встретиться в клубе, но вы же не запрещали мне приходить к вам домой! Я торопился увидеть вас!..

— Одного вашего желания недостаточно. Я в этом окончательно убедилась,— холодно проговорила девушка, все так же глядя поверх головы Хакима.

— Мукарама! — голос Хакима прозвучал умоляюще.—Что это? Я ничего не понимаю...

— Придет время — поймете.

— Мукеш, я ни в чем не провинился перед вами, чтобы так загадочно и холодно со мной разговаривать.

— Я никого не обвиняю, виновата сама...

Мукарама резко повернулась и ушла в комнату, Хаким ощутил на себе самодовольный взгляд старухи. Пока он раздумывал, входить или не входить, старуха захлопнула дверь.

Он все еще стоял перед дверью, когда его окликнули:

— А-а, молодой человек! Ты ко мне? Что, никого нет дома? — Вверх по ступенькам поднимался доктор Ихлас.

— Да,— растерянно ответил Хаким.

— Ну, садись на скамейку, присаживайся, побеседуем...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В только что организованном Совдепе разгорались бурные прения, а враги в это время тайно готовили заговоры.

Заседания Совдепа проходили почти каждый день — один за другим назревали неотложные вопросы, и их надо было решать. Члены Совдепа выступали активно. Особенно подолгу говорил член Совдепа Яковлев. Он начинал свою речь всегда с опровержения: «Это нереально, это неосторожный шаг...» Сколько ни проходило заседаний исполкома, какие бы ни разбирались на них вопросы, Яковлев неизменно твердил свое: «Это нереально...»

На вчерашнем заседании рассматривался вопрос о претворении в жизнь решений съезда о земельной реформе. Яковлев, взяв слово, начал мягко и слащаво, как неизменный советник-дядя, но таким тоном, назидательным и безапелляционным, что возражений после него не должно было быть.

— Пока мы окрепнем и станем твердо на ноги,— говорил он, обводя присутствующих недвусмысленным взглядом,— нам нужно всячески обходить трудности, иначе говоря, лавировать на водоворотах, чтобы не опрокинуло нашу ладью. Короче, надо врага резать ватой...

Во время его слащавой и безупречно гладкой речи учитель Червяков, назначенный комиссаром просвещения, нетерпели-

во ерзал на стуле, хмурил брови, недоумевающе поглядывал на председателя и, наконец, не выдержав, перебил оратора:

— По-вашему, товарищ Яковлев, скотопромышленник Овчинников придет сам в Совдеп и скажет, что у него из десяти тысяч десятин пахотных и сенокосных угодий девять тысяч девятьсот оказались лишними. Берите, мол, их, товарищи совдеповцы. Так, что ли?

Лицо Яковлева слегка потемнело.

— Вы искажаете мои слова. Я говорил совсем не так, как вы пытаетесь передать. Я подчеркивал и еще раз подчеркиваю, что вскрывать рану преждевременно не следует.

— Следует!.. Рана эта раскрылась давно и сама, сама раскрылась эта социальная язва и гноится только благодаря словам и делам таких нерешительных, как вы, товарищ Яковлев, и вам подобных р-рев-во-люционеров!

— Это, товарищ Червяков,— холодно возразил Яковлев,— с вашей стороны явное недопонимание сущности вопроса, схоластика, демагогическое рассуждение. Классовая борьба — это трудная и сложная борьба...

— Пролетариат сам возьмет власть в свои руки. А капиталисты и помещики никогда не скажут: «Нате, мол, возьмите, пожалуйста, бразды правления...»

Перепалка грозила перейти в ссору, которая затянулась бы надолго и отвлекла заседание от существа разбираемого вопроса. Споривших вовремя остановил председатель Совдепа Дмитриев. Он подчеркнул смелость и принципиальность суждений Червякова и дал понять Яковлеву, что тот неправ. Но Яковлев и на сегодняшнем заседании начал выступать с отрицания. А заседание было экстренное. Председатель Оренбургского Совдепа Самуил Цвилинг ночью вызвал к прямому проводу Дмитриева и сообщил ему, что Оренбургский Совет рабочих и крестьянских депутатов предъявил ультимативное требование Уральскому казачьему войску — в течение суток подчиниться местному Совдепу. Дмитриев доложил об этом членам Совдепа, и сейчас шло оживленное обсуждение, как и что нужно предпринять, чтобы заставить казаков выполнить это требование.

Особенно радостно встретил сообщение Дмитриева Червяков.

— Послать к наказному атаману парламентера и ускорить ответ! — возбужденно предложил он.

— Его надо заставить поскорее убраться отсюда подобру-поздорову. Пусть навьючивает свой атаманский скарб и уходит. Это лучшее, что можно сделать,— сказал Абдрахман Айтиев, исподлобья поглядывая на сидящего напротив Яковлева.

В плохо натопленной комнате холодно и просторно. В ней нет ни роскошных стульев, ни диванов — простые скамейки и дубовый стол, вокруг которого и сидят члены Совдепа. Их всегда шестеро. Они — в верхней одежде, в шапках, словно зашли сюда на несколько минут, чтобы переброситься словом, и сейчас снова пойдут куда-то по важным и неотложным делам. Только Яковлев выделяется среди всех. На нем дорогое драповое пальто, на голове черная шляпа, а на ногах дорогие ботинки. Осмотрительный и осторожный, Яковлев с привычным спокойствием адвоката выслушал Дмитриева, подождал, пока отбушевала волна возгласов и реплик, и взял слово.

— Нажим,— начал он осторожно,— оказанный Оренбургским Советом на правительство войска, и требования, предъявленные ему,— это всего лишь политический маневр, от которого нам ничуть не легче. В действительности же мы не получаем из Оренбурга ни вооружения, ни реальной помощи в людях. А сила противника? Обученные казачьи полки, готовые в любую минуту ринуться в бой и изрубить в куски всякого, кто попытается преградить им дорогу. Казаки, а это все мы знаем, народ отчаянный и безжалостный. Одно слово — го-лово-резы!.. Теперь позвольте мне задать вам такой вопрос: а чем располагаем мы? Какими силами? Добрыми желаниями и благими намерениями — и все, насколько мне известно. При таких обстоятельствах бороться с казаками, бороться всерьез — это нереально и смешно.

Яковлев говорил сидя, наклонив голову и рисуя что-то на бумажке.

— Что же тогда, по-вашему, делать? — спросил Дмитриев.

Яковлев резко поднял голову и, бросив короткий неприязненный взгляд на Дмитриева, мгновенно отвернулся к окну, чтобы этого взгляда никто не смог заметить. Но Айтиев, следивший за Яковлевым и Дмитриевым, заметил все: как скрестились их взгляды и в усталых глазах Дмитриева заблестели огоньки гнева.

Все еще глядя в окно, Яковлев продолжал:

— Товарищ Дмитриев, вы прекрасно знаете, что надо делать. Да и все мы, здесь сидящие, хорошо понимаем обстановку. Я только повторяю уже сказанное мною: в данный момент нам не следует резко нажимать на Войсковое правительство. Это, понимаете, нереально. От этого не будет никакой пользы, мы только нанесем колоссальный вред делу революции... Попробуйте сказать генералам и атаманам: «Сдайте оружие, расформируйте части и расходитесь по домам!» И не просто по домам, а в подчинение Совдепа. Что они на это ответят? Да они попросту разгонят Совдеп, а нас всех арестуют. Поиздеваются, а потом повесят или расстреляют. Истре-

бят всех, никого не пощадят. А мне, я думаю, так же как и вам, не хотелось бы болтаться по глупости на перекладине! — Яковлев нервно забарабанил пальцами по столу.

Дмитриев встал, бледное лицо его побагровело. Он говорил, стараясь скрыть волнение, но гнев все же прорывался, и речь его была пылкой и острой:

— Давно уже было предложено генералам Мартынову, Емуганову и Акутину подчиниться областному Совдепу, ликвидировать правительство и распустить войско. Таково решение съезда. И что же, товарищ Яковлев, эти генералы уже разогнали Совдеп и мы с вами висим на перекладине? Так, что ли? Или это нереально?.. Они боятся нас! Да, боятся. Но мы не боимся их и не собираемся складывать перед ними оружия. Совдеп существует, его не спрячешь в письменный ящик. Я не могу допустить, чтобы Совдеп бездействовал. Мы должны выполнить решения съезда и областного исполнительного комитета. Сил у нас для этого достаточно. Нужно только действовать смелее и решительнее. Да если бы большевики боялись арестов и гонений, то давно бы уже распалась наша партия или стала на путь соглашательства, как это сделал преподобный социалист Керенский, как это предлагаете теперь нам вы, товарищ Яковлев... Мы не можем принимать отступнических, половинчатых решений, ибо нас осудят массы, а это пострашнее всяких перекладин! — Дмитриев обвел присутствующих вопросительным взглядом: поддерживают его другие члены Совдепа?

По тому, как члены Совдепа одобрительно закивали головами, Дмитриев понял — поддерживают.

Поднялся Червяков:

— Даже в случае, если нас — меня, Дмитриева, Айтиева и других — арестуют, от этого дело наше не погибнет. Совдеп будет жить, на смену нам придут другие и заставят подчиниться Войсковое правительство. Ведь за нами, товарищи, народ. За нами тысячи сочувствующих нам граждан, я уже не говорю о революционерах, которые всей душой преданы революции и готовы в любую минуту идти за нее на смерть. За нами наше рабочее правительство и большая Россия. Если это так, а это так и есть, какое мы имеем право хоть на вершок уступать врагу? Никакого. Оренбургский Совдеп предъявил ультимативное требование, и мы должны заставить Войсковое правительство подчиниться этому требованию немедленно, в течение двадцати четырех часов!

— Это единственно правильное решение,— подтвердил старый юрист Бахитжан Каратаев, степенно поглаживая густую бороду.

— Правильно!

— Верно!

— Итак, товарищи, вы меня здесь назвали соглашателем и трусом? — Яковлев повернулся к столу и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Если бы я был трусом, не сидел бы два раза в тюрьме. Разве об этом никому не известно? Я должен вам сказать: нет и не было Яковлева-соглашателя, есть только Яковлев-революционер! Товарищ Дмитриев очень красноречив, но, я думаю, бросать колкости и давать клички здесь совсем неуместно.

Яковлев умолк, обиженно опустив глаза. В комнате наступила тишина. Все старались не смотреть на Яковлева. Лишь Айтиев нет-нет да бросал на него исподлобья косые взгляды. «Конечно,— мысленно рассуждал он,— человек ты, Яковлев, хороший, хваткий, иной раз даже и находчивый, но, джигит ты мой дорогой, у тебя только хороши слова, а как до дела — кишка тонка... Пальто у тебя красивое, и сам ты красивый, но лучше бы было, если бы дела у тебя были красивые, как у Дмитриева...»

— Так что же, Петр Астафьевич, кто пойдет к генералу? — спросил Червяков у Дмитриева.

— Я пойду! — Яковлев встал.— Посмотрим, кто трусливый, а кто стойкий. Я потребую немедленно выполнить ультиматум!

Дмитриев недоуменно пожал плечами: «Поступай как знаешь» — и, повернувшись к Мендигерею Епмагамбетову и Быкову, сказал:

— Не теряйте времени и поезжайте сейчас же, как уславливались. Вы готовы? — спросил он Мендигерея, широкоплечего человека в шинели.

— Собраться нам недолго, Петр Астафьевич, нужна только лошадь. Но лошадь, говорят, уже нашли. Мы с Быковым доберемся на его лошади до Требухи, а дальше поедем на свежих... Выедем сразу же после заседания,— заключил Мендигерей.

— Хорошо... Ну, товарищи, на этом заседание сегодня заканчиваем.

Комната опустела.

2

Перед Михеевым проплывала древняя Азия, как в сказке «Тысяча и одна ночь», с фантастическими городами, полными сокровищ, горами и полями, таинственными джунглями, кишащими тиграми, слонами, змеями,— обширнейший простор с бесчисленным населением, даровыми богатствами, двумя океанами и многочисленными морями, позволяющими плыть во все части света...

Вот она, величавая Приуральская низменность, как ворота соединяющая два материка. Через эту низменность лежал великий караванный путь в Азию. И славен подвиг первоказака атамана Ивана Кольцо, первым ступившего на эту благодатную землю.

Отделившись от буйной дружины Ермака Тимофеевича, Кольцо с небольшой горсткой людей двинулся вниз по Яику. На золотом куполе Сарая-Орды — ставки Ногайского хана — он сменил холодный полумесяц на свой победоносный флаг. Далеко вглубь зашел Иван Кольцо. Там, где ныне рассыпала избы станица Рубежная [1], уже давно сровнялась с землей забытая могила атамана.

Много унес в море воды Яик, много великих дел свершилось на его берегах. Одно за другим выросли военные укрепления, рождалось прославленное яицкое казачество — стальной щит Российской империи на дальней границе. Где вы теперь, закаленные в боях дружины Неплюева, Гурьева, Перовского! Неужели империя, создаваемая мечом и кровью в течение столетий, разлетится в один миг, как стекло? Казаки, герои казаки — надежда и доблесть России! Неужели вы смените шашки на посохи и палки, а властвовать будут неотесанные мужики и грубые мастеровые?.. Или возьмут над вами верх дикие киргизы и вы станете их рабами?..

— Н-нет! Не бывать этому! — Михеев встал и, заложив руки за спину, быстро зашагал из угла в угол просторного, отлично меблированного кабинета.

Яковлев шел по улице не торопясь, угрюмый и злой. «Все, кто приезжает из России, особенно петроградцы и москвичи,— хвастунишки,— ехидно думал он.— Видели там революцию, герои! Нет, революция совсем не то, что вы думаете, товарищи. С горсткой милиционеров и кучкой рабочих, причем бестолковых и безоружных, нечего соваться к казакам. Это наивысшая глупость. Только круглый дурак может не понимать этого. А заставить подчиниться казаков словами — это и вовсе смешно. Что им до наших слов, когда у них винтовки!..» Яковлев не верил, что можно сломить казаков, заставить их подчиниться Совдепу, однако все же шел в Войсковое правительство для переговоров с наказным атаманом Мартыновым.

Когда Яковлев отправлялся на переговоры, Айтиев предложил ему:

— Возьмите сопровождающих, вы же парламентер Совдепа! Одному неудобно идти...

Яковлев бросил короткий взгляд на Айтиева: «Держи свой

---

[1] Рубежная — самая старинная казачья станица на Яике.

ум при себе!» И, ничего не ответив, пошел один. Теперь, подходя к резиденции наказного атамана, он искренне сожалел, что не взял сопровождающих. Вдоль улицы и на крыльце толпились вооруженные казаки. Недоброе предчувствие охватило Яковлева, но отступать уже было поздно.

У входа его остановил дежурный офицер и, приняв за обычного просителя, начал допрашивать, по какому поводу и с каким заявлением он пришел. Когда Яковлев сказал, что он — один из руководителей областного Совдепа и требует встречи с наказным атаманом, офицер с любопытством оглядел его и потребовал документы. Он долго рассматривал поданную бумагу, потом покрутил ее в руках и повел Яковлева к дежурному капитану.

Услышав: «Член облсовдепа...» — капитан поднял голову и в упор посмотрел на вошедшего.

— Вашим вопросом сейчас занимается господин Михеев,— отрывисто сказал он.— Давайте заявление, я передам его лично в руки его превосходительства.

— Господин капитан,— бодрясь, начал Яковлев,— я приехал не для подачи заявления, а для ведения переговоров. Сейчас не то время, чтобы генералы презирали нас, трудовой народ, надо бы и вам это знать. Сейчас наша власть, и я требую...

— Господин Яковлев, нотации будете читать в другом месте и для другой аудитории. Здесь мы сами можем дать вам урок по политике! — грубо оборвал его капитан.— Однако, если их превосходительство пожелает побеседовать с вами, я доложу им о вас,— и капитан скрылся за массивными дверями генеральского кабинета.

Через несколько минут он вернулся в приемную:

— Их превосходительство господин Михеев просит вас к себе.

Невысокий подвижный мужчина средних лет с черными блестящими глазами и сединой на висках, Михеев встретил Яковлева, как хорошего знакомого. Добродушно улыбаясь, пожал ему руку и усадил в кресло. Сам сел напротив и заговорил о погоде, о затянувшейся зиме в этом году, о том, что в городе пустеют лавки, а товары не завозятся. Ни словом не обмолвился он о брожении в городе, ничем не упрекнул Совдеп и большевиков. Со стороны казалось, что Михеев был настолько далек от политики, что едва ли удастся с ним переговорить.

— Трудно теперь хорошего табачку достать,— продолжал Михеев,— приходится довольствоваться тем, что есть. Закуривайте,— он протянул Яковлеву роскошную коробку с

душистым турецким табаком. Лицо его расплывалось в улыбке.

«Какая благовоспитанность! Манеры!.. Какой культурный человек! — думал Яковлев.— Сразу видно: хорошо воспитан...» И он проникался искренним уважением к собеседнику.

— Извините, ваше превосходительство, но я не курю. Спасибо за угощение,— Яковлев почтительно наклонил голову.

Михеев, продолжая улыбаться, глазами настойчиво изучал собеседника.

Яковлев, когда входил к нему, намеревался сразу же пожаловаться ему на грубые поступки караульного офицера и дежурного капитана, но то, как принял его Михеев, разрушило его планы. Добродушие председателя располагало к другому — мирной беседе. Однако надо было что-то предпринимать. И Яковлев, борясь сам с собой, начал:

— Ваше превосходительство, уважаемый председатель, вы являетесь председателем Войскового правительства. А я, насколько вам уже известно, представитель областного Совдепа. По поручению исполнительного комитета я пришел к вам узнать, какой ответ вы приготовили на условия Оренбургского Совдепа.— Он вынул платочек и вытер вспотевший лоб.

Михеев ответил не сразу. Он с минуту сидел молча, словно вспоминая что-то и стараясь понять, о чем говорил собеседник, потом глаза его оживились, и он, растягивая слова, заговорил:

— Вы упомянули Оренбургский Совдеп?.. Да, да, что-то они нам присылали... какие-то требования или даже, кажется, ультиматум. Но позвольте, для чего этот ультиматум? Он уместен только там, где люди не понимают друг друга или не хотят понимать и вечно ссорятся. Но между нами... Беда, знаете ли, в том, что некоторые из образованных людей понимают нас неверно, а иногда просто совсем не понимают. Думают, раз генералы, значит, обязательно реакционеры. А ведь это далеко не так. Свобода человека, социальный прогресс, стремление к возвышению нации — это задачи века, и они одинаковы для всех. И мы, генералы, отнюдь не противники этому. А если кто и противится, то это только по недоразумению. Сами подумайте, господин Яковлев, какой безумец осмелится возражать против величия России? Кому не радостно сознавать, что Россия может стать в ряд великих держав с просвещенным народом, как цивилизованные западные империи?

— Ваше превосходительство, эти слова не прямой ответ на мой вопрос. Вы еще не сказали мне, когда признаете на-

родное правительство, когда подчинитесь областному Совдепу и, наконец, когда распустите ваше так называемое Войсковое правительство? — осмелел Яковлев.

Михеев в ответ громко рассмеялся. Яковлев побагровел, в нем заговорило самолюбие.

— Оренбургский Совдеп предъявил вам требование: подчиниться в течение суток! Вы должны это сделать мирным путем и немедленно. В противном случае, как только оренбургское войско прибудет, мы заставим вас силой выполнить ультиматум.

При этих словах Михеев потемнел, но стараясь скрыть свое волнение, неловко задвигался на стуле.

— Войско... В наше время всего можно ожидать: сегодня нет войска, завтра — вот оно! Но ведь мы не немцы, чтобы против нас выставлять войска? По меньшей мере это все странно. Ведь казаки — боже мой! — разве они добровольно отдадут свое оружие, господин Яковлев?! Нет. Это может решить только время. А кто же не подчинится народной власти?.. Постепенно, не спеша, как говорится, казаки и сами сложат оружие. А там уж ваше дело приучать их к мирной жизни. Кстати, господин Яковлев, ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: оренбургский комиссар, видимо, нерусский человек? Как его фамилия?..

— Цвилинг.

— Да, да, вспомнил... Так вот что я хотел сказать: в ваших Совдепах уж очень много Бронштейнов, Цвилингов, Фрунзе, Каменских. Скажите, отчего это у вас так много жидов и немцев? Да и сами вы, кажется, мордвин?

— Ваше превосходительство, вы шовинист. Мы не делим людей на нации. Все люди равны. А вас прошу не переводить разговор на другую тему.

— Хе-хе-хе!.. Извините, пожалуйста, если мои слова вас огорчили. Вы считаете меня шовинистом? Но разве это уж так плохо? Я не вижу в этом ничего предосудительного. Но вы, кажется, не удовлетворены моими доводами, господин Яковлев?

— По существу вы мне ничего не ответили. А ваши небылицы о том, будто казаки не хотят складывать оружия, рассказывайте детям. Возможно, они поверят вам. На самом же деле Войсковое правительство противится разоружению и настраивает казаков против Совдепа. Нам известно, господин Михеев, что вы накапливаете силы, вооружаете казаков. Я еще не встречал в жизни солдат, которые отказались бы вернуться в родной дом. Казаки — тоже солдаты.

— Хе-хе-хе, господин Яковлев, теперь мне видно: вы не русский и не разбираетесь в психологии казаков. Казаки —

это крестьяне. Но они не могут чувствовать себя спокойно, если рядом с плугом не воткнуты в землю сабля и ружье. Так у них спокон веку заведено. Это — традиция, и берет она начало с тех самых времен, когда казаки стали называться казаками. Изменить ее за день или за неделю абсолютно невозможно. По традиции казаки собрали Большой Круг и избрали себе начальников. А Круг созывался исключительно по воле станичных казаков. Удивительно, как вы не можете этого понять? Собственно, откуда вам, всем этим Цвилингам, знать быт и обычай русского человека, его душу — того русского, который называет себя казаком!.. Между прочим, господин Яковлев, вы большевик или меньшевик? — спросил Михеев, пристально глядя на Яковлева.

— Господин Михеев, извините, господин председатель, нет никакой надобности знать мои политические убеждения! — отрезал Яковлев, все больше и больше возмущаясь наглостью собеседника.

— Конечно, господин Яковлев, ваша воля — говорить или не говорить, каких вы придерживаетесь политических убеждений. Ведь и Керенский и Мартов — тоже социалисты. Но с ними можно вести переговоры, прийти к обоюдному согласию, а с большевиками, подчеркиваю — с убежденными большевиками, ни о чем невозможно договориться. Именно это я и имел в виду, когда спросил, к какой группе вы примыкаете.

«Что он, насмехается или выпытать что-нибудь хочет? — подумал Яковлев.— Правильно я говорил на заседании: с генералами надо разговаривать тогда, когда у нас будут вооруженные отряды. А пока — придерживаться политики: и вы хороши, но и мы не дурные... Посмотрим, товарищ Дмитриев, хватит ли у тебя геройства схватиться с казаками или нет?..» — мысленно укорил Яковлев председателя Совдепа.

— Итак, ваше превосходительство, вы не хотите по доброй воле подчиниться областному Совдепу? Хорошо. У меня больше вопросов нет,— проговорил Яковлев, вставая.

Михеев сделал вид, будто не расслышал его последних слов, и с удивлением спросил:

— Вы уходите?.. Вас отвезут на санях. Долг гостеприимства — тех, кто приезжает к нам с добрыми, мирными намерениями, встречать доброжелательно и с уважением. Вы не можете себе представить, господин Яковлев, какое огромное удовольствие доставила мне беседа с вами. Да, кстати, мы с вами могли бы хлебом-солью встретить вышедшие из Оренбурга войска. Только, к сожалению, я не знаю, роты это или полки? И когда они прибудут сюда? Вы, случаем, не знаете,

господин Яковлев? — Михеев подался вперед и замер, ожидая, что ответит Яковлев.

— Господин председатель, вы, наверное, лучше меня знаете, сколько дней потребуется войску, чтобы пройти расстояние в триста километров. Судя по вашим словам, сомнительно, что вы встретите Оренбургский отряд хлебом и солью... Впрочем, это доброе намерение. Будьте здоровы!

— Всего хорошего, господин Яковлев.

Слегка кивнув головой, Яковлев вышел из кабинета.

3

— Полезная болтовня!.. Хотел показать свою силу... Ясно: как мы и предполагали, из Оренбурга вышли войска. Когда я в разговоре между прочим спросил: «Роты это или полки?..» — он проговорился: «Отряд!..» Отряд — это около батальона, если верить словам Яковлева. Я ему не дал окончательного отказа, но и ничего конкретного не обещал. Держал, как говорится, на длинной веревке и вдалбливал в его дубовую башку, что казаки — исконные вояки, привыкли к оружию и не сразу их можно заставить жить мирно. «Надо,— говорю ему,— действовать постепенно, полегоньку, уговорами...» — говорил Михеев, сидя в кабинете у генерала Акутина.

— Он начальник их или рядовой? — спросил Акутин. Свинцово-бледное лицо его продолжало оставаться неподвижным и непроницаемым.

— Все они там начальники, а этот, что был у меня, кажется, тоже председатель. На язык остер, в шовинизме меня обвинил. Ха-ха-ха... А при следующей встрече непременно скажет: «Почему не становитесь большевиком?» — Иронизируя, Михеев поглядывал на дверь, словно Яковлев только что вышел из кабинета.

— Я думаю, вы закончили с ним как положено?

Михеев чуть сощурил глаза, он понял, на что намекал Акутин — на арест Яковлева.

— Куда он от нас денется, господин генерал? Ведь это дело нескольких часов.

«Хитрый же ты человек,— подумал Акутин, глядя на Михеева.— Старая хитрая лисица: не даст ни захлопнуть лапу в капкан, ни следов не оставит. Но ничего, всему свой черед. Придет время, запляшете у меня, как на ежовых шкурах, босоногое мужичье, серошинельники! Дайте только поднять казачков...»

Акутин сидел молча, свинцово-бледное лицо его, казалось, стало еще бледнее.

— По-моему, надо сначала прибрать к рукам поселковых совдеповцев. Ваше мнение?..— холодно обратился он к Михееву.

— Гм, гм, это, пожалуй, верно...

...Как ядовитая степная змея, готовясь напасть на жертву, зловеще шипит, поводя головой и угрожающе выбрасывая вперед жало,— белые генералы, притаившись, ждали удобного момента для нападения. Едва ушел Яковлев, они собрали военный совет. К атаманам казачьих станиц, расположенных восточнее города, поскакали нарочные с тайным предписанием: шестому полку Бородина совместно с дарьинскими казаками встретить Оренбургский отряд и разгромить его, не допуская до города; седьмому полку, соединившись с казачьими сотнями, движущимися со стороны Нижней Барбашевки, Бударина и Илецка, подойти к городу и быть готовыми к мятежу.

Руководство всеми операциями взял на себя генерал Акутин.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Когда Амир пришел на квартиру отца, во дворе стояла рыжая лошадь Быкова, запряженная в сани. Сам Быков сидел на санях, доверху нагруженных почерневшей кугой. Кивком головы поздоровавшись с незнакомым человеком, Амир прошел в дом.

Мендигерей сидел у окна и курил.

— Папа,— спросил Амир, подойдя к отцу,— далеко ль так рано собрался? В аул?

Мендигерей ответил не сразу. Он несколько секунд сидел молча, чувствуя смертельную усталость и страшную головную боль. Веки, казалось, налились свинцом и клонились книзу. Таким он вернулся с заседания Совдепа. Да и на заседании как-то был задумчив, не выступал, а только одобрительно поддерживал говоривших.

Вместо ответа он спросил сына:

— У тебя, случайно, нет порошка от головной боли?

Только теперь заметил Амир, что лицо у отца багрово-красное, а глаза помутнели, будто влажный туман гулял под ресницами.

— Ты болен, папа? Ты так изменился... А порошок, кажется, в кармане старого костюма... Я сейчас сбегаю.

— Нет, нет, не надо. Если здесь нет, то не ходи. Я сейчас уезжаю. Срочное дело, и задерживаться я не могу. Только вот ждал тебя, чтобы попрощаться.

— Так ведь у тебя температура! Смотри, как горят щеки! Разве можно в таком состоянии? Куда же ты едешь?..

Что-то тревожное проникло в сердце Амира. Мендигерей, задумчиво глядя на сына, сказал:

— Нет, у меня температура нормальная. А голова болит да болит... Это у меня иногда бывает, особенно когда долго не пью чай. Ты спрашиваешь, куда держим путь? В такое тревожное время люди предпочитают умалчивать, куда они едут и зачем. Наши деды говорили: «Сын узнает цену дитяти, когда сам станет отцом». Знай, и тебе придется не раз испытать такие поездки, и запомни: один ум — хорошо, а два — лучше, но услышанное не всегда способен удержать человеческий язык. Понял? Да, впрочем, Амир среди ваших студентов много горячих споров. Все вы еще молоды и будьте осторожны. Учтите, Войсковое правительство не дремлет, оно следит за каждым из вас. Если не преданный друг, не делись мнением. Абдрахман пока остается в городе, заходи к нему, слушай его советы...

Амир не перебивал отца, но в душе не одобрял его. «Едет больной, а куда — сказать не хочет даже сыну. Читает наставления...»

Отец заметил, как удивленно смотрит на него сын, и не выдержал:

— Еду в Оренбург по секретному заданию исполкома,— и, торопливо натянув шинель, Мендигерей крепко обнял сына и поцеловал.

— Папа,— попросил Амир,— если заедешь в аул, передай привет маме и скажи ей, что я тоже скоро приеду.

— Возможно, ты ее увидишь раньше меня,— понизив голос, сказал отец.

Сани скрипнули и заскользили по утоптанному снегу. Последние слова отца все еще звучали в ушах Амира. Он уловил в них какую-то неясную тревогу, но Мендигерея уже не было во дворе. Амир постоял с минуту, размышляя. Но, успокоив себя, вспомнил, что его ждет Хаким Жунусов, и поспешил к товарищу.

2

Рыжий конь бежал крупной рысью, сани легко катились по скованной утренним морозцем дороге. К полудню начало подтаивать, полозья врезались в мокрый снег, и конь заметно начал сдавать.

— Утомили коня... Дорога тяжелая, а розвальни — для тройки ломовых! Какой тут разговор про нас, сани б дотянул до места,— жаловался Мендигерей Быкову, шагая по обочине.

— Скоро хутор,— уверенно сказал Быков, глядя на потные бока лошади.— Сделаем остановку, покормим коня. Отдохнем, а к вечеру опять дорогу подморозит. Я думаю, доберемся. У нас обычно в эту пору снега уже не бывает, только кое-где по овражкам разве. А нынче что-то зима затянулась. А в ваших краях как? Наверное, уже настоящая весна?

— Нет, и у нас снег. Ведь аул-то мой вон в той стороне,— Мендигерей указал рукой на противоположный берег Яика.

— Вы женаты?.. И ребятишки, наверное, есть. Ждут...

— Есть, Игнат Иванович, и жена и ребятишки. И ждут, конечно. Но разве теперь до них! Контра революцию душит, а мы дома отлеживаться, хозяйством заниматься? Не такое теперь время. Вот покончим с буржуями, тогда и займемся хозяйством.

— Иногда думаешь, не лучше ли быть в такое время холостым, одиноким человеком. А у меня тоже — мать старенькая и жена с грудным ребенком. Как подумаю о них — сердце щемит. Уезжаешь, а душа там остается. Мало ли что может случиться. Да и в доме, сказать по правде, все время нужна мужская рука. А тут еще кулаки ворошиться начинают, угрозы разные, да и казаки нахохлились. Что им стоит — подожгут дом, и баста. У нас в селе народ не очень надежный. Кулаки задабривают, разные слухи пускают, а люди волнуются, черт их разберет, сами против себя идут,— делился Игнат своими тревогами и опасениями.

Сели в сани. Игнат сбоку смотрел на обветренное лицо Мендигерея, чуть выдвинувшийся вперед подбородок, мускулистую шею и крепкие плечи. «Сильный! Богатырь!.. Казахи обычно не имеют себе равных в кулачном и нагаечном боях. Мендигерей наверняка с одного удара свалит любого. А характер, видно, у него странный,— думал Игнат.— Как у нашего Василия... Он тоже вечно угрюмый. Но жалостливый, как малое дите...»

— Епмагамбетыч, не холодно? Солнце — оно светит, да не больно греет. Ветерок сырой, в шинельке-то застыть можно.

— Ничего, не застыну. Шинель хоть и старая, но греет еще. У меня под ней кожаная куртка,— и, достав кисет, свернул цигарку. Полуобернувшись, прикрываясь от ветра, чиркнул спичкой. Заклубился синий дымок. Мендигерей с удовольствием затянулся несколько раз и развалился на жесткой куге, удовлетворенно расправляя плечи. Он наблюдал, как догорает цигарка, и осторожно стряхивал пепел в снег.

В хуторе, где они остановились, чтобы покормить коня и дать ему отдохнуть, Мендигерей пристроился возле весело потрескивавшей печки и молча курил.

Обедали скупо. Поели хлеба с молоком, и Мендигерей стал торопить Игната с выездом.

Отдохнувшая лошадь весело бежала по накатанной дороге. Когда до села, куда они намеревались попасть дотемна, осталось семь верст, рыжий конь, усталый и вспотевший, едва передвигал ноги.

— Вообще-то он у меня резвый, без кнута ходит,— пытался оправдаться Игнат.— А в городе какой уход? Отощал, вот и плетется еле-еле. Но, Епмагамбетыч, теперь, считай, доехали. Что тут осталось?.. Ерунда. Давай-ка закурим еще разок и — дома...— Игнат соскочил с саней и, достав кисет, стал на ходу сворачивать цигарку.

Солнце садилось. Над горизонтом темно-синей чертой стыло облако. Багрово-красные потоки солнца словно подпирали его и, пронизывая, окрашивали небо в яркий багрянец. До захода, как мысленно определил Мендигерей, оставалось не больше одного аркана-бойы [1]. К лесу, что виднелся на противоположном берегу, летели стаи ворон.

Игнат, глядя на запад, покачал головой:

— Кровяной! Жди похолодания...

— Это хорошо,— отозвался Мендигерей.— Подмерзнет дорога, быстрее поедем. Время, время нам выиграть надо. Чем скорее, тем лучше. Кстати, мы долго не будем задерживаться у вас. Перекусим и сразу же дальше. Пусть ночью, все равно. Как ты думаешь, Игнат Иваныч, лошадь найдем, а?

Но Игнат почти не слушал Мендигерея. Он пристально всматривался в дорогу — вдалеке маячил одинокий всадник.

— Кто это так спешит, Мендигерей, погляди-ка... Да, ты спрашиваешь, найдем ли лошадь? Найти-то найдем, да как бы в тепле в сон не потянуло.

— Нет уж, на этот раз сон отставить. Отоспимся после. Главное — лошадь найти... А верховой, видно, тоже в село торопится. Скажи, куда эта дорога ведет?

Они стояли на обочине и курили. Вместе с ними отдыхал и рыжий конь.

— На Дарьинку.

— Ну, трогай! Рыжик немного отдохнул. Это все сани проклятые, а то бы давно были дома.

— Едем! Едем!..

---

[1] Аркан-бойы или тусау-бойы — характерные выражения у казахов при определении времени по солнцу (до захода оставалось не больше двух-трех метров).

Игнат пошел вперед. Конь без понуканий и окриков дернул сани. Повеяло жильем. Рыжий навострил уши и пошел быстрее, он чуял близкий отдых и корм. Игнат и Мендигерей теперь едва успевали за ним. Вскоре их нагнал верховой. Зорко блеснули глаза казака. Он оглядел с ног до головы идущих по обочине людей и, нахлестывая лошадь, поскакал дальше.

— Младший сын зажиточного казака Калашникова,— бросил вслед ему Игнат.— У отца две мельницы, около пятидесяти десятин земли, скота целый табун, да и курень ладный. Это один из самых клыкастых мироедов. Но в этом году ему пришлось здорово раскошелиться. Придавили налогами. Его да еще одного такого же мироеда, Пескова. Заставили сполна уплатить зерном. Злобствуют теперь. Недавно пытались поджечь поселковый Совдеп, но не удалось. В дни съезда наши ребята опять немного прижали их... А сын Калашникова, этот, что проскакал, три месяца в Дарьинке был. Там ведь целая школа организована, готовят войсковых офицеров. Видали на нем погоны?.. Скороиспеченный хорунжий. Вот такие-то и будут поднимать бунт, гады! — выругался Игнат, глядя вслед всаднику.— Если им представится хоть малейшая возможность, они, конечно, поднимут бунт.

— Как звать Калашникова?

— Захар. Что, вы знакомы с ним?

— Нет. Откуда мне его знать? Так просто спросил, вспомнил нашего Калашникова. И у нас такой же зажиточный Калашников. Нашего зовут Иннокентием.

— Гм, да,— пробормотал Игнат.

Он тоже теперь думал о другом — о доме: «Догадалась Марфуша баньку истопить или не догадалась?.. В самый раз бы теперь попариться...»

Думая каждый о своем, Мендигерей и Игнат шли молча. А конь все ускорял и ускорял шаг — порожние сани везти было легко, да и дорога под вечер снова взялась ледяной коркой.

Сгущались сумерки. Далекие избы деревни сливались с синевой неба. Подтаявший за день снег казался пепельно-синим. Наезженная дорога, темная от раструшенного сена и конского навоза, черной змейкой разрезала степной простор.

Село уже было совсем близко. Игнат и Мендигерей сели в сани. Предстояло еще переехать глубокий овраг, а там и село. Рыжий конь временами переходил на рысь.

Щеки обжигал морозный ветерок, бодрил усталое тело. Близость дома и тепла ощущали и люди. Бесконечные собрания, многочисленные хождения по неотложным делам в го-

роде утомили Игната, и теперь, в ожидании близкой встречи с семьей, он повеселел.

Глухо стучали копыта о затвердевший снег дороги, поскрипывали полозья.

Подъехали к краю оврага. На спуске конь замедлил шаги, настороженно задвигал ушами, зафыркал. На дне оврага, сгрудившись на дороге, стояли всадники. Игнат не сразу сообразил, что это за люди и с какими намерениями собрались здесь, но почувствовал, что они затевают что-то недоброе. Он схватился за вожжи, но было уже поздно — сани скатились в овраг и врезались в толпу всадников.

— Стой!

— Кто такие?

— Быков, ты, что ли?

Игнат по голосу узнал Остапа Пескова. Одновременно он увидел склонившееся злое лицо Архипа Волкова, бесшабашного сельского пьяницы, который за стопку самогона мог сделать любую подлость.

— Поворачивай лошадь, к атаману поедешь! — заносчиво крикнул он.— А это ктой-то с тобой, комиссар?..

С другой стороны саней гарцевал на потном коне хорунжий, тот самый хорунжий, что час назад обогнал их по дороге.

— Сабли наголо! — скомандовал он казакам.— Архип, бери коня под уздцы! — И, обернувшись к Игнату и Мендигерею, визгливо добавил: — Именем Войскового правительства вы, красная комиссарская сволочь, ар-рестованы! Обыскать!..— Голос у хорунжего тонкий, бабий.

Игнат растерялся, испуганно оглядывал окруживших сани всадников,— все они были знакомые, но чужие и злые. Мендигерей слез с саней и низким баском проговорил:

— Кто ты: разбойник с большой дороги или человек, с которым можно говорить по-человечески? Ты что тут беззаконие творишь?

Мендигерей искоса взглянул на сани, где под кугой была спрятана винтовка. «Не успею,— подумал он,— придется с одним наганом...» Он выхватил из бокового кармана наган.

— Разговаривать будешь у атамана!

— У меня нет никаких дел к атаману.

— Зато у нас есть дело к красным комиссарам. А ну, обыщите его, живо!

Мендигерей понял, что так просто не отделаться, и приготовился к обороне. Когда один из казаков слез с коня и подошел к нему, чтобы отобрать наган и обыскать, Мендигерей с силой оттолкнул его и побежал к берегу, где за обрывом

можно было спрятаться и отстреливаться. За ним погнались три казака, выбросив вперед сабли.

— Догнать!.. Зарубить...— истерически кричал хорунжий.

Полуобернувшись, Мендигерей, не целясь, дал несколько выстрелов по казакам. Он был уже на краю обрыва, еще секунда — и он в укрытии. Но страшный удар по голове сбил его с ног. Он качнулся и, словно бычок, что собирается бодать, ткнулся головой в снег. Второго сабельного удара уже не почувствовал...

Выстрел вывел Игната из оцепенения. Он увидел бегущего к обрыву Мендигерея и гнавшихся за ним казаков. «Помочь, помочь добежать!..» — мелькнуло в голове. Игнат выхватил из-под куги винтовку и, щелкнув затвором, стал целиться в нагонявшего Мендигерея казака. Но выстрелить не успел. Кто-то ударил его нагайкой по лицу, потом чем-то тяжелым по голове... Руки онемели, по телу разлилась теплота. Он не слышал, как на него навалились казаки и, заламывая руки, начали связывать.

— Трогай,— скомандовал хорунжий, когда покончили с Быковым.

Ни скрипа саней, ни быстрого бега усталой лошади не чувствовал Игнат; изредка, когда на минуту к нему возвращалось сознание, до слуха его доносилась злобная ругань казаков.

3

Марфа Быкова, поджидая уехавшего мужа, покормила дочурку и попросила свекровь:

— Покачайте внучку, а я пойду запру Машку в коровник. Что-то она все к воротам подходит и мычит. Чего доброго, убежит в степь телиться...

Девочка махала ручонками, хваталась за платье матери.

— Ишь, ишь что делает, непоседушка ты моя,— говорила старуха, беря на руки внучку.— Ишь как брыкается, как не хочет к бабушке!.. Ну идем, идем, деточка, идем, пташечка ты моя, не будь шалуньей. Озорницей растешь, вся в отца...

Марфа улыбнулась:

— Разве Игнат озорником рос?

— Еще каким!.. Все в нашем роду шустрые.

Она села с внучкой на скамейку. Девочка опять начала вскидывать ручонками, стараясь ухватиться пальчиками за сморщенный подбородок.

— Спи ты, неугомонная! Баюшки-баю...

Вечерело. В комнате сгущался полумрак. Бабушка в тем-

ноте видела плохо, она скорее почувствовала, чем заметила, что Марфа чему-то улыбается.

— Ты чему это радуешься?

— Так просто. Вы назвали Игната озорником, а мне кое-что вспомнилось, вот и улыбаюсь.

— Если бы Игнашка мой не был шустрым да смекалистым, навряд ли твой отец выдал бы тебя за него замуж. Василий у меня — учитель, Игнат — всем селом управляет!.. Разве плохие у меня дети? — В голосе ее звучала гордость за детей. Неожиданно понизив голос, она начала сокрушаться: — Где Игнатушка так долго?.. Вторая неделя идет, а он все не возвращается. Уж не заболел ли? Марфуша, может, он сегодня приедет, затопила б ты баньку, а?

Девочка, задремавшая было на руках бабушки, проснулась.

— Спи, спи, моя крошечка, уже ночь... Баю-бай!..

Но девочке, очевидно, не хотелось спать. Она повернула головку и, увидев знакомую пеструю кофту, потянулась к ней.

— К мамке захотела, ах ты стрекоза! Все к мамке да к мамке, а бабушка чужая, что ли?

Девочка слушала и улыбалась, но ручонки ее по-прежнему тянулись к матери.

— Возьми ее, Марфа, она у тебя быстрее заснет, а Машку в коровник я сама запру. Да за печкой последи, чтобы пироги не подгорели. Игнаша-то весь в отца, чуть подгорелое — в рот не возьмет. Отец, бывало, чернее тучи ходил, если на столе замечал подгорелый пирог. Аккуратность любил.

Старуха набросила на голову шаль и вышла в сенцы.

Марфе шел тридцатый год. Ее муж Игнат на крестьянском сходе в феврале был избран председателем поселкового Совдепа, а в марте тот же сход послал его депутатом на областной съезд. На съезде его избрали членом исполнительного комитета. Подходила к концу вторая неделя, как он уехал в город. Дома беспокоились, все глаза проглядели, поджидая, а он все не возвращался. «Неужели забыл нас? — думала Марфа.— Лучше бы его не выбирали никуда, жил бы себе и жил спокойно, так нет... Что я сделаю одна со старухой да с ребенком?.. Скоро пахать надо, а там сенокос... А Песковы-то и Калашниковы — словно озверели. Как они давеча смотрели на меня?.. Злятся на Игната, что налогами большими обложил. Ну и что ж, у вас есть чем платить, уплатите... А Остап-то Песков что вчера говорил: «Как поживаем, комиссарша Быканиха?..» Затевают что-то они, глаза волчьи... Скорее бы уж приезжал, что ли!..»

Она положила девочку в люльку и подошла к печке. Пла-

мя осветило полное красивое лицо Марфы. Она взяла кочергу и стала разгребать угли. До слуха донеслись какие-то непривычные гулкие звуки. Марфа не поняла, то ли это кочерга тарахтела о раскаленные кирпичи, то ли что-то другое. Она притихла, вслушиваясь. Где-то за селом глухо ухнуло, и еле слышно задребезжали стекла. Марфа торопливо подбежала к окну и отдернула шторку — на улице ни души, тихо, темно. «Может, стрелял кто?» Если бы Марфа в эту минуту была на улице, она услышала бы шумный говор людей, доносившийся из оврага, выкрики и удары плеток.

Выстрелы больше не повторялись.

В сенцах опять заскрипели половицы, это торопливо входила старуха. Она шла и разговаривала сама с собой:

— Надоели холода... Когда же, в конце концов, наступит тепло? Опять подул ветер, да такой холодный, ажно за нос и щеки щиплет. Залютуют морозы, но все равно зиме теперь недолго царствовать.— Старуха вошла в комнату.— Не беспокойся, Марфушенька, Машку я загнала. И соломки свежей подстелила — отелится она нынче ночью. Посмотрела я сейчас на нее — вся в мать свою, вся в Субботку. Та, бывало, точь-в-точь так: как телиться, так к воротам. А ворота сама открывала, рогами... Подденет засов и выходит на улицу. И Машка норовила открыть, хорошо, что мы вовремя спохватились, а то тоже бы ушла...

— Ведь на улице стреляли, разве ты не слышала?

— Стреляли?.. Не слышала, милая. Да хоть бы и из пушек палили, все одно не услышала бы. Уши-то у меня закутаны, видишь. Завязала их, чтобы не простудить. Да, так про Машку... Ушла бы за ворота, наделали бы мы с тобой делов! Ветер лютый, так под ноги и подкашивает, где бы мы ее искали в такой мороз? Да и теленок замерз бы... С Субботкой у нас однажды такой случай был. Недоглядели, ушла она со двора, и с концом, а тоже вот-вот отелиться должна была. Искали и ночью и днем — нет нигде. Игнаша все лощинки, все овражки излазил вдоль и поперек, с ног сбился, а Субботки нет. Я по берегу Яика искала, почти до другой станицы доходила и тоже не нашла. Мы уж и в табуне смотрели, и под каждый кустик заглядывали, ровно как в землю провалилась. Полтора суток мучились, да так ни с чем и вернулись домой. Загоревали, грешным делом стали подумывать, не увел ли кто нашу Субботку?.. А случилось это как раз за неделю до Ивана Купалы. Стояли теплые дни...

— Так и не нашли? — спросила невестка, чтобы прервать некстати начавшийся длинный рассказ свекрови. Но это не так-то просто сделать, раз старуха начала, она обязательно доскажет все, что хотела.

— Ты погоди, не спеши, ведь Субботка как раз телиться должна была в ту ночь...

— И отелилась?..

— Отелилась.

— Сбросила, поди, телка где-нибудь в овраге...

— Ох, какая ты умная! Курица и та над цыплятами дрожит, покуда не выходит, а ты хотела, чтобы корова бросила своего телка. Скотина — она, что человек, а может, еще и пуще за свое чадо трясется. Вот как оно, милая. Корова своего телка за пять верст найдет. Через полтора суток объявилась наша Субботка, вечером с табуном пришла домой. Пастухом у нас тогда дед Василь был. Подзывает меня к воротам и говорит: «Анастасия Васильевна, корова твоя, наверное, в роще отелилась, потому как в обед гляжу: идет из кустов, покачивается... А брюхо-то под ребра подтянуло. Точно отелилась. Телка́-то, поди, в кустах спрятала, от ревности, по своему коровьему разумению. Это у них бывает так, прячут. Идем завтра со мной на луг и покараулим: как Субботка отколется от стада, прямо за ней иди, да только не спугни смотри, она и приведет тебя прямо к телку...» — «Ладно,— говорю ему,— обязательно приду». Дед Василь ушел, а я к Субботке — и впрямь бока у нее впалые, вымя потрогала — пустое. Видать, телок-то все высосал. «Субботка, говорю, где ж ты бросила своего теленочка?..» А она как замычит, будто понимает все. Ходит по двору, словно ищет что-то, и мычит, да жалобно так. Закрыла я ворота, засов веревкой привязала и ушла в избу. Ночью слышу — ворота скрипят. Выбегаю: Субботка рогами поддела засов и норовит сорвать его. А он не поддается, привязан крепко. До самого утра не смыкала я глаз, все следила за ней, чтобы не ушла, случаем. На зорьке отвела в табун. И что ты думаешь, Марфуша, как только дед Василь выгнал табун на луг, Субботка помычала, помычала и прямо к роще... Я за ней... Игнашку-то не будила, пусть, думаю, поспит, сама справлюсь. Мешок с собой прихватила. Иду, значит, следом за Субботкой, еле поспеваю — торопится она, торопится. Почти уж бегом бегу, чтобы из виду не потерять. Спустилась Субботка к реке, помотала головой — и к даче атамана... И так она несколько раз: то к реке, то к даче, то к реке, то к даче, следы, значит, запутывала. Скотина, а соображает. Потом все-таки пошла на дачу. Тут, в кустах, я едва не потеряла ее,— несется как ветер, только спина да рога мелькают. Выбежала на полянку, живот поджала да как замычит, жалобно, призывно, вроде бы и голос-то не ее. Гляжу: из травы выскакивает теленок. Маленький, ножонки тоненькие, будто хворостинки, а самого так и качает из стороны в сторону. Не к матери он по-

шел, а в другую сторону... Шел, шел — да как взбрыкнет и пустился вскачь. Субботка за ним и мычит. Остановился телок, прислушался — мать ли?.. И — раз Субботке под ноги. Залез, и не видать его, только слышно, как чмокает... Вот она какая у скотины любовь к своему чаду — телиться подальше от людей ушла, да и показывать телка-то не хотела, покуда не окрепнет, а ты: «Сбросила...» Кабы сбросила, не было бы у нас Машки.

— Я же никогда об этом не слышала... кажется, кто-то к воротам подъехал!..— насторожилась Марфа.

Она кинулась к окну и, прижавшись лицом к стеклу, стала всматриваться в ночную темень.

— Рыжик у ворот, а Игната что-то не видать,— торопливо проговорила невестка и так, без платка, бросилась к дверям.

— Шаль-то хоть накинь, простынешь! — крикнула ей вслед старуха.— Игнат-то прозяб, поди, с дороги, коня помогла бы распрячь да завести в конюшню...

Но Марфа была уже за дверями.

— Разве послушается когда-нибудь,— ворчала старуха.— Такой ветер на улице, а она с открытой головой! Платка, что ли, нету аль шубенки...— Она подошла к печи, отодвинула заслонку и стала смотреть, хорошо ли зарумянились пироги.

Подбежав к воротам, Марфа не сразу отодвинула засов. Она сначала через плетень выглянула на улицу — у ворот действительно стоял Рыжик, помахивая головой и позвякивая удилами. Увидев Марфу, он потянулся к ней мордой и жалобно заржал. Марфа искала глазами Игната: «Может, пешком шел, приотстал...» Но на улице никого не было. «Может, в Совдеп зашел?.. Или к Ивану Андреевичу?.. Где же это он?..» В соседней избе, где жил шорник Иван Андреевич, горел свет. Марфа подбежала к окну и, приподнявшись на носках, заглянула в комнату. Ветер трепал ее волосы, леденил щеки, поднимал подол платья, но она ничего не замечала — думала только об одном: «Где Игнат и что с ним?..» Предчувствие чего-то недоброго охватило ее.

В избе соседа тускло горела лампа. Иван Андреевич сидел на маленьком стульчике и сучил дратву. Игната в комнате не было.

Марфа вернулась к воротам и завела Рыжика во двор. «Придет...» — мысленно успокаивала она себя, распрягая потного коня. И только тут заметила, что вожжи волочились по земле, концы их были покрыты ледяной коркой. Это еще больше встревожило ее. Она отвела Рыжика под навес и,

вернувшись к саням, достала из-под куги коврик и понесла его в дом.

— Мамаша, Рыжик без Игната пришел! — испуганно проговорила она, дрожа от волнения и холода.

Она развернула коврик и при свете лампы увидела на нем темные пятна. Поднесла коврик ближе к свету — кровь!.. Марфа с ужасом смотрела на пятна и не могла выговорить ни слова, посиневшие губы ее дрожали, коврик выпал из рук. Подошла мать и тоже, бледная и испуганная, начала рассматривать пятна. Кровь еще не замерзла, пальцы прилипали к коврику.

— Батюшки, что же это такое? — зашептала Марфа.— Убили!.. Убили!.. Ведь стреляли, стреляли, я сама слышала! — Она застонала и, закрыв лицо ладонями, опустилась на колени.

«Боже, боже...» — шептали губы. В голове возникали и проносились картины одна ужаснее другой. Убили, убили, и лежит он теперь в снегу и замерзает... Она вспомнила перекошенное в ехидной улыбке лицо кулака Пескова, его злой, ненавистный взгляд, словно вновь услышала его насмешливый голос: «Быканиха, скоро придем к тебе свататься...» Марфа с ужасом догадалась, что это они, Песков и Калашников, подстерегли Игната и убили...

— Это Песковы подстерегли его, Песковы. Звери, волки!.. Напали, наверное, на одного, избили до полусмерти и бросили где-нибудь на дороге... Разве от них отобьешься, волки и есть волки, стаей ходят, всем родом. Испокон веку подлость творят, и дед был кровопиец, и отец, и сыновья такие же, что им стоит загубить душу!.. Беги, Марфуша, к Василию и скажи, что мол, Игната Песковы избили...

— А может, к атаману?.. Может, он лучше?..

— Нет, нет, иди к Василию, пусть он его поищет. Ты — женщина, что ты сможешь сделать? Да и атаман тебя слушать не станет. Он тоже из того же рода, что и Песковы,— волки!.. Беги скорее, Марфушенька, к Василию.

Марфа накинула шубенку и побежала к дому Василия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Хаким почти не слушал доктора Ихласа, его интересовало другое, другие были у него мысли — он старался разгадать, что значит: «Придет время — все узнаешь...» Странно вела себя сегодня Мукарама, говорила резко и даже грубо!..

А старуха?.. О, эта проклятая старуха, поговорить не дала как следует... Хаким думал обо всем этом и не мог ничего понять. Он почти не слушал, что говорил ему доктор Ихлас, и безразлично кивал головой.

— Ты где собираешься проводить лето — в городе или в ауле? — спросил Ихлас.

Хаким не понял вопроса и бессмысленно ответил:

— Да.

— В ауле неинтересно, да и делать там сейчас нечего — скука. А в городе, пожалуй, можно интересно проводить время,— продолжал доктор, не обратив внимания на то, что Хаким ответил невпопад.

Он давно уже с любопытством присматривался к красивому лицу Хакима, к его тонкой и стройной фигуре, с завистью отметил, что юноша стал очень симпатичным молодым человеком и, пожалуй, красивее его, доктора. Раньше Ихлас был твердо убежден, что он самый красивый из казахов. Об этом говорили ему женщины. Вот и вчера на балу у барона Дельвига Ольга Константиновна — жена самого Жаханши Досмухамбетова — восхваляла его красоту.

— Жаханша, взгляни, пожалуйста, на Ихласа Чугуловича, ведь вправду он — красавец! — восторженно говорила она мужу.— Нашему доктору только в Петербурге на балах танцевать. Он бы непременно имел успех! Будь я чуточку помоложе, обязательно бы влюбилась в доктора Ихласа, и ни в кого больше. Я и сейчас немного влюблена в него...

Хотя Ихлас и любил, когда ему говорили комплименты и хвалили его в глаза, но теперь ему было все же как-то неловко: рядом стоял муж. Жаханша Досмухамбетов, мельком взглянув на доктора, улыбнулся и сказал, обращаясь к жене:

— Ровно десять лет назад, Ольга Константиновна, ты мне говорила точно так же. Бывают ли дни, когда ты ходишь не влюбленной в кого-нибудь?

В просторном особняке барона Дельвига собралась почти вся городская знать. Пили настойки, ели мороженое, играли в карты и танцевали. Беспрестанно гремела музыка. Весь вечер Ольга танцевала только с Ихласом, улыбалась ему и представляла своим знакомым. Все это теперь вспоминал Ихлас. Глядя на Хакима, он думал: «Если бы Ольга Константиновна увидела на балу его, несомненно, бросила бы меня среди зала и ушла танцевать с ним...»

Доктор Ихлас продолжал смотреть на Хакима, и вдруг его осенила мысль: «У Досмухамбетовых есть свои нукеры [1],

---

[1] Нукеры — свита.

которые сопровождают их везде и всюду. Сразу чувствуется власть. Правда, я не настолько известен, как они, но разве плохо, когда и меня будут окружать нукеры. Мои нукеры!.. Как же я раньше об этом не подумал? Пять-шесть молодых людей с образованием, да вдобавок красивых, как этот сын своенравного Жунуса! Отличная мысль. Великолепно! Отец будет очень доволен, если узнает, что у меня в нукерах сын Жунуса Хаким...»

Ихлас давно уже мечтал о славе и пышности. Нет, не случайно ему пришло в голову обзавестись нукерами. Доктор мечтал блеснуть перед обществом, обратить на себя внимание, и вот теперь он это сделает.

— Как кончишь учиться, Хаким, сразу же приезжай в Джамбейту, прямо ко мне, а я для тебя присмотрю подходящее место. Познакомишься с хорошими людьми и, если захочешь, сможешь сделать блестящую карьеру. Узнаешь жизнь, обтешешься, как говорится,— и дело пойдет,— уговаривал юношу доктор, поправляя пенсне.

Хаким и на это утвердительно кивнул головой.

За дверями послышались чьи-то шаги. Это, очевидно, подошла старуха, чтобы отодвинуть засов и позвать доктора в дом. Ихлас, прислушиваясь к шагам, удивленно вскинул брови:

— Оказывается, они дома! А я думал, никого нет,— он узнал старуху по походке.— Пойдем,— пригласил Ихлас Хакима, вставая и направляясь к двери.— Сыро на улице, чего доброго, простыть можно.

Зная, что при докторе все равно не удастся откровенно поговорить с Мукарамой, Хаким стал отказываться, благодарить за приглашение. Он не пошел в дом еще и потому, что не хотел встретиться со старухой. Хаким боялся, как бы старуха снова не начала кричать на него и не поставила бы перед Ихласом в неловкое положение.

— Ихлас-ага, я очень спешу, дело неотложное... Зайду попозже, в другое время, и обязательно мы с вами поговорим.

— Ладно, в таком случае приходи завтра.

— Хорошо. Будьте здоровы!

Хаким быстро сбежал по ступенькам, а Ихлас степенно и чинно вошел в открытую старухой дверь.

2

Простившись с доктором, Хаким не сразу вернулся домой — более часа бесцельно блуждал он по городу, машинально разглядывая витрины и вывески. Хаким не заметил,

как очутился на площади, находившейся неподалеку от большой мельницы, пересек ее и вышел к Яику.

Широкий Яик, крепко скованный льдом, казался большим полем. Трудно было отличить, где кончается река и начинаются пойменные луга. За лугами, почти до самого устья Барбашевки, черной кромкой тянулся лес. На середине реки снег казался кремово-желтым, а по краям, где в полдень лед уже начинал подтаивать, виднелись синевато-прозрачные полоски. Реку разрезали многочисленные проторенные в снегу узкие тропинки. Они вели в лес — по ним жители ходили за хворостом.

Грустно стало Хакиму, будто вдруг попал он в какую-то щемящую душу пустоту; на минуту показалось, что не только река и поле безжизненны и мертвы, но недвижим и мертв город и все в нем убого и неуютно, а лица прохожих угрюмы и злы; ото всего веет холодом...

Хаким повернулся и торопливо зашагал по Мещанской в город. И опять он шел бесцельно, не отдавая себе отчета, куда и зачем; ему хотелось вернуться к Курбановым, подойти к дому и поглядеть: «А вдруг в окне покажется Мукарама!..» Хаким ускорил шаг. «Лишь бы не встретить сейчас знакомых, лишь бы не попался Амир. Начнет расспрашивать: «Откуда идешь?... Куда идешь?.. Кого ищешь?.. Что, уж не здесь ли назначил свидание с девушкой?..»

Поглядывая по сторонам, Хаким неожиданно увидел яркую вывеску какого-то трактира. Он было прошел мимо, но, подумав, вернулся и вошел. С самого утра у него не было во рту ни росинки, и теперь запах лука и жареного мяса напомнил ему об еде.

Толстый трактирщик с красным, как свиной окорок, лицом не спешил обслужить Хакима. Раскачивая на ладони поднос, он торопливо подошел к столу, стоявшему в дальнем углу, и принялся услужливо расставлять тарелки с кушаньями перед каким-то господином в черном, который, уже успев захмелеть, что-то громко и азартно доказывал своему товарищу. Затем трактирщик принес чай с пирогом чиновнику, угрюмо читавшему газету, и еще двум-трем, по его мнению, порядочным клиентам и только после этого подошел к Хакиму и подал ему жидкий гороховый суп, ломоть черного хлеба и жаркое с тремя постными кусочками мяса. Хаким быстро пообедал, уплатил три «керенки» и снова заспешил на Губернаторскую к Курбановым.

Подходя к дому Курбановых, он неожиданно заметил Мукараму. Она вышла из проулка и направлялась к дому. На ней была коротенькая беличья шубка и черная шапочка; то ли от быстрой ходьбы, то ли от мороза щеки ее горели

румянцем. В этот момент она показалась Хакиму необыкновенно красивой. От бледности, покрывавшей ее лицо утром, не осталось и следа. Но она была серьезна и строга. Хаким решил опередить ее, пошел быстрее, почти побежал, он летел на крыльях, и сердце гулко стучало в груди. Мукарама замедлила шаг. Хаким подбежал к девушке и в упор взглянул в черные глаза, желая прочесть в них сокровенные девичьи думы, но она, как застенчивый ребенок, опустила глаза. Полумесяцем, рожками вверх, легли на щеки ее черные длинные ресницы. Затаив дыхание, Хаким робким, срывающимся голосом спросил:

— Мукарама, что это за загадка?.. Я никогда не думал, что ты можешь... так измениться! Ведь я... Ты сказала утром, что я все узнаю, когда придет время. Как это понимать? В чем дело, Мукарама, может, я не так понял тебя?

Девушка молчала.

— Мукарама, скажи, кто бросил лед между нами? Брат? Старуха? Они, наверное, не велят тебе встречаться со мной? Я знаю: между нами становится кто-то третий, но кто, скажи, Мукарама, кто?

Девушка взглянула на Хакима и тихо проговорила:

— Сейчас у меня нет времени объяснять тебе все. Сегодня мы идем в гости. Тороплюсь, расскажу завтра...

— Нет, скажи сейчас. Скажи только одно слово...

Хакиму показалось, что в глазах девушки на миг вспыхнули прежние веселые огоньки, страстные и зовущие. Мукарама быстро поцеловала его и побежала вверх по ступенькам. Ошеломленный, он смотрел ей вслед, раздумывая, догнать ли ее или не надо, а девушка уже была за дверью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Дмитриев просматривал текст обращения. Он еще утром почувствовал нервный тик на правой щеке, но не придал этому никакого значения. Сейчас приступы тика повторялись все чаще и чаще, щека подергивалась почти беспрерывно, и это начало раздражать. «Что за напасть такая?..» — прошептал он и, не отрываясь от чтения, стал быстро растирать ладонью щеку. Рядом сидел Абдрахман и ждал, что скажет Дмитриев. Услышав: «Что за напасть...» — Абдрахман забеспокоился, что в текст вкралась ошибка.

— Что, Петр Астафьевич, может, где непонятно?..— спросил он.

— Нет, нет, изложено прекрасно. Обращение нужно как можно скорее отпечатать и распространить.

— А не будет ли вот эта строка выглядеть слишком панически: «Белые генералы и казаки начали налет на Совдепы». Ведь они же на самом деле еще не начали налетать на Совдепы, только хотят, а сбудется ли их желание или нет, это еще вопрос. Может, мы преждевременно об этом пишем? — опять забеспокоился Абдрахман.

Дмитриев, словно удивляясь опасениям Абдрахмана, пристально посмотрел на него:

— А знаете ли вы последнее письмо Ленина, помните, о чем там сказано?.. Товарищи большевики, никому не верьте, вооружайте народ, рабочих. Вместе с винтовками надо давать народу и идейное оружие, объяснять, кто его истинный враг, и тогда народ сам возьмет врага на прицел. Вчера вы с Червяковым тоже сомневались — не рановато ли писать обращение? А по-моему — пора! Вот уже сутки, как Оренбургский Совет послал ультиматум, а штаб Мартынова молчит, словно воды в рот набрал. Это неспроста. Они что-то затевают. Если сегодня ночью не подымут мятеж, то, пожалуй, еще можно будет заставить атамана Мартынова подчиниться... Но, по всей вероятности, этой ночью они все же поднимутся.

Абдрахман с большим вниманием слушал его.

— По-вашему,— заметил Абдрахман,— казаки в ночь нагрянут на нас. Гробовое молчание на ультиматум Цвилинга, казачьи пикеты, осаждающие город, выпады казаков против Совдепов в станицах — все это подтверждает ваше предположение. Ну, а Оренбургский отряд, который идет сюда? Саратовский?.. А красногвардейские части Самары?.. Разве они не свернут шею атаману Мартынову и его помощникам?..

— Они постараются преградить путь отрядам, и тогда борьба может затянуться. Смотри: в Гурьеве генерал Толстов сколачивает войско, на Дону поднялся Краснов, а здесь, почти рядом с нами, Дутов! Есть и еще один сильный и опасный враг — это иностранные интервенты. Так что, Айтиевич, все идет к тому, что гражданская война может затянуться на очень и очень долго.

— И у Москвы такое же мнение?

— Может, говорю, затянуться... Но ясно одно: солдаты, рабочие и крестьяне России во главе с Лениным сумеют отстоять революцию, сумеют подавить контру и расправиться со всеми, кто осмелится поднять руку на народную власть!

Пока председатель Совдепа Дмитриев и комиссар Айтиев подготавливали обращение, события принимали неожиданно тревожный оборот.

2

В тот самый день в шесть часов вечера Дмитриев получил два очень тяжелых известия.

В кабинет робко вошла женщина. Взгляд ее был полон тревоги. Она силилась что-то сказать и не могла. Губы и подбородок ее дрожали.

Вместе с ней в кабинет вошел и Червяков.

— Эта женщина,— сказал он,— непременно хотела вас видеть. Говорит, что пришла из деревни по неотложному делу. Спрашиваю: «Что у вас за дело?» — «Кто я и по какому делу, объясню только самому Дмитриеву». Вот я и привел ее к вам.— Червяков сел на табурет, стоявший напротив председательского стола.

— Садитесь,— пригласил Дмитриев женщину и указал на стул.— Садитесь, пожалуйста...

— Кажется, это вы Дмитриев? Простите, как вас величать? Мы ведь неученые, не знаем,— глухо проговорила женщина. На голове у нее теплый коричневый платок, какие обычно носят крестьянки. Она развязала его и опустила на плечи, чтобы свободней было разговаривать и лучше слышать собеседника.

— Ничего, зовите просто товарищем Дмитриевым. Не сомневайтесь, я самый и есть Дмитриев,— добавил он, заметив недоверчивый взгляд женщины.

— Не знаете ли вы человека по фамилии Быков? — спросила она.

— Председателя Январцевского Совдепа?..

— Да.

— Очень хорошо знаю Игната Иваныча Быкова... Говорите смелее, гражданка, здесь все свои. Что, он послал вас к нам? Говорите, не бойтесь...

Женщина тяжело вздохнула, в глазах у нее появились слезы. Дрожащей рукой она достала из кармана сложенную вчетверо бумажку и протянула ее Дмитриеву.

Червяков наклонился над женщиной:

— Успокойтесь, успокойтесь. Человек, которого вы искали, перед вами. Расскажите мне все по порядку, и я вам помогу.

Женщина продолжала всхлипывать.

Дмитриев развернул листки и стал читать. Чем дальше углублялся в чтение, тем лицо его становилось тревожнее и бледнее. Червяков заметил, как снова начала подергиваться его правая щека. Четыре странички были плотно исписаны красивым убористым почерком. Дмитриев читал долго, словно изучал каждую букву; растопыренная ладонь его ма-

шинально поглаживала волосы. Кончив читать, он еще с минуту сидел в задумчивости, затем глухо спросил у женщины:

— Казачьи отряды по дороге встречались?

— Все станицы, все хутора кишат служивыми. Сколько раз меня останавливали: «Куда идешь? Зачем идешь?..» Я им говорила, что иду в Алексеево, что там у меня сестра при смерти лежит. Если бы сказала правду, не пропустили бы. В одном хуторе пристал хорунжий: «Врешь ты баба!..» Не пускает, и все. Я в слезы, да только слезами и вымолила. Василий Иваныч наказывал, чтобы я обязательно это письмо лично вам передала. Он сказал, что вы сможете освободить Игната. Товарищ Дмитриев, как же теперь, а?..

Председатель Совдепа передал письмо Червякову, а женщине утешительно сказал:

— У вас горе, но и нам сейчас трудно. Не печальтесь особенно, Игнат ваш вернется домой. Мы освободим его, но на это нужно время. А за письмо большое спасибо!

— Нельзя ждать, они изрубят Игната на куски, как того комиссара, что с ним ехал...

— Не посмеют... А вы сами видели зарубленного комиссара?

— Видела. Он прямо возле сена в овраге лежит,— женщина словно вновь стояла перед изувеченным трупом, влажные глаза ее были широко раскрыты от испуга.

— Да-а...— протянул Дмитриев.— Вы пока идите и отдохните, а мы выясним обстановку. Кстати, у вас есть в городе знакомые, где бы вы могли остановиться?

— Есть сестра. Возле Макаровской мельницы живет. Муж ее там работает.

— Вот и идите к ней. А мы все узнаем и завтра... поможем!..

— Спасибо, товарищ Дмитриев.

3

В письме, которое принесла женщина, рассказывалось о том, как были схвачены посланцы Совдепа — Мендигерей и Игнат. Они ехали навстречу выступившему из Оренбурга отряду и должны были провести его в Уральск кружной дорогой, обойдя стороной большие недружелюбные казачьи станицы.

Известие это не на шутку встревожило Дмитриева и Червякова. Было ясно: Оренбургский отряд запаздывал, а казачьи пики уже нависали над Совдепом... Никто из них — ни Дмитриев, ни Червяков — не сомневались теперь, что бело-

казаки, стягивавшиеся возле города, не сегодня-завтра начнут открыто нападать и громить Совдепы. А что они, совдеповцы, могут противопоставить этим вооруженным казакам? Нужно было что-то срочно предпринимать. Кто мог выдать Мендигерея и Быкова? Неужели среди членов Совдепа есть предатель?

— Павел Иванович, не кажется ли вам, что кто-то раскрывает наши планы врагу?

— Да, что-то тут есть... Судя по письму, казаки специально подстерегали их в овраге... Значит, станичный атаман все знал заранее, вернее, был кем-то предупрежден.

— И этот кто-то был, разумеется, из города.

— Что же теперь делать, Петр Астафьевич?

— Нужно срочно собрать членов исполкома. Обсудим положение и первым долгом создадим подпольный комитет. А потом, на комитете, решим, что делать дальше.

Не успел Дмитриев договорить, как в кабинет, тяжело дыша, вошел Абдрахман.

— Плохие вести, товарищи,— с порога бросил он.— В Верхней Барбашевке взбунтовались кулаки, нападают на Совдепы! Вот записка от Алексея Колостова: «Переселенцы не решаются защищать Совдепы от кулаков, страшатся казаков. Все труднее становится сколачивать отряды...» — Он протянул записку Дмитриеву: — Читайте!

— Дурных вестей и здесь хоть отбавляй,— Дмитриев протянул письмо из Требухи.

Абдрахман прочел письмо и, всматриваясь в подпись, спросил:

— Кто это Василий Быков?

— Учитель, из Требухи, брат Игната Быкова.

— Значит, Мендигерей?..

— Да, зарубили казаки Мендигерея, а Игната арестовали. Неизвестно, что еще с ним сделают,— с грустью сказал Червяков, глядя на листки, исписанные мелким, аккуратным почерком, будто они были повинны в случившемся.

— Предали...— задумчиво проговорил Абдрахман. С минуту он стоял молча, затем снял шапку и наклонил голову, словно стоял возле тела убитого комиссара и отдавал последний товарищеский долг.

Дмитриев и Червяков тоже встали и, склонив головы, замерли. В комнате воцарилась тишина. Первым нарушил ее Абдрахман:

— Это Яковлев проболтался, когда ходил в Войсковое правительство.

— Как?..

— Что он там говорил?

Абдрахман коротко рассказал товарищам все, что узнал об этом из уст самого же Яковлева. Яковлев потребовал от Михеева немедленного ответа на ультиматум Оренбургского Совдепа и пригрозил, что в случае неповиновения большевики заставят силой распустить правительство и разоружиться казаков, так как из Оренбурга движется в Уральск красногвардейский отряд.

— Беспринципный болтун! Конечно, это он разболтал...— Правая щека у Дмитриева снова сильно задергалась.

— Это не болтливость — это предательство! Вот что, в семь часов вечера в типографии совещание... там все решим.

Кабинет опустел. Дмитриев вышел последним. У дверей остались стоять два солдата с винтовками.

4

В небольшой комнате типографии было тесно, хотя присутствовали далеко не все коммунисты Уральска. Совещание созывалось в спешном порядке, и многих просто не успели оповестить. Здесь были двое с Макаровских мельниц, восемь человек из различных учреждений города, четверо рабочих типографии и пять членов областного исполнительного комитета. Всего присутствовало девятнадцать человек.

Выходившие на улицу окна были наглухо завешены, двери заперты на засов. В комнате накурено и душно, резко пахнет типографской краской. Кто-то предложил открыть форточку. Холодная струя воздуха ударила в лица, стало легче дышать. Керосиновая лампа горела тускло, в полумраке лица собравшихся казались желтыми и неподвижными.

В глубине комнаты, прислонившись к стене, о чем-то вполголоса переговаривались два члена исполнительного комитета — Нуждин и Половинкин. Их серые шинели и форменные военные фуражки сливались с фоном стены. Напротив за столом сидел Червяков и что-то писал. Собрание еще не началось.

Многие из присутствующих не знали в лицо Дмитриева и теперь с интересом и любопытством разглядывали его. Он был в кожаной куртке и шапке с кожаным верхом, отделанной черным кудрявым мехом. При сумрачном свете лампы похудевшее лицо его казалось суровым; когда он поворачивал голову, за ухом розоватым полумесяцем мелькал маленький шрам. Дмитриев наконец открыл совещание. Говорил он просто и всем понятно. Он рассказал о том, что Советы в России окрепли, взяли прочно власть в свои руки, что уже создана Красная Армия рабоче-крестьянской власти. Теперь оставалось как следует укрепиться только на

окраинах. В соседних с Уральском городах — Оренбурге и Саратове — Совдепы тоже уже имеют большую силу и успешно подавляют контрреволюционные вылазки. Дмитриев говорил о том, какое положение создалось в Уральске, о готовящемся контрреволюционном мятеже белоказаков во главе с Войсковым правительством.

— Надо вооружаться. От того, как быстро мы сумеем сколотить на заводах боевые дружины, будет зависеть исход предстоящей схватки. Надо немедленно, сразу же после совещания, приступить к организации дружин. Правда, оружия мало, его всем не хватит.

Дмитриев стоял у окна, бледное лицо его было сумрачно. Под ввалившимися глазами лежали тени, а на лбу прорезались три тонкие морщинки.

— Товарищ Дмитриев,— сказал Червяков,— всем ясно: положение серьезное. Может быть, снова придется уйти в подполье. Давайте сегодня подумаем насчет создания подпольного комитета. Этот комитет должен будет возглавить борьбу, если нам действительно придется уйти в подполье. Кроме того, на заводах для непосредственного руководства надо назначить тройки и пятерки из коммунистов.

— Возможность подполья не исключена,— согласился Дмитриев.— Мы должны быть к этому готовы. Мне кажется, что все члены исполнительного комитета Совдепа должны стать во главе подпольных партийных групп.

— Верно!

— Правильно!

— Партийные группы,— продолжал Дмитриев,— должны развернуть работу не только на заводах, но и в рабочих поселках и на окраинах города. Надо послать коммунистов в станицы, села и аулы и там разъяснить крестьянам, кто их истинный друг и кто враг.

Абдрахман, стоявший у входа, беспокойно смотрел на товарищей; он хотел что-то сказать, но не решался. Когда шум голосов утих, он подошел к Дмитриеву и спросил:

— Можно мне?.. Я хочу спросить и не знаю...

— Говорите, товарищ Айтиев, спрашивайте, что вам непонятно. Если есть какие предложения, давайте обсудим их здесь.

— Нет, не предложение, Петр Астафьевич. Вы сказали, что все товарищи, члены областного исполнительного комитета, должны возглавить подпольные партийные группы. Это верно: у партийцев и у членов Совдепа цель одна и та же. Но, товарищи, я же не член партии. Как я буду вести партийную работу? Здесь, по-моему, что-то не совсем так. У казахов есть хорошая пословица: «Если вначале разговор кре-

пок, то и дела будут хорошие». Давайте сейчас все это выясним. Конечно, меня товарищи не оттолкнут, не скажут: «Уйди!..» Я это знаю, но...

— Айтиевич, мы вас очень хорошо знаем и доверяем вам. Я, к примеру, давно считаю вас коммунистом,— сказал Червяков.

— Я тоже давно считаю вас коммунистом,— добавил Дмитриев.— Если у вас есть желание вступить в партию, мы можем принять вас сегодня, сейчас, на этом собрании. Я за вас поручаюсь и даю вам рекомендацию.

— И я рекомендую,— сказал Червяков.

— Ну, а третьим, кто поручается за вас, товарищ Айтиев, буду я. Я рекомендую товарища Айтиева в партию, товарищи,— проговорил Петр Нуждин.

Абдрахман с минуту стоял молча, словно не понимая, что происходит, потом порывисто обернулся и кинулся обнимать сидевшего рядом Червякова. Отпустив его, с веселой и счастливой улыбкой неуклюже зашагал к Дмитриеву. Но Дмитриев сам уже шел навстречу товарищу. Он обнял Айтиева и поцеловал, уколовшись о его черные усы. Абдрахман волновался, с благодарностью посматривая на товарищей.

Коммунисты один за другим подходили к Айтиеву, поздравляли его и крепко пожимали руку.

В комнате воцарилась торжественная тишина.

— Товарищ Айтиев,— заговорил Дмитриев,— вот вам первое ответственное поручение: спрятать как можно дальше и надежнее документы Совдепа и политическую литературу.

— Хорошо,— подумав, ответил Абдрахман.— Я знаю, куда можно спрятать. Разрешите выполнять?

— Погодите. Возьмите с собой кого-нибудь из надежных товарищей, одному вам, пожалуй, не справиться.

— У меня есть надежные люди, а подводу я найду.

— Зачем подводы? Куда ты хочешь спрятать?..

— В товарные склады купца Акчурина.

— Акчурина?.. Это как же?

— Из складов очень удобно рассылать листовки во все районы. Вместе с товарами... незаметно... Там наши люди работают, они помогут. И типографскую бумагу надо спрятать туда же.

— Хорошо, идите,— согласился Дмитриев.

Айтиев ушел.

Коммунисты поочередно получали задания и расходились. На кожевенный завод для организации боевой дружины был послан рабочий Половинкин, на мельницу — Нуждин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В небе стыли облака. Со стороны Шагана дул пронизывающий холодный ветер, обжигая лица, заставляя прохожих ежиться и поднимать воротники. Середина марта, а зима, казалось, и не думала отступать.

В этот вечер было особенно холодно. Слегка подтаявший за день снег взялся голубоватой ледяной коркой. Мостовая звенела под каблуками прохожих, и звонкий цокот казачьих коней раскатывался по городу, казачьи пикеты разъезжали за мостом. по центральным улицам, на окраинах.

Сями пробирался по темным улицам спящего города. Он больше страшился топота копыт, чем морозного ветра. Едва где-нибудь вблизи слышалась конская дробь, мальчик вздрагивал, прижимался спиной к забору и так, затаив дыхание, стоял до тех пор, пока не проезжал пикет и не стихали вдали дробные звуки копыт. Тогда он осторожно двигался дальше. Руки мерзли от холода, идти было трудно, Сями то и дело спотыкался.

Когда проходил мимо большого дома с широкими окнами, закрытыми ставнями, одеревеневшие пальцы выпустили кисть.

Сями, может быть, и не почувствовал бы, что выронил кисть, но он услышал, как деревянная ручка звонко ударилась о хрупкий ледок. Сквозь щели ставен на дорогу падал слабый свет. Сями нагнулся и на ощупь стал отыскивать кисть. Пальцы натыкались на шершавые ледяные выступы, проваливались в ямки, выбитые капелью. Найдя кисть, он засунул ее за рукав и стал растирать окоченевшие руки. Впереди виднелось парадное крыльцо. Сями осторожно поднялся по ступенькам и оглянулся вокруг — никого... Прислушался — тихо. Мазнул кистью по двери, наклеил листовку и, крадучись, пошел дальше.

...Там, где останавливался Сями, на стенах и дверях оставались листовки. На них крупным типографским шрифтом было напечатано:

ГРАЖДАНЕ!
БЕЛЫЕ ГЕНЕРАЛЫ И АТАМАНЫ — ЗАЩИТНИКИ ЦАРЯ И НАСИЛИЯ —
ХОТЯТ РАСПУСТИТЬ ИЗБРАННЫЙ РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНАМИ СОВДЕП!
ВСТАВАЙТЕ ПРОТИВ ГЕНЕРАЛОВ И АТАМАНОВ!
ЗАЩИЩАЙТЕ СОВДЕП!

Мальчик остановился возле высокого крыльца. Оно показалось ему знакомым. Он подошел ближе. «Да это дом Курбанова!..» На крыльце, прижавшись к дверному косяку, стоял человек. Сями его не было видно, но Хаким хорошо видел мальчика. Хаким недоумевал: «Что ему нужно? Может, заблудился и теперь разыскивает нужный номер?.. А может, к кому в окно забраться хочет?..» Хаким решил не выдавать себя и проследить, что будет делать мальчик.

Сями Гадильшин работал учеником-наборщиком в типографии, но Хаким его не знал.

Остановившись перед высоким крыльцом курбановского дома, он раздумывал — клеить или не клеить листовку. Курбанова, работающего переводчиком у татар и казахов, Сями знал, несколько раз видел его среди рабочих и считал «нашим». Но дорогой, красивый костюм, который носил толмач, и его суровый вид смущали мальчика. «Может, и не наш!.. А, чей бы то ни был, читай!..» — решил Сями и, мазнув кистью ворота, наклеил листовку.

Крадучись, Сями прошел еще несколько кварталов и очутился перед двухэтажным каменным домом. Приподнявшись на цыпочках, Сями одну за одной стал наклеивать листовки в простенках между окнами. Номерной фонарь светил ярко, и Сями торопился. Возле ворот он опять на минуту задержался, читая вывеску:

Судейская контора ПРОКУРОР БАРОН ДЕЛЬВИГ

«Пусть читает»— и Сями быстро наклеил на ворота пять листовок. Потом облепил листовками фонарный столб, забор и, отойдя в тень, облегченно вздохнул. Он был доволен тем, что ему удалось так хорошо разукрасить судейскую контору и дом барона Дельвига.

Листовок оставалось мало, и Сями начал подумывать, что пора возвращаться. Он находился теперь в самом конце Губернаторской улицы. «Перейду на ту сторону, там ветер тише... еще к двум-трем воротам приклею и — в типографию, к печке...» Он шагнул вперед, поскользнулся и выронил банку с клеем. Железная банка звонко ударилась о лед и покатилась в канаву. Сями кинулся поднимать ее. Пока он шарил пальцами по снегу, во дворе залилась громким лаем собака. Послышались шаги — кто-то шел со двора к калитке, ворча и покашливая. Мальчик схватил банку и, перебежав на другую сторону улицы, спрятался в тень. «Поймают, за вора примут, изобьют еще,— подумал Сями.— Лучше пережду, пока все утихнет...» Он увидел, как из ворот вышел сторож, как

стал пристально всматриваться в улицу, потом, цыкнув на собаку, хлопнул воротами и пошел к будке. Собака смолкла. Сторож, заслонившись спиной от ветра, прикуривал. Красновато-желтый огонек спички на секунду осветил лицо, бородатое и красное.

Сями ждал, когда сторож уйдет, но тот не уходил. Цигарка его тускло вспыхивала в темноте.

Неожиданно почти рядом с Сями раздался хрипловатый грубый голос:

— Макар, не спишь?..

Мальчик вздрогнул, сжался в комок и замер. «По ту сторону крыльца...— догадался Сями.— Нужно было спрятаться куда-нибудь понадежнее». Под крыльцом виднелись оторванные доски. Сями заметил черный провал: «Залезу туда, спрячусь, не увидят...» Мальчик полез в дырку и вскоре очутился под крыльцом. Здесь было тихо, и он начал согреваться.

Шаги сторожа скрипели за тонкой дощатой перегородкой.

— Иди сюда, Макар, поболтаем!..

Его хриплый грубоватый бас отчетливо слышал Сями. Что отвечал сторож с противоположной стороны улицы, мальчик не слышал. Ветер заглушал слова.

Томительно и жутко было сидеть под крыльцом. Сями испуганно думал: «Зачем он зовет его сюда?.. Может быть, он заметил меня и теперь зовет соседа на помощь, чтобы вдвоем схватить?.. Нет, если бы видел, сразу бы поднял шум. Ему, очевидно, скучно, и он хочет поговорить...» Мальчик держался настороже и был готов в любую минуту выскочить из-под крыльца и пуститься наутек.

Он слышал, как подошел сторож с противоположной стороны. Тревога нарастала, сердце учащенно билось.

— Ну и погодка нынче, Макар, прямо-таки не верится, что март на дворе,— слышался хриплый грубоватый голос.

— Да, Мартыныч, должно, где-то в верховьях снег выпал, ишь как оттуда леденит ветер!..

— Но скажу тебе, Макар, этот холод еще полбеды. Есть он — и не будет его: все от милости божьей... А вот когда люди меж собой стужу сеют, это худо, от этого добра не жди. Чуется мне, польется людская кровь...

— Прослышал что, аль так, со своего разумения?

— Денщик давеча сказывал... Полковник-то в штаб ушел, а он, значит, ко мне — дай, мол, табачку, ну и разговорились.

— Так что же он сказывал, Мартыныч?

— Многое говорил, рази упомнишь все. Разговор он подслушал своего полковника с генералом... Шустрый парень. Прикидывается вроде простачком, а сам себе на уме. Ведь

полковник-то в нашем доме живет. Да ты же знаешь, может, видал его?

— Полковника-то?.. Может, и видал.

— Из Нижнего Новгорода приехал. Жена, говорит, там осталась, детишки...

— Денщик-то что подслушал, ну-ка, про это...

— Секретный, говорит, разговор был между генералом и полковником... Этой ночью, значит, должны всех большевиков переловить, а Совдеп распустить.

— Да ну?!..

— Вот те и ну!.. Слухай дале: атаман Мартынов, сказывают, двадцать казачьих сотен в город привел, расставил их по окраинам, казармы занял... И у Шагана стоит сотня. А еще из нижних станиц: Бударинской, Сахарной да и Верхне-Дарьинской десять сотен должно прийти. Быть крови, Макар, непременно быть!..

— А он те не врал?

— Христом клялся.

— Да-а, тадыть разгуляются казачки...

— Люди толкуют, что на подмогу казакам аглицкие и французские войска идут, вон оно как,— Мартыныч для большей убедительности прищелкнул языком.

Сями не понял, что означало «аглицкие и французские войска», но, очевидно, это было что-то страшное и, во всяком случае, страшнее казаков. Так подумал мальчик. Вслушиваясь в разговор сторожей, он окончательно решил, что они — «наши» люди. Дрожа от холода, поджимая колени к груди, Сями старался не пропустить ни одного слова из их разговора. Он знал, что казачьи атаманы — это безжалостные и злые люди, но то, что услышал сейчас от сторожей, поразило его. «Ловить большевиков?.. Это значит — дядю Абдрахмана, дядю Дмитриева?.. Как же так, а дядя Абдрахман ничего не знает об этом!..» Сями уже готов был выскочить из-под крыльца и бежать в типографию, чтобы рассказать Айтиеву обо всем, что слышал сейчас, но сторожа снова заговорили, и мальчик решил дослушать до конца.

— Поговаривали, Мартыныч, что красные захватили Саратов и Самару. Верно ли? Что-то теперь о них ничего не слыхать.

— В том-то и вся соль. Оттель прогнали офицеров, так они сюда, на окраину. Россия-то матушка большая. А и здесь им, видать, тоже на хвост наступили, вот они и поднимают головы. Наступил змее на хвост, она вмиг голову вскинет и так и норовит ужалить.

— Не на хвост бы наступили, а на голову. Жало-то вырвать можно вместе с зубом.

— Если бы одна голова, а то казаков-то много, кишмя кишат. Так просто они не поддадутся.

— А кого больше, Мартыныч, как ты думаешь, красных или белых?

— Странно ты рассуждаешь, Макар, прямо как ребенок. Я тебе вопросом на вопрос отвечу, а уж там ты догадывайся сам, что к чему. Ты знаешь рыжего рысака барона Дельвига?

— Ну, знаю.

— Видал у него на лбу белую звездочку?.. Вот теперь посуди, каких волос больше на том рысаке, красных или белых?

— Ишь ты,—рассмеялся Макар.—Конечно, красных больше. А белых, выходит, только что на лбу и есть.

— Вот именно. Кого множество в России? Мужиков. Кого полно в России? Рабочих. Кого меньше? Хозяев. Сам Овчинников, Садыков да управляющий — трое. А рабочих — пятьсот. И все они — красные. Да и в селах, к примеру, одни хохлы землю пашут. Их — море, а казаков хуторских — островки.

— Так-то оно так, да только вот непонятно, отчего же тогда казачьи атаманы на мужиков лезут. Ведь горстью земли пруда не засыпешь.

— Мало ли отчего, власть-то им терять не хочется. Тут понимать надо,— многозначительно проговорил Мартыныч, и чувствовалось, что он чего-то недосказал.

— Мартыныч, слышишь — топот!..

Сями тоже услышал конский топот, доносившийся откуда-то со стороны моста. Он приподнялся и подполз к выходу.

— Да это ветер шумит,— возразил Мартыныч. Он был немного глуховат и ничего не слышал.— Ты, Макар, побольше листовок читай, что Совдеп расклеивает. Их пишет учитель Червяков. Честный человек, смелый, ума — палата!...

— Читай не читай, все одно толку мало. Они-то по-своему, по-ученому пишут, где нам понять. И вообче, какой толк с нас, стариков. Э-э, да что там говорить,— вздохнул Макар.

— Погоди, паря, еще какой толк выйдет. Впереди дел много. Хотя бы, скажем, Совдеп избирать зачнут, а ты — тут как тут и тоже руку подымешь...

— Дядя Мартыныч верно говорит: Червяков, Абдрахман — наши!.. Дядя Макар — наши!.. крикнул Сями, коверкая русские слова. Он выскочил из-под крыльца и стремглав пустился бежать по улице.

— Господи!.. Антихрист!..— услышал он позади. Это говорил обомлевший от испуга Макар.

— Я тоже наш!..— обернувшись, крикнул Сями и побежал еще быстрее.

2

Сями бежал, не чувствуя под собой ног, и чуть не сбил Хакима, сошедшего с крыльца курбановского дома и стоявшего теперь на тротуаре. Мальчик испугался. Он принял Хакима за человека, специально подстерегавшего его. Вывернувшись, Сями бросился на середину улицы. Но Хаким и не думал преследовать его; он пришел к Курбановым еще с вечера в надежде увидеть Мукараму,— может быть, выйдет она, может быть... Долго сидел на скамеечке крыльца, спрятавшись в тень, утомился и закоченел от холода и теперь, безнадежно махнув рукой, собрался уходить. Мальчика он узнал сразу: «Это тот, что наклеил листовку на ворота! — Он еще тогда позавидовал мальчику — холод, ночь, а он ходит с клеем и листовками.— Кто он? Кто послал его?» Хаким удивлялся смелости и решимости маленького Сями, который, может быть, отказался от теплой постели и ужина ради этой большой цели. Да, у мальчика была цель, а у него, Хакима?.. Какая у него цель?.. Хакиму хотелось остановить мальчика и поговорить с ним. Он выбежал на середину улицы, но Сями был уже далеко, как заяц несся по ледяному насту дороги и вскоре скрылся из виду. «Хуже мальчика,— мысленно проговорил Хаким.— Не могу добиться цели!.. Томлюсь, мучаюсь, и все из-за своей же глупости, из-за своей нерешительности. Нужно было днем зайти и все как следует узнать, почему Мукарама так вдруг изменилась... Что за причина? Скромничал. Не везде хороша скромность. Но все же что с ней?.. Хожу, а она, может, именно и нуждается в моей помощи?.. Как она тогда сказала: «Одного вашего желания недостаточно... Придет время, все узнаете!..» Странно. Что я узнаю и когда придет это время?.. Загадка. Ее надо поскорее разгадать, иначе — может быть поздно... А не кроется ли под этим какая-нибудь злая шутка?..»

Придя на квартиру, Хаким сел на кровать и, обхватив голову руками, продолжал мучительно думать о Мукараме.

Жил он возле татарской мечети, почти на окраине города, вдалеке от шумных и суетливых центральных улиц. Здесь даже днем было спокойно, а ночью обычно царила мертвая тишина. Но сегодня здесь чувствовалось волнение. Ветер доносил откуда-то обрывки разговоров и гулкий конский топот. К тому же всю ночь не спал хозяин дома. Он то и дело выходил во двор, хлопая дверями, и прислушивался к отдаленным выстрелам. Временами всадники проскакивали под самыми окнами, и тогда позванивали стекла. Хаким сидел в комнате один. Его товарищ сегодня не ночевал дома, где-то устраивал приехавших из аула знакомых и, видимо, остался с ними.

В жизни человека бывают такие минуты, когда он далек от всего, что происходит вокруг. Все для него безразлично,— только свои думы, свои тревоги. В таком состоянии был теперь Хаким. Он несколько раз принимался писать письмо Мукараме, но все написанное не удовлетворяло его. Прочитывая, он рвал на мелкие кусочки тетрадные листки и бросал на пол.

Сидеть надоело. Хаким встал и принялся ходить из угла в угол комнаты. Но желание написать письмо Мукараме не покидало его. В голове складывались стихи. Он снова сел за стол и раскрыл перед собой чистую тетрадь. Но странно, пока ходил — стихи в мыслях получались красивые и теплые, а на бумаге ничего не получалось. Хаким писал и зачеркивал, писал и зачеркивал. Наконец кое-как удалось сочинить четверостишие. Он переписал его начисто и прочел:

Ты — цветочек в саду моем,
Над тобою кружусь мотыльком,
Обнимаю, хоть листья твои
Ядовитым пылят порошком.

Прочел еще раз, стихи показались нежными и взволнованными. «Только последняя строчка немного грубовата...— подумал он.— И что-то уж очень знакомо, где-то я читал подобное?..» Он стал сочинять дальше. На бумагу ложились длинные неуклюжие строки. Стихов не получалось. Хаким в конце концов оставил затею со стихами и написал обычное письмо. Прочел — вышло сердечно и нежно. Подумав, он все же приписал внизу первое четверостишие неудавшегося стихотворения. Теперь было совсем хорошо. Он сложил страничку вчетверо, всунул в конверт и аккуратно вывел: «Лично Мукараме».

Это письмо завтра надо во что бы то ни стало вручить Мукараме, и с этой мыслью, успокоенный, лег спать. А во дворе уже трубил зарю огненно-рыжий хозяйский петух.

* * *

Сями бежал без оглядки, спотыкаясь и падая. Вскакивал и, не обращая внимания на боль, снова несся что есть духу к типографии. Он понимал, что назревали какие-то большие события. «Черный замысел белых генералов!.. Насильники атаманы!» — вспоминал он отрывки фраз из листовок. Но теперь к тому, что он уже знал, прибавился подслушанный разговор двух сторожей. «Заберут дядю Абдрахмана, заберут,— думал мальчик.— Ведь он всегда по ночам в типографии работает. Придут и заберут... Быстрее надо ему рассказать все-все...»

Абдрахман был во дворе. Он помогал рабочим выносить из типографии большие кипы бумаги и погружать их на сани. Сями схватил его за рукав и, задыхаясь от волнения и быстрого бега, потянул в сторону:

— Идите сюда, дядя Абдрахман, идите!..

— Что случилось? Кто-нибудь послал за мной? — спросил Айтиев, обернувшись.

— Нет, дядя Абдрахман, я сам хочу кое-что сказать вам. Вам одному...

Айтиев несколько секунд удивленно смотрел на раскрасневшееся лицо Сями, а потом повел в типографию.

— Ну?

— Дядя Абдрахман, казаки хотят войну открыть против нас!.. Сегодня ночью собираются напасть!..

Все еще недоверчиво глядя на мальчика, Айтиев покачал головой:

— Кто тебе об этом сказал?

Сями торопливо, глотая окончания слов и задыхаясь от волнения, рассказал Айтиеву все, что узнал от сторожей. Абдрахман слушал внимательно. Известие это, казалось, совершенно не взволновало его. Сями удивился, что Абдрахман не торопился ничего предпринимать, и даже обиделся, что ему не доверяют. Он готов был расплакаться.

— Старики правильно говорят. Ну, а ты скорее марш домой! Тебе совсем не нужно об этом знать. Это дело старших. Иди,— он похлопал Сями по плечу. Затем, словно кого-то упрекая, добавил: — Зря мальчугана посылают на такую опасную работу.

«Даже не спросит, сколько листовок расклеил, все маленьким считает,— с обидой подумал Сями.— Ладно, вот вырасту!..»

— Меня никто не посылал, сам пошел. Всю улицу обклеил листовками!..

— А самовольно пошел — это еще хуже. Надо будет коекого взгреть, чтобы за тобой следили. Ну что бы ты стал делать, если бы тебя вдруг поймали с листовками казаки? Что бы ты им сказал: листовки брал в типографии, а послал меня дядя Абдрахман? Так?

— Сказал бы, что сам сделал и сам пошел. Я, дядя, казакам никогда правду не скажу, не маленький.

— Ладно, иди, иди домой, нужен будешь, позову. Да без моего разрешения, смотри, никуда из дому, понял? А сейчас — живо спать, а то завтра на работу опоздаешь.

Сями нехотя повернулся и медленно вышел из типографии.

Дом был на замке. Сями отыскал в условленном месте,

под доской, ключ, вошел в комнату и засветил лампу. В печке еще тлели угли. Мальчик отогрелся, достал кастрюлю с лапшой, оставленную для него на печке матерью, и принялся ужинать. Лапша была горячая и, казалось, пахла особенно аппетитно и вкусно.

«Где это, интересно, мама? — От тепла и ужина его клонило в сон. Он сидел на скамейке возле печки, прислонившись спиной к обогревателю.— Хм, маленьким считает, говорит: «Это не твое дело...» А я больше, чем любой взрослый, расклеил листовок... А завтра еще больше расклею...»

Сями не заметил, как заснул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Каменные дома Акчуриных обнесены глухим кирпичным забором. В глубине просторного двора возвышаются склады и другие хозяйственные постройки; рядом с хозяйским домом, стена к стене, стоит дом приказчика, а дальше на целый квартал — магазины и лавки.

В акчуринских складах работают знакомые Абдрахману надежные люди. Ему не стоило никаких трудов договориться с ними.

Вечером он привез на санях политическую литературу и типографскую бумагу в акчуринский двор и вместе с ними запрятал все это в один из пустующих складов. Затем выпряг лошадь из саней и стал седлать.

— Абеке,— позвал его Байес,— может, зайдешь ко мне, поужинаем?..

Абдрахман подтягивал подпругу.

— Не могу, Байеке, спасибо за приглашение. Спешу на кожевенный завод. В другой раз как-нибудь. Посвободнее будет, посидим, поговорим. Кстати, ты где остановился?

— Здесь недалеко, у Уали. До завода, Абеке, не близкий путь,— пока доберетесь, там уже все будут спать. Не лучше ли все же вам завтра утром поехать? А сейчас ко мне, чайку горячего... У меня просторно, места хватит переночевать...

— Нет,— ответил Абдрахман, поправляя подушку на удобном казахском седле.

В хозяйском доме играла музыка, в окнах верхнего этажа горел свет. Продавец Салимгерей, прислушиваясь к музыке, опечатывал склад. В доме в это время кто-то распахнул форточку, и знакомая татарская мелодия вырвалась на свободу. Грустная и страстная, она словно звала куда-то.

— Вы спрашиваете, когда поеду в аул? Если ниспошлет аллах удачного пути и все будет хорошо, завтра тронусь. Товары не те достал, нужных нет: ни чая, ни сахара, да и с тканями очень плохо. Только и есть что мыло, спички и разные побрякушки. Что поделаешь, придется хоть это отвезти. Завтра все же думаю ехать, пока не тронулся лед на Яике и Анхате. А то еще две-три недели просидишь здесь.

В разговор вмешался Салимгерей:

— Байеке, слышишь, это граммофон играет. Эх, до чего ж красивая штука!.. Хозяин недавно привез из Казани. Послушали бы, как нашу татарскую песню «Бибисару» играет, просто чудесно!

Никто не ответил, Абдрахман молча скользнул взглядом по окнам, в которых маячили тени разряженных людей, и стал взнуздывать лошадь.

— Абеке, знаете ли, кто там собрался? — полушепотом заговорил Салимгерей, кивая в сторону окон.— Татарские буржуи и ученые. И казах среди них один есть, доктор, высокий такой, статный, в пенсне все ходит... Моя жена помогает прислуживать гостям.

— Что за праздник у них? Старший Акчурин из Мекки[1] вернулся, что ли? — Он вспомнил, как днем в Совдеп приходил старик Акчурин и умолял сбавить налог: «Не сможем мы, господин Абдрахман, столько заплатить. Мы же не Овчинниковы, у тех денег — дай аллах каждому столько!»

Салимгерей покачал головой:

— Нет, у них радость гораздо большая, чем встреча паломника из Мекки. В гостях два татарина-офицера. Жена моя кое-что подслушала из их разговора. Знаете, о чем они толкуют? Большевиков, говорят, сметем!..» Вино пьют!.. Кушаний полно. Курбанов со своей сестрицей тоже там.

— Ну, будьте здоровы, я поехал.— Айтиев вскочил на лошадь и рысцой выехал со двора.

— Хороший человек этот Абдрахман,— проговорил Салимгерей, глядя вслед удалявшемуся Айтиеву.— За народ день и ночь хлопочет, не спит, не отдыхает, не то что эти господчики,— не до веселья ему, не до развлечений.

— Какое там веселье, поужинать, говорит, нет времени. Приглашал я его сейчас к себе — отказался.

Абдрахман хотел заехать на вокзал к железнодорожникам, потом вдоль полотна железной дороги добраться до кожевенного завода и бойни, но пришлось отказаться от этого наме-

[1] Совершивший паломничество в Мекку у мусульман считается святым человеком. Паломника, возвращающегося из Мекки, встречают радостно и устраивают в честь его большие торжества.

рения. Между вокзалом и городом группами разъезжали казачьи патрули. Узнав от прохожих, что это были казаки и откуда они прибыли, Абдрахман вернулся в город и по улице Самарской выбрался на берег Яика. Тропинка сбегала вниз и вилась по-над самым берегом. Местами, где снег днем подтаял, виднелась черная земля. Ехать было трудно, но вскоре глаза свыклись с темнотой, и Абдрахман стал хорошо различать выбоины, канавы и бугорки. Около версты он проехал нижней тропинкой, затем выбрался на бугор и пустил лошадь рысью. Дорога здесь была ровнее и шире. Лошадь бежала бодро, поводя ушами и вытягивая морду. До завода оставалось еще около трех верст. По пути попадались низкие рыбачьи домики. Абдрахман напряженно всматривался в темноту, боясь налететь на патруль. Подъезжая к одному из домиков, он неожиданно увидел двух всадников. Они направляли своих коней ему наперерез.

— Стой! Кто едет?

— Свои!..

Всадники замолчали. Пользуясь их замешательством, Абдрахман решил действовать быстро и смело.

— Вы сами откуда, ребята? Дорогу бы указали к штабу шестого полка,— сказал он твердым, уверенным тоном.

Приостановив коней, всадники начали перешептываться:

— Киргиз он, что ли?

— А то кто же, разве не слышишь по разговору!..

— Өзің қайдан? [1] — спросил один из всадников по-казахски.

— От генерала Акутина со срочным поручением.

Всадники снова зашептались, но теперь Абдрахман ни слова не мог понять из их разговора.

— Как твоя фамилия, киргиз? — Тот же всадник подъехал к Айтиеву и стал пристально всматриваться в его лицо. Абдрахман увидел — перед ним был казак.— Ты что, военный?

— Связной. Моя фамилия Айбасов.

Казак недоуменно пожал плечами и, развернувшись, отъехал к товарищу.

— Так по какой же дороге ехать лучше, по этой, что ли? Тьма такая, хоть глаз коли, как бы не заблудиться,— продолжал спокойно Абдрахман, указывая плеткой не на кожевенный завод, а в сторону вокзала. Он хотел окончательно ввести в заблуждение казаков и благополучно отделаться от них.

— Да поезжай этой!

— Спасибо, ребята! — поблагодарил Абдрахман и, стегнув лошадь, крупной рысью поехал к полотну железной дороги.

[1] Өзің қайдан? — Сам-то откуда?

Он не сомневался, что это был казачий пикет, специально высланный для охраны дороги к заводу. «Окружили город... А теперь и завод отрезали». Ветер дул ему в спину, и он слышал негромкий разговор казаков:

— Он же в кожаной куртке!.. Как бы не оказался большевиком!..

— Эй, киргиз, остановись!

— Что такое, ребята?

— Поедешь к сотнику, вертай коня!

— Ойбой-ау, ведь я и так опаздываю! У меня срочное задание!..

— Стой, говорю!

— Где же ваш сотник?

— В заводской конторе. Поехали!

Абдрахман понимал, что казаки мирно не отпустят его. А если попадется на завод к сотнику, то и вовсе все пропало. «Как убежать? Лошадь у меня резвая, не раз побеждала в скачках. Оружие есть. Только вот дорога неровная — ухабы, рытвины».

— Куда ехать? — покорно спросил Абдрахман.

— Поехали!..— Казак дернул повод.

Абдрахман круто развернул коня и, прежде чем казак успел опомниться, вихрем понесся к городу.

Патрульный, стоящий поодаль, закричал:

— Стой, бесов сын! — и пустил коня следом.

— Стой!.. Стой!..

Пока казаки повернули коней и поскакали вдогонку, Абдрахман уже успел отъехать сравнительно далеко. Его отделяло теперь от казаков более ста шагов. «Лишь бы не споткнулась лошадь, уйду!» — думал он. Лошадь, чуя свободу, несла Абдрахмана по дороге к балке. Впереди зиял черной полоской ров. Лошадь рванулась через ров, но задние ноги ее поскользнулись, и она грудью ударилась в мерзлый край обрыва. Абдрахман навалился ей на шею и тоже уткнулся головой в жесткую землю. А сзади, как азартные охотники за волками, крича и неистово ругаясь, догоняли казаки. Их кони хрипели где-то совсем близко. Абдрахман соскочил с седла и, по грудь увязая в снегу, потянул лошадь в глубь оврага. Она только поворачивала голову, но не двигалась. А казаки уже были рядом. Резвый казацкий конь взвился надо рвом, и, едва Абдрахман успел пригнуться, сабля глухо щелкнула о седло. Казак, перескочивший ров, повернул коня и снова двинулся на Айтиева. Абдрахман выхватил из кобуры наган и, прячась за лошадь, приготовился к встрече. Серебряной нитью сверкала сабля в ночи; казак, вытянувшись вперед, уверенно шел на

цель. Абдрахман, видя его широкую грудь и злое, красное от мороза бородатое лицо, прицелившись, выстрелил.

— Получай, рыжебородая сволочь!..

Абдрахман не сомневался, что попал в рыжебородого, что тот сейчас перекинется в седле и поползет с лошади,— он был отличным стрелком и не раз с десяти — пятнадцати шагов продырявливал из нагана медный пятак; не теряя ни секунды, стал искать взглядом второго казака, готовясь отразить и его атаку. Но второй казак не спешил. Увидя коня рыжебородого, проскакавшего мимо него без седока, он повернул обратно и помчался к домикам. Абдрахман рукавом вытер потный лоб и облегченно вздохнул.

2

Белые генералы рассчитали точно. Уральский Совдеп — молодой, как дитя, только что начинающее делать первые шаги,— не окреп, не успел еще вооружиться. Они решили разгромить его именно сейчас, пока перевес был на их стороне.

Шестой белоказачий полк, преградив путь выступившему из Оренбурга красному отряду, прочесывал станицы и деревни, расположенные по левому берегу Яика, по бухарской стороне, где жили в основном революционно настроенные переселенцы-украинцы. Белоказаки разгоняли местные Совдепы, расстреливали коммунистов. Части седьмого казачьего полка двадцать девятого марта в двенадцать часов ночи захватили Уральск. Разбившись на группы, они кинулись усмирять рабочих: две сотни были направлены на восточную окраину города, к кожевенному заводу и бойне, одна сотня оцепила вокзал и железнодорожные тупики, четвертая и пятая стремились занять мельницу и элеватор и завязали с рабочей дружиной бой. Абдрахман как раз и наткнулся на казаков, которые захватили кожевенный завод. Он снял седло с искалеченной лошади, но, подержав его в руках и подумав, бросил в ров. Надо было как можно скорее уходить отсюда, потому что казак с минуты на минуту может вернуться и привести с собой друзей. Абдрахман кинулся ловить коня убитого. Напуганный выстрелом конь дико ворочал глазами и не подпускал Абдрахмана. Поводья его волочились по снегу.

Попытка поймать коня не удалась, Абдрахман побежал в сторону города пешком. Взошла луна, крепкий морозец пощипывал щеки. Опасность еще не миновала, и он торопился поскорее добраться до города. Бежать становилось все труднее и труднее. Абдрахман оглянулся: злосчастные домики, где он наткнулся на пикет, были уже далеко и едва виднелись в синей холодной дали. Он перешел на шаг. Впереди, на тем-

ном фоне неба, черным квадратом вырисовывались контуры Макаровской мельницы. До нее оставалось не более полутора верст, а крайние избы Бузулукской улицы казались совсем рядом.

Стояла глухая полночь, город спал, лишь кое-где виднелись одинокие сиротливые огоньки. Если сзади налетят казаки, некуда спрятаться, нет поблизости ни одного знакомого дома; но все же Абдрахман понимал, что на улице легче обороняться, здесь каждая калитка — барьер, каждый сарайчик— убежище.

Однако шел он пока еще по чистому полю, и в темном одеянии его легко можно было заметить. Это-то подсказало ему свернуть с дороги и пойти берегом, где виднелась черной кромкой подтаявшая земля. Он решил во что бы то ни стало добраться до мельницы и предупредить Нуждина об опасности. Оглянувшись еще раз, пошел берегом. Теперь его одежда сливалась с черной землей.

Берег был неровный, местами размыт водой и испещрен овражками и канавами. Споткнувшись, Абдрахман чуть было не скатился под обрыв. Черные проталины перемежались со снегом. Там, где был снег, Абдрахман бежал. Сапоги скользили по голубоватому льду, ноги отказывались подчиняться. А Макаровская мельница, казалось, ни на вершок не приблизилась, все так же далеко впереди чернел ее силуэт на темном фоне неба. Абдрахман выбивался из сил, но шел, бежал, шел и снова бежал. Щеки его горели, в ушах слышался звон. Он на минуту остановился, чтобы передохнуть, сердце гулко колотилось в груди. «Неужели и вправду так сильны белые генералы и казачьи атаманы? — подумал он.— Неужели уничтожат нас вот так, поодиночке, не дав как следует собраться с силами? Где Оренбургский отряд, что же они там мешкают? Где отряды деревенских Совдепов Парамонова, Колостова, Бекмагамбетова, Морозова? А наши боевые дружины где? Неужели все это было только разговором и рабочие кожевенного завода, бойни, мельницы и железнодорожники не встанут против казаков? Если бы сейчас всем дружно подняться на борьбу, можно опрокинуть атаманов. Конечно, можно, помогли бы мелкие ремесленники, студенты и гимназисты. Эх, чуть попозднее бы заворошились казаки, показали бы мы им тогда, что такое Совдепы, поглотали бы они у нас кровь с пеной... Подоспели бы к тому времени саратовцы, и Оренбургский отряд был бы уже здесь. А крестьяне?.. Они все, как один, встали бы за землю, за хлеб и свободу!»

Порыв ветра донес неясные звуки со стороны рыбачьих домиков, где осталась хромая лошадь Абдрахмана и убитый рыжебородый казак. Абрахман насторожился. Вскоре отчет-

ливо стал слышен дробный стук копыт. Темный клубок всадников катился по снежной ночной степи. Сомнений не было — казаки гнались за ним, Абдрахманом.

Всадники разбились на две группы. Одна из них поскакала в сторону Бузулукской улицы, другая — прямо на Айтиева. Абдрахману казалось, что они скачут по его следу. Он оглянулся вокруг, ища укрытие. Мельница была еще далеко, спрятаться можно было только под крутым берегом Яика. Не раздумывая, он кубарем скатился под обрыв. Но не стал спускаться к самой реке, где вилась одинокая тропинка; цепляясь за мерзлые кочки, задержался почти на середине склона. К счастью, неподалеку оказалась воронка, неизвестно кем и когда вырытая. Абдрахман прыгнул в нее и, сжавшись в ком, притих. Затем осторожно достал наган и взвел курок. Он почти сровнялся с землей, так что со стороны трудно его было заметить. «Патронов маловато,— с горечью подумал Абдрахман.— Но ничего, хватит на то, чтобы достойно принять смерть! Если бы их было двое-трое, пусть даже четверо, можно было бы как-нибудь справиться, а то... Почему я не взял второй наган?.. Или хотя бы винтовку?»

Абдрахман посмотрел на крутизну склона.

Казаки приближались. Раздражающе-неприятное цоканье копыт о твердую, обледенелую землю раздавалось где-то совсем рядом. Абдрахман осторожно поднял голову — по краю обрыва мелкой рысью ехали два всадника, вровень, стремя в стремя. Было видно, как их резвые кони красиво подгибали шеи, кольцами выбрасывая вперед ноги; все ближе и ближе подъезжали они к воронке. Эти первые двое, не останавливаясь, проехали мимо. Абдрахман слышал удалявшийся топот их коней и мысленно благодарил судьбу. «Пронесло!..» Но за ними ехал третий всадник, медленно, то и дело натягивая поводья и оглядываясь по сторонам. Позади него никого не было видно. Казак неожиданно остановился как раз против Абдрахмана. «Заметил...» — подумал Абдрахман и еще плотнее прижался к земле, втягивая голову в плечи.

Конь казака настороженно водил ушами.

Неожиданно ночную тишину разорвали два винтовочных выстрела. Следом прогремел третий, приглушенно, словно на той стороне реки. Абдрахман почувствовал, как холодная волна воздуха ударила в лицо, но он не понял, откуда стреляли и кто стрелял. Через несколько секунд выстрелы повторились, потом снова и снова, громче, сильнее и вскоре слились в сплошной винтовочный гул. Стреляли в городе. Где-то возле мельницы шел бой. Абдрахман видел, как два казака, уехавшие далеко вперед, повернули коней и поскакали обратно. Стоявший напротив Абдрахмана казак тоже развернул ло-

шадь и, дождавшись товарищей, поскакал вместе с ними. По тому, как они настегивали коней, торопясь соединиться со своей сотней, Абдрахман понял, что сюда они больше не вернутся. «Нужно во что бы то ни стало добраться до Червякова...» — решил Абдрахман, поднялся и быстро пошел к городу. Вскоре он вышел на узкоколейку, соединявшую вокзал с мельницей. Снега здесь не было, и Абдрахман с сожалением подумал: «Как же это я раньше не сообразил?.. Здесь же совсем безопасно идти, никто бы не увидел...»

Но и по узкоколейке Абдрахману не удалось беспрепятственно добраться до мельничной площади. По мере того как он приближался к мельнице, яснее представлял себе все, что возле нее происходило. На площадке конные казаки группами жались к домам, в конце улицы лежала цепь пластунов, обстреливавшая подходы к мельнице. Рабочие во главе с Петром Нуждиным отвечали на стрельбу пластунов дружными залпами. Время от времени начинал строчить пулемет, приглушая винтовочную стрельбу; казаки плотнее прижимались к земле, слышалась их неистовая брань. Встревоженные стрельбой кони храпели и фыркали. В мельничном дворе, за оградой кто-то хрипло кричал. Пройти к Нуждину не было никакой возможности. Абдрахман свернул в сторону и, сгорбившись, прячась от пытливых казачьих глаз, побежал мимо базара в центр города.

3

В исполкоме Абдрахмана встретили Дмитриев и Червяков. Они не знали, что происходило в городе, не представляли себе всего размаха казачьего мятежа, но, увидев Абдрахмана, все поняли.

— Началось!..— сухо проговорил Дмитриев, повернувшись к Червякову.— Надо срочно связаться с Саратовским Совдепом!

Червяков утвердительно кивнул головой.

— Дороги к вокзалу и на завод перерезаны казаками, через каждые сто — двести шагов — пикет! — рассказывал Абдрахман.— У мельницы идет бой!..

— Ты пешком? А где же лошадь? — спросил Червяков.

Абдрахман безнадежно махнул рукой:

— Какая там лошадь, сам еле-еле ноги унес.

Червяков взглянул на часы:

— Сейчас без четверти двенадцать...

— С самого начала было понятно, что события развернутся именно так,— как бы продолжая свои мысли, заговорил Дмитриев.— Товарищи, нужно немедленно сообщить в Саратов и Самару о том, что происходит у нас в городе.

— Я только что с телеграфа,— сказал Червяков.— Там казачий офицер сидит и никого не впускает... Сейчас возьму с собой двух-трех ребят и наведу порядок. Вы здесь будете, Петр Астафьевич?

— Да, буду ждать телефонного звонка.

Все трое смолкли. В комнате стало тихо, лишь мерно тикали стенные часы. Стрелка ползла к двенадцати.

— Я тоже пойду,— нарушил молчание Абдрахман.— Какой толк от меня здесь? На телеграфе, может, не один офицер, а целая группа.

Дмитриев не возражал. Проводив товарищей, он снова повернулся к окну.

На телеграфе было спокойно. В длинном темном коридоре — ни души. Червяков и Абдрахман с двумя вооруженными солдатами остановились у дверей. Солдаты сняли с плеч винтовки. Первым вошел в коридор Червяков. Не успел он сделать и двух шагов, как на него из темноты накинулись люди, сбили с ног и стали заламывать руки. Бросившийся на помощь Абдрахман отскочил назад: над самой головой мелькнул приклад. Удар пришелся в левое плечо. Он чуть не упал. Стоявший у входа солдат подхватил его. Казаки ринулись было вслед за Абдрахманом, но солдат не растерялся и с размаху всадил штык в грудь одного из них. Тот вскрикнул и, как мешок, осел в дверях, загородив собой проход. Остальные отпрянули назад.

Плечо нестерпимо ныло, рука не двигалась.

— Я сам как-нибудь,— сказал Абдрахман солдату.— А ты иди помоги товарищам.

Солдат, держа винтовку наперевес бросился на помощь товарищу, но казаки уже оттеснили его к двери и гнали к выходу. Стрелять нельзя — попадешь в своего, дрались врукопашную. Мелькали в воздухе штыки и приклады. Солдата окружили с трех сторон и прижали к стене...

Абдрахман, стиснув зубы от боли в плече, осторожно пробирался к воротам, правой рукой вытащил наган и, остановившись, долго взводил курок, помогая зубами и подбородком. В это время из-за угла выскочила полусотня казаков и на рысях пошла вдоль Губернаторской. Абдрахман замер, прижавшись спиной к дощатым воротам. Он обдумывал, что теперь делать...

4

Боевая дружина военного комиссара Уральского Совдепа Петра Нуждина состояла в основном из рабочих кожевенного завода. После совещания в типографии Нуждин сразу же

направил на завод человека, чтобы поднять дружину и привести в город. Затем, поручив охрану здания исполкома милиционерам во главе с Шамсутдиновым, пошел на мельницу. В течение получаса он успел собрать почти всех добровольцев. Не пришел лишь пулеметчик Алексей Петров, которого уже третью неделю подряд мучила лихорадка. Нуждин рассказал добровольцам о положении дел в городе и повел их к дому исполкома. На базарной площади маленький отряд наткнулся на казачью сотню. Завязалась перестрелка. Казаки яростно наседали на отряд, тесня его обратно к мельнице. Рабочие отстреливались, бросали гранаты, но казаков было много, и пришлось отступать. Нуждин отвел отряд к складам и, укрепившись там, начал обороняться. Это было как раз в тот момент, когда Абдрахман вышел к мельничной площади.

До самого утра Нуждин отбивал атаки казаков. Площадь перед мельницей была усеяна трупами. Перед рассветом казаки подкатили пулеметы и начали штурмовать склады с трех сторон. Отряд Нуждина нес большие потери. С восходом солнца казаки ворвались в склады, захватили в плен оставшихся в живых дружинников и отправили их в тюрьму. Среди пленных был и раненый комиссар Нуждин.

* * *

Установив в парадных дверях исполкома пулемет и расставив возле окон нижнего этажа постовых милиционеров, Шамсутдинов до самого утра успешно вел бой с казаками, не давая им занять Совдеп.

Почти сразу же после ухода Червякова и Абдрахмана в исполком явился Яковлев. Он все еще находился под впечатлением своего парламентерства в Войсковое правительство. Выйдя от Михеева, он встретил Айтиева и подробно рассказал ему о разговоре с генералом. До вечера он никуда не выходил из своей квартиры. Он мысленно выработал план действий и хотел поскорее высказать свои соображения Дмитриеву. С этой целью и пришел в Совдеп. Настроен он был бодро, даже воинственно, но, увидев строгое, суровое лицо председателя, оробел.

Здание исполкома окружили белоказаки, и Дмитриев спустился вниз к защитникам. Подбадривая милиционеров, он сам взял винтовку и вместе с ними вел огонь по наседавшим казакам.

Одну за другой отбивали они вражеские атаки. Времени, казалось, прошло совсем немного, а в окна уже начинал просачиваться серовато-синий рассвет. Казаки притихли.

— Это нереально, нам все равно не спастись! По-моему, чем дожидаться, когда нас всех здесь перебьют, лучше сдаться в плен. Нам надо выиграть время, а там, может, помощь подоспеет,— засуетился Яковлев.

Пользуясь передышкой, Дмитриев стал заставлять разбитые окна шкафами. Двух убитых милиционеров положили под лестницей. Потом Дмитриев поднялся наверх, чтобы хоть немного отдохнуть. На Яковлева он не обращал внимания.

Неожиданно в соседней комнате послышался грохот — это подкравшиеся казаки разбивали прикладами стекла и прыгали в окна. Они незаметно подтащили высокую лестницу со двора и врывались в Совдеп. Дмитриев вскочил и кинулся было туда, но дверь распахнулась, и в комнату ворвались казаки, махая револьверами и саблями.

— Руки вверх!..

Дмитриев не успел даже вытащить наган. Казак ударил его по голове прикладом. Дмитриев качнулся и медленно, прижимаясь спиной к стене, сполз на пол. Он уже не видел, как казаки избивали поднявшего руки Яковлева.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

В погожие летние дни, когда в небе ни облачка, можно часто наблюдать, как неожиданно поднимается с земли и кружится вьюном черный смерч. Он похож на копье, воткнутое в землю. Смерч завихривает сухую траву, листья, пыль и поднимает высоко в воздух. Столб пыли медленно надвигается на аул. И чем ближе он подходит к кибиткам, тем разыгрывается сильнее, подхватывает и уносит с собой разную домашнюю утварь, а иногда и разрушает ветхие казахские юрты, разбрасывая по степи одеяла, войлок, одежду, засыпая пылью молоко и айран, запорашивая смуглые обветренные лица растерянных людей. Много мучений приносит это бедствие народу. Смерч по былинкам разносит по степи целые стога сена. Если такой вихрь налетит во время пожара, то от аула ничего не останется. Народ считает, что все это от злых духов, что это проделки черта.

Неожиданно вспыхнувший белоказачий мятеж походил на такой смерч. Он принес много бедствий народу как в городе, так и в ауле. Казаки начали производить поголовные аресты и жестоко расправляться со всеми, кто попадался им под руку.

Боясь наткнуться на патрулировавших казаков, то и дело сновавших по улице, Айтиев осторожно продвигался вдоль заборов. К рассвету он кое-как добрался до Сенной улицы и направился к дому, где обычно останавливались приезжие из аулов казахи, но, подойдя к дому, вовремя заметил казаков, производивших обыск. Тогда Айтиев стал осторожно, огородами, пробираться к квартире приказчика Салимгерея.

Едва увидев Абдрахмана, приказчик догадался, что произошло.

— Я знаю место, где можно надежно спрятаться. Идем к сторожу складов деду Камали.

Взяв Айтиева под руку, Салимгерей повел его к маленькому низенькому домику, стоявшему за акчуринским флигелем. Домик Камали походил на землянку. Маленькие оконца его тускло глядели в забор.

Приказчик вошел в домик и, переговорив с хозяином, вернулся к Айтиеву.

— Надежный старик, у него переждешь бурю. Можешь не тревожиться, сюда никто не придет,— заверил Салимгерей.

Суетливый старик Камали с приветливыми, добрыми глазами встретил Абдрахмана радушно, словно хорошего старого знакомого.

— Габдрахман-мурза, я вас прекрасно знаю, проходите в дом,— радостно сказал старик, поправляя на голове тюбетейку.

Айтиеву было не до разговоров, он молчал, лишь кивком головы отвечая на приветствие старика.

— Я вас видел, как же, конечно, видел. Мы с вами совсем недавно встречались... На прошлой жумге, когда вы выступали перед народом на базарной площади. Вы стояли за лавкой Сагита. Мы очень, очень радовались со стариком Жамалитдином, слушая ваши слова,— продолжал словоохотливый Камали, поглаживая жиденькую бородку.— Каршык [1],— позвал он старуху,— поставь-ка самовар!

Абдрахман сел на узкие нары, едва-едва вмещавшие двух человек, и только теперь почувствовал, как отяжелели ноги, как ныло все тело, клонило ко сну.

— Спасибо, аксакал [2], не беспокойтесь, мне ничего не надо...

— Если не хотите чаю, покушайте лапши. Каршык, подогрела лапшу? Неси сюда поскорее!..

---

[1] Каршык — моя старушка *(татарск.)*.

[2] Аксакал — почтительное обращение к старшим (дословно: белобородый).

На столе аппетитно задымился вкусный ужин. Старушка, такая же радушная, как и сам хозяин, просила гостя отведать мясной лапши, и Абдрахман вынужден был согласиться. Пока он ужинал, старик говорил без умолку:

— Я был очень доволен, слушая ваше выступление на базаре за лавкой Сагита. А старик Жамалитдин, так тот без конца толкал меня в бок локтем и говорил: «Вот это настоящий человек!» Он тоже был очень рад. Да и как тут не радоваться, вы очень хорошо говорили... Макаров и Карпов совсем не считают мусульман за людей! Только подумать, что их сыновья выделывают: запрягут рысаков и ну по улице гонять как сумасшедшие, давят прохожих, и им хоть бы что, никакой управы на них нет. Народ одного желает: поскорее обуздать этих злодеев. Вы хорошо выступали, Габдрахман-мурза... Нет, товарищ Габдрахман!..

Старик еще ближе подвинулся к Айтиеву.

— Эй, алласы, что это с тобой сегодня случилось, не даешь человеку покушать спокойно,— вмешалась старуха.

— Так я, значит, тогда, товарищ Габдрахман,— продолжал Камали, не обращая внимания на старуху,— пришел домой и говорю своей: «Каршык, вот когда наступила настоящая свобода — хуррият. Ты знаешь, какие слова говорит Габдрахман на базаре!..» И я, значит, сказал ей, что говорил ты очень интересно, что насилий и притеснений больше не будет и господ тоже. Все станут равными: казаки, мужики, татары, казахи. Все-все! «Так, говорю, сказал он. Вот где настоящий хуррият — свобода!» А Каршык меня спрашивает: «Какой это Габдрахман? Это не сын ли того самого абзи[1] Салахатдина, а?» Я ей: «Нет, каршык, говорю, ты только Салахатдина и знаешь, как будто только у него и есть сын Габдрахман! Тот Габдрахман самостоятельно и яйца очищенного не может проглотить. Нет, каршык, это не тот...» И начинаю ей объяснять, что выступал казах Габдрахман, казах Айтиев Габдрахман. Она, значит, опять свое: «Тот самый чернявый Габдрахман?..»

В это время в комнату вошла старуха.

— Эй, алласы,— сердито возразила она.— Я же не так говорила.

— Нет, ты именно так и сказала: «Тот самый чернявый Габдрахман?..» А я еще тебе возразил: «Вот я сам тоже черный, и ты черная, и все казахи и татары черные, но дело не в черноте, не в цвете кожи и волос, а в уме. Вот Габдрахман Айтиев — очень умный человек...»

---

[1] Абзи — дядя *(татарск.)*.

— Но ведь и я говорила, что он умный человек.

Абдрахман, глядя на них, улыбался.

— А я сказал,— продолжал Камали,— что хорошо говорить могут только умные люди. Габдрахман хорошо говорил!.. Очень хорошо ты выступал тогда, за лавкой Сагита, да поможет тебе аллах!

Старуха поддержала Камали.

— Помоги тебе аллах,— обернувшись к Абдрахману, проговорила она.

— Да-а, аллах поможет,— протянул старик, и в голосе его прозвучало сомнение. Он и сам мало верил в помощь аллаха и сказал теперь просто так, по привычке, желая удачи гостю.— В последнее время очень многие стали выступать перед народом. И на базаре и у мельницы Макарова... И казачьи атаманы выступают. Они все больше как петухи кричат: «Россия, империя!..» А ты, Габдрахман, говорил в защиту тех, кто всю жизнь провел в нужде и мучениях. Ты правильно говорил: мужикам, казахам, татарам, башкирам — всем надо объединиться и добиваться равноправия. Вот ты, каршык, рассуди-ка, что справедливее: поддерживать богачей или заступаться за бедных, а?

— Ты же сам хорошо знаешь...

— Я-то, конечно, знаю: справедливость требует защищать слабых. А вот ты, каршык, понимаешь это или нет?

Абдрахман был доволен гостеприимством хозяев, но поддерживать разговор не мог — веки неумолимо смыкались.

— Большое вам спасибо! Если можно, я немного прилягу,— проговорил он, отодвигая тарелку.

— Хорошо, хорошо, ложитесь и отдыхайте.

— Разрешите, я прямо на нарах?

— Зачем же, нет, нет, ложитесь на кровать. Вон она, на нее и ложитесь. Каршык, приготовь постель гостю!

— А может, за печкой?.. Там очень тепло, бик яхши [1],— обрадованно подхватила старуха, заслоняя собой набитую доверху одеялами и подушками кровать.

— За печкой так за печкой, лишь бы тепло,— согласился Абдрахман.— Если случайно кто-нибудь увидит меня у вас и спросит, кто я, скажите, мол, это приказчик Акчуриных из Копирли-Анхаты, приехал за товарами и теперь ждет подводу, чтобы погрузить муку. Поняли? А если станут допытываться, как моя фамилия, ответьте так: Байес Махметулы. Не забудете? Байес Махметулы,— повторил Абдрахман и, улыбаясь, посмотрел на старика.

---

[1] Бик яхши — очень хорошо *(татарск.)*.

— Понял, понял, не забуду,— понимающе проговорил Камали.— Байес Махметулы, приказчик из Копирли-Анхаты... Вы и в самом деле похожи на приказчика Байеса, я же его хорошо знаю. У него тоже черные усы и лицо... только вот он лысый!..

— Да, усы у него, верно, черные...

Едва Абдрахман положил голову на подушку, как тут же заснул.

2

Марфа Быкова всю ночь не смыкала глаз. В комнате было тепло, даже жарко — Евдокия не пожалела дров. Она постелила ей на лежанке. Марфа уже более суток не кормила грудью ребенка, и теперь набухшие, налитые молоком груди ныли и не давали покоя. Молоко просачивалось сквозь рубашку и липкими пятнами растекалось по кофте. Болели поясница, ноги, ныло все тело от быстрой ходьбы. Днем она как-то не замечала этого, а теперь каждое движение приносило боль.

Муж Евдокии, бывший фронтовик, уже около года был дома, но все еще никак не мог поправить свое подорванное здоровье. Его мучила тропическая лихорадка. Третьи сутки он лежал почти без сознания. Ночью слышался то его бессвязный бред, то просьба подать воды. Вечером к нему приходили дружинники с мельницы, но он едва узнал их. Марфа пришла от Дмитриева успокоенная — она была уверена, что Дмитриев освободит Игната, но ночная суматоха в городе и стрельба разрушили все ее надежды. Марфа беспрестанно соскакивала с лежанки, становилась на колени перед иконой и срывающимся, дрожащим голосом читала молитвы, но это не помогало, она вновь и вновь видела чьи-то отрубленные головы, красно-багровые комки снега, смешанного с кровью, бьющиеся в предсмертной судороге тела, надрывные стоны, хрип... Всю ночь — кошмары.

Чуть засветлело, она встала с постели, оделась и выбежала во двор — вокруг было тихо, только где-то вдали, возле Макаровской мельницы, все еще раздавались одиночные выстрелы. Марфа вышла за ворота и села на скамейку с затуманенными, полными горя и слез глазами.

Вдруг Марфа вздрогнула — совсем близко раздался жуткий, душераздирающий крик женщины. Он вылетел откуда-то со двора и громким воплем покатился по морозной улице. Марфа подняла голову — по улице три человека несли труп. Один, передний, обхватив рукой мертвеца, держал под мышкой его голову, второй — поддерживал за туловище,

третий — ноги. Лицо человека было обращено вниз, к земле, руки бессильно свисали и волочились по снегу. Из соседних ворот выбежала женщина и с громким воплем и причитаниями кинулась к идущим. Поравнявшись с ними, словно подкошенная, ничком рухнула на снег. Отовсюду сбегались соседи, без шапок и платков, в наспех накинутых на плечи полушубках и пальтишках, а некоторые прямо в нательных рубашках. Опережая взрослых, шныряя у них под ногами, вырывалась вперед любопытная детвора. Вскоре возле людей, несших труп, образовалось плотное кольцо. Те, кто боялся выбежать на улицу, раскрывали окна и высовывали сонные взлохмаченные головы, стараясь угадать, что происходит, а некоторые даже не открывали окон — испуганно, одним глазком выглядывали из-под чуть приподнятых занавесок.

Марфа торопливо подошла к ничком упавшей и голосившей женщине, приподняла ее голову, вытерла со щеки снег и стала заботливо и участливо приподнимать ее с земли. Плечи женщины судорожно вздрагивали, она продолжала причитать:

— Кормилец ты наш родименький, на кого ты нас оставил, сиротинушек, на кого покинул родных детушек своих! Умереть бы лучше мне, ненаглядный ты мой! Несчастная моя головушка, оставил ты меня скитаться одну-одинешеньку по белу свету! Как я теперь буду жить!..

Марфа, взяв плачущую женщину под руку, повела к воротам. Навстречу выбежала другая женщина. Плачущая упиралась, не хотела входить:

— Пустите меня, пустите, я тоже хочу умереть!.. Где ты, Андрей, где ты, родимый мой!..

Марфа не могла больше выдержать этого надрывного крика, сердце ее сжималось от боли, было трудно дышать, и она, отпустив женщину, стремительно побежала в город, к Дмитриеву. «Игнат, Игнат, что с тобой будет,— думала она.— Скорее к Дмитриеву, он поможет...» Эта мучительно-тревожная мысль подгоняла ее, как пушинку несла по улице, поддерживала, переносила с кочки на кочку. Промелькнули переулки, и вот она на большой улице. Впереди показался двухэтажный дом. Но она не дошла до него, ей преградили дорогу люди, беспорядочно толпившиеся возле чьего-то крыльца. Подойдя к женщине в коротенькой шубейке, Марфа спросила ее:

— Скажите, пожалуйста, в каком доме живет товарищ Дмитриев?

Женщина удивленно вскинула брови, пожала плечами и в свою очередь спросила:

— В городе много Дмитриевых, вам какого Дмитриева, где он работает?

— Мне председателя Совдепа,— робко сказала Марфа.

— А-а...— протянула женщина, стоявшая рядом.— Вот послушайте, что говорит адвокат, тогда поумнеете...

Пожилой человек невысокого роста в длинном пальто и черной шляпе, отчетливо выговаривая каждое слово, громко читал какую-то бумажку. Толпа внимательно слушала.

— «Граждане! Атаманы и генералы хотят вновь возвести на престол кровопийцу царя Николая!..» Снова!.. Поняли?..— Человек в черной шляпе внимательно посмотрел на сгрудившихся возле него людей.— Снова хотят возвести его на трон!.. «Помещикам и капиталистам, которые угнетали трудовой народ в городах и деревнях, снова хотят вернуть былое могущество и власть!..» Слышали?.. «Не дать свершиться коварным замыслам атаманов...» Поняли?

— Поняли!

— Ясно, чего там!

— Правильно написано!

— Долой атаманов!

Толпа заволновалась, зашумела.

— Спасибо тебе, адвокат, правильно говорил!

— Люди добрые, это же не мои слова. Это обращение Совдепа.

— Все равно спасибо!

К толпе рысью подъехали два казака. Они направили коней в самую гущу и ударами плеток стали разгонять людей.

— Что за сборище? Р-рас-хо-ди-ись!..

Один из казаков, пришпоривая коня, стал пробираться к человеку в черной шляпе.

— Что за бумага у тебя, а ну, давай ее сюда!

— Да вот народ просил прочитать...

Рослый, крутоплечий старик, стоявший рядом с адвокатом, выхватил у него из рук обращение и, спрятав за пазуху, юркнул в толпу. Но второй казак перерезал ему дорогу:

— Куда, старый черт, а ну, давай бумагу!

Кони с храпом налетали на людей. Толстые нагайки со свистом опускались на сгорбленные спины. Народ бросился врассыпную. Побежал и адвокат.

Старика, спрятавшего за пазуху обращение, казак догнал и схватил за ворот. От сильного толчка колени старика дрогнули, и он повалился под грудь лошади, но казак не дал ему упасть, крепко держал за ворот. Крича и ругаясь, он поволок его на середину улицы.

Адвокат негодовал, он пытался доказать казаку, что ни в чем не виноват.

— Неграмотные, темные люди хотят знать, что творится на белом свете. Вот тот старик меня попросил почитать, я и

прочел, а остальные слушали... Что вам от меня надо? Это настоящее хулиганство! Это беззаконие! Вы нарушаете гражданское право!

На шум подоспела полусотня. Казаки согнали не успевших убежать людей в кучу и, давя их конями, нахлестывая нагайками, как стадо овец, загнали в ближайший огороженный двор и заперли.

Казак, державший старика, выхватил у него спрятанное на груди обращение и со злостью изорвал его в клочки. Адвоката в черной шляпе и старика четверо казаков погнали по Губернаторской улице в сторону «Сорока труб» [1].

По каждой улице разъезжали казачьи пикеты, на углах стояли посты. В несколько часов они успели разогнать все сборища людей, улицы опустели, в городе воцарилась тишина.

Вестовые и нарочные расклеивали по городу приказ Войскового правительства.

ВВИДУ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛНОГО ПОРЯДКА ГОРОД
ОБЪЯВЛЕН НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.
С ШЕСТИ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ДО ДЕВЯТИ ЧАСОВ УТРА
ЗАПРЕЩЕНО ВСЯКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧАСТНЫХ
ГРАЖДАН ПО УЛИЦАМ.

Одновременно со всех заборов, ворот и стен срывались и соскабливались обращение Совдепа к народу, большевистские листовки и призывы. Белоказаки «очищали» город от неугодных Войсковому правительству бумажек.

Во время этой «чистки» конный разъезд наткнулся на Хакима, стоявшего на крыльце курбановского дома. Он пришел сюда перед рассветом и в нерешительности топтался возле дверей, раздумывая, что бы предпринять такое, чтобы встретиться с Мукарамой. Казаки, увидев по форме, что он студент, тотчас окружили его. Один из них спешился, сорвал с ворот листовку и, подойдя к Хакиму, сунул ему бумажку в лицо:

— Читай, что здесь написано.

Простодушный Хаким, не поняв недобрых умыслов казаков, думая, что те и вправду хотят узнать содержание листовки, быстро без запинки прочел ее.

— Кто писал?

— Тут фамилии не указано, неизвестно, кто писал,— проговорил Хаким, пятясь.

---

[1] «Сорок труб»— так казахи называли городскую тюрьму в Уральске.

— А кто приклеил?

— Не знаю...

— Притворяешься, книжный антихрист!

— Ну-ка, марш вперед, живо!..

Казаки погнали Хакима по улице, крича и подстегивая нагайкой. Они торопились догнать других конвойных, которые вели старика и адвоката и были уже далеко, около здания окружного суда. Хаким был одет налегке, в короткой форменной тужурке, и удары больно ложились на спину. Может быть, оттого, что он был студентом, казаки особенно свирепствовали, норовя стегнуть его по лицу, по глазам. Они наезжали на него конями, заставляя бежать во весь дух, пока не присоединили к старику и адвокату.

3

Словно растревоженный улей, всю ночь безумолчно гудели учащиеся мужской гимназии. Мнений было много, но в конце концов было принято единое решение — утром в знак непокорности Войсковому правительству и протеста против бесчинств, творимых казаками, организованно, в колонне пройти по Губернаторской улице — устроить демонстрацию.

Слабый солнечный луч, пробившись сквозь серую пелену туч, вмиг озарил кумачовое полотнище, гордо реющее на ветру. Солнце взошло и скрылось за тучами, словно боясь земной стужи, а красный флаг продолжал бесстрашно развеваться над колонной.

Жгучий морозец, хрусткий снег.

Узкие, удобные гимназические мундиры. Форменные фуражки.

Юные лица. Четкий шаг.

Стройные, тонкие фигурки, смелые, задорные движения.

Колонна!.. Уверенная поступь.

Как только гимназисты свернули с Причаганской улицы на Губернаторскую, грянула песня. Пронизывающий ветер, дувший с Шаганского водоема, подхватил страстные, волнующие слова революционного гимна и понес их по улице, туда, к центру, где в безмолвии стыли высокие каменные дома богатеев Уральска.

Это есть наш последний
И решительный бой...
С Интернационалом
Воспрянет род людской!..

Торжественно и гордо звучал гимн, то набирая высоту и паря как орел, то стремительно падая вниз и сливаясь воеди-

но с твердой, уверенной поступью сотен ног; как волна готовая смести все на своем пути, шагала песня по Губернаторской улице вместе с колонной гимназистов. Для них, казалось, не было никаких преград.

Казаки, патрулировавшие по Губернаторской, не сразу поняли, откуда доносилась песня и кто ее пел. От неожиданности они остановили коней и растерянно озирались по сторонам. Кто-то высказал догадку, что это вошел в город красный отряд; подхорунжий, трусливо ежась, повернул лошадь и хотел было уже скакать к дому вице-губернатора, где размещался штаб генерала Акутина, но, еще раз взглянув на двигавшуюся колонну, остановился. Он заметил, что все демонстранты одеты в одинаковые темные форменные мундиры. Несколько секунд подхорунжий пристально всматривался в них и затем, облегченно вздохнув, проговорил:

— Бьюсь об заклад, это, кажись, проклятые студенты!

— Точно, они, испорченные книжники!

— А ты как думаешь, на чьей стороне они?

— Известно, на чьей!..

Занятые разговором, казаки не заметили, как сзади к ним подъехал сотник. Только когда неожиданно раздалась команда: «Р-разогнать!..» — они испуганно вздрогнули и, быстро оглянувшись на сотника, поскакали в сторону гимназистов.

— Стой! Остановись!

— Поворачивай назад!

Но демонстранты не испугались, их не остановили грозные окрики конных вооруженных людей. Не обращая внимания на свирепые лица казаков и их угрозы, гимназисты продолжали уверенно идти вперед. Между тем сотник уже успел собрать вокруг себя патрулировавшие на соседних улицах казачьи разъезды. Он выстроил их. Холодным блеском сверкнули в воздухе сабли. Казаки ринулись на демонстрантов.

Гимназисты поняли — им не пробиться сквозь казаков, не пройти в центр города; песня смолкла, и они, не нарушая строя, как на параде, развернулись и пошли обратно. На Губернаторскую прискакала еще полусотня казаков, срочно высланная штабом для наведения порядка. Казаки наглели, наезжали на демонстрантов, замыкавших колонну, хлестали нагайками по тонким юношеским спинам, злобно кричали и ругались...

Ни один из гимназистов не выбежал из строя, не проявил трусости. Неторопливым шагом колонна приблизилась к воротам и медленно вошла во двор.

Как только последний ряд гимназистов вошел во двор, Амир, несший впереди революционное знамя, торопливо захлопнул ворота перед самыми мордами коней.

Казаки окружили гимназию. Сотник послал нарочного в штаб. Через полчаса прибыл сам генерал Акутин и приступил к выявлению зачинщиков демонстрации.

Гимназисты молчали. Никто не выдал организаторов демонстрации. Генерал Акутин, обозленный, стал по лицам отбирать «преступников». Тридцать человек взяли под стражу и отвели в городскую тюрьму. Разгулявшиеся мятежные казаки хватали всех без разбора, кто попадался им на улице, и гнали их в тюрьму. И блуждавшего, тоскующего по любимой юношу, и уставшего от долгой несправедливой жизни и жаждущего правды старика, и добродушного законоведа, и боровшихся за счастье людей революционеров, и пылких гимназистов, вышедших на демонстрацию.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

В первые минуты, когда Хакима окружили конные казаки и погнали к тюрьме, он был ошеломлен — позор!.. Его, как убийцу, как грабителя и вора, гонят в тюрьму! Это равносильно смерти. Он был готов провалиться сквозь землю, ему казалось, что все прохожие смотрят на него. «Лучше умереть, чем пережить такой позор! Такое бесчестье!»

Нет, не только физические страдания мучили его, когда он, задыхаясь, бежал перед казаками, а те, гикая, нахлестывали его по спине нагайкой,— страдала душа, к горлу подступала обида, а глаза затуманивались слезами. Только когда присоединился к двум арестованным — невысокому интеллигенту в черной шляпе и слегка поношенном черном пальто и сгорбленному старику с кровоточащими ссадинами на лице,— немного успокоился. Интеллигент в черной шляпе всю дорогу до тюрьмы безумолчно говорил о несправедливости казаков, арестовавших его, безвинного человека. «Это вопиющее беззаконие! Я никогда и нигде не видел такого произвола, это неслыханно! Это насилие! Растоптана человеческая гуманность. Неслыханная наглость — первого попавшегося человека хватают на улице и гонят в тюрьму! Дикость, доисторическая дикость, от которой холодеет сердце!..» Эта обличительная тирада адвоката ободряюще подействовала на Хакима.

«Не я один опозорен и обесчещен,— подумал он.— Не я один схвачен ни за что. Вон какого интеллигента арестовали, не посчитались ни с чем...»

Пока Хаким рассуждал над тем, какое несчастье неожиданно обрушилось на его голову и как теперь выйти из этого положения, казаки подогнали его к высокому каменному забору с колючей проволокой. Хаким с ужасом глянул на эту холодную темную стену с двумя сторожевыми вышками по углам, за которыми виднелось такое же холодное и серое здание тюрьмы. Он не сразу понял, для чего были сделаны вышки и натянута проволока; тюремные охранники распахнули тяжелые железные ворота, впустили арестованных и снова закрыли, громыхнув массивной задвижкой. Стало жутко, словно Хакиму только что вынесли приговор: «Ты больше не увидишь ни солнца, ни голубого неба, вечно сидеть тебе в промозглой сырости и темноте!..» Это прочел он в глазах охранников, об этом говорили молчаливые каменные стены и многочисленные железные двери со скрипучими запорами, через которые проводили их. Наконец арестованных ввели в темный длинный коридор, по обеим сторонам которого черными столбиками виднелись двери.

— Раздевайтесь!

Все трое, испуганно прижимаясь друг к другу, не могли разобраться, что означал этот грозный окрик и к кому он относился. Приказывал надзиратель, одетый в черное; в руках он держал связку ключей, каждый из которых по величине напоминал молоток. «Расстреляют?!» — молнией пронеслось в голове Хакима. Он задрожал, будто на него вылили ушат ледяной воды, звонко застучали челюсти.

— Чего выпучил шары, старый хрен! А ну скидай свои лохмотья! — надзиратель ткнул старика кулаком в грудь.— А ты, черный котелок, кого ждешь? — повернулся он к адвокату и с издевкой добавил: — Шляпу нацепил, арда несчастная!..

Другой надзиратель грубо снял с Хакима пальто и принялся обрывать пуговицы на нем.

— Раздевайся догола!

Хаким, продолжая стучать зубами от испуга и холода, стал раздеваться; адвокат и старик тоже неуклюже и робко принялись сбрасывать с себя одежду. Надзиратели приступили к обыску: ремни и шнурки они откидывали в сторону, с брюк и рубашек посрезали крючки и пуговицы; вывернув карманы, забрали все документы, бумаги и деньги.

— Вы топчете человеческое достоинство. Не имеете права так обращаться со мной. Это варварство! — начал было снова горячиться адвокат.

Старший надзиратель рявкнул на него:

— Заткни рот! — и сунул ему под нос увесистый кулак.

Голых, их поставили рядком вдоль стены. Старший надзи-

ратель заставил три раза присесть и встать, согнуть и разогнуть спины, затем, не разрешая одеваться, сунул им одежду в руки и втолкнул в камеру.

Могильной сыростью обдало Хакима. Стены грязные, исцарапанные и исчерканные чем-то твердым, в кровяных пятнах от раздавленных клопов; высоко, почти под самым потолком, узкое окно с железными решетками и разбитыми стеклами. Один из глазков оконной рамы заткнут не то изодранным в клочья старым одеялом, не то ватными брюками. Все трое молча стали одеваться; вместо брючных ремней кое-как приспособили связанные носовые платки и оторванные с кромкой подолы нижних рубашек.

В тот же день, когда, спустя несколько часов, в их камеру втолкнули арестованных гимназистов, Хаким повеселел, словно вновь очутился на свободе. Схватив Амира в объятия, он радостно воскликнул:

— Ойпырмай [1], просто чудесно, что ты оказался здесь!

— Я вижу, ты радуешься моему несчастью? — удивился Амир.

— Как ни толкуй, а я сказал правду. Если бы не вы, я умер бы от отчаяния в этой мрачной гробнице!

Как ни казалось ему, что легко делить тяжесть и горечь заточения вместе с товарищем, сердце точила разъедающая тоскливая боль.

Для самых различных по характеру и образу жизни людей, столкнувшихся по воле судьбы в камере, прошедшие трое суток показались невыносимо жуткими, как страшные кошмарные сновидения, но это было лишь началом мучений, унизительных пыток, которые предстояло еще испытать и которые не могли представить ни само болезненно-лихорадочное воображение, ни охватить здравый рассудок...

— Это ты, большевистский прихвостень, расклеивал листовки? — размахивая наганом, кричал офицер на Хакима во время допроса.— Тебя мало расстрелять, повесить тоже мало!.. Ты будешь всю жизнь мучиться, прикованный к тачке! И я это сделаю! Даю ночь на размышления. Утром все расскажешь. Только правдой можешь вымолить прощение. Иди, скотина!..

Вернулся Хаким в камеру с видом обреченного на смерть человека, который потерял последние надежды на спасение, и не было даже соломинки, за которую можно ухватиться. Он больше уже никогда не увидит ослепительно сверкающего мира, навеки порвана связь с жизнью, похоронены самые

---

[1] Ойпырмай — возглас радости, удивления.

дорогие мечты, и нет для него теперь ни радости, ни счастья, ни горячих юношеских надежд на будущее.

Прошла ночь. Он почти не спал, а утром был мрачен как туча.

К нему подошел Амир и стал успокаивать:

— Не бойся, мне они говорили то же самое, что и тебе, с той только разницей, что обещали не к тачке приковать, а подвесить за ногу. Да, да, вот за эту ногу. А что еще могут пообещать враги? Или ты ждешь, что они поклонятся тебе: «Добро пожаловать, господин, искренне сочувствуем и желаем поскорее выбраться отсюда в полном здравии»? Брось печалиться, не тужи, подними выше голову! Кто знает, кому еще придется возить тачки и быть подвешенным за ногу!

Сидевший неподалеку от них рабочий-татарин одобрительно закивал головой:

— Не отчаивайся, малый, с вами ничего не случится. Только не подписывайте никаких бумажек и держите язык за зубами. Тюрьма кишит провокаторами.

«Многое видел в жизни этот татарин-рабочий, не раз, видно, сидел в тюрьме, опытный, умный человек. Пожалуй, он правильно говорит. Ну хорошо, если со мной ничего не сделают, тогда зачем держат в тюрьме, для чего унижают и издеваются? Тут действительно, как говорил адвокат, настоящее варварство. Ведь никто не знает, где мы, что с нами. Если даже всех нас уничтожат, все равно никто не узнает».

В углу камеры заворочался арестованный с забинтованной головой, заплывшими от побоев глазами и распухшими губами. Он не мог разговаривать. Татарин-рабочий объяснялся с ним знаками.

— Хороший человек, лев-джигит!.. Председатель Январцевского Совдепа. Это кулаки его так, собаки!..— сказал татарин, вставая и направляясь к больному.

Камера переполнена, людей набили сюда, как овец в тесный загон. Заключенные сидят плотно, плечо к плечу, многие в одних рубашках. Когда втолкнули сюда Хакима со стариком и адвокатом, было холодно, а теперь от человеческих тел и дыхания сделалось тепло, в камере стоял кисло-горький тяжелый запах, смешанный с табачным дымом, было трудно дышать, неприятно першило в горле.

Тюрьма как могила, сырая и холодная, и кажется, что стены наваливаются на плечи и вот-вот раздавят человека.

«Настанет ли светлый день для нас или нет?» — грустно подумал Хаким, взглянув на ржавые железные прутья и тусклые стекла высокого тюремного окна.

2

После полудня воробей, умостившись на подоконнике высокого тюремного окна, суетливо повертел своей крохотной серовато-темной головкой и сквозь железные решетки с любопытством, как показалось арестантам, заглянул в камеру.

— Хаким, воробушек на тебя смотрит,— наверное, тебя выпустят? — наперебой закричали арестованные.

Хаким сидел на краю железной койки, спиной к окну. Пока обернулся и выглянул в окно, воробушек чирикнул и улетел. Хакиму страстно хотелось, чтобы это была правда. Стараясь ничем не выдать своего волнения, небрежно сказал:

— Все эти приметы — ерунда!

— Совсем не ерунда,— возразил татарин-рабочий, подойдя к Хакиму.— Верный примет. Освободишься.

Не успел он проговорить, как целая стайка воробушков с шумом уселась на подоконник, но через секунду, словно вспугнутая кем-то, — улетела!

— Ура!

— Ура!

— Все как один уйдем отсюда! — нестройно закричали арестованные.

Некоторые на радостях даже захлопали в ладоши.

— Оллахи, хорошо, малай. Все равно мы победим. Красная гвардия...— начал было татарин, но тут же смолк.

Хаким, глядя на взволнованное скуластое лицо татарина, подумал: «Многое претерпел в жизни этот человек, крепкий!»

— Товарищи! — татарин выбросил вперед руки, как бы зазывая к себе в объятия.— Давайте споем! — И, не ожидая согласия, густым сильным басом затянул:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Песню подхватили второй, третий, четвертый, и вскоре вся камера загудела от мощного слитного хора голосов.

Страстные призывные слова песни и щемящая, захватывающая мелодия проникали в самое сердце. Песня вырвалась в коридор и потекла по камерам, она проникла в самые темные закоулки тюрьмы, в самые глухие подвалы с щербатым и грязным цементным полом, куда никогда не попадал солнечный луч.

Как пламя во время пожара, раздуваемое ветром, вдруг охватывает весь дом,— так всколыхнулась и охватила тюрьму

песня. Не прошло и минуты, как ее запели и в других камерах. Словно эстафету, ее передавали от камеры к камере: от восьмой к девятой, от девятой к десятой... от двадцать второй к двадцать третьей — общим камерам, расположенным в конце коридора. Второй куплет пела уже вся тюрьма.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

Пели на разных языках: русском, казахском, татарском, пели во весь голос, вдохновенно и бодро, казалось, что песня вот-вот сорвет крышу и разбросает по камушкам эти холодные стены тюрьмы.

Арестованные не спрашивали себя, зачем они поют и кто первый запел,— песня сама вырывалась из груди. Она звала к борьбе, и каждый чувствовал себя в этот миг сильным и свободным, уносился мыслями вперед, к светлым дням, которые непременно наступят и принесут счастье и радость. Песня окрыляла, заставляла надеяться и верить.

Песню услышали и в соседнем корпусе, где томились женщины. Она проникла и в глухие одиночные камеры, в одной из которых сидели Червяков и Дмитриев.

Червяков подбежал к узкому зарешеченному окну, закрытому снаружи дощатым козырьком, и стал внимательно прислушиваться.

— Петр Астафьевич, подите сюда!.. Поют «Смело, товарищи...». Это в общих камерах. Да, в общих камерах поют! Там, очевидно, произошла какая-то перемена.

В глазах Червякова загорелись огоньки; чем дольше он вслушивался, тем шире расплывалась по лицу радостная улыбка.

— Перемена?.. Это вполне естественно, особенно теперь, в настоящий момент,— улыбнулся Дмитриев.— Пожалуй, и мышь едва ли согласится сидеть без движения в этой каменной скорлупе.

— Все громче и громче поют, Петр Астафьевич, слышите? По-моему, там что-то большое произошло. Может, помощь подоспела, а?..

Дмитриев некоторое время молча вслушивался, затем тихо проговорил:

— Нет, Павел Иванович, это не помощь... Рановато ей, да и откуда она сейчас?.. Поют, вероятно, по какому-то другому случаю.

— Но ведь вся тюрьма поет!

— И что же...

Из соседней камеры послышался стук — это вызывали Червякова. Учитель подошел к стенке и стал тоже стучать.

В камере, откуда раздался стук, сидели Половинкин и Нуждин. Червяков установил с ними связь и все время поддерживал ее. Он заставлял Дмитриева расхаживать по камере, а сам в это время разговаривал с Нуждиным. Вот и теперь, прослушав выстукивание, он подошел к Дмитриеву и сказал:

— Нуждин передает, что это, по-видимому, песня протеста.

— Это его предположение? Да, конечно...

* * *

Надзиратели бегали, суетились, но песня все росла и росла, и казалось, раскачивалась и трещала тюрьма от ее силы.

Кто-то побежал за начальником.

Когда в сопровождении шести жандармов в коридор вошел начальник тюрьмы — низкий рыжеусый старичок, с отекшими мешочками под глазами,— заключенные второй раз пели куплет:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Начальник тюрьмы, постояв с минуту на пороге, прошел к двери восьмой камеры. Он молча кивнул коридорному надзирателю, давая знак открыть.

Старичок надзиратель возразил:

— Эту страшную кутерьму затеяли вон в той камере,— и он указал ключом на седьмую.

— Открой!

Надзиратель послушно вложил в замочную скважину ключ, повернул его и открыл дверь. В камере пели:

...Час искупленья пробил...

Заключенные стояли возле дверей. Увидев группу вооруженных жандармов во главе с начальником тюрьмы, теснее прижались друг к другу. Песня постепенно стала стихать.

— Прекратить! — рявкнул рыжеусый.

Один за другим заключенные стали отходить в глубь камеры, но те, кто посмелее, продолжали еще петь, хотя голоса их уже звучали тише и вскоре совсем смолкли. В камере наступила тишина. Амир выступил вперед и, иронически улыбаясь, заговорил:

— Господин начальник, в камере пятнадцать гимназистов, десять рабочих, пять железнодорожников, четыре крестьянина и два интеллигента. Все они посажены сюда безо всякой вины и пока пребывают в добром здравии. Хлеб, отпускаемый вами, лопают целиком и крошки тоже. А революционные песни поют с разрешения самой новой власти и всей душой желают, господин начальник, неизменно цвести и вам на вашем служебном посту.

— Пошел!.. Заткни глотку! Без вины... Хороши: без вины... Бунтари! Нарушители порядка! На законную власть руку подняли! Молчать!..— возмущенно гаркнул начальник тюрьмы и зло топнул ногой.

— В чем же мы виноваты, господин начальник? — понизив голос, заговорил Амир.— Что мы сделали? Мы только называли вещи своими именами: на белое говорили белое, на черное — черное. Какие же мы «нарушители порядка»? Если уж говорить правду, то нарушителем является прежде всего сам господин Акутин, который оторвал нас от учения и запер сюда, в довольно неприятное для «гостей» помещение. Здесь тысячи клопов. Тысячи!.. А спим мы прямо на цементном полу, вместо пуховых подушек — доски! Вот, смотрите на нас,— мы же должны зачеты сдавать, понимаете, в Пифагоровых штанах разобраться...

Последние слова Амира, где речь шла о каких-то «штанах», начальник тюрьмы истолковал по-своему, увидев в этом намек; огненно-рыжие усы его нервно задергались.

— Молчать,— срывающимся голосом крикнул он.— Пуховые подушки... цементный пол... штаны Пифагорьева...

В этот момент сидевший в глубине камеры адвокат поднялся и, расталкивая заключенных, подошел к начальнику тюрьмы.

— Господин начальник тюрьмы,— заговорил он, жестикулируя, словно выступал на судебном процессе,— на ваших глазах творится страшное безобразие, которого нельзя ни передать словами, ни описать пером. За что посадили этих людей? Ни за что. Это ни с чем не сравнимое шарлатанство, возмутительное бесчинство, не имевшее себе равных ни в какие времена ни в одном цивилизованном государстве. Это можно классифицировать как самоуправство, по принципу: что хочу, то и делаю! Вы растоптали священный свод законов о гражданских правах, незыблемо существовавший со времен Петра Великого и Екатерины Великой. Этот закон никто не имеет права нарушать. Вам должно быть хорошо известно, что, прежде чем арестовать кого бы то ни было, честного гражданина или даже преступника, власти должны оформить обвинительные документы и передать их прокурору, чтобы

получить санкцию на арест. Прокурор выявляет наличие и характер преступления. Если находит оного гражданина опасным для общества, дает санкцию на арест, а дело передает в руки правосудия. Следственные органы устанавливают по вещественным доказательствам и по опросу свидетелей степень виновности. Только после этого человека сажают в тюрьму. Так записано в гражданском праве. А наше насильственное заключение — это нарушение закона, это тягчайшее преступление. Это, если хотите, приведет к нарушению незыблемых основ нашей Российской империи, фундамент которой — Закон!..

Начальник тюрьмы, бледнея, презрительно смотрел маленькими злыми глазами на адвоката.

— Вы?.. Вы кто такой есть?

— Я адвокат. Елеули Буйратов. Член окружной коллегии адвокатов. По долгу своей службы я, как адвокат, обязан защищать безвинно пострадавших людей. И вот я, как обычно иду утром на коллегию суда. По дороге ни с того ни с сего налетают на меня казаки, хватают и приводят сюда, к вам, где содержатся только преступники. Таким образом, я сам очутился...

— Вижу, большой вы мастер по части законов. Это хорошо. Но куда прекраснее, господин Буйратов, не оказываться вместе с бунтарями. Нет, не господин, а арестант Буйратов.

— Не арестант я, господин начальник, не имеете права так называть меня.

— Всякий, кто попадает сюда,— арестант! Вы тоже должны это знать, бывший адвокат Буйратов.

— Мне еще никто не предъявлял никаких обвинений.

— Предъявят, долго не придется ждать.

— Какое обвинение? Меня попросил простой человек прочесть бумажку, которая была наклеена на воротах. Я прочел, разве это вина? Граждане, не умеющие читать сами, имеют полное право просить кого угодно... Я не лгу, пусть подтвердит вон тот старик. Не так ли было, Мартыныч?—адвокат повернулся к высокому старику с отекшим лицом и умоляюще посмотрел на него.

Мартыныч, с достоинством кивнув головой, проговорил:

— Зря ты тратишь золотые слова, адвокат. В наши дни закон не стоит и одной щепотки табака...

— Закон... закон. Закон вы любите, а почему тюремную дисциплину нарушаете? Почему устроили в камере шум? За нарушение порядка всех посажу в карцер,— медленно проговорил начальник тюрьмы, обводя суровым взглядом заключенных. Затем, обернувшись к надзирателю, добавил: — Эту камеру на пять дней перевести на карцерный режим!

— Да-а, щепотки табака...— покачал головой Мартыныч, провожая взглядом выходившего из камеры начальника тюрьмы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Словно обессиленный, притих Уральск. На улицах пустынно, люди попрятались в дома. Учреждения, лавки, магазины — все закрыто, на дверях тяжелые висячие замки, на закрытых ставнях с угла на угол железные болты. Не только люди, не только все живое в городе притихло, присмирело, предчувствуя какую-то неотвратимую беду. Даже дома и заборы, казалось, уменьшились в размерах, жались к земле, будто старались сровняться с ней. Не слышно собак, обычно с громким лаем бросавшихся из-под ворот на прохожих; они позабивались в самые глухие уголки.

Но город жил. Люди осторожно, со страхом в глазах, глядели из окон на разъезжавших по улицам суровых, рыжебородых и светлоусых казаков, на их обветренные лица и заломленные набекрень папахи. Сытые кони с подвязанными хвостами звонко разбивали копытами жидкий, смешанный с водой и грязью снег, желтоватые брызги разлетались по сторонам. В тени, где снег был еще твердый, копыта выстукивали дробь.

Набатный звон колоколов, то затихающий, то вновь надрывный и тревожный, с утра до вечера парил над городом, еще больше угнетая и настораживая жителей. В церквах служили молебны, а по улицам рыскали казачьи наряды, бряцая саблями и щелкая затворами.

Колокола гудели и в тот день, когда со стороны Яика в город въехала большая темная кошевка, запряженная парой великолепных вороных коней.

На козлах осанисто и важно сидел кучер в черной шапке и коричневом чекмене, перетянутом холщовым кушаком; он натягивал вожжи, сдерживая вороных, направлял их по кромке дороги, где снег был крепче. Кошевка свернула на Губернаторскую. В ней сидел хмурый невысокий господин в полицейской форме, ноги его были накрыты цветным дорожным ковриком. Золотые эполеты с аксельбантами, по которым сразу можно было признать в едущем полковника, сливались с ярко начищенными медными пуговицами, отчего на груди и плечах, казалось, поминутно вспыхивали огоньки. Это было особенно заметно на фоне черной шинели. Под козырьком форменной с кокардой фуражки светились зоркие черные

глаза. Господин в полицейской форме бросал злые взгляды на редких прохожих. Еще год назад все трепетали перед суровым полицмейстером, лишний раз боялись по улице пройти, а теперь... «Расхрабрилась черная голь!..— думал господин в кошевке, проезжая мимо маленьких избушек.— Ничего, наведем порядок... Железная дисциплина!..» Он взглянул на подтянутого, бравого адъютанта, скакавшего впереди, и удовлетворенно погладил усы, загибая пальцами их острые кончики вверх. Нет, не все еще потеряно, снова надежда окрылила полковника — ему мерещились генеральские погоны, ордена, затем почетная отставка... счастье... слава... всеобщее уважение...

— Погоняй, погоняй, Жамак! Ровнее держи!..

Хотя полковник крикнул, как обычно, резко и властно, в голосе его не было прежней суровости, и это сразу заметил кучер Жамак. Да, полковник имел сегодня все основания не быть строгим с подчиненными — он возвращался к своей былой славе и власти. Жамак в первую минуту не поверил ушам, ему показалось, что он ослышался. Кучер, обернувшись, удивленно посмотрел на хозяина. Никогда раньше полковник не говорил: «Погоняй, Жамак!» Он грубо тыкал стеком в спину и кричал: «Гони, дурак! Куда правишь, скотина!..» Эти тычки и окрики Жамак помнит с самого детства, с тех пор как впервые сел на козлы. Иначе полковник никогда не разговаривал с ним. Не первый раз вез Жамак полковника в город,— нет, не помнил кучер ни одного случая, чтобы хозяин был к нему добрым. Приходилось ездить и в дождь, и в стужу, и ночью, и днем, и в буран, и в ясную летнюю погоду, когда вольный степной ветер бросал в лицо душистые запахи трав, невольно поднимая настроение, но и тогда только тычки в спину и крик «Гони, дурак!» оставались неизменными.

А сегодня — удивительно!.. Обычно злое, с торчащими вверх усами лицо полковника теперь казалось мягким и добрым. В уголках маленьких, как кнопки, немигающих глаз собрались легкие морщинки, как мелкая рябь на реке, которой всегда любуется Жамак, приводя утром коней на водопой... «Э-э, понятно: по службе соскучился и теперь радрадешенек, что возвращается...» — мысленно проговорил Жамак, догадываясь о причине хорошего настроения хозяина. Он заметил, что полковник жадно всматривался в двухэтажный каменный дом.

Но полковник, вдруг переменившись в лице, грубо крикнул:

— Не знаешь, что ли, куда ехать, дурак! К губернатору держи, не на службу, а к дому!..

— Но-о!..— Жамак щелкнул вожжами и повернул кошевку к большому дому.

Полковник, за долголетнюю верноподданническую службу научившийся почитать и уважать военачальников, и на этот раз, не заезжая к официальному представителю Войскового правительства адвокату Фомичеву, первым долгом решил навестить самого наказного атамана Мартынова.

Прибыв на свою городскую квартиру, полковник умылся, нафабрил усы и, надев новый мундир, поспешно вышел на улицу. В приемной вице-губернатора, где в старые «добрые» времена толпились купцы, богатые горожане и разного рода просители, теперь было тихо и почти безлюдно, только военные торопливо сновали взад и вперед, хлопая дверями. На диване сидели два капитана и мирно беседовали между собой. Заметив вошедшего полковника, они вскочили и, щелкнув каблуками, отдали честь. «Адъютанты наказного...» — подумал полицмейстер, едва заметно кивнув головой. Не останавливаясь, он прошел прямо к столику, за которым сидел казачий полковник.

— Помощник атамана!..— представился казачий полковник, вставая и протягивая руку вошедшему.— Рад видеть вас, султан Арун-тюре [1].

Султан Арун-тюре поблагодарил полковника за приветствие и сказал, что он только сейчас прибыл в Уральск и немедленно хочет встретиться с наказным атаманом.

— Мне нужно срочно переговорить с ним по неотложным служебным делам.

— Прошу вас, султан, чуточку подождать, у атамана сейчас генерал. О вашем прибытии я доложу!..

Полковник ушел.

Арун-тюре грузно опустился в кресло. Обещанная полковником «чуточка» оказалась очень долгой. Султан несколько раз вынимал из кармана часы и с тоской поглядывал на стрелки. Наконец ему надоело сидеть, и он стал нетерпеливо прохаживаться по комнате. Взгляд его привлекли обветшалые, выцветшие портреты генералов. Он остановился и начал рассматривать худые и полные брюзгливые лица, мысленно проклиная их, словно не атаман Мартынов, а они заставляли его переживать унизительные минуты ожидания. Капитаны-адъютанты продолжали сидеть на диване и о чем-то перешептывались, Арун-тюре искоса поглядывал на капитанов, но, чтобы не уронить своего достоинства, делал вид, что не замечает их.

---

[1] Тюре — начальник *(иран.)*.

* * *

В день переворота наказной атаман Мартынов назначил генерала Емуганова председателем военно-полевого суда, и теперь генерал, готовясь приступить к выполнению своих обязанностей, пришел к наказному, чтобы уточнить списки и согласовать, кому из заключенных какой вынести приговор. Многие недолюбливали генерала за его чрезмерную жестокость, но атаман Мартынов как раз и ценил в нем это качество. Низкий, сутуловатый, с короткой и толстой шеей, которую по уши закрывал жесткий воротник мундира, Емуганов имел странную манеру выдвигать при ходьбе правое плечо вперед. Нижние чины прозвали его за это «тщеславным коротышем». Он и теперь, прохаживаясь по комнате, неуклюже выставлял правое плечо. В противоположность Емуганову, наказной атаман Мартынов был высок, угловат и грузен, говорил басом, внушительно и властно. Теперь, усадив Емуганова напротив себя, он давал указания об ускорении следствий и о немедленном вынесении смертных приговоров большевикам, сидевшим в Уральской тюрьме.

— Расстреливать всех, всех, кто хоть сколько-нибудь причастен к революции!.. Вы спрашиваете, что делать с гимназистами? Если против них нет достаточных улик, то... исключить из гимназии,— медленно докончил Мартынов.

Емуганов не случайно начал разговор о гимназистах. Сегодня ему жаловался начальник тюрьмы, что арестованных каждый день пригоняют из поселков и деревень прямо толпами, а сажать их некуда, все камеры до отказа забиты.

Как бы между прочим он дал понять, что в тюрьме зря занимают камеры шестьдесят два гимназиста, которые даже по фамилиям нигде не значатся. Они устраивают в камерах невероятный галдеж, распевают песни и вообще творят безобразия. Емуганов был согласен с начальником тюрьмы, что гимназистов надо выпустить, но не дал на это своего согласия, решив предварительно на этот счет заручиться мнением наказного. И вот теперь он осторожно намекнул атаману Мартынову на гимназистов.

— Верно вы говорите, Кирилл Матвеевич,— подтвердил Емуганов.— Безвинных не сажают в тюрьму. Арестовывают только тех, кто нарушает порядок и восстает против законной власти. Гимназисты тоже кое в чем замешаны, но не настолько, чтобы их судить. Конечно, исключить из гимназии их обязательно следует, но, по-моему, прежде чем выпустить их из тюрьмы, необходимо выпороть розгами. Пусть запомнят и сыновьям закажут, как бунтовать!.. Как вы думаете?..— генерал, втянув голову в воротник, разразился сиплым смехом.

— Розгами?.. Хе-хе-хе!.. Умное наказание...

В комнату вошел полковник:

— Султан просит вашей аудиенции.

— Какой султан?

— Султан Арун-тюре Каратаев.

— А-а... его кто звал сюда? После драки кулаками махать?.. Когда нужно, с огнем не сыщешь никого, как полевые мыши, прячутся по норам...

— Совершенно верно, Кирилл Матвеевич,— поддержал атамана Емуганов, все еще продолжая смеяться.— Эти султаны всегда рады на готовое... теперь повалят один за другим...

— Султан Арун-тюре Каратаев сидел в свое время в тюрьме. Его освободил барон Дельвиг. После этого султан был вынужден уехать в свое имение и скрываться там. Он только сегодня вернулся в Уральск и желает засвидетельствовать вам свое почтение,— вставил полковник.

— Вы удивительно метко, Кирилл Матвеевич, сравнили этого султана с черной полевой мышью... Он может нам здорово пригодиться. Султана можно направить по следам его земляков-большевиков, он старый сыщик и сможет оказать нам весьма большую услугу.

— Пусть войдет! — распорядился атаман Мартынов.

Султан Арун-тюре в это время нетерпеливо поглядывал на свои золотые часы и уже начинал нервничать. К нему подошел помощник атамана и, козырнув, проговорил:

— Его высокопревосходительство наказной атаман милостиво просит вас, султан Арун-тюре, к себе.

Помощник атамана учтиво склонил голову, словно он и не был свидетелем только что происшедшего не очень лестного для султана разговора между наказным и генералом. Затем полковник, широко распахнув двери, движением руки пригласил султана войти в кабинет.

Стройный и подтянутый, полицмейстер легко и уверенно перешагнул через порог.

— Верноподданнейший слуга его императорского величества обер-полицмейстер и шеф жандармерии города Уральска султан Арун-тюре, отстраненный бунтовщиками от своих священных обязанностей, имеет честь засвидетельствовать готовность служить царю и отечеству! — взяв под козырек, отрапортовал Арун-тюре. Подойдя легкой и красивой походкой к столу, пожал протянутую атаманом Мартыновым руку.

— Рад видеть вас, султан Арун-тюре, покорнейше прошу садиться.— Голос прозвучал тихо и вяло, как-то не верилось, что это говорил сильный и волевой старик.— Желаю

вашей семье всякого благополучия и надеюсь, что ваша благородная супруга изволит пребывать в полном здравии.

— От души благодарю вас, ваше высокопревосходительство, за столь любезное отношение ко мне и моей семье,— ответил с достоинством Арун-тюре, четко выговаривая каждое слово.— Высокообразованное общество восхищается вашим мужеством и достойными самой высокой похвалы действиями по усмирению неблагодарной голытьбы во славу и процветание отчизны! Жители нашего края всегда будут преисполнены благодарности вам за вашу отвагу и решительность.

Атаман ответил едва уловимым кивком головы.

Арун-тюре слегка поклонился сидевшему в кресле генералу и извинился, что не знаком с ним. Однако атаман Мартынов не счел нужным познакомить их. На поклон султана генерал тоже слегка наклонил голову, но не встал и не подал руки, желая подчеркнуть свое превосходство, еще удобнее расположился в кресле, откинувшись всем корпусом на мягкую спинку. Но и Арун-тюре не спешил протягивать ему руку, он тоже не хотел ронять своего султанского достоинства. Несколько секунд все трое молчали. Арун-тюре мысленно готовился к беседе. Атаман легонько постукивал пальцами по краю большого дубового стола. Он хотя и знал, что султан после Февральской революции находился в тюрьме и был затем вынужден скрываться в степи, но сделал вид, что ничего не знает, и спросил:

— Во время этой сумятицы... гм... во время этого безвластия вы имели счастье спокойно отдыхать в вашем имении?

Проницательный султан сразу же уловил в словах атамана плохо скрытую иронию.

— Когда его высокопревосходительство вице-губернатора господина Мордвинова сняли, кхе, кхе... отстранили от власти, такая же участь постигла и меня. Но меня не только отстранили, а и взяли под стражу и заключили в тюрьму. Только благодаря усилиям благороднейшего барона Дельвига мне удалось кое-как выпутаться из этой неприятной истории. Пришлось на время уехать в свое дальнее имение, в степь.

Атаман Мартынов, только что говоривший султану: «Рад вас видеть!..», теперь, казалось, не испытывал никаких радостных чувств. Напротив, он как будто сожалел, что бывшего полицмейстера и шефа жандармерии города Уральска освободили из тюрьмы. А султану хотелось, чтобы атаман порадовался за него и поздравил с благополучным возвращением на службу. Острым взглядом Арун-тюре подметил, как бре-

зливо шевельнулись ноздри наказного. Генерал Емуганов, молча наблюдавший за блеском черных, как бусинки, глаз полицмейстера, еще раз мысленно согласился с наказным, что султан здорово похож на черную полевую мышь. Он отвернулся и с трудом удержал невольно заигравшую на губах улыбку. Между тем Мартынов стал сухо рассказывать о том, как был разгромлен Уральский Совдеп и в городе восстановлена «законная» власть Войскового правительства. С большой похвалой он отзывался о деятельности генералов своего штаба.

— Благодаря исключительным способностям господина Михеева и особенной энергии генерала Акутина мы в одну ночь уничтожили здесь большевистский центр и вернули обществу мир и спокойствие. Однако многие члены Совдепа успели скрыться и, видно, надеются уклониться от правосудия. Особенно ваши сородичи-большевики. Как просо по полю, рассыпались они по аулам, и кое-кто действительно может ускользнуть от наказания, если не будет проявлена с нашей стороны максимальная прозорливость. Не нахожу надобности напоминать вам, высочайший султан, о нашем высоком долге перед отчизной и надеюсь, что вы вместе с его высокопревосходительством генералом Емугановым направите все свои усилия на полное искоренение красной заразы. Вы знакомы, генерал, с султаном Арун-тюре Каратаевым? — обратился атаман к Емуганову.— Желаю вам успеха! — И, снова повернувшись к полицмейстеру, деликатно добавил: — Как выберете время, высочайший султан, заходите к нам откушать чаю.

Генерал Емуганов встал. Арун-тюре тоже, почувствовав, что аудиенция окончена, склонил голову:

— Тронут вашей любезностью, сочту за высшее удовольствие и счастье быть в вашем обществе и в обществе вашей благороднейшей супруги Елизаветы Николаевны. Как только улажу все дела, непременно зайду.

Емуганов и Арун-тюре вышли из комнаты. Генерал неожиданно взял султана под руку, как хорошего старого знакомого, и повел его в свой кабинет.

2

Как тараканы, повыползали из своих щелей и разные жандармские чины, едва султан Арун-тюре появился в управлении. В формах и без форм они толпились в коридорах и комнатах.

Султан собрал всех своих бывших сыщиков, по рвению напоминавших охотничьих гончих, и стал внушать им, что

самая главная и почетная задача сейчас — выловить всех большевиков и сочувствующих им и навести в городе и по всей губернии порядок. Убедившись, что сыщики вполне уяснили себе, что они должны делать, отпустил их и стал раздумывать, как действовать дальше. «Эти псы болвана наказного без разбору кидались на всех и только напортили дело... А кто будет до конца доводить?.. Кто соизволит заняться поимкой тех большевиков, которые укрылись в русских деревнях и казахских аулах? Кстати, где размещена их типография? Каждый день появляются новые листовки и воззвания, каждую ночь их сотнями расклеивают на заборах. Не заборы, а пестрые халаты сартов! И впрямь можно подумать, что эти большевики — колдуны. Просто непостижимо, неужели их прячет весь город? Неужели из каждых трех один большевик, а двое других — сочувствующие ему?...»

— Позвать ко мне исполнителя чрезвычайных поручений при туземном управлении толмача Курбанова! — приказал султан своему секретарю.

— Есть позвать, султан Арун-тюре! К которому часу прикажете ему явиться?

Арун-тюре, чуть помедлив, ответил:

— Пусть придет немедленно!

Но Курбанов, которому было приказано явиться немедленно, долго не показывался в жандармском управлении. Несколько раз султан принимался ходить взад-вперед по кабинету и снова садился за письменный стол. Лишь только когда прошло добрых полтора часа, секретарь наконец доложил, что толмач Курбанов прибыл.

— От всего сердца рад вашему благополучному возвращению, султан Арун-тюре,— проговорил толмач и слегка склонил голову.

— Благодарю вас, садитесь.

— Дел много,— начал толмач, присаживаясь.— Земство завалено делами, и всё земельные тяжбы!.. Просто удивительно, с чего это наши казахи снова начали спор за давно отошедшие к хохлам клочки земли. Ведь это узкие клочки, представляете, самые узкие! Словно степи им мало, такие просторы —немереные. Я никак не могу понять, для чего им понадобились эти клочки земли величиной с коровий язык?..— Курбанов говорил о тяжбах как о большом и важном деле, хотя хорошо знал, что они вовсе не интересуют султана.

«Знает, хитрец, зачем я его вызвал,— думал Арун-тюре, слушая толмача.— А притворяется невинным ягненком, о тяжбах начал разглагольствование...»

— Разве земельный, а не идейный спор сейчас является самым главным, господин Курбанов? Нам с вами надо бы сейчас отложить все эти мелкие дела земства в сторону и заняться более серьезными и важными.

— Вы говорите: идейный спор?.. Да разве это спор! Это настоящая, не знающая ни жалости, ни пощады резня, которая определенно кончится тем, что люди перегрызут друг другу глотки. Вмешиваться в такие дела могут лишь люди крупного масштаба, такие, например, как вы, султан. А разве нам, мелюзге, можно соваться в эту кашу, ведь мы беспомощны, султан.

— Хм!.. Но я полагаю, господин Курбанов, наша гражданская совесть не позволит нам сидеть сложа руки и бесстрастно созерцать то, что творится кругом?

«Зачем он меня вызвал? — подумал Курбанов.— Чтобы читать эту мораль? Или хочет дать мне какое-то задание?..»

— В городе, как выяснилось, еще скрывается много разбойников, и, к сожалению, наших с тобой сородичей,— продолжал между тем Арун-тюре, намекая на революционеров-казахов,— которых нужно немедленно поймать и арестовать.

— Разбойников, говорите? Это вы имеете в виду шайку конокрадов известного Аязбая, султан? — словно не поняв полицмейстера, переспросил Курбанов.

Арун-тюре поморщился. Ему не понравились ни ответ Курбанова, ни интонация, с какой толмач произнес последние слова. Размышляя над причинами все усиливавшегося влияния большевиков на население, султан часто приходил к выводу, что не только мелкие чиновники и голытьба, ютящаяся в рабочих кварталах города, но и многие татары-торговцы и даже образованные люди заражены идеей большевизма и скрытно ведут разлагательскую работу среди народа. И вот Курбанов, теперь сидевший перед ним, был словно живое подтверждение этим выводам. Толмач явно хитрил, прикидываясь простачком, старался увильнуть от прямого ответа, ссылаясь на занятость своими земскими делами и беспомощность. «Неужели он и в самом деле, не понимает сущности того, что творится сейчас в России? Если так, то это совсем плохо... Но, может быть, просто не хочет со мной разговаривать, ведь он тоже государственный чиновник!..»

— Господин Курбанов! Я совершенно далек от мысли считать вас человеком, сочувствующим большевикам, однако ваш ответ заставил меня обо многом подумать. Вы, конечно, прекрасно поняли, кого я имел в виду, когда говорил

о разбойниках. Если вы не знаете, где они скрываются, это другое дело, так и надо говорить. Видимо, ваша земская работа настолько отвлекает вас, что вам совершенно не остается времени подумать о других, более важных вопросах. Но тем не менее вы должны знать, что если не искореним полностью нашего общего врага — большевизм, то ни в земстве, ни в каком-либо другом учреждении порядка не будет. Да и будут ли вообще существовать сами эти учреждения!

— А-а, вы говорите о казахах-большевиках? Понял, понял. Вполне с вами согласен. Но, султан, я же не работник следственных органов, чтобы знать, имеются в городе враги или нет и где они скрываются. Поэтому вполне естественно, что я не смог сразу понять вас, вернее, ваш намек,— улыбнувшись, сказал Курбанов. Но улыбнулся только уголками губ, а брови остались нахмуренными и темно-бронзовое лицо мрачным.

Курбанов умел хорошо скрывать от собеседника свои истинные чувства и мысли, редко поддавался уговорам, был остроумен. Многие избегали с ним встречи только из-за его острых и колких шуток. Но толмач так же хорошо мог перевоплощаться и в простачка и тогда наводил уныние и скуку на собеседника. Так было и теперь. Даже Арун-тюре, любивший оперативно принимать решения и так же быстро выполнять их, сейчас начал позевывать. Он недовольно заерзал в кресле, словно под него вдруг подложили кошму с закатанными в нее репьями.

— Вы прекрасно знаете, что деятельность подпольных типографий за последнее время усилилась. Кое-что нами уже обнаружено, но...— султан поднял вверх указательный палец.

Говоря: «Кое-что нами уже обнаружено...», Арун-тюре этим хотел дать понять Курбанову, что полицейское управление не бездействует. На самом же деле султан только прилагал усилия, чтобы обнаружить типографию, но пока что все старания его были тщетны.

Курбанов удивленно вскинул брови:

— Все возможно... Мне одно только не понятно: вы спрашиваете меня о том, чего я совершенно не знаю. Я уже сказал вам, что не являюсь работником органов надзора и не имею к сыскным делам никакого отношения.

— Хотя вы и не являетесь нашим работником, но вам поручалось ведение особо секретных дел, вы неплохо выполняли важные государственные задания. Нам это доподлинно известно, господин Курбанов. Вы имеете связь с влиятельными людьми и некоторыми представителями черни.

Вот почему в этот тяжелый для отчизны момент мы вынуждены снова обратиться к вам за помощью, и ваш гражданский долг должен подсказать вам, как поступить...

Арун-тюре встал и, бросив суровый взгляд на толмача, отошел к окну.

Курбанов задумался. Он покосился на широкую спину султана, затем перевел взгляд на висевший над креслом обер-полицмейстера обветшалый, невзрачный портрет царя Николая Второго с чуть продолговатым апатичным лицом и рыжей бородкой. «Вот такие типы, как султан, в раболепном преклонении веками поддерживали твой трон!.. Хорошо говорится об этом в казахской пословице: «Один-единственный катышек способен испортить целый бурдюк масла!..»

— Султан, ведь эта мода уже устарела?! Если, конечно, не вздумали снова отдать Россию с ее шестьюдесятью нациями в кровожадные лапы двуглавого орла! — сказал толмач, кивнув подбородком на царский портрет. Казалось, он закусил губы от ненависти, так они были плотно сжаты.

— Сейчас, когда кругом анархизм и безвластие, когда происходят мятежи, двуглавый орел олицетворяет символ железного порядка. Он должен висеть на стене! Но не затем я вызвал сюда вас, господин Курбанов, чтобы толковать об этом. Вы уже выполняли важные поручения, у вас богатый опыт. Кроме того, вы пользуетесь авторитетом в народе, казахское и татарское население вам доверяет и ничего не станет утаивать от вас. Вы должны нам помочь найти большевиков.

— Я работник другого профиля, Арун-тюре. Эти слова не должны вас обидеть. Вас и ваше учреждение я очень ценю. Но лично я для службы в нем не способен,— решительно заявил Курбанов, глядя в упор на султана.

— Ну что ж, ладно, обойдемся и без вашей помощи. Но, уверяю вас, придет время — и вы будете раскаиваться. Я имел самые добрые намерения предоставить вам возможность искупить ваши прошлые грехи,— холодно сказал султан.

— Султан, не пугайте. Совесть моя чиста. Ни в прошлом, ни теперь я никаких преступлений не совершал. Вы ошибаетесь, мне нечего искупать.

— Подумайте, господин Курбанов. Вспомните ваши связи в восточных странах... Ведь вы, кажется, ездили туда в составе миссии торгового представительства, а?.. Впрочем, будем откровенными. Я имею в виду ваши переговоры с главным визирем...

— Никакой измены не было. Веяния времени заставляют каждого задуматься о судьбе своего народа, о судьбе угне-

тенной нации, султан. Это не преступление, это — гражданский долг! — Курбанов встал, его бледное лицо слегка порозовело. Опершись руками о край массивного дубового стола, он пристально посмотрел на султана.— Прошу оставить пустые угрозы, султан Арун-тюре. Я уверен, если бы вы располагали в достаточный степени компрометирующими материалами, вы не пощадили бы меня.

— Тогда пеняйте на себя. Я не трогал вас, надеясь, что вы все же окажетесь честным гражданином. Опираться на извечного нашего врага, на Стамбул,— это преступление, прощения которому нет,— еще более холодно проговорил Арун-тюре.— Мне больше нечего вам сказать, идите!

Курбанов не шелохнулся. Он продолжал пристально смотреть на султана, лицо его теперь стало серым.

— Хорошо,— сказал толмач, на скулах его задвигались желваки.— Какую же роль вы мне приготовили?

— Не позднее как завтра я должен знать, где находится комиссар Абдрахман Айтиев и типография, в которой он печатает листовки.

Так же как и при встрече, Курбанов едва заметно кивнул головой и, не говоря ни слова, вышел.

— Согнешься еще, как таловый прут,— процедил сквозь зубы султан, когда за толмачом захлопнулась дверь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

Прокурор окружного суда барон Дельвиг был широко известен в Уральске не только как юрист, но и как автор довольно объемистого труда о ростовщичестве. В течение многих лет он наблюдал и изучал ростовщичество в казахской степи, так называемую «осимь» и «несие»: когда скот отдавался кому-нибудь в пользование на определенное время и затем возвращался с нагулянным приплодом. Об этой системе и написал барон Дельвиг книгу. Одним словом, в интеллигентских кругах он славился и как юрист и как ученый. Он был лично знаком со всеми именитыми людьми округа, а с богатым хаджи Шугулом водил особенно тесную дружбу и называл его тамыром [1]. Бывая у него в доме, барон присматривался к ростовщической деятельности старика и тем самым пополнял свои знания в этой области. Дельвиг

[1] Тамыр — приятель, друг.

ездил гостить к Шугулу большей частью летом, когда у хозяина бродил в сабах[1] кумыс. И хотя барон плохо говорил по-казахски, а старик Шугул почти ни слова не знал по-русски, они иногда очень хорошо понимали друг друга. Особенно понятны для обоих были слова: «осимь хорош» и «несие законно»[2]. Видно, старику Шугулу очень нравилось получать хороший «осимь», а Дельвигу — что «несие» отдавалось на законном основании. Между тем ростовщическая система «несие» имела свои особенности и во многом противоречила закону. Но прокурор старался не замечать этого. В своих статьях и книге он, напротив, всячески хвалил эту дикую систему ростовщичества, подкрепляя свои выводы философскими формулами из Гегеля. Дельвиг частенько читал Гегеля в оригинале, на немецком языке, но многое для него было туманным, и лишь одно твердо усвоил барон из трудов знаменитого философа: «Все действительное — прекрасно». Это он помнил хорошо, и часто, когда ему приходилось оценивать те или иные явления жизни, он не выходил за пределы этого излюбленного изречения.

Когда генерал Емуганов попросил прокурора Дельвига дать санкцию на арест уже посаженных в тюрьму людей, барон не сразу согласился.

— Схожу сам, посмотрю...— сказал он.

Но в душе Дельвиг был вполне согласен с генералом Емугановым. «Конечно, сажать людей в тюрьму без санкции прокурора — незаконно, но, раз это свершилось, значит, верно»,— рассудил он. Приказав запрячь в коляску своего лучшего, серого в яблоках, рысака, он поехал в тюрьму, прихватив с собой сына старика Шугула— доктора Ихласа. Доктор как раз в это время зашел к нему, чтобы попрощаться перед отъездом в Джамбейту.

В течение трех дней тюрьма беспрерывно пополнялась новыми партиями арестованных. Чтобы разместить их, генерал Емуганов решил выпустить гимназистов. Перед освобождением, для острастки, приказал выпороть их розгами. Экзекуция происходила на широком тюремном дворе. Прокурор Дельвиг и доктор Ихлас приехали в тюрьму как раз в момент порки и невольно стали свидетелями этой неприятной сцены.

Доктор Ихлас в первую минуту растерялся. Сняв золотое пенсне, он принялся тщательно протирать стекла; барон тоже почувствовал неловкость, особенно перед доктором, ко-

[1] Саба — бурдюк, сосуд из кожи, в котором хранится кумыс.

[2] «Осимь хорош» и «несие законно» — возвратил хорошо и отдал в пользование законно.

торого случайно привез с собой. Неожиданный приезд прокурора смутил и начальника тюрьмы. Быстро переступая маленькими кривыми ногами, он заспешил навстречу барону, дрожа и пугливо озираясь.

— Ваше сиятельство,— скороговоркой начал он,— это по приказу его превосходительства, господина генерала... мы только исполняем... извините... Только по пять ударов перед освобождением...

— Им, значит, санкции не требуется, раз они выходят из тюрьмы,— проговорил прокурор.— И все-таки наказание розгами — нарушение закона...

— Это для острастки, чтобы навеки зареклись бунтовать! Так приказали их превосходительство... А оно, конечно, может, и незаконно...

— Где генерал?

— В моем кабинете, ваше сиятельство...

Дельвиг посмотрел на тюремных надзирателей, которые только что положили для порки очередного гимназиста. Один из них сел юноше на ноги, второй стал у изголовья, третий ритмично, с оттяжкой стал стегать его розгами по смуглой худой спине... Там, где ложилась розга, вздувался синий кровяной рубец. Удар за ударом — и спина гимназиста превращена в сплошной багрово-красный волдырь. Через несколько минут на скамейку кладут другого. Опять багровые полосы на смуглой коже... Надзиратель машет розгой с остервенением, бьет изо всей силы, и кажется, что это занятие ему приносит удовлетворение. Гимназисты не кричат, стиснув зубы, молча переносят боль. Только тела их против воли при каждом ударе судорожно вздрагивают.

«Лопаются мельчайшие подкожные капилляры, кровь попадает в ткань, от этого спина вздувается и синеет...» — думает доктор Ихлас, глядя на исполосованных розгами гимназистов.

Барон Дельвиг, морщась, отвернулся и пошел в кабинет начальника тюрьмы. Он хмурил брови, делая вид, что страшно недоволен самоуправством, но мысленно уже повторял излюбленную формулу из Гегеля: «Все действительное — прекрасно!..»

Как у беспомощных ягнят, глаза гимназистов выражали покорность и смирение. Тесно прижавшись друг к другу, они безропотно ждали, когда настанет их очередь переносить это позорное, унизительное и вместе с тем мучительное наказание. Доктор Ихлас, разглядывавший гимназистов, неожиданно заметил знакомое лицо. Хаким, охваченный ужасом перед поркой, давно уже с надеждой ждал, когда Ихлас взглянет на него. «Может быть, доктор выручит меня?..»

Всем своим существом он как бы говорил: «Спасите!» И вот доктор увидел его, мгновенно отвернулся и тоже зашагал вслед за Дельвигом в кабинет начальника тюрьмы, но тут же остановился. «А я еще хотел сделать его своим нукером, этого глупца и бунтаря. Собственно, ничего другого и нельзя было ожидать от сына известного бузотера Жунуса!..»

Но Ихлас все же подошел к Хакиму и с удивлением спросил:

— Как ты попал сюда? Или уже в студенческую организацию бунтарей вступил?

— Нет, Ихлас-ага. По ошибке. Сидел на крыльце курбановского дома, подъехали казаки, схватили меня и пригнали сюда. Говорят: «Ты приклеивал листовки!..» А мне никогда и в голову не приходило такое, чтобы ходить расклеивать листовки. Это делают какие-то мальчишки, сам видел. А эти вот,— он кивнул головой в сторону надзирателей,— думают, что все это сделал я,— тихо закончил Хаким. Он облегченно вздохнул и с радостью подумал: «Ну, теперь я избавлен от этой срашной порки!..»

Доктор Ихлас улыбнулся, чуть шевельнув уголками рта, снял пенсне и, вынув из кармана черного пальто большой носовой платок, стал неторопливо протирать им стекла.

— Да, нехорошо получилось с тобой. А знаешь, как это называется по-казахски? — спросил он Хакима и, не дожидаясь ответа, добавил: — Ты как ялух, случайно попавший вместе с матками в косак [1]...

Стоявший рядом тюремный фельдшер, прислушиваясь к разговору доктора с гимназистом, решил: «Наверное, хороший знакомый или родственник...» Внешне Ихлас и Хаким были похожи друг на друга: оба высокие, стройные, красивые, и даже цвет лица у обоих был одинаков — бледно-матовый. Только доктор выглядел чуть погрузнее.

— Не родственник ли вам этот джигит, доктор? — спросил тюремный фельдшер.

Ихлас задумался. Нет, он не мог признать арестованного гимназиста своим родственником, это унизительно.

— Просто земляк, из одних мест мы.

Фельдшер отошел к начальнику тюрьмы, стоявшему в сторонке, и что-то шепнул ему на ухо. Тот в знак согласия кивнул головой, подозвал одного из надзирателей и тоже что-то тихо сказал ему. Хаким напряженно следил за ними. И вот надзиратель подошел к нему, молча взял за руку и повел к Ихласу.

---

[1] Косак — натянутая между двух столбиков веревка, которой петляют овец для дойки.

— Вашего земляка освободили без порки,— улыбаясь, сообщил фельдшер Ихласу и отдал честь.

— Спасибо. Но все-таки не вредно было бы палок пяток всыпать этому разине, чтобы поумнее был и в следующий раз не лез караулить чужие ворота,— степенно ответил доктор и тоже чуть улыбнулся уголками рта. Он не спеша рассказал тюремному фельдшеру, как Хаким попал в камеру.

— Пойдемте отсюда, доктор, эту процедуру надзиратели прекрасно проделают и без нас,— предложил фельдшер.

Шугулов согласился, и они вдвоем зашагали в тюремную канцелярию, где размещался и маленький врачебный кабинет. Он был тесен и темен, небольшое окно плохо освещало длинную, коридорообразную комнату. Фельдшер, усадив Шугулова на стул, попросил осмотреть одного больного.

— Будьте добры, доктор, ослушайте и осмотрите...

В комнату привели комиссара Нуждина. Грудь, руки и голова его были перебинтованы, кровь просочилась сквозь бинты и засохла красными пятнами. У него была прострелена левая рука, сломано предплечье и пробита голова, на отекшем лице виднелись кровяные подтеки. Ихлас, мельком взглянув на арестованного, поспешно осмотрел рану и тут же велел снова забинтовать ее.

Когда Нуждина увели, фельдшер спросил:

— Как вы думаете, заживет?..

Ихлас снял пенсне. Он имел привычку всегда снимать пенсне во время разговора, и особенно когда смеялся: оно спадало с тонкого носа. Видимо, поэтому он и улыбался всегда только уголками рта.

— До свадьбы заживет,— ответил он русской поговоркой.

Тюремный фельдшер, умудренный жизненным опытом (не одна сотня арестантов умерла в его тюремной больнице), сразу понял, о какой «свадьбе» говорил доктор...

2

Хаким не помнил, как он очутился на улице, как тюремные ворота, выпустив его, тяжело проскрипели за спиной. Он был возбужден и обрадован, вырвавшись из душной камеры на свежий воздух. Бодрость и сила растекались по телу, он не шел, а почти летел и чувствовал себя легче пушинки. Ни разу не обернулся назад — глаза жадно впивались в окружающий светлый мир: небо было необыкновенно голубым и ясным, серые стены домов — приветливыми и ласковыми; хотелось жать руку каждому прохожему и кричать: «Я жив! Я жив!» «Сон это или явь?..» — думал Хаким, стара-

ясь одним взглядом охватить всю необъятную даль, стелившуюся перед ним. Да, он видел все наяву: и важного кучера на козлах, и военного с усиками в кошевке, и того, с лопатой, что отводит от ворот талую воду, и куда-то спешащую женщину, и торопливо шагающего чиновника с папкой — все это живые, настоящие люди. Под ногами хлюпает талый снег, сосульки со звоном разбиваются о камни, из труб тонкими струйками вьется синеватый дымок...

Пройдя несколько кварталов, Хаким остановился. Он только теперь почувствовал, что промокли ноги. Оглядев себя, ужаснулся: форменное пальто из темного сукна измято, полы забрызганы грязью, на брюки страшно смотреть — тоже все в грязи. Хаким провел ладонью по лицу, и ему показалось, что и щеки покрыты толстым слоем грязи. Стало ясно, почему прохожие смотрят на него. Он свернул с Губернаторской на глухую Причаганскую улицу и опять побежал, торопясь поскорее добраться до квартиры, вычистить пальто, вымыться, причесаться, надеть чистое белье, переменить рубашку и костюм и выйти на улицу. Пока сидел в тюрьме, редко вспоминал о Мукараме, угнетало другое — позор и неволя, но теперь, когда он снова был на свободе, опять всем его существом завладели мысли о встрече с любимой. Хотелось поскорее увидеть ее, переговорить обо всем, ведь перед арестом он так и не виделся с ней. «А вдруг она разыскивала меня? Что она подумала о моем внезапном исчезновении? Что ей скажу, как объясню причину моего ареста? Позор, позор!.. Она не поверит... Да и сказать, что сидел в тюрьме,— лучше умереть!..— думал Хаким, пробегая мимо серых низких домиков.— А все это наделали проклятые казаки, привыкли бить кого попало нагайками, идиоты! Настоящие идиоты! Разве они когда разбирались, кто виноват, кто прав. Они и теперь всех подряд сажают в тюрьму. Чем виноват, например, тот старик, что сидел со мной в камере? А адвокат и татарин-рабочий?.. В чем их вина? А гимназисты?.. О Россия, управляемая держимордами!..»

Хаким рывком открыл дверь и почти вбежал в комнату. Сидевший за книгой Сальмен вскочил и радостно кинулся навстречу.

— Жив?! Откуда? А вид-то у тебя какой, словно из земли вылез! Четвертый день ищу тебя, где ты пропадал? Я уж думал, не казаки ли изрубили?..

— Не спрашивай, Сальмен, не надо, это ужасно. По сравнению с тем, где я был и что видел, даже дантовский ад покажется раем. Как вспомню эти розги, которыми пороли гимназистов, мороз по коже бежит, словно ремни со спины срезают... Тьфу, будьте вы прокляты, блюстители сумасшед-

шего порядка сумасшедшего времени!..— взволнованно докончил Хаким.

— Сидел в тюрьме?

— А ты что думал? Надо скорее, скорее уходить из этого гадкого места...

Хаким рассказал Сальмену о своих злоключениях и попросил его:

— Никому не говори о моем позоре. Чтобы никто не знал, ни дирекция, ни... Особенно смотри не проговорись Мукараме...

— Обожди-ка, тут она тебе записку оставила.

Сальмен вынул из книги письмо и передал его другу. Хаким торопливо раскрыл и начал читать:

«Хаким! Я приходила к вам три раза, но вас все не было дома. Даже ваш товарищ не знает, куда вы исчезли. Помните, как часто я подшучивала над названием вашего уездного городка? А вот теперь я еду туда на работу. Меня устраивает доктор Ихлас в свою больницу медсестрой. Так пожелал мой абый. Абый и умный и деспотичный человек. То, что он сказал, обязательно выполнит... Не клевещу на него, говорю лишь истину. Я не могу не подчиниться ему...

Так вот, еду в вашу Джамбейту. Приезжайте! Приезжайте! Приезжайте! Жду вас!

М. К.»

— Уехала? — спросил Хаким, бледнея.

— Должна была выехать вчера вечером или сегодня утром. Раз не пришла сегодня, очевидно, уехала. Пусть едет, а ты иди мойся и отдыхай.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Небо серое. Воздух влажен. В комнату врывается со двора неприятная пронизывающая сырость.

В тот день, когда султан Арун-тюре Каратаев на паре вороных въехал в город, Абдрахман находился в маленьком домике, расположенном на стыке улиц Губернаторской и Мостовой. Нахмурив брови, он стоял у окна и с тоской глядел на унылую, сбегавшую к Яику улицу, на женщин, копошившихся возле своих калиток,— они отводили от домов талую воду. Абдрахман отошел от окна и, заложив руки за спину, стал прохаживаться из угла в угол полусумрачной комнаты. Чуть поскрипывали чисто вымытые и выскобленные половицы. Неузнаваемо изменился Абдрахман за по-

следние сутки: лицо осунулось, под глазами появились отеки, на впалых щеках ни тени румянца. Но в глазах — решимость и сила. Он думал о предстоящей борьбе, все мысли его были устремлены к родной степи...

Воображение рисовало широкие, неповторимые в своей красе степные просторы. Изумительно прекрасна степь весной! Вот, как брошенная в траву сабля, изогнулась река Барбастау. За нею — гряда холмов в синеватой дымке. Чем дальше едешь в глубь степи, тем отчетливее видны эти холмы, они словно растут и сами набегают на тебя. А там, за кряжем Сырымшыккан (так назвал его народ, потому что когда-то с его гребня обозревали окрестность легендарный батыр Сырым и его дозоры), открывается бескрайняя равнина, сливающаяся с горизонтом. Она вся видна как на ладони. У одинокой могилы мудрой Боргумаш, будто голубой ковер, виднеются холодные воды озера Ханкуль. Глядишь и не наглядишься на весеннюю степь, до того она роскошна и привлекательна. Ветерок колышет густые травы, волнами переливается простор. Только редкие юрты, как черные точки, остаются неподвижными в этой зеленой степи. Изредка попадаются две-три землянки, приютившиеся на берегу ручья. Доедешь до них — и опять равнина с рассыпанными по ней редкими аулами, а за ними — вновь безмолвное приволье, тишина... Радостно смотреть на степь, но нерадостно в ней жить. Тихая, как заброшенный пустырь, дремлет она под полуденным солнцем. Разве сравнишь ее с российским Зауральем, где устремились вверх заводские трубы, где пролегли железнодорожные ветки, где жизнь бьет ключом?..

«Разбудить, разбудить степь! Надо ехать туда, в эти дремлющие просторы, к народу!.. Надо звать людей к новой жизни, звать на борьбу!.. Теперь самое время, да, самое время!..»

Неожиданно, откуда-то с улицы, донесся звон колокольчика. Абдрахман насторожился — нет, это, наверное, ему просто послышалось. Он снова, раздумывая, заходил по комнате. Вспоминались товарищи, которые томились теперь в тюрьме, вспомнился председатель Совдепа Дмитриев и его слова на последнем собрании в типографии: «Мы сами должны возглавлять партийную работу... Члены исполнительного комитета обязаны лично руководить подпольными группами...»

Звон колокольчика повторился, теперь отчетливее и резче. Абдрахман подошел к окну, прислушался — кто-то важный едет по улице!.. Кто?.. Он осторожно отодвинул шторку и посмотрел в щель. От Яика быстро катили к городу сани,

запряженные парой вороных. Колокольчик мелодично вызванивал под дугой коренного. Впереди и позади саней скакали вооруженные всадники — эскорт почетного конвоя...

Абдрахман еще издали узнал человека, сидевшего в санях,— это был султан Арун-тюре Каратаев.

Откинувшись на мягкую, покрытую ковром спинку саней, султан держался самоуверенно. Быстро и торжественно промчались сани мимо маленького домика, у окна которого стоял Абдрахман.

Уже стих топот и смолк звон колокольчика, а Абдрахман все еще смотрел на улицу. Он думал о султане Аруне-тюре, так поспешно и торжественно приехавшем в Уральск...

...Высоко было поднялся по служебной лестнице потомок ханов султан Арун-тюре, но с падением царя Николая Второго лопнула и его карьера, лопнула как мыльный пузырь. Как весенние талые воды, выдернув с корнем кряжистую иву, уносят ее неизвестно куда в своих водоворотах, смыла волна революции султана с насиженного жандармского кресла и загнала далеко в степь. Еще два года назад Арун-тюре Каратаев именем его императорского величества объявил народу июньский манифест царя, по которому молодые казахи мобилизовывались на тыловые работы. Именно он, султан Арун-тюре, сажал в тюрьмы и отправлял на каторгу тех, кто пытался уклониться от мобилизации. Это он, жандармский офицер Каратаев, сломил волю старых казахов и втоптал в грязь жизни молодых. Он, потомок богатых ханов, неусыпно охраняя кровожадный строй империи, получал чины и ордена. В Кокпекты у него обширное имение. Земли его никогда никто не мерял. По три раза в день усердно читает султан молитву: «Боже, царя храни!..» И вот этот человек, более полугода скрывавшийся в степи, снова приехал в Уральск, чтобы еще больше раздуть пожар контрреволюции, чтобы вместе с белыми генералами сажать в тюрьмы, вешать и расстреливать знаменосцев революции, проливать рабочую кровь...

Приезд в город султана Аруна-тюре ускорил решение Абдрахмана покинуть Уральск и выехать в степь, в дальние аулы. Он думал также о спасении членов Совдепа, скрывавшихся в городе.

«Выехать сегодня или, в крайнем случае, завтра, а то будет поздно...» — мысленно проговорил Абдрахман и опустил шторку.

2

У Магрипы такой вид — едва ли кто обратит на нее внимание. Она незаметно может пройти в любую часть города. И все же Абдрахман, посылая ее за гимназистом Шамилем

Каратаевым, велел идти глухими улицами, куда почти не заглядывали казачьи патрули.

Худощавый молодой гимназист с тонким, по-юношески гибким станом, войдя в комнату, остановился на пороге и вопросительно посмотрел на Абдрахмана, словно на незнакомого человека или, вернее, знакомого, но которого видел всего лишь несколько раз, давно и успел совершенно забыть. Шамиль смотрел прямо в глаза Абдрахмана и не узнавал его.

Абдрахман заметил его растерянность и спросил:

— Не узнаешь? Или думаешь о том, узнает меня султан Каратаев или нет? Не беспокойся, узнает, да еще как! Изменяйся не изменяйся, от змеиных глаз султана не ускользнешь, везде сыщет. Ну, а здорово я все-таки переменился, как ты находишь?

В уголках глаз Абдрахмана затеплилась улыбка. Шамиль не понял его. Гимназисту показалось, что слова «змеиные глаза султана» относятся к его отцу, ко всей фамилии Каратаевых. «Что это?.. Неужели между Абдрахманом и папой что-то произошло?..» — подумал Шамиль.

— Абдрахман-ага, я не понял, на что вы намекаете. Извините меня, конечно, за мою тупость, но... А смотрю я так потому, что вас совершенно невозможно узнать. Вы совсем не похожи на себя. Я подумал: «Нельзя ли и моему папе вот так же перевоплотиться!..» А так вообще-то, почему же не узнать вас? Надменностью и высокомерием, чтобы не узнавать друзей, ни я, ни папа пока что не страдаем...

Абдрахман засмеялся:

— Оказывается, ты и вправду не понял меня. Под султаном я подразумевал Аруна-тюре Каратаева, а не твоего отца. Это от аруновских змеиных глаз трудно ускользнуть, вот что.

— Но ведь султана в городе нет, он сейчас живет где-то в степи. Можно не опасаться его.

— В том-то и дело, что он вовсе не в степи, а тут, в Уральске. Не больше как час тому назад он проехал мимо моего окна. В такое тревожное время, когда белые генералы подняли головы, наверняка приехал он не затем, чтобы мириться с нами. Вот что, Шамиль, твоего отца нужно немедленно увезти из города. Арун-тюре едва ли поступит по-мусульмански. Хотя твой отец и доводится ему троюродным братом, Арун все сделает, чтобы отправить Бахитжана на дно Яика. За этим-то я и позвал тебя. Где сейчас Баке?

— Папа у Нуртазы.

— У какого Нуртазы?

— У муллы Нуртазы.

— Что он там делает? Он не говорил тебе, что собирается уезжать?

— Нет, ничего... Я ему говорил: «Папа, тебя могут схватить казаки, давай тайком уедем в аул». Он не согласился: «Разве меня в ауле не схватят? Куда, говорит, я со своей бородой и в таком одеянии спрячусь? В ауле я буду у всех на виду, там меня каждый знает и в любое время может выдать... А здесь я более спокоен. Да еще мне надо закончить письмо Ленину и поскорее отправить его!» Вот так он ответил мне, а сам заперся в комнате абыстай[1] и читает отчеты Государственной думы.

— Эх, Баке, Баке,— покачал головой Абдрахман.— Узнаю его... Беспечен, как ребенок. Вот уж воистину святой человек. И нашел же место, где скрываться! Да стоит только чуть нажать на муллу, как этот служитель аллаха самолично отведет Баке к генералам. Наверное, ищейки Аруна-тюре уже поползли по городу... Да, не знаешь, кто кучером у султана?

Шамиль удивленно пожал плечами:

— Не знаю, батрак какой-нибудь, не иначе. Кто же еще в кучера пойдет.

— Вот что, ступай к кучеру Аруна-тюре и скажи ему: «Султан велел немедленно отвезти моего отца на Меновой Двор». Да сначала переоденься в военную форму, будто ты — адъютант султана. Понял? Садись верхом и скачи впереди саней. Казаков увидишь, кричи во все горло: «Дорогу султану-полицмейстеру Аруну-тюре!..» Не останавливайся, мчись во весь опор. Найди форменную одежду и для Баке. Ни один русский, ни один казах не подумает, что это маскировка. Только действуй быстро и решительно, иначе провалишь все дело и обоих вас арестуют.

Глаза Шамиля заблестели.

— Согласится ли папа?

— Я напишу ему записку, согласится.

Абдрахман быстро набросал на клочке бумаги несколько строк и передал Шамилю.

— Скажи отцу, чтобы он не задерживался в Кокпекты, менял лошадей и прямо скакал в Актюбинск. Сам поезжай вместе с ним, пригодишься в дороге, мало ли что может случиться. Из Актюбинска немедленно выезжайте в Оренбург, там обо всем расскажете нашим, заодно и письмо, которое теперь пишет Баке, отправите в Москву. Ну, джигит, это очень рискованное предприятие. Если не будешь дей-

---

[1] Абыстай — жена муллы.

ствовать решительно, погубишь отца и сам погибнешь. Понял?

— Понял, понял.

— Коли понял, немедленно в путь-дорогу! Счастливо вам добраться до Оренбурга. Передай от меня Баке привет. До свиданья, родной, будь смелее!

Абдрахман поцеловал Шамиля в щеку и, взяв под руку, проводил до калитки.

3

В тюрьме из всех гимназистов надзиратели особенно недолюбливали Амира за его дерзкий язык и смелые выходки. Во время порки они всыпали ему вместо пяти «положенных» семь розг.

— Не могу двигаться, все тело болит, словно в цепи заковано! И все же не лег в постель. Теперь-то я понимаю: дороже всего на свете человеку — свобода, нужнее, чем пища. Как вышел из тюрьмы, буквально несся на крыльях, не чувствовал под собой ног, словно ботинки совсем не прикасались к булыжной мостовой. Ты, Хаким, видит аллах, счастливый человек. Нас розгами пороли, спина горит, будто кипятком ее обожгли, а ты легко отделался. Мне больше всех досталось: два лишних удара всыпали, негодяи!.. Видать, фортуна крепко обняла тебя. Да и ты ее... Так что равнять нас невозможно...— отдирая прилипшую к спине рубашку, проговорил Амир. Он всего лишь час назад вышел из тюрьмы и, едва успев переодеться, прибежал к своему другу.

— Тебя «Пифагоровы штаны» загубили,— смеясь ответил Хаким.

— Это верно. Запомнил меня этот начальник с огненно-рыжими усами! С такой злостью посмотрел на меня, когда нас во двор вывели...

— Не будь доктора Ихласа, и по моей спине бы походили розги. Дай аллах здоровья доктору!.. Ума не приложу, откуда он появился? Словно с неба свалился. Да шут с ним, как бы там ни было, если бы не он, влетело бы и мне как следует.

— Да, если бы не Ихлас, получил бы и ты на орехи, не ерзал бы теперь так на стуле... Но, собственно, ты же совсем ни за что попал. Хоть бы с нами на демонстрации был, что ли, а то бродил где-то по улице, вздыхал и охал, а тебя тут раз — и сцапали! Эх ты,— упрекнул Амир друга.

— Теперь назад не вернешь... Надолго запомнится мне

то утро!.. Оказывается, правильно говорят, нельзя праздно прохаживаться по берегу, засунув руки в карманы, когда люди преодолевают переправу...

— Значит, ты тоже не прочь примкнуть к большинству? Ты тоже сторонник нового?..

— Это вопрос давно решенный,— твердо сказл Хаким, ладонью откинув назад упавшие на лоб черные кольца волос.— Только вот ничего не могу с собой поделать, сидит у меня здесь, в сердце, одна девушка... Поэтому я все время как-то и откалываюсь от вас.

— Зачем откалываться, ты и ее веди к нам.

— Об этом следует подумать. Но ведь эта девушка уже уехала в Кзыл-Уй[1].

— Что же, думай, думай... Курица тоже думала, думала, да и не заметила, как снесла яйцо.

— А ну тебя, вечно что-нибудь приплетешь.

— Слушай, друг, сейчас посадят Прометея в колесницу Зевса. Хочешь посмотреть, пойдем,— полушепотом проговорил Амир, наклонившись почти к самому уху Хакима.

Хаким не понял его. Тогда Амир, хотя в комнате никого не было, так же полушепотом рассказал другу, как Шамиль собирается покинуть город...

Пока они собрались и пришли к дому Нуртазы, расположенному как раз возле татарской мечети, Шамиль, посадив отца в сани султана Аруна-тюре, был уже далеко за городом. Он скакал впереди саней, как адъютант султана-полицмейстера, и слышал за спиной громкие возгласы кучера Жамака, подгонявшего вороных.

4

Лютые ветры, всю неделю свирепо дувшие с Сары-Арки, ночью внезапно стихли; к рассвету с юга повеяло теплом. Тяжелые серые тучи угрюмо поползли по небу, сгущаясь, придавливая землю, стелясь туманом над Яиком, обволакивая сырой хмарью холмы в степях. Подтаял и осел матово-лазоревый снег. Днем почти ни разу не появлялось солнце, а к вечеру тучи совсем сгустились, и на землю упала молочно-белая мгла...

Верный признак весны — над городом сегодня впервые появилась утка-кряква, она летела к Шагану.

Абдрахман, держа грабли одной рукой, сгребал во дворе мусор. Заметив уток в сером небе, залюбовался их полетом и смотрел до тех пор, пока они совершенно не скрылись из

---

[1] Кзыл-Уй (Красный Дом)—так называли раньше город Джамбейту.

виду. На душе как-то стало теплее от этих предвестников весны,— казалось, они несли на своих крыльях какую-то радость. Уток уже не было видно, а Абдрахман все смотрел и смотрел в небо, наслаждаясь весенней свежестью, затем тяжело вздохнул и снова принялся за свою работу. Он убирал двор, потому что тоскливо и скучно было сидеть одному в комнате. Маленький домик вдовы Магрипы и небольшой котлообразный дворик напоминали ему далекий родной аул...

Там, во дворе, возле низкой землянки, так же весною был повсюду разбросан мусор, так же местами бугрился нерастаявший снег, плавали в лужах стебельки соломы и ветки. Шатаясь, как призраки, бродили по дворам исхудавшие за зиму коровы и овцы. С тоской поглядывая на серые, еще не успевшие зазеленеть луга, они подбирали все, что попадалось на пути: полувтоптанную в грязь солому, разные будылья и стебельки, прелый камыш. Воду пили прямо из луж, утопая ногами в размякшей земле. Когда еще Абдрахман был маленьким, у них по двору ходила старая красная корова. Однажды она так отощала к весне, что уже не могла подняться. Тазовые кости выпирали из боков так сильно, что казалось, вот-вот они прорвут кожу. Абдрахман с отцом тянули за хвост этот живой скелет, пытаясь поднять ее на ноги, но все было напрасно. Абдрахман живо вспомнил все это теперь, глядя на худую корову Магрипы, которая тоже была кожа да кости. Но она еще вставала на ноги без посторонней помощи. Корова лежала сейчас с заветренной стороны сарая и жевала жвачку, пуская слюну и время от времени жмуря глаза, словно от удовольствия.

Абдрахман не стал тревожить корову, только подгреб около нее мусор и стал убирать другую часть двора. Иногда он останавливался и осторожно ощупывал пальцами больное плечо. Ранка засыхала, но плечо ныло, и Абдрахман опасался, что переломлена ключица. «Пусть даже и переломлена, не беда,— мысленно успокаивал он себя.— Заживет... Могло быть и хуже, могли и вовсе убить...»

За спиной неожиданно скрипнули доски забора. Абдрахман мгновенно повернулся: в серые, обветренные и выжженные солнцем доски впились чьи-то детские пальцы. Пока он соображал, кто это может лезть через забор, показалась круглая голова Сями. Абдрахман поспешил к мальчику, чтобы помочь спрыгнуть ему на землю, но, едва сделал несколько шагов, Сями уже был на земле.

— Тише, упадешь!

Сями, запыхавшись, побежал к Абдрахману:

— Скорее прячьтесь в дом!.. Вас могут увидеть!..

Мальчик тяжело дышал, по его широко открытым глазам было видно, что он сильно напуган.

— Разве кто-нибудь спрашивал обо мне? — нетерпеливо спросил Абдрахман Сями.— Ты что-нибудь слышал?.. Кто может увидеть меня?..

— Шел я сейчас мимо татарской мечети, смотрю, догоняет меня толмач Курбанов и кричит: «Постой, мальчик, отнеси-ка вот эту бумажку Абдрахману Айтиеву!..» Посмотрел я на него и сразу понял, что обманывает. Я сделал вид, что совсем не знаю вас, и сам спросил толмача: «А кто такой этот Айтиев?» — «Ну, большевик Айтиев, который часто приходит к вам в дом»,— ответил он и нахмурил брови. «Не знаю»,— сказал я ему и пошел. А он опять кричит: «Постой, постой, я тебе денег дам!..» — и за мной. Я бегом, только не домой, а совсем в другую сторону. Почти полгорода обежал, пока сюда добрался. А через забор — это чтобы никто не видел, в какой двор я вошел,— торопливо рассказал мальчик.

— Спасибо, родной,— сказал Абдрахман.— Курбанов один тебя встретил или с ним еще кто-нибудь был?

— Вместе с толмачом был еще высокий человек, но он ничего не говорил.

Абдрахман стал перебирать в памяти всех знакомых людей, стараясь угадать, кто же это был с толмачом высокий. Курбанова он знал хорошо, много раз встречался с ним и даже имел продолжительные беседы. «Что за дело у толмача ко мне? Или он уже продался белым генералам? Но ведь он был против царя, враждебно относился к колониальной системе. Однако он ненавидит и революцию!.. Чего же хочет этот Курбанов? И Керенский ему тоже, кажется, не по душе пришелся. Вот уж где истинно отвратительный тип. Как назвал его Баке?.. Кажется, нигилистом? Да, да, нигилистом. Нет, толмач не нигилист, а во сто крат хуже!.. Надо подальше держаться ото всех этих негодяев...»

— Хорошо ты сделал, Сями, что не сказал, где я нахожусь. Непонятные они люди, а может быть, даже и вредные...

5

Когда Амир, ничего не знавший об отце, вошел в дом Магрипы, у Абдрахмана больно сжалось сердце. Стараясь скрыть свою слабость перед молодым человеком, он отошел к окну и, делая вид, что хочет взглянуть на улицу, незаметно смахнул рукавом навернувшиеся слезы. Амир не заметил его волнения, он так был изумлен и поражен изменившейся внешностью Абдрахмана, что от удивления и неожиданности даже раскрыл рот. Куда делись густые, черные, жесткие

волосы, которые Абдрахман всегда зачесывал назад? Из-под татарской тюбетейки выглядывала синеватая, наголо обритая кожа черепа, совершенно исчезли с верхней губы красивые усы, ввалившиеся щеки придавали когда-то круглому лицу продолговатую, овальную форму. Смуглое лицо его словно кто покрыл воском. В довершение ко всему левая рука, полусогнутая в локте, беспомощно висела на полотенце, перекинутом через шею. Долгополый татарский бешмет наглухо застегнут.

Амир очень уважал Абдрахмана и никогда не шутил и не острил при нем, хотя от природы любил сострить и даже с отцом не раз вступал в шутливую перепалку; ему не хотелось, чтобы этот умный человек подумал о нем нехорошо, считал его легкомысленным гимназистом. И сейчас он сдерживал себя, чтобы не засмеяться и не сострить, хотя вид у Абдрахмана был явно смешной: в татарском бешмете и тюбетейке на бритой голове он походил на циркового актера перед выходом к публике. И еще с одним человеком Амир мысленно сравнил Абдрахмана: «Как слепой начетчик Касен, что целыми днями торчит у входа в канаху...» [1]

— Проходи, иди сюда...— тихо позвал его Абдрахман.

Амир подошел.

— У меня есть одна бумажка, надо ее тебе...

Не докончив фразы, Абдрахман как-то сразу засуетился, достал из-за потускневшего зеркала мусульманскую книгу и стал торопливо перелистывать ее. Наткнувшись на сложенную вчетверо бумажку, он осторожно расправил ее одной рукой и приблизил к глазам, словно хотел выяснить, та ли это бумажка.

— Дядя Абдрахман, это письмо от папы? — нетерпеливо спросил Амир и тоже попытался заглянуть в исписанный листок. «О чем же пишет отец? — подумал он.— Наверное, уже дома и шлет привет от мамы?..»

— Нет, не от папы, Амиржан, а о нем...

Абдрахман подал письмо Амиру и, отойдя к окну, взялся рукой за голову, словно ощущал в висках какую-то страшную боль.

Амир взял письмо и стал торопливо читать:

«Уважаемый товарищ Дмитриев!

Очень прошу вас извинить меня за то, что на чтение этого письма я отнимаю у вас несколько минут вашего драгоценного времени, столь необходимого вам для нашего общего

---

[1] Канаха — особая келья в мечети, где священнослужители поодиночке читают проповеди своим преемникам.

народного дела, однако и эта записка есть частица того большого дела, которому вы отдаете все свои силы.

Письмо сие пишет вам учитель сельской школы из села Требухи. Вам, вероятно, известно, что уроженец нашего села Игнат Быков был избран председателем поселкового Совдепа. Его избрал народ. Проще говоря, наши крестьяне-бедняки на сходе порешили поставить во главе новой власти самого честного труженика села Игната Быкова. Будучи председателем Совдепа, Быков сделал много добра для бедняков. Наших кулаков-мироедов Пескова и Калашникова обложили большим налогом. Эти два богача — самые кровожадные люди в селе. Почти все лучшие земельные угодья принадлежат им, они владеют пашнями и выпасами, у них множество скота. И мельница ихняя, и конный завод тоже принадлежит им. Быков отобрал у Пескова и Калашникова землю и отдал ее беднякам. Реквизировал у этих кулаков хлеб и тоже отдал сиротам и вдовам, чьи кормильцы погибли на войне. И вот выше указанные мироеды, тая лютую ненависть и смертельную злобу к народному заступнику, замыслили против него большое коварство...»

«Быков?.. Быков?..— Амир вспомнил, что он сидел в тюрьме вместе с каким-то Быковым, тот был в очень тяжелом состоянии.— Это, наверное, о нем говорится в письме. Но для чего дядя Абдрахман заставил меня читать это все?..»

Амир снова побежал глазами по строчкам:

«...В прошедший четверг, то есть марта 27-го дня, сын кулака Калашникова, офицер царской армии, собрав вокруг себя шайку вооруженных людей, напал на возвращавшегося из Уральска товарища Быкова и ехавшего месте с ним комиссара...»

У Амира, едва он дочитал до слова «комиссар», екнуло сердце, ослабли руки и неприятный холодок пробежал по телу. Он вспомнил отца, всего шесть дней назад уехавшего по заданию исполкома... У ворот стояла рыжая лошадь, запряженная в сани. На санях — уже немолодой русский, среднего роста... «Это и был Быков?!» Амир мысленно перенесся в тот маленький домик — место прощания с отцом. Вот отец, задумавшись, сидит у окна... Амир словно вновь слышит, как тихо говорит ему отец: «Что-то голова разболелась, Амир, нет ли у тебя каких-нибудь порошков?..»

Амир, словно его кто подтолкнул, внезапно оторвал взгляд от письма и посмотрел на Абдрахмана — в глазах Айтиева были слезы. Это еще больше обеспокоило и встревожило Амира, он инстинктивно почувствовал, что случилось что-то недоброе, непоправимое. Читать письмо дальше он уже не мог.

— Что случилось, дядя Абдрахман? Что случилось с моим папой? — торопливо спросил он.

Абдрахман взглянул на Амира — лицо его было бледно.

— Что горько и что пресно — об этом знает тот, кто отведал; что далеко, а что близко — об этом знает тот, кто прошел или проехал весь путь,— так говорят казахи,— издалека начал Абдрахман, уже немного овладевший собой.— Когда-то, давным-давно, жил-был много повидавший, многое испытавший, широко шагавший по тернистым тропам жизни мудрый бий [1] Жеренше. Это был человек очень умный, красноречивый, со стремительным взлетом мыслей. Однажды, вернувшись из далекого и долгого путешествия, он застал в юрте всех знатных людей своего рода. Они устроили бию достойную встречу. Потом стали потихоньку подготавливать бия к тому, чтобы рассказать ему о несчастье, которое постигло его, пока он ездил в далекое путешествие...

— Дальше все понятно, дядя Абдрахман,— с отчаянием в голосе проговорил Амир, опустился на корточки и коротко всхлипнул, потом слезы словно прорвались и ручьями потекли по щекам, плечи вздрагивали, и весь он дрожал, как в лютую стужу. Чтобы дать ему выплакаться вволю, Абдрахман не сразу стал утешать Амира. Несколько минут он стоял молча, потом продолжал свой рассказ:

— Жеренше задали вопрос: «Что будет с джигитом, если у него умер отец?» Мудрый бий ответил: «Это значит, что у него рухнула вершина высочайшей горы...» Но, Амир, отцы бывают разные. Есть отец, который хоть и умер, но имя его остается бессмертным, жизнь и дела его служат примером не только для сына, но и для многих и многих последующих поколений. Мендигерей был одним из тех, кто протягивал руку к царству справедливости, кто мечтал добыть счастье для народа. Он погиб, погиб в то время, когда уже наступил рассвет этого лучезарного завтра!.. Он был моим товарищем и старшим братом, наставником. Его убили временно торжествующие враги. Больно, конечно, что Мендигерей не увидит всего того, о чем мечтал, за что отдал жизнь. Он не увидит уже, как взойдет над нами настоящее солнце!.. Мужайся, мой друг, стань твердо на ноги!..

Амир, шатаясь, почти в полуобморочном состоянии, пошел было к двери, но Абдрахман взял его за плечи, обнял и несколько раз поцеловал в щеки.

— Я думаю выехать сейчас, Амиржан. Поеду в степь, в родные аулы. А вы не теряйте связь с оставшимися здесь товарищами.

---

[1] Бий — в данном случае предводитель рода.

— Мы тоже уезжаем, дядя Абдрахман. Нас исключили из гимназии. В тот день, когда папа собирался уезжать, я просил его передать привет маме. Он мне ответил: «Привет передаст тот из нас, кто первым увидит ее...» Да, теперь уже мне придется передавать его прощальный привет маме... До свиданья, дядя Абдрахман,— дрогнувшим голосом проговорил Амир.

— Амиржан, мы еще увидимся,— ответил Абдрахман и крепко стиснул руку юноши.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Дорога тяжелая, подтаявший за день снег за ночь превратился в ледяные кочки. Лошади с трудом тянут сани, глухо ударяя копытами по ледяному насту; тягуче поскрипывают полозья. По краям дороги тонким слоем лежит осевший пепельно-серый снег. Вокруг вправо и влево на возвышенностях и бугорках виднеется черная земля. Только по северным склонам оврагов еще по-зимнему белеют метровые пласты снега, но и им недолго осталось лежать — с каждым днем все сильнее пригревает солнце, все горячее становятся его лучи; не пройдет и недели, как степь почернеет и запарит оттаявшая земля.

Все шире и шире разливается над равниной утро. Вспухли и зажурчали первые ручьи по дороге. Вода быстро заполнила все впадинки и овражки. Ехать стало еще труднее, лошади то и дело останавливались, и их приходилось понукать.

— Хорошо бы до Барбастау добраться, пока совсем не развезло дорогу. Да как бы не начался ледоход на Анхате!.. Абеке, поправьте ящик, не то упадет...— оглянувшись назад, сказал Байес, шагавший рядом с передними санями.

Абдрахман здоровой рукой поправил ящик и подтянул расслабленную веревку. Серая лошадь остановилась. Абдрахман достал кисет с махоркой, оторвал пожелтевший листок газетки и, свернув кое-как цигарку, закурил. Он с тоской посмотрел на спину лошади, на ввалившиеся бока и покачал головой. Пока хозяин курил, лошадь успела немного отдохнуть. Затем Абдрахман взял ее под уздцы и, прикрикнув, повел по обочине, где было больше снега и лучше скользили сани. Местами дорога настолько размякла, что превратилась в грязь, приходилось помогать лошадям. С юга подул теплый весенний ветер, обещая вконец растопить снега. Глядя на серую ленту дороги, Абдрахман с грустью сознавал, что до полудня им ни за что не добраться до места. С рассвета они проехали

всего лишь двенадцать верст, и если так будут двигаться дальше, то едва ли сегодня смогут далеко отъехать от города. А кто может поручиться, что за ними не будет выслана из Уральска погоня? Они двигаются вершками, а погоня наверняка будет нагонять их саженями. Не всегда можно надеяться на смелость и отвагу, двум трудно устоять против дюжины!.. К тому же и боец Абдрахман теперь плохой — трудно даже пошевельнуть плечом, не то что держать оружие... А враг сейчас особенно зол и беспощаден.

— Байеке,— окликнул Абдрахман Байеса, который, помогая лошади, плечом подталкивал передние сани.— Нам надо что-то другое придумывать... Эта дорога не только не допустит нас до Малой Анхаты, но и до Ханкуля едва ли по ней доберемся. Раз начала лёт утка-кряква, значит, жди: не сегодня, так завтра вскроются речки. Ты посмотри, посмотри в небо, как они парами дугу чертят!.. Это значит, что впереди нас снега нет.

Заслонив глаза ладонью от яркого солнца, Абдрахман вглядывался в небо.

— Вы так полагаете, Абеке? — спросил Байес, останавливаясь.— Надо бы нам обязательно добраться до аула. У нас ведь товары, а где, у кого их тут оставишь?

— У меня есть один знакомый старик пастух. Он живет недалеко от дороги, верстах в двух, не больше. Место там тихое и глухое. Старик надежный, у него вполне можно оставить товары, да и сами пока поживете у него. А потом по ящику, по два будете привозить ко мне... За мной-то следить будут, а вы — человек вне подозрений. Скажете: «Еду закупать шерсть и на обмен товары везу...» Вам поверят. Ну если случится, что вас задержат и станут проверять, тоже есть выход. «Закупил, мол, эти бумажки, для обвертки товаров». Спросят: «Где?» — «В редакции газеты «Уральский вестник»...»

— А вы где будете, куда вам привозить?

— Сперва заеду в свой аул, повидаюсь с семьей, а затем... сообщу, где буду находиться.

Байес отрицательно покачал головой:

— Прыгать будешь, скорее в сети попадешься... Ваш план никуда не годится. Ехать вам домой нельзя. Тогда уж лучше было бы оставаться в Уральске. В городе не только человека, даже верблюда с большим успехом можно спрятать. Город большой, дворов и улиц много, а что в ауле? Там все на виду. Не успеете вы и в юрту войти, как все жители аула будут знать. Нет, домой вам заезжать никак нельзя. Тем более в ваш аул в любое время могут нагрянуть казаки. Товары мы оставим у пастуха, это верно, с этим я согласен, а потом под-

седлаем лошадей и верхами уедем в наш аул. Поживете у нас, как следует отдохнете, подлечитесь, а потом и за дела можно будет приняться. Аул наш в таком глухом месте, что казаки и не додумаются к нам приехать. Да и вас никто не знает, кто вы такой. Кстати, у этого пастуха найдутся для нас седла? — спросил Байес, словно все уже было решено и оставалось достать только седла.

Абдрахман согласился с Байесом. Советы продавца были умными и верными. После окончательного выздоровления Абдрахмана Байес обещал возить его по аулам в качестве своего помощника, а в случае необходимости — и в город. Это вполне устраивало Абдрахмана.

Оставив товары у старика пастуха, они подседлали лошадей, завязали им хвосты, чтобы не забрызгались грязью, и ясным полднем отправились в путь. Ехать решили напрямик через озеро Ханкуль, так было ближе до аула Байеса.

— Есть и другая дорога, ровнее и лучше, через Суттигенди,— сказал Байес.— Но это слишком далеко, а через Ханкуль почти вдвое короче...

2

Султан Арун-тюре, откровенно говоря, не надеялся, что Курбанов придет в полицейское управление. Скрытный, упрямый и несговорчивый толмач не побоялся тогда его угроз, спорил с ним и даже говорил дерзости. Другой на его месте перепугался бы насмерть, задрожал как осиновый лист. Но толмач оказался не трусливым человеком. Но, в сущности, полицмейстер и не имел против Курбанова почти никаких компрометирующих материалов, просто действовал своим излюбленным методом — запугиванием. Султан был удивлен, когда секретарь неожиданно доложил, что пришел Курбанов. На этот раз султан решил принять толмача тепло и радушно.

— Проходите,— мягко проговорил он, выходя из-за стола и подавая Курбанову руку.— Прошу вас, садитесь.

— Благодарю, султан,— сдержанно и немного суховато ответил толмач.— Дело, по которому я зашел сюда, небольшое, да к тому же и времени у меня нет, чтобы долго задерживаться у вас. А поэтому еще раз благодарю за приглашение сесть... Мы поговорим стоя. Вы вчера назвали имя одного человека, про него и хочется мне сегодня сказать вам пару слов. Нет, это не секретная информация, которую вы хотели бы услыхать. Вы же понимаете, что я далек от всего этого...

— Нет, нет, господин Курбанов, я вовсе не хотел, чтобы вы были нашим секретным информатором, да и ваши достоинства не позволяют вам заниматься такими мелкими делами.

Я только напомнил вам вчера о большом гражданском долге в наше время,— торопливо вставил Арун-тюре, стараясь польстить толмачу и добиться его расположения.

Несколько секунд Курбанов молчал, недоверчиво глядя на султана, затем, откашлявшись, снова заговорил глухим басом:

— Я нахожусь в стороне от всех политических и иных споров, держусь подальше от враждующих между собой людей. Почему так? Трудно объяснить: то ли здесь слишком сказывается мой гуманный характер, то ли с детства присущая мне застенчивость, не знаю. Повторяю: я нахожусь в стороне от всех событий, но все же стараюсь уяснить себе, что это за люди большевики, на какие слои населения они опираются и чего добиваются своими действиями. Вы, кажется, интересовались Абдрахманом Айтиевым? Я и до вас еще слышал кое-что о нем, и мне даже несколько раз приходилось с ним встречаться и беседовать. Вчера, когда я вышел от вас, все время думал, что из себя представляет этот Айтиев. И вот мне случайно попала в руки одна весьма любопытная бумажка. Первой на ней значится подпись Айтиева. Я прочел ее и многое понял. Надо сказать, большевики действуют как герои, они настойчиво добиваются своего. Это смелые и решительные люди. Сам я не из храбрых, но безумно люблю сильных людей, восхищаюсь их упорством и стремлением к великому идеалу. Вот она, эта бумажка. Я, собственно, и пришел сюда затем, чтобы прочесть ее вам,— толмач достал из кармана сложенный вчетверо листок и передал его султану.— Авторы этого письма сейчас могут находиться и в Кара-Обе, и в Шынгырлау, и в Требухе, и Илецке, и в Дарьинке, да и в Барбастау. Словом, они есть везде и всюду, какое бы село или город вы ни назвали.

Маленькие пальцы султана с поразительной проворностью и ловкостью раскрыли бумажку, небольшие черные глаза впились в неровные строчки. Это было короткое письмо. Едва Арун-тюре прочел несколько слов, небольшой смуглый лоб его болезненно сморщился, словно от укуса комара, и на переносицу легли угрюмые складки. Курбанов, с еле скрываемым злорадством следивший за полицмейстером, заметил, как задрожала бумажка в руке султана.

Арун-тюре читал:

«Товарищам, томящимся в тюрьме!

Не падайте духом! Это в последний раз злобствуют белые генералы и атаманы. Дни их уже сочтены. Мы временно вынуждены покинуть город, потому что безродный страж царизма — обер-полицмейстер Арун-тюре Каратаев — снова выпустил свору своих сыщиков из псарни и наводнил ими

Уральск. Но уже посланы люди в Оренбург, Самару и Саратов за помощью. Пока придет победоносная Красная гвардия, мы будем в селах и аулах вооружать крестьян и казахскую бедноту, задавленную гнетом баев и волостных. Люди хотят свободы, хотят видеть вольными и цветущими родные просторы, хотят быть хозяевами своей земли, и они будут бороться за правду и справедливость.

Нас много. А богатеев — горстка. Не падайте духом! Ждите! Мы придем!

Куйте из цепей мечи!

Айтиев, Колостов, Парамонов и другие.

2 апреля 1918 года».

— Откуда вы взяли эту бумажку? — спросил султан. Рука его все еще дрожала, и черные глаза сверкали злостью и гневом.

— Я уже сказал: она попала ко мне совершенно случайно. Мне передали ее старики татары. Точно такую же бумажку видел я и у одной русской старухи. Татары говорили, что эти бумажки кто-то ночью расклеил по всей Сенной улице. Как вы находите, крепко написано, а? Конечно, тут кое-кого лично упоминают, но...

— Как вы смеете, господин Курбанов!..— перебил его Арун-тюре, бледнея.

— А что ж, по-моему, письмо очень логично. Я удивляюсь, почему вы не заметили этого. По-вашему, Айтиев — бунтовщик, но это едва ли соответствует действительности,— спокойно ответил Курбанов.

— Вы сами сочувствуете большевикам, поэтому и признаете письмо логичным.

— Простите меня, султан Арун-тюре, но если хорошенько вдуматься, то можно найти в этом письме много правды. «Помощь из Оренбурга, Саратова... Красная гвардия...» — эти слова указывают на то, что действительно существует в жизни.

— Пропаганда!.. Уж не собираетесь ли вы, господин Курбанов, заставить и меня поверить в Оренбург и Самару?.. Можно подумать, что вы полностью перешли на сторону Айтиева.

Арун-тюре пристально посмотрел на Курбанова, словно желал убедиться в правоте своей догадки.

Толмач холодно улыбнулся:

— Между мной и Айтиевым огромная дистанция, и поставить нас в один ряд едва ли возможно. Меня удивляет и восхищает то, что Айтиев, добиваясь своей цели, опирается

на народ. А вы — это мне совершенно непонятно,— почему вы хватаетесь за обломки рухнувшей монархии? В конце концов от вас откачнется войсковое правительство, и казаки тоже не допустят вас к себе,— сказал Курбанов больше с насмешкой, чем с сожалением.

— Вы — фанатик-тюркоман. Если вы сию же минуту не перестанете злословить по адресу монархии, я арестую вас!..

Курбанов громко захохотал:

— Извините, султан, если я сказал что-либо лишнее. Я далек от мысли оскорбить вас, упаси аллах, очень далек от такого намерения. Зачем вы меня снова пугаете? Это просто нехорошо. И вы и я — мы служили одному правительству. А по закону этого правительства никто не имеет права меня задерживать. Если вы не знакомы с этим документом,— толмач подал султану удостоверение,— то советую посмотреть... Этот документ полностью гарантирует мою неприкосновенность. Если бы меня арестовала власть, которую старается установить Айтиев, тогда разговор другой, противиться ей я не стал бы. Да, кстати, на ваших санях, с вашим кучером и даже под охраной вашего личного адъютанта большевик Бахитжан Қаратаев вчера вечером благополучно покинул город и уехал в аул. Это как понимать? Или вы располагаете особым правом одних большевиков арестовывать, а других брать под свою защиту? — спросил Курбанов, зло и ехидно улыбаясь.

Арун-тюре вздрогнул.

— Что вы сказали? — удивленно переспросил он.

— Член областного Совдепа, юрист Бахитжан Қаратаев вчера вечером на ваших лошадях в сопровождении вашего адъютанта уехал из города на бухарскую сторону Яика. Выходит, что ваше недремлющее око, призванное следить за большевиками, то открывается, то закрывается, смотря по обстоятельствам. Мне, конечно, тяжело судить, как и что, возможно, вы не располагали правом задерживать Бахитжана Қаратаева?

— Қлевета, сплетни, ложь!.. Откуда вы это взяли? Вы хотите этой ложью отомстить мне?.. Если бы я знал, где большевик Қаратаев, если бы он попался мне в руки, я бы немедленно приговорил его к расстрелу! — тяжело дыша, проговорил Арун-тюре.

Курбанов снова засмеялся:

— Интересный вы человек, султан. Я никогда не враждовал с вами. Я — человек маленький, у меня нет ни власти, ни карательных органов, и спорить, а тем более мстить — ни при каких обстоятельствах не могу. Но должен вам сказать, что вы ошибаетесь, что могли бы приговорить к расстрелу Ба-

хитжана Каратаева. Каратаев юрист, почти более двадцати пяти лет он охранял закон. И еще — он является депутатом Государственной думы, человек довольно известный и уважаемый, так что не только расстреливать, но и допрашивать его вы не имели права.

— По закону от двадцатого июня разрешено применять не только расстрел, но и казнь через повешение ко всем лицам, которые ведут подрывную работу против государственного строя.

— Этот ваш июньский закон не больше как нарушение основного закона. Вы говорите, конечно, о законе Керенского. Теперь же нет ни той власти, ни самого правителя. К тому же вы являетесь ярым сторонником монархии, как же вы позволяете себе опираться на законы Керенского, который помог уничтожить эту самую монархию? Удивительно и непонятно!.. Ладно, все это пустой спор. Я зашел к вам только показать письмо... Теперь, мне кажется, мы ничего не должны друг другу. Мы — квиты. О том, как вы помогли большевику Бахитжану Каратаеву бежать из Уральска, я не стану рассказывать Войсковому правительству, вы это прекрасно знаете,— закончил Курбанов, поклонился и широкими шагами вышел из кабинета.

Долго в задумчивости сидел Арун-тюре. Хоть он теперь смертельно ненавидел толмача, острие своего гнева направил в другую сторону. Не прошло и получаса, как большой отряд, составленный из казаков и полиции, пустился в погоню... Одиннадцать человек во главе с Ешмухамбетовым поскакали по следам Бахитжана Каратаева к урочищу Кокпекты, а остальные сорок были направлены на поимку комиссара Абдрахмана Айтиева. Эта группа разбилась на две части: одни поскакали за Айтиевым в сторону Кара-Обинской волости, другие — к Суттигенди через Нижний Барбастау. Айтгали Аблаев, которому было поручено возглавлять погоню, предполагал найти Абдрахмана именно у озера Уйректы-Куль. О том, что комиссар мог через Ханкуль пробраться на Анхату, никто не подумал.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В народе говорили о Байесе — ловкач, торгаш!.. Но он не был ни тем, ни другим, честно служил приказчиком в одной из многочисленных акчуринских лавок, разбросанных по окрестным селам и аулам, и умел ладить с хозяевами. При помощи главного приказчика Акчуриных он сумел добиться у белоказачьей власти письменного разрешения на вывоз товаров в аул (Войсковое правительство строго контролировало дороги и никого не выпускало из города), достал удостоверение своему другу Абдрахману Айтиеву, что тот является продавцом, и вместе с ним спешно покинул Уральск.

Он привез Айтиева в свой родной аул Мечеть Таржиман, расположенный почти у самого устья реки Анхаты, впадавшей в озеро Шалкар. Аульному миру, с жадным любопытством ловившему любую весточку и примечавшему каждого заезжего, Байес объявил, что Абдрахман — его знакомый учитель; если ему полюбится местность и будут приемлемы условия, то он останется на осень обучать детей. А пока Абдрахман прибыл в аул только погостить. И еще добавил Байес, что дорога была отвратительная, гололедица, и учитель в пути сильно ушиб плечо. Он принялся лечить Абдрахмана по старым обычаям, прикладывая к ключице казы [1], кормил

[1] Казы — лошадиное брюшное сало.

свежим бульоном и поил кумысом, который специально добывал для гостя, в течение нескольких дней сам почти не отходил от Айтиева и не разрешал ему выходить из дому; заботливый уход незамедлительно оказал свое действие, и учитель стал быстро поправляться.

Спустя неделю после их приезда Анхата вспухла, взломала лед и понесла его к пологим берегам озера. Весна наступила дружно, талые воды затопили все низменности; только острые былинки камыша, как иглы, торчали над студеной свинцово-серой гладью. Связь с городом прервалась надолго. Нельзя было пробраться и в соседние аулы — вода затопила все балки, овражки и ложбинки. Медленно сходила вода, лениво, нехотя, словно не хотела покидать степное раздолье и возвращаться в узкие берега Анхаты.

Медленно тянулись дни, но чем выше поднималось солнце, тем теплее и зеленее становилось вокруг, казалось, больше оживали аулы; Абдрахман читал книги, разговаривал с людьми, приходившими по вечерам к Байесу, все чаще и чаще стал выходить к реке и подолгу бродил в прибрежном кустарнике, наслаждаясь свежестью и весной.

Лавка Байеса всегда была полна народу, хотя выбор товаров и был невелик — только спички и мыло.

Большинство приходило в лавку узнать новости. Люди с любопытством слушали рассказы учителя с перевязанной рукой и просили его почитать газеты, которые он прихватил из города. Это были в большинстве своем небогатые, безземельные жители аула, которые кормились только тем, что давала им река; пока по Анхате шла шуга, они были свободны. Учитель был с ними ласков и приветлив, терпеливо рассказывал о том, что творилось теперь на белом свете, говорил о новом правительстве в России, о событиях, происходивших в Уральске — городе, который казахи называли Теке, старался разъяснить им, что в жизни есть люди, которые борются за правду и справедливость; люди с жадностью ловили каждое его слово, и перед ними открывался новый мир, о котором раньше они только мечтали.

Покидая город, Абдрахман сорвал обложки с книжек Ленина «Что делать?» и «Что такое «друзья народа»...» и сжег их, а листки, расшив, смешал с бумагой, которую вез с собой для обертки товаров Байес. Здесь, в ауле, он вновь стал собирать эти две книжки, листок к листку, складывать аккуратно по страницам и переплетать. Байес, хорошо говоривший по-русски, читать не умел. Он ревниво посматривал на книги, которые старательно сшивал Абдрахман, бережно разглаживая ладонью скомканные страницы, и невольно проникался уважением к незнакомым четким строкам. «Вот почитать

бы их,— думал он, тихо прищелкивая языком.— Ленин — умная голова! Весь мир всколыхнул!.. Большой человек!.. И Абеке тоже молодчина. Ведь он наш, казах, а голова у него — каждому бы такую...» Байес, довольный, с улыбкой смотрел на круглую голову Абдрахмана, покрытую густыми черными волосами, на его темные с искорками глаза, прямой, с тонкими ноздрями, красивый нос и широкий покатый лоб.

— Абеке, наши рыбаки вами очень довольны,— заговорил Байес, как бы продолжая свои мысли.— Говорят, что с тех пор, как вы появились в ауле, они научились отличать плохое от хорошего. Удивляются, как вы много знаете и рассказываете им, будто побывали в их землянках и сами переживали вместе с ними нужду. «Хороший джигит,— говорят.— Никто еще с нами так не разговаривал, не сочувствовал нам. Наконец-то,— говорят,— нашелся настоящий заступник народа!...» Я им потихоньку шепчу: «Такие, как он, скоро-скоро, может даже завтра, отдадут вам землю и воду, а уездных и волостных начальников, разных старшин и баев разгонят. Сами будете хозяевами этой степи и реки. Записывайтесь,— шепчу,— в большевики...»

Абдрахман стоял у окна, проверяя страницы только что сшитой книги. Когда Байес кончил, Абдрахман повернулся и в упор посмотрел на него:

— И что же они ответили вам?

— Они спросили: «Разве этот человек большевик?..» — Байес улыбнулся, темные усики задрожали над верхней губой.— Хотя рыбаки и умеют держать язык за зубами, но я все же не решился открыто назвать вас большевиком.

Подумав, Абдрахман сказал:

— Неверно поступил, Байеке. Они у тебя с открытой душой спрашивали, а ты... не доверился им. Дороже всего на свете это доверие, когда люди верят и хотят знать правду. Так что же они все-таки сказали: обещали записываться?..

— Я ведь говорил им так, между прочим, и никакого ответа не добивался. Но скажу вам, Абеке, среди них есть по-настоящему надежные люди. Помните этого маленького сероглазого, да того, что из седьмого аула приходит все к нам, Асан. Этот Асан и наш Хажимукан — на них смело можно положиться...

Крепко задумался Абдрахман после этого разговора. Он нисколько не сомневался, что те, кто ютятся в жалких землянках, недоедают, ходят в лохмотьях,— все как один встанут на борьбу против богатеев и угнетателей, только им надо открыть глаза...

2

Старшина Жол был хитрый и пронырливый человек. Зная, что Байес с утра до вечера находится в лавке, он решил днем сходить к продавцу домой и попытаться разузнать у его жены, что за «учитель» вот уже вторую неделю гостит у них. Жол плохо разбирался в событиях, которые происходили в Теке, но чутьем угадывал, что творилось что-то неладное. По аулам распространялись разные слухи, но никто толком ничего не мог сказать; новостей каждый день было очень много, но старшину интересовала больше всего одна — о Джамбейтинском ханстве. Как желтая бита, что выделяется своим цветом среди других при игре в альчики, так Джамбейтинское ханство было для Жола особенно заметным среди других многочисленных новостей, еще более неправдоподобных, но также заманчивых. Особенно радовало Жола то, что ханство будет укреплять власть биев и старшин, всех тех, кто считается в ауле уважаемым, чтимым и состоятельным человеком. Едва услышав об этом, старшина сразу же сбросил с себя робость, которая вынуждала его всю зиму сторониться разных людских сборищ, стал смелее и ретивее исполнять свои обязанности, одним словом, хотел, чтобы его заметила и оценила новая, еще не созданная власть. «Ханства пока еще нет, но оно будет...» — рассуждал он сам с собой.

Байес хотя и не отличался особой ученостью, зато как свои пять пальцев знал городскую жизнь, был хорошо осведомлен о тех событиях, которые происходили теперь в губернии, но Жолу ничего не рассказывал. Напротив, избегал с ним встречи, а когда случалось бывать вместе, несмотря на родство, держался с ним холодно. Причина заключалась не только в том, что зимовки их располагались далеко друг от друга,— они были разными людьми, по-разному смотрели на вещи, по-разному относились к бедным аульчанам. От зари до зари носился Жол по аулу, выполняя свои обязанности старшины, совался куда надо и не надо — разнимал драчунов, неожиданно вырастал между ссорящимися супругами и со всех срывал определенный куш. Сбор налогов и податей он считал для себя самым почетным занятием; когда удавалось отомстить кому-нибудь за давнюю, давно забытую грубость — радовался, и ему хотелось в этот день петь песни. Аульчане хорошо знали повадки своего старшины, сторонились его, мысленно посылая проклятия: «Когда только аллах избавит нас от тебя!..» А Байес, напротив, был очень общительным человеком. Когда он уезжал в город, жители аула с нетерпением ожидали его возвращения, ожидали, как весеннюю птичку,— покупали товары, а главное, узнавали новости. Вот и теперь

народ толпился возле лавки Байеса — это видел сейчас Жол, проезжая мимо. И по тому, как люди затаенно перешептывались и отворачивались от него, старшина снова почувствовал, что происходит что-то неладное. «Они узнали что-то, чего не знаю я,— подумал Жол.— Или...» А что «или», на этот вопрос старшина не мог ответить. Он заметил пытливый, пронизывающий взгляд учителя и невольно поежился. «И усы сбрил, и бороду... Может, ты и есть тот самый сатана, который, скрываясь, сеет смуту в народе?..»

Возле дома Байеса Жол грузно сполз с лошади. Привязав ее за жердь, он торопливо зашагал к двери, широкие полы длинного ватного чапана распахнулись, показались лоснящиеся хромовые сапоги.

— Здравствуй, келин [1], как поживаешь? — поприветствовал он Бигайшу, проходя в глубь комнаты, к почетному месту, застланному ковром. Верный своей привычке, он мигом обшарил взглядом комнату и, обернувшись, пристально посмотрел на женщину с худощавым продолговатым лицом. Бигайша стояла возле двери и смущенно поглаживала ладонью щеку. Взгляд ее был устремлен к печке, где с лежанки свисал краешек одеяла. Жол тоже быстро посмотрел в ту сторону.

— Слава аллаху! Как сами, как ваше здоровье? — ответила Бигайша и, торопливо взяв веник, принялась сметать с кошмы сор.

Она имела привычку: какой бы гость ни заходил к ним в дом, обязательно, прежде чем усадить его, проходилась веником по кошме. Но на этот раз был и другой повод, заставивший ее взяться за уборку. Бигайша хотела поскорее спрятать бумажку, торчавшую из-под одеяла, пока еще старшина не заметил ее, а если уже заметил, то — не запрятал в свой глубокий карман. Шмыгнув мимо Жола, она подошла к лежанке и, делая вид, что поправляет одеяло, скомкала пожелтевший листок бумаги, отпечатанный крупным типографским шрифтом, и спрятала его в разрез старенького камзола. Затем, облегченно вздохнув, принялась медленно подметать комнату, чуть дотрагиваясь до кошмы, досадуя на себя: «Как же я раньше не удосужилась убрать ее, ведь этот пронырливый мог взять ее и прочесть!.. Из-за моей нерасторопности с учителем могла бы приключиться большая беда!..» Хотя Бигайша и не совсем понимала, о чем говорилось в этой бумажке, но зато прекрасно знала, что ее ни в коем случае не следует показывать своему деверю-старшине. Не раз она слышала, как об этом говорили между собой ее муж и Абеке-учи-

---

[1] Келин — сноха, невестка.

тель. Бумажку скрывали от старшины, но зато читали ее беднякам-рыбакам.

Как ни поспешно Бигайша спрятала бумажку, Жол заметил ее. И даже успел прочесть заголовок, набранный крупными, как большие крючки для ловли щук, буквами: «ВОЗЗВАНИЕ». Он мысленно повторил это слово несколько раз, стараясь разгадать, что оно обозначает. «Воззвание?! Воззвание?! А-а, вон оно что — звать!.. Звать народ! Призывать народ, смутьянить!..»

— Келин, дай-ка мне эту свою бумажку!

Бигайша вздрогнула, но не подала вида, что испугалась. Продолжая водить по кошме веником, спросила:

— Какую бумажку, кайнага? [1] — Она принялась неторопливо перевязывать веревочку на венике.

— Воззвание, которое ты только что положила себе в карман.

— Что вы, кайнага, да это... просто так, ненужная бумажка, чай был в нее завернут. Жаппар мой вечно разбрасывает мусор по комнате... Сколько раз я ему говорила: «Не сори, не бросай!..» Не понимает,— сердито проговорила Бигайша.— Вон он, посмотрите на него,— она кивнула головой на смуглолицего парнишку, только что вошедшего в комнату.

Жаппар заметил, что мать смотрела на него совсем не сердито, она глазами указывала на листок, спрятанный в кармане; мальчик растерялся, он никак не мог сообразить, что хочет от него мать. Робко переступая с ноги на ногу, он подошел к ней и остановился в недоумении.

— Меня, келин, не интересует, нужная это или ненужная бумажка. Я говорю: сейчас же отдай ее мне!

«Вон что: бумажку просит, а мама не хочет отдавать,— догадался Жаппар.— Схватить бумажку и убежать!..» Черные глазенки мальчика засверкали, он стал присматриваться, как удобнее просунуть руку в карман, чтобы выхватить смятый листок, из-за которого сейчас шел спор между матерью и Жолом.

— Ойбай-ау, кайнага, что вы говорите, она же грязная, зачем вам марать руки...— растерянно пробормотала женщина и снова взглянула на сына. Глаза ее словно говорили: «Ну, ну же, бери и беги!..»

Жаппар выхватил из кармана матери воззвание Уральского Совдепа и опрометью кинулся вон из комнаты.

— Ах, безобразник, куда, куда? Что ты делаешь?..— за-

---

[1] Кайнага — брат мужа, деверь.

кричала женщина, нарочито повысив голос, но не стала ни догонять, ни отбирать бумажку у сына.

Хотя Байес почти никогда ничего не рассказывал жене о своих делах, Бигайша знала, что он заботится о бедных людях, делает благородное дело, и, как могла, помогала ему. Когда муж привез из города незнакомого человека — учителя, она стала ухаживать за ним, как за старшим братом. Женское чутье подсказывало ей, что учитель — это не просто учитель, а нужный человек, иначе муж не пригласил бы его в свой дом. Если бы сейчас Жол прочел бумажку и унес ее с собой — нет, она никогда бы не простила себе этой оплошности. Но гроза миновала, «сорванец сынишка» вовремя подоспел и выручил из беды. Она радовалась сообразительности сына. А Жол побледнел и затрясся. Он уже готов был потирать руки: «Врасплох застал! Наконец-то напал на след...» Но в одну секунду все рухнуло. «Испортила все, проклятая баба!..»

— Где Байес? Здесь или опять уехал в Теке за воззваниями? — сурово спросил он Бигайшу, словно на самом деле не знал, где сейчас был продавец.

— Здесь, здесь, кайнага! Сейчас придет... Чай уже закипел, раздевайтесь. А тот постреленок Жаппар — не догонишь его теперь... Как ваш скот кайнага, благополучно ли окотился?

Жол, стиснув челюсти, угрюмо смотрел в окно.

— Этот учитель, которого твой муж Байес привез из Теке,— проходимец и смутьян! Что ж, Байес, наверное, по Сибири тоскует, а?.. Для чего он собирает вокруг себя таких, как этот учитель? Если ему не нужны ни жена, ни дети и не считается он ни с каким родством, пожалуй, можно будет его скоренько отправить в Сибирь!..

Старшина начал теперь запугивать, чтобы выудить у женщины нужные ему сведения.

Бигайша в упор глянула на него, стараясь понять, правду ли он говорит или просто пугает. Жол сидел чернее тучи.

— Кайнага, на что вы намекаете?.. Ваш двоюродный брат только и думает о том, как бы побольше достать разных товаров. Спаси аллах нас от всяких бед и напастей, особенно теперь, когда в ауле живется неплохо, народ здравствует, скот благополучно множится... Мы все считаем вас нашим благодетелем. И мой муж тоже... Неужели он будет затевать что-либо против вас? Никогда. А учитель, наверное, помогает ему вести торговые дела.

— Я один держу ответ перед аульным миром! И я хочу, как святыню, хранить хорошую репутацию нашего аула, чтобы ни одна капля грязи не оскверняла ее. И Байеса должен

сохранить, чтобы не угодил в Сибирь. В ауле развелось много смутьянов, и я получил строгий приказ ловить их и передавать волостному. Ловить всех, кто возбуждает народ против власти. А вас я предупреждаю из жалости к вам. Смотри, чтобы твой Байес не слушался разных смутьянов, а то... Ты ему это скажи. Конечно, пока я буду старшиной, не допущу, чтобы о нем говорили плохо, но все же пусть будет осмотрительным. А ты, милая, мне говори все, другим нет, а мне говори. Вот и сейчас, зачем от меня скрываешь правду, а?

Бигайша немного оробела, ее испугали слова старшины. «Как бы Байес за дурной поступок не угодил в Сибирь...»

— Кайнага, пусть всевышний аллах будет свидетелем — я все поняла, что вы сказали. Мы не считаем вас чужим. Кто же нас защитит от лихой беды, кроме вас?..— льстиво заговорила Бигайша.

— Этот ваш учитель — бунтарь. Большевик он, вот кто. Власти преследуют таких людей и заодно и тех, кто укрывает их. Ты слышала, о чем он разговаривает с твоим мужем? Разве он не говорил, что нужно уничтожить биев и волостных?

— Вы где это слышали, кайнага?

— Как где?.. Да, да, слышал... Но чем именно теперь занимается ваш учитель, вам лучше знать, ведь он живет в вашем доме. Скажи мне, как он смущает народ? Что он говорит им? Что нужно отобрать землю и скот у баев и присвоить себе, так, что ли? Ведь это он разные бумажки распространяет по аулу?

— Кто вам это сказал?

— Сказали те, кто счел нужным сказать. Как звать учителя: Абекеш или Адыгали?

— Мужчины зовут его Абеке.

— Это и я знаю, что Абеке... А как его настоящее имя?

Женщина задумалась. Она точно не знала, но предполагала, что учитель — это человек, который жертвует своей жизнью ради благородного служения народу. Она слышала, как об этом говорил муж, видела своими глазами, с каким почтением относятся к учителю люди. «Наверное, и у него в каком-нибудь далеком ауле осталась такая, как я, жена, такой же сынишка, как мой Жаппар. Может быть, и старики еще живы — отец и мать...» — жалостливо подумала Бигайша.

— Не знаю, кайнага,— вдруг твердо ответила женщина, приподняв голову.— Вы сами спросите обо всем у своего двоюродного брата. И с учителем сами разговаривайте. Я не могу порочить хорошего человека.— Бигайша подошла к двери и, приоткрыв ее, крикнула: — Жапаш, позови-ка отца, скажи ему, что у нас сидит кайнага и что мама зовет его пить чай!..

Жол смолк. Он понял: ни угрозами, ни елейными словами — ничем нельзя заставить эту женщину рассказать правду. Он стал обдумывать, о чем будет говорить с Байесом. С учителем старшина не хотел встречаться, но, очевидно, тоже придется... Он заранее почувствовал неловкость, словно кто кольнул его иголкой в спину.

3

Добрую половину этого большого аула, расположенного в устье реки Анхаты, составлял подрод Танабай. Танабайцев было очень много, и все они, за исключением двух хаджи и старшины Жола, жили бедно, занимались только рыболовством.

Другие, богатые подроды, у которых в степи гуляли бесчисленные отары овец, табуны лошадей и гурты разного скота, пренебрежительно называли бедняков-рыбаков «черноногими танабайцами». Хажимукан и был одним из представителей этой «черноногой» рыбацкой голи. Землянка его стояла на берегу реки. Он сидел на завалинке в окружении друзей-рыбаков, когда неожиданно к нему подошли Абдрахман и Байес. Они присели рядом, завязалась беседа. Абдрахман незаметно перевел разговор на политическую тему и стал рассказывать о Совдепах. Его перебил Хажимукан. Он начал говорить взволнованно и горячо:

— Я все понял, Абеке! Я знаю, кто вы есть, понимаю вас всем сердцем. Да и от Байеса мы слышали о вас очень многое. Овец через переправу ведет вожак... И нам нужен крепкий духом человек, который повел бы нас!.. Ведь мы ничего сами не можем сделать. Нам даже запретили ловить рыбу в нашем же собственном озере. Вот и сидим, ждем, когда можно будет на реку выйти. Но ведь река перегорожена проволочной сетью, и глупо верить в то, что в наши водоемы попадет крупная рыба. А к Шалкару нас даже не подпускают. Им владеет тот самый Макар, о котором ты, Абеке, говорил в прошлый раз. Он-то и поставил на реке железную сеть-запруду!..

Большинство сидящих опустили головы, кое-кто вопросительно поглядывал на Абдрахмана, словно искал у него защиты.

— Я уверен,— начал Абдрахман,— если мы все вместе, все бедняки, станем бороться против несправедливости, против кучки богачей, которые захватили себе и землю и воду, мы в один миг сломим их, как этот прутик, и выбросим в канаву.

Кто-то недоверчиво покачал головой:

— Не осилить нам их.

Другой добавил:

— Если нас не поддержат власти, нечего и пробовать тягаться с Макаром...

— Да, да, конечно, нечего...

— Тихо,— остановил их Хажимукан.— Говорите по одному. Пусть кто-нибудь один расскажет учителю о нашем горе. Байеке, давай ты. У тебя это хорошо выходит.

— Говори, Байеке...

Байес действительно умел хорошо говорить, а главное, он, пожалуй, больше самих рыбаков знал об их бедах и несчастьях.

— Наше озеро, Абеке,— начал он,—можно сказать, настоящий клад. Рыбы в нем очень много. Ведь почти весь аул питается рыбой. Ее можно и продавать, выручать, как говорится, за нее деньги на сахар, на чай и одежду. Прямо скажем, нет такого человека у нас, кто бы не рыбачил, особенно из бедняков, у которых всего и есть что корова, да и та — одни мослы. Но богатством Шалкара, этим самым кладом, о котором я говорю, завладели баи, словно получили они озеро в наследство от своих предков. А что они сделали перед шестнадцатым годом?.. Как раз перед тем, как джигитов стали брать на тыловые работы, они перегородили устье реки проволочной сетью, чтобы рыба не выходила. Ведь в Анхате рыба почти вывелась... Вот о чем хотели сказать вам рыбаки.

— Ты говоришь, Байеке, до набора джигитов на тыловые работы?.. А ведь устье перегородили в тот самый год, как раз во время набора,— поправил продавца Хажимукан, продолжая чинить сеть.

— Может быть, в год набора и есть... Ну да, джигиты еще хотели разорвать сеть, но у них ничего не вышло. А сеть, Абеке, до сих пор стоит, и даже, говорят, не ржавеет, проклятая.

— Не понимаю, как можно перекрыть реку? — удивился Абдрахман.

— Нарочно сделали, чтобы рыба из озера не выходила в реку. На обоих берегах вбили по чугунному столбу и протянули между ними мелкоклетчатую проволочную сеть... Видите, вон столбы торчат...

Абдрахман быстро перевел взгляд с облепленной рыбьей чешуей холщовой рубахи Хажимукана на Байеса и посмотрел в направлении его указательного пальца. Там, в самом узком месте, где река вливалась в озеро, виднелся полосатый столб, величиной с паромную стойку. Он напоминал железнодорожный шлагбаум, только без верхней перекладины. Хотя до реки было более полуверсты, Абдрахман хорошо видел этот столб.

— С этой стороны один,— продолжал Байес.— И с той такой же стоит, а между ними сеть. Видите второй? Вон он, из кустов торчит...— Байес опять протянул руку.

Но сколько ни напрягал Абдрахман зрение, всматриваясь в поросший тамариском противоположный берег, ничего не мог увидеть.

— Озеро у нас большое,— опять заговорил Байес.— В длину оно около двадцати верст, а в ширину — тоже, пожалуй, все пятнадцать будет. С той стороны из озера вытекает речка Ашы и впадает в Яик. Так что Шалкар связан с Яиком. Весной рыба из Яика по Ашы идет в озеро, а из озера сюда, в Анхату, метать икру. Исстари всем известно, что самая различная рыба, если хотите, девяносто девять разновидностей, о которых поется в айтысах девушек с джигитами, водится именно здесь, в нашем озере. Однажды, не помню уже, в какой год, было особенно много рыбы. И крупная сельдь, и черноокая вобла с круглым синим хребтом... согнешь ее, жир течет. Кучи рыбы лежали на льду, всю зиму возили ее в город. А ведь жирный судак — прекрасная еда, сами это хорошо знаете. Так вот, в тот год рыбаки наши прямо наводнили судаком рынок Теке. Конечно, где попало ставить сети нельзя, иначе быстро обезрыбишь реку. Наши аульные рыбаки все это знают, из года в год промышляют на реке, кормятся ею. Да-а, в тот год много разных разговоров было и в Теке и в окрестных аулах о богатстве Шалкара. Пошла молва, что в озере столько развелось рыбы, что не умещается. Оно и верно так было: прорубит кто прорубь и не сетью, а прямо сачком или черпаком выгребает ее оттуда. Рыба-то сама идет к проруби, к свету тянется. Узнали о нашем чудо-озере богачи. Видно, мало им было табунов да отар — и рыбку захотели прибрать к своим рукам. Спустя год, смотрим, приезжают на озеро казак Макар, богач с Кос-Атара, и с ним один кердеринец Шорак. Как только замерз Шалкар, они и начали ставить сети по всему озеру, словно на свое собственное джайляу приехали. Другое дело, если бы они пользовались наравне со всеми, а то сами ловят, а другим не дают. Позахватили все лучшие места и никого к ним не подпускают. Особенно озлобились против Кенжекея, да и против других. Кенжекей — старый рыбак, все лучшие места на озере знает, как свою собственную семью. Так вот, этот Макар с Шораком так сказали рыбакам: «Мы арендовали это озеро у правительства, заплатили деньги, честь честью по договору, и теперь, кроме нас, здесь никто рыбу ловить не будет!» Сначала угрожали, а потом и силу стали применять. Кто из рыбаков где поставит сети, заставляли немедленно убирать. Был у нас и невод, купленный в складчину тридцатью или даже

сорока семьями. Так и тот выбросили. А людям — хоть по миру иди. А они: «Озеро наше, река ваша, вот и ловите там!..» Самоуправством начали заниматься: в лютые крещенские морозы трех рыбаков наших в проруби искупали.

— Настоящие изверги, никакой жалости к человеку.

— Да-а,— продолжал Байес,— хотя на озере нашим рыбакам больше не разрешали ловить, но есть хочется, и люди шли тайком. По краям ставили сети, ночами. Да и привычка многое значит: если человек привык к промыслу, ничем его не отобьешь. А рыбная ловля к тому же еще и увлекательное занятие. Был у нас в ауле такой замечательный рыбак Малдыбай. Вырос, как говорится, на озере. Все протоки, все перекаты на Шалкаре знал. Если уж он поставил сети, то улов обеспечен наверняка. Даже дно озера наизусть знал — где солончаки, где высокие места, ведь рыба солончаки обходит. Не совру, если скажу, что он точно предсказывал, какая рыба в какой день и в каком направлении пойдет. Вот Кенжекей не даст соврать, какой однажды случай был с Малдыбаем. Да и с ними тоже, они ведь все втроем ходили. Накрыли их на озере казаки... Это было в морозную ночь. Рыбаки просто заблудились и попали на другой конец озера. Белый туман стоял, так что невозможно было различить, где берега, а где середина озера. Шли-то они к своим сетям, расставленным по-над берегом. Сам Кенжекей так рассказывал нам об этой встрече с казаками: «Сети свои мы еще с вечера расставили, когда чуть начало темнеть. Приметили место и в полночь пришли проверять. Смотрим: полные сети судака набилось, да крупного, величиной с руку. Особенно много рыбы попало в малдыбаевские сети. Он-то знал, куда поставить их — как раз в то место, где косяки судака зимовали. Мы, значит, как воры,— оно и верно, сети-то крадучись ставили — начали выгребать рыбу на лед. Над озером туман белый пошел. Торопимся, спешим поскорее собрать улов, чтобы не застали нас казаки. Но, видно, сам аллах попутал нас — поехали с рыбой, да не в ту сторону. Оно и не мудрено было заблудиться, когда на небе ни звездочки. Какое на небе — в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть. Едем, едем, а берега не видать. Что за напасть такая, думаем, куда же он провалился? Наконец увидели дерево — к нему. Это дуб шортанбаевский, что на том берегу. Подъезжаем, а возле него двое караульных с ружьями. Окружили они нас, обозвали ворами и повели к землянке, где охрана ночевала. Времянка у них там такая есть. Отобрали рыбу, забрали лошадь и сани и прогнали нас. Вышли мы и думаем: «Как же это так, ну рыбу забрали, аллах с ней, а зачем же сани и лошадь?..»

Вернулись и стали просить, чтобы вернули нам нашу лошадь и сани. Не отдают, ругаются. Разве Макар когда жалел казахов, он и с хохлов-то готов три шкуры содрать! Да, пожалуй, он и был в то время в землянке. Рослый такой, с окладистой бородой, на плечах шуба из волчьего меха. Встал он и говорит: «Пусть киргизы узнают, кто такой был Иисус! Окрестить их!..» А «окрестить» — это значит искупать в проруби. Таков у русских казаков обычай. Жмемся мы у порога, нам-то невдомек, не знали мы этого обычая тогда. Казаки набросились на нас, скрутили нам руки и вывели на лед. Перевязали веревками за пояс и — в прорубь...»

— Ужас какой!.. — вздрогнув, проговорила жена Хажимукана, словно ее самое опускали в прорубь.

— Вот так рассказывал Кенжекей... Конечно, разве человек выдержит ледяную воду, от которой коченеют суставы? Палец сунешь в прорубь, и то обжигает как огнем. А их прямо в одежде купали. Да по нескольку раз с головой окунали. Только когда они уже совсем посинели, как мертвецы, судорогой посвело их,— бросили на лед... Удивительно все же, до чего человек живуч! Мороз сильный был, одежда на них разом коркой взялась, но они все же добрались до аула. Сапоги, помню, с Кенжекея снимали — в теплой воде отмачивали, еле-еле сняли. Кенжекей и Каипкожа еще ничего, а Малдыбай как пришел домой, свалился, так уже больше и не встал. Три дня похворал и скончался. Каипкожа с тех пор калекой остался, чуть ноги передвигает, да и в грудях у него все что-то хрипит. В постели лежит... А ведь во всем ауле никто так не умеет играть на сыбызге, как он. Заслушаешься, как ударит по струнам. Да и во всей округе нет такого сыбызгиста, как Каипкожа. Сгубили его проклятые богачи... Но он не бросает сыбызгу, играет и сочиняет кюи. Недавно сочинил кюй «Раскололся лед». У самого у него, когда играл, слезы по щекам текли,— видно, вспоминал ту морозную ночь, когда окунули его в прорубь. Здорово играл, словно ночным морозом веяло от сыбызги. Густой, глуховато-заливистый звук то лился медленно, плавно, то вдруг скрипел, как снег под полозьями. Люди даже ежились от холода, такое впечатление производил кюй. Слушаешь, и будто пронзает тебя насквозь стужа. Так иногда зашумит сыбызга, как лед в крещенские морозы... Нет, никогда я не встречал такого сыбызгиста, как наш Каипкожа! А его кюй «Нар иген»?!.. Абеке, я попрошу Каипкожу сыграть его для вас. Жаль только, что он сейчас очень болен. Но, даст аллах...

— Байеке, про сыбызгиста потом... это длинная история. Ты давай про бесчинства казаков,— перебил продавца Хажимукан.

— Хорошо... Дальше, значит, вот что было. Народ решил рассказать волостному, какие чудовищные зверства чинят казаки вместе с баем Шораком над рыбаками, чтобы он пресек их самоуправство и вернул озеро. Надеялись, что волостной поможет. Правда, не все, кое-кто посмеивался: дескать, ждите, может, и дождетесь... Некоторые предлагали жаловаться прямо уездному. Были и такие, которые говорили, что нужно подавать прошение самому белому царю, потому что ни уездный, ни волостной ничего не смогут сделать, ведь они тоже богатые. Разве ворона вороне станет клевать глаз?

Подали жалобу и туда и сюда, а ни от кого помощи не дождались — ни от уездного, ни от самого белого царя. Никакого ответа от них не было: ни плохого, ни хорошего. Жалоба наша как в воду канула. Зато в аул безо всякого приглашения прискакали жандармы с урядником...

— Это после праздника курбан-айта [1], что ли? — спросил Хажимукан, бросив сеть на землю.

— Да, да, как раз после курбан-айта. Скандал-то был в самый праздник, а уж жандармы потом приехали... Абеке, казаки, отобрав озеро, оскорбили наших аульчан. А сколько еще унижений пришлось перенести бедным рыбакам, да и сейчас приходится. Все это в душе накапливается, но настанет время — прорвется наружу. Тогда ненависть, как степной пожар, от искорки разгорается. Вот такая вспышка у людей и была в самый день айта. Зима суровая стояла в тот год. Лед окреп, санные дороги по Шалкару легли — все как полагается. Наши люди с утра до ночи на озере батрачили на Макара и Шорака, тянули сети. В день айта никто не вышел на работу, грех в этот день трудиться — священный праздник. Собрались всем аулом и поехали в гости к соседям. Далеко растянулась вереница конных и пеших. Едут, смотрят, на озере кто-то работает. Обидным, оскорбительным показалось это людям. Как можно не уважать священный праздник? Зароптали. Кто-то сказал, что надо осквернителей прогнать с озера. Ну, рыбаки сгоряча и кинулись разгонять работающих. Сначала думали просто по-хорошему попросить уйти их с Шалкара, а все получилось иначе... Я тоже вместе со всеми поскакал. Лошаденка у меня худенькая была, к тому же и не кованая. А еще такой дурной характер имела — никогда не ступит на лед. Бывало, где на дороге попадется подмерзшая лужица, обязательно обойдет. А на озеро — убей ее, не сдвинется с места. Отстал я ото всех, стою на берегу и смотрю, как наши люди окружили казаков, кричат, плетками машут. Есть хорошая русская пословица: «На воре шапка

---

[1] Курбан-айт — религиозный праздник, жертвоприношение.

горит!» Кто чувствует за собой вину, обязательно пустится наутек. Казаков мало, а наших много. Побросали казаки сети и рыбу, вскочили в сани и — вскачь к берегу своему. Наши, значит, вдогонку, расхрабрились, ну и обида давняя вспомнилась. Догнали их и плетками отстегали как следует. Били до самого берега. Потом вернулись, поразорвали сети, раскидали рыбу и только тогда поехали дальше, праздновать...

Вот так и отомстил народ обидчикам-казакам и баю Шораку, прогнал их в тот день с озера, как косяк меринов с посева. Теперь, Абеке, судите сами: кто был виноват во всем этом? Те, кто захватил себе земли и воды, кто отобрал у бедняка последнее право на существование, или те, кто стал отстаивать это право, кто поднял руку на своих насильников?.. Спустя три дня после этого случая на льду Шалкара к нам в аул и приехали жандармы с урядником. За ними прибыли и уездный и волостной начальники, переводчики из Джамбейты. Даже из самого Теке были люди. И все в один голос обвинили нас, что мы «подняли бунт» и совершили преступление. Начались сходы, собрания, расспросы, допросы. Все это начальство нужно было кормить, пока разбирательство шло. Э-э, один аллах ведает, сколько скота было заколото! Я еще не сказал вот о ком: с окрестных аулов все богачи съехались, бии и хаджи, и тоже против нас заговорили. Уездный начальник кричит: «Найдите и приведите бунтовщиков, иначе всех до единого сошлю в Сибирь!..» Народ тогда здорово перепугался, не знал, как быть, что делать, но — молчал. Были, правда, такие людишки, которые говорили, что нужно пожертвовать двумя-тремя джигитами, чтобы отвести беду от народа, чтобы, значит, кара не на всех пала. Но их никто не слушал. Все смотрели на старика, хаджи Жунуса, ждали, что он скажет. Старик был справедливый, уважали его в ауле. Он и говорить хорошо умел, и честностью отличался особенной, никогда в жизни не обманывал. Ни за что бы он и теперь не выдал джигитов, если бы даже и знал зачинщиков. Вышел Жунус вперед и говорит: «Господин уездный начальник, виновник всему этому есть... Приведите сюда жену Малдыбая!» Уездный, волостной и вся их братия, что прибыла расследование вести, повеселели. Как же, ведь старик только что сказал, что виновник есть... Послали за женой Малдыбая. Вскоре пришла вдова с маленьким ребенком на руках. Другой мальчик, постарше, стоял рядом и держался за платье. Оборванный, в коротких штанишках, потрепанных ичигах, из которых выглядывали голые пятки. Да и на вдове все платье было из одних заплат. «Прежде всего следует строго наказать вот этих троих,— сказал Жунус, указывая пальцем на жену Малдыбая с детьми.— Это они учинили разбой на Шалка-

ре!..» — «Что он несет, этот дряхлый хаджи, смеется, что ли, над нами?! Как могла возмутить народ эта нищая, невежественная дикарка?..» Уездный поднялся, глаза его яростно засверкали. Он побагровел и, казалось, готов был живьем проглотить старика Жунуса. «Ваше превосходительство, господин уездный начальник, позвольте мне говорить правду,— снова начал Жунус.— Эта женщина действительно бедна и несчастна. Если вы будете милосердны с ней, значит, вы — защитник справедливости. А те, что сгрудились позади вас,— бездушные, алчные люди. Это они позаботились о том, чтобы оставить малюток сиротами, женщину — нищей, отобрать у них то единственное, чем они кормились,— рыбу. Это они в лютый январский мороз искупали в проруби отца этих малюток и загнали его в могилу!.. В торжественный день айта, в наш большой праздник, люди не хотели зла, они не стали убивать тех, кто погубил жизнь Малдыбая, просто напомнили им, что справедливость еще не похоронена, она жива, и есть кому защитить ее. Вот, господин уездный начальник, все, что я хотел вам сказать. Если найдете нужным обвинить эту вдову с детьми,— ваше право выслать их в Сибирь. Если посчитаете преступлением то, что мы заступились за сирот, тогда вам придется арестовать триста человек, опустошить триста домов, вернее, угнать в Сибирь всех нас, жителей этого аула...» Уездный растерялся, да и что он мог сделать после таких слов старика. Смотрит на толпу — люди злые, нахмуренные. Может, от испуга, а может, просто от усталости,— только глядим, стал собираться уездный в дорогу. Сказал волостным: «Кончайте сами!..» — и уехал. Волостные еще помучили народ с неделю и тоже — восвояси. А Макар с Шораком привезли проволочную сеть и перегородили устье реки. В общем, не тем, так другим отомстили. С тех пор в реке нет крупной рыбы, вся в озере оседает.

— Вот это настоящее издевательство, чистейшая подлость,— сказал Хажимукан и опять прищелкнул языком.

— А старик Жунус жив еще? — спросил Абдрахман у Байеса.

— Бодрый старик, здравствует. После того случая его еще больше в ауле стали уважать. Он живет по соседству с Халеном. Хален и Жунус — большие друзья. Через Халена можно будет, если хотите, познакомиться с Жунусом и поговорить с ним.

«Это надо будет обязательно сделать»,— подумал Абдрахман и вслух добавил:

— Конечно, конечно!

— Ни коке[1], ни учителя в лавке нет, пошли к рыбакам на реку,— сообщил Жаппар, бегавший в лавку за отцом.

Чай был готов. Жол расположился поудобнее. Он допил шестую чашку и, разомлевший, раскрасневшийся, рукавом смахнул со лба обильный пот и окинул взглядом всю комнату. Бигайша исподлобья наблюдала за ним и старалась угадать, будет ли кайнага пить еще и заваривать или не заваривать чай? Жол медленно повернул к ней голову и проговорил:

— Налей еще, келин. У моей чай кончился. Просила тебя: «Пусть Бигайша хоть с полфунта чаю пришлет...» — Старшина расстегнул грязный ворот полотняной рубашки, обнажив свою птичью грудь.

— Кайнага-ау, можно сказать, и у нас чай кончился, это последняя заварка. В эту по...— Бигайша смолкла на полуслове, прикусила язык. Она чуть не назвала Жола по имени[2].— В этот раз он не привез чаю.

Бигайша снова заварила чай и, налив в чашку, подала ее старшине.

— Я ведь много не прошу, всего только полфунта... А там сами достанем. Зато, келин, у вас, наверное, сахару много? Завернула бы гостинец для своей би-женеше[3] хотя бы несколько кусочков...

Жол крутил в пальцах кусочек сахара, который надкусывал с чрезмерной аккуратностью, рассчитывая растянуть его еще на несколько чашек. «Если Бигайша говорит правду,— подумал он,— то этого кусочка не хватит на две чашки, даже если будешь только лизать языком...»

Женщина смотрела на потную, красную шею старшины и мысленно ругала его: «Когда же ты уйдешь, проклятый!..»

— Байес найдет,— продолжал между тем Жол.— Наверное, у богачей-татар в Теке гниют в кладовых тюки сахара и чая?

— Никаких товаров у них нет, в городе все вверх дном перевернулось, так хозяин мой рассказывал, когда из города вернулся.

---

[1] Коке — отец.

[2] По старому казахскому обычаю, невестка не имеет права назвать деверя по имени. «Жол»— в переводе на русский язык означает «дорога, путь, поездка». Бигайша хотела сказать «поездку...», но это значило, что она должна была произнести слово «жол», и деверь мог понять это как оскорбление.

[3] Женеше (от женге) — тетушка (*ласк.*).

— Разве у торговцев когда-нибудь переведутся товары, келин, да ты, оказывается, еще ребенок. У них припрятано немало — всему нашему аулу на год хватит... Как хозяин-то говорил: «Город вверх дном перевернулся»?..

— Кто его знает, разве разберешь, что к чему, когда говорят мужчины. Одно я поняла, что товаров нет, вот и все.

Бигайша знала, что творилось в городе, но она не хотела говорить об этом Жолу и поэтому ответила на его вопрос уклончиво. Она продолжала с тоской думать: «Как бы поскорее избавиться от тебя? Отдать эту последнюю четвертушку чая, что ли, чтобы ушел?.. Отдать — самим остаться без чая, не давать — будет сидеть до вечера! Как пиявка, зайдет к кому, пока не насосется вдоволь, пока не возьмет, что ему надо, ни за что не уйдет...» Бигайша принялась перемывать посуду и убирать скатерть, искоса поглядывая на отдувавшегося старшину. Жол, казалось, совсем не собирался уходить. Откинувшись на подушках, он блаженно отдыхал, вытирая пот с лица и от удовольствия жмуря глаза. Бигайша поняла — не уйдет. Она подошла к резному синему сундуку и, со звоном повернув ключ, открыла крышку.

— Кайнага, вот весь наш чай. Хоть сами будем пить чистую воду, но я все же решила отдать четвертушку би-женеше,— четко выговаривая каждое слово, сказала Бигайша и протянула Жолу пачку чая, завернутую в пожелтевшую бумажку.— Люди, наверное, говорят про нас, что, мол, у нас и чаю и сахару вдоволь. Но ваш двоюродный брат хоть и торгует в лавке, меньше всего думает о доме. Видите, нет у нас ничего.

— Гм, да-а...— Жол взял чай, положил его на ладонь, как бы взвешивая, сколько потянет, и, приблизив к глазам, стал рассматривать, словно это была сахарная косточка и он определял, с какой стороны лучше начинать ее обгладывать.— «Цейлон»!..— прочел он на обертке.— Из Казани, видать, добротный...

Он торопливо завернул четвертушку чая в большой полосатый ситцевый платок, которым до этого вытирал пот, и спрятал в карман старенького бешмета из черного сукна. По тому, как смотрела на него Бигайша, старшина понял, что женщина действительно отдала последнее, что у нее было. Боясь, как бы она, опомнившись, не потребовала чай обратно, Жол быстро поднялся с места и заспешил уходить. «Чудесно, чудесно!..— мысленно восклицал он, ощупывая пальцами в кармане сверток.— Неожиданная удача! Шел за одним, а достал другое.. Чай — это хорошо, это тоже хорошо, теперь Бахитли вылечит свою голову...»

— До свиданья, келин! Да ниспошлет аллах благоденствие вашему дому! — скороговоркой пробубнил Жол и стремительно направился к двери.

Когда Жол выходил на улицу, Жаппар стоял возле его серой кобылы и дергал из хвоста волосы для лески. Мальчик все время прислушивался, не хлопнет ли дверь, не появится ли хозяин; едва скрипнула наружная калитка, он отскочил в сторону и как ни в чем не бывало стал разглядывать седло. В черных глазах его горели озорные искорки. Жесткий конский волос, спрятанный под рубаху, раздувал ее, Жаппар локтем старался придавить волос, но ничего не получалось. Тогда мальчик положил обе руки на живот, скрестив их, как заправский покупатель на скотном базаре. Жол, разумеется, погруженный в свои думы, ничего не заметил, он мальчика увидел только тогда, когда уже отвязал лошадь и просунул ногу в стремя. «Надо выманить у этого сорванца воззвание!..» Жол смотрел на мальчика и напряженно думал, чем бы задобрить его, чтобы он отдал ему бумажку.

— Жаппар, дать тебе денег, а? — Старшина полез в карман за мелочью.

Жаппар вздрогнул и насторожился: верить или не верить старику?.. «Не обманывает ли? Может, говорит просто для приманки, а сам поймать хочет?..» — боязливо подумал мальчик.

Жол, угадав опасения мальчика, достал из кармана две пятикопеечные монетки и, заманчиво позвенев ими, одну за другой бросил Жаппару:

— А ну лови!..

Мальчик ловко поймал обе монетки, улыбнулся и протянул снова руку, как бы прося Жола подкинуть еще.

— Ох и джигит!.. Весь в отца, шустрый! Наверное, годика через два сам вместо отца будешь ездить в город за товарами, а? Хе-хе, джигит!.. Я вот для насыбая нашел листик табаку, нет ли у тебя, Жаппаржан, какой-нибудь бумажки, чтобы завернуть его? А то пока доберусь до дому, пожалуй, весь поискрошу и рассыплю...

Деньги и ласковые слова старшины благотворно подействовали на мальчика.

— Найду бумагу, би-ага! — радостно воскликнул он.— Бумаг разных у меня много... А нет ли у вас бумажных денег, я хочу купить ручку и чернильницу.

— Есть. Дам тебе, только ты сначала найди мне большую бумажку, чтобы завернуть табак.

— А бумажные деньги годятся для игры в карты?

— Ох и глупенький ты! Те деньги, которые я тебе дам, на все пригодны: хоть в карты играй, хоть покупай ручки и

чернильницы. Вот они, держи!..— Жол протянул мальчику три керенки, на которые теперь ничего нельзя было приобрести.

Мальчик радостно подпрыгнул; крепко стиснув в левой ладони медяки и керенки, правой рукой он достал из-за пазухи скомканное воззвание и передал его Жолу.

Взяв в руку измятый желтый листок, на одной стороне которого типографским способом был отпечатан текст воззвания, он разгладил бумажку и, аккуратно свернув ее, запрятал в глубокий карман своего чапана.

— Жаппар, эта твоя бумажка очень подходящая для курения. Нет ли другой какой, только побольше? А то табачный листок широкий и жесткий, его никак не завернуть в эту бумажку, которую ты дал,— щуря плутоватые глаза, проговорил Жол.

— Би-ага, как вы приедете к нам в следующий раз, я найду еще бумажку. Сегодня коке ушел к рыбакам и лавку закрыл.

— Хорошо. Найдешь, значит?

— Найду.

«Теперь-то вы в моих руках, голубчики!..» — мысленно проговорил Жол, легко садясь на серую лошадь. Раньше он только слышал о воззваниях, которые распространял учитель в ауле, но не видел их, а теперь оно лежало у него в кармане. Хитровато улыбаясь, он заспешил к писарю, настегивая кнутом серую кобыленку, чтобы вместе с ним поскорее прочесть воззвание, написать протокол и отправить его с нарочным волостному.

5

Под утро Манар спала чутко, беспрерывно просыпаясь, боясь упустить время дойки коровы. Она слышала, как муж торопливо встал с постели и, наскоро накинув на плечи бешмет, направился к двери.

— Шырагым-ау! [1] Ты что так рано?

Хажимукан, не расслышав ее вопроса, вышел. Манар глянула в окно — рано еще!.. Ее снова охватила сладкая предутренняя дрема.

Как спелое яблоко, наливался рассвет. Ночная темень, сползая с Баркин-тау, растекалась по степи, таясь и прячась в овраги и низины, торопливо уносилась на запад, к темно-синим просторам Шалкара.

---

[1] Шырагым-ау — вроде русского «милый мой», но удивленно.

Над устьем Анхаты стелилась голубая дымка, скрывая от постороннего взгляда зимовье Ашетер, расположенное на противоположном берегу реки. Хажимукан, выйдя во двор, направился прямо к красному быку, лежавшему возле перевернутых саней и жевавшему жвачку. Накинув на рога налыгачи, он привязал быка к саням. Пока хозяин затягивал узел, бык затих, покорно склонив голову и перестав жевать жвачку, затем глубоко, по-бычьи, вздохнул и снова задвигал челюстями.

— С вечера-то забыл привязать быка, чуть было не ушел на пастбище...— неторопливо войдя в комнату, сказал Хажимукан.

Манар полуспала. Она слышала, как хлопнула дверь, как зашуршали по полу шаги мужа, поняла все, что он сказал, но ей не хотелось открывать глаза, не хотелось прерывать неуловимо-забывчивые приятные предутренние грезы. Длинные ресницы ее слегка вздрагивали, она не открыла глаз, ничего не ответила мужу.

— Ну покажем мы им сегодня!.. С корнем вывернем эту проклятую железную сеть, по проволочке разберем и разбросаем, чтобы и кусочка не нашли от нее. А то, видишь ли, перепрудили реку и хозяйничают в озере, как у себя дома...

— О чем ты это толкуешь? Ложись лучше, чего встал ни свет ни заря, на реку, что ли, собрался? — спросила Манар, лежа по-прежнему с закрытыми глазами.

— Какое тебе ни свет ни заря, уже давно утро. Да и не время теперь отлеживаться. Вчера мы сговорились собрать всех быков вместе и вырвать железную сеть из реки!..

Манар вздрогнула от неожиданности, сна как не бывало.

— Как?!. Лучше терпеть голод, только подальше от разных скандалов. Пусть вырывает, кто хочет! Нам нет до этого дела. Ведь это будет большой скандал, и принесет он много несчастья людям! — испуганно проговорила она.

— Никакого скандала и никакой беды не будет. В Рашай [1] мужики давно уже отняли у богачей землю и воду и сами стали хозяевами. А мы что смотрим? Разве мы не сможем сделать то же самое? Ты женщина и, пожалуйста, не суйся в наши мужские дела. Мы тоже сумеем постоять за себя. Гнули спины, на белый свет не смели по-человечески смотреть — довольно, больше этого не будет. Настал и для нас день, расправим плечи!..

Хажимукан достал с шестка завернутый в бумажку насыбай, захватил пальцами щепотку и поднес к носу. Высохший за ночь табак легко втянулся с воздухом и проник почти

[1] Рашай — искаженное Россия.

в самое горло. Рыбак поперхнулся, закашлялся и зачихал, а потом долго сморкался.

— Чего это тебе взбрело вдыхать эту сатанинскую пыль?.. И не смей ходить выворачивать сеть, это не наше дело.

Давно уже привык Хажимукан к ворчанию жены и теперь не обратил на ее слова никакого внимания. «Предостерегать — это женское дело, а мы, мужчины, должны подчиняться своему разуму»,— мысленно проговорил рыбак и, продолжая чихать, вышел на улицу. Начиная с соседа, за какие-нибудь полчаса он обошел все рыбацкие хибарки, расположенные вдоль берега, и разбудил людей. Сонные, они сходились к площадке, неся с собой кто арканы, кто сыромятные ремни, а некоторые прихватили цепи для тяжей. Сюда же привели быков, лошадей, и вся эта многоголосая толпа направилась к озеру. Обгоняя старших, шныряла под ногами шумная ватага ребятишек, их звонкие голоса далеко разносились над голубой гладью Шалкара. Когда взошло солнце, к собравшимся возле устья Анхаты людям подошли Абдрахман и Байес.

— Рыбаки,— поздоровавшись, проговорил Байес,— Абеке хочет сказать вам несколько слов. Как думаете, пусть скажет?..

— Пусть говорит!

— Говори!

— Говори, Абеке, мы все сделаем, только как бы нас за это...

— Да, как бы потом нас Макар с Шораком не сделали несчастными. Они все могут!.. Придут сюда и новую сеть поставят, еще более крепкую!..

Кто-то из толпы возразил:

— Не поставят! Не посмеют, царя-то белого больше нет. Это они при нем хозяйничали, а теперь — отошла их власть!

— Братья-джигиты, я много рассказывал вам о великом народном вожде Ленине. Вы — понятливые люди. Я думаю, вы хорошо помните мой вчерашний рассказ... Так вот, советская власть во главе с Лениным издала декрет, что земли и воды и все богатства принадлежат народу. Истинный хозяин земли — это крестьянин, это рабочий, это все те, кто трудится не покладая рук: пашет, сеет и убирает, все те, кто добывает себе пищу потом и кровью. А богачи, которые нанимают себе батраков и работников, которые живут за счет чужого труда, лишаются права пользоваться землей и водой. Вы — рыбаки. Ваше богатство — богатство озера. Только вы являетесь подлинными его хозяевами, и никто больше, потому что вы трудитесь день и ночь, мерзнете в холодной воде, расставляя сети для весеннего лова, стынете зимой над прорубями, добы-

вая себе на пропитание. Вам и вашим детям принадлежат это озеро и эта степь, что лежит вокруг. И никто не посмеет отнять ее у вас. Такие же бедные люди, как вы, которые уже взяли власть в свои руки в России, помогут вам отстоять это право. Скоро, может, очень скоро мы и здесь установим такую власть, и вы сами будете управлять аулом. Не нужно бояться баев, нас много, и если мы все вместе дружно встанем против них,— не нам, а им придется убегать отсюда. Вот это сегодня я и хотел сказать вам,— закончил Абдрахман.

— Все поняли? — спросил Байес.

— Поняли!

— Поняли!

— Коли поняли, идемте и вырвем эту проклятую проволочную сеть из воды! — сказал он и направился к вбитому с небольшим наклоном в землю полосатому рельсу, от которого тянулся к реке железный трос, державший сеть.

Рыбаки закрутили столб цепями и впрягли цугом несколько бычьих и конских упряжек. Упряжки протянулись вдоль берега и образовали довольно длинную вереницу. По бокам стояли люди, готовые по сигналу понукать животных. Ждали сигнала с противоположного берега, где рыбаки обрубали трос. Когда трос наконец был обрублен, Байес поднял руку и крикнул:

— Погоняй!..

Под шум и гам толпы быки и лошади рванули вперед, постромки натянулись, и полосатый рельс, как нож из теста, мягко выскользнул из земли. Упряжки рванули сильнее, и из воды показалась ржавая проволочная сеть. Она перервалась, и нижняя половина ее легла на дно.

Толпа радостно закричала. Седовласые старики, благодаря аллаха, зашептали молитвы.

В это утро была порвана еще одна сеть, при помощи которой ненасытные богачи отбирали у людей право на жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Отшумел грозами и холодными ливнями с градом Куралай [1], и наступило раннее мягкое лето. Установились теплые, погожие дни. Небо, омытое дождями, казалось особенно го-

---

[1] Куралай — «День козленка». Бывает в первой неделе мая. В этот период обычно проходят ливни и град.

лубым и прозрачным. В одну неделю поднялись травы, и зеленое раздолье заколыхалось, как море, под ласковым южным ветром. Степь зацвела и с каждым днем становилась все краше и краше.

Аул учителя Халена перекочевал на летнее пастбище Молалы Тогай и остановился на берегу реки, как раз напротив зимовки. Это привольное джайляу омывалось с двух сторон степными речками — Анхатками. Здесь проводили лето почти все близлежащие аулы, они покидали роскошное летнее пастбище только тогда, когда кончалась уборка сена с пойменных лугов правобережья и дехкане приступали к жатве хлебов на богаре.

Аул Халена небольшой, всего шесть юрт. Среди буйной зелени они похожи на застывшие серые кочки. В них нет ни белой кошмы, ни дорогих ковров. И скота вокруг аула пасется очень мало. Бедно живут родичи учителя — хозяева этих юрт. У Асана всего лишь два козленка и корова. Примерно столько же скота имеют и его брат Найке, и батрак Рахманкул, и вдова Кумус. Чуть получше живет середняк Кубайра. Все жители аула Халена зимой рыбачат, а летом нанимаются пасти скот.

Самый состоятельный человек в ауле — сам учитель Хален. Его просторная юрта хотя и не очень большая, но все же выделяется среди других своим убранством. В ней всегда чисто и уютно, пол застилается узорчатыми кошмами. В правой стороне, рядом с сундуками, стоит деревянная кровать с целой горой одеял. Наверху, под самым сводом, как белый девичий платок, красуется четырехугольный тундук [1].

Отец Халена был человеком довольно богатым. Он умер рано, оставив сыновьям неплохое наследство. Хален к этому времени уже окончил учительскую семинарию в Оренбурге и поступил работать учителем в школу в уездном центре, а хозяйство вели старший и младший братья. Зимой Хален жил со своей женой Маккой при школе в уездном городке, а на лето приезжал отдыхать в родной аул.

В тяжелый год коровы [2], когда в степи вспыхнула эпидемия черной оспы, умерли мать и братья Халена. Хозяйство пошло на убыль, скота с каждым годом становилось все меньше и меньше. Оставшихся после смерти старшего брата девочку и мальчика Хален увез с собой в город. Нужно было их кормить и воспитывать, а средств не хватало. И вот, в довершение всего, учитель неожиданно был отстранен от работы.

---

[1] Тундук — квадратная кошма, закрывающая верхнее отверстие юрты.

[2] Год коровы, год обезьяны и т. д. — у казахов годы было принято называть именами животных.

Это случилось прошлой осенью. Джамбейтинскую двухклассную русско-киргизскую школу, где работал Хален, посетил инспектор от нового правительства, образованного здесь, в степи, бывшими управителями и баями. Едва уехал инспектор, как директор вызвал к себе Халена и сказал:

— Вы должны подать в отставку.

— Почему?

— Так хочет господин инспектор.

Хален попытался было выяснить причины, почему его отстраняют от работы, но директор к тому, что уже сказал, ничего не добавил. «Так хочет господин инспектор...» И Халену пришлось покинуть школу, где он проработал почти десять лет, и уехать в аул.

Долгой и скучной показалась зима учителю. Хотя он и занимался с детьми дома, но что это были за занятия! Учились у него всего пять учеников, да и те приходили далеко не каждый день: то не пускала их из юрт пурга, то родители заставляли работать по хозяйству. Открыть постоянную школу Хален не мог, у него не было на это средств.

Седьмой аул Копирли-Анхатинской волости, состоявший из рода Баркин, был самым многочисленным в округе. В нем насчитывалось около трехсот домов. В этом ауле была мечеть известного святого хазрета Таржеке и при ней две духовные школы — медресе. Люди отдавали своих детей учиться в эти медресе, тогда как в новые русско-киргизские школы посылали редко и неохотно. Мечеть и медресе содержали сын святого хазрета Таржеке — хазрет Хамидулла и ишан Губайдулла. Оба они, довольно известные люди в степи, когда-то учились в Бухаре и служили мюридами у великого имама; при них было трудно, почти невозможно отдавать детей учиться куда-либо помимо медресе. Кроме того, в этом ауле жили еще двенадцать почетных хаджи и свыше десяти других различных ишанов и магзумов [1]. Они разъезжали по округе и говорили родителям:

— Ты что же это, хочешь, чтобы твой черноглазый, отрастив волосы, стал переводчиком? — И тут же почти приказывали: — Веди его в медресе!..

Как ни старался Хален привлечь детей в русско-киргизскую школу, это ему не удавалось, мешали хазреты, ишаны, магзумы.

Только один хаджи Жунус давал своим детям русское образование и ни в какое медресе не соглашался их посылать. Его старший сын Хаким учился в Джамбейтинской русско-киргизской школе у Халена, и, когда учитель переехал жить

---

[1] Магзум—сын хазрета (старшего духовного лица мечети).

в аул, хаджи привел ему своих младших сыновей — Алибека и Адильбека.

— Хален, ты учил Хакима, и я вполне доволен тобой,— сказал хаджи Жунус.— Теперь я отдаю в твои руки и вот этих своих двух сорванцов... Обучай их грамоте. За оплату не беспокойся, постараюсь хорошо отблагодарить тебя, ведь мы же соседи и даже немного родственниками доводимся...

Старик Жунус, хотя и был хаджи — когда-то совершил паломничество в Мекку, а теперь собирался стать мюридом хазрета, жил далеко не одними религиозными наставлениями, он делал все по своему разумению, был прямым и честным человеком и в людях тоже уважал правду и честность. Он не задумывался над тем, как воспримут его слова,— говорил правду в глаза, поэтому даже многие богачи опасались его, не перечили ему, старались подладиться под крутой характер своенравного хаджи и делали то, что он говорил.

Из пяти учеников Халена, которых обучал он этой зимой, двое как раз и были сыновьями Жунуса. Третий ученик — сын двоюродного брата учителя Ертлеуа, а остальные двое—мальчики из аула, расположенного у самого устья Анхаты. Один из них — сын приказчика Байеса, другой сын — расчетливого и энергичного Батыра. По пятницам эти двое уезжали к себе в аул и жили там по два-три дня, а иногда пропадали по целой неделе и срывали занятия.

С наступлением весны у Халена не стало и этих учеников. Привыкший к постоянной работе, учитель загрустил, затосковал, он вдруг почувствовал вокруг себя какую-то пустоту, и ощущение этой пустоты еще больше угнетало его. Не было и хороших собеседников, потому что еще не все аулы перекочевали на джайляу. Тосковал Хален и по газетам и журналам, которых на этом летнем пастбище совершенно невозможно было достать. Пастбище, замкнутое с двух сторон степными речками, находилось в стороне от больших дорог, сюда никто не приезжал ни из уезда, ни из волости, а если и приезжал кто, то только по делу.

В эту весну запаздывал с перекочевкой и аул Жунуса. Хаджи обещал Халену приехать на джайляу сразу же вслед за ним, через два-три дня, но почему-то задерживался. Учитель догадывался почему. Старший сын Жунуса Хаким заканчивал в Теке реальное училище, и родные ждали его возвращения. Шла вторая неделя, а Хаким все не приезжал, и аул Жунуса по-прежнему оставался на зимовке.

«Если бы перекочевал Жунус, сразу на джайляу стало бы веселее. Хаджи — человек энергичный, знает толк в хозяйстве, может многое подсказать. И собеседник он приятный, сам рассказывает много и любит слушать. Если бы все люди

были такими... Хороший старик, всегда за правду стоит...» — думал учитель, вглядываясь в степь. Он надеялся увидеть кочевку Жунуса. В последнее время учитель особенно сдружился со стариком, делился с ним всеми сокровенными думами и теперь с нетерпением ждал его на джайляу.

— Макка,— войдя в юрту, сказал Хален,— не пора ли гнать кобылиц на луг?.. Наверное, и жеребята пить захотели...

— Рано еще...— ответила Макка, продолжая полоскать в ведре кожаный подойник.

— Нет, не рано.

— Ну что ж, пора так пора... На реку хочешь?.. Ты опять сегодня все утро смотрел на дорогу, будто кого-то ждешь с базара.

— Угадала, Макка. Я жду, только не с базара... ты же знаешь, я не могу жить без газет, журналов, книг, без уроков. На днях должен приехать из города сын Жунуса, а может, уже и приехал, вот его я и жду. Он наверняка привезет что-нибудь новенькое почитать.

Она знала, что муж скучает по школе, по учительской работе, но ничем не могла ему помочь. Искоса взглянув на скучное лицо Халена, она тяжело вздохнула и пошла доить кобылицу.

2

Когда Макка закончила дойку, Хален погнал кобылиц и жеребят к реке. Впереди, как всегда, бежала вороная кобыла. Спустившись с яра, она смело вошла в воду и, вытянув шею, начала пить. По мере того как вода мутнела у ее ног, она продвигалась все дальше и дальше в реку, вместе с ней вошел в воду и жеребенок, он едва касался копытами дна, почти плавал. Сходя по тропинке вниз, учитель с опаской смотрел, как жеребенок задирал вверх голову, рыжая спинка его то и дело захлестывалась волной. Напившись, кобыла вышла из воды и рысцой затрусила к лугу. За ней потянулся весь табунок.

Хален стоял на берегу и смотрел, как медленно успокаивалась и светлела вода после ухода кобыл. Было тихо, безветренно. Но вот со степи пахнул легкий ветерок, и спокойная речная гладь вмиг покрылась кудрявой рябью. Солнце перевалило за полдень. На противоположном берегу из камышовых зарослей выплыли две утки-лысухи и, чего-то испугавшись, снова скрылись в зеленом тростнике. Почти под самым яром Хален заметил голову нырка с взлохмаченным хохолком. Нырок скрылся под водой, и минуты две его не было вид-

но. Учитель с интересом стал наблюдать, где появится эта хитрая птица. Хохлатая голова нырка показалась почти у самых тростников и снова скрылась под водой.

То там, то здесь слышались всплески. Это маленькие рыбешки, вспугнутые крупной рыбой, на вершок выскакивают из воды и снова с плеском падают в нее. В лицо дует свежий ветерок, донося из камышей кряканье уток. Где-то среди мшистых кочек квакнула лягушка, ей ответила вторая, и вскоре заголосил целый хор лягушачьих голосов. Звуки с каждой минутой все нарастали и нарастали. «Красиво под вечер на реке...» — подумал учитель. С противоположного берега послышалась радостная песня. Хален улыбнулся, вслушиваясь, но песня неожиданно оборвалась. «Кто это?..» — мысленно проговорил учитель и посмотрел в сторону аула — возле юрт никого не было, ни человека, ни скотины, тишина. Бедные юрты сейчас показались Халену особенно убогими и невзрачными, как серые пни; они только нарушали красоту степи и были совершенно лишними и чужими на устланном яркими цветами зеленом ковре джайляу. Учитель тяжело вздохнул и снова повернулся к реке. «Да, бедно мы живем, убого, а ведь вокруг такое богатство!.. И люди у нас в ауле вроде не ленивые, горы могут ворочать. Но почему они все несчастны? Почему нет у них настоящей работы?..» Снова послышалась песня. Хален стал пристально всматриваться в противоположный берег — между густых зарослей ивняка мелькнула фигура всадника. Страстная, полная силы и жизни мелодия вырывалась из ивняка на простор. Песня сливалась со звуками приречья, дополняя и усиливая их; свежий речной ветерок подхватывал радостную мелодию и уносил ее далеко в степь. Чем ближе подъезжал всадник, тем песня звучала все громче и громче, отчетливее слышались слова:

Только две коровы у Мухита,
Только двух телят он к лету ждет,
Юрта его светится, как сито,
Но Мухита горе не берет...

— Бедна наша жизнь, а в песнях — красивая,— проговорил учитель, с наслаждением слушая песню. Бодрая мелодия проникала в сердце учителя, волновала и радовала, уводила в мир веселья и счастья. Учитель смотрел на всадника, и приподнятое настроение джигита передавалось ему. Всадник свернул с тропинки и, подъехав к самому берегу, остановился напротив Халена. И хотя певец был теперь весь на виду, голос его слышался приглушенно и слабо,— джигит, узнав стоявшего у яра учителя, смутился и стал петь тише. Хален с трудом разобрал слова последнего куплета:

На соль Туз-тобе я смотрю с удивленьем,
Я встретить косинскую девушку рад,
Но сесть на коня не могу от волненья,
Лишь вспомню любимой приветливый взгляд.

Еще издали, по голосу, учитель определил, что это едет джигит Аманкул. «Знаю, дружок, чему ты радуешься, к кому едешь...» — подумал учитель, приветливо и ласково глядя на всадника и улыбаясь. А всадник, ловко спрыгнув на землю, начал расседлывать лошадь.

Аманкул был младшим братом батрака Рахманкула и доводился дальним родственником учителю. Летом он пас табуны богатого и известного в округе хаджи Шугула. Сейчас Аманкул возвращался домой из аула Шугула, что располагался километрах в пятнадцати вниз по течению реки.

Шугул редко отпускал Аманкула домой, но джигит все же ухитрялся по нескольку раз в неделю бывать в родном ауле. В разное время приезжал он: то вечером, то поздней ночью, а то и днем, как сегодня. Он был аульным весельчаком — шутником и острословом, без него не проходило ни одной свадьбы и ни одного празднества в округе. Он словно по запаху угадывал, где в этот вечер будет веселье, и всегда успевал приехать к самому разгару торжества. Первым узнавал Аманкул разные степные новости, значительные и незначительные, и рассказывал их своим одноаульцам. Люди его любили, всегда ждали его приезда.

Обрадовался и Хален приезду Аманкула. Он с нетерпением ждал, когда джигит переправится на эту сторону. Но джигит не торопился, он спрятал седло под развесистый ивовый куст, привязал лошадь арканом и пустил пастись на лужайку. Затем выволок из камыша лодку, слил из нее воду и спустил в реку. Постояв еще немного на берегу, словно раздумывая, как лучше переплыть реку, он сел наконец в лодку и стал наискось пересекать быстрину. Хален неторопливо пошел по пологому песчаному берегу к тому месту, где должна была пристать лодка.

— Ассаламуалейкум, Хален-ага! — крикнул Аманкул, изо всей силы налегая на весла.

Плоскодонная казахская лодка, подпрыгивая на волнах, быстро приближалась к песчаному откосу. Вода вспенивалась за кормой, разбегаясь двумя кружевными волнами. Но вот днище заскрипело о песок — лодка почти на аршин выскочила на берег.

— Ассаламуалейкум, Аманкул! Как здоровье?

— Ничего, пока не жалуюсь, ага,— весело ответил джигит. Он выпрыгнул из лодки и за цепь вытащил ее на песок.—

Как ваше здоровье? Все ли в порядке дома, как поживает аул?

— Все благополучно. Тебя вот только давно не было, соскучились. Ждем.

Аманкул, заметив лукавую улыбку, нарочито обиженно сказал:

— Ох, Хален-ага, вы всегда подшучиваете надо мной. Вас не поймешь, то ли вы правду говорите, то ли нарочно... Если ждут меня, то что ж... вот приехал.

— Нет, нет, Аманкул, шутки в сторону, я сам тебя первый жду. Одевайся и идем в аул.

Аманкул посмотрел на свои босые ноги, засученные до колен брюки и покачал головой. Как разулся он на том берегу, разыскивая в камышах лодку, так и не обувался. Кожаные сапоги, сшитые на прямую колодку, лежали в лодке. Он быстро обулся, отряхнул полы теплого, на верблюжьей шерсти, чекменя и вместе с учителем зашагал по тропинке к аулу.

— Прямо от Шугула или заезжал по пути в какие-нибудь другие аулы? — спросил Хален. Ему хотелось поскорее услышать от Аманкула новости.

— Ни в какие аулы я не заезжал, Хален-ага. Еду прямо из Мыншукыра с пастбищ, от табунов. Даже к Шугулу не заглядывал, а то разве бы он отпустил меня. Хоть умри, ни за что не отпустит. Прямо от табунов и сюда... Ехал по-за Ханжуртами... Правда, в аул Сагу заезжал, но там я был совсем недолго, даже с лошади не слезал. А еще к зимовке Жунуса подъезжал, не к самому Жунусу, а к Кадесу. Еду, значит, смотрю: на кстау[1] Жунуса кони оседланные стоят. Дай-ка, думаю, узнаю, чьи это кони, вот и подвернул к Бекею. Спрашиваю: «Кто это приехал к хаджи и откуда?» — «Сын,— отвечает,— из Теке...» Это Хаким, значит. Да-а, а Кадес говорит, что сын Жунуса теперь будет большим начальником!.. Там сейчас пиршество вовсю идет. Барана закололи, но я не стал ждать, пока мясо сварится, его только при мне в котлы заложили... Я же знал, что меня здесь в ауле ждут, вот и поспешил приехать,— шутливо докончил Аманкул.

— Постой, постой, ты так тараторишь, что тебя трудно понять. Хаким, значит, приехал? Каким же он начальником хочет быть? Ты что-то тут путаешь...

— Хален-ага, ничего я не путаю. Лопнуть мне на этом месте, если я вру. Это мне Кадес говорил, что сын Жунуса теперь будет большим начальником. А почему бы ему и не быть начальником? Ведь старик Жунус только и мечтает об этом.

---

[1] Кстау — зимовка.

Сын Шугула Ихлас держит в своих руках весь Кзыл-Уй, вот и Жунус хочет, чтобы и его сын был таким же. Да, да, не смотрите на меня так, Хален-ага, я как раз говорю про Хакима, который приехал из Теке, а не про кого другого. Таким стал важным, мимо прошел и даже не посмотрел,— дескать, что с тобой здороваться... Не узнает своих земляков. Конечно, ему можно задирать голову, ведь отец его — хаджи Жунус! Почти что Шугул!.. Именно почти что... и только. Я скажу, никогда не догнать этому неотесанному чурбаку и грубияну Жунусу Шугула. И за что только люди его называют хаджи? Тоже мне хаджи, разговаривать-то как следует не умеет. Ведь он как со мной говорил?.. Увидел меня и, вместо того чтобы поздороваться, кричит: «Эй ты, шугуловская гончая, откуда едешь?» Хм, значит, я — гончая собака. За что он меня так, а? Будто я ему молоко испортил,— сказал Аманкул, хмурясь. Он был недоволен стариком Жунусом и его сыном и теперь всячески старался очернить их перед учителем.

— Ты, я вижу, здорово обиделся на Жунуса. Разве ты до сих пор не знаешь характера старика? Если и сказал он тебе: «Эй ты, шугуловская гончая...» — так вовсе не желал тебя оскорбить, он просто злится на Шугула, только и всего. Но он не такой, как Шугул, намного беднее его, да и человечности в нем больше. Как ты ни говори, а хаджи Жунус умный человек, он много делает добра людям. А каким начальником хочет стать Хаким? Этого не сказал тебе Кадес?.. Странно, неужели Хаким и в самом деле этого хочет? Странно. Нет, Аманкул, ты все-таки что-то напутал.

— Эх, Хален-ага, вы все стараетесь обелить хаджи Жунуса, потому что он ваш друг. А вообще-то он противный человек, и хвалить его не за что. Оно, может быть, и верно, что Жунус не такой, как Шугул, но какая для нас, батраков-пастухов, разница, Шугул ли это, или Жунус, или еще кто другой,— все равно нам от них нечего добра ждать. Большебек— вот кто может помочь бедным людям, вот кто может защитить нас, пастухов... Да, чуть было не забыл, Хален-ага, приказчик Байес передавал вам большой привет. Сказал, что скоро вместе с Абеке приедут к вам в гости. Знаете, кто такой Абеке? Вот он — настоящий человек! Когда я зашел в лавку к Байесу, он был там. Подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал: «Ты, джигит, не унывай, что пасешь лошадей Шугула. Скот будет принадлежать тем, кто его пасет, а земля — кто ее обрабатывает. Скоро, говорит, придет рабочая власть, которая будет защищать бедных и заботиться о них». Вот это действительно умно сказано. Да, Байес попросил меня передать вам лично в руки кое-какие бумаги. Так и сказал: «Лично!» Я ему ответил, что вы доводитесь мне родным ага и поэтому

беспокоиться совершенно не следует, бумаги будут переданы лично в руки... Умные люди,— я говорю про Абеке и Баке,— справедливые.— Аманкул не спеша вынул из-за пазухи сверток желтой бумаги, перевязанный сученой ниткой, и передал его Халену.

— Абеке, говоришь?.. Кто он такой? — переспросил Хален, принимая сверток. Он стал перебирать в памяти всех Абеке, каких только знал, стараясь угадать, кто же мог быть в лавке у Байеса.

Словоохотливый Аманкул лукаво взглянул на учителя, как бы говоря: «Это большая тайна!..» И хотя вокруг никого не было, Аманкул стал оглядываться по сторонам, словно опасался, что его могут подслушать. Затем полушепотом заговорил:

— Это тот Абеке, который из Теке приехал. Вы должны его знать. Он-то вас хорошо знает. Он — большебек!.. Первый раз я увидел его недели две назад. Ехал с пастбища домой под вечер, ну и завернул в аул Сагу, потому что там джигиты ойын [1] хотели организовать. Приехал в аул, а там никакого ойына нет. «Почему?» — спрашиваю. Мне говорят: «Нет ни сладостей, ни фруктов».— «Пойдемте в лавку Байеса»,— говорю джигитам. «Были, ничего у него нет». Я настаиваю: «Пойдемте, есть у него, только надо хорошенько попросить». И мы, значит, пошли с Сагингали. Заходим в лавку, а там вместо Байеса этот самый Абеке за прилавком. Ну, я его, конечно, не знал. Говорю, что нам, мол, то-то и то-то нужно. А он: «Сейчас, джигиты, нет ни конфет, ни кренделей. Какие могут быть сладости во время войны?! Конфеты будете кушать, когда прогоним казачьих атаманов и баев. Вам самим их надо прогонять, вот что делать, а не о конфетах думать. Да вы знаете, говорит, что сейчас происходит на белом свете? Русские, говорит, уже прогнали своих богачей и сами хозяевами стали. У них теперь и земля и скот принадлежат бедным...» Стоим мы, значит, и слушаем, разинув рты. Когда вышли из лавки, я спросил у Сагингали: «Что это за человек?» Сагингали по секрету сказал мне, что это большой человек, умный и добрый. «Большебек он, говорит, и приехал к нам из Теке...»

— Сколько ему приблизительно лет, какой он из себя?

— Примерно столько же, сколько и вам. Чернявый такой, роста среднего. Усов не носит, когда говорит, то кажется, насквозь пронизывает тебя взглядом,— охотно пояснил Аманкул.

Из длинного и сбивчивого рассказа Аманкула учитель все

---

[1] Ойын — игра (вечеринка).

же кое-как понял, кто такой Абеке. Многое объяснили Халену слова: «Надо прогнать казачьих атаманов и баев!..» Он стал мысленно рассуждать: «Так мог говорить только большевик Абдрахман Айтиев. Конечно, Абдрахман — это и есть Абеке... Но что же тогда выходит: говорили, что в Теке разогнали съезд крестьянских депутатов, разгромили Совдеп и всех большевиков арестовали. Наверное, Абдрахману удалось бежать из тюрьмы. Но зачем же он к нам сюда приехал? Ведь Джамбейтинское правительство его тоже не помилует...»

Когда подошли к аулу, Аманкул, попрощавшись, свернул к своей юрте, а учитель торопливо зашагал к своей. Он был так занят мыслями об Абдрахмане, что не заметил, как удивленно и пристально посмотрела на него жена. Подойдя к столу, Хален начал быстро распаковывать сверток.

3

Весь день и вечер учитель читал присланные Байесом газеты и писал. После ужина снова сел за чтение.

— Чего не ложишься? Всю ночь, что ли, читать будешь? Сам не спишь и другим не даешь. Что с тобой случилось сегодня? — проснувшись, спросила жена.

Было далеко за полночь, а Хален все продолжал шелестеть газетами. На столике тускло мерцала керосиновая лампа.

— Спи, спи,— ответил он ей, на минуту отрываясь от чтения. — Все хорошо, все прекрасно...

— Что же хорошего?.. О чем ты говоришь? С тобой что-то неладное творится. Сам с собой разговариваешь, словно бредишь. Все твердишь: «Вот молодец Абдрахман!..» Кто такой этот Абдрахман?

— Ничего со мной не творится, все в порядке. Просто читаю газеты, и все, а Абдрахман — это джигит, с которым я когда-то вместе учился. Он прислал мне эти газеты и письмо. Обещает на днях сам приехать. Ну спи, спи, а то детей разбудишь, а об Абдрахмане я тебе как-нибудь потом расскажу.

— Как же тут спать, когда горит свет, ты беспрерывно шелестишь бумагой и что-то бормочешь. Что это за такие дела, что они ни днем, ни ночью тебе покоя не дают? Ночью надо спать, а не думать.

Учитель рассмеялся:

— Ты, Макка, рассуждаешь иногда, как ребенок.

— Ну да, только ты один и можешь по-взрослому рассуждать.

— Не разговаривай, дети проснутся.

— Ты тоже не шелести бумагами и не бормочи.

— Как же тут не будешь бормотать, когда не сегодня-завтра весь мир должен измениться?

— Что произошло? — встревожилась Макка. Она приподняла голову и пристально посмотрела на мужа.— В прошлом году тебя за такие мысли освободили от учительства. Неужели ты опять продолжаешь старое... Прямо как по поговорке: «Сорок человек в одну сторону, а упрямец в другую!» Что это за сила такая, что мир изменить может?

— Милая ты моя, спи же, завтра я тебе обо всем расскажу. Беспокоиться сейчас нет никаких оснований, напротив, есть вести, которым надо радоваться. Вот посмотришь, как изменится мир. Правда не может не победить...

— Сидеть спокойно дома,— заключила она,— это самое милое дело. Я тебя очень прошу: ни во что не вмешивайся.

— Ты хочешь сказать, что у нас есть дом, немного скота и нам больше ничего не нужно? — возразил Хален, недовольный ответом жены.

— А что нам еще нужно? И за это надо благодарить аллаха. Многие ведь только мечтают достигнуть того, чего достиг ты.

— Эх, Макка, Макка. Надо дать образование народу, научить его ремеслу — вот самая большая цель. И чтобы достигнуть ее, нельзя валяться на кровати, как я, а нужно знать, что происходит в мире, нужно заботиться не только о благополучии своего дома, но и всего народа.

— На всех добра не напасешься. А если говорить об образовании народа, так ты же обучал пятерых детей, чего еще. Или это не в счет?

— Что пятерых! Не пятерых, а пятьдесят человек надо обучать, вот это другое дело. Скажи, пожалуйста, кто должен научить грамоте всех наших аульных ребятишек? Кому я передам свои знания, которые приобретал годами? Кому, как не им...

Макка давно уже стала подмечать, что Хален почти совсем не заботится о доме. Его доброта к людям и щедрость приносят хозяйству только убыток. Вот и сейчас он говорит о том же, чтобы заботиться о ком угодно, только не о себе. Она не выдержала и решила наконец высказать ему все свое накипевшее недовольство.

— Все люди, когда отдают детей учиться, платят за обучение. Даже если и муллу нанимают для детей, и ему платят. Пока тебя не было в ауле, хаджи Жунус содержал муллу Сакипа, который за всю зиму не смог научить детей даже азбуке. А ему ведь за труд дали корову. Мать Алибека говорит,

что и на этот год они хотят опять пригласить муллу. Если платят такому мулле, как Сакип, за труд, то что же тогда выходит — ты хуже этого муллы, что ли? Или ты обязан бесплатно обучать детей грамоте?

Макка говорила правду. Об этом учитель и сам думал не раз. Собственно, в том, что он ничего не получал за свои труды, виноват был он сам. Когда хаджи Жунус привел своих младших сыновей к Халену и сказал ему: «Говорят, что если дело делается по договору, то и результат его бывает хорошим. Дай образование моим двум сорванцам, научи их как следует грамоте, но скажи, чего хочешь за это. Кобылу попросишь — дам, верблюда — дам. Пока имею возможность, буду платить, чтобы только сыновья выросли образованными, умными людьми». Хален тогда на это ответил: «Хаджи, в этом году мне не надо за них никакой платы, пусть учатся, потому что я все равно каждый день буду заниматься с племянником, занятия мне нужны для моей практики. Когда откроется школа и будут в ней парты, доски и хорошие учебные принадлежности, когда дети будут заниматься регулярно, вот тогда можно будет говорить и о плате...» Хален сейчас обо всем этом хотел рассказать жене, но не решился.

— Ну полно, полно, ты права,— сказал он, ласково посмотрев на жену.— Это тоже большой разговор, мы еще как-нибудь потолкуем об этом.

Может быть, они спорили бы еще до самого утра, но их разговор прервал большой красный бык, чесавшийся боком об арбу, стоявшую перед самой юртой. Бык поддел рогами край серой кошмы, и юрта заскрипела. С полки упали две деревянные чашки и, подпрыгивая, покатились по полу. Было отчетливо слышно, как пыхтел бык, раздувая ноздри. Пока учитель вышел во двор, бык второй раз ударил рогами в юрту, и снова послышался звон посуды и скрип решеток.

Хален отогнал быка к загону, где лежал скот.

Ночь была теплая, и возвращаться в юрту не хотелось. На небе ярко горели звезды. Невдалеке шапками чернели соседние юрты. Глаза Халена свыклись с темнотой. Он увидел, как из ближней юрты вышел высокий человек и направился к загону. Учитель сразу же узнал Аманкула. «А он чего это не спит?» — подумал Хален. Сегодня он был особенно доволен Аманкулом за привезенные им газеты от Байеса и Абдрахмана и еще раз мысленно поблагодарил его.

Торопливо шедший джигит вдруг присел. Он увидел учителя, стоявшего возле загона. Высокий, стройный, худощавый Хален стоял неподвижно и разглядывал звезды. «Что есть такого на небе, чтобы на него можно было так долго

смотреть? — подумал Аманкул, мысленно смеясь над учителем.— Как ни умны ученые люди, но у них, по-моему, чего-то не хватает...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Кстау хаджи Жунуса расположено на склоне глубокого подковообразного оврага. Жунус не очень богат, но имя его известно всей округе.

Одни хвалят его за умение вести свое хозяйство, другие — за общительность и справедливость. Иногда вспоминают и о покойном отце Жунуса. «Суйеке постоянно заботился о народе. Хаджи Жунус весь в отца...»

У Жунуса четыре сына. Самый старший из них — первый помощник отцу в хозяйстве — Нурым. Второй — Хаким, который закончил реальное училище в Уральске и со дня на день должен был приехать домой. Хакима ждали в среду, но проходил уже и четверг, а его все нет. Второй день родственники хаджи, приехавшие встретить Хакима, томились в душной землянке. Иногда кое-кто из них взбирался на горку и смотрел в степь. Хаким мог ехать домой по двум дорогам: в объезд через мост Копирли-Анхаты и по прямой через Шолак-Анхаты.

Сегодня гости разместились на кошме, разостланной в теневой стороне землянки. Стараясь польстить и угодить хозяину, они с самого утра начали расхваливать Хакима, вспоминая, каким проворным и умным мальчиком он рос. Не забывали при этом бросить пару хвалебных слов и в адрес отца.

Кадес, лелеявший мечту послать своего сына учиться в Уральск и именно в то училище, которое окончил теперь Хаким, как бы между прочим вплетал в разговор словечко-другое о своем сыне Тайете.

— Помню я, как же, очень хорошо помню: Хаким с самого детства был очень способным. За зиму два раза прочел Аптиек!..[1] Но и мой Тайет нисколько не уступает Хакиму, сейчас уже перевалил за Таберек[2]. Прямо как Хаким! Да что удивительного, они ведь родственники. Скажи-ка, пожалуйста, хаджи-ага, сколько лет Хаким учился по-русски в Кзыл-Уйе? Я тоже думаю отдать Тайета сначала туда,— сказал Кадес, стараясь втянуть в беседу Жунуса.

---

[1] Аптиек — малый сборник хадисов из Корана, по которому раньше обучали детей.

[2] Таберек — один из хадисов Аптиека.

— Шесть лет,— коротко ответил Жунус. Он не любил пустых разговоров.— Ты отдай его Халену, больше толку будет.

— Я думаю отдать Халену Амантая, а Тайета все же отправить в Кзыл-Уй, а затем в Теке. Он ведь такой же способный, как Хаким.

Хаджи пристально посмотрел на Кадеса. Обычно он обрывал Кадеса: «Сначала надо сделать, а потом говорить, а ты — болтун!.. Нечего бахвалиться преждевременно...» Сейчас, при гостях, воздержался, но все же взглядом дал понять, что не одобряет его болтовни. Кадес смутился и смолк.

— Говорят, кто свою собственную жену и детей расхваливает, тот самый последний человек. Вот и ты, Кадес, все про своего Тайета...— проворчал Ареш.

Кадес сделал вид, будто совсем не слышал, что сказал Ареш. Он вообще старался не замечать Ареша. Повернувшись к Тояшу, сидевшему на опрокинутой ступе, Кадес учтиво спросил:

— Тойеке, это в каком же году Хаким чуть было не утонул, а?

— Кажется, в тот год, когда в последний раз кочевали в Есен-Анхаты. Ну да, в тот год еще у Сетиканара ноздри порвались.

— Да, да, тогда Хаким чудом спасся от смерти! Если бы не ты, Тойеке, утонул бы!.. Но, видно, долго суждено ему жить, вот и сохранила его судьба.

— Голубчик мой, Хакимжан, да сохрани тебя аллах, чего же это ты так долго не едешь?!..— причитала байбише Жунуса, полоская кадушку из-под айрана.

— Это Сулеймен, наверное, уговорил его ехать кружной дорогой через мост Копирли-Анхаты. Иначе Хаким еще вчера бы был дома. Да, я совсем забыл, Тойеке, зачем это мы тогда на реку ходили, когда Хакима спасли?

— За брусками...

— Верно,— подтвердил Кадес. Он и сам хорошо помнил, зачем они ходили и как спасли Хакима, но спрашивал теперь только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свою услужливость Жунусу.— Верно, за брусками ходили... Вспомнил, Тойеке, вспомнил: под водой каменные плиты искали. Их находить трудно, песком и галькой занесены. Идешь по колена в воде и шаришь ногами по дну. Нащупал плиту, а поднять ее тоже трудов много надо. Но я ведь их легко поднимал. Поднимешь плиту, а под ней одни бруски, да ровные, как выточенные, только знай себе собирай. Прямо такие квадратные брусочки, словно кто-то специально их для правки кос приготовил. Я эти плиты легко находил...

— Ну, пошел хвастать... Чего тут особенного: под водой лежат плиты, под плитами — бруски. Да их вдоль берега сколько угодно, на каждом шагу,— перебил Ареш.

Но Кадес опять сделал вид, что ничего не слышал, и спокойно продолжал, обращаясь к Тояшу:

— Иду я к берегу, полные руки у меня брусков, и вдруг вижу, как Хаким тонет... Он в глубоком месте купался. Помнишь, Тойеке, как я закричал тогда: «Ой-бой, Тойеке, спаси Хакима, тонет...» Слава аллаху, что ты был совсем близко от него. Схватился ты, значит, и в воду. Смотрю, ни тебя, ни Хакима, только круги кольцами по воде... Бросил я бруски на берег и тоже в реку, вас спасать. Но вы уже на мелкое место вышли. Тут я и подоспел, взял Хакима на руки и вынес на берег. Ну ты и фыркал тогда, Тойеке, от твоего чихания наверняка маленькая юрта свалилась бы...

— А Хаким синий-пресиний был, изо рта вода текла... До-олго лежал он без памяти, еле-еле откачали. Вот от какой смерти спасся наш Хакимжан, а теперь вот видишь, ждем его из Теке, ученого. Бал-женге, сколько тогда ему было лет?

— Пятый годок моему миленочку шел. Быстро прошло время, теперь он такой большой, а ведь, кажется, совсем недавно, только вчера, еще на руках носила его...

— Да, как раз ему пять лет тогда и было. Когда я положил его на песок — маленький, ну как раз пятилетний. Но мой Тайет куда крупнее, хоть и мало ему лет...

— Слов нет, твой Тайет крупный, но он такой же рыхлый и мешковатый, как и ты сам. Если он будет бороться с Алибеком или Адильбеком, они его мигом на лопатки положат, как щенка,— с нескрываемым ехидством бросил Ареш.

— Где наши ребятишки бегают до сих пор? — спросил Жунус у жены.

— Ушли на реку, скоро должны вернуться.

— Почему ты разрешаешь им бродить целыми днями по воде? На что у них стали похожи руки и ноги?

Теперь начали говорить о двух младших сыновьях хаджи — Алибеке и Адильбеке. Кадес тоже включился в разговор и, выждав подходящий момент, начал расхваливать Жунуса:

— Адильбек действительно очень шустрый, подвижной... Скажу вам, он еще и очень смелый, весь в отца пошел, весь в нашего уважаемого хаджи-агу!..

Хаджи Жунус слегка приподнял брови. Он хотя и продолжал оставаться степенным и суровым, но сравнение Кадеса пришлось ему по душе, словно вдруг ощутил на языке

сливки. Он сухо покашлял и, постукивая тростью по земле, медленно проговорил:

— Мальчишка не только бойкий, но и находчивый.

— Отец всегда судья своим детям, так ведь, Тойеке, а? — сказал Кадес, снова посмотрев на Тояша.

Тояш ничего не ответил. Он был скуп на слова, больше слушал, никогда не вмешивался в разговор. Он и сегодня почти не разговаривал, только слушал, с тоской поглядывая на голенище своего сапога, где была спрятана шахша[1]. С самого утра ни Тояш, ни Кадес еще не нюхали табак, боялись оскорбить Жунуса, время от времени они с тоской поглядывали друг на друга, как бы говоря: «Пойдем-ка в сторонку да понюхаем табачку!..» Руки их по привычке тянулись к голенищам сапог, но они только пальцами ощупывали табакерки и продолжали сидеть на своих местах.

День был жаркий, безветренный, звуки, казалось, застывали в густом полуденном зное, стоило на несколько шагов отойти в сторону, как голоса уже слышались приглушенно, и невозможно было разобрать, кто и что говорил. Разморенные духотой и утомленные ожиданием, гости сидели в тени, разговаривали и не слышали, как, громыхая по кочкам, к кстау подъехал тарантас.

— Ах ты, проглядели, проглядели! Даже не слышали, с какой стороны подъехал!..— удивленно воскликнул Кадес, вставая и направляясь к тарантасу.

Кучер Сулеймен лихо подогнал тарантас к землянке и осадил коней возле самых дверей.

Все с радостными восклицаниями бросились к Хакиму, поспешно слезавшему с тарантаса. Только один хаджи Жунус не двинулся с места. Он смотрел на сына, оглядывая его с ног до головы, чувство отцовской гордости переполняло его сердце, но он ничем не выдавал своего радостного волнения, Взгляд его остановился на густых черных волосах — каракулевую шапку Хаким держал в руках.

Хаким почти год не был дома, давно не видел родных и теперь, радуясь встрече, застеснялся, как ребенок, он подошел к отцу и протянул руки, но хаджи Жунус медлил приветствовать сына. Хаким, ощущая на себе пронизывающий, пытливый взгляд отца, почувствовал неловкость. Старик Жунус медленно, словно нехотя, пожал руку сына. «Самый умный и самый образованный у нас человек —учитель Хален не отращивал себе волос,— с горечью подумал отец.— Доктор Жангалий из рода Буки тоже не имеет таких, словно у русского попа, длинных волос. Никто из ученых казахов не носит чубов!..

---

[1] Шахша — табакерка из рога.

А мой Хаким?.. Видали его, как он нарушил степной обычай!.. Хаджи не обнял сына, не поцеловал. Хаким недоумевал, отчего так холодно его встречает отец. «На волосы смотрит?.. Так ведь теперь все носят прически, неужели отец не знает этого? Как же я сплоховал, надо было подстричься». Бессмысленно улыбаясь, Хаким стал надевать на голову шапку. Он торопливо поздоровался со стоявшими в стороне Бекеем, Тояшем, Кадесом и Арешем и торопливо подошел к матери. Балым обняла сына и, всхлипывая, начала целовать его. Шапка слетела с головы Хакима, и мать гладила его волосы, приговаривая:

— Светик ты мой ненаглядный, в городе-то некому было за тобой ухаживать, похудел как!..

Хаким был бледен. Тревоги, которые ему пришлось перенести в последний месяц пребывания в Уральске, отразились на его здоровье. Сказались и экзамены, и бессонные ночи, и скудная пища. В городе как-то никто не замечал ни бледности его лица, ни худобы. Для горожан это было вполне нормально, но плечистые, упитанные, краснощекие степняки сразу заподозрили в этом нехорошие признаки болезни.

У очага две женщины варили курт. Каждый раз перед кочевкой Балым готовила курт. «Хоть недолго нам кочевать,— обычно говорила она невесткам,— но переправляться через глубокую Анхату не очень-то просто, поэтому надо все хорошенько упаковать, избавиться от лишнего жидкого груза...» Вот и сегодня она заставила своих келин-жан варить курт, а сама, довольная, с еще не высохшими на глазах слезами радости, принялась разливать гостям густой красный чай, то и дело ласково поглядывая на сына.

На дастархане лежали вкусные баурсаки, любовно приготовленные Балым для угощения сына, куски сахара, в цветной деревянной чашке стояло масло, были даже жент[1] и изюм, хранимый матерью для уразы[2].

— Ешь, светик мой, ешь! Наверное, соскучился по домашним кушаньям? Может, тары[3] тебе дать со сметаной? — суетилась мать, пододвигая чашку с тары к сыну.

Старик Жунус тоже доволен сыном, хоть и холодно встретил его. Глядя на Сулеймена, за обе щеки уплетавшего баурсаки, хаджи спросил:

— Что нового в городе, все ли спокойно?

— Какое нынче спокойствие, хаджи-ага, все вверх дном перевернулось. Белкулли[1], белкулли!..— протягивая руку за

---

[1] Жент — кушанье из сушеного творога.
[2] Ураза — мусульманский пост.
[3] Тары — кушанье из сушеного поджаренного пшена.
[4] Белкулли — совсем (конец).

очередным баурсаком, ответил сухощавый, разговорчивый Сулеймен.— Подошел я к Елекшаю[1], что мост возле Теке охраняет, и попросил у него табачку на понюшку. Вокруг никого нет. Тогда я спросил его: «Не отберут ли у меня коня в городе?» Дорогой я слышал такие разговоры, что в городе коней у приезжих отбирают. Елекшай напугал меня: «Придется тебе, Сулешка, тарантас самому везти, коня у тебя непременно заберут. Да не только коня, и чапан, и шапку заберут. Весь город, говорит, полон казаками и ханскими киргизами...»

Кадес и Тояш рассмеялись над тем, что Сулеймен ходил просить у русского табачку на понюшку. Им это показалось неприличным. Но хаджи не обратил на это никакого внимания. Он думал о другом. Ему и раньше приходилось слышать, что люди из Джамбейтинского правительства отбирают в городе у казахов лошадей, одежду и продовольствие, а джигитов записывают в белые отряды, но как-то все не верилось. Он хорошо знал, что Сулеймен мог приукрасить, наговорить много того, чего и не было, однако в его словах, видимо, было много правды.

Сулеймен продолжал:

— Я, значит, опять спрашиваю Елекшая: «А у тех, что по делу приехали, тоже лошадей забирают?» А он: «Фу, какой ты ребенок, Сулешка, разве кто без дела приезжает сюда,— у каждого какая-нибудь нужда есть. Так вот, у всех приезжих казаки и ханские киргизы отбирают хороших лошадей, а взамен дают кляч. Ты, говорит, поезжай сейчас к Мишке, знаешь Михаила Пермякова, что плотником работает?.. Поставишь у него в сарае лошадь, дашь ей сена и иди в город пешком. Постарайся закончить все свои дела днем, а ночью поедешь обратно...» Об этом же говорил мне и сват Бозымбет: «Отнимут у тебя коня, поезжай лучше на окраину к русским, днем найдешь Хакима, а ночью незаметно выедешь из Теке...» Поневоле пришлось заезжать к Михаилу Пермякову. Вот поэтому, хаджи-ага, и задержались мы, выехали из города только на следующую ночь. А Мишка говорил, что теперь казахи боятся даже скот на базар пригонять, скоро базара совсем не будет. Белкулли, белкулли, хаджи-ага!..

Пившие чай Кадес и Ареш делали вид, что очень внимательно слушают Сулеймена, и, когда кучер закончил, Кадес многозначительно протянул: «Да-а», а Ареш покачал головой. Затем они оба взглянули на Жунуса, стараясь угадать, как воспринял хаджи известие Сулеймена.

— Разве правительство не может призвать к порядку сво-

[1] Елекшай — Алексей.

их башибузуков? — спросил Жунус.— Как это так: у всех подряд отбирать лошадей и одежду?..

— В Кзыл-Уйе, говорят, еще строже, чем в Теке. Там и ночью никуда не скроешься,— ответил Сулеймен, вытирая с лица пот красным ситцевым платком.

— Мы думали, что в Теке уже все спокойно, в следующее воскресенье я на базар собирался, а оно вон как, оказывается, в городе-то!.. Хорошо, что ты предупредил нас, Сулеймен,— сказал Ареш, перевернув стакан вверх дном и отодвигая его от себя. Он этим давал понять хозяевам, что сыт и больше пить чай не будет.

— Ты что, своего красного вола хотел продать?

— Да. Хотел кое-что из одежонки купить, да и чай уже кончился.

Хаким все намеревался спросить у матери, где младшие братья, ему не терпелось поскорее увидеть их. И вот они вошли в юрту вместе с Дамеш.

Старуха прямо с порога заголосила:

— Ты что, Балым, никому ничего не сказала, что приехал твой сын? Вижу, ты хочешь скрыто от людей той сделать! Ну и скрывай. Разве ты не знаешь нашего степного обычая?.. Вот Адильбек, дай аллах ему здоровья, будет жив, будет уважать и ценить старую аже. Посмотрите, какой он принес подарок своей аже!..

Дамеш не без гордости показала сидящим большую щуку, держа ее на вытянутой руке.

Хаким встал и, улыбаясь, пошел навстречу Дамеш и младшим братьям, чтобы поприветствовать их. Бабушка обняла и поцеловала Хакима.

— Спасибо, сыночек, пусть даст тебе аллах долгую жизнь! Ну как у тебя, все благополучно? — Дамеш отпустила Хакима и, снова обернувшись к гостям, добавила: — А все-таки мой Адильбек будет лучше всех!

— На мели у Аткулака поймал,— начал рассказывать Адильбек, не обращая внимания на подошедшего Хакима.— Поймал и аже подарил...

Алибек продолжал смущенно стоять возле дверей.

Бойкий Адильбек снова начал повторять рассказ, как он поймал на реке щуку и подарил ее аже, и все внимание гостей теперь было приковано к нему.

2

На другой день, это был день жумги, утром хаджи Жунус велел запрячь гнедого коня и вместе с Хакимом поехал в мечеть на молитву. Обычно хаджи ездил на молитву один,

но сегодня отец с сыном сидели рядом в тарантасе, радуясь встрече и прохладному утру. Тарантас мягко катил по проселочной дороге.

Не случайно Жунус взял с собой Хакима. Он хотел познакомить взрослого, окончившего училище и, пожалуй, уже способного управлять аулом сына со всеми знатными людьми — хаджи и ишанами, приезжавшими в день жумги в мечеть.

На небольшом холме, носившем название Шала, находилось кладбище Акпан. Дорога, по которой ехали отец с сыном, пролегала у самого подножья Шала. Уже показались могилы, огороженные глинобитными стенами, местами разрушенные дождями и ветрами; островерхие четырехугольные строения, окутанные легкой дымкой утра, издали напоминали какой-то сказочный город. Но когда подъехали ближе, эта сказочность исчезла и кладбище предстало перед путниками во всей своей унылой наготе. Полуразрушенные могилы богатых хаджи, надгробные плиты с эпитафиями, бесчисленное множество серых, едва возвышавшихся над землей бугорков — все это наводило тоску и заставляло думать о бренности жизни. Проезжая мимо кладбища Акпан, Жунус всегда останавливался и совершал молитву за упокой усопших, покинувших безрадостный, беспокойный, приносящий только одни страдания скорбный мир. На этом кладбище группами располагались могилы покойных из всех аулов, кочевавших вдоль Анхаты до самого Алакуля. Здесь были похоронены и многочисленные предки Жунуса.

— Сворачивай к могиле деда, помолимся. Молитву читать будешь ты,— сказал хаджи сыну. Он посмотрел на чисто выбритую голову Хакима и улыбнулся: «Вот теперь тобой и предки вполне будут довольны!..»

Давно не читавший молитв и уже успевший позабыть отдельные стихи Корана, которые отлично знал в детстве, Хаким сначала растерялся. Пока шли к могиле, он мучительно думал о том, как ему теперь быть, ведь отец может страшно обидеться. Хаким мельком взглянул на суровое лицо отца и мысленно улыбнулся — нашел выход... Опустившись на колени на зеленую траву перед могилой деда, Хаким прочел Агузи (первый стих Корана), затем Альхам (основной стих Корана) и снова повторил Агузи. Завершил молитву троекратным повторением Кулхуаллу (аллах един, нет аллаха кроме аллаха...). Едва Хаким начал второй раз повторять Кулхуаллу, отец сурово посмотрел на него, но не прервал молитву. Когда сын окончил обряд, хаджи Жунус строго спросил его:

— Это что за нововведение в Коран?

— Отец, так читают татарские муллы в Теке,— солгал Хаким.— Они говорят, что если прочитать один раз Альхам и три раза Кулхуаллу, это все равно что прочитать весь Коран.

Хаджи покачал головой и задумался, не зная, верить или не верить тому, что сказал сын. Хаким сослался на авторитетных текенских мулл, на самом же деле он узнал об этом легком способе прочтения Корана не от мулл, а от Амира. Тогда он поспорил с другом, не поверив ему, но теперь — теперь это нововведение Амира очень пригодилось Хакиму. Не нужно было краснеть и оправдываться перед отцом, почему и как забыты молитвы.

Они возвращались к тарантасу. Хаким шел сбоку, чуть приотстав от отца и ухмылялся.

Сели в тарантас. Хаким взял вожжи.

— Ну как, сынок, не разучился еще править лошадьми? В детстве ты хорошо ездил... Тише, тише, не гони!..

Хаджи с удовольствием глядел на широкий круп лошади, бежавшей крупной рысью по обросшей густой травой проселочной дороге. У оврага узкая лента проселка влилась в большую дорогу.

Хаким натянул вожжи, придерживая гнедого на повороте, чтобы не опрокинул тарантас, и снова пустил коня крупной рысью по накатанной пыльной колее.

Настроение хаджи с каждой минутой поднималось: удобный тарантас, хорошая лошадь, густо растущая вдоль дороги трава, легкий ветерок, бросавший в лицо утреннюю степную свежесть,— все это пробуждало сокровенные мечты. От природы крутой и замкнутый, хаджи любил своих сыновей, но бывал с ними строг и держал их на расстоянии. Сегодня пахучее степное утро возбудило в нем желание поговорить с сыном по душам, узнать его думы и намерения.

— Не знаешь, что делает сын Шугула Ихлас? — начал хаджи издалека, чтобы вовлечь сына в разговор.— Шугул говорит, что его сын — главный визирь хана, правда это или нет?

— Ихлас — доктор. Он лечит людей. В Джамбейте есть и другие доктора, кроме него. Всех их теперь, отец, называют не визирями, а членами правительства. Они ведают вопросами охраны здоровья людей.

— Не визирь, говоришь?.. Не люблю, когда хвастают. Хоть и побывал в Байтолле [1], а лгать не перестал,— сказал Жунус, не скрывая от сына свое недовольство Шугулом.

— Слово «визирь» уже устарело, отец.

---

[1] Байтолла — храм в Мекке.

— Тогда почему же Жаханшу народ ханом величает? Где хан, там должен быть и визирь.

— Да и Жаханшу ханом величают тоже по старой привычке.

— Ну, а сам ты что думаешь делать, куда хочешь определиться?

— Хочу дальше учиться, отец, а пока побуду возле Ихласа.

— Да-а...— многозначительно протянул Жунус. Ему не понравились последние слова сына.

Хаким заметил недовольство отца. Он подумал, что отцу не понравилось его намерение учиться, и тут же добавил:

— Конечно, для учения требуется много средств... Если вы одобрите, отец, то я пока устроюсь на какую-нибудь службу.

— Сколько нужно средств?..— спросил Жунус, в упор глядя на сына.

— Это будет зависеть от того, где и на кого учиться. Если в Оренбурге — одни расходы, а если поехать дальше, скажем, в Петербург...

— Хален ведь в Оренбурге учился?.. Чем прислуживать сыну Шугула, лучше продолжать учиться. Пока жив буду, обеспечу.

Только теперь понял Хаким, что именно не понравилось отцу в его ответе: «Отец не хочет, чтобы я находился возле Ихласа...»

— Сейчас кругом война...— сказал Хаким, приветливо глянув на отца. — Дороги все закрыты. Ни в Оренбург, ни в Петербург проезда нет. Пока кончится война, хочу определиться на службу. Вы одобряете это, отец?

— Где, интересно, сейчас Баке, он бы помог тебе.

— Вы спрашиваете про адвоката Бахитжана?

— Да.

— Говорят, что он сидит в тюрьме.

— Как ты сказал?!.— На полном старческом лице хаджи появилась растерянность. Он был глубоко убежден, что тюрьмы существуют не для таких, как Бахитжан Каратаев,— в них содержат только конокрадов, разбойников и убийц.

«Что тут особенного,— думал между тем Хаким.— Я тоже сидел в тюрьме... Настоящие преступники, наверное, редко попадают в камеры, там томятся в основном невинные люди...»

Хаджи очень удивился этому известию, но ни о чем не стал расспрашивать сына. Он сказал:

— В том году, когда был указ о мобилизации джигитов, Баке очень много добра сделал людям. Джигитов из нашего

рода он всех освободил от посылки на тыловые работы. Смелый человек, умный...

Хакиму нравилось, что сегодня отец, против обыкновения, был разговорчив и весел, а главное — одобрил его намерение продолжать учебу. Ему вдруг вспомнилось, как отец вчера вечером в разговоре с гостями как бы между прочим сказал: «Не случайно мы дали сыну имя Хаким!..» «Отец мечтает о том, чтобы я стал хакимом!..» [1].

— Отец,— спросил он,— кажется, это вы рассказывали о том, как адвокат Бахитжан был переводчиком у своего брата Аруна-тюре?

— Да, это и было как раз в том году, когда царь дал указ о мобилизации джигитов.

— Разве Арун-тюре не знал по-казахски?

— Знал... Я лично видел его тогда. Арун-тюре был человеком воспитанным, родовитым, правнуком самого хана Каратая, а в народе его как-то не очень уважали, вернее, не любили. Он хорошо говорил по-русски, всегда садился рядом с помощником губернатора... А свои выступления заставлял брата Бахитжана переводить на казахский язык, потому что Бахитжан был очень красноречив, народ знал его и уважал. Да и еще одно обстоятельство заставляло Аруна-тюре держать при себе переводчиком брата — это повышало авторитет султана.

— А много тогда народу собралось?

— Почти все население бухарской стороны Яика. Слух о том, что всех джигитов от девятнадцати до тридцати одного года заберут служить, сильно взволновал народ. Прибыли почти все люди шести родов Кара и восьми родов Айтибета и все семиродцы [2]. Площадь возле Менового Двора, где раньше проводилась ярмарка, была запружена конными и пешими. В центре площади устроили высокий навес, а под ним трибуну. Сквозь узкий проход, образованный в толпе цепочкой жандармов, прошли на трибуну чиновники и военные с золотыми погонами и орденами. Я стоял почти у самой трибуны и все хорошо видел. Поднялся Арун-тюре и что-то стал говорить по-русски. Народ шумит, никто не понимает. Потом вышел Бахитжан, и все смолкли. «Не беспокойтесь, не волнуйтесь, казахи,— начал Бахитжан,— ваши сыновья не на войну пойдут, а на тыловые работы. Так говорит вам султан Арун-тюре...»

— Так и назвал своего брата?

— Да, он ведь умный человек. Тебе Бахитжан во многом

---

[1] Хаким — правитель (арабск.).

[2] Роды Малого жуза.

помог бы... И вот таких людей сажают в тюрьму! Эх, чем все это кончится?!..

— Всего интереснее то, что казах говорил с казахами по-русски, а потом его слова переводились на казахский язык! — засмеялся Хаким, но, заметив, что отец не одобряет его шутки, ударил вожжами по крупу лошади и, притихнув, спросил: — У кого остановимся, отец?

— У хаджи Махмета. Коня распряжешь и привяжешь в тени...

Они проехали между низкими домиками, густо расположенными вокруг мечети, и остановились у ворот хаджи Махмета. Сытый пес несколько раз гавкнул на тарантас и, лениво переваливаясь, отошел в тенистое место двора.

3

Лучшей мечетью на бухарской стороне Яика считалась мечеть Таржимана, или, как ее почтительно называли в народе, мечеть Таржеке. Она стояла к востоку от озера Шалкар на крутом берегу реки Анхаты, и далеко в степи был виден ее высокий минарет. Между мечетью и озером находилось большое кладбище. Люди, съезжавшиеся в день жумги к мечети, сначала совершали намаз [1].

Когда хаджи Жунус с сыном подъехали к мечети, все уже отслужили намаз на кладбище. Хазреты, магзумы, ишаны и другие почтенные служители мечети подходили к оградке. Старик Жунус почтительно поздоровался с хазретами, подав им руку, остальных приветствовал только поклоном головы. Хаким же, здороваясь, обошел всех и всем пожал руки. Затем отошел в сторону, чувствуя на себе оценивающие взгляды святых отцов.

Худые, в черных длиннополых чапанах и белых чалмах, с коротко подстриженными усиками и редкими, седыми, как степной ковыль, бородками, служители мечети стояли возле оградки и важно беседовали между собой. Тут же толпились бии, хаджи и старшины. В противоположность святым отцам они были полные, грузные, с густыми усами и красными шеями. Но и они двигались так же медленно и важно, держались с достоинством. Глядя на это скопище почтенных людей, Хаким чувствовал робость, как пегий стригунок, попавший в табун старых наров [2]. Он искал глазами своих сверстников. Взгляд его упал на двух магзумов. Хаким узнал их,—

[1] Намаз — молитва.
[2] Нар — одногорбый верблюд.

когда-то в детстве он вместе с ними бегал на речку купаться. Магзумы стояли рядом со своим отцом — хазретом, чуть в стороне от толпы, у самого входа в мечеть. Оба они казались очень худыми и тонкими, с почти девичьими талиями, одеты они были в одинаковые серые бешметы, длинные сухие шеи еле-еле удерживали головы с большими, как снежные комья, белыми чалмами. Они не узнавали Хакима, смотрели на него отчужденно, даже пугливо, словно боялись, что он подойдет к ним и скажет что-то обидное и оскорбительное. Хакиму они напоминали двух пугливых козлят от белой козы, бегавших вокруг зимовки, которые, увидев подкрадывавшихся к ним ребятишек, моментально прятались под ноги матери.

К хаджи Жунусу всё подходили и подходили люди с поздравлениями. Одни говорили льстиво, другие от души, третьи — с завистью.

— Хаджеке, оказывается, у вас сын приехал, поздравляю! Да благословит его аллах!

— Видать, недавно приехал? Мы еще ничего не слышали...

— Да, ваш сын настоящим джигитом стал, а ведь, кажется, только вчера босиком бегал... А теперь большой, ученый.

— Сын-то ваш, хаджеке, теперь у волостного может писарем служить!..

— Что у волостного... Он достоин быть переводчиком при самом уездном начальнике!..

— Какой скромный, какой благовоспитанный! Весь в отца!

— У Жунуса все сыновья такие!..

С одинаковым почтением отвечал хаджи Жунус и тем, кто говорил от чистого сердца, и тем, кто угодливо льстил ему, предсказывая блестящую карьеру сыну.

— Что из него получится, теперь это от него самого зависит,— слегка кланяясь, говорил Жунус.— А у нас, отцов, желание одно: как можно лучше выучить детей, дать им хорошее воспитание. Да благословит вас аллах за добрые слова, почтенные люди! И вам, бии, спасибо за хорошее пожелание!..

Жунуса выслушали с большим вниманием и одобрительно закивали головами.

Лишь один хаджи Шугул не принимал участия в разговоре. Он недолюбливал пользующегося авторитетом старика Жунуса и всегда старался чем-нибудь уколоть его. Он и теперь выжидал момент, чтобы можно было будто невзначай, но основательно принизить Жунуса в глазах духовенства и почтенных биев и старшин.

Рядом с Шугулом стоял его родственник — тонкий и длинный Вали. Он приветливо смотрел на Хакима и улыбался.

— Чего вытянул шею, как цапля?..— почти крикнул на него Шугул.— Или думаешь, губернатор приехал?.. Разве не видишь — это всего-навсего племянник сумасброда Шагата,— он острием подбородка кивнул на Хакима.— Пошли в мечеть, разиня долговязая!..

Может быть, оттого, что Шугул прикрикнул на Вали особенно громко, толпа как-то разом смолкла, и люди повернули головы в его сторону. Они поняли, что жало шуговских ядовитых слов направлено не на бедного Вали, а на старика Жунуса и его сына, вернувшегося с учебы. Люди стали потихоньку переговариваться, подталкивать друг друга в бок, кивая на Жунуса,— они ждали, что ответит он Шугулу. Никто не сомневался, что Жунус сумеет ответить и Шугулу придется пожалеть о том, что он беспричинно задел Жунуса. Но Жунус не торопился, он тщательно обдумывал ответ.

Хазрет Хамидулла, моложе хаджи по годам, но старше по положению, более авторитетный, чем они, и более уважаемый всеми верующими, с беспокойством смотрел то на Шугула, то на Жунуса: ссора между этими двумя стариками ему казалась неизбежной, ясней ясной луны. Хазрет волновался. Он был недоволен Шугулом. «Испортит мне все этот хаджи...» — подумал хазрет, намеревавшийся после намаза побеседовать со стариками по одному очень важному делу и получить от них удовлетворительное: «Быть сему!..» Ишан Губайдулла был недоволен, он сухо кашлял, словно поперхнулся едкими словами Шугула.

— Уважаемые люди, прошу войти в мечеть,— быстро проговорил Хамидулла и первым вошел в священный храм, где с минуты на минуту должен был начаться намаз.

За хазретом потянулись степенные ишаны, горделивые хаджи, бии и старшины, а за ними и простолюдины. Через несколько минут площадка перед входом в мечеть опустела, лишь у порога рядком остались лежать кибисы [1] и галоши, а возле стены прислоненные посохи. Среди простых белых, серых и полосатых палок особенно выделялись несколько коленчатых посохов бухарской работы. Они принадлежали самым богатым людям степи.

[1] Кибисы — кожаная обувь, напоминающая галоши. Входя в мечеть, люди обязательно должны снимать обувь у порога.

4

Слова Шугула слышал и Хаким, но он не придал им значения и не обиделся: «Богатому хаджи можно говорить все, что угодно. А что Шагат-ага сумасброд — это верно. Но ведь сумасброд ага, а не я, мне-то что до этого? «Приехал губернатор...» — ну и сказал же!.. Глупо и не к месту!..» — рассуждал Хаким. Он снова подумал о двух сверстниках — магзумах: «Как щенки безродные... Лица бледные, а глаза плутоватые... Собственно, какое мне до них дело? У них своя дорога в жизни, у меня — своя. В хазреты, наверное, метят?.. Интересно бы узнать, насколько они религиозны? Если бы очутились где-нибудь в ауле, подальше от мечети, носились бы, наверное, по поляне, как молодые бычки, а ночью — гуляли бы с девушками...» Хотя магзумы ни слова не сказали Хакиму и ничего плохого ему не сделали, он чувствовал какую-то неприязнь к этим юношам, облаченным в одежду святых отцов. Живя в городе и обучаясь в русской школе, Хаким постепенно отдалялся от религиозного аульного мира, отвыкал от мечети, забывал молитвы и обряды. У него были совершенно иные взгляды на жизнь, чем у юношей, окончивших медресе, и у всех этих религиозных старцев. Только сейчас, здесь, Хаким вдруг понял, какая большая пропасть отделяет его от хазретов, магзумов и ишанов, они — совершенно непонятные и чуждые ему люди, и он им тоже, наверное, чужой и непонятный. «Зачем сюда привез меня отец?..» Хаким смутно догадывался о намерениях отца. Он хотел показать почтенным старцам своего образованного сына, познакомить с ними, хотел, чтобы Хаким увидел лучших, уважаемых людей степи и брал с них пример. Правда, отец не сказал ему об этом прямо, но намек был довольно недвусмысленным. Хаким вспомнил слова отца. Когда они перед выездом садились в тарантас, старик Жунус сказал сыну:

— Красив молодец, а на людях еще краше!.. Поедешь сегодня со мной в мечеть...

Хаким не пошел на молебен. Он немного постоял у входа, раздумывая, что делать, а потом направился к лестнице, знакомой ему с детства, и начал подниматься по ней на минарет — самый высокий купол мечети, откуда муэдзин обычно оповещал народ о начале намаза. Темный и узкий коридор вывел его на чердак под большой купол, походивший на огромную высокую юрту. Крепкие толстые сваи свода стремительно взбегали вверх и собирались в пучок у самой макушки купола. Под сводом гулял прохладный ветерок, врывавшийся сюда через узкие. как лица магзумов, окна. На полу валялись старые книги и разорванные пожелтевшие листки, по-

крытые паутинками и пылью. Хаким разом окинул взглядом все это забытое, заброшенное хозяйство мечети и сморщился. В лицо пахнуло сыростью и плесенью. Он подошел к двери, ведущей непосредственно на минарет, и стал быстро взбираться по винтовой лестнице. Пробежав несколько кругов, замедлил шаг — с непривычки закружилась голова. Хаким посмотрел вверх — до площадки было еще высоко. Тюбетейкообразный купол минарета, казалось, сужался и был острым, как шпиль. Хотя день стоял ясный и безветренный, Хаким явно ощутил, как раскачивалась башня и легкие дощатые стены гудели, словно в грозовую ночь. Отдышавшись, он стал подниматься выше, медленно, со ступеньки на ступеньку. Вот и вход на площадку минарета — место муэдзина. Возле всех четырех окон башни, сгрудившись, стояли ребятишки. Услышав шаги, они бросились было врассыпную, кто вверх, кто вниз по лестнице, но, увидев Хакима, остановились в недоумении. Они сначала подумали, что на минарет поднялся сам муэдзин Айгужа, вредный и злой, который больно драл за уши, но перед ними стоял джигит, одетый по-городскому, и улыбался. Некоторые из ребят, что постарше, знали Хакима. Особенно хорошо были знакомы с Хакимом круглолицый и смуглый Мукыш и бойкий Узак. Узак растолкал ребятишек и, выйдя вперед, как равный равному, подал Хакиму руку:

— Здравствуйте, Хаким-ага!

Хаким, все так же приветливо улыбаясь, пожал руку Узаку. Увидев это, осмелели и остальные ребята. Они окружили Хакима.

Каждый тянул руку, каждому хотелось лично приветствовать джигита в городской одежде. Хаким с удовольствием здоровался с ними, ласково гладил по головкам, знакомых ребятишек окликал по именам, а кого не знал, расспрашивал, сколько лет, как зовут и кто отец.

Ближе всех к Хакиму держались Узак и Мукыш. Они с интересом разглядывали городскую одежду сына хаджи Жунуса и внимательно слушали, что он говорил.

— Ну, как учитесь? Или все ступеньки на лестнице считаете и никак не можете сосчитать? — шутливо спросил Хаким.

— Лестничные ступеньки мы давно сосчитали и учиться тоже учимся... Отец хочет учить меня по-новому. А эти книги, что написаны на турецком языке, есть и без нас кому читать. Пусть магзумы их читают!..— деловито ответил Узак, искоса взглянув на Самигуллу.

— Если бы ты умел читать их, тоже читал бы, но ведь в твою башку ничего не вобьешь! Тебя же исключили из медресе за озорство,— насупив брови, пробурчал Самигулла.

— Какой я озорник!.. Вот ты — это настоящий озорник. Отец у тебя — ишан, сам ты — магзум, а как послушаешь тебя — что ни слово, то ругательство. Скажешь, это не ты отрезал хвост у теленка Айгужи? Не ты разве на речке ржал жеребцом? А кто у чужих лодок вынимает затычки и наполняет лодки водой? — торопливо проговорил Узак, вспоминая проделки Самигуллы.

— Чего ссоритесь? Оба вы молодцы! — шутливо сказал Хаким, погладив каждого по головке.— Мои братишки Алибек и Адильбек занимаются у учителя Халена. Идите и вы к нему учиться...

Мальчики понравились Хакиму, он слушал их звонкие голоса, смотрел в улыбающиеся смуглые лица, а на душе становилось как-то тепло и весело. Невольно подумалось о тех, кто творил сейчас намаз в мечети. Иссохшие старцы, аксакалы, имамы в белых чалмах — все они застыли, уткнувшись лбами в землю в усердном молении. А эта стайка беспечно растущих ребят, полнолицых, загорелых, проворных и умных,— нет, эти ребятишки не похожи на молельщиков и никогда не будут такими, как они... Хаким подошел к окну. Перед ним открылась просторная степная даль, рассеченная голубовато-синей рекой Анхатой. Буйные заросли тростника шириной в несколько саженей, как зеленые каймы, с двух сторон обрамляли реку. Тростник тянулся до самого озера, местами пестрел, смешанный с прошлогодним камышом. По берегу Шалкара камыш цвел, пушистые головки под ветром клонились к воде, напоминая старцев в мечети, застывших в земном поклоне, а чуть подальше, в низине,— густая поросль молодого тростника, похожая на поле раскустившейся пшеницы. Тростник колыхался и шумел от порывов ветра.

Шалкар — большое озеро. Оно, как море с кудряшками синих волн, убегает к горизонту, голубая вода почти сливается с голубым и белесоватым небом, и, только пристально всматриваясь, можно заметить едва доступную невооруженному глазу темную дугообразную линию противоположного берега. Там, возвышаясь над водой своим белым меловым мысом, стоит гора Сымтас. И ее трудно различить, она задернута дымкой. Озеро Шалкар, которое едва ли обойдешь за два дня, с высоты минарета было похоже на гигантский ковш, а впадавшая в него река Анхата с многочисленными рукавами и затонами была как бы ручкой этого ковша. Хаким с упоением смотрел на всю эту открывшуюся из окна минарета даль и чувствовал, как взволнованно билось сердце в груди. Ему хотелось сесть на коня и скакать по этому степному раздолью,

скакать навстречу ветру и цветущим травам... Хаким спустился с минарета, вышел во дворик мечети и, прислонившись к оградке, стал с нетерпением ждать отца.

* * *

Собравшиеся в мечети ишаны, муллы, суфии и хаджи не торопились кончать намаз. Хаким с тоской думал, что ждать ему придется долго, старики ни за что не согласятся пропустить одну молитву жумги. Да еще хазрет собирался устроить какое-то совещание после намаза. Около мечети по-прежнему никого не было. Вниз от мечети, к реке, сбегали маленькие домики, покосившиеся, с почти вросшими в землю окнами. Они так густо были налеплены один к другому, что казались одной сплошной серой стеной. Во дворах и напротив окон — мусор и разный хлам. Некоторые дворы огорожены камышовыми изгородями. В изгородях зияют дыры, пробитые скотом. Кое-где виднеются опрокинутые вверх полозьями сани, обломки деревянных борон. Трубы на домах, сложенные из сырого кирпича и обмазанные желтой глиной, пообваливались от дождей и ветров. Стены землянок испещрены дождевыми потеками. Все вокруг серо, убого, неприветливо. Казалось, только один двухэтажный сосновый дом хазрета Хамидуллы не боялся ни осенних холодных дождей, ни вешних вод; сверкая свежеокрашенной красной крышей и веселыми синими наличниками, хазретовский дом, как гордый человек, с презрением смотрел своими большими окнами на мазанки бедняков, которые, точно просители в поклоне, толпились вокруг него. И еще одно здание привлекло взгляд Хакима своей чистотой и опрятностью — это медресе. Его черная крыша среди старых землянок была как коротко подстриженные усы на землистом лице муллы.

Жалкий, убогий вид землянок наполнил сердце Хакима горестным чувством. Здесь, внизу, не было той красоты и простора, которые он видел с минарета, не было ни цветущей раздольной степи, ни голубой реки, ни синего, как море, Шалкара. «Бедные казахи, почему бы и вам не жить в таких сосновых домах, как у хазрета?..» Плотно сжав губы, он смотрел на землянки Ахмета и Махмета, которые, казалось, вот-вот развалятся. Они словно просили: «Подопри меня!.. Подопри меня!..»

Хаким медленно пошел по аулу. Возле разваливающейся землянки он заметил старуху. Одной рукой подперев бок, другой заслонившись от солнца, она долго, внимательно разглядывала Хакима.

— Здравствуйте, аже! — приветствовал ее Хаким.

Но старуха продолжала молча разглядывать его, только шевелила губами, словно собиралась спросить, чей он сын и откуда приехал в аул.

Из-под коновязи, до блеска отполированной лошадиными боками, выскочили два догонявших друг друга босоногих мальчугана. Увидев Хакима, они в замешательстве остановились. Одного из них Хаким сразу узнал. Это был Жаппар, сын продавца Байеса. Босые ноги до колен забрызганы грязью. Мальчик смущался и прятал руки за спину; из-за его худенького плеча струился сизый дымок. «Курит!..» — догадался Хаким. Он был удивлен и поражен, что малыш Жаппар держал в руке папиросу, нисколько не опасаясь близости мечети и медресе, где творили намаз ишаны и муллы, считавшие курение и нюхание табака наивысшим человеческим грехом. Хаким пристально посмотрел на мальчика. Черные круглые глаза Жаппара светились озорными огоньками. Мальчик уже не смущался. Он отступил на шаг, словно испугался, что Хаким отберет у него папиросу, и бойко проговорил:

— Хаким-ага, если хотите курить, у отца в лавке есть табак, идемте, я вас проведу... Отец тоже курит...

— А где твое «здравствуй», Жаппар? Ты ведь Жаппар, да? — спросил Хаким, довольный решительностью мальчика, говорившего смело и открыто о себе.

— Я растерялся, Хаким-ага. За мной вот Газиз гнался, хотел отобрать папироску. Я убегал от него, а тут — вы!..— все так же бойко продолжал Жаппар, показывая на пятившегося высокого худощавого мальчика с густыми бровями и серым землистым лицом.

— Что? И Газиз курит? Ой, не дай аллах, увидит вас Амангали — надерет уши! Если попадетесь на глаза ишану, и отцам вашим будет немало неприятностей.

— Мулла Амангали сам табак нюхает и тоже скрывается, чтобы никто не видел. А мы видели! Ишанов мы тоже не боимся, их сыновья еще больше нашего курят. Разве ты, Хакимага, не знаешь об этом? — возразил Жаппар, обращаясь к Хакиму то на «вы», то на «ты».

— Не говори глупостей, магзумы не курят, это твоя пустая выдумка...

— Клянусь аллахом, правда! Вчера только у моего отца в лавке тайком табак покупали... Сам видел, собственными глазами. Вы, Хаким-ага, наверное, ничего не знаете про наших шакирдов. Днем они в медресе читают Коран, носят на головах чалмы, а вечерами на лугу песни поют с девушками и молодухами и вообще болтают, что им на ум взбредет. Оставайтесь сегодня здесь ночевать, увидите.

— Байеке где, дома?

— В лавке. Там он с нашим гостем русскую книгу читает. А гость наш — это друг папы, учитель, живет у нас и помогает папе писать бумаги. Недели две назад приехал из Теке и обратно в город поедет еще не скоро, как установятся дороги. Пойдем, я отведу тебя к папе. Знаешь, где лавка находится? Около дома Карима.

— У Байеке же не было лавки?..

— Папа поставил лавку в прошлом году...

— Гм... интересно...— качнул головой Хаким.— Ну идемте,— и он торопливо зашагал к дому Карима, стоявшему почти на самом берегу Анхаты.

Оба мальчика, чуть приотстав, молча шли за ним.

Слова Жаппара удивили Хакима. «Мулла Амангали нюхает табак?! Тогда, наверное, другие муллы тоже нюхают табак?.. Сыновья ишанов тоже курят... Это позор! Но, может быть, Жаппар все это выдумал? Я ведь только что сам видел двух магзумов с чалмами на головах и скрещенными на груди руками. У них тупые, бессмысленные лица. Они покорно вошли в мечеть и теперь, несомненно, наперебой читают аяты [1]. Неужели они курят?.. А может, и курят,— собственно, какой смысл ему лгать. Есть же такая поговорка: «Не делай то, что делает мулла, а делай то, что он говорит». Оно и верно, кто дальше от мечети живет, в том больше религиозности и честности. А муллы только красиво говорят, а сами никогда Коран не соблюдают. Взять хоть хазрета Хамидуллу — трех жен имеет, да еще и к чужим ходит. Ведь это он ходил к жене... к жене этого... тьфу, забыл имя!.. Вот тебе и хазрет — служитель аллаха!..»

Хаким пошел медленнее, и мальчики догнали его. Теперь они шли рядом.

— Учитель, говоришь, гостит у вас? А кто этот учитель, я его знаю?

— Наверное, знаешь, он учил детей в аулах. Мне он составил словарь, где казахские и русские слова написаны рядышком,— и тут же стал повторять уже заученные наизусть слова из словаря: — кала — город, нан — хлеб, озен — река, ата — дедушка...

— А твой отец разве по-русски не знает? Он ведь часто бывает в городе...

— Папа хорошо разговаривает по-русски, он и меня научил многим словам. А учитель мне все русские слова написал рядышком с казахскими... Папа сказал, что в этом году отдаст меня учиться к Халену и я буду заниматься вместе с Алибеком.

---

[1] Аят—стих из Корана.

— Ты молодец, Жаппар! Если будешь хорошо учиться у Халена, то потом и в Теке сможешь поехать. Только курить надо бросить. Я вот уже выучился, и то не курю, табак вреден для здоровья, можно заболеть.

Мальчик сразу потупился, ему, очевидно, не понравился совет Хакима бросить курить.

— Вон папа! — крикнул Жаппар, показывая на Байеса, стоявшего около маленькой землянки.

Лавка Байеса почти ничем не отличалась от других землянок, была такой же низкой, сумрачной и сырой. Байес обрадовался приходу Хакима, пожал ему руку и торопливо стал расспрашивать о здоровье домашних, о том, когда он приехал из Уральска. Затем представил Хакима Абдрахману.

— Это наш дальний родственник, сын старика Жунуса, того самого старика, о котором вам тогда рыбаки рассказывали. Он, как видите, только недавно из Теке приехал...

— Как доехали?.. Что новенького в городе?..— спросил Абдрахман. Он пристально посмотрел в лицо Хакима, крепко сжимая его руку.

Хакиму показалось, что он где-то уже видел этого человека, но никак не мог припомнить: где?

— Доехал хорошо, спасибо,— проговорил Хаким и почувствовал, что робеет. Острый, пронизывающий взгляд, твердый голос и суровый вид Абдрахмана как-то сразу сковали его волю. «Растерялся, как перед доктором Ихласом в прошлый раз,— с досадой подумал Хаким и мысленно сравнил Абдрахмана со своим учителем из реального училища.— Такой же суровый, у него тоже на занятиях учащиеся не пикнули бы!.. Кто же он такой?..» Хаким, словно ища ответа на свой вопрос, взглянул на Байеса.

— Наш старший брат и учитель Абеке,— словно поняв взгляд Хакима, проговорил Байес.— Сейчас пока гостит у меня. Возможно, вы встречались с ним в Теке, фамилия его Айтиев.

«Это не тот ли революционер Абдрахман Айтиев, про которого мне рассказывал Амир?.. Неужели он? Вот это здорово!..— мысленно воскликнул Хаким.— Но как он сюда попал? Как спасся от казаков?»

— Гимназист? — спросил Абдрахман.

— Нет, учился в реальном. Вот только недавно окончил,— ответил Хаким, начиная понемногу привыкать к суровому взгляду Абдрахмана.

— Ну, а теперь что думаешь делать?

— Думаю дальше учиться, но пока хочу устроиться на службу. Один такой же, как вы, старший брат предлагает быть с ним вместе, хочет научить меня вести дела...

— Продолжать ученье — хорошее намерение. Но вряд ли в этом году, да едва ли и в следующем, можно будет учиться там, где захочешь. Учебные заведения нам надо создавать своими руками. Мои слова, возможно, покажутся тебе загадкой, но это отнюдь не загадка, а сущая правда. Кто же этот старший брат, что предлагает тебе быть с ним вместе? Надеюсь, это не секрет, а?

Хаким не сразу ответил, он опять немного растерялся.

— Хакимжан,— вмешался в разговор Байес, заметив смущение Хакима,— Абеке будет любимым твоим братом, это ты поймешь позже. О том, что ты окончил реальное училище, я только сейчас узнал от тебя, а то бы мы вместе с Абеке поехали к вам, поздравили тебя; кстати, он хотел и с твоим отцом познакомиться. Но, как это говорится в народе: «Сделать доброе дело никогда не поздно». Ну, разреши тебя поздравить с окончанием!.. Отец твой, наверное, устроит той по этому случаю, а?..— Байес, довольный, погладил свои усы.

— Спасибо, Байеке, той, конечно, будет.— Затем, повернувшись к Абдрахману, спросил его: — Как мне величать вас: Абеке... или?..— он хотел добавить «товарищем», но не решился.

— Можно и так...

— Абеке, я вас знаю. Мне о вас много рассказывал Амир. Очень сожалею, что не сумел познакомиться с вами в городе. Вы спрашиваете, кто из старших братьев приглашает меня к себе? Это один из моих дальних родственников, доктор Ихлас Шугулов. Он живет в Джамбейте.

— Ихлас Шугулов?!.. Какую же он обещал тебе должность?

— Да, Шугулов. Никакой должности он мне не предлагал, а просто пригласил быть в его свите.

— Быть в свите! Быть офицером для поручений?

— Не то чтобы офицером... Числиться я буду на военной службе, а работу выполнять канцелярскую. Какую именно, еще не знаю. Сейчас он меня отпустил домой на побывку.

Из ответов Хакима Абдрахман понял, что молодой человек еще не совсем твердо решил, как ему быть со службой.

— Послушай меня, Хакимжан,— сказал Абдрахман, вынимая из ящика, стоявшего на полу, какую-то книгу.— У казахов был акын по имени Абай Кунанбаев. Это его книга. Так вот, ты хорошо знаешь, что наш светлый Яик впадает в Каспийское море. По обоим берегам этой красивой реки раскинулись города, деревни, аулы, вправо и влево от нее убегают к горизонту раздольные степные просторы. Есть и леса, и кустарниковые заросли. Видимо, слышал, как в «Кыз-Жибеке» поется:

Белый Яик — наше извечное джайляу!
Раздольные степи богаты овсюгом-травой...

Если бы не было реки, степь наша превратилась бы в пустыню, жизнь в ней лишилась бы красоты. Вот и эта книга Абая, как Яик для степи, нужна казахскому народу. В ней неиссякаемый источник, дающий жизненные силы всем страждущим людям. Эта книга — Яик казахов!.. Послушай, я прочту тебе одну строфу:

Ты не сбивайся с верного пути,
Призванье чувствуешь — сумей его найти,
Ляг кирпичом в большое зданье мира
И место в бурях жизни обрети.

Найти место в жизни нелегко, именно такое место, какое указывает Абай, чтобы, работая, служить, народу. Ты вот сейчас сказал, что тебя приглашает в свою свиту некто Ихлас Шугулов, что он свой человек. Не спорю, возможно, Ихлас и доводится тебе старшим братом. «Не будь сыном отца, а будь сыном народа»,— говорил Абай. Очень верно сказано, правильно. Этим он хотел подчеркнуть, что в людях должно быть больше человеколюбия и гуманности. Есть у казахов поговорка: «Вот этот — справедливый бий, даже черную волосинку разделил ровно пополам». Если ты справедлив, то, значит, и человеколюбив и гуманен. А твой старший брат Ихлас из Джамбейты и его правительство, насколько мне известно, ничего хорошего для народа не делают, да и не могут сделать...

Абдрахман посмотрел через плечо Хакима на приоткрывшуюся дверь, в которой показалась черная головка мальчика. Жаппар бочком переступил порог и остановился.

— Зачем пришел? Что, чай готов, что ли? — спросил Байес у сына.

— Нет, так просто...

— Тогда беги и скажи маме, пусть готовит чай, мы сейчас придем.

— Мне нужен листик бумаги.

— Какой бумаги?

— Чистой белой бумаги... Один листик. Только белая нужна, другая не годится...

— Зачем она тебе?

Заметив, что Жаппар пристально смотрит на Абдрахмана, сворачивавшего самокрутку, Хаким вспомнил, как мальчик только что курил на улице. Жаппар молча взял у отца лист бумаги, в которую раньше было что-то завернуто, и бросился к двери. Уже переступив порог, он обернулся и крикнул:

— Папа, как закипит самовар, я прибегу и скажу, а пока спокойно читай газету.

Абдрахман вопросительно взглянул на Байеса, как бы спрашивая: «Что это значит?..»

— Наш озорник свои тайны никому не рассказывает. А то, что он намекнул на газету,— это просто мальчишеское хвастовство, дескать: «И я знаю, чем вы занимаетесь!» Для него все газета: и книга — газета, и газета — газета,— пояснил Байес слова сына, как бы оправдываясь.

Абдрахман ничего не ответил Байесу. Повернувшись к Хакиму, продолжал:

— Быть вместе с Ихласом — не трудное дело, но далеко и не почетное. Смотри сам, тебе виднее. Но только, прежде чем идти к нему, хорошенько все обдумай и прочти Абая,— он протянул книгу юноше.

Хаким взял книгу. Он очень внимательно слушал Абдрахмана и теперь, смущенно глядя в пол, проговорил:

— Люди хвалят Ихласа, говорят, что он очень образованный человек и хороший доктор.

— В том-то и беда, что образованные люди творят гнусные дела. Никто не оспаривает, что Шугулов хороший доктор. Он в свое время окончил хирургическое отделение Петроградской военно-медицинской академии. Но ведь он не отдает эти знания народу, не приносит людям пользы. По существу, он стал «визирем» хана. Вот я тебе о чем хочу сказать. Возьмем к примеру этот аул. Здесь, возле мечети Таржеке, живут почти шестьдесят семей. В двух медресе учится совсем немного детей, да и чему их обучают, этих шакирдов?.. А ведь в ауле почти половина людей болеет черной оспой, в том числе и дети. Если бы здесь, вместо этих затуманивающих мозги людям медресе, открыть медицинский пункт, сделать ребятишкам прививки, вылечить стариков и старух,— вот это было бы по-настоящему благородное дело. Ихласу не пришлось бы растрачивать отцовское наследство на постройку больницы, народ сам ее выстроит, нужно только его желание, искреннее желание помочь людям, которого у Шугулова, конечно, нет. А теперь взгляни на учителя Халена. Как бы ни прижимали его хазреты и муллы, он в эту зиму хоть пятерых детей, но обучал русской грамоте. Если бы Ихлас поступал так же, как Хален, то люди с вывихнутыми руками и поломанными ногами не обращались бы за помощью к колдуну-костоправу Шамгону, заболевшие воспалением легких не стали бы звать пройдоху Утегена-баксы и колоть для него барана, а тифозники не пили бы всякую гадость, которую муллы выдают за целебную святую воду. Вот, Хакимжан, каков доктор Ихлас. Он образован, но что его знания для простого народа?! Так-то, светик мой,— Абдрахман, подойдя к Хакиму, похлопал его по плечу.

Хаким почувствовал, что не может возразить Абдрахману: в его словах была сама правда. Хакиму захотелось поскорее уйти из лавки, чтобы наедине подумать обо всем том, что услышал сейчас от Айтиева, скорее прочитать книгу, которую держал под мышкой. Он попросил у Байеса туалетное мыло.

— Последний кусок, Хакимжан, словно тебя и дожидался,— улыбаясь, сказал Байес, протягивая мыло «Гюльжахан».

Достав из кармана деньги, Хаким расплатился и собрался уходить.

— Куда торопишься? Оставайся с нами чай пить,— предложил Байес.

— Спасибо, Байеке, не могу. Намаз, наверное, уже кончился, и надо запрягать коня... Отец говорил, что задерживаться в ауле не будем. Спасибо за приглашение. Как-нибудь в другой раз заеду на чай,— проговорил Хаким и, слегка склонив голову, попрощался и вышел из лавки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Еще в детстве сверстники называли Тойгужу уменьшительно-ласкательным именем Тояш. Это имя так и закрепилось за ним. Когда Тойгужа стал уже взрослым, все продолжали его звать Тояшем. Он был близким родственником хаджи Жунуса. Балым в шутку называла его салкам-сары — непутевым блондином. Были у Тояша два брата: старший — Каипкожа — и младший — Беккожа. Каипкожа, известный на всю округу сыбызгист, давно уже был прикован к постели болезнью, которую получил после окунания в проруби; Беккожа, будучи еще совсем молодым, ушел на паломничество в Мекку с одним хаджи из Казалинских степей. Долго о нем не было ничего слышно, но в последнее время пошла молва, будто бы он вернулся из Мекки и живет где-то на бухарской стороне и служит муэдзином в мечети. Только Тояш никогда не выезжал дальше Шалкара, оставался необразованным бедняком-батраком. Он был молчаливым и задумчивым. А если, случалось, произносил слово или два, то они обязательно были сказаны либо невпопад, либо до того неуклюже, что на лицах собеседников невольно появлялись улыбки. Но Тояш, словно всем на зависть, был крутоплеч и высок, обладал большой силой. Он шутя вытаскивал телегу из грязи, которую не могла вывезти его худая кобыленка. В ауле он считался неплохим сапожником, хотя и редко у кого брал заказы.

В то утро, когда хаджи Жунус с сыном уехал в аул Сагу на жумгу-намаз, байбише Балым попросила Тояша починить порвавшиеся сапожки Алибека и Адильбека. Тояш охотно согласился. Когда работа была выполнена, Балым стала угощать Тояша густо заваренным, как кровь лысухи, чаем.

Вскоре пришли Кадес и Сулеймен. В отсутствие хаджи они любили приходить к щедрой Балым на чай, занимали ее разговорами, услащая самолюбие старой женщины, как бы задабривая ее, помногу пили и ели,— после их ухода на дастархане не оставалось ни одного баурсака.

Вот и сегодня, едва переступив порог, Кадес сразу же заговорил весело и громко, обращаясь к своему другу Сулеймену:

— Как, ну-ка, как ты сказал, Сулеймен?.. Какую должность будет занимать наш Хаким? Не пройдет и двух недель, как он станет известным человеком на весь уезд!.. Дай аллах, чтобы хоть один из наших управлял народом!..

— А по-русски-то как хорошо разговаривает! И где это он мог так научиться, прямо удивительно!.. На мосту, нет, не на мосту, а на этом, как его, на пароме, подошли к нам казаки и потребовали документы у Хакима. Тут Хаким как начал им шпарить по-русски, как начал!.. Казаки растерялись, стоят с открытыми ртами, да и мы с паромщиком замерли от удивления. Скажу больше: наш Хаким не то что с казаками, с самим губернатором может говорить целый час без передышки. Какое может быть сомнение? Он займет самую большую должность в уезде. Самый главный военный начальник у нас — это офицер? Вот Мишка Пермяков и говорил мне, что наш Хаким будет офицером...

О случае на пароме Сулеймен рассказал правду, все остальное же было плодом его воображения. Он хотел видеть Хакима большим начальником, вот и говорил об этом.

— Ах, Сулеймен, тьфу, тьфу, типун тебе на язык, пусть глаза твои упрутся взором в камень, если ты лжешь! Что-то вы с Кадесом со вчерашнего дня все хвалите и хвалите моего родименького, как бы не сглазили!..— с тревогой проговорила Балым.— Так исхудал он в Теке, бедненький мой! Неужели он опять куда-нибудь уедет? А разве нельзя ему остаться в ауле? Жил бы себе дома и обучал детей.

— Устраивай-ка лучше той, Бал-женге. Твой сын только что окончил учение и сразу же становится большим человеком. Слыхала, кем он будет, а? — продолжал льстиво Кадес, подсаживаясь к дастархану и потирая руки.— Ух, какая сегодня жара! Так бы и сидел весь день в тени и попивал ароматный чай. Ох, Бал-женге, и мастерица же вы готовить чай!..

Чай действительно был вкусный, хозяйка щедра и великодушна. С гостей ручьями лил пот.

— Не моей ли бабы голос, будь она неладна,— вдруг насторожился Кадес.— Кажется, ее... Послушай, Сулеймен, у тебя слух лучше моего.

Откуда-то издалека послышался приглушенный отрывистый женский крик:

— Ас-сем-ше!..

Голос оборвался и через минуту зазвучал снова, уже громче и яснее:

— Асем шеше!..[1] Погибли мы, погибли!..

— Ее голос, моей бабы, ах, будь она неладна. Она же молоко кипятила, неужели обварилась? — Кадес неуклюже заерзал на кошме.

Крик женщины теперь послышался совсем близко, почти под самыми окнами:

— Асем шеше, беда с нами, беда! Ойбой, аллах, ойбой!

В юрте все замерли, слушая душераздирающий крик женщины.

— Где же мой муж, где он-то?.. Асем шеше, ох, спаси нас, аллах!..

Теперь уже ни у кого не было сомнений, что это кричала жена Кадеса Маум.

— Что случилось, келин? О аллах, что случилось? — запричитала Балым и торопливо выбежала из юрты.

Кадес, Сулеймен и Тояш все еще продолжали сидеть в землянке, им не хотелось отрываться от пахучего чая и вкусных баурсаков.

— Погибли, погибли они, мои родненькие!.. Бура, бура!..[2] За ними погнался бура хаджи Жедела!..[3].

Неожиданно к ее голосу присоединился второй — плаксивый и рыдающий:

— Где вы?.. Где вы?.. Есть ли в этом ауле хоть один мужчина? Убьет их бура, затопчет, о аллах!..

— Это же голос плаксы Дамеш!..— сказал Сулеймен, мгновенно вскакивая с места.

— Откуда тут взялся бура? — лениво протягивая руку за шапкой, начал рассуждать Кадес.— Около аула нет никакого буры, верблюдицы Шугула не пасутся в этих местах. Если бы даже паслись, ну так что же? Шугул только недавно своего

---

[1] Асем шеше — красивая тетя.

[2] Бура — самец породы двухгорбых верблюдов.

[3] По старинному обычаю, казахские женщины не имели права называть старших по имени, а давали им прозвища. Шугула, например, Маум называла Жедел (синоним слова «шугул» — быстрый — «жедел» — спешный).

буру освободил из-под сохи, да к тому же и шерсть на нем только что вылиняла, кожа стала черная, как сыромять. Не больше недели прошло, как я его видел. Глаза у него все еще слезятся. Разве такой бура может за ребятишками погнаться?

Три старые женщины продолжали надрывно голосить, призывая мужчин на помощь.

Вслед за Сулейменом поднялся с кошмы и Тояш. Сидеть и раздумывать, когда рядом слышался голос Дамеш, было невозможно. Да и не случайно кричали женщины. Весной бура часто набрасывается на людей, особенно на детишек. Если детям не удается вовремя скрыться, то бура сбивает их с ног и растаптывает насмерть. Много таких случаев знала степь. Тояш всегда носил с собой сплетенную из толстых сыромятных ремней камчу. Нужна она была ему или нет, он складывал ее вдвое и затыкал за пояс. Эта камча была при нем и сегодня, она лежала на кошме, у самых его ног. Тояш проворно схватил камчу и выбежал во двор. Возле кстау уже собрались соседи из ближних землянок. Это в большинстве своем были молодые и старые женщины и дети. Они суетились, хлопали себя ладонями по бедрам, кричали и плакали. Вокруг стоял такой гам, что невозможно было ничего понять.

— Где бура, в какой стороне? — крикнул Тояш, обращаясь к женщинам.

— Там, там, вон там, на Кентубеке!.. [1] — Маум указала на полуостровок, как корма огромной лодки врезавшийся в реку.

Женщины наперебой заговорили:

— Он погнался за Алибеком и Адильбеком!..

— Настигнет, раздавит!.. Разве сумеют они, такие маленькие, убежать от буры!..

— Ох, создатель всемогущий! Жертвую тебе белошерстого баранчика, даруй только жизнь моим мальчикам!..

— Ох, родименький мой Адильбек!.. Как же это так, ведь он только вчера принес с реки щуку!..

Тояш и Сулейме, вскочив на коней, поскакали в ту сторону, куда указывала Маум. За ними побежали женщины. Ребятишки тоже было пустились вслед за взрослыми, но Хадиша, догнав их, вернула обратно.

Мальчикам угрожала смертельная опасность...

2

Река Анхата в этом месте как бы делала петлю, с трех сторон огибая своей голубовато-стеклянной гладью большой полуостровок с пойменными лугами и кустарниковыми за-

[1] Кентубек — название полуостровка.

рослями. Полуостровок соединялся с землей узким, в несколько саженей шириной, перешейком. Красной стеной нависал над водой противоположный берег с холмами и горками, которые защищали долину от холодных северных ветров. На южной стороне полуостровка, где весной широко разливались талые воды, были разбросаны лиманные озера, окаймленные густыми зарослями кустарника. И здесь виднелась гряда холмов, но менее высоких и с редким кустарником.

Берега реки покрыты почти непроходимыми зарослями тамариска и смородины. Они, как пушистые каймы на меховой шубе, обрамляли реку. Между кустарниками виднелись полянки и прогалины. Чем дальше от берега, тем полянки и прогалины становились все шире и шире, кустарник редел, и начиналась степь, зеленая, как морской простор, всколыхнутая волнами. В низинах, где было особенно много влаги, росла осока, темно-зелеными пятнами выделяясь на общем фоне цветущей степи. За этой роскошной долиной начинались солонцы. Местами они белыми лысинами глубоко врезались в зеленый ковер степи и доходили почти до самого берега. Летом, особенно в полуденный зной, так отчетливо проступала на поверхность соль, что казалось, не солонцы, а квадраты нерастаявшего снега были разбросаны по полю. На зыбких солонцах росла только желтая марь да по краям качались на ветру кустики кислого лопуха. Пока аулы откочевывали на джайляу, на этих солонцах, больших и малых, паслись огромные стада верблюдов.

Ранней весной в густой траве вьют гнезда чибисы. Эти чубатые с пестрым оперением птицы все лето стерегут долину, оглашая ее визгливыми криками и неугомонным шумом. Стоит только чуть приблизиться к солонцам, как из зарослей кислого лопуха стремительно вылетит чибис, пронзительно крикнет и снова в нескольких саженях опустится в кусты. Так, короткими перелетами, как бы заманивая на себя, чибис уводит человека в сторону от своего гнезда. В болотистых местах, почти на самом берегу Анхаты, важно вышагивают между мшистых кочек длинноногие кулики и певуны-бекасы. Под вечер, едва-едва солнце коснется своим огненным шаром горизонта, заводят хоры лягушки, в реке начинает плескаться и резвиться крупная рыба; разрезая вечернюю лазурь неба, быстро проносятся над водой утки-чирки.

Прилетели перелетные птицы, разлилась река. Ожил Кентубек с приходом весны, наполнился неумолчным разноголосым гомоном.

Прошло уже несколько дней, как учитель Хален со своим аулом откочевал за Анхату на летнее пастбище, и сыновья хаджи Жунуса Алибек и Адильбек, свободные от занятий,

вволю гуляли по зарослям Кентубека. Вчера они целый день удили рыбу на реке, а сегодня пошли собирать утиные яйца. Раздвигая кусты, мальчики медленно продвигались вперед и не заметили, как добрались почти до самой оконечности полуостровка. Здесь они наткнулись на гнезда уток-чирков и чибисов. Утиными яйцами наполнили шапку-ушанку Адильбека, а маленькие веснушчатые яйца чибисов Алибек сложил себе в подол. Вышли из дома они еще утром, а теперь стояла полуденая жара, солнце обжигало плечи и руки, хотелось пить. Усталые, с исцарапанными до крови о колючки тамариска ногами мальчики уныло брели домой. До аула, расположенного на склоне глубокого подковообразного оврага, было далеко. Алибек часто останавливался и всматривался в даль. Аул, казалось, нисколько не приближался, а, напротив, удалялся, затягиваемый знойным полуденным маревом. Мальчики молчали, настроение у них было подавленное. Пройдя с полверсты вдоль берега, они решили идти напрямик, чтобы скорее добраться до аула, и свернули к Большому солонцу. Лощина, по которой они пошли, была густо покрыта сочной травой, местами под босыми ногами хлюпала вода. Издали мальчиков не было видно, только черные головки изредка мелькали над зеленой кромкой трав. Лощина почти вплотную подходила к Большому солонцу и, огибая его, снова сбегала к реке.

— Тише, побьешь яйца!..— неожиданно крикнул Алибек на братишку, который, прыгая через канаву, оступился и чуть было не упал.— Куда торопишься, осторожней прыгай!..

— Я вовсе не тороплюсь, у меня просто нога поскользнулась,— виновато ответил маленький смуглый Адильбек.

— Давай сюда шапку, а то опять разобьешь яйца,— грубо прикрикнул Алибек. Он отобрал у братишки шапку-ушанку, наполненную крупными матовыми яйцами уток, и переложил ему в подол мелкие яички чибисов.— Эти хоть и побьешь, не жалко...

Адильбек исподлобья недружелюбно глядел на старшего брата:

— Посмотрю я, как ты не расколешь!

Маленький Адильбек уже не чувствовал робости, лицо его потемнело от обиды — ведь он же не упал, а только оступился, почему Алибек так грубо на него кричит? Но Алибек уже и сам думал: «Не надо было так...»

Между Алибеком и Адильбеком часто возникали ссоры, какие обычно вспыхивают между мальчиками из-за пустяков. Адильбек хотя и был младшим, но никогда не уступал брату, проявляя упрямый и непокорный характер. Если случалось братишкам бороться, то и тут Алибек не мог одолеть своего

младшего брата Адильбека. Тогда он начинал хитрить, переводил разговор на другую тему и мирно заканчивал ссору.

— Братец Хаким сегодня привезет мне учебники. Он купит их в лавке Байеса. А что он тебе привезет, как ты думаешь, Адильбек? — вкрадчиво заговорил Алибек, делая вид, что совершенно не замечает его надутого и побагровевшего лица.

— И мне он привезет книжку,— охотно отозвался Адильбек, ни минуты не задумываясь. Лицо его как-то сразу посветлело, словно это не он только что обижался на брата и смотрел на него косо и злобно.

— Нет, он тебе привезет карандаш и тетрадку...

— И карандаш привезет, и книжку тоже.

— У тебя же есть книжка, тебе же ее учитель давал.

— Ну и что же?

— А зачем тебе две книжки?

— Папа говорит, что две лучше, чем одна...

— Хаким будет учителем, а потом опять поедет в город учиться и станет таким умным, как Хален-ага,—с гордостью проговорил Алибек.

Адильбек возразил:

— Нет, Хаким писарем будет. Писарь больше учителя! Мальчики опять заспорили. Они стояли в лощине, в том месте, где она почти вплотную примыкала к Большому солонцу.

Верблюды, пасшиеся у дальних холмов, пощипывая траву, спускались в низину. Их манили к себе росшие по обочинам солонцов сочные лопухи и марь. Верблюды шли медленно, лениво, вразвалку, то и дело останавливаясь, и, спасаясь от мошкары, терли головы о лохматые передние горбы. Впереди стада двигались тайлаки[1]. Они спешили к воде.

— Может быть, среди них есть и наша верблюдица с порванными ноздрями? Давай угоним ее домой,— предложил Алибек, из-под ладони разглядывая сошедшее на солонцы стадо.

— А ну ее, верблюдицу...

— Ойбой! — неожиданно воскликнул Алибек. — Бура!.. Голос его прозвучал так пронзительно и панически, что Адильбек вздрогнул от испуга. Он посмотрел в ту сторону, куда указал старший брат. В центре верблюдиц и тайлаков, шедших вразброд по солонцам, отчетливо выделялся крупный темно-бурый самец — предводитель стада. Охваченные страхом, мальчики опрометью кинулись бежать к реке.

Стадо двигалось им наперерез. На полуостровке Кенту-

[1] Тайлаки — годовалые верблюжата.

бек в этот полуденный час не было никого, кто бы мог защитить мальчиков от буры. Это хорошо понимали Алибек и Адильбек, они торопились поскорей добраться до воды, переплыть на противоположный берег и скрыться в камышах. пока еще бура не заметил их и не погнался за ними. Но мальчики побежали не по лощине, по которой они шли и которая могла бы хорошо скрыть их от зоркого взгляда буры, а напрямик, через косогор. Их белые рубашонки раздувались на ветру и были отчетливо видны на зеленом фоне травы.

Обычно весной, обуреваемые половой страстью, буры или леки [1] сильно дичают, перестают есть, животы их присыхают к позвоночнику. В эту пору они особенно неистовствуют и страшны для человека. Изо рта течет пена, глаза свирепо сверкают. Куцыми, как обрубки, хвостами с волосяной бахромой на конце буры секут себя по бокам и спине, испуская странные клокочущие звуки, напоминающие рев целого табуна, остервенело падают на землю и катаются по ней, иногда ползают на животе, оставляя после себя круглые взрыхленные воронки. Буйное состояние буры с каждым днем все усиливается, он почти совсем не щиплет траву, а все время находится настороже, словно высматривает и подкарауливает кого-то; если увидит человека, глаза наливаются кровью и он начинает бешено мотать головой и бить ногами о землю. Когда весеннее возбуждение доходит до своего высшего предела, они нападают на всех, кто встречается им на пути. Но это состояние бурного проявления инстинктивных потребностей длится не очень долго: через две-три недели, после нескольких случек, начинается спад, буры и леки успокаиваются, но некоторые из них продолжают беситься почти до самого конца лета. Особенно часто гоняются они за беззащитными ребятишками, и бывают случаи, когда дети погибают от ударов тяжелых ног. Бура, которого увидели на Большом солонце Алибек и Адильбек, принадлежал хаджи Шугулу. Зимой и ранней весной он был смирным, хорошо ходил в упряжке. После весенней пахоты его отпустили на волю для нагула жира в горбах. Было у него прозвище— Лохматый Черный бура. Но сейчас он не был лохматый, так как расчетливые хозяева счесали с него всю шерсть. На степном приволье, где много верблюжьего лакомства — сочного молочая, катуна и мари,— бура быстро поправлялся, складки на его коже разглаживались, и она становилась беловатой. Задний горб, почти совсем расплющенный и опавший, как изношенный малахай стариков, вновь наполнился жиром, заплыли жиром ребра и тазовые кости и почти не были заметны под

---

[1] Лек — самец породы одногорбых верблюдов.

беловатой кожей. Хотя шугуловский Лохматый Черный бура не шел ни в какое сравнение с теми красноглазыми бурами и леками, водившимися в этих местах, мимо которых даже взрослому нельзя было ни пройти ни проехать, все же и он в этот весенний месяц был опасен для людей. Шугуловский бура особенно злобно преследовал детей. В прошлом году в это самое время он чуть не раздавил сына Асана. Хорошо, что мальчик находился недалеко от аула и успел добежать до дому. Охотник Асан так расстроился, что едва не пристрелил тогда буру,— кое-как отговорили его родственники, боявшиеся мести хаджи Шугула.

Захвативший себе все лучшие земли и выпасы в степи и долине, жадный хаджи Шугул считал и полуостровок Кентубек одним из своих многочисленных пастбищ.

Шугуловский Лохматый Черный бура, поджидая верблюдиц, спускавшихся с холмов, стоял на солонцах и настороженно осматривал окрестность. Он вдруг встрепенулся, бешено замотал головой: заметил двух бегущих по косогору мальчиков. Их белые рубашки мелькали в кустарнике. Хотя до косогора было более двух верст, бура отчетливо видел их. Подобно разъяренному бугаю, который, перед тем как броситься на жертву, падает на колени и точит рога о землю, бура, свирепея, стал хлестать себя хвостом по бокам и спине, затем лег на живот и, порывисто работая передними ногами, прополз несколько саженей вперед, разгребая грудью, как сохой, рыхлую солончаковую пыль, потом снова вскочил на ноги и дико заклокотал. Там, где он прополз, осталась глубокая борозда. От стремительно несущегося возбужденного буры человек не спасется даже на коне. Бура с разбегу бьет свою жертву так называемой грудной пяткой — корявой и твердой, похожей на шишку. Удар бывает настолько сильным, что ни лошадь, ни бык не могут устоять против него. Опрокинутую наземь жертву бура топчет передними ногами. Эта страшная опасность угрожала теперь Алибеку и Адильбеку, во весь дух мчавшимся по зеленому косогору к реке. Бура рванулся вперед, вытянув тонкую шею, он бежал быстро, крупной, размашистой рысью, со свистом рассекая воздух; расстояние между мальчиками и бурой быстро сокращалось. Длинные ноги буры мгновенно отмеривали сажени, и вскоре он был почти у самого косогора, по которому бежали мальчики. Собранные утиные и чибисовые яйца давно раскололись и растерялись по дороге. Адильбек с засученными выше колен штанишками бежал проворнее, все время вырывался вперед, как бы тянул за собой старшего брата, который часом раньше занозил пятку и теперь хромал, чуть не плача от отчаяния и боли. Перепрыгивая через канаву, он нечаянно

наступил на больную пятку и со всего маха рухнул на землю. А бура все приближался и приближался, и казалось, уже слышался свист ветра, тяжелый храп.

— Беги, беги!... Ныряй в реку!..—что есть силы закричал Алибек, обращаясь к младшему братишке. Хрипло и надрывно прозвучал его голос.

— А ты?— спросил Адильбек.

— Беги, беги! Не гляди на меня, я как-нибудь в кустах отсижусь!..— махнул рукой Алибек.

Адильбек снова пустился к реке, а Алибек, собравшись с силами, стремительно пополз к узкой щели, когда-то размытой обильными дождевыми водами и теперь заросшей густым типчаком. Щель была маленькой, но в ней мог надежно укрыться под густой зеленью один человек. Алибек, припав животом к сырой и холодной земле, притих под типчаком, сердце гулко стучало в груди. До реки еще оставалось около ста метров, и он с беспокойством смотрел на младшего братишку, мелькавшего между кустов и кочек: «Меня бура наверняка не заметит... Лишь бы Адильбек добежал до реки!.. Добежит или не добежит?..» Шум приближавшегося буры все нарастал, уже отчетливо слышался его храп, и вдруг, словно тень, мелькнуло над головой огромное тело разъяренного верблюда...

3

Темнее тучи возвращался хаджи Жунус домой с жумги-намаза.

— Чтобы я больше никогда не слышал от тебя даже имени Ихласа!.. Где это видано, чтобы от дурного семени родилось хорошее племя! Я не знаю ни одного случая, чтобы от негодяя отца родился добрый сын. Не смей, слышишь, не смей мне даже упоминать про Ихласа! Прав Хален: нечего нам ждать добра, когда народом управляют такие люди!..— властно сказал старик Жунус сыну, едва они отъехали от мечети.

Хаким хотел было возразить, но, взглянув на взволнованное, хранившее на себе следы недавней бури лицо отца, промолчал. Глаза хаджи Жунуса горели гневом, брови были плотно сдвинуты на переносице. Хаким заметил, как нервно вздрагивали плотно сжатые упрямые губы отца. «Я вовсе не собираюсь ехать к Ихласу»— эти слова готовы были вот-вот сорваться с уст Хакима. Ему нетерпелось передать свой разговор с Абдрахманом, но он хорошо понимал, что в таком нервозном состоянии отец может не понять его и только

больше озлобиться. Он стегнул вожжой гнедого и стал смотреть на обочину дороги, где кто-то словно рассыпал розовые тюльпаны и ярко-красные маки. Степь казалась разноцветным шелковым ковром. С Шалкара дул свежий ветер, донося шелест камыша. Стремительная рысь лошади, мерное покачивание тарантаса... Любуясь степной красотой, Хаким никак не мог сосредоточить свои мысли, чтобы разобраться, на что сердится отец: «Опять, наверное, с Шугулом поспорил, не иначе!..»

Да, во время намаза между хаджи Шугулом и стариком Жунусом произошел крупный разговор, за которым скрывались не только личная неприязнь и оскорбления, он имел и другое, более глубокое основание. Дело в том, что в последнее время в ауле Сагу особенно много стали говорить об открытии русско-киргизской школы. Больше всех настаивали на этом Байес и Батыр. Они как пожар раздували эту молву. Байес предлагал закрыть одно медресе, находившееся при мечети, и превратить его в школу. Пригласить учителя Халена и начать обучать детей по-русски. Продавца поддерживали хаджи Орынбек, имевший большой авторитет среди верующих, и мулла Амангали. И у Орынбека и у Амангали были сыновья, которых с осени нужно было отдавать учиться, и отцы хотели дать им хорошее образование. Когда обо всех этих разговорах узнали хазреты, не на шутку встревожились, стали присматриваться, стараясь узнать, кто возбуждал народ и настраивал его против медресе. Вскоре они пришли к убеждению, что все зло исходит от учителя, приехавшего в аул из Теке, учителя родом из Кердери. Об этом зле и хотели поговорить хазреты сегодня после жумги, чтобы еще раз проклясть новые русско-киргизские школы и возвеличить медресе.

Долго и нудно читал проповедь хазрет Хамидулла; когда окончил, искоса взглянул на стоявших сбоку двух тонких и желтых, как свечки, магзумов, словно подав им какой-то знак, и снова возвел очи к всевышнему. Он смотрел бессмысленным холодным взглядом на красноватый куполообразный потолок мечети, тянул вверх ладони, прося помощи и благословения у аллаха. Два магзума, словно по команде, разом затянули недавно разученный ими аят «Хан салауаты»[1]. Не только слова, но и мотив был необычен и нов для верующих.

Магзумы пели:

Славься посланец аллаха Магомет!
Славься его воинство и полководец Галий!
За здравие их да свершим моленье!..

[1] «Хан салауаты» — ханский гимн.

Надтреснутым, дребезжащим басом стал подпевать им хазрет Хамидулла:

За здравие их да свершим моленье!..

Голоса магзумов и хазрета, сливаясь в одно монотонное гудение, эхом отдавались под высоким двухъярусным потолком мечети. Верующие впервые слышали этот аят. Пение новой молитвы не уносило их души к аллаху, как это бывало при чтении Корана, а, напротив, настораживало. По их лицам было видно, что они удивлены и недоумевают, что происходит. Магзумы между тем продолжали:

За тех, кто жертвует жизнью во имя народа,
Отдает все свои силы на благо народа,—
За здравие правителей наших да свершим моленье!..

Хаджи Жунус, сидевший в первом ряду справа, озадаченно посмотрел на магзумов, словно спрашивая их: «Что это такое?..» Затем перевел взгляд на хазрета, все еще тянувшего свои ладони к потолку, и хаджи Шугула — тот тоже поднимал руки кверху и с упоением молился. «За здравие твоего сына совершать моленье, что ли?..— с негодованием подумал Жунус.— Оказывается, это он радеет о народе? Вот не знал...»

Жунус все больше и больше возмущался, но не стал прерывать пение аята. Он снова вспомнил те язвительные слова, которые сказал Шугул перед входом в мечеть. Ненависть Жунуса росла и к хазрету — это он выдумал новый аят за здравие Шугула и его сына — «визиря» в Джамбейте. Это точно так же, как «Я айю-эль, Байкара, анта кальбун кабира!»[1]. Какое кощунство!.. А мы верим им, будто они высоко несут знамя религии!.. Когда верующие вслед за хазретом простерли ладони к небу, он остался сидеть неподвижно, делая вид, что запутался в перебирании четок.

Молебствие продолжалось. Магзумы прославляли ханское правительство в своем новом аяте, и большинство верующих покорно вторили «Хан салауаты». Хаджи Жунус,

[1] Хаджи Жунус вспомнил широко известный в народе анекдот, как однажды богач Байкара захотел, чтобы имя его упомянули в проповеди. Байкара сказал хазрету: «Вы в своей проповеди постоянно упоминаете о бедняках наших Аубакире, Гумаре, Гузмане, Гали, Хасане, Хусаине, Хамзе, Габбасе (имена халифов и внуков Магомета). Неужели я хуже их? Хоть раз упомяните мое имя в своей проповеди, я вознагражу вас — отдам сорок баранов». Хазрет согласился и в следующий раз, читая проповедь, сказал по-арабски: «Я айю-эль, Байкара, анта кальбун кабира» («Эй, Байкара, ты собака, да еще самая большая»). Мулла, присутствующий на проповеди, поняв хазрета, хотел было возразить, но хазрет тут же сказал ему по-арабски: «Ля танах нух, и ахи, арбагуна ганяман, нысфе, ляка, нысфа ли» («Молчи, он дает сорок баранов, половина — тебе»).

продолжавший перебирать четки, неожиданно почувствовал на себе острый, укоризненный взгляд хазрета Хамидуллы. Старик не смутился, он ответил хазрету таким же презрительным взглядом: «Раз вы нарушаете Коран, я нарушу выдуманную вами молитву!»— и, как бы бросая вызов (он стоял на коленях), сел на ковер, поджав под себя ноги, словно собирался пить чай. Хазрет побледнел, но, стараясь скрыть свое негодование, снова возвел глаза к потолку. Когда пение нового аята закончилось, хазрет стал читать проповедь. Он начал с угроз в чей-то неопределенный адрес, потом заговорил о том, что народ выходит из послушания, что дурных намерений становится все больше и больше и что уже некоторые люди позволяют себе глумиться над религией...

— Люди забывают аллаха и все его благие деяния, хотят преобразовать медресе в школу и тем самым осквернить храм аллаха, осквернить то место, где читается священный Коран. Они хотят, чтобы вместо проповедей здесь читались презренные аллахом русские книги. Я назову вам имена этих людей. Это проклятые всевышним Байес и Батыр. Это сидящие здесь... Кхе-кхе!..— хазрет поперхнулся слюной и долго сухо кашлял, все время глядя на сидевшего рядом с Жунусом хаджи Орынбека.

Орынбек смущенно опустил голову. Он сделал вид, что раскаивается и смиряется перед властным хазретом, но между тем продолжал исподтишка злобно наблюдать за ним. Хазрету, очевидно, понравилась покорность Орынбека, и он не назвал его имени, зато со всей яростью и язвительностью набросился на муллу Амангали.

— Это сидящий здесь лицемерный мулла Амангали. Мулла?! А сомневается в медресе!..— загремел хазрет.

Хитрый Амангали решил отвести от себя ярость хазрета. Он нагнулся к хаджи Жунусу и шепнул ему на ухо:

— Жунус-еке, где, в каком шариате написано, чтобы никто, кроме хаджи Шугула, не обучал своих детей по-русски?

Только для одного хаджи Жунуса разговор о медресе и школе был новостью, так как он давно уже не ездил в аул Сагу и не знал, какие здесь произошли изменения в настроении людей после приезда Абдрахмана. Он был сторонником обучения детей в новых русско-киргизских школах, сыновьям своим давал русское обучение, вот почему теперь, едва услышав от хазрета, что люди требуют от медресе сделать школу, сразу же мысленно одобрил это хорошее намерение. Но хазрет Хамидулла ругал этих людей, называя их вероотступниками, и старик Жунус еле сдерживался, чтобы не возразить во всеуслышание служителю мечети. Слова муллы

Амангали еще больше возбудили в нем ненависть к хазрету, а заодно и к Шугулу, который с умилением слушал проповедь.

Хазрет Хамидулла изо всех сил старался вернуть былую веру людей в аллаха и медресе. Слегка упрекнув почтенных старцев в нерешительности, он с гневом накинулся на Байеса, Батыра и Амангали, угрожая отрешить их от мечети. Во время проповеди он то и дело поглядывал на Шугула, словно искал у него поддержки. Хаджи Шугул одобрительно кивал головой.

— Отреши, хазрет, отреши этих вероотступников от мечети! Все зло исходит от Байеса, сына Махмета, да еще вот от этого...— Шугул повернулся, отыскивая взглядом муллу Амангали, и увидел Жунуса, гордо сидевшего с поджатыми под себя ногами на коврике. Старик был хмур и мрачен, поза его напоминала борца, готовившегося к поединку. Лицо Шугула покрылось красными пятнами. То, что Жунус не стоял на коленях, как все, как и он сам, хаджи Шугул, а сидел с поджатыми ногами, казалось невероятной наглостью. Шугул воспринял это как личное оскорбление.— От этого Амангали...— медленно продолжал Шугул.— И от этого хаджи Жунуса... От них исходит все зло. Это он, хаджи Жунус, первым позволил своим детям носить волосы! Что же остается делать простым людям, если сами хаджи Жунус и Орынбек не признают медресе и отказываются посылать своих детей. А возьмите этого вероотступника крещеного Халена! Он не только против медресе, против самой мечети возбуждает народ. Я слышал, что здесь, в ауле Сагу, появился еще один учитель — крещенец. Злосчастные! Они слетаются сюда, к мечети и медресе, как мухи к сметане...

Шугул, словно собираясь ударить кого-то, стал искать вокруг себя посох, он забыл, что оставил его у входа в мечеть.

Ожесточенный Жунус готов был сию же минуту наброситься на Шугула и перегрызть ему горло. Шугул оскорбил не только его самого, хаджи Жунуса, но и сына Хакима, и учителя Халена, которого старик считал самым умным человеком в степи. Но Жунус никогда не совершал опрометчивых поступков, всегда умел себя сдерживать. Вот и сейчас, поблескивая гневными глазами, он сел поудобнее и заговорил спокойным баском:

— Не наступай, хаджи Шугул, на мотыгу, а если хочешь наступить, заранее пощупай то место, куда ударит рукоятка. Ты первый отказался от медресе. А ну-ка скажи, куда ты отдавал учиться своего Ихласа?

— Нет тебе дела до Ихласа.

— Если мне нет дела до Ихласа, тогда и тебе нет никакого дела до меня! Нет тебе дела также ни до Амангали, ни до

Байеса и Орынбека. Народ не будет спрашивать тебя, где ему обучать своих детей. Запомни это раз и навсегда. Подумаешь, какой нашелся приверженец медресе!.. Ты, что ли, построил это медресе? Или твой отец строил? Медресе построено на средства людей, сидящих здесь, только они могут распоряжаться медресе. Имам и мечеть тоже не являются твоим Лохматым Черным бурой, которого ты волен запрячь или пустить на солонцы. Ты думаешь, если у тебя на какой-то десяток лошадей больше, чем у других, так можешь погнать народ перед собой прутиком? Может быть, надеешься на своего сына, который там, в Джамбейте?

— Успокойтесь, хаджи, успокойтесь. Спокойствие — одно из бесчисленных достоинств Магомета,— торопливо проговорил хазрет Хамидулла, не желавший ссоры в мечети.

— Он не хаджи... а только прикрывается именем хаджи. Он — тот самый, как его?.. Который в Теке?.. Ашибек!.. Он — ашибек, и учитель Хален — ашибек, и тот учитель-крещенец, который живет сейчас у Байеса, тоже ашибек,— торжествующе заключил Шугул, полагая, что словом «ашибек» насмерть сразил Жунуса.

Слово «ашибек» почти всем, кто присутствовал сегодня на жумге, было знакомо. Слышал не раз его и Жунус. Учитель Хален много рассказывал ему о большевиках, об их намерениях сделать добро народу, и старик мало-помалу проникся чувством глубокого уважения к «ашибекам», которых лично никогда не видел. Сейчас, когда Шугул назвал его «ашибеком», он ухмыльнулся.

— Если я бальшебек, то ты меньшебек!— громовым голосом заявил Жунус.— Если я не хаджи, то ты — мазница, привязанная к рыдвану. Съездил в Мекку и испачкал всех паломников дегтем. Понял?— Старик Жунус встал и горделиво пошел к выходу.

Молящиеся посторонились, давая ему дорогу. Жунус не видел их тревожных и одобрительных взглядов, не слышал грубого окрика Шугула — сердитый и расстроенный, торопился к дому Махмета, где Хаким уже запрягал коня.

Вот почему хаджи возвращался к своему кстау таким мрачным и суровым.

4

Во всем ауле только плакса Дамеш не боялась Жунуса. Она доводилась близкой женге старику Жунусу. Жизнь у Дамеш сложилась очень нескладно: выйдя замуж, она почти в том же году овдовела. Это, пожалуй, и было одной из причин ее слезливого характера, но все же Дамеш оставалась

упрямой и настойчивой. Когда другие женщины аула, увидев хаджи Жунуса, старались поскорее укрыться в своих землянках, Дамеш смело выходила навстречу своему почтенному седобородому деверю, шутливо разговаривала с ним и даже иногда вступала в спор. Часто Дамеш жаловалась Жунусу на свою горькую судьбу, прося помощи. «Нет у меня мужа, нет у меня ни овец, ни коров... Кто поможет мне, бедной вдове, с сироткой-сыном?.. Кому нужна старая Дамеш?..» Она голосила так пронзительно и заунывно, что Жунус готов был отдать половину своего хозяйства, чтобы только не слышать ее стоны. Одним словом, Дамеш не боялась хаджи, умела разжалобить его и поговорить с ним на любую тему.

Когда старик Жунус бывал не в духе или когда нужно было сообщить ему какую-нибудь неприятную новость, близкие посылали к нему Дамеш, и та быстро улаживала все дела. Вот и сегодня они решили выслать вперед Дамеш, чтобы она, не вызывая гнева Жунуса, рассказала ему о том, как шугуловский Лохматый Черный бура чуть было не затоптал насмерть Алибека и Адильбека.

— Дамеш, крутой нрав у нашего старика. Разгневается он на нас, кричать станет: «Где были ваши глаза, что не смогли увидеть целого стада верблюдов, спускавшихся с холмов?!» Встреть, пожалуйста, его и расскажи ему, как все было... А то у нас все суставчики трясутся. Да еще не забудь, Дамеш, упросить хаджи нашего, чтобы он разрешил заколоть белошерстого баранчика с красной головкой в жертву аллаху за спасение наших деточек!..

Плакса Дамеш согласилась. Едва показался на склоне оврага тарантас хаджи, она бросилась навстречу с причитаниями:

— Хаджи, хаджи!.. Страшна кара аллаха, но и доброты много у него. Ой, аллах всемогущий, какая угрожала нам опасность сегодня, какая опасность! Но благо снизошло к нам с небес... Нависла над нами чудовищная угроза, да миновала беда. Пусть сгинет этот шугуловский Лохматый Черный бура, пусть обрушатся на него все болезни, какие только есть на земле! Слава аллаху, это он отвел от нас верную погибель! Объяви, объяви скорее, что приносишь в жертву аллаху белошерстого с красной головкой баранчика. Жертвуй его во имя спасения твоих ненаглядных детушек. Живы они, живы, мои родненькие! Жертвуй же поскорее!..

Хмурый и сосредоточенный, поглощенный думами о только что происшедшем разговоре с Шугулом в мечети, хаджи Жунус встрепенулся, услышав пронзительный женский голос.

Он не сразу понял, что произошло, отчего так голосисто

причитала Дамеш и настойчиво требовала принести в жертву белошерстого баранчика.

— Чего она разревелась,— пробормотал Жунус и, перевалившись через борт тарантаса, спросил:— Что случилось?

— Случилось, ох, случилось!.. Да все сошло благополучно, живы и здоровы остались!.. Жертвуй поскорее аллаху белошерстого с красной головкой!.. За Алибеком и Адильбеком гонялся бура...

— Когда?.. Чей бура?..

— Не гневайся, хаджи, дети твои спасены...

Подробности узнал хаджи уже только после того, как зашел в дом. На одеялах лежал Алибек, онемевший от испуга, и бессмысленно водил глазами. Возле него сидела Балым. Жунус стремительно подошел к ним. Балым заплакала.

Хаким стоял во дворе. Он обнимал и целовал младшего братишку Адильбека и расспрашивал его, как он спасся от разъяренного буры.

— Наверное, ты здорово испугался, когда увидел буру?

— Фи-и, чего его бояться!— бойко возразил Адильбек.— Я нисколько даже не испугался. Что он может сделать? Хоть бы бура и догнал меня, я все равно не поддался бы ему.

— А что бы ты стал делать?

— Что делать, говоришь? А вот что: как только бура подбежал ко мне, я сразу отпрыгнул бы в сторону, а он с разбегу так и промчался бы мимо. Знаешь, я всегда так делаю, когда дразню соседского барана — кошкара. Разозлится он, отступит назад, чтобы с налета ударить меня рогами, и так бежит, кажется, вот-вот собьет с ног, а я в самый последний момент — раз в сторону, и кошкар — мимо... Понял? Бура тоже такой... Пока он развернулся бы и побежал снова на меня, я опять отпрыгнул бы, еще побежал — опять отпрыгнул... Так бы буру измотал, что он больше никогда бы не стал связываться со мной.

— Глупенький ты, Адильбек, у буры ведь длинная шея, и он ее вытягивает, когда гонится за человеком. Разве он даст тебе вывернуться? Ну хорошо, а почему же ты тогда побежал к реке и прыгнул в воду?— снова спросил Хаким, смеясь.

— Это Алибек уговорил меня бежать к реке. Нас ведь двое было. Разве двое смогут так изворачиваться от буры, как я тебе рассказывал? Нет. Вдвоем бы мы ни за что не спаслись. В таких случаях лучше бежать к реке. Как только я добежал до реки, сразу же нырнул в воду и переплыл на другой берег. А там я спрятался в зарослях рогозы и притих, чтобы не раздразнивать буру. Раздвинул ветки и смотрю, что будет делать бура. Подбежал он к воде, остановился и начал

рыкать и мотать головой, только пена изо рта брызжет. Хлещет себя хвостом по спине, по бокам, несколько раз по грудь в воду заходил, а дальше, видно, не решился двинуться. А на берегу что делал!.. Упал и ну ползать по песку. Бьет лапами, переворачивается на спину от злости, а сделать ничего не может. Такого бешеного буру я еще ни разу не видел! Ох и лупил же его потом Тойеке, ох и задал ему жару!..

Хаким, еле скрывая улыбку, удивленно покачал головой.

* * *

Весь этот день до самого позднего вечера возле кстау Жунуса было многолюдно и шумно. Люди не переставали говорить о шугуловском Лохматом Черном буре и двух мальчиках — Алибеке и Адильбеке, чудом спасшихся от неминуемой гибели.

— Почему же не зарежут этого проклятого буру?— возмущались женщины.— У всех у нас есть дети... Ох, аллах, сохрани их от этого чудовища!..

— Чтоб напала на него самая страшная болезнь!..

— Хорошо, что случилось все это возле самой реки, вот ребята и спаслись. А если бы в степи?.. Или, скажем, не догадались бы нырнуть в воду?.. Ах, помилуй аллах, что бы с ними было!

— Если бы не Тойеке, если бы не настиг буру, пожалуй...— начал было Ареш.

Но его тут же перебила Мадине:

— Да ведь Тойеке догнал буру уже после того, как ребята спрятались. Ты вот что скажи: какой смекалистый Алибек!

— Ох и дал же Тойеке жару этому Черному буре, ведь у него камча из шести толстых сыромятных полосок сплетена, и на самом кончике приклеплен свинец. Как хлестнет, хлестнет он этой камчой буру, так бура и присел на задние ноги, как собачонка. А был Тойеке на своей гнедой лошаденке. Лошадь с испугу шарахнулась было в сторону, но он ее снова подвернул к верблюду и стегнул этого проклятого шугуловского буру второй раз, да прямо по лбу. Рухнул бура, как лягушка, на все четыре ноги, вытянул шею на песке и не двигается, словно уже мертв. Клянусь аллахом, столько времени недвижно лежал, что можно было дважды вскипятить ведро молока в котле. Я уж думаю, грешным делом, не подыхать ли собрался бура? Достаю из кармана ножик и к горлу, чтобы вовремя успеть перерезать. Не пропадать же верблюду не дозволенным шариатом образом! Но бура мотнул головой, почуял, видно, что с ножом к нему, как вскочит на ноги и ну в степь, только пятки засверкали. Мы за ним вдогонку. Скачем

сбоку и бьем, бьем... У меня, значит, дубинка вязевая в руках. Я ею по спине буру, по хвосту, но он все больше на Тойеке огрызался, на его сыромятную со свинцом на конце камчу. Хлестнет Тойеке — так шкура на верблюде лопается, и кровь сочится... И что вы думаете: били, били мы буру, а он все никак не успокаивается, вроде даже больше стал яриться, того и гляди на нас кинется...— разглагольствовал словоохотливый Сулеймен, подсаживаясь на корточки к Бекею, который свежевал белошерстого с красной головкой баранчика.

— А не завернет ли к нам снова этот проклятый бура, чтоб с грязью смешался у него спинной мозг?.. — вставил Ареш.

— По крайней мере, в течение этой недели он больше не появится в наших местах. В барханы убежал... Кажется, один глаз у него сильно поврежден. Думаю, как бы не вытек совсем. Бура, проклятый, что-то беспрерывно мотал головой, когда бежал. А пожалуй, ничего с глазом и не случилось, просто у него вся морда была забрызгана пеной. Во всяком случае, не хотелось бы, чтобы с глазом что-либо случилось, подальше от скандала. Впрочем, хаджи Жунус обещал уничтожить шугуловского буру. Наш старик слово сдержит,— уверенно сказал Сулеймен.

Пока свежевали и разделывали белошерстого баранчика, пока целиком опускали эту тушу в котел, пока она там варилась, да и после того, как мясо было готово и люди, помыв руки, расселись за дастархан,— ни на минуту не смолкал разговор о шугуловском буре и двух младших сыновьях Жунуса. Говорили все, рассказывали и пересказывали виденное, восхваляя перед хозяином храбрость и смекалистость Алибека и Адильбека.

В этот вечер никто из родственников хаджи Жунуса — ни мужчины, ни женщины — ни разу не вспомнил о Хакиме, только накануне приехавшем из Теке. О нем забыли. Баранчика, которого хотели колоть в честь его приезда, теперь закололи как жертву аллаху за спасение двух малышей.

— О всемогущий аллах, жертвую тебе белошерстого баранчика с красной головкой во имя спасения моих маленьких деточек! Келин, ни единого куска не оставляй, все мясо клади в котел!— сказала Балым.

— Да примет аллах жертву, принесенную в честь спасения наших ненаглядных! Сотвори же обряд, хаджи!— поддержала ее плакса Дамеш.

Жунус провел ладонями по лицу, и маленькие пухлые пальцы его застыли на кончике длинной с проседью бороды.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Подходил к концу второй месяц с тех пор, как Хаким расстался с Мукарамой, но все еще не мог забыть ее черных глаз и приветливой улыбки; хотелось поскорее увидеться с ней, и он с тревогой и радостью мечтал о встрече. Еще в Уральске, перед отъездом в аул, он решил, что пробудет дома с неделю или самое большее десять дней и поедет в Джамбейту, где теперь работала в больнице Мукарама. Но почти в первый же день приезда домой планы его рухнули. Он понял, что после разговора с отцом, а главное, после беседы с Абдрахманом поездка в Джамбейту едва ли будет возможна. Если и учитель Хален будет такого же мнения об Ихласе, как Абдрахман, то тогда навсегда прощай мечта о встрече с Мукарамой в Джамбейте. «Абдрахман очень умный и проницательный человек, слова его — сама правда. Оказывается в аулах еще больше несправедливости и зла, чем в городе. Как же я не замечал этого раньше?.. А жизнь все-таки интересная штука, как хочет, так и обращается с тобой. Думаешь сделать одно, а она заставляет тебя делать совершенно другое. Ведь я еще вчера был твердо убежден, что мне необходимо ехать в Джамбейту, а сегодня?..»— рассуждал Хаким, спускаясь вниз по тропинке к Анхате. Он шел навестить учителя Халена.

Выйдя на пологий песчаный берег, Хаким взглядом стал искать лодку. Но ее нигде не было видно. На противоположной стороне реки спускалась к воде стайка девушек. Хаким решил подождать их, чтобы спросить, не на том ли берегу лодка. Было позднее утро. Хаким отошел на лужайку, сел и стал наблюдать, как над водой стремительно носились ласточки, кончиками своих черных крыльев бороздя речную гладь. Почти у самого берега на песчаной отмели Хаким заметил целый косяк мелкой рыбешки. Они резвились тоже, очевидно радуясь солнцу. Хаким оторвал ветку полыни и бросил ее в рыбешек. Рыбки скрылись, но через минуту уже снова были на отмели. Близился полдень, а вместе с ним и наступала жара. В это время обычно взрослые забираются в землянки или юрты и пьют прохладный кумыс, а молодежь устремляется к реке, чтобы искупаться в холодной и чистой воде Анхаты. Девушки все ближе и ближе подходили к реке. Впереди шли молодуха Шолпан и сестра учителя Халена Загипа. Они издали не узнали сидевшего на лужайке Хакима, так как Анхата в этом месте разливалась очень широко и они не могли разглядеть лица юноши. Да хотя бы и уви-

дели его, едва ли узнали бы, потому что Хаким давно уже не бывал в ауле Халена, а годы учения и город очень изменили его. И голос Хакима, когда он окликнул девушек, показался им незнакомым и чужим.

— Эй, девушки! Девушки! Кто из вас может пригнать лодку?— прокричал Хаким.

— На этой стороне нет лодки,— в несколько голосов ответили девушки и засмеялись.

Хаким недоуменно пожал плечами и, вернувшись на лужайку, снова начал швырять веточки в рыбешек, раздумывая, как бы все же ему переправиться на тот берег. Между тем девушки, не обращая внимания на Хакима, разделись и начали купаться, крича, плескаясь и брызгаясь. Девочки-подростки держались ближе к берегу и особенно резво бултыхали ногами и руками. На повороте, где берег был круче и река глубже, играли в догонялки Загипа и Зада. Они то выскакивали на песок, то снова ныряли в воду и, рассекая грудью голубую гладь Анхаты, стремительно плыли к центру реки. От них кругами расходились волны, накатывались одна на другую и рокотали над яром. Там, где купались девушки, была песчаная отмель, а вправо и влево вдоль берега — густые заросли камыша. «Может быть, лодка в камышах?»— подумал Хаким. Взгляд его упал на плывшую по-мужски к центру реки Шолпан. Она пересекла быстрину, развернулась и снова поплыла к своему берегу. Возле ее ног белой пеной бугрилась вода. Шолпан неожиданно остановилась и подняла руки, словно под ногами почувствовала твердое дно.

— Эй, тонкие бикеши [1], чем мутить воду у берега,— крикнула Шолпан девушкам,— плыли бы лучше сюда, здесь тоже не очень глубоко!

— А ну смеряй дно, Шолпан,— попросила Зада, еле-еле успевшая отдышаться после игры в догонялки. На ее щеках играл румянец.

Шолпан подняла руки вверх и, сложив их ладонями вместе, погрузилась в воду. Через минуту над водой снова показались ее черные волосы. «Пуф!..»— выдохнула она с облегчением и тряхнула красивой головой, откинув спадавшие на глаза пряди волос.

— В три человеческих роста глубина, чуть пальчиками до дна достала,— крикнула она, подплывая к девушкам.

Когда Шолпан стала выходить на берег, Зада, лукаво улыбаясь, бросила вслед ей пригоршню синего ила. Смуглая шея, спина и грудь Шолпан, по которым только что, сереб-

---

[1] Бикеш — благородная девица *(иран.)*.

рясь на солнце, стекали прозрачные капли воды, вмиг покрылись потоками ила.

— Ты чего балуешься?— резко обернулась Шолпан, досадливо хмуря брови.— Я сейчас тебе покажу, как кидаться!..

Шолпан нагнулась, нагребла у ног пригоршню ила. Зада трусливо кинулась убегать. Комки ила шлепались в спину и затылок Заде. Случайно на бегу она обернулась, и комок жидкой грязи, метко брошенный Шолпан, попал прямо в лицо девушке. Зада вскрикнула и запросила пощады:

— Хватит, хватит! Все глаза мне залепила...

Зада готова была вот-вот расплакаться.

— Сама первая начала... Будешь знать...

Оставив хныкающую Заду, Шолпан вернулась к девочкам-подросткам:

— Ну, и вы тоже илом бросаться? Я вот вам!..

Девочки с визгом и криком повыскакивали из воды и кинулись врассыпную к яру. Шолпан для острастки швырнула им вслед несколько комков ила и, войдя по грудь в чистую воду, вымыла лицо, шею и, постояв немного, нырнула. Хаким наблюдал за ней, любуясь ее красивым станом, и теперь мысленно стал определять, где она вынырнет. Она вынырнула почти на середине реки и, легко взмахивая руками, поплыла по направлению к лужайке.

Когда Хаким наблюдал за игрой девушек в догонялки и за тем, как они кидались илом, ему так и хотелось включиться в игру. Ведь он сам, казалось, еще совсем недавно вот так же, как они, бегал с ребятами по берегу, купался и мазался илом... Но сейчас перед ним были не ребята, а девушки. Приличие удержало его.

Шолпан подплыла совсем близко.

— Выходи на берег, выходи, — шутливо пригласил Хаким.

— Сам иди сюда! Или ты плавать не умеешь?

Хаким только теперь узнал Шолпан, когда она остановилась в пяти метрах от него. «Вон кто, оказывается, эта красавица!..» Шолпан очень рано овдовела и должна была, по старому степному обычаю, выйти замуж за брата мужа — девятилетнего мальчика. Она была примерно одних лет с Хакимом, или, самое большее, на год старше. Вдове Кумис Шолпан приходилась снохой.

— Что ты сказала, молодушка?— переспросил Хаким. немного растерявшись и не зная, что ответить.— Так невнятно говоришь, что ни одна душа на свете не узнает ни тебя, ни твоего голоса.

— Тебя тоже трудно узнать. Если не боишься, идем сюда, поиграем в догонялки.

— Ну вот, теперь ясно слышу твой голос, Шолпан. Пригони мне лучше лодку с того берега, а?

Шолпан бросила лукавый взгляд на Хакима — она узнала его. Не говоря ни слова, она круто повернулась и, взмахнув руками, поплыла к противоположному берегу за лодкой. Лодку она отыскала в зарослях куги, вытолкнула ее на чистую воду и погнала к Хакиму.

Хаким стоял на берегу и не мог оторвать глаз от Шолпан, он любовался легкими, красивыми и плавными движениями молодой женщины. Сквозь прозрачную воду было видно все ее тело, верткое, белое, как брюшко опрокинутой на спину рыбы; она поочередно то левой, то правой рукой хваталась за корму лодки и стремительно толкала ее вперед. Притворившись равнодушной, Шолпан между тем тоже с большим любопытством разглядывала Хакима. Когда до берега, где он стоял, осталось не больше двух саженей, она с силой толкнула лодку и тут же уплыла обратно. Хаким следил за ней до тех пор, пока она не вышла на песок и, одевшись, совсем не ушла с реки.

Долго выплескивал Хаким пригоршнями воду из лодки. Весел не было. Он сел в лодку и, подгребая ладонями, кое-как добрался до противоположного берега. Девушек здесь уже не было, они шли через луг к аулу. И хотя они успели уже отойти сравнительно далеко, Хаким заметил, как Шолпан и Загипа, перешептываясь, поминутно оглядываются назад.

2

Учитель Хален очень обрадовался, увидев своего бывшего ученика. Он любил Хакима — любознательного и восприимчивого мальчика. Казалось, он только вчера отправлял его с напутствиями в Уральск на учение, и вот — перед ним стройный красивый юноша, выпускник реального училища. Хален засуетился, стараясь как можно приветливее принять Хакима. Он надеялся узнать от него, какие события произошли в Уральске и вообще что сейчас творится на белом свете. Хаким — человек образованный, он-то наверняка знает все и сможет хорошо рассказать. Едва обменявшись приветствиями, Хален повел своего бывшего ученика в холодок за юрту. Ему хотелось поговорить с Хакимом наедине, пока еще никто не узнал о приезде его в аул и не пришел с визитом.

— Загипа,— окликнул сестру Хален,— расстели-ка нам кошму в холодке. Мы с Хакимом хотим побеседовать.

— Сейчас!..— ответила Загипа. Она стояла в юрте за дверным пологом и украдкой разглядывала красивое лицо Хакима. Щеки ее покрывал стыдливый румянец, она чувст-

вовала неловкость оттого, что не поздоровалась с Хакимом там, на реке, и обманула его, сказав, что лодки нет. С минуту помедлив, она прошла в глубь юрты, взяла свернутую в трубку кошму и вышла во двор. Расстелив ее в холодке, она снова вернулась в юрту и вынесла подушки. Проходя мимо Хакима, который внимательно слушал учителя, с улыбкой вспоминая школьные годы, Загипа опять искоса посмотрела на молодого стройного джигита. Когда учитель и ученик, удобно расположившись на кошме и подложив под локти подушки, начали беседу, Загипа скрылась в юрте. Притаившись у двери за пологом, она с замиранием продолжала разглядывать в узкую щель Хакима. Юноша сидел к ней лицом. Загипа с удовлетворением отмечала, как изменился и похорошел Хаким. «Как он вырос!.. Какие крутые у него плечи! А лоб — открытый, белый, как у Халена. На смуглом, чуть продолговатом лице — добрая улыбка. Как похорошел!.. Или я тогда просто не присматривалась к нему?»

Хаким ни разу не взглянул на Загипу, словно ее вовсе не было здесь. Он разговаривал с Халеном.

Но Загипа не желала мириться с тем, что ее не замечают. Хотя угли под казаном давно уже погасли, она прошла к очагу, пошуровала палочкой в золе и снова направилась в юрту. Стройная, гибкая, она шла медленно, гордо вскинув голову, черные косы змейкой спадали на спину. Но и на этот раз Хаким не повернул головы в ее сторону. Учитель Хален засыпал его вопросами. Хаким отвечал неохотно, вяло, и мало-помалу Хален стал убеждаться, что его бывший ученик почти ничего не знал о том, что именно произошло в городе, не знал ни имен, ни фамилий людей — руководителей Совдепа, которые были схвачены казаками во время переворота и теперь томились в тюрьме. Даже с известным всему народу большевиком Абдрахманом Айтиевым он познакомился только вчера в лавке Байеса. Недовольный ответами Хакима, учитель задумался: «Неужели вся молодежь нынче такая? Ничем не интересуется, ни во что не вникает? Когда мы учились, все было по-другому... С какой жадностью мы читали зажигательные статьи в газете «Единство», в журнале «Шора», Каждое политическое событие в стране мы встречали с большим интересом, спорили и обсуждали в кружках... Удивительно! Или только он один такой?» Хален испытующе разглядывал лицо Хакима. Только одно понравилось учителю в ответе Хакима — стремление продолжать учение.

— Это хорошо,— сказал он.— Лучшего тебе и пожелать нечего. А к Ихласу в Джамбейту нечего ездить, правильно решил. Да поездку к Ихласу, пожалуй, и отец твой тоже бы не одобрил...

Хаким повернулся и случайно взглянул на дверь юрты, возле которой стояли Загипа с Шолпан, и опять, как и несколько часов назад на реке, залюбовался красивой и стройной фигурой молодой женщины. Ее темные волосы были теперь заплетены в тугие косы... Они спадали на спину и, казалось, оттягивали голову. Обтянутая белым ситцевым платьем, поднималась высокая грудь. Хакиму показалось, что Шолпан смотрит поверх его головы куда-то в степь. Он тоже взглянул туда, стараясь узнать, что заинтересовало молодую женщину, но в степи ничего не было видно — зеленая даль убегала к горизонту и там, далеко-далеко, в белесой туманной дымке сливалась с небом. Когда Хаким снова повернулся к девушкам, они стояли все в той же позе. В глазах Загипы светились сердитые огоньки ревности. Встретившись взглядом с Хакимом, она быстро опустила глаза, на бледных щеках вспыхнул румянец. И девушка Загипа и молодая женщина Шолпан — обе были красивыми. Девушка была немного худа, отчего стан ее казался тонким и хрупким, как травинка в поле; округлившаяся с умеренной полнотой фигура молодой женщины привлекала гибкостью; у девушки — бледноватое лицо, большие карие глаза и прямой тонкий нос; на полных щеках Шолпан играет здоровый румянец. Она была более обаятельна, чем Загипа. Во всем облике молодой женщины — в ее фигуре, в движениях рук, в посадке головы и даже в манере смотреть — было что-то привлекательное и приятное, и Хаким невольно почувствовал к ней симпатию.

Застеснявшись учителя, Хаким опустил голову и сделал вид, будто разглядывает заползшего на узорчатую кошму кузнечика. Он стал медленно направлять его на край кошмы, к траве. Глядя со стороны на Хакима, можно было подумать, что все его внимание в эту минуту сосредоточено на кузнечике, но он думал о Загипе и Шолпан. «Обе хороши!.. Как же я раньше не видел их?..»

* * *

Тихи и безветренны летние вечера в безмятежной степи. Один за другим растворяются в сумерках бугорки и холмики, аулы погружаются в блаженную дремотную тишину. Тонкие линии туч окаймляют далекие края неба, тучи все ниже и ниже опускаются к горизонту и сливаются с темной землей, синее небо постепенно линяет, становится бледно-серым, затем иссиня-черным; то здесь, то там вспыхивают первые звездочки, их слабые мигающие огоньки кажутся робкими и далекими, но с каждой минутой они словно опускаются ниже и светят ярче, появляются новые звезды — и уже мириады

огоньков на черном шатре ночи; силуэты дальних юрт, ясно выделяющиеся на закатном небе, неразличимы с землей. Стихает степь, и кажется, что все замирает в ней: люди забираются в юрты от ночной сырости, умолкает в загонах скот. Спит степь в объятиях летней ночи, только иногда шалун ветерок вдруг пробежит над цветущим джайляу, всколыхнув благоухающий разнотравьем воздух, и снова все тихо...

Хаким засиделся у Халена. Едва они успели поужинать, как на степь опустились сумерки, а вместе с ними пришла и ночь. Учитель оставил Хакима ночевать в своем ауле. Он лежал на кошме возле юрты, укрывшись ватным одеялом. Хотя дневная жара, ходьба и продолжительная беседа с учителем утомили его, спать все же не хотелось. Разные мысли приходили в голову. Ему казалось, что он находится накануне каких-то счастливых свершений, но каких — этого он никак не мог себе уяснить; ночные шорохи тревожно бередили душу, он до боли в глазах всматривался в темноту — там, возле соседней юрты, словно кто ходит в белом. Это была юрта вдовы Кумис, где жила Шолпан. «Почему у нее такой равнодушный взгляд? О чем она думала, когда стояла вместе с Загипой у двери юрты?.. Красивая она. И почему это на ее долю выпало такое несчастье — должна жить с девятилетним братом своего умершего мужа? Завянет она, пропадет, пока подрастет мальчик... А ведь она могла бы сейчас осчастливить любого джигита!..» — думал Хаким, жалея молодую женщину.

Не спала в эту ночь и Шолпан.

— Женеше,— окликнула она ворочавшуюся с боку на бок свекровь,— какая родственная близость между предками учителя Халена и хаджи Жунуса? Они могут друг у друга сватать дочерей?

— Астафыралла![1] — испуганно сказала Кумис.— О чем ты спрашиваешь, Шолпан!.. Грех тебе произносить такие слова!— Кумис лежала возле очага, в котором еще теплился огонек, а Шолпан — в глубине юрты со своим будущим мужем — девятилетним Сары. Сары, свернувшись калачиком, давно уже спал безмятежным мальчишеским сном. Темно в юрте, темно во дворе. Кумис была еще далеко не старой женщиной, ей едва-едва исполнилось сорок лет. Она потеряла мужа почти десять лет назад. Сначала тяготилась ранним вдовством, потом свыклась со своей судьбой и все силы отдавала на воспитание своих двух сыновей. Когда старшему исполнилось восемнадцать лет, она засватала за него Шолпан. Через год он умер, и Шолпан осталась вдовой. Она оказалась в еще худшем положении, чем когда-то Кумис. Все взрослые жители

[1] Астафыралла — упаси боже!

аула, следуя дедовским обычаям, единодушно решили, что Шолпан должна ждать, пока подрастет Сары, и затем стать его женой. Но смелая и упорная, умеющая постоять за себя, Шолпан не хотела мириться с таким положением. Поговорив с родителями, она отправилась за советом к учителю Халену.

— Вы, кайнага, защитник вдов и сирот! Кроме вас, мне больше некому рассказать свое горе. Вы правильно поймете меня и посоветуете, что делать. Скажите: ждать мне, пока подрастет Сары, жертвуя молодой жизнью, или можно считать себя вольной, свободной птичкой, какой я была до замужества?

Хален не решился ответить сразу, он обещал подумать и попросил Шолпан зайти через несколько дней. Учитель не желал идти против старых степных обычаев не потому, что был убежден в их справедливости,— просто не хотел обижать стариков аула. Когда снова пришла Шолпан, он сказал ей:

— Потерпи, светик, еще немного, я не успел со всеми переговорить. Я не могу один решить твою судьбу, да и не имею на это права. Что скажет Кумис?!..

Вскоре учитель собрал у себя стариков и завел разговор о Шолпан. Старики ни в какую не соглашались нарушить степной обычай. «Шолпан должна стать женой Сары, и все!»— сказали они и разошлись. Как ни жаль было Халену молодую несчастную вдову, он ничем не мог ей помочь. Шолпан хотя внешне, казалось, смирилась — жила у Кумис и считалась ее снохой,— но в глубине души продолжала лелеять надежду на лучшее будущее. Она ждала только случая. Между тем словоохотливые женщины аула сочиняли про нее разные сплетни. Говорили, будто она собирается выйти замуж за Аманкула и что даже старая Кумис не против этого брака. Некоторые добавляли, что именно сама Кумис хочет, чтобы Шолпан завлекла Аманкула и привела в дом,— в хозяйстве нужны мужские руки. На самом же деле было далеко не так: когда до Кумис дошли эти нехорошие разговоры, она огорчилась и отругала сноху.

Шолпан, с юных лет познавшая горестное слово «вдовушка», злилась на свою судьбу и страстно жаждала настоящей жизни. Когда сегодня на реке, купаясь, она впервые увидела Хакима, взволнованно и тревожно забилось ее молодое сердце.

— Ну вот и прилетел желанный сокол. Только к кому он на руку сядет?! — как бы между прочим сказала она, возвращаясь с купанья вместе с девушками в аул.

По-разному реагировали девушки на ее слова: Зада весело рассмеялась, а Загипа побледнела.

— Чего бледнеешь? Думаешь, к тебе прилетел? — спросила Шолпан у Загипы, стараясь придать своим словам шутливый тон. Но шутки не получилось.— Бледнеешь?.. А если бы довелось нам с тобой быть соперницами, а? Да ты, вижу, уже сейчас ревнуешь. К кому? Он же твой родственник!..

Загипа вздрогнула, словно кто вдруг прижег ей спину горящей головешкой. Немного высокомерная и злопамятная, она не умела скрывать свои чувства. Слегка запрокинув голову, Загипа гордо ответила:

— Ну и что ж, что родственник? Родство у нас дальнее, и мы, по шариату, можем быть вместе!..

Дальше шли молча. До самого аула ни Шолпан, ни Загипа не произнесли ни одного слова. Весь остаток дня до наступления вечера Шолпан была задумчива и печальна. «Как же так, Загипа, эта болезненная Загипа счастливее меня, что ли?.. Чем же я провинилась перед аллахом?..»

Вот почему теперь, когда над степью дремала ночь, Шолпан лежала с открытыми глазами. Она думала все о том же — правду ли сказала Загипа, действительно ли шариат разрешает им быть вместе?

— Женеше,— приподнявшись на локте, снова обратилась Шолпан к свекрови,— по-вашему, грешно даже спрашивать об этом, а вот сестра учителя Загипа говорит совсем другое: «По шариату, говорит, Хаким вполне может жениться на мне». Откуда она это знает? Наверное, ей Хален рассказал?

— Ты что, Шолпан?!..— с ужасом проговорила Кумис.— Сон видишь? Или на самом деле что-нибудь слышала сегодня? Я впервые от тебя слышу, чтобы потомки Баркина сватали друг у друга дочерей!.. О аллах, спаси нас, грешных! Конец света приходит, что ли? Да если твои слова дойдут до старика Жунуса, непоздоровится нам, ой непоздоровится!..

Шолпан тихо вздохнула: «Кто знает?..»

* * *

На следующий день в местечко Кольтабан, расположенное в двух верстах от аула Халена, перекочевала семья хаджи Жунуса. Учитель решил помочь хаджи устанавливать юрты и послал в Кольтабан жену Кубайры с дочкой, Макку и Загипу. К ним присоединилась и Шолпан.

Было позднее утро, когда люди приступили к работе. Старик Жунус, указав место, где нужно ставить юрты, отправился отдыхать к Халену. Женщины энергично принялись распаковывать тюки. Тут же были Нурым и Хаким. Они помогали привязывать уык [1], натягивать на него кошмы.

[1] Уык — тонкие изогнутые палки, из которых делают свод юрты.

Работали весело, шутили и смеялись. Незаметно к полудню над травой поднялась большая юрта хаджи, а затем отау [1] и другие. Высокий и черный, похожий на турка, большеносый весельчак и остряк Нурым обычно грубо и открыто шутил с Шолпан. Пытался он заигрывать с ней и сегодня. Но Шолпан не отвечала на шутки, держалась все время возле старух, и было как-то странно видеть ее грустной и сосредоточенной. Хаким с самого утра наблюдал за ней, глядя на ее красивое круглое лицо и гибкий стан, испытывал тревожное волнение. Хотелось подойти и поговорить с ней, но он робел, стеснялся. Несколько раз неожиданно оказывался рядом с ней, слышал ее дыхание, шелест платья. Шолпан же ни разу не взглянула на него. Как только Хаким поворачивал голову в ее сторону, она сейчас же пряталась за пожилых женщин, помогая им стягивать остов юрты баскуыром [2]. Когда все было закончено и хозяева и гости сели пить чай, Шолпан опять, против обыкновения, держалась степенно и скромно, ни разу не заговорила при старших, выпив только одну чашку чаю, тут же перевернула ее вверх донышком, вежливо поблагодарила хозяев и принялась помогать Балым убирать и расстанавливать вещи в юрте. Старуха была немало удивлена поведением Шолпан. «А говорили, что она — ветреная!.. Ничего подобного, она очень скромная и умная женщина...»

Вечером учитель Хален заколол семимесячного баранчика и пригласил всю семью хаджи Жунуса на ерулик [3]. Ужин был сытным, и гости, плотно покушав, наслаждались вечерней прохладой и вели степенную беседу.

У хаджи Жунуса хорошее настроение. Он был доволен просторным летним пастбищем и тучными травами, где расположил свой аул; гостеприимство и приветливость учителя еще больше подняли настроение, и он охотно поддерживал беседу. Разговор зашел о Шугуле, и старик вспомнил поездку на жумгу-намаз.

— Этот задира хаджи Шугул, чтобы унизить меня, сказал: «Ты — бальшебек. И твой Хален — тоже бальшебек!..»

Учитель Хален с интересом расспросил у Жунуса обо всем, что произошло на жумге-намазе. Его очень обрадовало то, что народ потребовал преобразовать одно из медресе в школу.

---

[1] Отау — юрта для молодоженов.

[2] Баскуыр — сотканная из шерсти узкая лента, которой стягивают остов юрты.

[3] Ерулик — угощение в честь соседа-родственника, перекочевавшего на джайляу.

— Это замечательно! Для подготовки хари[1] хватит и одного медресе. Надо во что бы то ни стало добиться преобразования медресе в школу. Да, что же вы ответили Шугулу, когда он назвал вас большевиком? Наверное, вспомнили его паломничество в Мекку?

— Ничего не вспоминал. То, что нужно было сказать, само подвернулось на язык. Я так ему ответил: «Если я бальшебек, то ты меньшебек!» Правильно я сказал? Ведь ты же сам говорил мне, что меньшебеки — это смутьяны, которые натравливают людей друг на друга, чтобы дрались между собой.

Обычно Хален почти никогда не смеялся громко, но сейчас он рассмеялся так закатисто, что в глазах появились слезы.

— Хорошо, хорошо ответили ему,— сквозь смех проговорил учитель.— Даже немного мягко... А я думал, вы выкинете его из мечети, ведь вы же когда-то грозились сбросить его с парохода в море?

Плечи старика Жунуса тихо вздрагивали — он тоже смеялся.

— Откуда ты об этом узнал, Хален? — спросил он и, не дожидаясь, что ответит учитель, сам начал рассказывать: — Наверное, Орынбек?.. В том году из нашего края трое ездили молиться Каабе[2] — Шугул, Орынбек и я. Все началось из-за скверного характера Шугула. Ведь он никогда не соглашается с тем, что ему говорят, обязательно сделает все наперекор. Если ему скажешь: «Шугул, принеси вон ту вещь сюда»,— он непременно оттащит ее еще дальше. К тому же язык у него ядовитее, чем зубы у змеи, того и гляди ужалит. Как только мы отправились в путь, я сразу же сказал Орынбеку: «Я не могу быть вместе с этим человеком!..» Но Шугул, видимо, сам догадался о моем намерении и присоединился к другой группе паломников, кажется из города Акберлы и Тукиш. В общем, отдельно от нас и ел и спал. Как только сели на пароход и вышли в Черное море, у всех от качки началась морская болезнь. Паломники, схватившись за животы, катались по палубе, как просо, их тошнило и рвало. Только глядя на них, можно было сойти с ума. Однако меня не рвало. Сначала, правда, немного голова закружилась, а потом ничего, все прошло. Я стал ухаживать за паломниками: уложил их на койки, принес воды. Больше всех рвало и мучило Шугула. До того закачало его, что он лежал на полу почти без

[1] Хари — мулла, наизусть знающий весь Коран.

[2] Кааба — черный камень, висящий без подпорок над входом в одно из зданий Мекки. В этом мусульмане видят его чудотворство. Очевидно, камень притягивается магнитом.

памяти. Жалко стало его, подошел к нему, чтобы помочь, да возьми и скажи в шутку: «Поехал очищать совесть, а, выходит, вперед желудок очистился!..» Обиделся, посмотрел на меня своими волчьими глазами и говорит: «Приторочить бы тебя к седлу разбойника-бедуина, тогда одним сумасбродом меньше станет у нас на Анхате». А я ему: «Пока ты меня приторочишь к седлу разбойника-бедуина, я отправлю тебя за кольцом Сулеймена!..»[1] — и бросился было с мешком к нему. Испугался, сразу выздоровел — так проворно шмыгнул под койку Орынбека, что только и видели его. На море мертвых кладут в мешок и бросают в воду. Шугул, видно, подумал, что и с ним поступят так же...

Беседа длилась до полуночи. Потом совершили тарауык[2], попили кумыс и разошлись по домам.

Вместе с родителями был в гостях у Халена и Хаким. Когда старики приступили к чтению тарауыка, он ушел с джигитами и девушками играть в ак-суек[3]. Ни Загипы, ни Шолпан не было на лужайке. «Неужели ни одна из них не придет?..»— с грустью подумал Хаким. Он то и дело посматривал на юрту вдовы Кумис. С молодыми джигитами и девушками-подростками играть было скучно, и он наконец не выдержал и вернулся в аул. Когда проходил мимо юрты вдовы Кумис, чей-то тоненький женский голос окликнул его:

— Кто это ходит вокруг нашей юрты и подкарауливает?

Хаким вздрогнул. «Это голос Шолпан! Несомненно, это ее голос!..» Но все же, чтобы окончательно убедиться, он пригнулся и стал разглядывать в темноте фигуру женщины.

Шолпан возвращалась с реки с двумя полными ведрами воды.

— Это ты, Шолпан?

— Да.

— Почему не позвала меня, вместе на реку сходили бы.

Шолпан ничего не ответила, продолжала идти.

— Выходи, Шолпан, будем играть в ак-суек.

— Поздно уже. Да и не такие наши годы, чтобы играть в ак-суек.

— Не поздно еще.

Хаким замолчал. Все случилось так неожиданно, что он не знал, что еще сказать Шолпан, чтобы задержать ее хоть

---

[1] По преданию, пророк Сулеймен обладал волшебным кольцом, с помощью которого правил миром. Никто не мог найти этого кольца. Сулеймен его надежно спрятал. «Отправить за кольцом Сулеймена» в переносном смысле означает — отправить туда, откуда человек не возвращается.

[2] Тарауык — молитва, которая читается во время поста всем аулом или отдельными семьями.

[3] Ак-суек — название игры (дословно: белая кость).

на минуту. Пока он подыскивал слова, молодая женщина была уже возле двери. Не оборачиваясь, она только чуть пригнулась, отодвигая полог, и скрылась в юрте.

Идти к Халену в такой поздний час было неудобно. Домой возвращаться тоже не хотелось. Он постоял еще немного, прислушиваясь к ночным звукам степи, затем присел на корточки и оглянулся вокруг. Было слышно, как Шолпан устанавливала ведра в юрте, как тарахтела посудой и о чем-то негромко разговаривала со свекровью. Вдруг Хакиму показалось, что полог над дверью юрты приоткрылся и кто-то вышел. Он еще пристальнее стал всматриваться во тьму, но никого не было видно. «Почему она не остановилась? Не захотела поговорить со мной? — подумал Хаким.— Ничего не сказала: выйдет или нет? Не может быть, чтобы она легла спать, выйдет!..»

Оставаться возле юрты было неудобно, да и опасно, может кто-нибуть увидеть, и потом пойдут разные нехорошие толки. Хаким решил отойти к котану[1] — там темнее и удобнее ждать.

Юрты аула Халена были расставлены широким полукругом, как бы ограждая с трех сторон площадку, на которой располагался на ночь скот. Невдалеке от котана, где притаился Хаким, лежали коровы. За день вдоволь наевшись травы на богатых пастбищах, вдосталь напившись студеной воды из Анхаты, они теперь отдыхали, пережевывая жвачку и пуская с влажных губ тягучую слюну. Слышно, как они тяжело-тяжело вздыхают и шершавыми языками чистят ноздри и лижут свои бока. Тут же, сбившись в сплошные темные комки, дремлют овцы. Неожиданно вскочил ягненок и жалобно заблеяв, стал тыкать мордочкой в пах матери.

Безмолвно в степи ночью. Притих говор в плотно закупоренных юртах: задернуты дверные пологи, опущены вниз кошмы, закрыты дымовые отверстия, давно погасли еле светившиеся красноватые огоньки керосиновых ламп. Над аулом шумно пролетели утки, и снова тихо.

Казалось, прошло много времени, а Хаким все продолжал сидеть возле котана. После шумного города, после тех тревог и волнений, которые ему пришлось пережить в последнюю неделю пребывания в Уральске, теперь было приятно ощущать тишину и покой ночной степи. Хаким вспомнил Амира. «Если бы Амир увидел меня здесь»,— подумал он и усмехнулся. Бросив еще раз короткий взгляд на юрту вдовы Кумис, Хаким поднялся и медленно зашагал с своему аулу.

---

[1] Котан — открытый загон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Норовистая вороная кобылица и сегодня не желала подходить к жели — веревке, протянутой между двумя большими кольями, к которой привязывают жеребят-сосунков. Вытянув шею, она стремительно мчалась в степь. Почти на целый аркан впереди нее скакал жеребенок. Жумай на рыжей лошади старался догнать их и завернуть к косяку, но это ему не удавалось. Мальчик изо всей силы нахлестывал лошадь, кричал и дергал повод, но рыжая была гораздо слабее вороной и с каждой минутой все отставала и отставала от беглянки.

— На камчу нажимай!.. Камчой ее, камчой стегай!..— сердито ворчал Асан, размахивая куруком [1].

— Хорошо стоять возле жели и покрикивать: «Стегай. стегай!» — съехидничал стоявший рядом Кубайра.

— Вон Хален вышел,— перебил Кубайру Асан, указывая куруком в сторону юрты учителя. Хален стал седлать серого коня, намереваясь, очевидно, ехать в степь и помочь мальчику подогнать кобылицу к жели.

— Пойди-ка, Асан, сядь сам на серого и пригони вороную с жеребенком. Неприлично же учителю, человеку степенному, гоняться в степи за кобылицей...

Асан торопливо подошел к учителю, взял у него серого и, вскочив в седло, поскакал в степь. Вскоре вороную удалось подогнать к жели. Асан стреножил ее, а жеребенка, поймав куруком, привязал к веревке. Женщины начали доить кобылиц, мужчины же, постояв еще немного, отправились в юрты, так как уже начинало припекать солнце. Кубайра и Асан, всегда помогавшие Халену в хозяйстве, пошли к учителю пить кумыс. Они сели на кошме, поджав под себя ноги. Макка поставила перед ними наполненные приятным холодным кумысом деревянные чашки — тостаганы. Асан почти залпом осушил свой тостаган и крякнул от удовольствия. Белые капельки кумыса повисли на рыжих усах.

— Кажется, кто-то подъехал к юрте,— сказал он, медленно приподнимая туырлык [2] и всматриваясь. Спешившихся возле юрты всадников было видно плохо, и Асан никак не мог узнать их.— Кажется, старшина Жол приехал, вроде его чекмень... С ним какие-то люди в шинелях... Сюда идут!..

Возле юрты послышались торопливые шаги. Дверной полог дрогнул, и на пороге появились люди.

---

[1] Курук — шест с петлей для ловли лошадей.

[2] Туырлык — кошма, прикрывающая низ юрты.

Двое из вошедших были военными, за плечами у них — винтовки, на поясных ремнях — подсумки с обоймами. Третий — старшина Жол — одет в просторный темный чекмень, с руки у него свисала плетка. Военные молча, неприветливо оглядели юрту. Асан и Кубайра недоуменно переглянулись, не зная, что делать и что говорить; учитель, казалось, был совершенно спокоен, ни один мускул не дрогнул на его лице, он продолжал лежать на подушках и равнодушно выжидать, что скажут вошедшие. Черенолицый военный в упор рассматривал Халена.

Старшина Жол топтался у порога. Ему, как видно, было неудобно за своих спутников, что они, войдя в юрту, даже не поздоровались с хозяевами. Он шагнул вперед и торопливо проговорил:

— Здравствуйте!

Асан и Кубайра встрепенулись, стали отодвигаться в сторону, освобождая почетное место для гостей.

Хален степенно ответил:

— Проходите, садитесь, милости просим!

Всегда сдержанный и спокойный, учитель медленно вынул из-под локтя подушку, на которую облокачивался, и отодвинул ее в сторону. Он смотрел на вошедших, изучая лица, стараясь прочесть в их глазах, зачем они приехали.

Представительный вид хозяина и скромное, но довольно красивое убранство юрты, казалось, несколько удивили и обескуражили военных. Привыкшие бесцеремонно врываться в чужие юрты, грубо покрикивать на людей, везде и всюду себя чувствовать хозяевами, они не знали, как вести себя здесь — не у бедного и не очень богатого, но, очевидно, уважаемого в округе человека: то ли пройти на почетное место, куда пригласил их хозяин, то ли примоститься где-нибудь с краю, у стеночки. Учитель заметил смущение вошедших, но не подал вида. «Эх, бедные джигиты,— подумал он,— пасти бы вам овец, косить сено, собирать урожай... Были бы вы добрыми, хорошими людьми. А сейчас — что из вас сделали? Как быстро меняется человек, стоит только дать ему в руки оружие и одеть на него форму,— высокомерия хоть отбавляй. Дико и нелепо, когда человек перестает быть самим собой. Бедняги, хоть бы винтовки правильно умели держать. А пряжка, пряжка-то у этого рыжего — совсем сползла под живот... Эх, несчастные вояки, и портянки торчат из сапог...» — думал Хален, глядя на рыжебородого казаха-военного, и тот, почувствовав на себе оценивающий взгляд учителя, еще больше забеспокоился.

— Проходите, проходите! — повторил приглашение Хален.— Откуда едете, старшина?

— Из Кзыл-Уйя... Едем набирать лошадей и джигитов,— сказал Жол, представляя военных учителю и знаками давая понять ему, что надо как можно радушнее принять их.

Учитель в знак согласия кивнул головой:

— Проходите, джигиты!

Жол, топчась позади военных, продолжал подавать учителю знаки: «Приглашай, приглашай лучше!..» Хален отвернулся и стал прислушиваться к голосам, раздававшимся за стеной юрты.

— Там кто-то из ваших остался? — спросил он у Жола.

— Жагалбай с конями... Знаете Жагалбая? Он добровольно, с согласия аксакалов, записался на службу...

Один из военных, чернолицый и черноволосый, которого старшина назвал Сары, снял с себя винтовку, прислонил ее к стене юрты и, неуклюже прошагав по кошме, сел рядом с Кубайрой. Другой, рыжебородый, выше ростом, плечистый и старше по возрасту, тоже скинул с плеча винтовку.

— Проходите сюда,— пригласил его Кубайра, указывая на место рядом с учителем.

— Мне и здесь хорошо,— буркнул рыжебородый, усаживаясь между Кубайрой и Асаном.

Несколько минут в юрте царило молчание. Первым нарушил его Асан. Он обратился к Жолу:

— Как поживаете, старшина, все ли благополучно дома?

— Слава аллаху, пока что идет все хорошо. А как ты, Асан, поживаешь? Как вы, Халеке, дай аллах вам счастья на новом месте! Слышал я, что вы совсем недавно перекочевали на джайляу?

— Недавно, недели полторы назад... Как у вас дома, как здоровье вашей суженой Бактылы? — в свою очередь спросил Хален.

— Да, да, как здоровье Бактылы? — Макка продолжала перебалтывать кумыс в сабе.

— Дай-ка я сам займусь кумысом, а ты, Макка, пойди поставь самовар,— сказал Хален жене и, обращаясь к гостям, добавил: — У вас, наверное, найдется время отобедать, а?

— Пожалуй, можно будет и перекусить, слава аллаху, дни сейчас длинные,— поспешил вставить Жол. «А то еще эти тупоголовые вояки возьмут да откажутся»,— подумал он, вопросительно посмотрев маленькими, как кнопки, хитрыми глазами на военных.— Только нельзя ли как-нибудь поскорее,— добавил старшина. Он заметил висевшее над кобеже (деревянным сундуком, предназначенным для хранения продуктов) жирное подсоленное баранье мясо. «Да и кобеже не пуст...» — подумал он, оценивающе глядя на емкий сундук.

— Нет, нет,— возразил черноволосый Сары,— большое спасибо за приглашение, но мы — люди военные, и нам никак нельзя задерживаться. Выполняем срочное задание. Вот только кумыса отведаем и двинемся дальше. Мы бы и не заехали к вам, если бы не старшина, это он притянул нас сюда... А ты, старшина,— Сары резко повернулся к Жолу,— брось эти разговорчики: «Дни длинные...» До сих пор не сумел собрать ни коней, ни джигитов, ни денег!.. Смотри, отвечать придется!

Сары все больше и больше осваивался с окружающей обстановкой и, уже не стесняясь, начал говорить громко и грубо. Правда, он прикрикнул на старшину, но это встревожило не только Кубайру и Асана, но и учителя. Удивленно и испуганно посмотрела на черноволосого и Макка.

Заметив, как гордый и самолюбивый, привыкший только повелевать старшина Жол беспомощно съежился от слов Сары, Кубайра нагнулся к уху Асана и прошептал:

— Смотри: поджал хвост старшина, как побитая собака.

Но старшина Жол ежился не столько от угроз черноволосого, сколько оттого, что тот отказался от обеда. Так аппетитно пахло мясом и копченой конской колбасой — казы, что у старшины текли изо рта слюнки. Он предвкушал вкусный обед, но Сары неожиданно лишил его этой возможности.

Между тем Хален, наполнив белым ароматным кумысом принесенные женой тостаганы, подал их гостям.

— Присаживайтесь поближе к дастархану, — пригласил он.— День нынче жаркий, пить хочется. Вот и выпейте прохладного кумысу.

Гости почти залпом выпили кумыс, жажда давно уже мучила их. Жол пил крупными глотками, жадно, словно готов был проглотить сразу всю чашку. Хален снова наполнил тостаганы и поставил их перед гостями.

— Давно ли на службе? — спросил он у рыжебородого.— Родом откуда?

— Служим с самой весны. Бугонтайцы мы,— ответил военный, и на лице его появилась теплая улыбка.

— Мне кажется, я где-то вас встречал. Не в Джамбейте ли живете?

— В прошлом году работал там базарным. Я — сын Маймака, меня зовут Сарсен.

— Да-а, — протянул Хален,— не базарным, наверное, потому что там третий год базарным работает Шымыр. Я его отлично знаю. А вы — не тот ли самый джигит, что частенько вместе с Шымыром по базару ходил?

Маймаков не нашелся что ответить и, чтобы скрыть свое смущение, снова принялся за кумыс. Осушив до дна тостаган, он отставил его в сторону и крикнул на старшину:

— Заканчивай поскорее здесь свои дела и едем дальше!

Жол недовольно почмокал губами и встал.

— Халеке,— сказал он, в упор глядя на учителя,— получено распоряжение: в три дня с каждого очага собрать налог. Сегодня мы будем в ауле Сагу, завтра в других аулах. Послезавтра снова вернемся сюда. Постарайтесь, чтобы в вашем ауле к этому времени весь налог был собран. Да еще вот что: надо подготовить списки джигитов, годных к службе. Таково требование Кзыл-Уйя. Сделайте так, чтобы джигиты записывались добровольно. Пусть берут пример с Жагалбая, сына Байназара. Он добровольно записался и нисколько не жалуется на службу. Сородич хаджи Каримгали тоже записался. Обо всем этом, что я сейчас сказал вам, вы должны рассказать хаджи Жунусу, пусть и его аул готовится...

— Я лично не собираюсь платить какие бы то ни было налоги,— тихо, но решительно заявил Хален.— Вы прекрасно знаете, что сельские учителя не платят налогов. Мои обязанности — учить детей, а не налоги собирать. Я не нанимался к вам, старшина, в помощники. Да и возраст у меня уже не такой, чтобы быть на побегушках. Кроме того, я вообще против всяких незаконных налогов, которые особенно в последнее время так щедро стали взимать с населения. Если вы затеяли это бесчестное дело, доводите его до конца сами. Хаджи Жунусу я тоже передавать ничего не буду, поезжайте сами к нему.

Во время этого разговора в юрту вошел Кадес. Как и все жители окрестных аулов, он недолюбливал Жола. Теперь, услышав его распоряжение о сборе налогов, решил подшутить над ним.

— Ты сам знаешь, старшина, что мы мирные, кроткие бедняки,— начал он, заговорщически подмигнув Кубайре.— Мы всегда рады встретить почетных гостей и помочь им в любом деле. Вы говорите, что вернетесь к нам через три дня. Хорошо, все эти три дня мы готовы беседовать с людьми, чтобы они к сроку сдали налог и записались на службу. Мы и сами тоже должны заплатить налог. Но для этого нужны деньги. Ареш и Кубеке давно уже собираются отвести кое-какой скот на базар и продать его. Да и я хочу продать шесть-семь овечек. Мы ничего не пожалеем для нашего Джамбейтинского правительства, только бы продать скот. Заплатим налог сполна. Только вот беда, на базар-то нынче опасно выводить скотину, говорят, ее отбирают там и ничего за нее не платят. Написал

бы ты нам, старшина, бумажку, а? Чтобы никто нас не трогал. Печать при тебе?

— Это верно, мы давно уже собираемся повести скот на базар,— подхватил Кубайра.— А бумажка нам крайне нужна, без нее ехать в город нельзя. Недавно я разговаривал с людьми из Уйректы-Куля, так они ни в коем случае не советуют ехать в город. Отберут, говорят, у тебя лошадь и дадут бумажку: «Взята в армию». А зачем нам, степным людям, бумажка, нам конь нужен. Это все равно что ты сейчас снимешь с меня шапку, а взамен выдашь бумажку. Скажи, разве бумажка заменит мне шапку? Нет, конечно. Так что давай нам, старшина, такое разрешение с печатью, чтобы никто в городе нас не тронул.

Жол молча, исподлобья поглядывал на Кадеса и Кубайру. Молчали и оба военных.

— Как будет платить налог Каипкожа? — сокрушенно покачал головой Асан.— Ведь у него всего-навсего во дворе одна старая кобыла. Хорошо, если удастся продать ее, а то отберут и ни копейки не заплатят...

— Да, Каипкожа в очень тяжелом положении, почти при смерти,— добавил Кадес.— Умрет старик, если его единственного сына заберут на службу!..

— Есть ли на этом свете страна, где с людей не берут налоги? — воскликнул Асан. Это была его заветная мечта.

— Довольно разговоров,— грубо оборвал Асана рыжебородый, щелкнув камчой по голенищу сапога.— Слушайте: если послезавтра не сделаете, что велено, не ждите от меня добра!

2

Глядя на молодую, только что народившуюся луну, плывшую рожками вверх по синему вечернему небу, старики сокрушенно покачивали головами: «Засушливый месяц будет, жаркий!..» Предсказания стариков сбылись: за весь месяц не появлялось в небе ни одной тучки, ни разу не было дождя, даже росы не выпадали, зато солнце палило неимоверно сильно, словно кипятком обливало притихшую степь.

Начало знойной поры лета совпало как раз с окончанием уразы. Небо выцвело, стало неприветливым, белесым, мутным, развеялись устели-поле, выгорел типчак, темная полынь стала светло-бурой. По вечерам, когда к аулам сгоняли скот, над юртами поднимался серый туман пыли. Иногда налетали степные вихри, и тогда столб пыли поднимался высоко в небо и надолго застывал в одном положении.

В полдень, в самые знойные часы, атаны[1] с крутыми горбами и верблюдицы устремлялись к золе и пыли. Защищаясь от назойливой мошкары и мух, они беспрерывно махали головами. Животные разыскивали потухший костер или старый, давно заброшенный очаг, разгребали золу своими огромными ступнями и ложились в нее, переворачиваясь то на один, то на другой бок. Если не было поблизости затухших очагов, верблюды ложились в дорожную пыль.

Кобылицы, спасаясь от жары и оводов, сходились к жели, здесь же рядком располагались жеребята. Овцы сбивались в кучи, целыми гуртами неподвижно стояли они, опустив вниз голову и покачиваясь, издали они похожи на оре[2], застланное сплошными рядами курта. В аулах тихо, словно замерла жизнь. Лишь изредка появляются женщины с кожаными конеками[3], наполненными сладковатым кобыльим молоком. В жару люди отсиживаются в юртах и пьют прохладный кумыс, ведут степенные беседы и только с наступлением вечера выходят в степь.

Хаджи Жунус велел приподнять кошму, прикрывавшую низ юрты, и потолще застелить пол свежим, зеленым тростником. После того как все было исполнено, Жунус вошел в юрту, снял с себя верхнюю одежду и, оставшись в нижнем белье, лег на разостланное тонкое одеяло. Под локоть он подложил мягкую пуховую подушку. Лежа на боку, он задумчиво расчесывал своими холеными пухлыми пальцами почти седую редкую бороду. Тростниковая подстилка и небольшой сквозняк приятно освежали в юрте воздух. Хаджи потягивался от удовольствия, поглаживая круглый, внушительный живот.

Так старик Жунус спасался от зноя во время изнурительной сорокадневной летней жары. Тростниковую подстилку сменяли в его юрте два раза в день. Тяжелые зеленые снопы тростника приносили с реки младший брат Жунуса Бекей и старший сын Нурым. Они безропотно выполняли эту обязанность, словно религиозный обряд.

Хаджи не был тщеславным, но любил когда к нему обращались с почтением, соглашались с ним, говоря: «Вы правильно сказали, хаджи-еке!» Не терпел старик Жунус, когда ему перечили, но и не уважал льстецов с их поклонами и сладкими речами.

Теперь, лежа на свежем тростнике и наслаждаясь прохладой, хаджи думал о том, какая будущность ожидает его сыновей. Он любил их крепкой отцовской любовью, заботился

---

[1] Атан — кастрированный двугорбый верблюд.
[2] Оре — навес для сушения курта.
[3] Конек — посуда из кожи, предназначенная для дойки кобыл.

об их образовании, делал все, чтобы выросли они настоящими, умными джигитами, но в сердце старика вкрадывалась какая-то смутная тревога — неспокойно было в степи, народ волновался, предчувствуя большие перемены. «Может быть, они станут такими умными и всеми уважаемыми учителями, как Хален, может быть — адвокатами, как Бахитжан?.. Может быть.. Но где теперь им учиться? В Петербург закрыт проезд, в Оренбург — тоже, и даже в Теке сейчас ехать далеко не безопасно. Кругом одни раздоры...— мысленно рассуждал Жунус.— Правительство в Қзыл-Уйе и не думает об учении детей. Если так пойдет дальше, то, пожалуй, сбудутся слова Халена: «Ханское правительство ни за что не сможет создать валаят!..» [1]

— Хален умно толкует,— вслух заключил хаджи.

— О чем он умно толкует? — спросила Балым. Она сидела в теневой стороне юрты возле самой решетки и сучила нитки.

— Это я просто так сказал,— спохватившись, недовольно буркнул хаджи.

Балым, окончив сучить нитки, достала иголку и попросила сына:

— Адильжан, твои глаза острее, продень, пожалуйста, нитку в иголку!

Мальчик сосредоточенно мастерил удочку, свивая из жестких длинных волос, надерганных из конского хвоста, леску. Он даже не посмотрел на мать — насупил брови и еще сильнее запыхтел, недовольный тем, что его отрывают от «серьезного дела». Балым держала в протянутой руке иголку и нитку. Адильбек нехотя отложил незаконченную леску, лениво поднялся и подошел к матери.

— Гляди-ка, как штаны-то порвал! Неужели ты не можешь подобрать их повыше? Посмотри на других ребятишек, какие они аккуратные, а ты?! Снимай, заштопаю сейчас,— сказала Балым, глядя на изорванные штанишки сына.

— Подожди, мама, мне некогда,— возразил Адильбек.

— Чего ждать, что значит некогда?.. Неужели тебе нравится ходить оборванцем? Снимай сейчас же, починю,— уже строже добавила мать.

— Да как же я буду сидеть без штанов? — упрямился мальчик.

— Ничего, посидишь. Накинь пока на себя бешмет Алибека,— настаивала Балым.

---

[1] Валаят — государство.

Мальчик проворно скинул с себя штаны из кумачового ситца с изорванной до бедра правой штаниной и, скомкав их, бросил матери.

— Тише, тут котел с молоком стоит! — сердито прикрикнула Балым на сына. Она обернулась, подняла упавшие рядом с котлом Адильбековы штанишки и принялась чинить.

Адильбек, обидчиво надув губы, снова вернулся к своему «серьезному делу». Старик Жунус, искоса поглядывая на своего сына — упрямого и озорного мальчишку, улыбался.

— Где ты набрал конского волоса? — вдруг строго спросил он.

— Это не от нашей лошади. Вчера приезжал Сулеймен, кобыла его стояла на привязи. Пока он сидел у нас в юрте, я подкрался к кобыле и надергал,— ответил мальчик, нисколько не робея перед своим строгим и суровым отцом.

«Сорванец, шалун!..» — подумал хаджи Жунус о сыне. Невольно вспомнились шаловливые проделки Адильбека. Он рос упрямым и капризным мальчиком, был обидчив, мог сердиться, как взрослый, а главное, не боялся ни угроз, ни побоев, делал то, что ему хотелось. Скажут ему: садись сюда, поближе,— он назло пересаживается дальше от дастархана; скажут: не озоруй, не крутись через голову, мозги свихнешь — ни за что не остановится, с еще большей живостью продолжает свое дело. Однажды кто-то из домашних, желая отучить его от этой дурной привычки, поставил сзади его широкое деревянное блюдо с кислым молоком и сказал:

— Смотри, Адильбек, не крутись через голову, сзади тебя кислое молоко стоит, разольешь...

Адильбек молча выслушал предупреждение и тут же, не говоря ни слова, повалился на спину и разлил молоко... Но и это не отучило его от нехорошей привычки делать все наперекор. Старик Жунус вспомнил этот случай и усмехнулся. Полузакрыв глаза, он снова начал думать о будущности своих сыновей. «Хаким — умный, сдержанный и спокойный,— мысленно рассуждал хаджи.— Алибек — тоже очень способный мальчик, но слишком застенчив и мечтателен, а этот сорванец — смел и отважен. Он-то наверняка пробьет себе дорогу. Покойный отец говорил мне: «Когда тебе был год, тебя полуживого вынесли из пылающей юрты... Спасся от смерти, теперь будешь жить долго, достигнешь своей цели...» Предсказания отца сбылись, слава аллаху, был богат, да и сейчас имею кое-какое состояние. В Мекку ездил, мощам пророка поклонялся, уважают меня в округе, считаются с моим мнением. Аллах дал мне сыновей, и все они пока живы и здоровы. А ведь трое из них так же, как и я, чуть не погибли.

Хаким тонул в реке, за Алибеком и Адильбеком бура гонялся... Возможно, что они тоже будут жить долго и достигнут своего...» Об одном мечтал хаджи Жунус — чтобы его сыновья стали такими, как Хален и Бахитжан. Учитель и адвокат представлялись Жунусу самыми достойными людьми степи, которых уважал не только он, хаджи, а весь народ, все жители дальних и ближних аулов. Старик преклонялся перед их умом, верил им и часто обращался к ним за советом. Это Хален посоветовал ему отдать Хакима учиться в русско-киргизскую школу, Хален доказывал ему, что только образование принесет счастье молодому джигиту.

— Наши женщины месяцами из бараньей шерсти прядут пряжу,— часто говорил учитель.— Это очень долгий и изнурительный труд. А потом из пряжи ткут мешки — тоже дело тяжелое и долгое. Вот смотри...— он показывал полосатый домотканый мешок для продуктов.— А теперь посмотри на мой костюм, он тоже соткан из шерсти. Шерсть расчесывали, пряли ее и ткали из нее сукно машинами. Да и шили этот костюм тоже на машине. Но чтобы управлять машиной, надо много учиться. Вот и нужно посылать детей в школы, чтобы они все умели делать.

Много узнал хаджи Жунус от Халена. Часто учитель давал старику дельные советы по хозяйству. Он уговорил Жунуса купить сенокосилку, и хаджи был теперь благодарен ему за это. Дружба между хаджи и учителем с каждым годом крепла, свои аулы они ставили всегда рядом, словно родственники или очень близкие люди. Вот почему, когда подошел срок, старик Жунус, не задумываясь, отвел к Халену на обучение своих младших сыновей — Алибека и Адильбека.

Так, в полудремоте, думая о сыновьях и неотложных хозяйственных делах, хаджи пролежал в юрте почти до самого вечера. Спокойствие его было нарушено неожиданным появлением Алибека. Запыхавшийся, бледный, мальчик вбежал в юрту и остановился на пороге. С минуту он стоял молча, беззвучно шевеля губами, затем с трудом, запинаясь, проговорил:

— Гнедого коня!.. Гнедого коня!..

У мальчика дрожали колени, он больше не мог выговорить ни слова и медленно опустился на пол. Еще не успевший как следует окрепнуть от болезни, перенесенной после встречи с бурой, он снова был чем-то сильно напуган.

Вслед за Алибеком в юрту вошел брат Жунуса Бекей. Одежда на нем была изодрана, по лицу струились кровяные потеки. Он тоже молча сел у порога и склонил голову.

Хаджи с недоумением и тревогой смотрел на них, стараясь угадать, что произошло. Он уже хотел было расспросить у Бекея, что случилось, когда в дверях появился Ареш.

— Хаджи-ага, старшина гораздо хуже пристава,— прямо с порога заговорил он.— Ехал он сейчас из аула Халена с двумя военными и наткнулся у водопоя на Беке. Беке как раз поил гнедого. Отобрали они у него коня, а самого избили плетками. Что же это такое, хаджи-ага? Грабеж среди бела дня!..

— О чем вы говорите? Кто взял коня? Какие военные? — хмурясь, спросил Жунус.

— Вместе с ними был старшина,— угрюмо буркнул Бекей.

— Какой старшина?

— Жол.

— А что за военные?

— Не знаю. Один из них, рыжебородый, весь наш род проклинал последними словами...

— Как ты мог допустить, чтобы оскорбляли наш род и избивали тебя? — набросился Жунус на брата.— Опозорился!.. Надо было биться до конца! Лучше умереть, чем быть жалким трусом!..

— Что я мог сделать, их трое... Огрел я одного путами по голове, тут на меня другие двое навалились, стащили с коня — и где же я с ними справлюсь?..— робко начал оправдываться Бекей.

Балым, бледная от испуга, готова была вот-вот расплакаться. Она только побаивалась хаджи. Но последние слова Бекея так подействовали на нее, что она не выдержала и запричитала:

— О всевышний, опять ниспослал ты горюшко на нашу голову! Келин, келин, где ты? Промой хоть глаза Бекею! Что за напасть такая на нас, как это можно ни с того ни с сего избить человека!..

— Позови Халена! — попросил Ареша хаджи.

Стоявший возле Бекея Адильбек, услышав слова отца, опрометью кинулся к выходу.

— Ты куда? — строго прикрикнул на него отец.

— Позову учителя...

— Ты же не сможешь ему все объяснить.

— Смогу. Скажу, что Бекея избили военные и отобрали у него коня. Скажу, что вы зовете его к себе,— выпалил Адильбек.

Жунус ничего не ответил. Адильбек знал: если отец молчит, значит согласен. Мальчик выбежал из юрты и во всю прыть пустился по тропинке к аулу Халена.

Жили баркинцы дружно и мирно. Иногда возникали между соседями споры, случалось, что дело доходило до драки, но всегда все кончалось по-хорошему. Если баркинца обижал кто-нибудь из другого рода, все баркинцы вставали на его защиту: будь то на базаре, на тое или просто в степи. В такие минуты забывались все личные обиды; заступаясь за сородича, люди отстаивали честь всего своего рода.

Посылая за Халеном, Жунус намеревался разрешить два вопроса: узнать, кто избил Бекея и отобрал у него лошадь, баркинцы или люди из другого рода (Хален должен был все это знать, так как военные заезжали к нему в аул), и посоветоваться, что делать. За последние десять лет хаджи не помнил ни одного случая, чтобы кто-нибудь побил баркинца. «Приехать в чужой аул днем, избить ни за что человека и угнать коня — это больше чем озорство. Если это люди из Қзыл-Уйя, то почему они не заехали ко мне и не поговорили?.. Значит, кто-то специально подослал их, чтобы нанести мне обиду. Ничего, Хален скажет, кто такие военные. Не мешало бы послать в погоню за ними десяток джигитов, отобрать у них оружие и коней да так избить, чтобы навек забыли сюда дорогу. Не Шугул ли это подстроил?.. Угнать именно моего гнедого, избить именно моего брата — это неспроста. Неужели Жол сам решился на такую подлость? Нет, не может быть. Слаб он, да и труслив, не стал бы рисковать... Впрочем, вполне возможно, что натравил его Шугул...»

За юртой послышались мягкие неторопливые шаги учителя. Войдя, Хален спокойно и приветливо поздоровался.

— Проходи,— пригласил Жунус учителя, стараясь не выдавать своего волнения. Он не торопился задавать вопросы Халену, хотя желал поскорее заговорить с ним.

Учитель тоже не торопился. Поговорив со старой Балым о здоровье ее детей, Хален стал расспрашивать Жунуса о хозяйских делах. Хаджи накинул на плечи бешмет и хотел было подняться, чтобы лично усадить гостя на почетное место, но Хален возразил:

— Не вставайте, не беспокойтесь, Жуке, вы же соблюдаете уразу.

По тому, как были сказаны слова: «Вы же соблюдаете уразу», — Жунус понял, что учитель не постится, и решил предложить ему кумысу.

— Старуха, налей-ка кумысу учителю! — окликнул он Балым и затем, обращаясь к Халену, добавил: — День жаркий был, может, выпьете прохладного кумысу?

Здесь, в ауле хаджи, почти все жители строго соблюдали уразу. Не желая обидеть их, Хален не стал нарушать пост, только пригубил тостаган и тут же вернул его хозяйке.

— Жуке, я знаю, зачем меня пригласили сюда,— начал он, видя нетерпение хаджи Жунуса.— Сегодня в полдень ко мне заезжал старшина Жол с двумя военными из Кзыл-Уйя. Они посланы ханским правительством собирать налоги с населения, мобилизовывать джигитов и коней на службу. В юрте у меня они сидели смирненько, как щенки, а отъехали — волки. Это они побили Бекея и угнали вашего гнедого. Когда правят волки, разве овцы могут спокойно жить? Это только начало, подождите, они еще не так покажут свои клыки. Поодиночке с ними бороться нельзя, против них надо выступать вместе, сообща. И ни в какую не идти им на уступки, твердо стоять на своем. Я им сказал, что никакого налога платить не буду. Кадес и Кубайра тоже сказали, что не могут. Нужно продать скот, а на базар вывести его нельзя — отбирают. Это, конечно, предлог, надо просто всем отказаться от налога, и все. А в отношении набора джигитов думаю так: кто хочет, пусть идет на службу, кто не хочет — сидит дома, чтобы никаких принуждений. Коней вообще не давать. Что вы скажете на это?

— Об этом потом... Надо сейчас тех военных, что избили моего брата и увели коня, вернуть сюда и проучить как следует. Вот о чем я хотел с тобой посоветоваться.

— Не следует торопиться, Жуке,— возразил учитель, видя, как гневно засверкали глаза хаджи.— Скандал ни к чему не приведет, а полюбовно с ними ни за что не сговориться — не те они люди. Они не хотят честно трудиться, служат ханскому правительству, как цепные псы хозяину. А хозяева-то — волки. Вот против них и надо делать облаву. Но в одиночку бороться нельзя, вот мой совет. Насчет коня не беспокойтесь, я послал Асана и велел ему передать Жолу, чтобы он не огорчал хаджи и немедленно вернул гнедого.

Жунус усмехнулся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Невдалеке от аула пролегала балка. Весной со склонов стекали в нее талые воды и, бурля и пенясь, устремлялись вниз, к Анхате. Летом балка высыхала, и на ее пологих склонах, поросших густым разнотравьем, паслись ягнята и телята. По вечерам здесь собиралась шумная ватага ребятишек,

почти до полуночи слышались их веселые, звонкие голоса. Местами склоны балки были покрыты зарослями чия, среди которых виднелись прогалины и лужайки. По краям чий был редкий, едва-едва кустики начинали распускаться и набирать силу, как их тут же ощипывали козлята.

Зато в глубине зарослей эта похожая на осоку трава с красивыми пушистыми султанами достигала почти человеческого роста.

На одной из лужаек, держась за руки, стояли Хаким и Загипа и глядели друг на друга светящимися любовью глазами.

Над их головами качались коричневые султаны чия. Чий здесь был особенно высокий и надежно скрывал влюбленную пару от любопытных взоров жителей аула.

Загипа была одета в яркое платье с двойными оборками понизу и плиссированной сборкой на груди. Легкий ветерок прижимал платье к телу, и Хаким видел всю стройную фигуру девушки. Они стояли молча, но их взгляды были красноречивее всяких слов.

Хаким испытывал теперь то же чувство сладостного томления, как и при первом знакомстве с Мукарамой, хотя о ней после встречи с Шолпан и Загипой уже не вспоминал. Притянув девушку к себе, он обнял за талию и стал покрывать горячими поцелуями ее лицо. Загипа не сопротивлялась, она положила руки на плечи Хакима, но не обняла его — зарделась, робея. Ей хотелось ответить на поцелуи джигита такими же страстными поцелуями, но что-то сковывало ее движения, она только доверчиво склонила голову на грудь Хакима, сдержанно отвечая на его ласку. А Хаким все плотнее и плотнее прижимал девушку, чувствуя под ладонями трепет ее нежного тела. Загипа вздрагивала. Огоньки радости и счастья в ее глазах, порывистое дыхание, робкие движения неокрепших рук, с трогательной беспомощностью обнимавших шею джигита,— все, все в ней говорило: «Я твоя, я люблю тебя, только тебя!» Хаким и прежде догадывался, что она любит его, а сегодняшнее свидание полностью подтвердило его догадку. С каждой минутой им все больше и больше овладевало беззастенчивое сластолюбивое желание. Словно опьяненный ароматом степного цветка, он уже почти ничего не помнил — медленно клонил девушку на траву... Загипа встрепенулась и уперлась руками в его грудь, стараясь вырваться из сильных рук. Хаким упорствовал, но неожиданно раздавшийся шум в кустах заставил его насторожиться. Он слегка расслабил руки, но все же продолжал крепко держать девушку за талию. Кустики раздвинулись, и на лужайку выпрыгнул козленок. Увидев на лужайке людей, козленок остановился и испуганно посмотрел на джигита и девушку. С минуту он стоял не-

подвижно, настороженно поводя ушами, затем как бы угрожающе покрутил своей безрогой головкой и, пятясь, снова скрылся в кустах. Хаким и Загипа, взглянув друг на друга, рассмеялись.

Со дна балки веяло прохладой, а со степи дул теплый ветерок. Эти два легких воздушных потока словно встречались здесь, на лужайке, и, поочередно пересиливая друг друга, наполняли лужайку то мшистой сыростью балки, то ароматным запахом степных трав. Хаким снова порывисто прижал девушку и поцеловал. Щеки Загипы зарделись густым румянцем. Она тихо спросила:

— Все целуете и целуете... Вы обдумали свой поступок?..

Вдруг где-то совсем рядом, словно за спиной, раздалось сухое покашливание. Затем послышался вкрадчивый женский голос.

— А-а, это ты, Молда-бала! [1] А я думаю, кто же это стоит здесь?..— приветливо проговорила Хадиша. Брови ее удивленно поползли вверх.— Козлят ищу, чтоб они околели, проклятые! Им бы только скакать да прыгать по балкам... И куда они могли запропаститься, с самого утра ищу!..

Загипа покраснела, вырвалась из объятий Хакима и отвернулась. Хаким растерянно взглянул на Хадишу, затем повернулся к Загипе — девушка смущенно закрывала лицо платком и втягивала голову в плечи. Чувство досады и злости овладело Хакимом, и он бросил укоризненный взгляд на Хадишу, словно говоря: «Чего тебе здесь нужно, какой вихрь принес тебя сюда?..»

Но Хадиша, казалось, совсем не собиралась уходить. Как ни в чем не бывало она согнулась и начала поправлять ичиги на ногах.

— Ты чего замолчала, Загипа? Хадиша не чужая для нас с тобой, она наша женге. Договори до конца, о чем ты хотела сказать мне,— повернулся Хаким к девушке, стараясь успокоить ее и выпытать то, что она не досказала. Загипа слегка пожала плечами и ничего не ответила. Хаким сорвал у ног стебелек пырея и стал медленно обрывать с него острые зеленые листочки.

Хадиша лукаво улыбнулась.

— С нами тоже случалось такое... Эх, как мы гуляли в молодости, веселились... Нас тоже такие джигиты, да-да, такие же, как Молда-бала, не раз миловали... Ты не стесняйся, светик Загипа, чего уж тут!..

— А-а, вот когда ты выдала свою тайну,— шутливо заметил Хаким, желая пристыдить Хадишу и поскорее отделать-

[1] Молда-бала — так Хадиша называла Хакима.

ся от нее.— Расскажу, расскажу, как тебя в девушках джигиты миловали!..

— Светик мой, — спокойно ответила Хадиша,— чего толковать о нас, мы давно уже спели свою песню. Теперь ваше время: гуляйте и веселитесь...

Хадиша ушла разыскивать козлят. Следом за ней скрылась в кустах чия и смущенная Загипа, не обернувшись, ни слова не сказав Хакиму. Она догнала Хадишу и вместе с ней вернулась в аул.

Хаким долго еще стоял на лужайке, злясь и досадуя на Хадишу, так некстати появившуюся. «Что Загипа хотела сказать мне? «Обдумал ли свой поступок?..» Ах, если бы не эта Хадиша, Загипа все бы мне рассказала...»

2

После встречи с Загипой Хаким зачастил к учителю. Почти каждый день он стал бывать у Халена, подыскивая для этого разные предлоги и поводы, а иногда заглядывал и по нескольку раз в день: то рассказывал какую-нибудь новость, подчас незначительную и неинтересную, то просил у него почитать книгу. Читал Хаким быстро, запоем, и это особенно удивляло учителя. Вскоре жители аула заметили, что Хаким очень часто стал появляться в доме Халена. Это вызвало среди них разные толки и разговоры. Больше всех разгорелось любопытство у женщин. Чего только не придумывали они, наговаривая то на Хакима, то на Загипу, но, надо сказать, в их сплетнях было и немало правды. Как-то днем на берегу пруда две сношки — Маум и Хадиша — стирали белье. Было жарко, полуденное солнце обжигало руки и шею. Женщины разгибали усталые спины и разговаривали. Охочая до разговоров Хадиша почти не умолкала. Говорила она очень серьезно и деловито, словно сама была очевидцем того, о чем рассказывала, и старшая невестка всегда верила ей.

— Эй, женеше, если бы ты только видела, как Молда-бала целовал сестру учителя!.. То и дело обнимает и целует! Обнимает и целует!.. «Кайным-ау,— говорю ему,— ты бы хоть меня постыдился». А он даже и глазом не моргнул. Отвечает: «Чего мне тебя стыдиться, ты же мне приходишься женге...» Каковы теперешние джигиты, а? Ни стыда у них, ни совести. Молда-бала учился-то у русских. В прошлом году, когда он приезжал на побывку, только и было разговоров что о его волосах да кудрях. Нынче вот, видишь, говорим, как он целуется с нашими девушками среди бела дня. А в следующем году, поверь мне, женеше, будем распевать песни на его свадьбе...

— Что ты говоришь, неужели он целовался?..— встрепенулась Маум. Отодвинув в сторону белье, она внимательно посмотрела на Хадишу.— А наши, наши-то мужья — никогда ведь нас не целовали! Ты, наверное, что-то путаешь, Хадиша: неужели Молда-бала сделался русским? Сын Баркина никогда не женится на дочери Баркина.

— Ойбой-ау, станет он разбираться в родословной!..

— Да ну тебя, неужели уж он такой вероотступник?

— Вера сама по себе, а Молда-бала сам по себе... Ты бы только послушала, как он разговаривал с кайнагой! «Все эти муллы с аллахом на устах,— говорит,— чревоугодники, корыстолюбцы! В Коране записано: «Помогай бедному, не обижай ближнего». А я, говорит, не видел ни одного муллы, ишана или хазрета, чтобы он помогал своим бедным родичам!..» Ничего путного ему на это кайнага не мог ответить, а ведь он человек умный и толковый. Мужчины во всем разбираются...

— Ты, наверное, выдумываешь все,— возразила Маум.— Неужели сестра моего кайным — учителя — войдет невесткой в дом хаджи? Бетим-ау, какой срам! Ведь они и соседи и родственники. Как же это можно так, чтобы родственники стали называть друг друга сват и сватья, зять и невестка? Конец света наступает, что ли? Недавно мне говорили, что какие-то родичи Ашибек и Мяшибек затеяли между собой вражду и дерутся... Да-а, наверное, еще не то увидим, когда начнется светопреставление. Родные братья поженятся на родных сестрах!..

— Не Ашибек, женеше, а Бальшебек,— поправила Хадиша, стряхивая белье, и развешивая его на зеленые кусты.— Правду говоришь: по теперешним временам всего можно ожидать. Слышала я, будто сам учитель сказал Молда-бале: «Никто вам не станет поперек дороги, лишь бы между вами самими согласие было».

— Милая моя, что это за срамота? Разве можно идти против обычаев и делать, что кому взбредет в голову? Ведь мы до сих пор стесняемся посмотреть на мужа при людях. Неужели мы это делаем оттого, что стесняемся людей? Или разве мы несогласно живем с мужьями? Просто из приличия. А как же иначе?.. Учитель должен знать все это. А если он сам не знает, так чему же он учит наших детей?

— Верно ты говоришь, женеше, что мы стесняемся взглянуть на мужа при людях. Когда деверь, например, приходит к нам, я даже стесняюсь разливать чай. Засиделся как-то деверь у нас, а мой говорит мне: «Катын, стели постель!» Прямо так и сказал. Веришь или нет, женеше, я чуть не сгорела со стыда, готова была сквозь землю провалиться. Так мне не-

удобно стало, что я выбежала тогда из юрты. А после, как деверь ушел, я говорю своему: «Как только у тебя язык поворачивается заставлять меня при девере стелить постель? Стыд-то какой!..» А он спокойно: «Чего стыдиться, первый день с тобой живем, что ли, слава аллаху, восьмой год идет, как вместе. Или ты думаешь, деверь не спит со своей женой?..» Он всегда так — бухнет что-нибудь необдуманно, а ты сгорай со стыда. Хоть и живем мы с ним восьмой год, а я никогда ему грубого слова не сказала, ни в чем не упрекнула его. А ведь нынешняя молодежь, смотреть противно, какая развязная и самовольная... Плохо ли, хорошо, но мы строго придерживаемся старых обычаев.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала, Хадиша,— перебила Маум, кончив отжимать цветную скатерть с бахромой.— Ты говоришь, поженятся они, а мне кажется, что сын нашего кайнаги-хаджи просто балуется с ней, и все.

— Неужели он такой?

— Кто их, мужчин, знает, попробуй разгадай, о чем они думают. За мной тоже один мой двоюродный брат пытался ухаживать. Перед самой свадьбой поехала я к дяде погостить, так вот сын этого дяди и стал подкатываться ко мне.

— Да что ты говоришь, женеше! Ты ведь об этом никогда не рассказывала.

— Клянусь аллахом! Не видеть мне сегодня заката, если вру. Спали мы в юрте. Слышу: подползает ко мне ночью... О создатель! Прости меня, грешную! К чему я это вспоминаю... Да, подполз, значит, и давай нашептывать разные любовные слова. Я ему: «На грех наводишь». А он свое «Женюсь, говорит, на тебе, вот моя душа, вот моя совесть». О создатель! Ведь знал же, что я уже засватана и со дня на день должна состояться моя свадьба. Что ни говорю ему, ни слушает. Затвердил одно: «Женюсь на тебе!..»— и все. Вот так же, наверное, и Молда-бала хочет побаловаться со своей двоюродной сестренкой.. Загипа — совсем еще глупенькая, девчонка, вот он и крутит ей голову. Клянусь аллахом, что это именно так.

— Чем же у вас тогда кончилось с дядькиным сыном, а? — спросила Хадиша. Она с любопытством взглянула на Маум: «Что это она сегодня разоткровенничалась, обычно от нее слова не добьешься?..»

— Прогнала я его, только уж теперь не помню, что тогда ему сказала. О всевышний, не гневайся на нас за нашу греховную болтливость. Дотошная же ты, Хадиша, заставляешь говорить, что не дозволено... Может быть, ты все это выдумала про сестру учителя и Молда-балу? Ведь Загипа еще совсем дитя, да к тому же и сирота. Живет она у невестки,

а невестка — что злая мачеха. Трудно приходится бедной девушке, — докончила Маум и покачала головой.

— Да, женеше, ты слышала, что на вечеринке-то было, а? На той вечеринке, что в честь приезда кудаши[1] Менди-кыз устраивали? Менди-кыз замуж выходит, приезжала повидаться с родственниками... Так вот, посадили на вечеринку рядом с ней Жартая, сына бывшего волостного управителя, а она с ним даже и разговаривать не захотела. Все с Молда-балой заигрывала. Жартай обиделся и чуть было не поднял скандал. В самый разгар вечеринки ушел и увел с собой своих сестер. А после-то что было?!.. Когда кудаша уехала, Шолпан наша с Молда-балой закрутила. Загипа узнала об этом и с тех пор не разговаривает с Шолпан. А ведь какими они были подружками! Говорят, Макка даже грозилась, что расскажет о проделках Шолпан ее мужу — девятилетнему Сары. Нашла же чем пугать. Какой Сары муж, у него еще молоко на губах не обсохло. А Шолпан-то, Шолпан — отчаянная женщина, она еще и с Аманкулом любовь крутит.

— Между прочим, нашего Молда-балу следовало бы женить на кудаше. Менди-кыз — хорошая девушка. Сказывали, что она недолюбливает своего жениха и выходит за него не по своей воле. Кто-то мне говорил, что собственными ушами слышал, как она жаловалась на свою судьбу учителю.

— Правда ли это? Что-то мне не верится. Она — девка с характером, большая привередница. Не дай аллах, если такая вдруг попадет в наш аул. Пусть выходит за кого угодно, только не за наших джигитов.

— Напрасно на нее люди наговаривают. Менди-кыз — дочь довольно состоятельного человека. Она училась в школе, а Хакиму как раз такая и нужна.

Быстро разлетелась молва по всем окрестным аулам о том, что Хаким собирается жениться на сестре учителя. Эта новость вызвала разные толки: одни недоумевали, другие были явно против этого брака, а третьи, которые, очевидно, ничего не знали о родственных связях между Хакимом и Загипой, с одобрением относились к их намерениям.

3

Как-то совсем недавно в аул учителя Халена приехала погостить кудаша Менди-кыз. В честь ее молодежь устроила вечеринку. Пригласили почти всех джигитов и девушек из окрестных аулов, расположившихся на летовку в между-

[1] Кудаша — сватья.

речье. Это и была как раз та вечеринка, о которой вспоминали Маум и Хадиша у пруда.

Едва зашло солнце и первые вечерние тени поползли по траве, к юртам Халена стала стекаться молодежь. Приезжали группами и поодиночке, верхами и на подводах, и вскоре обе юрты до отказа наполнились гостями. Оживленно было во всем ауле, как на Джамбейтинской ярмарке.

Возбужденные и радостные гости, с нетерпением ожидая начала веселья, громко переговаривались между собой, делились новостями, шутили и смеялись. Девушки, шелестя подолами шелковых платьев и позвякивая серьгами, таинственно перешептывались, лукаво посматривая на джигитов. Влюбленные пары обменивались молчаливыми, только им одним понятными загадочными взглядами. Кокетливые и говорливые молодайки, ловя на себе робкие взгляды джигитов, весело щебетали, изощряясь в острословии.

Возле юрт шумела ватага ребятишек. Как юркие чебаки, они ныряли между толпившимися гостями и на окрики отвечали звонким смехом. Маленький Адильбек пробрался в юрту. Прижавшись головой к решетке, он пристально и чутко, как старый сайгак, стал наблюдать за братом. Он видел, как девушки украдкой бросали на Хакима нежные взгляды, и это радовало гордого мальчика. Адильбек думал о том, что придет время, и он станет таким же, как брат,— образованным и красивым, и на него будут заглядываться девушки; мысли мальчика витали где-то под самым куполом юрты. «Мой брат — самый красивый и умный джигит»,— оглядев всех присутствующих в юрте, подумал Адильбек. Он по пальцам сосчитал, сколько было гостей из других аулов. Почти все джигиты и девушки, кроме кудаши, были ему знакомы. Кудаша Менди-кыз сидела на почетном месте, рядом с Загипой и Задой. Желтый свет подвешенной к шанраку керосиновой лампы хорошо освещал ее круглое красивое лицо с тонкими бровями, открытым прямым лбом и родинкой на щеке. Родинка на щеке Адильбеку показалась знакомой. «У кого же я видел на щеке точно такую же родинку?— вспоминал он. — А-а, у Макки... Значит, Менди-кыз и Макка — сестры. Конечно, они так похожи друг на друга, как две капли воды. И глаза у них одинаковые, большие и черные, как смородина... Пойду позову ребят, чтобы посмотрели на кудашу...» Адильбек отошел от решетки и стал протискиваться к выходу.

— Отстань, чего ты прицепился ко мне как репей,— оттолкнула Шолпан Аманкула, пытавшегося в темноте обнять и поцеловать ее. Она шагнула вперед и остановилась в полосе света, падавшего из двери, раздумывая, заходить или не заходить в юрту.

Заметив Хакима, Шолпан решила войти. Переступив порог, она примкнула к толпившимся у стены девушкам и молодайкам и стала с любопытством и завистью оглядывать кудашу. «Кто же будет тем счастливым джигитом, которого посадят рядом с этой красавицей?— подумала Шолпан.— На кого Менди-кыз обратит внимание? На Хакима?!..» Ревниво забилось сердце молодой женщины от этой догадки. Хаким стоял к ней спиной, худощавый, плечистый и стройный, словно специально созданный для любви; начавшие отрастать волосы колечками вились на его красивом затылке. Шолпан страстно хотелось немедленно увести отсюда Хакима, увести, обнять и расцеловать, чтобы он принадлежал только ей одной; она двинулась было к Хакиму, но тут же остановилась, поняв всю бессмысленность и бестактность своего поступка, да и не знала, не была уверена, пойдет ли он с ней или откажется. Девушки заметили, как пристально Шолпан смотрела на Хакима, и, очевидно, поняв ее намерения, начали перешептываться, бросая косые взгляды на молодую женщину. Шолпан засмущалась и опустила глаза. «Он красивый, ученый, сын известного и уважаемого в округе хаджи. А я кто? Бедная вдовушка...—с горечью подумала Шолпан.— Разве он когда-нибудь полюбит меня? — Но, гордая и самолюбивая, она тут же возразила сама себе:— Полюбит! Разве я не красивая, разве на меня не засматриваются джигиты? Стоит мне только захотеть, любого покорю. Во всех аулах на джайляу меня называют: «Красавица Шолпан!», «Бойкая Шолпан!» Ну кто здесь из девушек может сравниться со мной? Разве только эта воображуха и грамотейка кудаша? А остальные даже не умеют как следует принять джигита и напоить его чаем... Может, худощавая Загипа затмит мою красоту? Посмотрим!..»

В юрту вошел Сулеймен, и сразу все стихли. Он больше всех принимал участие в организации вечеринки и был избран ее руководителем.

— А ну, дайте дорогу!— весело проговорил он, проходя в центр круга.

Молодежь потеснилась, уступила дорогу. Шолпан еще теснее прижалась к стенке. Она равнодушно посмотрела на мирзу Жартая, важно шагавшего за Сулейменом, и снова повернулась к Хакиму. Жартай улыбался. Сытое, румяное лицо его дышало довольством. Наглые, сластолюбивые глаза его скользнули по толпе и остановились на Шолпан. Оценивающим взглядом он посмотрел на ее высокие тугие груди. Шолпан нахмурила брови и спряталась за спину какой-то девушки. Мирза ухмыльнулся, он успел ей дважды подмигнуть.

Сын бывшего волостного управителя, мирза Жартай рос

в холе и достатке, родители ни в чем ему не отказывали. С детских лет привык он к почету и уважению, считал себя самым умным и интересным джигитом и смотрел на всех свысока. Молодежь недолюбливала самодовольного, чванливого байчука, но особенно ненавидел его Аманкул. Сейчас, заметив, как Жартай похотливо посмотрел на Шолпан и подмигнул ей, он вспыхнул, лицо залилось краской и невольно сжались кулаки.

— Как на свою суженую смотрит...— буркнул Аманкул, с ненавистью посмотрев на Жартая. Затем повернулся к Сулеймену и полушепотом проговорил:— Отвел бы лучше на ярмарку этого байчука да и продал там!..

Жартай сделал вид, что не расслышал, о чем говорил Аманкул, лишь чуть изменился в лице. Сулеймен неодобрительно нахмурил брови, а девушки и молодайки, толпившиеся у дверей, испуганно переглянулись и зашушукались.

Вся забота об устройстве гостей лежала на руководителе вечеринки Сулеймене. Он провел знатного Жартая на почетное место и усадил рядом с кудашой Менди-кыз. Затем стал рассаживать попарно остальных гостей. Когда все было закончено, он подал знак кому-то, стоявшему у дверей, чтобы тот пригласил в юрту акына. Широко шагнув через порог, в юрту вошел стройный джигит лет двадцати — двадцати двух, с бронзовым от загара, выразительным лицом. В правой руке он держал домбру. Снова наступила тишина, все посмотрели на вошедшего. Это был Нурым, любимец молодежи, смелый и веселый джигит, прославленный акын, без которого не проходила ни одна вечеринка в округе. За ним вошли еще несколько джигитов, составлявших почетную свиту акына. Вскинув домбру и стремительно пробежав гибкими пальцами по струнам, Нурым слегка поклонился руководителю вечеринки и запел:

Начну, коль велишь ты, Сулеш-ага,
Могу я хорошие песни слагать,
Гостям их отдам, свои песни-дары...
Привет вам, друзья, от акына Нурыма!

Сулеймен, улыбаясь, широким жестом пригласил певца на почетное место. Загипа и Зада подвинулись, и Нурым сел рядом с Менди-кыз. Лихо сдвинув на затылок круглую каракулевую шапку, он снова ударил по струнам домбры и запел скороговоркой:

Я вам эту песню пою, кудаша,
Пусть будет она, как и вы, хороша.
Как лебедь по синим озерным волнам,
На вечер веселый вы прибыли к нам.

Вы всех покорили своей красотой,
Вы стали на вечере нашей душой,
Джигиты не сводят с вас пристальных глаз,
Горят, словно солнце, браслеты на вас,
Нежны ваши пальцы, а брови тонки,
А черные косы — не косы, венки,
А голос — не голос, а трель соловья,
Да разве все выскажет песня моя!
Завидуют девушки вашей судьбе,
Вы — как воскресшая Кыз-Жибек!

Едва певец смолк, как со всех сторон послышались одобрительные возгласы:

— Пой, Нурым, пой!

— Рассыпай свои жемчуга, наша гостья достойна, чтобы славить ее!..

— Правильно! Чем она не Кыз-Жибек!..

Менди-кыз встала, низко поклонилась певцу и подарила ему шелковый платок. В глазах кудаши светилась ласка и теплота. Поблагодарив ее, Нурым окинул довольным взглядом гостей, половчее взял домбру и снова запел, восхваляя теперь уже всех присутствующих веселой, задорной песней.

Кудаша Менди-кыз приходилась свояченицей учителю Халену. Она была образованной, умной и красивой девушкой. Засватал ее какой-то богатый жених из дальних аулов. Хотела или не хотела того Менди-кыз, но о ней упорно в степи распространялись слухи, что жениха своего она не любит и выходит за него поневоле. Слышал об этом и Жартай. На вечеринке, когда его посадили рядом с почетной гостьей, красавицей Менди-кыз, он нисколько не сомневался, что легко покорит обаятельную девушку, будет иметь у нее успех. Но Менди-кыз холодно отнеслась к ухаживаниям самодовольного мирзы: сухо ответила на его приветствие и затем так же сухо и коротко отвечала на его вопросы. Жартай был озадачен, он никак не мог понять, отчего девушка так равнодушна к нему, обиделся на нее и решил отомстить ей. Он стал выжидать подходящий момент, чтобы вставить какое-нибудь оскорбительное для кудаши слово. Менди-кыз, разговаривая с Загипой, настолько отвернулась от мирзы, что он видел только ее спину.

— Загипа,— щуря хитрые глаза, обратился Жартай к сестре учителя,— ты даже не соблаговолила сказать, как величать твою красавицу кудашу. Может, ее просто по приметам называть, например по родимому пятну на лице, а? Или, как назвал ее этот шут Нурым, — бала? Да она уже который год невестится!..

Кудаша молча выслушала полные желчи слова мирзы и даже не взглянула в его сторону. Она смотрела на какого-то

джигита, который пел новую, незнакомую ей песню. Но Загипа приняла близко к сердцу язвительную речь Жартая. Щеки ее зарделись, она тут же ответила:

— Жартай-ага, как величают мою кудашу, знают даже дети нашего аула. Если это правда, что вы до сих пор не знаете, как ее зовут, то могу сказать: Менди-кыз. Это красивое имя, и Нурым правильно произнес его. Нурым верно сказал, что наша Менди-кыз — баловница судьбы. Вам, Жартай-ага, совсем не к лицу так оскорбительно отзываться о Нурыме и называть его шутом. Он не шут, а настоящий джигит. Неплохо было бы, если бы каждый из нас родился таким певцом, как Нурым!..

С самого начала вечеринки Загипа была недовольна Жартаем, возмущалась его развязностью и самодовольством, и теперь, как ни старалась говорить сдержанно, в ее голосе все же чувствовалось негодование.

— Есть, Загипа, такая присказка: «Кто не совестливый, тот станет певцом, кто не ленится, тот будет сапожником...» Ты говоришь, что Нурым — непревзойденный певец? Ну, милая, значит, ты просто не видела в жизни настоящих певцов. А такие песни, что поет Нурым, всякий может спеть.

— В таком случае почему бы и вам не спеть «Той бастар»?

— О нет, я никогда не был и не собираюсь быть бродячим шутом. Кто, ответь мне, кроме шутов, может восхвалять на тоях девушек, которые никак не заслуживают похвалы? Разумеется, только шуты. Вот и оставим это занятие для Нурыма.

Менди-кыз чувствовала себя неловко, тяготилась тем, что возле нее посадили заносчивого мирзу, как всеми почитаемого джигита. Она молча переносила все его колкости, выжидая, что, может быть, Жартай угомонится, но оскорбительные слова в адрес акына Нурыма, к которому с уважением отнеслась молодежь, окончательно вывели ее из терпения.

— Послушай, Загипа, — заговорила Менди-кыз,— поведение этого уважаемого аги, как ты называешь его, дает повод думать, что он далеко не из тех, кто почитает мудрый обычай оказывать честь ближнему, уважение достойному.

Мгновенно шум и смех в юрте смолкли, все стали прислушиваться к словам кудаши.

— Если этого человека,— продолжала Менди-кыз,— представили мне как первого джигита в вашем ауле, то нам на этой вечеринке вместо любезностей придется, очевидно, выслушивать только грубые слова: шут, баламут, сапожник... Нечего сказать, это вполне подходящие слова для тех невоспитанных, которые лишь способны гоняться за телятами.

Джигиты и девушки молча переглянулись, ожидая, что ответит на это Жартай. По юрте пробежал шепот.

Мирза повернул голову в сторону кудаши и нервно и быстро заговорил:

— Ты только-только переступила порог, а уже позволяешь себе порочить джигитов нашего аула. Если, кудаша, полагаешь, что ты слишком умна, то тебе прежде всего следовало бы поделиться умом со своим женихом и сделать его беспорочным. Тогда ты без огорчений проводила бы с ним вечера!..

Жартай самодовольно откинулся на подушки, посматривая на молча сидевших джигитов и девушек. Взгляд его остановился на Хакиме, который стоял почти возле самого выхода и, хмурясь, о чем-то разговаривал с Шолпан. Но, очевидно, его не очень увлекла беседа, потому что он то и дело зло посматривал на Жартая, словно намеревался подойти к нему и пустить в дело кулаки. «Злится, наверное, что я назвал его брата шутом,— подумал Жартай.— Этот отпрыск сумасбродного Жунуса тоже строит из себя образованного, из кожи лезет, чтобы выдать себя за умника... Глупец!..» Но как бы Жартай мысленно ни храбрился, он боялся встречи с Хакимом и Нурымом, чувствовал, что не сможет одолеть их ни острым словом, ни тем более силой. Он с тревогой стал озираться по сторонам — Нурыма в юрте не было. Это немного успокоило Жартая. Будь Нурым в юрте, он никогда бы не простил мирзе оскорбления, высмеял бы при всех и, что еще хуже, мог бы просто избить. «Не надо бы мне называть его имени»,— укорял себя за оплошность Жартай. Но он ничем не выдал своего волнения, по-прежнему сидел важно, гордо запрокинув голову.

— Никто пороков у ваших джигитов и не думал выискивать,— возразила Менди-кыз.— Все, что вы сказали сейчас,— лучшее подтверждение вашей невоспитанности. Я никогда не жаловалась вам на своего будущего спутника жизни, ваши советы совершенно неуместны и глупы. Имеет он какие-нибудь пороки или не имеет, до этого вам нет дела. Пусть это вас не беспокоит. Вы его не знаете.

— Знаю, кое-что знаю. Как говорится, разве аллах не услышит шепота? Чего скрывать, ведь ты же не любишь своего жениха. Но, кудаша, какая бы ты ни была строптивая, тебя уже заарканили. Сорок семь голов скота — хороший калым. За такой калым любую куда угодно отдадут. Не спасешься и ты.

— Ну, это еще как сказать!..— воскликнула Менди-кыз,— Я другое слышала: надеялся верблюд на свой рост, да прозевал увидеть начало года. Не один мирза, бахвалясь сорока-

головым калымом, оставался с носом. Так что и ты придержи язык за зубами.

— Срезала его кудаша, насмерть срезала,— сказал Аманкул сидевшему справа сухощавому джигиту.— Жартай умеет только пялить глаза на чужих баб, а с нашей кудашой разговаривать — надо иметь голову. Здорово она его, а?.. Положила на обе лопатки, аж онемел бедняга!

— Это еще не победа,— возразил сухощавый джигит.

— Жартай тоже хорошо говорит,— послышался чей-то голос за спиной Аманкула,— словно гвозди со шляпкой вгоняет в каблуки.

— Что он сказал путного? Бабьи сплетни повторил и все?.. Слышал от кого-то, что кудаша не любит своего жениха, и теперь пытается опорочить ее этим. Тоже мне, нашелся чем козырять. Разве так можно победить образованную красавицу?

Аманкул и джигиты так увлеклись разговорами, что не заметили, как в юрту вошел акын Нурым. Услышав его голос, все встрепенулись.

— Говори-ка поумнее, Жартай,— сухо сказал Нурым.— Не к лицу джигиту повторять разные сплетни. Или, может быть, ты не джигит? И колкости твои совершенно не к месту. Гостья наша не очень-то хочет быть в обществе мирзы, который щеголяет отцовским богатством и разбрасывается калымами в сорок семь голов.

— С каким намерением ты пришел?— спросил Жартай, медленно, словно нехотя, поворачиваясь всем корпусом в сторону Нурыма.— Пришел учить меня уму-разуму? В своем ауле, так и храбрости много? Я не спрашивал у тебя, жарапазанши [1], как мне разговаривать с девушками и молодайками.

Нурым нахмурился, бронзовое от загара лицо его сделалось землисто-серым, словно над его головой вдруг собрались тучи и затмили собой солнце; брови почти сошлись на переносице, глаза сверкнули гневом. В юрте стало так тихо, что было слышно, как в решетках скребется какой-то жучок. «Ну, сейчас огромный кулак Нурыма будет на Жартаевой голове...»— подумал Аманкул. Джигиты и девушки напряженно смотрели на Нурыма, ожидая, что вот-вот, с минуты на минуту кинется он на мирзу и начнет колотить его.

— Жартай, как ты смеешь обзывать меня жарапазанши? — сжимая кулаки, сквозь зубы процедил Нурым.— Видел ли ты когда-нибудь, чтобы я стоял у твоего порога, просил милостыню и славил твоих предков? Может быть, я и воздал

---

[1] Жарапазанши — странник, кочующий из аула в аул и распевающий религиозные песни.

бы тебе хвалу, но хвалить-то тебя не за что, уж больно ты жидок... Без года неделя, как кости твои стали обрастать жиром... Не зазнавайся, слышишь, веди себя как положено да знай, что говоришь!

— А ты кто такой, чей норовистый конь?

— Кто бы я ни был, тебе до этого нет дела.

— Братом образованным гордишься?

— Что мне гордиться братом, я и сам могу тебя обхватить три раза!.. А чтобы тебе с моим братом разговаривать, ставь под ноги подставку повыше, а то не дотянешься...

Жартай, чувствуя, что дальнейший разговор ни к чему хорошему не приведет и Нурым действительно может поколотить его, решил действовать по-другому. Он знал, что лучший способ оскорбить устроителей вечеринки — в самый разгар веселья встать, уйти и увести с собой всех, кто приехал с ним. Всюду, где бывал Жартай, он до конца держался высокомерно и вызывающе. Если ему не удавалось взять верх словом, то он прибегал к грубым выходкам, а когда и это не действовало на гостей, то просто гордо уходил. Не изменил он своей привычке и сегодня, встал и быстро вышел из юрты. Джигиты и девушки неодобрительно посмотрели ему вслед. Они осуждали мирзу за то, что он вызывающе вел себя с кудашой Менди-кыз, оскорбил Нурыма и теперь, не в силах выдержать спор с акыном, покинул вечеринку.

— Я не могу присутствовать там, где бывает Нурым. Не затем я приехал на ваш вечер, чтобы выслушивать оскорбления от вашего придурковатого акына,— сказал Жартай руководителю вечеринки.

Сулеймен, уходивший к очагам, чтобы посмотреть, готово ли угощение для гостей и поторопить хозяек, не слышал спора между Нурымом и мирзой. Он недоуменно пожал плечами.

Жартай, не дожидаясь ответа, вернулся к дверям юрты и, обращаясь к своим сестрам, сидевшим с Менди-кыз, крикнул:

— Вставайте, здесь нам нечего делать!

— Что с тобой случилось, Жартай?— спросил Сулеймен.— На тебе нет лица!.. Наверно, пошутили с тобой, разыгрывают, а ты обиделся? Разве так можно? Да и нехорошо уходить с вечеринки. Я был занят и не знаю, что у вас тут произошло, но, по-моему, никто не мог тебя оскорбить.

— Нурым оскорбил моих предков, я не могу этого простить.

— Ты как мальчишка, Жартай, разве можно все принимать близко к сердцу?

— Зачем ты его уговариваешь, Сулеймен, пусть уходит,— в дверях юрты появился Нурым.— Ты что, боишься, что без

Жартая скучно будет? Или не хочешь отпускать «умного» собеседника?

— Я не дурак, чтобы сидеть в обществе такого шута, как ты, — отозвался Жартай.

— Иди, иди, скатертью тебе дорога!

— Нурым, перестань, пожалуйста, — попросил Сулеймен.

— Не перестану. Нечего ему тут делать. Подумаешь какой важный гусь! Нечего тебе гордиться, мирза, твой отец давно уже не волостной управитель. Ты — чванливый неуч, не умеешь вести себя в обществе порядочной девушки, так уходи поскорее.

— Придержи свой язык!

— Ты мне не указ.

— Увидишь, кто тебе указ...

— Не стращай, не из пугливых! Проваливай отсюда, ну?!..— Нурым стал в спину подталкивать Жартая.— Давай, давай, проваливай!..

Между мирзой и акыном стал Сулеймен. Пришли и другие джигиты и развели спорщиков.

Сестры Жартая, извинившись перед Менди-кыз и молодежью, последовали за братом. Он усадил их в повозку и стегнул сытых, застоявшихся лошадей... После отъезда мирзы на вечеринке снова разгорелось веселье. Кто-то из джигитов запел песню о дивных вечерах на джайляу. Ее подхватили десятки голосов. Вырвавшись из юрты, звонкая и задорная песня разлилась по притихшей ночной степи. Ветер поднял ее на крылья и понес через холмы и овражки к реке. Почти у самой Анхаты догнала она одинокую повозку мирзы. Жартай поморщился и туже натянул шапку на уши, чтобы не слышать ее.

А в юртах молодежь веселилась, забыв обо всем на свете. Незаметно пролетела короткая летняя ночь. Когда на востоке узкой полосой забрезжил рассвет, перед гостями расстелили дастарханы и подали кушанья.

Предупредительный Сулеймен, как только уехал мирза, извинился перед Менди-кыз и посадил рядом с ней Хакима.

— Милая кудаша,— сказал он, слегка поклонившись почетной гостье,— не огорчайтесь, что ушел мирза. Я сажаю рядом с вами достойного джигита и надеюсь, что он придется вам по душе.

Между Хакимом и кудашой быстро завязалась беседа. Хаким за ужином стал рассказывать Менди-кыз, как проводит вечера городская молодежь. Не забыл поделиться своими впечатлениями о спектаклях Казанского театра, приезжавшего зимой в Уральск. Загипа ревниво прислушивалась к их разговору, лицо ее то бледнело, то багровело. Все предыду-

щие дни она только и думала о Хакиме. Ее девичье воображение рисовало будущее счастье: они вместе с Хакимом покидают аул и уезжают в сказочные сады и жемчужные дворцы фантастических городов Востока Иранбаги и Гаухарнекин... И вот все эти мечты теперь рушились. Она все больше и больше хмурилась, глядя на смеющееся лицо Менди-кыз, и в ней поднималась ненависть к круглолицей красавице кудаше...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Дорога так утомила Абдрахмана, что он не стал ужинать, лег в кровать и сразу же заснул. Спал крепко. Проснулся, когда было уже позднее утро.

На дворе ясно, солнечно. Сквозь открытые окна ливнем падают на земляной пол мягкие лучи солнца. Комната залита ярким светом, и воздух от этого кажется особенно чистым и свежим. Абдрахман лежит с открытыми глазами, наслаждаясь свежестью утра, восстанавливая в памяти подробности вчерашнего дня, как он встретился с учителями карасуйской школы, расположенной почти на самом берегу Яика, невдалеке от меловых разработок. Он несколько дней перед этим ходил по аулам долины Ашы, знакомился со школами; наибольшее впечатление оставила у него карасуйская школа, где он разговаривал не только с учителями, но и с учениками. Снова и снова вспоминался худощавый юноша — сын какого-то рыбака, наизусть читавший школьные учебники. «Удивительно способный мальчик!..— подумал Абдрахман.— А учителя... Почти все они сочувствуют большевикам. Их убеждать не надо, они сами видят, как бедствует народ, и понимают, что ханское правительство ничего хорошего для бедняков не сделало и не может сделать, потому что оно ханское...»

В комнату вошла Манар.

Она встала чуть свет, выстирала и высушила гимнастерку гостя и сейчас, разгладив ее шершавыми ладонями и аккуратно сложив вчетверо, положила возле его кровати. Чем-то знакомым повеяло от этой заботливой женщины с добрыми и умными глазами. Абдрахман вспомнил родной аул, семью, которую не видел уже более четырех месяцев. Когда он уезжал в Уральск, сказал жене на прощание: «Не грусти, я скоро вернусь, а если задержусь, то вызову тебя в город...» Но все получилось иначе, он не вернулся к ней в аул, не вы-

звал ее в город и даже не мог теперь сообщить, где находится,— все планы нарушил белоказачий мятеж. А как хотелось побывать дома, увидеть жену, родных... Абдрахман встал, торопливо оделся и вышел из комнаты.

— Вы куда? Чай готов!— окликнула его Манар.

— На реку схожу и сейчас же вернусь. Чай будем пить вместе к Кажеке,— ответил Абдрахман и стал спускаться вниз к реке.

Тропинка змейкой вилась в густой зеленой траве, сбегала к берегу и сразу же терялась в песке и гальке. Роса на траве еще не успела высохнуть и поблескивала в утренних лучах. Казалось, само солнце падало к ногам, а на душе было тоскливо и грустно — Абдрахман шел медленно и думал о доме... Но грусть его быстро рассеялась, едва он взглянул на широко разлившуюся Анхату. На противоположном берегу, далеко-далеко, почти у самого горизонта виднелись зимовки. Все прибрежье Анхаты до самых зимовок покрыто молодой тростниковой порослью. Из-за поворота реки вынырнула одновесельная рыбацкая лодка. В ней сидели два человека. Лодка плыла неровно, то приближаясь к камышам и останавливаясь, то вновь выходя на течение, чтобы затем свернуть к какому-нибудь островку или мысу. Это рыбаки проверяли расставленные с вечера сети. Абдрахману, выросшему на Яике, и здесь, на этой небольшой реке, все казалось родным и близким: и рокот волн под яром, и одинокая рыбацкая лодка, и кудрявый зеленый берег, и речной ветерок, пахнущий камышом и рыбой. Он залюбовался рекой, чувствуя необычайный прилив сил и бодрости, до боли в глазах всматривался в уток, качавшихся на волнах у противоположного берега,— они казались черными поплавками. Было приятно слышать тихий говор реки, камышовый шелест и ни о чем не думать. Рыбацкая лодка, пересекая быстрину, плавно шла к берегу. Абдрахман спустился по тропинке вниз, к самой воде, и остановился. Где-то за развесистыми кустами ивы послышался шепот. Абдрахман насторожился. Раздвигая кусты, прошел шагов десять по берегу и увидел мальчика, удившего рыбу. Мальчик, согнувшись, неотрывно смотрел на поплавок и бормотал какое-то заклинание, привораживая рыбу. Абдрахман подошел ближе.

— Владыка рыб Сулеймен, я прошу у тебя рыбки! Окунь, нельма, попадитесь на мою удочку!.. Владыка рыб Сулеймен, я прошу у тебя рыбки! Окунь, нельма, попадитесь на мою удочку!..— шептал мальчик, весь отдавшись своему занятию.

Он повторял эти слова быстро, без передышки. По тому, как он произносил заклинание, с какой надеждой смотрел на поплавок, было видно, что мальчик искренне верит в чу-

додейственную силу этих незамысловатых слов. Абдрахман улыбнулся. Он стоял позади мальчика и наблюдал за ним. По синей речной глади пробежала рябь, всколыхнув поплавок; мальчик вздрогнул и еще поспешнее зашептал заклинание. Абдрахман тихо кашлянул, но мальчик не обернулся, только предупредительно поднял левую руку и негромко проговорил:

— Тише!..

Он, очевидно, принял Абдрахмана за какого-то знакомого и поэтому так бесцеремонно попросил его не шуметь. Абдрахман стал вместе с мальчиком следить за поплавком.

— Владыка рыб Сулеймен! Окунь, нельма...

Поплавóк дрогнул, накренился и вдруг исчез под водой. Абдрахман хотел было крикнуть: «Тяни!..» Но мальчик опередил его. Схватив обеими руками удилище, он резко рванул его вверх — и над головой промелькнул серебристый окунь и шлепнулся на песок. Мальчик вскочил, подбежал к рыбке и стал снимать ее с крючка. Абдрахман подошел к нему и с любопытством стал смотреть, как проворно работали руки мальчика.

— Если бы ты не кашлянул, давно бы поймалась,— недовольно буркнул мальчик, не глядя на Абдрахмана.— Окунь смело хватает крючок, но очень осторожный, каждый шорох слышит.

— Каждый шорох, говоришь, слышит? Так ты сам отпугивал — все время напевал какую-то песенку.

— Это не песня. Разве ты не знаешь, как заманивают рыбу?— спросил мальчик, высвободив наконец крючок. Он поднял голову и вдруг увидел, что перед ним не знакомый дед Мергали, а учитель, что живет в доме продавца Байеса. Мальчик смутился, отступил шаг назад.

— Ты чей, мальчик?— спросил Абдрахман.

— Батыра.

— Как тебя зовут?

— Узак.

— Вот ты просишь рыбок попасться на твой крючок, разве они понимают твои слова?

— Еще как понимают!.. Иногда после двадцати повторений ловятся, ну а после сорока — обязательно попадаются. А в тихие вечера ловятся и без заклинаний, успевай только червей насаживать на крючки!..— деловито заключил мальчик.

К берегу причалила лодка, и на песок выпрыгнули два рыбака. Это были Хажимукан и Кенжекей. Они подошли к Абдрахману и приветливо поздоровались с ним.

— Ну, Абеке, у вас легкая рука... — сказал Кенжекей,

кивнув головой в сторону Анхаты.— Сегодня помаленьку начался ход леща. Жаль, что у нас мало рыбных сетей, наловили бы вдоволь, хватило бы и сейчас и на зиму засолить. Хажимукан,— окликнул он напарника,— навздевай-ка на шнур лещей, да тех, что покрупнее и пожирнее, пусть это будет на подарок Абеке. Нанизывай, столько, сколько донесет!..

Хажимукан в знак согласия кивнул головой, но продолжал осматривать нос лодки, отыскивая щель, откуда сочилась вода. Тогда Кенжекей сам взял шнур и стал нанизывать на него крупных плоских лещей с темными спинками.

— Донесете, Абеке? Может, еще с пяток прибавить? — улыбаясь, спросил он, когда на шнуре уже болталось около пятнадцати рыб.

— Ойбой, куда мне столько!— воскликнул Абдрахман.— Такие огромные рыбины... мне вполне достаточно и двух, да и тех некуда девать. Неси улов своим детям.

— Для моих пострелят и чебаков на реке хватит. Бери!— сказал Кенжекей и почти насильно всунул в руки Абдрахмана тяжелую связку лещей. Затем вернулся к лодке и стал проворно раскладывать на две кучки утренний улов.

— Ведь совсем недавно мы даже и этой божьей благодатью не могли пользоваться, а теперь — сами хозяева!..— радостно сказал Хажимукан, поглядывая на плоских с темно-синими спинками лещей.

— Кто захочет, тот все сможет сделать, только надо действовать смело и дружно, всем народом. Скоро баю Шораку придет полный конец, заберем у него все лодки и сети и раздадим их рыбакам Анхаты. Я думаю, и на вашу долю достанется.

— Большое спасибо, Абеке, мы никогда не забудем ваших добрых и разумных советов. Лишь бы только вздохнуть свободно, стать настоящими людьми — других желаний у нас нет.

Среди бедняков, которые не смогли откочевать на джайляу и остались рыбачить в ауле Сагу, за несколько дней Абдрахман сделался своим человеком. И старые и молодые — все относились к нему с уважением. Не было в ауле ни одного дома, куда бы не пригласили его на чай и где бы не угостили рыбой. «Наш Абеке!— говорили про него Хажимукан и Кенжекей.— Абеке знает, спросите у Абеке!..» А по аулам, откочевавшим на летние пастбища, пронеслась молва: «Бедняки-рыбаки организовались в артель! Приехавший из Теке учитель-законник посоветовал им открыть школу. Учитель решил передать артели все невода и лодки богача Шорака. Воды Шалкара теперь будут принадлежать беднякам!..»

2

Десять лет назад Абдрахман и Хален сидели за одной партой. Десять лет назад, окончив учение, они разъехались в разные края и с тех пор ни разу не видели друг друга. И вот — встретились. Долго не разнимали они объятий и, не отрывая глаз, внимательно разглядывали друг друга.

— Халеке! Ты все такой же, почти не изменился — прежний степенный рыжий Хален!..

— И ты, Абиш, выглядишь прежним молодцом! Садись на стул, а если хочешь, устраивайся прямо на кошме. Макка, иди сюда, познакомься с Абишем и принеси нам кумысу!.. Она заочно хорошо тебя знает, Абиш. «Откуда, говорит, этот Абиш взялся, как беда на голову свалился!..» Прячет от меня газеты и журналы, которые ты присылаешь. Ну-ка поговори с ней сам, пусть она узнает, что ты за «беда» такая...— шутливо сказал Хален.

— Здравствуйте, Макка!— поприветствовал Абдрахман жену Халена.— Как поживаете?

— Спасибо, хорошо,— смутившись, коротко ответила Макка.

Абдрахман сел на стул и внимательно оглядел юрту.

— Уютно устроился, Халеке! Чем занимаешься, учишь детей и наживаешь капитал?

— Ты обзавелся семьей, Абиш?— перебил его Хален, не обратив внимания на шутку.— Дети, наверное, есть?

— Есть, Халеке. Помнишь девушку Кульшан или уже успел забыть?

— Забыл, Абиш, откровенно говоря, не помню... Ты на ней, что ли, женился?

— Да.

— Давно?

— Давно уже.

— Кто у тебя, сын или дочь? Или уже и тот и другой?

— Дочь у меня, Халима. А у тебя?

— У меня тоже дочь,— Хален показал на игравшую перед юртой девочку лет четырех.— Кулейман.

— Жаль, что у нас дочери, а то бы сватами стали,— улыбнулся Абдрахман.

— Нынешняя молодежь обходится и без отцовского посредничества,— возразил Хален, бросив многозначительный взгляд на Загипу.

Загипа засмущалась, бледное лицо ее зарделось, как спелое яблоко. Она поняла: брат намекает на ее встречи с Хакимом. Хален и вчера , давая Хакиму книгу, сказал: «Читай, здесь про любовь написано!»— и так же, как сейчас, взгля-

нул на Загипу. Но в голосе его не было ни гнева, ни злости, и это успокоило девушку. «Он все знает про нашу любовь,— подумала Загипа.— Неужели станет рассказывать об этом незнакомому человеку?..» Но ее опасения были напрасны.

— Все счастье у наших детей впереди, Абеке, и во многом это счастье зависит от нас самих... Да, я не познакомил тебя со своей сестрой. Вот она, ее зовут Загипа. Самый младший братишка тоже со мной живет.

— Он учится, Халеке?

— Учится... Расскажи-ка ты лучше о себе. Я ведь очень мало знаю о тебе, можно сказать, почти ничего. Ну, рассказывай, пей кумыс и рассказывай,— попросил Хален, подавая Абдрахману тостаган с кумысом.

Беседовали долго. Абдрахман подробно рассказал о себе, о событиях в Уральске, о том, как родственнику Халена Сахипгерею удалось скрыться от преследования белоказаков и уехать из города.

— Мне уже говорили, как Сахипгерей бежал из города,— заметил Хален.— Рассказывал мне это рыбак Ихсеке. «Завернул, говорит, я Сахипгерея в сеть, в которой привозил рыбу на базар, облил дегтем, обмотал веревками и положил в повозку. Русские даже и не спросили, что везу...» Да, из казахской интеллигенции мало кого так преследовали, как нашего Сахипгерея. Почти пятнадцать лет просидел в тюрьме при царе. На каторге был, поселенцем в Сибири жил... И все же не сломили его. Без борьбы не добьешься свободы,— подтвердил учитель.— Трудные времена наступают, Абиш. Мы здесь, в аулах, на вас смотрим, горожан...

* * *

Макка подала обед. После обеда снова пили кумыс и продолжали беседовать. Абдрахман сидел на почетном месте, подложив под локоть подушку, и слушал учителя.

— Я хотел спросить тебя, Абиш, об автономии, о ней так много пишут в газетах,— говорил Хален.— Неужели Досмухамбетовы действительно договорились с Лениным? Как это получается? В последнем номере газеты прямо говорится, что Кзыл-Уй получил право на автономию. Так ли это, Абиш? Я тут что-то недопонимаю.

— Здесь все ясно, Халеке, Досмухамбетовы могли поехать к Ленину, и он, разумеется, поддержал бы идею об автономии, потому что это есть в программе большевиков. Но какую автономию — это другое дело. Конечно, не такую, которую хотят установить в Кзыл-Уйе. К автономии можно прийти

только через Советы, только рабоче-крестьянская власть может дать народам равноправие.

— В Қзыл-Уйе никаких Советов нет, там власть баев.

— Не просто баев, а потомственных феодалов — султанов, ханов и духовенства. Қороче говоря, в Қзыл-Уйе создана монархическая власть. Ведь ханство — то же самое, что и монархия.

Хален не спеша погладил редкие рыжие усики и, взглянув на Абдрахмана, проговорил:

— Получается вроде детской игры... Видел, как дети в прятки играют? Спрячется малыш и кричит: «Я здесь, ищи меня!..» Эти тоже прячутся, разница только в том, что они не кричат: «Я здесь!»

— Нет, это не детская игра, Халеке. Они не просто прячутся, а набрасывают на себя маску добродетели, чтобы обмануть народ. Читал в газете «Бирлик туы»» статью некоего Мадьяра? Вот что он пишет: «У казахов нет капиталистов и помещиков, нет классов, а значит, и нет классовой борьбы». Находятся люди, которые склонны верить в этот бред. Мадьяр хочет выдать ханскую власть за единственно правильную и необходимую для казахов. Беда в том, Халеке, что так мыслит не только Мадьяр, а вся наша буржуазная интеллигенция. Но едва ли народ пойдет за Мадьяром и ему подобными. Утверждать, что ханская власть является самой лучшей формой управления для казахов, — нелепо и глупо. Это понимает каждый, даже самый неграмотный и забитый батрак. Вот тебе простой пример. В вашем роду около трехсот хозяйств, из этих трехсот хозяйств семь байских — я не стану называть их по именам, вы их сами хорошо знаете,— около ста середняков. Остальные сто девяносто три хозяйства — бедняцкие. по одной кляче на двор да по тощей коровенке —и все. А батраки и того не имеют. Я уже не говорю о бедняках, которые зиму и лето пасут скот русских богачей и живут буквально впроголодь. Ваши семь баев содержат более сотни батраков. Батраки пасут байские табуны, косят сено, убирают хлеб, помогают при перекочевках, исправляют им на зиму землянки, строят загоны, ремонтируют повозки. Еще больше достается женам батраков. Они доят байских кобылиц, коров, овец, варят курт, собирают кизяк, теребят и прядут шерсть, валяют кошмы... А сколько получают они за свои труды? Что дают им баи? Дают осенью коня или корову во временное пользование, а весной бедняк обязан вернуть взятый скот с приплодом. Брал корову, верни ее с теленком, вот как. А чем кормят своих работников баи? Дают простоквашу или кислое молоко, разбавленное водой. Я, по крайней мере, не знаю ни одного случая, чтобы для них закололи барана. Кроме то-

го, все лучшие пахотные земли, сенокосные угодья, пастбища принадлежат баям. А что остается народу? Ничего. Ничего народ не получит от ханского правительства, потому что ханы и баи никогда не согласятся добровольно отдать накопленное чужим трудом богатство. Это могут сделать только сами бедняки. Нужно сейчас рассказывать народу, что из себя представляет ханская власть, объяснять людям, кто их враг и кто их друг. Это наш долг!

— Верно, Абиш, народ должен знать правду...

3

Солнце садилось в далекие камыши Шалкара, и вода озера под косыми багровыми лучами, казалось, поднялась выше своих берегов. Стрекотавшие целый день кузнечики, чуя приближение вечера, смолкли. Возле своих нор безмолвно сидели суслики, готовые в любую минуту скрыться, и тоскливо смотрели на заходящее солнце. С пастбищ возвращался скот. Табуны подходили к самому аулу, пыля и разноголося, как на ярмарке.

Кое-кто в ауле уже приступил к сенокосу, но большинство хозяйств еще выжидало, пока основательно вытянутся и созреют травы. Свободные от работы жители аула днем отсиживались в юртах — пили кумыс и пережидали жару, а вечером собирались где-нибудь за околицей и заводили долгие беседы. Когда в аул, случалось, приезжал новый человек, послушать его сходились все: и старики, и молодые, и даже женщины с ребятишками. Так было и сегодня. Абдрахман и Байес гостили у Халена. Под вечер они втроем вышли из юрты и направились за околицу аула к небольшому холмику, стоявшему возле Кривой балки. Один за другим стали выходить из своих юрт аульчане и присоединяться к ним. Подошли Асан, Кубайра. Пришли люди из соседних аулов вместе с Арешем и Акмадией. Вскоре на холмике собралось много народу.

— Как называется ваше джайляу? Много ли у вас пахотной земли? Покосов?— обратился Абдрахман к учителю, присаживаясь на зеленую травку.

Абдрахман был родом из другой волости, в эти места приехал впервые. Он не знал здешних джайляу, да и люди ему были незнакомы. Хален охотно объяснил ему, что джайляу называется «Оброчным», что на противоположном берегу Анхаты имеются обширные заливные луга, что там много оврагов и балок с густым травостоем, но что это принадлежит богатым людям.

— «Оброчный»? Странное название...

— Раньше эта широкая междуречная равнина принадлежала казакам, потом отошла к казне. За кочевку по ней с каждой кибитки взималась особая плата. Теперь казны нет, никто никакой платы не требует. Травы — по грудь человеку. Очень удобное и богатое пастбище,— проговорил Хален, задумчиво глядя в степь.

— Если снова власть возьмут казачьи атаманы, то они постараются вернуть себе эти земли и начнут взимать налоги. Но мне кажется, навряд ли настанут такие времена,— сказал Абдрахман и, повернувшись к полулежавшему на траве Кубайре, вдруг спросил:— Ну, скажи, сколько десятин посеял нынче?

От неожиданного вопроса Кубайра смутился, но, быстро оправившись, погладил свою жидкую черную, начинающую седеть бородку и сдержанно проговорил:

— Вы спрашиваете, сколько десятин? Мы на десятины не считаем — на сажени. Десятины засевает только тот, у кого много рабочего скота и рабочих рук. А мы засеваем только по двадцать — тридцать саженей проса, так что едва-едва на прокорм хватает...

— Да-а, — протянул Абдрахман, оглядывая сидевших вокруг бедняков.

— Мир беседе вашей!— громко поприветствовал подошедший Кадес.— Здравствуйте, Байеке, как поживаете?— обратился он к продавцу Байесу. Он был хорошо знаком с продавцом и сейчас не без гордости у всех на виду пожал ему руку.

Вместе с Кадесом пришли еще шесть джигитов, они тоже шумно поздоровались и пожимали руки.

— Шире круг!

— Здравствуй, Кубеке!

— Халеке, здравствуй! Все ли благополучно в семье?

Джигиты расположились на траве. Глядя на Абдрахмана, начали перешептываться:

— Кто этот человек?

— Откуда приехал?

— Говорят, кердеринец, приятель Байеса. Приехал вместе с Байесом в гости к нашему учителю,— пояснил Асан.

— Так, так...

— А приехал-то откуда?

— Из Теке, конечно. Он ведь кердеринец.

— Э, разве кердеринцы живут только в Теке? Тоже мне сказал, Кубеке,— возразил Акмадия.

Кадес сел рядом с Байесом. Любивший поговорить и не пропускавший ни одного собрания, он тут же стал задавать ему вопросы:

— Все ли благополучно в вашем ауле, Байеке? Давненько что-то не приезжали вы к нам, дома сидели?

— Да, с самой весны дома. Как началась распутица, никуда не выезжал.

— Паром не работал, что ли?

— Паром-то работал, да в городе неспокойно. Да и незачем ехать туда, все равно нужных товаров там нет.

— А как с чаем и сахаром?

— Нет. Ничего нет.

— Недавно один мой приятель ездил в Кзыл-Уй. Говорит, что и там в магазинах и лавках почти нет никаких товаров. Куда же они могли исчезнуть?— недоуменно пожал плечами Кадес и вытащил из-за голенища старых ичигов шахшу.

— Какие могут быть товары, когда идет война!.. Народ живет старыми запасами, — сказал Байес и посмотрел на Абдрахмана, словно прося его: «Объясни ты сам...»

Абдрахман сидел молча, внимательно слушая аульчан, изучающе присматриваясь к их лицам. «Хорошие, добрые, честные,— подумал Абдрахман.— Вы должны стать хозяевами степи!»

Между тем Кадес продолжал:

— Народ еле-еле дождался своих сыновей с фронтов, а теперь новая война? Какая война? Одни говорят, что это русские между собой дерутся, другие утверждают, что это снова германец пошел... Почему люди не могут жить в мире?

Кадес отсыпал на ноготь щепотку насыбая и спрятал шахшу за голенище.

— Ну, начал теперь наш Кадеке про германца, словно про своего свата, не остановишь. Оставь в покое своего германца, дай-ка лучше шахшу, чихну разок, нос прочищу! — сострил Кубайра.

Все громко засмеялись.

— Хоть Кадеке и не сват германцу, а все же какой-то родственник. Ведь Микалай-патша был же сватом германцу. Только вот непонятно: поссорились два свата, а воевать пришлось народу, — вставил Акмадия.

— А ты знаешь, из-за чего сваты поссорились?— спросил Кубайра у Акмадии.— Микалай-патша при сговоре не преподнес германцу подарка. Ну, а этот самый германец обиделся,..

— Брось шутить, Кубайра, не до шуток.

— Я не шучу. Если ты знаешь больше нашего, расскажи нам, как возникают войны и могут ли люди жить мирно или не могут? Кстати, ты кажется, учился в Петербурге вместе с адвокатом Бакеном?

Последние слова Кубайры вызвали дружный смех. Все знали, что Акмадия не только не учился в Петербурге, но даже не умел расписаться.

— Про какого Бакена говорят?— наклонившись к Халену, спросил Абдрахман, улыбаясь.

— Про Бахитжана Каратаева.

«Вон как!.. Оказывается, эти люди хорошо знают Бахитжана!.. Надо открыть им глаза на правду, надо рассказать им о том, что произошло в России, что творится сейчас в Теке, в Кзыл-Уйе...— подумал он.

— Прочтите людям Обращение Уральского Совдепа,— шепнул он Халену.

— Можно, только надо пригласить побольше...

— Тут и так собралось немало!

— Мало. Почти совсем нет наших стариков. Я пошлю мальчишек, пусть они покличут сюда аксакалов,— дескать, нам с ними нужно кое о чем посоветоваться.

— Правильно,— одобрил Абдрахман и, чуть помолчав, обратился к Кубайре:— Вы знакомы с Бакеном?

— Э-э, Бакена все мы знаем, как же...

— Знаем!

— Бакен — задушевный человек!— почти одновременно проговорили Асан и Акмадия.

— В наших местах Бахитжана все уважают,— начал Кубайра.— Мы внушаем нашим детям, чтобы росли такими, как Бакен. Из нас, сидящих здесь, нет никого, кто бы не обращался к Бакену за помощью или советом, и мы не помним такого случая, чтобы он отказал кому-нибудь из нас. Во время мобилизации казахов на тыловые работы Бахитжан спас наши аулы от беды и разорения. Благодаря его доброте наши аулы из трехсот кибиток отправили на службу только троих джигитов!

— Очень хорошо, что вы знаете и уважаете Бахитжана. Он борется за счастье народа, за счастье таких, как вы, бедняков. А кроме Бакена кого еще знаете из казахской интеллигенции?

— Как сказать, Бакена мы хорошо знаем потому, что он не раз приезжал к нам. В прошлом году, например, долго гостил у хаджи Жунуса. Умных и добрых людей много, разве всех их можно знать? Вот сегодня встретились с вами. По разговору вы, кажется, тоже умный и добрый, а мы даже не знаем вашего имени. Видим впервые вас. Мы люди простые, домоседы, как говорят, не отходим от наших юрт ни на шаг,— ответил Кубайра, водя по земле тупым концом своей палки.

Хален то и дело поглядывал в сторону аула, поджидая стариков.

4

Наконец пришли аксакалы. Абдрахман встал и, почтительно поздоровавшись с хаджи Жунусом, усадил его возле себя. Хотя он видел старика Жунуса в первый раз, стал разговаривать с ним, как с давним хорошим знакомым, участливо осведомился о его здоровье, расспросил о семье и хозяйственных делах. Абдрахман многое знал о Жунусе из разговоров с Халеном, слышал о его споре в мечети с Шугулом. В ауле Сагу не раз рассказывали ему о хаджи Жунусе рыбаки. Они относились к старику с большим уважением, считали его самым справедливым и честным человеком. Абдрахман еще тогда решил встретиться со стариком Жунусом, привлечь его на свою сторону и через него еще больше сблизиться с народом. И вот старик сидел рядом с ним, и Абдрахман стал обдумывать, как лучше начать разговор.

— Пусть сопутствует тебе удача, мой дорогой, — сказал хаджи, внимательно посмотрев на Абдрахмана. Он тоже немало слышал о нем от людей и считал его умным и порядочным человеком.—Слышал, разъезжаете по аулам?.. У каждого путника своя цель... От вас — добрые слова, с нашей стороны — внимание и слух...

— Хаджи,— обратился Хален к Жунусу,— этот человек имеет слово к народу. Он привез его в напечатанном виде. Я прочту, а потом поговорим, что к чему, обсудим...

Учитель достал из кармана свернутую вчетверо бумажку, бережно развернул ее и стал читать. Обращение Уральского Совдепа было немногословным. В нем коротко рассказывалось о революции в России, о Советах и о том, как атаманы и генералы напали и разгромили Уральский исполнительный комитет, представлявший советскую власть в области. Пламенные слова обращения присутствующие выслушали с большим вниманием. Несколько раз переспрашивали фамилии тех, кто подписал обращение.

Многие кричали:

— Бакена знаем, кто еще там?..

— Рядом с Бакеном поставил свою подпись Абдрахман Айтиев. Вот он, сидит перед вами!— сказал Хален, только теперь представив Абдрахмана собравшимся.

Абдрахман поклонился.

Кто-то спросил:

— Где сейчас Бакен?

— Бахитжана схватили атаманы и генералы и посадили в тюрьму.

— Ох, радетель наш!..

Призывные слова обращения взволновали джигитов и аксакалов. Словно повеяло на собравшихся освежающим прохладным ветерком — люди приободрились, стали говорить смелее и резче, высказывать все свое наболевшее, задавать вопросы. Абдрахман едва успевал отвечать на них.

Особенно горячо и взволнованно говорил придавленный нуждой бедняк Асан:

— От разных насильников ни днем ни ночью нет покоя, запылили все джайляу. Прискакал вчера ко мне налогосборщик и орет: «Продавай последнюю корову, а если не хватит заплатить, продавай и ружье!..» Если продам корову, чем буду кормить семью? И ружье мне никак нельзя продавать. Будет на них управа или нет?..

Асана поддержал Ареш:

— Мы думали, что новая власть в Қзыл-Уйе будет лучше старой, а вышло — она еще сильнее притесняет нас!

— Нынче уж очень много стало этих налогосборщиков в островерхих малахаях!

— Маймаков или, как там его... рыжего, что на днях приезжал в аул,— завтра снова приедет!.. Гнать его надо!..

— Тихо! — крикнул Қадес.— Пусть скажет наш приехавший из Теке гость! — И, обращаясь к Абдрахману, добавил: — Как нам быть теперь? Признавать или не признавать джамбейтинское начальство?

— Признавать или не признавать — решайте сами, ответил Абдрахман, мысленно радуясь тому, что удалось заинтересовать людей и открыть перед ними правду.— Мне кажется, думать много тут нечего, ответ ясен. Скажите мне, приезжал ли к вам хоть раз ваш хан или кто-нибудь из его приспешников из Қзыл-Уйя, чтобы расспросить вас о ваших нуждах, посоветоваться с вами, что и как сделать, чтобы вам лучше жилось?

— Нет!

— Нет, такого никогда не было!

— Ханское правительство накладывает на вас непосильные налоги и требует, чтобы вы немедленно их уплатили, хотя платить вам нечем,— продолжал Абдрахман.— Оно забирает ваших сыновей охранять свои бесчисленные богатства, а вас превращает в батраков и нищих. Оно не открыло ни одной школы для ваших детей. Разве можно уважать такое правительство?

— Нам самим трудно судить о правительстве, мы люди темные,— увернулся от прямого ответа Кадес.— Пусть хаджи Жунус скажет: куда он, туда и мы...

— Верно, пусть скажет хаджи,— согласился Абдрахман.— Кого-нибудь из вас приглашали на выборы хана? Или там без вас обошлись? И об этом пусть скажет хаджи.

Джигиты смолкли, насторожились. Старики одобрительно закивали головами. Хаким с тревогой поглядывал на отца: «Что он скажет? Старик упрям и самоуверен, никогда ни с кем не посоветуется, говорит и делает только по своему разумению. Как бы не сказал что-нибудь несуразное!..»

Хаджи Жунус, привыкший к тому, что в трудную минуту всегда обращаются за советом к нему, начал степенно:

— Насколько мне известно, дорогой мой, ты когда-то учился вместе с нашим Халеном. А сейчас я услышал, что ты друг всеми уважаемого Бахитжана. У Халена и Бахитжана не могло быть плохих друзей, я не сомневаюсь, что и ты такой же умный и добропорядочный, как они. На твой вопрос я отвечу так: в далекую старину народ возглавляли батыры, позже — бии, а теперь забота о народе перешла к ученым, умным людям. Знания они черпают в больших городах. Я говорю о таких людях, как Бахитжан и ты. Вы написали эту бумажку, которую только что прочел учитель, желая народу добра и счастья. Вы обращаетесь к народу, как к дубу, ища в нем опору. Это правильно. Дуб был всегда прочной опорой для тех, кто выбирал именно это дерево... Отвечу и на твой вопрос. Ханов всегда чествовали, но чествовали по-разному: одни на руках вносили их в белую юрту и сажали на дорогие ковры, другие — поднимали на пики. Три раза после батыра Сырыма наши отцы и деды участвовали в избрании ханов. Они всегда придерживались второго способа. Я — человек старой закалки и придерживаюсь заветов отцов. Я кончил, дорогой мой. Приближается час вечерней молитвы и разговления. Если разрешишь, я пойду...

— Мудрые слова! — воскликнул Абдрахман, с благодарностью глядя на хаджи Жунуса.— Нам не нужна власть султанов и ханов, против которой боролись еще Сырым и Исатай! Хозяевами степи должны быть простые люди, такие, как вы. И это будет. В России уже создано такое правительство, которое заботится о нуждах трудового народа. Только в нашей губернии и на Дону еще свирепствуют царские генералы и атаманы, а вместе с ними и ханы. Может быть, через месяц, может, через два, а то и раньше, к нам придет Красная Армия, созданная из рабочих и крестьян. Ее послал

к нам Ленин. Красная Армия поможет нам прогнать ханов и установить советскую власть. Вот об этом я и хотел вам сказать сегодня, чтобы вы поняли, кто ваш враг и кто друг. Скоро придет к нам новая власть, не бойтесь ее, не разбегайтесь, а дружески встречайте и оказывайте ей всяческую поддержку. Не верьте разным сплетням, которые распускают враги, знайте, что только советская власть принесет вам подлинную свободу. Поняли меня?

— Поняли!

— Поняли!

— Ты сделал доброе дело, что рассказал нам об этом!

— Дай аллах тебе здоровья!..

* * *

Ночью в юрте учителя собрались Абдрахман, Байес, Асан, Сулеймен и Хаким на тайное совещание. Абдрахман коротко рассказал, что ему поручено создавать в аулах группы сочувствующих большевикам джигитов. Ознакомил с тем, что должны выполнять эти группы — разъяснять народу, что такое советская власть, организовать встречу и помощь Красной Армии. В будущем эти группы должны стать опорой советской власти в аулах. В ауле Сагу такая группа уже организована. Члены группы берут газеты и читают их населению, знакомят с теми событиями, которые происходят в России, отговаривают народ платить налоги ханскому правительству.

— В группу сочувствующих должны войти только сознательные джигиты,— подчеркнуто сказал Абдрахман.— Мне кажется, что все вы четверо, сидящие здесь, вполне достойны быть в этой группе. Я не говорю о Халене, этого человека я знаю. И вы должны стать такими же. Асан и Сулеймен — бедняки, люди сознательные, могут много сделать полезного в нашем деле. Хоть и не учились они нигде, но сердцем понимают нужды народа. Хаким только недавно вернулся из Теке и своими глазами видел, какое беззаконие и зверства творят там белоказаки. Я всем вам четверым верю и возлагаю на вас большие надежды.

Когда Абдрахман закончил, Сулеймен заметил:

— В нашем ауле много сознательных джигитов, которые могут войти в эту группу.

— Пополнять группу надежными людьми — ваше дело. Вы сами хорошо знаете, кого можно взять, кого нельзя...

Абдрахман выехал из аула Халена, когда на востоке еле-еле забрезжил рассвет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Как ни велика степь, новости в ней распространяются неуловимо быстро. Вечером состоялась сходка, на которой выступали хаджи Жунус и Абдрахман, а на следующий день об этом уже знали все окрестные аулы. Дошел слух и до старшины Жола. Старшина ездил к дальним кочевкам собирать налог. Едва он вернулся домой, как его жена Бахитли накинулась на него:

— Какой из тебя старшина! Скоро вместо тебя народом управлять будет Хален. Собрания проходят у Халена, начальство, приезжая, останавливается у Халена, за советами обращаются к Халену, если что нужно написать — к нему же идут! Всякие земельные споры решает он, учитель. А что ты?.. Вместо куйека[1] тебе повесили эту войлочную сумку, что ли?!..

Жол спокойно выслушал жену. Возражать ей было не только бесполезно, но и страшно. Она могла поднять такой крик, что сбежались бы все соседи, и тогда ничем не унять ее, опозорит на весь аул, никого не постесняется. Старшина хорошо знал буйный и несговорчивый характер жены. Когда Бахитли, нашумевшись вдоволь, наконец смолкла, Жол вышел из дома, подседлал коня и поехал к Кадесу разузнать подробности, как и что было на сходе. Хитрый Кадес всегда и во всем искал выгоду: при встречах со старшиной расхваливал его, говорил ему приятное, выспрашивал у него разные новости и затем с упоением передавал их каждому встречному, выдавая себя за очень осведомленного человека. «Старшина Жол был в таких-то аулах... А в уезде случилось то-то и то-то...» — басил он скороговоркой.

Увидев Жола, Кадес и на этот раз не преминул сказать ему несколько лестных слов. Но старшина был серьезен, строг и сразу же приступил к расспросам. Кадес, не подозревая, для чего это нужно старшине, подробно рассказал, как происходил сход, о чем говорили народу Абдрахман и хаджи Жунус.

Старшина слушал внимательно и старался запомнить каждое слово. Чтобы скрыть свое волнение, он беспрестанно закладывал в нос табак, громко чихал и чмокал губами. К кумысу почти не притрагивался, чем немало удивил Кадеса. «Верно говорила жена: виновник всех беспорядков в сте-

[1] Куйек — фартук из кошмы, который подвязывают баранам для предохранения их от преждевременной случки.

пи — Хален,— подумал Жол.— К нему приезжают всякие проходимцы и сеют в народе смуту. Сам не платит налогов и людям не велит. Давно уже его аул должен выделить четырех джигитов на службу, а где они? Отсиживаются в юртах... Здесь тоже без него не обошлось. Во все дела вмешивается, как волостной управитель. Погоди, и на тебя узда найдется! Сход собрал, народ против власти восстанавливал?.. Ответишь за эти штучки. Большевик?.. Конечно, большевик...» Желая как можно больше узнать о Халене, он стал расхваливать его перед Кадесом:

— Наш Халеке — умный человек, говорить хорошо умеет. Наверное, у него даже в Оренбурге немало друзей?.. Ну, а этот его друг, который на сходе был, из Теке, говоришь? А кто он такой, не знаешь?

— Хорошо не знаю, а по разговорам выходит, что был большим начальником в Теке. Всем народом, говорят, избирался... О нем знают и в Оренбурге и в Саратове.

— Абеке, что ли, его зовут?

— Да.

— Его, наверное, знают и в Петербурге и в Москве? Так он вам против царя говорил? — спросил Жол, весь превратившись в слух. «Кто против царя, тот, конечно, и против хана».

В разговор вмешался Кубайра, давно ненавидевший старшину:

— Жол, сколько лет ты служишь старшиной? Поди, теперь и сосчитать трудно, а? Изворотливый ты человек!.. У нашего Ескали есть альчик: как ни бросай его, всегда ложится на спину — беспроигрышный альчик. Смотрю я на тебя — здорово ты похож на этот альчик. При царе был старшиной, при Керенском был... Наверное, будешь старшиной и при большевиках, которые прогнали и царя и Керенского? Будешь, конечно, сумеешь поладить!

Жол не понял: то ли откровенно говорил Кубайра, то ли насмехался? «Ты тоже, наверное, большевик? — подумал старшина про Кубайру.— Ну погоди, доберемся и до тебя!» Он решил втянуть в разговор Акмадию, который никогда не утаивал, что знал, любил похвалы и был словоохотлив с начальством.

— Акмадия, ты, разумеется, больше всех осведомлен, кто такой Абеке, которого даже в Петербурге знают? В Москве и Петербурге знают Бахитжана — это понятно. Но откуда могут знать Абеке?..

Акмадия, скрывая улыбку, покрутил усы.

— Абеке такой же известный человек, как и Бакен. Его фамилия Айтиев. Вчера мы сами видели: на той бумажке, ко-

торую читал нам учитель, сразу за Бахитжаном стояла подпись Айтиева,— проговорил Акмадия, с превосходством глядя на одноаульцев.— Кадес, ты говоришь, что Жол опять будет старшиной? Едва ли. Как он может стать старшиной, если его народ не изберет? Слыхал, что Абеке вчера говорил: старшина теперь будет избираться всем народом. Женщины тоже будут принимать участие... Они-то ни за что не согласятся избрать Жола. Разве не твоя Капиза кричала утром: «Пусть только Жол потребует с нас налог, половником отхлестаю его по лысине!..» Эх, теперь ему трудно будет снова попасть в старшины.

Жол побагровел. Он знал, что Акмадия не шутит, а говорит то, что действительно слышал. Это встревожило старшину. «Больше ничего, пожалуй, от них не выпытаешь, надо кончать разговор и уезжать».

— Кого избрать старшиной, я думаю, не будут спрашивать у долгогривых баб!.. Ладно, вот что, джигиты, вы должны сегодня же уплатить налог. Поняли? Кубайра, дай мне свою кобылу, хочу съездить в горный аул. Моя пристала, пусть хоть денек-два отдохнет. В горном ауле у меня срочное дело... Вернусь, отдам, а в волость уже на своей поеду.

Кубайре не хотелось отдавать кобылу старшине, и он не задумываясь солгал:

— Сам завтра утром поеду в город, погоню на базар скот. Почему не попросишь у Нигмета? У него много свободных коней и кобылиц, да разве такие, как у меня? Справные!..

— Я и так почти каждую неделю беру у него коня, просто уже неудобно — все у Нигмета.

— У Нигмета и Шугула хватит лошадей для твоих разъездов. Чем просить у бедняка его единственную клячу, на которой он ездит на базар и возит сено, следовало бы тебе побольше нажимать на богачей,— решительно сказал Кубайра.

Кадес и Акмадия встревожились, поняв, что Кубайра не хочет дать старшине свою кобылу для поездки в горный аул. Акмадия, боясь, что старшина теперь станет просить лошадь у него, быстро поднялся и, направляясь к выходу, сказал:

— Совсем было забыл, что меня Халеке вызывал к себе. Заговорился тут с вами...

— Кубайра, я прошу у тебя кобылу, а ты мне советы даешь. К чему эти слова? Я знаю, что делаю. В конце концов, нельзя же только у одних баев брать лошадей!..— воскликнул Жол, желая казаться справедливым.

— Сознайся, боишься острого языка Шугула и воловьих глаз Нигмета? Конечно, у бедняка всегда легче выпросить

лошадь, потому что его можно припугнуть. А ты попробуй припугнуть Шугула!..— раздраженно проговорил Кубайра.

«Раньше только учитель Хален да хаджи Жунус перечили мне,— подумал Жол,— а теперь и эти!.. Откуда они набрались такой смелости?..» Старшина любил запугивать — люди боялись и выполняли его требования.

— Что-то уж очень голосистым ты становишься, Кубайра,— сказал старшина, прищуривая глаза.— Как я понимаю, ты не только не хочешь дать мне кобылу, но и намекаешь на что-то... В горный аул я могу сходить и пешком, но запомни: кривого выправляют, буйного укрощают!

Кадес искоса поглядывал то на Кубайру, то на Жола, он видел, что начинается ссора, и, желая предотвратить ее, примирительно заговорил:

— Вы шутите или всерьез? Кубайра, напрасно ты говоришь, что старшина боится Шугула, это вовсе не так. А вы, Жол, не принимайте его слова так близко к сердцу — он ведь просто шутит... Скажите лучше, думает ли волостной управитель заглянуть в наши края или нет?

— Мы знаем, о каком укротителе ты говоришь! — не унимался Кубайра, надвигаясь на Жола.— Знаем, к кому едешь в горы! Ты едешь к тому самому хаджи, который назвал тебя Гончей с загнутыми назад ушами...

Старшина отступил шаг назад, затем быстро повернулся и, не прощаясь, вышел из юрты. Даже не ответил на приглашение Кадеса остаться пить чай.

2

От Кадеса Жол поскакал прямо в горы, в аул хаджи Шугула. Слова Кубайры «Гончая с загнутыми назад ушами» оскорбили Жола, но думал он теперь о другом — народ выходит из послушания, и в этом могут обвинить его, старшину.

Жители аулов, расположенных в окрестностях мечети Таржеке, просто не замечают старшины, словно его вовсе нет. В ауле Сагу все дела вершат хазреты. Люди ходят к ним за советом. Молодежь обращается к Байесу, словно он их конфетами подкармливает: когда ни посмотришь, все вокруг его лавки сидят — то газеты читают, то беседуют о чем-то. Последнее время стали очень много говорить об открытии школы. Это все подстрекает народ приехавший из Теке учитель Абеке, или как его там, Айтий, что ли. В ауле Сагу взбудоражил людей — мало ему этого, так он еще на джайляу приехал и собрал сход. Большевик он!.. Уговаривал народ не подчиняться волостным и уездным властям! А этот Хален?.. Тоже лезет куда надо и не надо. Какое ему дело до

налогов? Сам не платит и другим не велит: «Хочешь, плати, а не хочешь — не плати, теперь нет насилия. Свобода!»

— Погодите же!..— угрожающе проговорил старшина.— Всех вас хаджи Шугул обуздает. Когда в мечети подняли разговор о школе, он при всех опозорил Жунуса. Никого не побоялся, назвал его большевиком, и все. Да он большевик и есть!.. Ох и разозлится Шугул на него, если узнает, что в его ауле был сход. Расскажу ему, все расскажу... Ну погодите же, достанется вам всем от Шугула! И тебе, Хален, и тебе, Айтий, и тебе, хаджи Жунус! Шугул — сильный старик, он все может. Хм, даже меня прозвал Гончей с загнутыми назад ушами. Тьфу, пусть сгорит шанрак Шугула — опозорил он меня перед всем народом!..

Эта нехорошая кличка — «Гончая с загнутыми назад ушами» — утвердилась за Жолом уже давно и прочно. За глаза почти все называли старшину не иначе как Гончая... Впервые назвал этой кличкой старшину язвительный хаджи Шугул. Случилось это так. Однажды возле юрты Шугула собралось много народу. Хаджи держал за ошейник гончую — любимую охотничью собаку сына. Он сложил ей уши назад и прикрыл ладонью. В это время к нему подошел старшина Жол. Шугул долго и внимательно оглядывал его, а затем, обращаясь к народу, сказал: «Вы знаете, на кого похож наш старшина? Если не знаете, скажу — на эту гончую с откинутыми назад ушами! Посмотрите: у старшины точно такая же голова, как у этой собаки, вытянутая и хитрая, глаза узкие и уши назад!..» Люди засмеялись, одобрительно кивая головами. Шугул сказал и забыл, а в народе так и осталась жить эта злая шутка старого своенравного хаджи. Но что сделаешь, не будешь же из-за этого скандалить с богатым и влиятельным человеком! Только накличешь на себя беду, и все. «Он прозвал меня, но и старшиной-то сделал меня он. Когда люди из верхних и нижних кочевий съехались на сход, ведь это Шугул сказал им: «Выбирайте старшиной Жола, он — достойный человек!» И никто не возразил. Крепко слово Шугула...»

Впереди показался аул. Жол подстегнул коня, намереваясь поскорее укрыться от палящих полуденных лучей под купол прохладной юрты. Вид аула снова напомнил ему об обязанностях старшины — сборе налога и отправке джигитов на службу. «Волостной начальник кричал на меня, а что я сделаю, если народ не платит!.. А-а, ему тоже надо будет рассказать о сходке, тогда он не будет кричать на меня. Верно, так и скажу волостному: «По степи разъезжают большевики и смутьянят народ, уговаривают не платить налогов и не ходить на службу к ханскому правительству!..» Пусть волостной покажет им свою силу, если может, а на меня-то кричать

и таращить бычьи глаза легко, я — человек смирный... Да-а, сначала, конечно, все расскажу Шугулу, если уж ничего не получится, то волостному...»

Неприветливо встретил Жола старый хаджи. Он был чем-то расстроен и зол.

— Какие новости? — буркнул он, глядя на старшину маленькими гневными глазами.

Жол заколебался — говорить или не говорить? Но все же решил рассказать: начал о встрече с волостным, о его грозном приказе и закончил аульной сходкой, которую назвал большевистской. Шугул слушал внимательно, и это приободрило Жола.

— Что мне теперь делать? — спросил старшина, в упор поглядев на хаджи.

Шугул зло прищурил глаза и нахмурил брови, лицо его потемнело, правая щека нервно задергалась.

— Распустил народ, а теперь спрашиваешь, что делать? — хрипло крикнул он и потянулся рукой за посохом, лежавшим возле сундука.

Старшина Жол сидел на корточках почти у самой двери и растерянно смотрел на хаджи, не понимая, отчего тот злится. Громкий окрик Шугула встревожил его; когда увидел, что старик подтянул к себе посох,— еще больше встревожился, потому что хорошо знал крутой нрав хаджи. Шугул мог в гневе не только накричать на собеседника, оскорбить нехорошими словами, но и швырнуть в лицо тем, что попадется под руки. Посох у хаджи был тяжелый, и старшина с недоверием покосился на него. Но уходить от Шугула в такую минуту нельзя, старик может еще больше разозлиться и тогда — хоть беги из степи, разорит! А Жол совсем не хотел ссориться с хаджи. Лучше вынести побои, чем потерять должность старшины.

В юрте рядом с Шугулом сидели его старший сын Нурыш и дальний родственник, длинный Вали. Возле очага хлопотала невестка, в правой стороне у стены сидела старуха и перебалтывала в сабе кумыс. Домашние хорошо знали характер старика, могли заранее предугадывать его поступки, но никогда не перечили ему, а, напротив, старались всегда угодить. Сейчас они с опаской поглядывали на Шугула и молчали.

— Спрашиваешь, что тебе делать? — повторил хаджи, впиваясь глазами в Жола.— Тебя следует подвесить за ноги к шанраку!..— опять крикнул он и указал посохом на купол юрты.

— Я...— начал было старшина оправдываться, но хаджи перебил его:

— Ты! Ты!.. Я хорошо знаю — все это дело твоих рук. Ты

сам большебек, сам созвал сход, а теперь пытаешься оправдаться!..

— Хаджи, видит аллах!..

— Не упоминай аллаха, ты недостоин произносить его имя. Такие, как ты, злодеи не нужны аллаху!

— Клянусь детьми, клянусь своей семьей!

— Не беспокойся, я не буду тебя вешать на шанрак, не хочу марать руки. Это сделают другие. Я прикажу связать тебя и отправить в Кзыл-Уй. Там быстро найдут, где и как тебя повесить! Понял? — Шугул угрожающе помахал посохом.— Видел, наверное, когда ездил в Теке, как вешают большебеков, а? Если не видел, то, конечно, слышал! Точно так же поступят и с тобой.

— Отец, зря вы обижаете старшину. Не такой уж он пройдоха, как Байес, который привозит из Теке газеты и тайно распространяет их среди народа,— робко сказал Нурыш, стараясь заступиться за старшину.

— Это еще откуда такой умник выискался? Лучше меня знаешь — зря или не зря? Байес — пройдоха, но и этот не лучше его. Оба смутьяны, из одного гнезда, одним миром мазаны!.. По какой дорожке катится переднее колесо, по той и заднее. Я не просил тебя разбираться, где черное, где белое, сам вижу. Вон отсюда, чтобы я тебя больше не видел здесь! — гаркнул хаджи на сына.

Нурыш, хорошо знавший упрямство отца, встал и вышел из юрты, бормоча: «Если заупрямится, полезет на стенку бодаться!..»

Властолюбивый и гордый Шугул стал особенно резким и грубым с прошлого года, когда его сына Ихласа назначили помощником уездного начальника по делам здравоохранения. Этой весной Ихлас еще выше продвинулся по службе, находился теперь при самом хане в Кзыл-Уйе. Шугул выделил на расходы сыну целый загон овец, которые паслись под самой Джамбейтой. Туда же хаджи послал двадцать дойных кобылиц. Совсем недавно перевез к Джамбейте и юрту сына, богато украсив ее коврами и кошмами. Во время этой поездки хаджи Шугул был принят обоими Досмухамбетовыми, пожал им руки, поклонился советнику хана — преосвященному хазрету Кунаю — и привез от него благословение и привет хазрету Хамидулле — сыну святого Таржеке. По этому случаю в мечети состоялся торжественный намаз «О ниспослании милости аллаха, удостоившего мирзу Жаханшу ханского звания...». Высоко поднялся авторитет Шугула среди верующих в ауле Сагу. Богатые люди степи стали заискивать перед ним, а волостное и уездное начальство увидело в нем свою надежную опору и всячески потакало его прихотям. Оба хазре-

та — содержатели мечети и медресе,— долго державшие народ в своем повиновении, теперь сами стали побаиваться Шугула: ведь он был в гостях у самого советника хана — преосвященного хазрета Куная.

Чувствуя свое превосходство над другими, богатый хаджи Шугул стал особенно высокомерным и чванливым. Он еще не мог диктовать свою волю другим богатым людям степи, но зато со старшиной Жолом обращался как хотел. Он тряс его, как старую шкуру, давая понять этим, что с Шугулом шутки плохи. Все, что бы ни делал старшина, Шугулу не нравилось, он считал это неверным и ругал Жола. Так случилось и сегодня. Рассказав о сходке, старшина хотел этим снискать к себе благорасположение Шугула, но все получилось иначе, сообщение обернулось против него же. Несколько раз Жол робко пытался оправдаться перед хаджи, доказать свою невиновность, но разгневанный Шугул не давал ему говорить — обругал, швырнул в него посохом и выгнал из юрты.

Старшина Жол, обиженный и потрясенный, выходя из юрты, напомнил Шугулу об аллахе и справедливости.

— Настанет судный день,— сказал он,— а там выяснится, кто прав, кто виноват. Все мы склоним колени пред правосудием!

Шугул гневно закричал на него:

— Иди, иди, жалуйся своему всесильному аллаху!

— О аллах, прости и помилуй нас, грешных!..— всплеснула руками старуха, перестав взбалтывать кумыс.— Хаджи, сейчас же отрекись от своих слов и проси прощения. Можешь оскорблять кого угодно, но аллаха не трогай, ты не имеешь права сомневаться в его всемогуществе!

— Старуха, сиди смирно и не вмешивайся не в свое дело!

— Отрекись от своих слов, проси прощения у аллаха! Ты ведь раньше никогда не ругал его, что случилось с тобой? Разве, кроме имени аллаха, других слов нет? — не унималась старуха, требуя от мужа покаяния.

— Довольно, хватит! Заткни глотку! — снова заорал хаджи, и этот крик долго еще звучал в ушах уходившего старшины.

Увидев во дворе сына хаджи, Жол решил поговорить с ним и направился к нему. Но не успел он подойти, как Нурыша позвали к Шугулу. В дверях появился длинный Вали и крикнул:

— Нурыш, тебя зовет отец!

Нурыш торопливо вошел в юрту.

— Позови Баки, пусть запрягает лошадь,— приказал Шугул сыну и стал поспешно одеваться.

— Куда едете? Если недалеко, может саврасого запрячь? Или пригнать из косяка серого в яблоках? — спросил Нурыш, желая узнать, куда намеревается ехать отец.

— Скажи, пусть запрягает саврасого, поеду в мечеть. Эти прикидывающиеся верными служителями аллаха бездельники хазреты только и умеют есть да спать, а дьяволы совращают народ,— раздраженно проговорил хаджи.

— Что с тобой — то аллаха ругаешь, то хазретов? Покайся, проси у аллаха прощения, пока не накликал на себя беду. О всевышний, даже на старости лет ты не избавил моего мужа от лютости и бессердечности,— вздохнула старуха, ставя перед хаджи полный тостаган прохладного кумыса.— Может, и ты выпьешь? — обратилась она к длинному Вали, подавая ему тостаган.

Вали молча взял тостаган и залпом выпил кумыс.

— О аллах!..— прошептала старуха, глядя на него.

— Вкусный!..— чмокнул губами Вали, возвращая тостаган старухе.

Батрак хаджи Шугула Баки подогнал тарантас к юрте. Нурыш помог отцу взобраться на сиденье и пожелал счастливого пути. «К хазретам поехал... втроем будут поносить хаджи Жунуса и учителя Халена!..» — мысленно заключил Нурыш, глядя вслед уезжавшему тарантасу.

3

Угрюмым и сердитым вернулся Жол домой. Всю ночь не спал — угроза Шугула не на шутку встревожила его. «А вдруг Шугул действительно скажет волостному управителю, что во всем виноват старшина,— с опаской подумал Жол.— Ему могут поверить, и тогда сошлют меня в Сибирь. Но ведь настоящие виновники — хаджи Жунус, Хален и этот Абеке, или Айтий. Они совращают народ, а не я. Что я с ними могу сделать? Пусть сами отвечают за свои действия...» Старшина вскочил с постели, взял листок бумаги и начал писать донесение волостному управителю на хаджи Жунуса, Халена и Абдрахмана. Он решил опередить Шугула, чтобы тот не успел ввести в заблуждение волостного.

Выборному управителю
Копирли-Анхатинской волости
от старшины аула № 7

РАПОРТ

Настоящим честь имею донести вам, что 27 мая сего года на джайляу «Оброчное» состоялся тайный сход граждан седьмого аула. Руководили сходом уволенный из школы учи-

тель того же аула, неблагонадежный Хален Коптлеуов и хаджи Жунус. На сходе они заявили, что скоро будет установлена новая власть и что нынешней власти подчиняться не нужно. Против власти выступал также и некий интеллигент, приехавший из Теке, по имени Абдрахман, по фамилии Айтиев. Ставлю вас в известность, что 27 мая я находился у вас и поэтому не мог воспрепятствовать созыву тайного схода.

Доносит сие старшина аула № 7 Жол Нурманов и подтверждает своей подписью и печатью.

29 мая сего 1918 года.

Закончив донесение, старшина снова лег в постель, но так и не смог заснуть до утра. Едва начало светать, он поскакал к волостному управителю.

Волостной управитель Бакебаев, прочитав рапорт, покачал головой и сказал:

— Твой аул — это аул отрекшихся от веры безбожников. Когда шла мобилизация казахов на тыловые работы, больше всего смутьянов было в твоем ауле. Что, снова начинается старое?..

Жол промолчал.

— Сколько джигитов вы должны представить в первую очередь?

— Четверых джигитов,— с готовностью отозвался Жол.

— Всех четверых завтра же доставь сюда! В помощь тебе дам двух полицейских, присланных из Кызыл-Уйя. Никаких отсрочек! На всех, кто будет отказываться, составляй акты и гони сюда. Сейчас порядки строгие, учти это. Да чтобы налог тоже был немедленно всеми уплачен. Собранные деньги сдашь казначею!..

Управитель говорил хотя и грубо, но сдержанно, не кричал, как обычно, и не пугал тюрьмой и каторгой. Он даже подошел к старшине и похлопал его по плечу.

— Не многие носят такие значки,— сказал управитель, кивая на старшинский значок, поблескивавший на груди Жола.— Ты должен гордиться этим. Если осенью будут перевыборы, то... Ладно, об этом после, можешь идти!

— Буду стараться по мере моих сил и возможностей,— пробормотал Жол, выходя из канцелярии управителя.

Вернулся в аул старшина обнадеженным и сильным.

4

Вслед за учителем Халеном и хаджи Жунусом перекочевали в междуречное джайляу почти все аулы. Только три семьи остались жить в зимовках на том берегу. Отказ их от

перекочевки никого не удивил. Это были семьи бедняков, они не имели скота для передвижения.

Из трех оставшихся на том берегу хозяев чаще всего упоминали имя Қаипкожи. У него имелась одна-единственная вороная кобыла, которой в эту весну исполнилось двадцать два года — ровно столько же, сколько старшему сыну Қаипкожи — Қаримгали. Состарилась вороная, стал пожилым и ее хозяин Қаипкожа. А где только не побывал он на своей лошадке! Объехал все аулы шести колен рода Қара и восьми колен рода Айтимбета. Его кобыла паслась на лугах Шидерты, бродила по отрогам Уленты; случалось быть и на Тайсойгане, и Қарабау, и на берегах реки Жем. В долине Яика мало кто не знал сыбызгиста Қаипкожу. Он показывал свое искусство почти во всех аулах и кочевках этого обширного, густо населенного края.

Сейчас вороная кобыла стоит во дворе под навесом и хлещет себя жиденьким хвостом по облезлым бокам, сгоняя мух. Их так много, что над спиной лошади, кажется, нависла темная туча. Они роем садятся на помутневшие гноящиеся глаза, и вороная беспрерывно мотает головой, позвякивая недоуздком.

Грудная болезнь — чахотка, годами воровато и незаметно подтачивавшая здоровье Қаипкожи, вот наконец окончательно свалила его в постель. Когда-то высокий и полный, теперь он лежал в полусумрачной землянке, худой, пожелтевший, как поваленный в бурю тополь с засохшими ветками. Грудь ввалилась, плечи опустились. Под глазами обозначились большие синие круги. И только обожженные солнцем усы, казалось, нисколько не изменились, в них не было ни одного седого волоса. Два дня тому назад Қаипкожа перебрался из сырой тесной, пахнувшей глиной землянки в сенцы, где было суше, куда проникало солнце и залетал степной ветерок, принося запахи цветущих весенних трав.

Дверь была открыта. У порога сидела жена Қаипкожи в залатанном стареньком платке и готовила шалап из недоквашенного кислого молока и воды. Қаипкожа долго безмолвно смотрел на нее и вдруг сказал:

— Жубай, принеси-ка мне сыбызгу!

Старуха подняла голову и удивленно посмотрела на мужа. Глаза Қаипкожи так горели, что старуха напугалась:

— Что с тобой, батыр? Разве ты сможешь сейчас играть на сыбызге?

— Принеси, хочу сыграть!.. Посмотри на степь, разве не видишь, как нарядно убрано лето? Разве не слышишь, как поют кузнечики? А эти ласточки, что чертят голубое небо?.. Принеси, я хочу сыграть!..

— Ну и что тут такого, летают ласточки и пусть летают,— сказала Жубай, продолжая разглядывать худое лицо мужа. «Не бредит ли он? — с тревогой подумала она.— Не конец ли это приходит ему?..» Ей вдруг стало страшно от догадки, что муж с минуты на минуту может умереть. Крупные, как горошинки, слезы покатились по ее щекам.

— Что с тобой, жена? Я радуюсь жизни, восхищаюсь красотой степи, а ты вместо того чтобы радоваться со мной, почему-то плачешь. Принеси мне сыбызгу, я хочу сыграть песню про этих вольных ласточек, про это роскошное лето.

— Не надо, игра очень утомит тебя. Тебе нужен покой, вот поправишься немного, сможешь сидеть — тогда и поиграешь.

— Я уже могу сидеть! Сегодня, когда ты уходила к соседке, я сидел. Вот посмотри...— Каипкожа зашевелился и, опираясь на локти, с трудом сел на постели.

— Ложись, прошу тебя, ложись! Что с тобой сегодня, батыр? Ты настойку из травы и кореньев не пил?.. Ох, аллах всемилостливый, куда это запропастился Каримгали? Хоть бы поскорее пришел да принес кумыс. Выпил бы ты настойку с кумысом, сразу легче бы стало. Ах, как бы помог тебе сейчас свежий кумыс! — говорила Жубай, пытаясь снова уложить мужа в постель.

Каипкожа настойчиво просил принести ему сыбызгу и наотрез отказался лечь в постель. Жубай уступила, принесла сыбызгу и, тряпкой смахнув с нее пыль, подала мужу, затем поставила перед ним чашку с водой. Каипкожа набрал в рот воды, спрыснул сыбызгу, вытер ее и положил возле себя на колени.

— Когда ты послала Каримгали за кумысом? — спросил он, пристально посмотрев на жену. Затем повернулся к двери и стал сосредоточенно вглядываться в степь.

— Каримгали ушел давно, когда ты еще спал. Должен уже вернуться, да что-то все нет...

— Может быть, кумыс у Балым еще не выбродил?

— Я сказала ему, что если у Балым еще кумыс не готов, чтобы попросил у учителя. Они давно уже начали доить своих кобылиц, так что у них наверняка есть. Хален сам мне говорил, чтобы брали у него.

— Самой бы надо было сходить. Каримгали уже большой джигит. В его годы мы не то чтобы просить у кого-нибудь кумыс, даже стыдились пить, когда нас угощали. Непристойно такому большому джигиту выпрашивать кумыс, стыдно.

— Какой же стыд просить кумыс на лекарство для больного отца? Я всегда сама носила, только сегодня послала Ка-

римгали, потому что дома скопилось много работы,— ответила Жубай, оправдываясь.

Каипкожа больше не сказал ни слова, продолжал через открытую дверь разглядывать степь, а Жубай снова принялась готовить шалап. Она то и дело поглядывала на мужа: «Может, поправится?.. Если бы каждый день пил свежий кумыс, быстро бы встал на ноги...»

Ни Жубай, ни Каипкожа не знали, что сын вот-вот вернется домой без кумыса, что его постигла большая беда — записали на службу и сегодня же должны отправить в Кзыл-Уй.

* * *

Кюи «Нар иген», «Аксак киик», «Бала каз», «Сокыр кыз» очень мелодичны и лиричны по содержанию. Далеко не каждый сыбызгист может их хорошо исполнить — это удается немногим. И среди тех немногих был Каипкожа. Он в совершенстве владел искусством игры на сыбызге, исполнял эти песни с чарующей прелестью, уводя слушателей в мир красоты. Сыбызга в его руках словно разговаривала человеческим языком, захватывая сердца людей. Не раз он играл эти песни на больших и малых праздниках, разъезжая по аулам, и тем снискал себе славу незаурядного сыбызгиста. Часто приходилось ему состязаться с другими музыкантами по исполнению «Нар иген», «Аксак киик», и он не имел ни одного поражения, всегда выходил победителем. Имя замечательного сыбызгиста было известно далеко за пределами Копирли-Анхатинской волости. Простые люди любили его, может быть, за то, что песни, которые он играл, скрашивали их тяжелую, безотрадную жизнь, заставляли хоть на минуту забыть нужду и горе. Особенно любила слушать его песни молодежь. Едва завидев Каипкожу, джигиты и девушки просили его сыграть «Гусенка» и «Слепую девушку». Когда он приезжал в аул, там до самого утра не прекращалось веселье. Почет!.. Угощение!.. Но ничто не вечно, все проходит — отгремели праздники, отшумели пышные тои. Кончилась молодость — кончилось веселье!.. Быстро забывались похвальные крики толпы: «Замечательно!..», «Молодец, Каипкожа, живи долго!..», «Да пошлет тебе аллах всех земных благ!..» Забывались через месяц, через неделю, исчезали, как мираж в туманной степной дали. Такова жизнь!.. Все это вспомнил Каипкожа теперь, глядя на зеленую степь, на голубое небо. Как видение, промелькнули перед глазами шумные дни молодости, растаяли, и снова — только беззаботный стрекот кузнечиков за стеной да тяжелые вздохи жены у порога. Каипкожа взял сыбызгу и начал тихо играть.

Плавно полилась мелодия незнакомой песни, набирая темп, и вдруг словно прорвалась через преграду и загремела, наполняя сенцы чарующими звуками. Жубай быстро оглянулась, на ее лице — испуг и удивление. Она пристально посмотрела на мужа — что с ним? Каипкожа играл с упоением, собравшись в комок, позабыв обо всем на свете; на его тонкой, худой шее вздулись две синие вены, было видно, как они вздрагивали; он смотрел вниз, полузакрыв глаза, словно разглядывал какую-то былинку, неподвижно лежавшую на земляном полу. Над верхней губой шевелились усики, зубы плотно сжимали толстый конец сыбызги. Сухие и длинные, как тростниковые палочки, пальцы быстро и ловко перебирали лады. Лицо от напряжения потемнело, на висках вздулись жилки и, казалось, готовы были вот-вот лопнуть. Не глядя на сыбызгиста, а только слушая его музыку, можно было подумать, что играет молодой, с цветущим здоровьем джигит. И песня была веселая, полная радости и счастья.

Старуха молча смотрела на мужа и слушала песню. На миг она забыла, что живет в сырой землянке со смертельно больным мужем,— вспомнилась беззаботная молодость, вспомнилось все лучшее, что было в ее безрадостной, придавленной нуждой и горем жизни... Она опустилась на порог и закрыла лицо руками.

Каипкожа играл так страстно и выразительно, что казалось, даже птицы примолкли, слушая песню. Она вырывалась из дверей землянки и уносилась далеко в степь. Притихли за стеной кузнечики, перестали чирикать в гнезде под потолком ласточки...

Старуха беспокойно подняла голову и стала всматриваться в степь — там никого не было видно, но топот приближавшихся всадников слышался все сильнее и отчетливее.

— Батыр, перестань играть, к нам кто-то едет,— попросила Жубай мужа.

Каипкожа словно не слышал ее слов, продолжал играть, играть... Глаза его по-прежнему были полузакрыты, он смотрел в земляной пол; что представлялось его взору, было известно только ему одному.

Жубай встала и пошла навстречу подъезжавшим всадникам.

5

— Эй, хозяйка, Кайкан дома? Это не он ли играет на сыбызге? Оказывается, ты тогда обманула меня, сказав, что муж болен, а?— крикнул Жол, слезая с лошади.— Никогда не скажете правду, словно у вас от правды животы полопаются!

Эй, хозяйка, пусть Кайкан выйдет сюда, нужно поговорить с ним по срочному делу!

— Бий кайным, он тяжело болен и не может выйти. Если хотите поговорить с ним, пройдите в землянку,— ответила Жубай, недоверчиво глядя на двух вооруженных всадников, приехавших вместе со старшиной и тоже слезавших с коней.

— Ты что болтаешь? «Тяжело болен»?.. Разве тяжело больной человек может играть на сыбызге? Мы за версту отсюда услышали эту песню. Скажешь, никто не играл у вас на сыбызге? Может, спорить будешь, а? Я думал, только этот джигит лгун,— он указал камчой на Каримгали,— но, оказывается, и мать его обманщица!..

— Что ты, бий кайным! Да пусть меня покарает аллах, если я лгу. Никогда я никому не лгала в жизни, а теперь, в пятьдесят пять лет, стану лгать? Зайди и посмотри сам — кожа да кости!... Еле дышит... Только-только перед вашим приездом попросил сыбызгу, мне не хотелось обижать его, я принесла ему сыбызгу и усадила на подушки... Он не только во двор выйти не может, две недели как не поднимается с постели. Заходите, заходите, бий кайным, но пожалуйста, не утомляйте его долгим разговором. От игры на этой проклятой сыбызге он совсем обессилел. Не может отвыкнуть от старой привычки. Даже сейчас — почти при смерти, а все просит поиграть...

— Зайдем, что ли, старшина! Эти старухи только и знают жаловаться: «Лежит при смерти, собираемся хоронить!..» Если умрет, отнесем вон на то кладбище и похороним,— сказал рыжий жандарм Маймаков, указав камчой в сторону видневшихся на склоне холма могил.— А сыбызгу поставим у изголовья!

— О аллах, что вы говорите?! — воскликнула старуха и зашептала молитву.

— Ладно, не причитай!

Старшина подвел лошадь к землянке и привязал повод за торчавшую из крыши жердь. Затем помог рыжему жандарму привязать коня и, отряхнувшись, гордо вошел в землянку. За ним следом скрылся в дверях землянки и Маймаков.

Старая Жубай подошла к сыну, растерянно смотревшему по сторонам.

— Каримгали, где кумыс? Почему ты вернулся без кумыса?— спросила она.— Как же ты мог прийти с пустыми руками?

— До кумыса ли тут было!— низким, упавшим голосом проговорил Каримгали.— Говорил я им,— он кивнул в сторону жандарма,— просил, не пустили... Окружили и насильно погнали назад.

— Почему они тебя окружили? Или на нас наложили новый налог?

— Налог?.. Мы не такие богачи, чтобы нас обкладывать налогом. Налог полагается с тех, у кого много скота. Эх, мама, мама, ничего ты не понимаешь! Не налог, еще хуже... Меня записали в сарбазы![1] Теперь тоже буду разъезжать по аулам с винтовкой за плечами, как эти...— он снова кивнул в сторону жандарма.

— Что ты говоришь? Они хотят тебе дать ружье и увести из родного дома? О аллах, прости и помилуй нас!.. Что ты болтаешь, непутевый? Зачем ты им нужен?

— Не пугайтесь, мама, ничего тут страшного нет. Одно плохо — от дома могут далеко угнать.

— Ойбай-ау, что ты болтаешь? Ты еще ребенок, кто за тобой смотреть будет, кто напоит, кто накормит!.. А если заболеешь, кто поухаживает за тобой!.. О всевышний, зачем ты придумал эти ружья? Ойбой, Каримгали, и не думай брать в руки ружье, убьешь еще себя! Куда ты пойдешь из дома, на кого бросишь умирающего отца и меня, больную и немощную старуху?.. О аллах, зачем ты послал на нас эту беду?..— заголосила Жубай.

Каримгали молчал, бессмысленно глядя на мать. Он вспомнил, как старшина Жол уговаривал его записаться в сарбазы. Старшина говорил: «Каримгали, тебя народ посылает служить ханскому правительству. Не выполнить желание народа — преступление, за которое джигит будет строго наказан. Ты станешь сарбазом — гордись! Я вижу, ты согласен. Возвращайся домой и скажи отцу, что согласен идти на службу. Поехали вместе!.. Смотри, не смей при отце отказываться. Если будешь послушным и поедешь вместе с другими джигитами на службу в Кзыл-Уй, я дам тебе рекомендательное письмо. Напишу, что то хороший и умный джигит, начальство сразу назначит тебе жалованье. Ты знаешь, что такое жалованье? Дадут тебе денег, одежду, оружие, дадут хорошего коня. Чем без дела шататься по аулу, лучше служить. Станешь человеком! Понял?»

Заманчивыми показались слова старшины. Наивный и простоватый Каримгали согласился. Он хорошо знал, что деньги, одежду и коня заработать очень трудно, а тут — все это дают только за то, что запишешься в сарбазы. Джигит в ауле без коня — не джигит, грош ему цена. Кроме того, Каримгали казалось, что ездить с винтовкой за плечами по степи — очень интересно и не каждому выпадает такая честь... А что с ним будет дальше, зачем и для чего ему нужно носить

[1] Сарбаз — солдат.

винтовку, об этом он не думал. Он только попросил старшину, чтобы тот разрешил ему принести отцу кумыс. Но Жол, усмотрев в этом хитрость, строго сказал:

— Никаких кумысов, возвращайся домой!

Каримгали послушно побрел вслед за всадниками к своей землянке. Только теперь, глядя на голосившую и причитавшую мать, он начал сознавать, какое горе принес в дом, но что делать? Он молчал, слова матери болью отдавались в сердце.

Жубай, не переставая голосить, побежала в землянку, куда вошел старшина с Маймаковым.

— Дорогой бий кайным!— упала она к ногам Жола.— Что же это вы делаете с нами? Забираете на службу единственную нашу надежду и опору! Батыр-ау, что же это такое?..— метнулась она к постели мужа.

Каипкожа, совершенно ослабевший после игры на сыбызге, сидел неподвижно, склонив на грудь голову. Худой, иссушенный болезнью, он походил скорее на привидение, чем на живого человека. В правой руке он держал сыбызгу. Недавно светившиеся огоньками глаза его потускнели. Дышал он редко и глубоко, приподнимая и опуская плечи. Он не ответил на приветствие Жола, даже не поднял головы. Не взглянул он и на плакавшую возле постели жену.

— Батыр-ау, как же это? Ты молчишь? Ты совсем ослаб!.. Просила тебя, не играй, не бери в руки эту проклятую сыбызгу — не послушался! Приляг на подушку, отдохни,— Жубай помогла мужу лечь.— Может, шалапа выпьешь? У тебя побледнели губы!..

Губы Каипкожи были безжизненно бледными, а лицо — как выгоревшая на солнце и полинявшая от дождей тряпка.

Силясь что-то сказать, больной приоткрыл глаза и беззвучно зашевелил губами. Жубай, придерживая его голову рукой, поднесла ко рту чашку с шалапом. Каипкожа отпил несколько глотков и сделал знак рукой, что больше не хочет.

— Полежи, полежи, отдохни,— ласково проговорила старуха.

— Кайкан, мы приехали к тебе по срочному делу,— сказал старшина. Он хотел поскорее закончить разговор и уйти из землянки — ему было неприятно смотреть на больного старика.

Но Каипкожа и на этот раз не пошевельнулся, словно совершенно не к нему обращался старшина. Было непонятно, то ли сыбызгист в забытьи, то ли притворяется. Жол повторил:

— Кайкан, мы приехали к тебе по срочному делу. На сходе граждан седьмого аула решено отправить на службу в

Кзыл-Уй двенадцать джигитов. Среди других имен люди назвали имя Каримгали, сына Каипкожи, то есть вашего старшего сына. Список составлен, и об этом уже сообщено в канцелярию волостного управления. Выполняя волю схода, мы и приехали собирать джигитов... Как видите, мы не жалеем ни себя, ни своих коней, заботясь о народе. Мы намерены сейчас же собрать и отправить вашего сына в Кзыл-Уй. Благослови его, старик, и проси аллаха, чтобы твой сын дослужился до больших чинов!

Но даже и после этих слов старшины Каипкожа продолжал лежать неподвижно и смотреть мутными глазами в серую стену. Старшина, как человек, честно выполняющий свои служебные обязанности, посчитал своим долгом в третий раз повторить сказанное; он уже намеревался начать говорить, но Жубай перебила его:

— Дорогой бий кайным, отведи от нас несчастье, оставь нашего Каримгали дома. Муж болен, сам видишь, кто же за хозяйством будет присматривать? Ты сам знаешь, младший сын батрачит у чужих людей — пасет овец хаджи Шугула. Не трогай нашего Каримгали, аллах исполнит твои желания, дорогой бий кайным!..

Но ни старшина Жол, ни рыжий Маймаков не обратили внимания на плачущую старуху.

Во время разговора в сенцы незаметно вошел Каримгали. Он робко остановился у дверей. Заметив его, старшина сказал:

— Каримгали, лошадь я тебе достану в другом ауле, а сейчас пойдешь с нами пешком. Ну, собирайся!

Каримгали смотрел то на отца, то на старшину и в нерешительности топтался на месте.

— Старшина, если будешь так уговаривать каждого, то сегодня ни одного джигита не отправишь в Кзыл-Уй. Этот тупоголовый лоботряс отстанет от нас да еще заблудится где-нибудь, ищи его потом! Пусть садится на свою кобылу и едет с нами!.. — грубо сказал Маймаков.

Жол сразу же согласился.

— Правильно! Как я не подумал об этом раньше?.. Каримгали, садись на свою кобылу. В верхнем ауле я достану тебе хорошего коня, а кобылу отправим обратно домой. Чего стоишь, собирайся быстрее!

— Это жестоко! Разве можно забирать сына, когда отец лежит при смерти?..— снова запричитала Жубай.

Но рыжий жандарм резко оборвал ее:

— Эй, старуха, никто не сожрет твоего сына, замолчи! А налог они уплатили?— обратился он к Жолу.

— Налог?!— переспросил старшина.

— Да, налог!.. Если не уплатили, пусть завтра же заплатят. Мы вернемся сюда! А сейчас поехали. Эй, балбес, седлай лошадь, кому я говорю!

Каримгали вздрогнул. Окрик рыжего жандарма напугал его.

— Седла нет,— робко проговорил он.

— Без седла поедешь... выходи!..

Пропустив вперед Каримгали, старшина и жандарм вышли из землянки.

Жубай отчаянно закричала и кинулась вслед за ними, позабыв о больном муже. Душераздирающий крик жены словно разбудил Каипкожу. Он поднял голову и бессмысленным взглядом стал смотреть вокруг себя — в сенцах уже никого не было. Он стал рукой шарить по одеялу, нащупал сыбызгу, зажал ее в ладони и успокоился. Теперь он смотрел в потолок, низкий и закопченный, где на кривой балке, согнутой под тяжестью крыши, ютилось гнездо ласточки. Он смотрел в потолок, но не видел ни гнезда, ни ласточки, всегда радовавшей его своим чириканьем, — зрачки все расширялись и расширялись, а потолок медленно чернел и наваливался на него. Словно откуда-то из-под земли, слышались вопли старухи. Она проклинала старшину и жандармов:

— Пусть обнищает твоя семья! Пусть аллах заставит тебя плакать так же, как плачу я! О Жол! Пусть на твоей дороге вырастут колючки!..

Слышал причитания матери и Каримгали, уезжавший из дома надолго, а может быть, и навсегда. Тревога и грусть сдавливали грудь, ему хотелось плакать. Жандармы подгоняли коней. Жол натянул на уши шапку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Каримгали ехал позади жандармов и старшины, еле поспевая за ними. С удивлением и затаенной радостью смотрел он на их черные шинели, на винтовки, болтавшиеся у них за спинами; куда его ведут, что с ним будет, Каримгали не думал, другие мысли занимали его теперь —он полушепотом повторял слова Жола: «Человеком станешь, большим начальником!..», «Кайкан, моли аллаха, чтобы твой сын стал большим начальником!..» Надеть черную шинель и разъезжать вот так же по степи, как эти жандармы, казалось заманчивым счастьем. «Не сон ли это?— думал он.— Неужели и я завтра надену черную шинель, получу хорошего коня, винтовку?

Получу!.. Получу и стану разъезжать по аулам. Все будут бояться меня. С завистью будут говорить: «Вот едет Каримгали. С винтовкой едет!.. Это тот самый силач Каримгали, сын Каипкожи... Эй ты, дай ему дорогу!.. О Каримгали, проходи, садись на почетное место. Какие новости? Опять собираете лошадей для хана?..» Для самого хана! Вот кем я стану завтра!..» Когда Каримгали проезжал мимо аула Байназара, отец его, так и не очнувшись, в последний раз вдохнул теплый степной воздух...

Старая Жубай долго плакала, глядя вслед уехавшему с жандармами сыну, а потом со слезами вернулась к мужу. Каипкожа лежал без сознания, остекленевшими глазами смотрел в потолок. Безжизненный взгляд мужа напугал Жубай: «Умирает!..» Она побежала в аул хаджи Жунуса, расположенный на противоположном берегу Анхаты, чтобы позвать когонибудь читать Коран умирающему. Пока она, рыдая и причитая, перебралась через реку и позвала Тояша, Каипкожа уже лежал без движения, посиневший, холодеющий.

Вскоре собрались родичи покойного, близкие знакомые и стали готовиться к похоронам.

Хаджи Жунус разослал гонцов во все ближние и дальние кочевья, находящиеся в междуречном джайляу, оповестить людей о смерти Каипкожи и пригласить на похороны. Только в аул Шугула никто не поехал — Жунус знал, что богатый Шугул не соизволит прийти на похороны, а если бы даже и согласился прийти, то Жунус сам не хотел, чтобы он присутствовал при погребении замечательного сыбызгиста. Были приглашены на похороны оба хазрета из мечети Таржеке, но ни один из них не приехал. Всем известно, что если умирает богатый человек, то на его похоронах раздают деньги, отрезы мануфактуры, одежду и белье покойника — все, что полагается по обычаю. А что оставил после своей смерти Каипкожа? Только одну старую сыбызгу?.. Раздавать нечего, вот почему ни хазреты, ни ишаны, ни другие духовные лица не пришли проводить в последний путь бедного Каипкожу. Собрались на похороны только родичи из соседних аулов да почитатели его большого таланта.

Жубай, весь день и ночь плакавшая у изголовья мужа, не в силах была идти на кладбище и осталась дома. И сыновьям Каипкожи не суждено было бросить горсть земли в могилу отца —они тоже не могли прийти на кладбище. Старшего сына угнали на службу, а младший — Кали — находился где-то далеко, за холмами, пас шугуловских овец и ничего не знал о постигшем его горе.

С кладбища люди возвращались хмурые и задумчивые. Старались не глядеть друг на друга, словно чувствовали себя

виноватыми. Лишь изредка слышался негромкий разговор:

— Эх, вот уже где бедность так бедность! Это про таких говорят: «У него не было даже пучка волос на голове, за что можно бы ухватиться!..» После нищего остается сума, а у Кайкана и ее, оказывается, не было...

— Да-а, от бедняжки осталась лишь одна сыбызга.

— Отец был замечательным, никем не превзойденным сыбызгистом, а сыновья...

— Хочешь сказать, слабоумные?— спросил Асан, пристально посмотрев на Кадеса.

Разговаривали между собой два брата — Кадес и Акмадия. Акмадии не понравился вопрос Асана, он резко ответил:

— А ты думал, что Каримгали станет вторым Каипкожой? Посмотри на Жубай, разве от такой женщины может родиться путный ребенок?

Возвращаясь с кладбища, Асан думал о том, как бесчеловечно поступил старшина Жол, отправив на службу Каримгали: «Умеешь с бедняками расправляться, хватает силы на беззащитных!..» Он мысленно строил планы, как отомстить за это. Кадес и Акмадия, начавшие осуждать жену покойного, перебили его мысли. «Жубай некрасивая!.. Не может как следует поговорить с человеком... Забитая, смирная...»— так говорили они о ней. Асан считал неприличным осуждать женщину, которую постигло горе; хмуря брови, он возразил:

— Акмадия, если бы твоя жена всю жизнь жила в нужде и горе, как Жубай, едва ли смогла бы родить тебе хороших детей!

Оба смолкли.

Люди знали, что Каипкожа жил бедно, но то, что они увидели, придя на похороны, заставило содрогнуться их сердца. Ни одной кошмы, ни одного коврика на сыром земляном полу, ни одного хорошего одеяла или подушки... Худой как скелет покойник лежал на старых овечьих шкурах, накрытый вместо паласа какими-то лохмотьями. Люди с ужасом увидели, что сыбызгиста даже не в чем хоронить. Такой же ветхой и безжизненной, как хозяин, казалась полуразрушенная, с обвалившимся потолком землянка. Все здесь говорило о неизмеримой нищете и убожестве. У людей холодели сердца. Подавленное настроение не покидало их и теперь, когда они шли с кладбища, где над бедным сыбызгистом возвышался свежий холмик земли. Думая о Каипкоже, невольно вспоминали свое горе,— ведь они тоже были бедны, почти нищи, и впереди не предвиделось ничего хорошего. Жалость к покойному сыбызгисту, жалость к себе постепенно перерастала в ненависть и злость против тех, кто захватил себе лучшие земли, кто имел

бесчисленное множество скота, кто накладывал на бедняков налоги, отбирая у них последнюю корову или лошадь. Если бы сейчас кто-нибудь сказал: «Вон виновник нищеты и смерти сыбызгиста! Вон виновник нашей бедности, люди!..» — толпа не задумываясь кинулась бы на этого человека, кто бы он ни был, и растерзала его.

Акмадия не стал возражать Асану, очевидно тоже поняв, что в такой скорбный час нельзя хулить несчастную вдову, и поспешно согласился с ним:

— Ты прав, Асан. Как это мы не видели такую бедность и нужду несчастного Каипкожи при его жизни? Помогли бы ему...

— Вы и после его смерти не увидите! Даже захудалого козленка жалеете зарезать на его поминки!

Снова поехали молча. Впереди показались всадники. Кадес приложил ладонь к глазам — трое.

— Кто бы это мог быть? — обернувшись, спросил он Акмадию.

— Какое нам дело до них,— буркнул Акмадия.

Три всадника скрылись в низине, объезжая густые заросли куги. Немного погодя они снова показались на равнине и теперь были хорошо видны. Они свернули коней к аулу и пустили вскачь. Двое всадников — жандарм Маймаков и его помощник — вырвались вперед, третий, старшина Жол, еле поспевал за ними. Как крылья, развевались на ветру полы его армяка из верблюжьей шерсти. Всадники въехали в аул, остановились и, не слезая с коней, стали смотреть на возвращавшихся с кладбища конных и пеших, далеко растянувшихся по степи. Маймаков, повернувшись к старшине, переговорил с ним о чем-то и поскакал навстречу двум всадникам, ехавшим особняком от других. Это были Кубайра и Сулеймен. Кубайра сразу узнал в Маймакове того жандарма, который недавно приезжал в аул для сбора налогов. Он не хотел встречаться со злым сборщиком налогов и предложил Сулеймену свернуть в толпу. Но Сулеймен, охочий до новостей, решил встретиться с Маймаковым и Жолом и продолжал ехать прямо.

Жандармы, несмотря на жару, были в полной форме: в черных шинелях, застегнутых на все пуговицы, с винтовками и саблями. Когда между ними и Сулейменом осталось не более трехсот метров, жандармы, как на вольтижировке, пустили коней в галоп. Подъехав к Сулеймену с двух сторон, резко осадили коней.

Сулеймен, никогда не имевший своей собственной лошади, но всегда пользовавшийся услугами богатого родственника Нигмета, и сегодня ехал на его красивой, тонконогой и

поджарой кобыле. Лошадь под Маймаковым, на которой он в несколько дней объездил почти всю волость, была утомлена и почти валилась с ног. Нужно было заменить эту лошадь. Еще издали заметив породистую гнедую кобылу под Сулейменом, Маймаков решил отобрать ее. С этой целью он и подъехал теперь к Сулеймену.

— Эй, казах, слезай с коня! — крикнул он, угрожающе помахивая камчой.

— Счастливого пути, джигиты!— поприветствовал Сулеймен, видя, что военные, хотя и намного моложе его, не поздоровались с ним первые. Затем он повернулся к Жолу и, слегка склонив голову, повторил приветствие.

— Передай свой салем сарту!..[1] Я не собираюсь родниться с тобой и не нуждаюсь в твоем приветствии. Слезешь с коня или нет?— заорал Маймаков, подъезжая вплотную к Сулеймену.

Приняв насмешливое обращение Маймакова: «Эй, казах!...» — за шутку, Сулеймен сначала было заулыбался, но, увидев озлобленное лицо рыжего жандарма, услышав его грозный окрик, сразу почувствовал недоброе, как-то оробел, съежился и стал говорить робко и осторожно:

— Замандас[2], хоть мы и не родичи, а взаимно приветствовать все равно нужно. Таков наш казахский обычай. Неужели вы этого не знаете?

— Укороти язык, чего учить вздумал!

Старшина Жол, желая предотвратить ссору, тихо сказал Сулеймену:

— Эти люди просят у тебя кобылу, отдай, ты для себя всегда сможешь попросить у Нигмета другую...

Сулеймен растерялся. Слезть с лошади и отдать незнакомым, чужим людям?.. Как это так?.. Но и спорить с ними, Сулеймен это отлично понимал, бесполезно, — все равно отнимут. Не зная, что делать, он оглянулся назад — далеко ли свои? Они были далеко, ехали шагом: Тояш, Нурым, Хаким и Бекей. Но вот кто-то из них махнул рукой, и все четверо поскакали галопом. Сулеймен видел, как они махали руками, давая понять, чтобы он не слезал с лошади и не отдавал ее жандарму.

— Старшина, не могу отдать лошадь, она не моя, я должен вернуть ее хозяину. Чем же я не угодил вам?— обернувшись к Маймакову, добавил Сулеймен.— Почему именно у меня хотите отобрать лошадь?

---

[1] Сарт — презрительная кличка узбека.
[2] Замандас — обращение к сверстнику.

— Ты еще смеешь разговаривать? Н-на, получай!.. Весь ваш аул — смутьяны! Я вам еще покажу, как сходки собирать!

На потную спину Сулеймена — он был в одной рубашке — опустилась тяжелая плеть жандарма. Потом второй удар, третий... Плеть пронзительно свистела в воздухе. Маймаков бил с оттяжкой, белая рубашка Сулеймена покрылась красными пятнами. Один за другим сыпались удары, обжигая тело. Сулеймен стиснул зубы, чтобы не закричать от острой и режущей боли, он весь съежился, обеими руками обхватил голову, защищая ее от ударов.

Во весь опор неслись четверо друзей на выручку Сулеймена. Хаким подскакал первым. Маймаков, неожиданно увидев перед собой молодого, интеллигентного, одетого по-городскому джигита, опустил плеть. Второй жандарм тоже отъехал в сторону.

— Никак не приучишь к порядку эту орду! — виновато проговорил Маймаков, отдавая честь. Он извинился не за себя, не за то, что избивал человека, а за Сулеймена, несообразительного и непослушного Сулеймена, который не захотел сразу отдать лошадь. Маймаков и сам не заметил, что всего лишь повторил любимую поговорку своего начальника офицера Аблаева. Не раз, обучая на плацу неуклюжих жандармов, Аблаев кричал на них: «Орда!.. Бестолковая орда!.. Когда только вы приучитесь к порядку!..»

— Пусть он «орда», пусть он невежественный человек, но ведь не он, а ты первым кинулся его избивать!— зло проговорил Хаким.— Это зверство — ни за что ни про что бить плетьми человека. Понимаешь ли ты это?

Возбужденный и разгоряченный Маймаков, не замечая искаженного гневом лица Хакима, начал оправдываться:

— Этот казах ничего не понимает. Мне нужна лошадь, чтобы выполнить приказ начальника. Я знаю, он и налог еще не уплатил. Он вообще не подчиняется власти, разъезжает себе с утра до вечера по похоронам — настоящая орда!..

Не успел Маймаков договорить, как сзади на него налетел подскакавший Нурым. Он ударил жандарма по спине, затем схватил насильника за воротник черной шинели и резко потянул на себя. Как сбитая с головы шапка, слетел Маймаков с седла. Конь его, почувствовав свободу, шарахнулся в сторону и побежал в степь, увозя с собой прикрепленную к луке седла винтовку. В это время подоспели Тояш и Беркей, ехавшие на одной лошади. Маленький Бекей проворно спрыгнул на землю, чтобы удобнее было действовать Тояшу. Подбежав к барахтавшемуся в пыли Маймакову, Бекей закричал фальцетом:

— Он, это он в прошлый раз избил меня!..

Крик Бекея безответно повис в воздухе — никто не обратил на него внимания. Помощник Маймакова, высокий и плечистый жандарм, свирепо взглянул на Нурыма, и, гикнув, с поднятой плеткой кинулся на него. Нурым, защищаясь от удара, спрыгнул с коня и закрыл руками голову, но плетка все же прошлась по его спине. Высокий, дюжий жандарм, развернув коня, снова пустил его на Нурыма. Хаким посмотрел на Тояша, как бы прося его заступиться за брата. Сам он, всегда избегавший ссор и драк, в нерешительности натягивал поводья — чувствовал, что не справится с рослым и сильным жандармом. Плетка жандарма угрожающе свистела в воздухе, по спине Хакима бегали мурашки. Силач Тояш, не раз выходивший победителем из кровавых драк, напряженно следил за действиями плечистого жандарма, как кошка за мышонком, готовая в любую минуту напасть. В руке он держал толстую плеть. Крупный гнедой Жунуса, на котором он сидел, словно предчувствуя схватку, нетерпеливо перебирал ногами. Тояш дернул повод, и гнедой рванулся вперед, перерезая путь жандарму. Кони сшиблись, над головами взвились плети — и не успел Хаким как следует разглядеть, что происходит, как плечистый жандарм кубарем скатился под ноги коню...

* * *

Хаким, Нурым, Тояш, Бекей и подъехавший к концу драки Асан решили никому не рассказывать о своей встрече с жандармами. Но на следующий день вся степь уже знала, что четверо джигитов из аула Жунуса избили представителей ханской власти и отобрали у них оружие. Кто мог рассказать об этом? Друзья предполагали — Кадес, который хотя и не присутствовал при драке, но, как всегда, знал все и обо всем...

Под вечер Кубайра, боясь, что у него отберут лошадь, решил на несколько дней скрыться из аула. Собравшись уезжать, он встретил Кадеса.

— Что нового?— спросил Кубайра.

— А ты разве ничего не слышал?..— плутовато улыбаясь, ответил Кадес.

— Нет.

— Двух налогосборщиков наши аульчане избили. Старшина с ними был...

— И Жола били?..

Кадес заложил в нос щепотку табаку, громко чихнул и, протягивая шахшу подошедшему Тояшу, проговорил:

— Нет, Жола не трогали. Нурым бросился было на него, но Хаким не разрешил... А у тех двоих отобрали коней и оружие, и прогнали пешком...— Затем, обращаясь к Тояшу,

добавил:— Тоеке, у кого ты научился так ловко владеть плеткой?..

Тояш ничего не ответил. Угрюмо взглянув на Кадеса, пошел прочь.

2

Спустя два дня после похорон Каипкожи и довольно неприятной встречи с жандармами аульчане выехали на сенокос. Травы, выросшие без дождя, только на вешней влаге, сохли быстро, почти вслед за косцами женщины подгребали и копнили сено, а через сутки уже метали стога.

Для своего небольшого хозяйства — одна корова и одна лошадь — Асан обычно накашивал сена на зиму неподалеку от аула, по оврагам, но в этом году к нему присоединились вдова Кумис и еще два родича. Объединившись, четыре хозяйства получили сенокосный участок на берегу озера Бошекен. Трое сильных мужчин, возглавлявших семьи, косили, а подгребали и копнили скошенную траву женщины. Вдова Кумис послала на сенокос невестку Шолпан. Она любила молодую и красивую невестку, верила ей, но все же на следующий день поехала на сенокос сама, чтобы убедиться, хорошо ли работает Шолпан, и вообще присмотреть за ней.

В последнее время Кумис стала замечать, что с невесткой творится что-то неладное. Она сделалась задумчивой и грустной, перестала ходить на вечеринки: обычно шумливая и веселая, теперь все больше молчала, когда Кумис что-нибудь спрашивала у нее, отвечала двумя-тремя словами. Часами стала просиживать в юрте, приподнимала нижнюю кошму и подолгу молча смотрела в степь. Кого высматривала она, для Кумис это было загадкой. «Ты что такая невеселая, не заболела ли?»— спросила как-то Кумис. «Нет,— сухо ответила Шолпан.— Видела во сне покойницу маму вот и пригорюнилась!»

Прибыв на покос, Кумис взяла вилы и стала помогать женщинам. Она работала рядом с Шолпан и все время поглядывала на невестку. «Что же с ней случилось, словно кто подменил ее?— думала Кумис, вспоминая недавние разговоры с Шолпан и стараясь наконец выяснить причины ее грусти.— Тут дело совсем не в сне. Если бы только нехороший сон видела, погрустила бы день-другой, и все. А то с самого приезда Хакима запечалилась... Когда Хаким приходит к Халену, она не спит всю ночь. Почему она спрашивала у меня, какая родственная связь между учителем и хаджи Жунусом и могут ли они быть сватами? Не случайно, конечно. Здесь что-то есть... От этого-то она, наверное, грустна?..» Шол-

пан работала проворно, но подбирала сено не чисто. Кумис видела это, но ничего не говорила — подгребала за невесткой сама. Все, что за день трое мужчин успели накосить, женщины к вечеру сгребли в валки и скопнили.

Днем было жарко. Наступил вечер, а жара все не спадала. На другом берегу озера весь день стрекотала сенокосилка хаджи Жунуса. Наконец она смолкла, Бекей и Нурым распрягли лошадей, Хаким прочистил и смазал косилку, и все трое отправились к реке.

— Хватит,— сказала Кумис, когда смолк шум косилки.— Идемте отдыхать.

Шолпан, думая о чем-то своем, не расслышала слов вдовы и продолжала работать.

— Ты же устала, Шолпан, идем отдыхать. Ох, как заныли у меня ноги и поясница, с непривычки, давно уже не сгребала сено,— пожаловалась Кумис, стряхнув платок и вытирая им потную шею.

Шолпан молча присела рядом со старухой. Она тоже чувствовала усталость и теперь с удовольствием наслаждалась холодком. На полных щеках ее пылал румянец. Она не спеша переплела распустившиеся косы.

Отдохнув, женщины спустились к реке.

— Пойду домой,— сказала Кумис.

Оставив на берегу умывавшуюся невестку, вдова села в лодку Асана, переправилась на другую сторону и ушла в аул.

Хаким, искупавшись, решил проведать Халена и вплавь отправился на противоположный берег. Когда он подплывал к песчаному откосу, Шолпан уже собиралась уходить.

— Шолпан, подожди!— крикнул он, выходя на берег.

Молодая женщина, хотя и заметила Хакима и слышала его голос, пошла вверх по тропинке, не оглядываясь и не останавливаясь.

— Подожди, Шолпан!— снова крикнул Хаким.

Женщина остановилась и оглянулась. Увидев веселое, улыбающееся лицо Хакима, тоже улыбнулась. «Что он хочет мне сказать? Ведь все знают, что он любит Загипу... Или он просто шутит с ней? Правильно моя мама говорила — кто прыгает от холода, а кто от сытости! Что ж, он — свободный джигит, ничем не связанный, вот и бесится от скуки и безделья»,— с укоризной подумала она о Хакиме.

— Что вы хотите мне сказать?— строго спросила она, поправляя на голове белый ситцевый платок.— Вы через меня хотите послать девушкам привет?

Хаким, не зная, что сказать, смутился. И вправду, что ей ответить? Шолпан — молодая, красивая, можно бы и влюбиться в нее, да у нее подрастает муж!.. Хакиму нравилась

Шолпан, ему было приятно стоять рядом с ней, смеяться и шутить.

— Шолпан, я давно хотел с тобой поговорить... Не знаю отчего, но мне всегда хочется тебя видеть. Почему ты все время избегаешь меня?— наконец нашелся Хаким. Он взял ее за руку.

Не вырвала руку Шолпан, не отстранилась — холодно и безразлично посмотрела на Хакима.

— Я не знала, что вы давно хотите со мной поговорить. Говорите, я стою перед вами. Я слушаю.

— Почему ты, Шолпан, не ходишь на вечеринки, разве не хочешь повеселиться? Мы бы там встречались с тобой...

— Да, вы молоды, вам к лицу веселье и смех, а мне...

— Что ты говоришь?.. Ты красивее всех наших девушек, цветешь, как алый тюльпан!..— воскликнул Хаким.

Шолпан опустила глаза и, тяжело вздохнув, проговорила:

— Если бы вы это сказали года два тому назад, все было бы верно. А теперь... выглянувший из-под снега цветок растоптан ногами, вы не наклонитесь и не станете его поднимать. А если и поднимете, то сейчас же разочаруетесь и выбросите снова под ноги.

Тяжелый укор прозвучал в словах молодой женщины, словно Хаким был виноват в ее несчастной судьбе. Он медленно выпустил ее руку. Как солнце в жаркий день вдруг заслоняется тучей, так неожиданно помрачнело красивое лицо Шолпан. Хаким с сожалением подумал, что напрасно стал говорить с ней о вечеринках и веселье.

— Я не хотел обидеть тебя... Твои слова очень жестоки... Не надо так огорчаться!..

— В детстве я видела, как волк загрыз теленка...— тихо начала Шолпан.— До сих пор не могу забыть эту картину, она всегда стоит перед моими глазами... Случилось это так. Невдалеке от нашей зимовки было озеро, поросшее камышом и осокой. К осени, когда оно начинало высыхать, туда на молодые камыши уходил пастись скот. Особенно любили зеленые листочки тростника телята. Они забирались в самую гущу и пропадали там по целым дням. В том же году у нас было две телочки. Однажды, это случилось после полудня, мы сидели с мамой в юрте, как вдруг с озера послышался пронзительный рев теленка. Люди всполошились и побежали к тростникам. Я тоже побежала. Неожиданно кто-то крикнул: «Волк! Волк!..» Мы, девочки, испугались и вернулись обратно в аул. Я видела из юрты, как из камыша выбежал огромный серый волк и пустился в степь. Джигиты на конях погнались за ним, но не поймали — волк скрылся. Вечером мы недосчитались одной телочки. Пошли в камыш искать.

Телочка была еще жива, но волк сломал ей позвоночник. Она не могла сама двигаться, и мы принесли ее на руках. Я долго ухаживала за телочкой и вылечила ее, но хребет сросся криво и на спине виднелся большой шрам. Она так и осталась маленькой, ее за это прозвали кривобоким уродцем... Когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что вот так же и моя жизнь искалечена и я похожа на ту кривобокую телочку, и даже гораздо несчастнее ее, потому что могу понимать это. Но кого винить? Видно, уж такова моя судьба!.. Никому нет до меня дела, не от кого ждать помощи...

— Не отчаивайся, Шолпан, мы поможем тебе!..— сказал Хаким.

Он и сам не знал, о какой помощи говорил, кого подразумевал под «мы»,— просто нужно было чем-то утешить молодую женщину.

Шолпан внимательно посмотрела на него:

— Вам все можно, вы — свободный... Загипа хорошая девушка, грамотная, как раз вам пара... Если позволит шариат... Ох этот шариат!.. Из-за него и я должна выходить замуж за девятилетнего Сары.

Хаким покраснел.

— Какое дело шариату до нас,— пробормотал он.

— Я тоже так думала,— возразила Шолпан.— Но даже учитель не мог помочь мне, сказал, что нарушать священный шариат нельзя. Ах! Меня, наверное, давно уже ждут, побегу! Будьте здоровы! Ваши слова: «Какое дело шариату до нас»— я передам Загипе!

Шолпан повернулась и быстро побежала по тропинке.

— Подожди!.. Подожди!..

Но Шолпан уже скрылась за густыми таловыми кустами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Султан Арун-тюре Каратаев подолгу стоял у карты Уйректы-Кульской, Кара-Обинской и Копирли-Анхатиской волостей и красным карандашом ставил на ней крестики. Сегодня он поставил два больших креста в самом центре Кара-Обы.

— Кто-то один должен властвовать здесь: или мы, или они!..— злобно прошептал султан, чуть заметно шевеля губами.

Задернув карту шторками, он быстро зашагал по комнате. «Если так будет продолжаться и дальше, то поневоле по-

веришь, что на свете есть колдовство!.. Какой уже месяц ловим Абдрахмана Айтиева и никак не можем поймать. Уму непостижимо, как он мог удрать из Уральска?!.. Выскользнул, как налим, из рук...» В городе не могли поймать, вряд ли найдешь его в степи...»

Он остановился возле стола и снова посмотрел на донесение. «...Настоящей реляцией доношу, что числа второго, месяца саратан большевики открыли тайный съезд среди хохлов. Участвовали Парамонов, Колостов и много других русских. Из казахов присутствовал известный защитник бедноты и сторонник хуррията Абдрахман Айтиев. Этот Айтиев — большевик. Он также держал речь среди казахов из рода Кердери, которые промышляют рыболовством на берегу Яика... Айтиев уговаривал народ не подчиняться ханской власти...»

— Это еще что за слово «хуррият», на каком языке написано? Ни по-казахски, ни по-русски. «Поборник свободы», что ли?— тихо пробормотал Арун-тюре.

Он снова начал ходить взад-вперед по комнате. Просторная комната казалась ему тесной и душной. Султан открыл дверь, распахнул все окна. Навалившись на подоконник, стал смотреть в степь — ничего привлекательного, голо, пустынно. Каждый день султан видит из окна эту скучную степь, каждый день она одинаково наводит на него грусть. Он перевел взгляд на реку. Там, на песчаной отмели Уленты, с шумом и плеском купались ребятишки. От реки вправо и влево убегали серые плоские крыши землянок.

Маленький городок, словно обруч, разрезанный пополам, примыкал к реке. В центре его находилась небольшая тюрьма, а чуть в стороне от нее, возвышаясь над всеми домами и домиками, красовался богатый особняк, в котором теперь находилась канцелярия султана Аруна-тюре.

В этот неуютный пустынный городок Арун-тюре приехал две недели тому назад по вызову Джамбейтинского правительства. Основной задачей султана было найти и арестовать Абдрахмана Айтиева. Он привез с собой карту губернии, которая досталась ему как бы в наследство за долголетнюю службу в Уральске. С первого же дня Арун-тюре организовал тщательные поиски Айтиева. Он испещрил карту красными крестиками — это аулы, где юркий и неуловимый, как ртутный шарик, Айтиев собирал сходы и вел среди людей большевистскую агитацию. «Если не пресечь его деятельность, то не позднее как через месяц карта сплошь покроется крестиками»,— покачал головой султан. Он вызвал к себе офицера Аблаева.

Офицер остановился у порога, сухо щелкнув каблуками. Арун-тюре внимательно оглядел его, словно видел впервые, и медленно заговорил:

— Я лично не одобряю действий Каржауова. Народ озлоблять нельзя. Представьте себе: вчера, проезжая через аул Жаугашты, этот Каржаув взял и застрелил кого-то. А что наделал он в ауле Булан? Там, пожалуй, нет человека, который бы не испытал на себе увесистой плетки Каржаувова. Нет, так дальше нельзя, открытая расправа — не наш метод. С народом нужно быть осторожным, действовать решительно, но с умом. Слышал, наверное, как поступили люди с этим, как его?..

— С Маймаковым.

— Да, да, с Маймаковым. Он хотел было устроить поголовную порку казахов в междуречном джайляу, так они его самого разоружили, отобрали коня и прогнали. Пешком пришел сюда. Так поступать нельзя,— назидательно сказал Арун-тюре.

— Каржаув очень самоуверенный, а по правде говоря, глупец, набитый дурак. Знаю я, на кого он надеется — на большое начальство. Он ведь из рода Тана!.. Только вряд ли начальство станет защищать таких глупцов!— Аблаев был рад случаю опорочить своего соперника.

— Вот именно,— подтвердил султан.— Я еще раз повторяю: надо действовать умно и осторожно. К чему поднимать шум? Пусть шумит чернь — ей не привыкать к этому,— а мы должны быть вежливыми и снисходительными, я имею в виду при людях, конечно. Но в то же время и показывать свою власть. Бунтарей надо вырывать из толпы по одному, как седой волос из головы, который портит всю шевелюру. А потом потихоньку, без лишнего шума, разделываться с ними. На глазах у толпы надо быть шелковым, злость и гнев прикрывать благородством, короче, надо завоевывать симпатию у народа. Не так ли, Айтгали?

— Совершенно верно, султан.

Арун-тюре погладил черные усы.

— Видишь вон тот дом?— он показал на тюрьму.

— Вижу.

— Мне хочется, чтобы там с завтрашнего дня нашли себе приют учитель Хален и студент Жунусов. Оба они проживают сейчас в седьмом ауле Копирли-Анхатинской волости, оба они — большевики, друзья Айтиева.

— Шестьдесят верст?.. Успею ли вернуться?..

— Если выедешь сейчас, — перебил офицера Арун-тюре,— вполне успеешь. Утречком будешь там, а к вечеру

вернешься обратно. Время не ждет. Мы не можем терять ни одной минуты. Вернешься и сразу же поедешь в Кара-Обу... Больше пяти-шести человек не бери с собой, нечего гурьбой ездить, понапрасну волновать народ!..

Через час Аблаев в сопровождении пяти жандармов выехал из Джамбейты в междуречное джайляу, чтобы арестовать Халена и Хакима.

* * *

Аул старшины Жола располагался почти у самого берега Анхаты, в семи верстах от кочевки Халена. В полдень Аблаев подъехал к реке и остановился со своим небольшим отрядом как раз напротив аула старшины. Увидев на противоположном берегу какую-то женщину, он велел ей немедленно позвать Жола. Жандармы пустили коней на лужайку и, забравшись под тенистые ивы, стали поджидать старшину.

Последние дни Жол держался как-то особенно осторожно. Он знал, что вот-вот должны приехать из Кзыл-Уйя люди арестовывать Халена и Хакима, и хотел, чтобы это произошло без его участия. Когда ему сообщили, что на берегу его ждут вооруженные люди, он даже изменился в лице. Сразу понял — они!..

— Жена,— окликнул он Бахитли.— Пойди сейчас на переправу и скажи тем военным людям, что меня нет дома. Поняла? Если спросят, где аулы Халена и хаджи Жунуса, расскажи им, как туда проехать. Да не забудь предупредить, что у Асана есть хорошая лодка, на которой они вполне могут переправиться!

Бахитли медленно подняла голову и сурово посмотрела на мужа, губы ее вытянулись трубочкой. Жол знал: как только жена начинает вытягивать губы — будет скандал. Сейчас она обрушится на него с упреками, начнет выговаривать и поучать. Не хотелось старшине, чтобы молодая женщина, сообщившая о прибывших военных, слышала нападки жены. Он искоса посмотрел на нее и сказал:

— Келин, ты можешь идти, дорогая. Ожидающим на том берегу мы сами дадим ответ. А ты, случаем, не сказала им, что я дома?

— Я сказала, что передам вашу просьбу, если старшина не уехал в соседний аул. Но они, кажется, плохо расслышали меня, потому что крикнули: «Куда уехал?..»

— Хорошо ты ответила, так и нужно было сказать. Ну иди, иди, дорогая.

— Долго еще ты будешь играть в прятки? Как только кто-нибудь из начальства приезжает в аул, ты сразу же в кусты,

как заяц от собаки! Лучше уж сидел бы дома да занимался хозяйством, какой из тебя старшина? Посмешище одно!..

— Ты бы хоть сначала поняла, в чем дело, а потом шумела. Я вовсе не из трусости прячусь, как ты думаешь. Этого требует необходимость. Иди и скажи, что меня нет дома.

— Какая необходимость?— не унималась Бахитли.

— Эти военные приехали арестовывать учителя Халена и сыновей хаджи Жунуса. Сыновья хаджи на той неделе, помнишь, напали на Маймакова и отобрали у него коня, — полушепотом проговорил Жол, посмотрев по сторонам, словно боясь, что его могут подслушать, хотя в комнате, кроме него и жены, никого не было.

— Так чего ж тебе прятаться, коли их за дело арестовывают? Я спрашиваю, зачем прятаться тебе, ты должен присутствовать при аресте, чтобы все видели, что ты старшина, боялись тебя и выполняли твои приказания. Может, ты боишься Халена и Жунуса? Один из них сам ученый, у другого — сын ученый. Так ты перед ними и преклоняешься, да? Нет, не мужчина ты. Баба, накинувшая на голову белый жаулык [1], гораздо смелее тебя. Да будь я старшиной, всех погнала бы одним прутиком: и хаджи, и учителя, и всех куцых ученых!

Жол смотрел на жену и думал: «Когда она перестанет?..» Несколько раз он пытался разъяснить ей, почему нужно остаться, но Бахитли и слушать не хотела.

— Есть дела, в которые лучше не вмешиваться,— говорил старшина.— Науськал других, а сам держись в стороне... Если, предположим, снимут меня с должности старшины, разве Жунус не разорит меня, зная, что я арестовывал его сына?.. Пусть лучше думает, что я тут вовсе ни при чем, а то и так он на меня все время косится...

Бахитли продолжала ворчать. Жол вышел из комнаты и позвал молоденькую жену Саги, которая только что приходила к нему.

— Дорогая, сходи-ка ты сама к тем военным,— попросил ее Жол,— и скажи, что меня нет дома. Уехал, мол, в какой-то аул, а когда вернется — неизвестно. Иди скорее, дорогая, беги!..

2

После встречи с жандармами Нурым и Хаким все время находились в тревожном состоянии. Они понимали, что поступили необдуманно, разоружив представителей ханской

---

[1] Жаулык — платок.

власти, но, как говорится, что сделано, то сделано, назад не вернешь. Не избежать им ответственности, и оправдаться будет нелегко. Особенно тревожился Хаким: он знал, что встреча с жандармами не сулит ничего хорошего, и заранее стал принимать меры предосторожности, чтобы не попасться в руки палачам неожиданно, как это случилось с ним в Уральске. Как только начался сенокос, он уезжал в поле и с утра до вечера работал вместе с Нурымом и Бекеем на сенокосилке. Вечером приходил в аул только затем, чтобы поужинать, и тут же снова уходил в степь и ночевал с братьями на скирде, надеясь, что не будет застигнут врасплох, если волостной управитель или джамбейтинские власти начнут разыскивать его. Ему и в голову не приходило, что могут арестовать Халена. Он считал, что виноваты только он и Нурым. Аульчане же этому инциденту почти не придавали никакого значения —обычный скандал, какие нередко происходят в аулах. Они рассуждали так: представители власти безо всякой вины избили Сулеймена и за это понесли должную кару. С ними обошлись, по мнению стариков, даже хорошо, только отобрали оружие и коней, а самих и пальцем не тронули. Опасаться особенно нечего, приедут расследовать, вернем оружие — и делу конец... Тояш и Асан, принимавшие участие в драке, забрали винтовки, обернули их кошмами и зарыли в сухой навоз около безлюдной зимовки. Нурыму и Хакиму достались револьвер и сабли. Револьвер они взяли с собой на сенокос.

Прошла неделя, никто не разыскивал их, не приезжал за ними. Заглянул как-то в аул старшина Жол. Ждали, что он начнет упрекать людей за нехороший поступок, но он даже ни словом не упомянул об этом. Побыл и уехал, и снова — никого. Постепенно тревога стала рассеиваться. Все меньше и меньше остерегался Хаким, он уже начал подумывать, что, может быть, вообще все так и пройдет незаметно.

Однажды, когда Хаким задержался в ауле дольше обычного, гуляя с девушками, Нурым не стал его дожидаться и вернулся на покос один. Он расстелил попону на сене и, укрывшись с головой чекменем, крепко заснул.

Каждое утро Нурым просыпался обычно от визгливого голоса Бекея, который пригонял лошадей с пастьбы, надевал на них хомуты, подготавливая к работе, и разговаривал с ними, как с людьми. Сегодня Нурым проснулся сам. Было позднее утро, солнце уже поднялось высоко и так пригревало, что Нурым весь вспотел. Вытерев мокрый лоб рукавом, он поднял голову и неожиданно увидел над собой улыбающегося Халена. Чуть в стороне Найке надевал хомуты на коней.

Досадуя на себя за то, что проспал, Нурым проворно вскочил на ноги и протер глаза кулаком.

— Куда это Бекей запропастился? Давно уже косить пора, отец ругаться будет!..

Он подошел к Найке, взял у него повод и повел было лошадь к сенокосилке, но тут же остановился в недоумении.

— Да ведь это кобыла Кубайры!— воскликнул он.— А где же наши кони?..

— Нурым, ты проснись, проснись и посмотри вокруг. Я приехал за косилкой. Хаджи велел передать вам, чтобы вы сегодня копнили. Сейчас подъедет Бекей.— Учитель похлопал Нурыма по плечу:— И в кого ты только уродился такой здоровяк?!. Хаджи вроде невысок ростом. Бал-женге тоже невысокая, а ты растешь чуть ль не на аршин ежедневно!.. Говорят, великаны бывают очень наивными. Смотри, джигит!..— шутливо докончил Хален.

— Вы тоже, кажется, не занимаете рост в долг, Халеке,— значит, и вы?..— ловко отпарировал Нурым.

— Да, я тоже наивен, — подтвердил Хален, смеясь.

Нурым помог Найке запрячь лошадей, осмотрел машину и, проводив учителя, принялся копнить. Вскоре подошел Бекей и тоже начал копнить.

Нурым все время прислушивался к стрекоту сенокосилки. К полудню косилка смолкла.

— Не шатун ли сломался?— с беспокойством сказал Нурым, обращаясь к Бекею.— Как-то уж сразу смолкла...

— Зря хаджи дает косилку, зря. Если машина сломается, что будем делать, у нас самих еще и половины не скошено. Уж очень он добр к учителю. Стоит Халену только промолвить слово, как хаджи сразу же идет ему навстречу,— недовольно проговорил Бекей.

Обычно летом в долине Большая Каракуга безветренно и душно, а сегодня стояла особенная жара. Пересохшее сено, едва ворохнешь его, отдает горячим дыханием. Но, несмотря на зной, Нурым работал быстро. Обливаясь потом, он ставил копну за копной, Бекей едва поспевал за ним подгребать.

— Что-то пить захотелось... Может, пойдем в тень и отдохнем немного, а?— предложил Бекей.

— Надо поскорее убрать сено, погода стоит хорошая,— возразил было Нурым, но тут же согласился.— Отдохнем...

Они пошли к старой зимовке, где сочился небольшой ключик и было прохладно. Поднявшись на холмик, неожиданно увидели Сулеймена, скакавшего охлябкой со стороны озера. Сулеймен гнал коня во весь опор, размахивая плеткой; подъехав к Нурыму, резко остановился.

— Их шестеро!.. Шесть человек!.. И все вооруженные... только что они арестовали Халена!..— выпалил он, еле переводя дыхание.

— Кто «они»? О чем ты говоришь?

Сулеймен, все еще продолжая тяжело дышать, слез с коня.

— Худо дело,— проговорил он.— Их шестеро: один начальник и пять солдат. Все казахи. Вместе с ними сын Есенбая Жартай. Он приехал на повозке. Не приложу ума, как он мог попасть в наши края, заблудился, что ли? Странно, просто странно. Когда эти шестеро приехали в аул, кони Шугула как раз стояли во дворе Кубайры. Забрали они этих коней. Серого коня Нурыша подседлал сам ихний начальник. Затем они вывели учителя, посадили в телегу и увезли. Прямо на Джамбейту поехали!..

Нурым, хмурясь, в упор посмотрел на Сулеймена.

— Халеке даже не позволили зайти в юрту переодеться,— между тем продолжал Сулеймен.— Макка на покосе была. Я хотел было к Макке, чтобы рассказать ей, но не смог. Повозку с Халеке они отправили в Джамбейту, а сами к Анхате... Сердце у меня так и екнуло. Думаю, не за Нурымом и Хакимом ли поехали? И вот — к вам...

— Да, это они поехали разыскивать нас,— подтвердил Нурым, хотя втайне надеялся, что это не так.

Бекей сидел молча, бессмысленно ковыряя палочкой землю.

— Мы сейчас увидим, куда они поехали. Они должны показаться на том бугре!.. Все четверо в черных шинелях, с винтовками...

Нурым и Бекей посмотрели в ту сторону, куда указывал Сулеймен. Через несколько минут на склоне холма появилось несколько всадников. Они ехали рысью. Неожиданно передний остановился и стал всматриваться. Затем махнул рукой в сторону переправы, и небольшой отряд поскакал к реке. Всадники остановились на берегу как раз напротив аула хаджи Жунуса.

* * *

Хаким побледнел, когда в юрту вошли два джигита в черных шинелях. Он сразу понял — за ним!.. Всю неделю он держался настороже, и вот, когда угроза, казалось, уже миновала, жандармы пришли. Они пришли неожиданно, чего как раз и боялся Хаким. «Разве узнаешь, где настигнет тебя беда?! Что делать, что делать?..»

— Проходите,— робко проговорил он, приглашая жандармов на переднее место.

Хаджи Жунус полулежал на кошме, подложив под локоть подушку, и дремал. Услышав разговор, быстро поднял голову.

— Хаким Жунусов, вас срочно вызывает начальник. Он ждет вас на том берегу. Идемте!— сказал жандарм, что постарше.

— Что за начальник? Что ему от меня нужно?— спросил Хаким.

— Он ждет. Живо одевайтесь!

— А куда он хочет меня повезти?

— В канцелярию волостного...—вырвалось у жандарма.— Идемте поскорее, там поговорите!..— уже вежливее сказал он.

Разговаривая с жандармом, Хаким тайно надеялся, что начальник только поговорит с ним и сейчас же отпустит, но когда услышал: «канцелярия волостного»— уже нисколько не сомневался, что его хотят отвезти в Джамбейту и посадить в тюрьму. Он подозвал Адильбека и что-то шепнул ему на ухо. Мальчик быстро вышел из юрты. Хаким надел свой белый китель, причесал волосы и вместе с жандармами не спеша вышел во двор.

Адильбек мчался как вихрь: на тропинке, ведущей к реке, он догнал Шолпан.

— Хакима арестовали!.. Я тороплюсь к Нурыму, чтобы позвать его на помощь!..— чуть приостановившись, крикнул Адильбек и снова помчался. Увидев на противоположном берегу четверых военных, поджидавших, очевидно, конвоиров с Хакимом, мальчик решил не показываться им на глаза, пробежал с полверсты вниз по течению и переплыл реку.

Шолпан, не успевшая хорошо расспросить Адильбека, что случилось, недоуменно пожала плечами, с минуту постояла, глядя на мелькавшие в траве босые ноги мальчика, затем спустилась к воде и принялась приготавливать лодку. Неожиданно где-то позади раздался крик:

— Эй, погоди, куда хочешь отгонять лодку?

Голос был незнакомый и грубый. Шолпан быстро обернулась и замерла от удивления и неожиданности: вниз по тропинке, по которой только что она шла, спускались трое — два жандарма и Хаким, который шел между ними. Передний жандарм шагал быстро и махал рукой, давая понять Шолпан, чтобы она не отгоняла лодку; второй, шедший позади, то и дело покрикивал на Хакима, поторапливая его.

Тревожно забилось сердце Шолпан, она поняла, что Хакима постигла большая беда. В первую минуту Шолпан так растерялась, что даже не могла думать—во все глаза смотрела на жандармов и Хакима. С противоположного берега по-

слышалось конское ржание. Шолпан вздрогнула и оглянулась — там тоже военные люди с винтовками. Сколько их? Раз, два, три, четыре... Один джигит держит в поводу лошадей, другой, склонившись над водой, умывается, остальные двое сидят в тени ивы и о чем-то оживленно переговариваются. Еще тревожнее стало на душе. Она снова перевела взгляд на Хакима. В ушах звучали слова Адильбека, несколько минут назад пробежавшего мимо нее: «Хакима арестовали!.. Я бегу к Нурыму!..» Шолпан начала овладевать собой. «Арестовали? Как же это так?..— подумала она.— Ведь раньше говорили, что арестовывают только русские, а тут казахи ведут казаха?!.. Увезут в Кзыл-Уй и посадят в тюрьму!.. Чем же провинился перед ними Хаким?..» Не зная, что предпринять, чем помочь Хакиму, она принялась с остервенением выплескивать из лодки зеленую тухлую воду. Но пыл ее прошел быстро, она вдруг почувствовала страшную усталость, руки беспомощно опустились; она снова стала смотреть на подходившего к берегу Хакима.

— Эй, девка, умеешь ли ты грести веслами?— еще издали крикнул жандарм.

Хаким старался не смотреть на Шолпан. Он стоял возле лодки, опустив голову, молчаливый, подавленный, потерявший все надежды на спасение. Одет он был по-праздничному: в синих суконных брюках, хромовых сапогах, сшитых по-русски, снежно-белом кителе. Речной ветерок шевелил его густые черные волосы. Шолпан смотрела на него не отрывая глаз; ей хотелось крикнуть: «Он мой, куда вы его ведете?!» Но молчала.

— Ты что обомлела вся, как воробушек перед змеей? О женихах размечталась?— снова заговорил жандарм, цинично разглядывая босые ноги Шолпан. Помолчав с минуту, он обернулся к напарнику и, усмехнувшись, сказал:— Настоящая утка-песчанка — хорошая добыча для ястреба!.. Глаза — угольки!..

Шолпан выпрыгнула из лодки.

— Куда?.. Я спрашиваю, умеешь ли грести веслами?

— Да.

— Садись, грести будешь. Лодка выдержит?

— Куда они вас ведут?— подойдя к Хакиму, спросила Шолпан, не обращая внимания на жандармов.— В чем они обвиняют вас?

Говорила Шолпан тихо, и голос ее показался Хакиму особенно теплым и ласковым. Он поднял голову и встретился взглядом с молодой женщиной. Секунду они оба молчали. Шолпан вздохнула.

— В чем обвиняют, еще и сам не знаю. Может, в этом, а

может, и в чем другом...— глухо ответил Хаким.— Арестовали, а теперь, очевидно, посадят в тюрьму.

— Прекрати разговоры, молодой человек! Куда и зачем везут — потом узнаешь. Об этом начальство позаботится. А ну-ка полезай в лодку!— властно приказал жандарм, тронув за плечо Хакима.

— Эй, чего мешкаете, живее переправляйтесь!— донеслось с противоположного берега. Это кричал офицер, с нетерпением ожидавший возвращения конвойных.

— Живей, живей! Ну, лезь в лодку, кому говорю!— осмелел жандарм и стал подталкивать Хакима в спину.

— Погоди!— резко обернулся Хаким. Он не спеша снял с себя сапоги, брюки и китель. Сапоги и китель завернул в брюки, связал их и только после этого вошел в лодку. На дне лодки хлюпала вода. Он взял из рук Шолпан весло и стал медленно выплескивать воду. Хаким старался как можно дольше задержаться здесь — надеялся, что подоспеет Нурым с товарищами и выручат его. То и дело незаметно поглядывал в степь, но там никого не было видно. «Неужели Адильбек еще не сообщил им?»— подумал Хаким.

Жандармы, сначала спокойно следившие за его работой, начали проявлять нетерпение:

— Чего копаешься, работай живее!

— Быстрей шевели руками!

Неожиданно со стороны аула послышался шум приближавшейся толпы. Вскоре между кустов замелькали люди. Это спешили к реке аульчане — старики, женщины, дети. Сильнее всех кричала Дамеш. Жандармы засуетились и вскочили в лодку. Еще в Джамбейте они узнали, что аул хаджи Жунуса — бунтарский аул, люди здесь злые и могут устроить самосуд. Разоружили же они Маймакова и его напарника!..

— Эй, девка, отталкивай лодку! Ну!.. Подымет она нас четверых?— с беспокойством спросил жандарм, поглядывая по сторонам.

— Не только четверых, десятерых поднимет.

Оттолкнув лодку от берега, она ловко вскочила на корму. Лодка качнулась и едва не зачерпнула воду правым бортом. Как только лодка отплыла от берега, жандармы сразу притихли. Они сидела на корточках и цепко держались за борта. Один из них, что постарше, торопливо зашептал молитву:

— Аллах всемилостивый!..

В его широко раскрытых глазах—испуг. Шолпан сразу догадалась — боится реки. Лодка раскачивалась, казалось, вот-вот она перевернется. Второй жандарм, тоже, очевидно, не умевший плавать, умоляюще попросил молодую женщину:

— Ради аллаха, потише...

— Что, боитесь? Вода не холодная,— резко ответила Шолпан, принимаясь грести.

На дне лодки хлюпала зеленовато-мутная вода. Боясь вывалиться за борт, жандарм сел прямо в эту пахнувшую плесенью воду.

Хаким сидел на носу лодки и с тоской глядел на Анхату, словно навсегда прощался с любимой рекой. Умоляющий возглас жандарма заставил его обернуться. Увидев трусливо съежившихся на дне лодки конвоиров, Хаким рассмеялся: «Что, воды испугались?..» По тому, как пугливо озирались жандармы по сторонам, втягивая головы в плечи, как цепко держались за борта, нетрудно было догадаться, что они смертельно боятся воды. «Грозными были на берегу?— подумала Шолпан.— А теперь притихли, как слепые щенята...» Она любовалась Хакимом, гордо сидевшим на носу лодки, презирая жандармов, безвольных, забывших про оружие и шептавших молитвы. Она решила воспользоваться их слабостью и крикнула:

— Скажите, куда увозите этого джигита? Не скажете, опрокину вас в реку!..

Для острастки она подняла весло, словно готовилась ударить им по голове ближнего конвоира. Глаза загорелись искорками, лицо стало серьезным и строгим. Она ненавидела жандармов не только за то, что они увозили Хакима,— ей казалось, что они, именно они, эти палачи, были виновниками всей ее несчастной жизни.

Один из конвоиров пригрозил было молодой женщине винтовкой, но Шолпан не растерялась, начала сильнее раскачивать лодку.

— Читай заупокойную!— приказала она.— Только вчера я здесь измеряла глубину — пять человеческих ростов! Сейчас я отправлю вас к рыбкам в гости!

— Сестрица, родная! Чем же мы виноваты? Разве же по своей воле приехали сюда? Мы ведь подневольные, что прикажут, то и делаем,— чуть не со слезами на глазах проговорил пожилой жандарм.

Глядя на них, Хаким вдруг понял, что это лучший случай для побега. Он надеялся, что подоспеют Нурым, Асан и Тояш, но они запаздывали,— значит, надо действовать самому.

— А ну, бросай оружие в воду!— угрожающе прошептал он, приступая к молодому жандарму.

Шолпан с поднятым над головой веслом стала наседать на конвоира, что постарше. Одна за другой полетели в воду винтовки, сабли...

Много бедных сородичей у хаджи Шугула, которые работают на него, как батраки, а получают за это скудные объедки с дастархана хозяина. Среди всех этих сородичей Баки давно считался приближенным хаджи. С детских лет он был кучером, возил самого Шугула, а когда пришли годы старости, хаджи поручил ему наблюдать за работой табунщиков. Каждое утро Баки заходил к Шугулу и рассказывал ему, у каких табунщиков был вчера, что видел и слышал, а потом сообщал, куда намеревается выехать.

И в это утро, как обычно, Баки отправился к юрте хаджи. Оставив у входа уздечку и курук, он переступил порог и присел на корточки с правой стороны, возле стенки. Шугул еще пил чай.

— Хаджеке, что-то нынче не видать наших гулевых лошадей, хочу поехать поискать их,— сказал Баки и трубочкой приставил ладонь к уху (после тяжелой болезни, перенесенной несколько лет назад, он стал плохо слышать).

— С каких пор их нет?— спросил Шугул, поднимая с дастархана чашку с чаем.

— А?.. Два дня я с вами проездил, а какой без меня присмотр за лошадьми? Чуть я из аула — следить некому... Сегодня я рано встал, еще темно было, и сходил к роще Шортанбая, думал, там гулевые лошади, но их возле рощи нет. Может, в степь ушли? Хочу сейчас поехать в степь.

— С каких пор нет лошадей, безмозглый цинготник?

— А?.. Наши лошади далеко не уходят. Если только паршивые кони Набия примкнули к ним, тогда дело другое. Набиевские кони куда угодно могут увести их. На той неделе как-то они увели наш табун к Кентубеку,— продолжал Баки, не расслышав вопроса Шугула.

— Если бы твои вислые уши отдать Жолу, а жоловские пришить тебе — мигом услышал бы и узнал все, что делается даже под землей. Как бы не подседлали наших коней эти вонючие козлы, что вертятся вокруг Жола,— раздраженно проговорил Шугул, поставив чашку с недопитым чаем, и в упор посмотрел на Баки.

Баки не выдержал взгляда хаджи и опустил глаза.

— Где им ездить на наших гулевых!.. Недавно Нурым и Тояш отобрали у них оружие и пешком прогнали в Кзыл-Уй...

Шугул изменился в лице, зло засверкали маленькие черные глаза. Баки смотрел на него и никак не мог понять, что разгневало хаджи: то ли сообщение о пропавших гулевых лошадях, то ли упоминание о Тояше и Нурыме — сыне ненавистного ему хаджи Жунуса. Шугул схватил маленький мо-

лоточек, которым старуха Айтолиш обычно колола сахар, и с силой швырнул его в Баки. Описав дугу, молоточек пролетел почти над самой головой вовремя пригнувшегося Баки и ударился о стенку юрты.

— Если к завтрашнему утру не разыщешь лошадей, отправлю тебя вместе с женой и детьми к твоему сильному родственнику Жунусу, пусть он кормит, а мне такие не нужны,— гневно проговорил Шугул, шаря вокруг себя рукой, словно разыскивая что-то, чем можно еще раз запустить в Баки.

— Ойбой, хаджеке, что с тобой?.. Чем же я сахар колоть буду?..— всполошилась Айтолиш. Она встала и пошла разыскивать молоточек.

Баки, воспользовавшись вмешательством старухи, поспешно вышел из юрты. Он был удручен и обижен.

— Что с тобой, ты так бледен?— спросила жена, увидев остановившегося у порога Баки.— Опять этот хаджи!..— Она не договорила, заплакала.— На, выпей чашку теплого айрана.

Баки молча взял.

— Сам виноват! Зачем тебе нужно было рассказывать хаджи, что пропали гулевые лошади? Пропали, ну и пусть пропадают, тебе-то что? Придет время — найдутся, кто их возьмет! Неужели ты до сих пор не знаешь, какой у хаджи характер? Он родного сына пять раз на день выгоняет из дому, а ты хотел, чтобы он с тобой хорошо обращался. Этого от него не дождешься.

— Не вмешивайся, прошу тебя, в мужские дела, лучше построже следи за нашими ребятишками, когда меня нет дома, понятно? Неужели ты не понимаешь, что если я перестану наблюдать за хозяйством хаджи, то его мигом растащат?.. Ведь все это мы вместе наживали!..

Не на шутку встревоженный пропажей лошадей, Баки торопливо вышел из юрты, сел на куцехвостого гнедка и поехал в степь. Подражая хаджи Шугулу, он сидел в седле небрежно, слегка откинувшись назад, и беспрерывно помахивал плеткой. Табунщики еще издали безошибочно узнавали его.

Табунщик Аманкул, увидев Баки, поехал к нему навстречу, поздоровался.

Баки не сразу ответил на приветствие. Прищурив глаза, он, как хозяин, долго рассматривал пасшихся в долине лошадей, затем осмотрел коня под Аманкулом и только после этого сказал:

— Как табун? Все лошади целы? Волки не нападали?

Аманкул улыбнулся. Он хорошо знал, что Баки начнет сейчас расспрашивать о табуне, об отдельных лошадях и не

успокоится до тех пор, пока не выпытает все и не удовлетворится ответами. «Радеешь за шугуловских коней, словно они твои,— подумал Аманкул.— Все равно Шугул тебе спасибо не скажет, не дождешься!..»

— Слава аллаху, Баки-ага. Мы твердо помним ваш наказ, ни на минуту не отъезжаем ночью от табуна. Да и днем зорко следим. Ни у одной лошади даже репья в гриве не найдешь!

— А как жеребцы, не трогают молодняк? Вон тот молодой саврасый жеребец, видишь? Я уже тебе говорил, он очень ревнивый. Смотри следи за ним зорче, чтобы беды не наделал.

— Нет, нет, Баки-ага, не беспокойтесь, косяк саврасого жеребца мы пасем отдельно, держим его все время в стороне от других косяков.

Баки и не подозревал, что молодые табунщики — Аманкул и его напарник — частенько днем стравливают жеребцов и, отъехав в сторону, любуются боем двух предводителей косяков. Саврасый жеребец-четырехлетка водил косяк первый год, был он очень ревнивым и злым, стоило только появиться другому жеребцу возле его косяка, как он сейчас же кидался в драку. Второй косяк водил старый рыжий, с лысиной на лбу жеребец. Крупный, норовистый, он побеждал всех своих соперников и зачастую отбивал у них целые косяки. Долгое время табунщики считали его непобедимым. Но однажды рыжий с лысиной схватился с саврасым, и саврасый выдержал бой. Жеребцы, стравленные табунщиками, дрались яростно, вставая на дыбы, клочьями вырывая друг у друга гривы. Ни тот, ни другой не хотел уступать. Дело могло кончиться очень печально, если бы табунщики вовремя не разогнали их. Но слава рыжего с тех пор поколебалась — в центре внимания табунщиков стал саврасый, о котором упоминал теперь Баки. У старика были все основания беспокоиться за саврасого. Однажды, разговаривая с Аманкулом, Баки увидел жеребенка с искусанной до крови шеей. «Это что такое?»— спросил Баки. «Это саврасый так его...— ответил Аманкул.— Страшно ревнивый, когда ведет свой косяк, не дай аллах, какая лошадь или жеребенок отстанут — набрасывается и кусает за шею...»—«Да-а...»— протянул Баки и с тех пор каждый раз, как приезжал к Аманкулу, напоминал ему, чтобы зорче следил за саврасым.

Баки обычно бывал веселым и разговорчивым, но сегодня говорил как-то неохотно. Это удивило Аманкула.

— Вы что такой унылый, Баки-ага, не больны ли?— спросил Аманкул, пристально разглядывая Баки, его грязную

войлочную шляпу, серую, залатанную поддевку из верблюжьей шерсти и потрепанные ичиги с кожаными галошами.

Табунщик, казалось, только теперь заметил, как постарел и осунулся за последнее время Баки. Особенно он изменился в эти последние два дня, когда узнал о пропаже гулевых лошадей хаджи Шугула. Лоб старика покрылся глубокими морщинами, целая сетка мелких морщинок легла и под ввалившимися серыми глазами, отчего казалось, что брови надвинулись на глаза, а лоб стал уже и меньше. Впалые щеки придавали лицу вытянутую форму. Когда-то крутые могучие плечи опустились. Было время, когда Баки на народных празднествах выходил на борьбу, защищая честь рода, и не раз побеждал противника; было время, когда по степи гремела о нем слава незаурядного силача, но — было и прошло, стерлось, забылось. Баки постарел, нужда согнула его спину, голод иссушил мускулы.

— Нет, не болен,— ответил Баки, пытаясь улыбнуться.— Наверное, кумыса немного перепил, что-то в голове шумит...

— Ну, коли от кумыса, это ничего, не страшно,— хитровато улыбнулся Аманкул. Он знал, что у хаджи Шугула не больно-то разопьешься кумыса и, конечно, Баки вовсе не от кумыса печален и угрюм, а что-то другое случилось со стариком.— Вам нужно поразмяться... Давайте-ка, Баки-ага, пустим коней наперегонки, кто вперед, а?— вдруг предложил табунщик и привстал на стременах, готовясь к скачке. Кобылица под ним забеспокоилась и, словно поняв намерение хозяина, нетерпеливо забила копытом.

— Ты, джигит, как я посмотрю, с ума сходишь от скуки... Впрочем, все мы в молодости были такими, только, скажу тебе, мы больше любили стаскивать друг друга с коней, а не скачку.

— Ну что ж, давайте попробуем, кто кого стянет с седла,— весело согласился Аманкул.

Баки ничего не ответил, молча поехал вдоль табуна. Аманкул последовал за ним. Вскоре они встретили второго табунщика, Карымсака.

— Где-то наши гулевые лошади затерялись, — как бы между прочим сказал Баки.— Уехал я с хаджи на два дня, а вернулся — лошадей нет. Вы, случайно, не видели их?

— Гулевых лошадей?.. Нет, Баки-ага, не видели. Говорят, сейчас по аулам разъезжают какие-то военные люди... Вчера я виделся с табунщиком Хайруллы. Он тоже разыскивал гулевых лошадей. Так он сказал, что у них много лошадей угнали военные. Может, и наших прихватили они?

— Если джамбейтинские сарбазы появятся здесь, гоните

их. Они не имеют права трогать шугуловских лошадей!— Баки, словно угрожая кому-то, помахал в воздухе камчой.

— Как сказать, можно и не допускать, но ведь они с винтовками, чего доброго, постреляют нас, и все,— опасливо возразил Аманкул.

Но Баки уже перевел разговор на другую тему:

— Скоро праздник айт. Нурыш велел подготовить рыжего с лысиной к байге. Надо дать ему с неделю выстойку. Ну-ка давайте поймаем его, я отведу в аул. Сгоняйте табун!..

Аманкул и Карымсак с двух сторон стали сгонять лошадей к центру. Баки не вытерпел и стал помогать им. Он пустил своего куцехвостого гнедка вскачь, заворачивая молодых непослушных кобылиц. Вскоре табун был кое-как собран. Карымсак спешился и стал подкрадываться к жеребцу. Рыжий с лысиной — стройный красивый конь, густогривый,— когда скачет, кажется, стелет гриву по земле. Сейчас он стоял среди кобылиц, вытягивая шею, настороженно поводя ушами. Карымсак, полусогнувшись, пробирался к нему между кобылиц. Он подошел к рослой пегой кобыле и спрятался за ее спиной. Когда рыжий поднял голову, Карымсак ловко накинул ему на шею волосяную веревку. Жеребец встал на дыбы, рванулся в сторону и поволок за собой Карымсака. Петля все туже и туже стягивалась на его шее.

Рыжий остановился. Карымсак, перебирая руками веревку, шаг за шагом продвигался к жеребцу. Рыжий храпел, раздувая ноздри, выпученными глазами смотрел на табунщика, словно готовился разорвать его, но, когда Карымсак надел на него узду, сразу присмирел. Баки спокойно оседлал жеребца, сел и поехал дальше в степь, оставив куцехвостого гнедка в табуне. Рыжий шел ровно, красиво перебирая ногами, и Баки был доволен конем. Но жеребец вдруг забеспокоился, ему не хотелось уходить от косяка, он то и дело останавливался и поворачивался, намереваясь вернуться в табун. Баки дергал повод и стегал его плеткой.

— Красавец!..— бормотал Аманкул, глядя на трусившего жеребца.— Проскакать бы на нем мимо аула так под вечер, эх, любо-диво!..

Жеребец протяжно заржал, словно прощаясь с табуном, и вскоре скрылся за холмами...

Баки ехал неторопливо, зорко всматриваясь в степь. Он решил завернуть к старой зимовке, что возле Анхаты, и посмотреть, нет ли там гулевых лошадей. Подъезжая к зимовке, он увидел лошадей, стоявших в тени, понурив головы. Кони махали хвостами, отгоняя назойливых мух. Приставив ладонь к глазам, Баки долго всматривался, стараясь определить, чьи это лошади. «Однако это не наши,— подумал он.— Но наши

тоже, может быть, здесь? Стоят где-нибудь в камышах у воды...» Рыжий с лысиной, увидев лошадей, снова заржал и навострил уши.

Возле зимовки сидели люди. Это были Нурым, Бекей и Сулеймен. Услышав ржанье, они оглянулись и увидели приближавшегося всадника.

— Да это же рыжий жеребец хаджи Шугула!..

— Не Баки ли на нем едет? Кажется, он. Наверное, гулевых лошадей хаджи ищет, не знает, что их угнали сарбазы.

— Это Баки, точно, Баки!— воскликнул Сулеймен, любуясь красивой иноходью рыжего жеребца.— Норовистый конь, напористый, ни за что не даст обогнать себя!.. Я видел его на состязаниях — завидный конь!.. Постой, он же еще вчера в табуне ходил, а сегодня?.. А-а, наверное, к скачкам собираются готовить, ведь скоро праздник айт. Какой стройный, поджарый, а шея, шея, вы только посмотрите — колесом!.. Да его сейчас пускай в бега — безо всякой подготовкий выдержит!..

Баки, подъехав к зимовке, привязал жеребца под навес и подошел к отдыхающим. Бекей и Нурым поздоровались с ним холодно и неохотно. Баки заметил это и, придвинувшись к Сулеймену, стал расспрашивать его о новостях.

Нурым то и дело поглядывал в сторону аула. Он видел, как двое военных, переправившись на противоположный берег, ушли по тропинке в аул и теперь снова возвращались той же дорогой к реке, но уже втроем. Кто был третий, Нурым не мог различить, но смутно догадывался, что это его брат Хаким. Ему не хотелось верить в эту догадку, он мысленно задавал себе вопрос: «Неужели Хаким? Неужели его арестовали?— и тут же сам себе отвечал:— Нет, не может быть!..» Всматриваясь в обрывистый берег, Нурым вдруг увидел толпу людей, сбегавших прямо по кустам к реке,— старики, женщины, ребятишки... Налетевший ветерок донес их громкие голоса. Нурым насторожился, готовый вскочить и бежать к Анхате. В это время неожиданно над рекой, прогремел выстрел. Сулеймен и Баки смолкли, прислушиваясь.

— Асан бьет уток, это же звук его фитильного ружья,— уверенно сказал Баки, словно отлично знал, какой звук производит при выстреле асановское ружье.

Новый выстрел расколол застывший знойный воздух, эхом покатившись по долине. Нурым вскочил:

— Я поеду туда, это неспроста стреляют! Пока мы прохлаждаемся здесь, как суслики в норе, проклятые сарбазы могут расправиться с Хакимом!..— Рука Нурыма судорожно нащупывала в кармане револьвер.

Баки посмотрел на Сулеймена и недоуменно пожал плечами.

— Сегодня днем из Кзыл-Уйя сюда к нам приехали шестеро военных,— начал пояснять Сулеймен.— Они арестовали Халена, а потом поехали за Хакимом. Наверняка это они стреляют. Да, кстати, Баки-ага, как попали сюда ваши гулевые лошади? Сарбазы забрали их — одну запрягли в повозку, а на остальных сами ездят!..

— Как?!..— Баки даже подскочил от неожиданности.— Какие сарбазы? Какое они имеют право ездить на наших лошадях?

— А ну вас к черту с вашими шугуловскими лошадьми, пусть они хоть все передохнут от язвы!.. Чего за лошадей беспокоиться, когда на людей горе навалилось!— хмуря брови, проговорил Нурым.

Он кинулся было к рыжему с лысиной жеребцу, чтобы поскакать на нем к реке, но Баки ухватился за повод:

— Погоди, я сам поеду. Где эти сарбазы, что наших лошадей угнали? Покажи мне их, я им задам жару, я научу их, как садиться на чужих коней! Ишь, тоже мне смельчаки! Все равно найду, куда бы ни ускакали, найду...

— Дайте мне жеребца!

— Нет, нет, Нурым, я должен отобрать у них своих лошадей! Они у меня, как снопы, послетают с седел!.. Я им еще покажу!..— злобно закричал Баки. Он быстро развязал чумбур и мигом вскочил на рыжего жеребца.

...Асан видел, как арестовали учителя Халена. Не зная, что делать, и боясь, чтобы его самого не забрали, он ушел из аула и долго бродил по берегу Анхаты. Когда над рекой прогремели выстрелы, он побежал к зимовке, откопал винтовку и, поймав чью-то лошадь, прямо без седла прискакал на ней к Нурыму. Вслед за ним, побросав косы, прибежали Ареш, Тояш и Кубайра.

— Что делать? Что делать? — повторял Асан.

— Надо сначала узнать, что произошло там, на берегу,— предложил Сулеймен.

— Я еду,— сказал Нурым.— Асеке, дайте мне кобылу. А для себя возьмите наших коней, вон они пасутся!..

Не успел Нурым сесть на лошадь, как увидел Адильбека, сбегавшего с холмика к зимовке. Мальчик бежал быстро, белая рубаха его как парус раздувалась на ветру. Нурым дернул повод и поскакал навстречу Адильбеку. «Он, наверное, из аула бежит, сейчас расскажет, что там случилось!..»

— К нам пришли сарбазы и увели Хакима! Он велел мне бежать к вам и сказать, чтобы вы сейчас же шли к переправе!..

Адильбек так утомился от быстрого бега, что не мог стоять, у него дрожали колени.

— На переправу велел ехать?

— Да, да, там, на переправе, много сарбазов, я сейчас видел их!

Нурым привстал на стременах и, повернувшись к друзьям, все еще стоявшим возле зимовки, крикнул:

— Хакима арестовали!.. Он просил немедленно ехать к переправе на выручку. Кто поедет? Садитесь на коней! Асеке, где винтовка? Дайте ее мне.

— Ты погоди с винтовкой,— рассудительно сказал Кубайра.— Если уж доведется применить ее к делу, так уж пусть лучше стреляет сам Асан, он ловчее тебя и не сделает промаха. Погодите, не суетитесь и не шумите. Нам одним ехать туда нельзя, надо всем народом!.. Сулеймен, ты беги вон к тем косарям, видишь, и зови их сюда. Чем больше нас будет, тем лучше. Сарбазы испугаются и освободят Хакима.

— Пока мы будем собирать людей, сарбазы расправятся с Хакимом и уедут! Нам нельзя терять ни минуты, Кубеке. Да и чего нам бояться, нас и так много. Аллах дал душу, аллах и отнимет ее!.. Поехали быстрее!— нетерпеливо воскликнул Нурым.

— Нас семеро. У нас почти нет оружия. Разве сможем мы справиться с вооруженными сарбазами? Нурым, ты не горячись, Кубеке верно говорит: надо собрать побольше людей. Сулеймен, садись на лошадь и скачи созывать народ, а мы тем временем спустимся к переправе и постараемся задержать сарбазов,— распорядился Асан и пошел подгонять рабочих лошадей, пасущихся на зеленой лужайке возле оврага.

Вскоре от зимовки отъехали шесть джигитов и поскакали к реке. С другой стороны к переправе мчались десять всадников во главе с Сулейменом. Вслед за конными спешили к реке женщины с вилами и граблями.

* * *

Аблаев, с нетерпением ожидавший на берегу лодку с арестованным Хакимом, вдруг увидел, что в лодке творилось что-то неладное. Конвойные жандармы что-то кидали за борт, кажется винтовки, лодкой никто не управлял, и она вольно плыла по течению.

— Эй вы, что там происходит? А ну гребите сюда!— крикнул он, приложив трубочкой ладони ко рту.

Услышав оклик начальника, жандармы встрепенулись и немного осмелели. Один из них, готовившийся бросить в воду саблю, повернулся к Хакиму и сказал:

— Смотри, джигит, несдобровать вам! Придется вдвойне отвечать!..

— Молчи! Кидай саблю в воду! А ну, Шолпан, давай-ка опрокинем этих молодчиков в воду к окуням в гости.— Хаким ловко выхватил у жандарма саблю и швырнул ее за борт.

Лодка, раскачиваясь, плыла почти по самому центру реки, где было глубоко и опасно даже для хорошего пловца, так как почти через каждую сажень встречались водовороты. Конвойные жандармы, всю свою жизнь не видевшие больших рек, трусливо ежились на дне лодки, боясь взглянуть на пенившуюся за бортом воду, и когда их лица обдавало холодными брызгами, они со стоном призывали на помощь аллаха.

Аблаев не мог разобрать, о чем говорили в лодке,— ветер дул в противоположную сторону,— но он ясно увидел, как сверкнула на солнце брошенная Хакимом сабля и скрылась в речной волне. Он поспешно выхватил наган из кобуры и выстрелил в воздух. Резкий звук выстрела гулко прокатился над рекой и замер где-то в камышовых зарослях. Неподалеку, за песчаным откосом, плавали две утки-лысухи. Услышав выстрел, они шлепнули крыльями по воде и поднялись в воздух; узкошеий нырок скрылся под водой и долго не показывал свою хохлатую голову. На минуту смолкли стоявшие на том берегу аульчане — старики, женщины, дети, и снова послышались их угрожающие голоса, гневные выкрики.

— Выброси весла, Шолпан, и прыгай в воду!— крикнул Хаким и выпрыгнул из лодки. На секунду над водой мелькнула его черная голова и снова скрылась — он под водой, как нырок, плыл к тростниковым зарослям.

Шолпан взмахнула веслом и далеко отшвырнула его в сторону. Затем медленно перевалилась через борт и, оттолкнув лодку, крикнула стрелявшему с берега офицеру:

— Вот твои сарбазы, забирай их! Мы их не трогали и ты нас не трогай!..

Она легко, по-мужски, рванулась вперед и тоже поплыла к тростникам.

Аблаев подбежал к винтовкам, составленным в козлы, схватил одну из них и стал беспорядочно стрелять по воде. Лицо его исказилось гневом. Он во весь голос проклинал конвойных, которые неподвижно сидели на дне лодки и молились.

— Да поднимите же головы, выродки проклятые!— хрипел офицер, потрясая в воздухе винтовкой.— Руками гребите, что ли!.. Гребите, а то пристрелю, как кутят!..

Жандармы — видно, на них подействовала угроза офицера — начали опасливо подгребать руками лодку к берегу. Более получаса мучались они, пока лодка уткнулась носом в прибрежный песок. Когда конвойные подбежали к Аблаеву,

он не стал их ругать, только процедил сквозь зубы: «Сволочи! Приедем в Джамбейту, поговорим!..» Не теряя ни минуты, он посадил свой небольшой отряд на коней и повел в обратный путь. Было ясно, что разыскивать скрывавшегося в тростниках Хакима бесполезно, да и опасно, так как могут нагрянуть жители аула — и тогда придется пускать в дело винтовки, чтобы не быть разоруженными, как Маймаков. Но Аблаев хорошо помнил наказ султана Аруна-тюре — по мере возможности избегать крупных скандалов с жителями, не возбуждать в народе недовольство против властей — и поэтому спешно уводил отряд. Когда жандармы выбрались на равнину, Аблаев неожиданно увидел, как к ним наперерез с двух сторон мчались всадники и бежали пешие. Двое из верховых джигитов были вооружены винтовками, у пеших в руках вилы, косы, грабли. Всадники гнали коней во весь опор и быстро приближались к отряду. «Скачете?.. Этого и следовало ожидать,— полушепотом проговорил Аблаев, щуря глаза.— Если бы мы еще хоть немного замешкались, не сесть бы нам на коней... Проклятый аул, здесь даже бабы — злодейки!.. Эх, черт побери, если бы я знал, что они так взбесятся, стал бы с самого начала действовать иначе...»

— За мной!..— гаркнул Аблаев, привстав на стременах.— Не отставать!..— И поскакал в степь, стараясь пробиться к большой дороге. За ним, изо всей силы нахлестывая лошадей, помчались жандармы. Они скакали молча, припав к конским шеям, то и дело трусливо поглядывая назад.

Восемь всадников во главе с Нурымом пустились в погоню за жандармами. Нурым скакал впереди, держа наготове револьвер.

— Удирают, удирают!— радостно закричал Сулеймен.— Что-то не пойму, Хаким с ними или нет?

— Хакима нет с ними! Все шестеро — сарбазы!..

— Тогда пусть удирают!..

— Скачи, скачи, не отставай! Надо припугнуть, чтобы неповадно было!..

— А ну их к дьяволу! Разве догонишь их! Кони-то у них не то что у нас... Смотрите: их главный скачет на нурышевском сером жеребце!.. Ишь, как идет, ишь!..— завистливо проговорил Асан, нахлестывая своего неуклюжего гнедого мерина.

— Что, что? Как ты сказал? Где серый? Кто на нем скачет?

— Кажется, главный их!

— Главный? Да как он смеет? Кто он такой, интересно мне знать, что без спросу может на чужих лошадях разъезжать? Я ему сейчас покажу, я проучу его сейчас!..— Баки отпустил повод, и рыжий жеребец моментально вырвался вперед.

Приставив ладонь к глазам, Баки стал напряженно всматриваться в скакавших на полверсты впереди жандармов. Клубившаяся из-под копыт пыль мешала разглядеть масти мчавшихся коней. И все же Баки увидел серого — на нем ехал офицер. Он скакал чуть впереди отряда, плавно отмеривая сажени, словно летел над степью, едва касаясь копытами земли. Баки задрожал от злости. Словно кто прошептал над ухом Баки: «Вперед! Смелей!» Он взмахнул плеткой и крикнул:

— Кто со мной?.. Тояш, дай-ка мне твою дубинку, а ты возьми мой курук.— Баки на скаку взял у Тояша большую палку из вяза и передал ему свой курук.—Сейчас посмотришь: я сшибу этого главного, как сову с ветки... Кто со мной? Догоним!

Баки гикнул, хлестнул рыжего по спине, жеребец рванулся вперед и сразу же оставил далеко позади себя измученных работой жунусовских лошадей.

— Постой, постой, Асан! Тояш, вернитесь назад! Да вы что, с ума посходили, что ли? Сарбазы перестреляют вас, как уток!— всполошился Кубайра.

Но ни Асан, ни Тояш не обратили внимания на Кубайру; охваченные общим возбуждением, они устремились вслед за Баки. От второй группы джигитов, гнавшихся за жандармами, тоже отделились несколько всадников; крича и махая плетками, они старались присоединиться к группе Баки. По всей долине от озера Бошекен до самой Анхаты с гиком и шумом мчались джигиты, бежали пешие. Над степью клубилась пыль, земля, казалось, дрожала под ударами копыт.

Кубайра, благоразумно придерживая свою гнедую кобылу, отстал от джигитов и продолжал кричать, намереваясь заставить их прекратить погоню. Убедившись, что его никто не слушает, он смолк и стал наблюдать за Баки, который уже догонял Аблаева. Подскакав почти вплотную к офицеру, Баки взмахнул дубинкой, но Аблаев вовремя пригнулся и спасся от удара. Рыжий жеребец, разгоряченный скачкой, обогнал серого и, закусив удила, понес Баки в степь. Воспользовавшись этим, Аблаев свернул вправо и выехал на широкий наезженный тракт. Серый пошел еще быстрее. Пока Баки разворачивал своего рыжего жеребца и выводил его на дорогу, Аблаев снова успел вырваться далеко вперед. Баки обогнал мчавшихся в облаке пыли жандармов и, весь слившись с конем, как вихрь понесся по грунтовой дороге. Расстояние между серым и рыжим конями заметно сокращалось. Особенно красиво скакал рыжий с лысиной жеребец — пластался над дорогой, вытянув шею, далеко вперед выбрасывая передние ноги. Казалось, он гнался за серым, как за своей жертвой, готовый схватить зубами круп и разорвать на клочки. Кубайре

почудилось, что он явно слышит гневный храп, рыжего жеребца. «Нет, не успеет серый уйти за холм,— подумал Кубайра.— Рыжий нагонит его. Эх, красавчик! Вот это конь так конь!..» Кубайра смотрел на скачущих так пристально, что у него заслезились глаза. Пока он вытирал рукавом слезы, Баки настолько приблизился к офицеру, что можно было свободно набросить аркан на шею серому. Баки уже поднял над головой дубинку, чтобы ударить Аблаева, но офицер, отпустив поводья, повернулся всем корпусом к Баки и вскинул винтовку. Пока Кубайра успел сообразить, что происходит, над степью грянул выстрел. Рыжий жеребец со всего маха рухнул на землю... Когда рассеялась пыль, Кубайра увидел, что офицер, пригнувшись к луке седла, уже огибал холм, а на дороге недвижно лежал рыжий жеребец, придавив собою старика Баки...

4

Придержав разгоряченного коня, Аблаев подождал скакавших вразброд жандармов и во главе своего небольшого отряда снова помчался в направлении Джамбейты.

К недвижно лежавшему посредине дороги Баки первым подскакал Нурым. Почти тут же подъехали Асан и Сулеймен. Спешившись, они кинулись к старику — Баки лежал с закрытыми глазами, дышал часто и хрипло, был без сознания. Друзья перенесли его на обочину дороги и положили на мягкую траву. Нурым склонился над стариком, расстегнул ему ворот рубахи и стал осматривать — раны нигде не было видно, пуля не задела старого Баки. Пока подъехали остальные джигиты, Нурым, Асан и Сулеймен стояли молча со склоненными головами возле распластавшегося тела Баки. Из-за холма еще слышалась гулкая дробь копыт — это удирали жандармы.

Джигиты, подъехав, полукольцом окружили Баки. Кубайра, прислонившись ухом к груди старика, прислушивался к биению сердца.

— Чего же вы смотрите, джигиты! Его надо поскорее убрать с солнцепека. Нурым, поезжай к какой-нибудь ближней зимовке и привези кусок плетня, чтобы на нем можно было увезти Баки. Да тут вон недалеко зимовка Халена,— наверное, там есть плетень. Скачи туда быстрее,— сказал Кубайра и, пододвинув старика поближе к кустам чия, стал сооружать над его головой небольшую тень из веток.

— Пуля не задела его... Только боюсь, как бы у него не надорвалось что-нибудь внутри,— вслух высказал предположение Асан.

Кубайра с минуту сидел молча, разглядывая побледневшее лицо Баки, ощупал его голову и медленно проговорил:

— Наверное, у него повреждены мозги...

Нурым уехал к зимовке Халена. Сулеймен подошел к рыжему жеребцу, безжизненно лежавшему в дорожной пыли, и стал осматривать его. Изо рта и носа жеребца натекло много крови, она не успела вся впитаться в землю и превратилась в большой черный сгусток. Передние ноги были поджаты под грудь, а задние — судорожно вытянуты. Казалось, что даже лежа жеребец продолжал скакать, намереваясь во что бы то ни стало догнать серого.

Сулеймен покачал головой:

— Какой был конь!.. Пуля угодила прямо в висок — наповал уложила!..

Старика Баки привезли на плетне в аул хаджи Жунуса и положили в юрте Бекея. За все это время он ни разу не очнулся. Жунус сам сел у изголовья Баки; он ни с кем не разговаривал, никого не замечал, даже плачущей Макке не сказал ничего утешительного.

— Знаю, дорогая, что наступили трудные, горькие для нас дни. Иди домой и смотри за хозяйством, за детьми...

Арест Халена удручающе подействовал на жителей аула. Особенно скорбел по учителю хаджи Жунус, так как Хален был его лучшим другом и советчиком. Родственники хаджи и домашние понимали печаль старика и старались не досаждать ему вопросами.

Перед закатом солнца Жунус послал Нурыма и Сулеймена звать к вечерней трапезе стариков и джигитов из ближних кочевий. Для гостей уже были освежеваны два барана, и мясо варилось в котле, разжигая аппетиты аульчан. Как дрофы, пасущиеся на ветру, выстроились возле юрты дымящиеся самовары. К аулу Жунуса с разных сторон стали подъезжать и подходить люди. Между небольшой юртой Бекея и белой юртой хаджи расстелили разноузорчатые кошмы и ковры. Когда последний луч солнца скрылся в степи, народу собралось так много, что на пестрых коврах и кошмах уже не было места, джигиты рассаживались прямо на траве. Прибыли почти все жители восьми аулов, кочевавших в междуречном джайляу. В ожидании начала трапезы собравшиеся оживленно переговаривались между собой. Говорили о несправедливом аресте учителя и несчастье, которое постигло старого Баки. Некоторые предполагали, что старик не выдержит и умрет.

— Зачем нас собрал сюда хаджи? Сказать что-нибудь хочет?

— Какой хаджи?

— А ты разве не знаешь какой? Кто всегда заступается за народ? Только хаджи Жунус!..

— И в тот год, когда наших джигитов хотели забрать на тыловые работы, хаджи Жунус выступал против волостного? Это было в месяце саратан...

— Ну да, в месяце саратан и есть, как раз в начале поста!..

— Что же хаджи хочет сказать нам?

— Смотрите, Жол едет! Уж не старшина ли хочет сообщить нам что-нибудь новенькое? Может, для этого и собрал нас хаджи?

— Нет, хаджи Жунус никогда бы не стал собирать нас из-за старшины.

— О чем вы толкуете? Жола послала сюда Бахитли, сам он ни в жизнь не приехал бы!

— Говорят, что Хакима чуть не арестовали? Это правда?

— Правда... Спасла его молоденькая сношка вдовы Кумис.

— Проворна сношка у Кумис, ловкая, не хуже любого джигита!..

Многие из прибывших были хорошо знакомы хаджи, почти каждый вечер он встречался с ними на полуночной молитве, теперь он только коротко поздоровался с ними и сел на почетное место, поджав под себя ноги. Люди притихли, ожидая, что скажет хаджи. Жунус расстегнул воротник белой рубахи, словно он сдавливал ему горло, неторопливо погладил бороду и начал:

— Когда мне было восемь лет, я видел батыров, которые, взяв в руки оружие, дрались с ханскими приспешниками, защищая народ от бесправия и гнета; я видел землю, ставшую бурой от пролитой на ней крови батыров — наших отважных отцов. Это было пятьдесят лет назад... Кто из вас не помнил, как совсем недавно джигиты наших аулов, сев на коней, гнали сына Бекебаса до самого Теке, гнали с позором, как презренного голодного волка? Народ долго терпел издевательства, а когда становилось невмоготу, седлал боевых коней и расправлялся с насильниками. Много было обид и несправедливости, но такой, которую мы сегодня видели своими глазами, не знала еще степь. Вы только посмотрите, что творится вокруг. Каждый день приезжают к нам разные сарбазы, каждый день они творят бесчинства — избивают людей, забирают скот, насильно записывают наших джигитов на службу. Они заполнили всю степь, плачут от них старики, льют слезы вдовы и сироты. Чем провинился перед ними учитель Хален? Как жадные волки на ягненка, набросились они на учителя, арестовали и увезли в тюрьму. Они стреляли в безоружного человека.

Вот он, лежит полуживой в юрте!.. Кто может поручиться, что такая же участь не постигнет завтра и нас, стариков? Мы отживаем свой век, нам нужно спокойствие, а эти проклятые ханские сарбазы ворвутся завтра в аул, похватают нас за бороды и начнут трясти, как старую козлиную шкуру!.. Кто может быть уверен, что завтра наши жены не станут вдовами, а дети — сиротами? Так дальше нельзя терпеть. Мы даже не можем молчать, нас всех нанижут на одну хворостинку, как рыб, и отвезут в Джамбейтинскую тюрьму. Будем склонять головы перед ханским правительством или нет? Что вы на это ответите, сородичи? Прежде чем приступить к молитве, я хотел бы услышать ваше мнение.

— Верно вы сказали, хаджеке, довольно преклонять головы перед ханским правительством!..— решительно сказал борец Шойдолла, расправляя широкие плечи и вдыхая воздух полной грудью, словно готовясь к встрече с противником.

Больше никто не произнес ни звука. Люди сидели молча, смотря себе под ноги, будто разглядывали затейливые ковровые узоры. Кое-кто недоуменно пожимал плечами, поглядывая то на соседа, то на хаджи Жунуса, в задних рядах зашевелились, передавая из рук в руки шахшу с насыбаем.

Прошло несколько минут, а люди все еще сидели молча, неподвижно, как на торжественном намазе. Первым заговорил Кубайра. Он повернулся к Жолу и зло спросил:

— Говорят, это ты подал донос волостному на учителя? Ты писал, что к Халену приезжал большебек и собирал в нашем ауле сход? Ну-ка отвечай перед народом, так это или не так?

Лицо Жола мигом побледнело.

— Клевета!.. Бабские наговоры!..

К старшине подошел Асан.

— Мы знаем, какая это клевета, знаем, кто писал донос и даже в чьем доме! Признавайся, вероотступник, а не то!..— гневно крикнул он.

Маленькие голубоватые глаза Асана сузились. Он стоял в двух шагах от Жола, готовый в любую секунду накинуться на него и размозжить ему голову. Он быстро нагнулся, сорвал с груди Жола большой медный старшинский значок и бросил его в сторону.

— Иди пиши теперь донос на меня, куда тебе вздумается!..

Жол качнулся было назад, защищая голову от удара (он думал, что Асан ударит его), но сильный рывок вперед заставил его выпрямиться. Взглянув на свой порванный бешмет, старшина догадался, что Асан оторвал старшинский значок. Перепуганный насмерть, старшина начал трусливо отползать в сторону. Он видел вокруг себя гневные лица, сверкающие

ненавистью глаза и замирал от страха. «Сейчас накинутся и убьют, убьют...» Он проворно вскочил и отбежал несколько шагов назад, но, видя, что никто не погнался за ним, остановился и немного осмелел.

— Не я вероотступник, а вы... Вы еще ответите за это,— пробормотал он и собрался уходить.

— На, возьми эту свою штучку. Тяжелая какая, проклятая...— сказал Ареш, протянув Жолу его старшинский значок. — Но смотри, ни шагу из дома! Никто не станет охранять твой скот — ни волостной, ни уездный!.. Прокараулишь!.. Ты же ведь знаешь законы баркинцев: щука мигом глотает пескаря!..

Как наблудивший кот, что старается незаметно выскользнуть из дому, чтобы не влетело ему от хозяина, старшина Жол на цыпочках подошел к своей лошади, отвел ее в сторону, сел и, удрученный и униженный, поехал к своему становищу.

Когда снова все смолкли, хаджи Жунус поднялся и заговорил:

— Если кто-нибудь попадется мне из джамбейтинских правителей — хоть уездный, хоть сам волостной,— я посажу их в сарай и буду держать до тех пор, пока не освободят Халена. Поддержите ли меня вы, потомки Кары?

— Поддержим!

— Поддержим!

— Мы всегда с вами, хаджи!

— Хаджеке, я хочу сказать несколько слов,— выступил вперед Асан.— С голыми руками нам не устоять против вооруженных сарбазов. Нельзя спешить, нас могут перебить, и все. Сегодня ночью я, Хаким и Сулеймен поедем к рыбакам в аул Сагу. Они присоединятся к нам. Позовем людей также и из горных аулов. Там у многих джигитов есть оружие. Вот когда соберемся все вместе, можно будет выступать и на Джамбейту!..

Жунус молчал.

Давно наблюдавшие за сходом из юрты Алибек и Адильбек переглянулись.

— Что-то коке молчит,— проговорил Алибек.

— Раз коке молчит, значит, одобряет, разве ты не знаешь этого?— укоризненно сказал Адильбек.

...В ту же ночь Асан, Хаким и Сулеймен приехали в аул Сагу, а на рассвете, после беседы с рыбаками, Асан и Сулеймен отправились в горные аулы, а Хаким с Хажимуканом и Байесом поехали в Кара-Обу разыскивать Абдрахмана, который еще раньше обещал им помочь достать оружие.

Не только аул хаджи Жунуса переживал тревожные дни —

люди волновались по всей степи, собирали сходы, вооружались, готовясь встать против ненавистного ханского правительства, которое обложило население непосильными налогами и требовало немедленной их уплаты, которое забирало скот, угоняло на службу молодых джигитов. Люди вставали на борьбу с Каржауовыми, которые устраивали поголовные порки в аулах, с Аблаевыми, которые стреляли в безвинных людей, хватали лучших сынов народа и сажали их в тюрьмы.

По всему побережью Яика от аула к аулу разъезжали джигиты, договариваясь о совместных действиях. Из уст в уста передавались слова: «Мало разгромить канцелярию волостного, надо разогнать само ханское правительство!..», «Верно говорит Айтиев, что надо идти на Джамбейту и Теке!..» В аулах начали сколачиваться отряды вооруженных джигитов. Их с каждым днем становилось все больше и больше. Весь край сел на коней, готовясь к предстоящим боям.

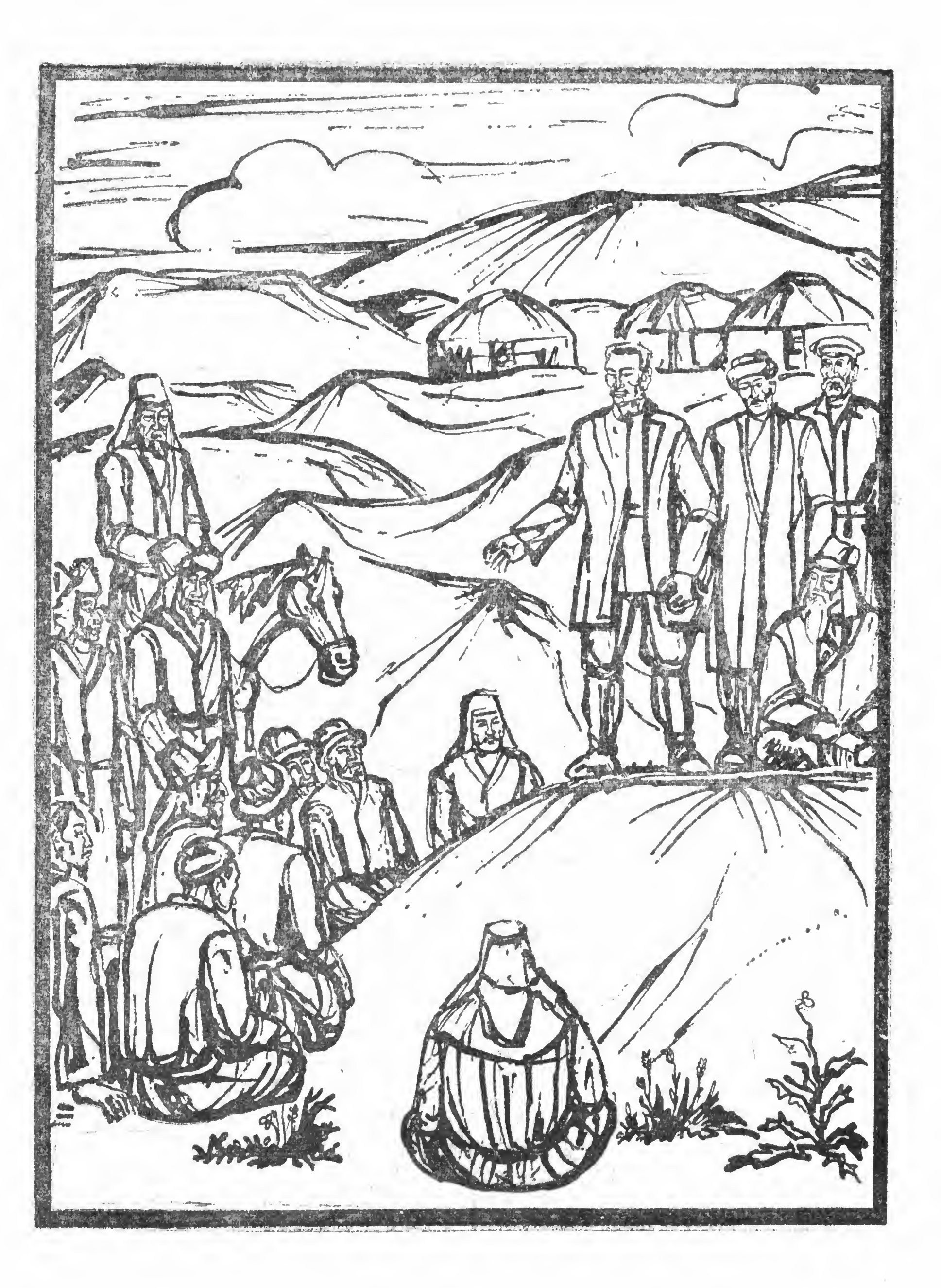
По ночам на западе, в стороне Саратова, пылали зарева пожарищ, доносились глухие раскаты орудийной пальбы.

Это было начало больших событий, развернувшихся в долине Яика — светлой реки...

Не разводя костра на снегу,
Чтобы зажарить наскоро дичь,
Не изломав всех ребер врагу,
Цели герой не может достичь...

Махамбет

Книга вторая

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Необъятные просторы Кара-Обинской волости простираются от Яика до верховьев Есен-Анхаты и безбрежных ковыльных степей Джамбейты. Здесь не увидишь ни гор, ни лесов. Только невысокие холмики горбятся в сизом дрожащем мареве. Зимой все покрывает снег, и тогда вовсе не на чем задержаться глазу среди белого сверкающего безмолвия.

Старый Бахитжан Каратаев часто думал, угрюмо глядя на пустынный простор: «Если бы на этой земле поселить людей, умеющих выращивать хлеб, то наша степь превратилась бы в цветущий край».

Он говорил об этом и с трибуны Второй Государственной Думы: «Как тяжело видеть, что у наших соотечественников — крестьян России — нет земли, и потому мы всегда готовы потесниться и дать им землю». Однако добровольного переселения, о каком он мечтал, не произошло. Правительство, привыкшее угнетать и душить слабых, преследовать всех стремящихся к равенству и свободе, в начале XX века стало силой сгонять на эти земли толпы бедноты, у которых не было ни лошадей, ни сох. Крестьян, обутых в лапти, привозили в битком набитых товарных вагонах и высаживали посреди степи. Царское правительство спешило избавиться от смутьянов,

угрожающих помещикам, духовенству и самому престолу.

Среди переселенцев немало было и украинцев. Для них, разумеется, не нашлось места на правом привольном берегу Яика, где находились поселения русских казаков. Малороссов власти селили посреди казахских степей. Так на исконных землях бывшей Кара-Обинской волости появились деревни: Федоровка, Богдановка, Алексеевка, Долинка, Керенка, Павловка.

Между хозяевами земли — казахами — и поселенцами на первых порах вспыхивали ссоры, переходившие в кровавые драки. Разумеется, не потому, что кому-то не хватало земли. Просто темны, невежественны были люди, не понимали, кто враг им, а кто друг.

Но позже увидели казахи, как трудятся русские крестьяне, как тщательно пашут землю, сеют драгоценный хлеб, строят дома, школы, учат детей.

Шли годы, и казахи тоже, глядя на русских, начинали жить оседло.

Вчерашние враги теперь сообща пользовались землей и водой, перенимали друг у друга ремесла, имели общий базар. Казахские аулы стали все теснее общаться с соседними крестьянами.

Люди поняли друг друга. Поняли, что никто из них не несет другим зла. Знакомство стало переходить в дружбу. Языками-близнецами стали казахский и русский.

И настал день, когда эти народы вместе поднялись на борьбу с угнетателями.

* * *

После волны зверских погромов, прокатившихся в Уральске, Абдрахман Айтиев возвратился в Кара-Обу только через два месяца. Однако он не появился ни в своем ауле, раскинувшимся на берегу Яика, ни в Федоровке, соседней деревне, где его знал каждый встречный. Абдрахман пошел к Богдановке, но в село заходить не стал, а отправился к растущему в степи одинокому дереву. Здесь часто аулы располагались на летовку. Вокруг простирались пастбища с сочной зеленой травой.

У дерева стоял стог прошлогоднего сена. В нем можно было укрыться от непогоды.

Время клонилось к вечеру. Тихо шелестела под нежными порывами прохладного ветерка широкая крона дерева. В его тени прилег усталый Абдрахман.

Как хорошо отдыхать среди запахов степных трав, без-

брежной тишины. Абдрахман прошел не менее пятнадцати верст от Ащи-Булака. Там он оставил коня, которого дал ему Хален.

Человек, который встретил бы здесь Абдрахмана, мог принять его за солдата, возвращающегося с фронта: усы и борода давно не бриты, гимнастерка выгорела на солнце и стала почти белой, сапоги покрыты пылью.

И он сам решил говорить всем, кто бы ни пришел сюда, что выбрался наконец взглянуть на стог, не раскидал ли скот сена, да уморился и прилег отдохнуть.

Такой ответ был бы вполне правдоподобен. Тогда множество солдат возвращалось с фронта. От местных крестьян солдаты отличались лишь выгоревшими гимнастерками да неистовой жадностью до домашних дел. И всюду, куда ни глянь, солдаты трудились на полях и возле домов. Тот шел с косой, другой вел с водопоя коня, третий чинил телегу.

Абдрахман, таким образом, вполне мог сойти за крестьянина, пришедшего сюда обкопать канавой стог.

Истосковался Абдрахман по родному аулу, по этой земле, где он мальчиком провел столько удивительных летних ночей, охраняя табуны. Здесь он играл с ребятами, здесь его детские босые ноги ступали по шелковым травам. И это место под открытым небом казалось ему прохладной юртой.

Он ложился то на бок, то на спину, но ни на минуту не отводил глаз от зеленых возвышенностей Кара-Обы, окутанных голубой пеленой тумана.

Наглядевшись на холмы, Абдрахман сломил травинку и, покусывая ее, стал считать дома в русской деревне, расположенной в низине. Родные, близкие места! Теплая, благоухающая степь.

Абдрахман не заметил, как уснул. Он не мог бы сказать точно, сколько времени спал, может быть полчаса, может быть больше. Разбудил его звук приближающихся шагов.

Абдрахман приподнял голову и увидел человека, направляющегося к нему со стороны луга. Человек шел по колено в густой траве.

Это был русский крестьянин. От его шагов по траве бежал свистящий звук.

Абдрахман сидя поджидал его.

И вид и одежда идущего человека не оставляли никакого сомнения: это был человек, возвращающийся с пастбища.

И все-таки правая рука Абдрахмана непроизвольно чуть подвинулась поближе к внутреннему карману. Кто знает, ускользнуло или нет это движение от глаз крестьянина, но, подойдя ближе, он, точно предугадав ответ Абдрахмана, сказал:

— Молодец, солдат! — И продолжал уже по-казахски: — Хорошая выкопана канава. И как раз вовремя. На днях, я видел, здесь топтался бык. А как бык дорвется до стога, у него всегда спина чешется. Трется и трется о стог, будто бес в него вселился. Да, солдат, коней теперь стало мало, а быков много. Хороший ров. Тебе, видать, привычно копать окопы? Солдаты, как я посмотрю, всегда любят поработать. Молодец!

Абдрахмана подкупила эта приветливая речь. Крестьянин был намного старше его, и Абдрахман назвал его дедом.

— Вы здешний? — спросил он.

— Здешний. Из Богдановки. Хороший, хороший ров.

— Ров хороший. Кто бы его ни рыл, все сделано аккуратно и надежно, — уклончиво ответил Абдрахман.

— Отличный ров, — улыбнулся крестьянин. — Сверху широкий, снизу узкий, скотина его не перешагнет.

Абдрахман так же двусмысленно ответил на слова крестьянина:

— Сейчас много голодной скотины — вот и лезет к сену. А эти конные казаки хуже быков. В середине лета они скормили коням все сено, накошенное с таким трудом. Никогда еще я не видел двуногих животных хуже казаков. А ваша Богдановка стоит как раз на перепутье. Тем, кто живет в стороне от дороги, легче, не всякий завернет к ним.

Крестьянин говорил по-казахски совершенно свободно, только гортанные «г» и «х» произносил мягко. К тому же он, казалось, стосковался по казахскому языку. Абдрахман заметил, что старик отлично разбирается не только в тонкостях казахских аллегорий, но кое-что смыслит и в политике.

— Такие же ямы, только поглубже, надо выкопать для двуногих скотов, — сказал он. — Пусть свернут себе шею. А ты сам из какого аула — Сугирбая или Кисыка?

«Этот хитрец, кажется, знает меня», — подумал Абдрахман и, рассмеявшись, пригласил старика сесть рядом:

— Присаживайтесь, дед. Так и быть, скажу вам правду. Я из аула Сугирбая. И этот ров выкопал не я. Но ваша правда, его выкопали хорошие, заботливые руки. А что до двуногих хищников, то есть люди, которые и для них копают яму. Я слышал, из вашей Богдановки многие... роют ямы...

Абдрахман пристально посмотрел в лицо собеседнику, ожидая ответа на свой вопрос.

— Значит, ты из аула Сугирбая... Я слышал, что куда-то скрылся после бунта казаков в Уральске сын старого Айтеке. Может быть, это ты и есть? Ладно, можешь не говорить...

Рассказывают, что в ауле Сугирбая сейчас каратели. Разыскивают Парамонова. Были они и у нас.

«Этот человек все знает», — снова подумал Абдрахман.

— Кто вам сказал об этом, старина?

— О чем?

— О том, что Айтиев скрылся.

— Земля слухом полнится. От нашего Михаила Макеевича слышал... Я догадываюсь, что ты знаком с Довженко и с Парамоновым, верно?

Абдрахман как раз и намеревался сегодня вечером пробраться в Богдановку и разыскать члена исполкома Уральского Совета Парамонова и большевика Довженко.

— Да, я знаком с ними, — ответил Абдрахман. — И хотел бы встретиться... Довженко сейчас дома?

Крестьянину было лет пятьдесят. Волосы его уже сильно тронула седина. Даже давно не бритая борода серебром поблескивала на худощавом лице. Только усы сохранили темный цвет. На первый взгляд он казался простодушным добряком. Но глаза его смотрели пристально и проницательно.

— Я сразу понял, что ты их знаешь, — ответил старик.— Довженко сегодня в селе. Но он тоже скрывается и дома не ночует. Не беспокойся, мы своих людей этим душегубам не выдаем. Скажи, кто ты, не подведем. Если надо передать что, передадим.

— Меня зовут Абдрахман. Абдрахман Айтиев.

Крестьянин протянул ему обе руки:

— Моисей Кисляк, будем знакомы. Вы меня не знаете, товарищ Айтиев, но я вас сразу узнал. Вы похожи на вашего отца и брата. Идемте в село. Я сведу вас с Довженко.

— Спасибо, аксакал.

Кисляк улыбнулся; улыбка у него была совсем детской.

— С первого взгляда я понял, что вы пришли сюда не затем, чтобы обкапывать стог. Да и лопаты ведь у вас нет. А сапоги разбиты от дальней ходьбы. Да и издали еще я приметил, что пришли вы со стороны Ащи-Булака. Ну как, товарищ Айтиев, верно угадал старик?

— Правильно, старина. Как отчество-то ваше?

— Моисей Антонович.

— В наше время лучше всего на расспрашивать, Моисей Антонович, откуда да кто... Было бы хорошо, если бы вы сказали обо мне Довженко и прислали его сюда.

— Нет, нет, идемте со мной. Вымоетесь, перекусите, выспитесь. Никто там вас не найдет. А если придут искать, есть куда спрятать. — Кисляк тронул Абдрахмана за рукав.

* * *

Село было близко, и они добрались туда до темноты.

— А что происходит в городе? — расспрашивал Абдрахман по дороге своего спутника. — Не слышно ли о приближении фронта?

— О таких вещах у меня не спрашивайте. Я крестьянин и знаю только хуторские дела, а что творится дальше, не ведаю.

Сказав это, старик виновато посмотрел на Абдрахмана: не обидели ли его такие слова.

— Наше село бедное, — снова начал он. — У меня только одна корова да лошадь. А у иных и коня нет. И посевы плохие. Не хватает сил пахать землю. Только две-три семьи и живут в достатке.

— А где вы научились так говорить по-казахски?

— Три года я работал на Меновом Дворе вместе с киргизами, вот и научился их языку. И теперь бываю в аулах. Киргизы хорошие люди.

Однообразно сер вид крохотных избушек, протянувшихся вдоль речки Теренсая до самой запруды. Земля здесь плодородная и воды в изобилии. А крыши крыты соломой. Когда смотришь издали, то кажется, что это шалаши, расположенные в ряд. В небольших загонах и аккуратных двориках редко можно видеть скотину.

По обеим сторонам длинной улицы тянутся домишки. Нигде не видно ни ветряных мельниц, ни магазинов, даже церкви нет. Коротенькие переулки уходят прямо в луга. Все дома снаружи выбелены.

Абдрахман заметил, что в этом тихом селе было много народу, особенно ребятишек.

Едва они вступили на улицу, из домов высыпали женщины и дети поглазеть на смуглого усатого казаха в солдатской одежде.

— Мама, мама, мотри, дядя Кисляк пригнал солдата. Вона, вона, мотри, — дергал мать за подол чумазый малыш.

— Цыц, киргиз это, а не солдат. Вот щелкну по затылку, не будешь встревать.

— И не киргиз, а солдат,— не унимался малыш. — А черный какой. Черный-пречерный.

Получив подзатыльник, малыш наконец замолк.

Кисляк и Абдрахман свернули к одному из домов.

Во дворе у колодца стоял высокий жилистый парень с загорелым обветренным лицом. Он пытался обнять отбивавшуюся от него молодуху.

— Не дури, Ваня. Отпусти ведро-то. Работы сколь дома, и стемнело уже...

— Я не ведро держу, а тебя. На кой оно мне, твое ведро. Что ж, коли делов дома много, так и обнять тебя нельзя?

— Не дури, говорю. Вон люди глядят, постыдись.

— Увезу вот тебя на коне. Что тогда?

У колодца действительно пил воду конь.

— Отпусти, вон Моисей Антонович пришел.

Парень улыбнулся во весь рот и сказал:

— Думаешь, Моисей Антонович не видел на своем веку молодух? В молодости был первый парень на деревне. Верно, Моисей Антонович?

Увидев Абдрахмана, парень улыбнулся ему, как старому знакомому.

— Ваня,— нарочно громко сказал по-русски Кисляк,— это солдат. Недавно вышел из госпиталя. Идет он издалека. Пусть у тебя переночует. Ты ведь тоже недавно со службы.

Голос Кисляка донесся не только до соседских домов, его расслышали даже на другой стороне улицы. И тут же, понизив голос, Моисей Антонович шепнул парню:

— Поди-ка сюда.

Конь скосил глаз на людей, стоявших у калитки, шумно выдохнул воздух и опрокинул пустое ведро.

Когда Ваня отошел к Кисляку и Абдрахману, молодуха с досадой посмотрела на них, будто хотела сказать: «Откуда вас принесло?»

— Ваня, ты никуда не уходил? — спросил Кисляк. — Батько дома? Отведи этого человека к Довженко или к Петру Петровичу.

2

В крохотном чулане Моисея Кисляка Петр Петрович Парамонов светил Абдрахману, составлявшему список. В последние дни члены подпольного комитета незаметно для посторонних глаз встречались с нужными людьми и сейчас проверяли по списку всех записавшихся в народную дружину. Они уже вручили дружинникам часть имевшегося оружия и решили начинать.

День ото дня росло возмущение действиями нового правительства. У людей отбирали лошадей, хлеб, деньги.

Учитывая это, большевики намечали план предстоящей борьбы. Главная задача состояла в том, чтобы преградить путь врагу, намеревавшемуся превратить Джамбейту в свой опорный пункт для бесперебойной переброски из Уральска оружия и интендантского имущества.

Первым в списке боевого отряда стоял Иван Белан. Он прошел хорошую боевую школу на фронте, был силен и вынослив.

Петр Петрович поправил фитилек самодельной сальной свечки.

Внезапно раздался короткий условный стук в дверь. Парамонов открыл. Вошел Белан, торопливо сообщил:

— Петр Петрович, солдаты. Примерно взвод с офицером. Вчера Кобец передал, что в Покатиловке спокойно. Значит, идут прямо сюда.

Абдрахман и Парамонов, как по команде, вскочили с мест. От волны воздуха огонек сальной свечки вспорхнул и погас. Абдрахман успокоил Парамонова, искавшего в темноте спички:

— Петр Петрович, все бумаги у меня, можешь не зажигать.

— Наверное, хотят устроить облаву. Недаром же их целый взвод. Надо поскорее выбраться из села. А там посмотрим, что они хотят.

— Извести Сороку, — быстро сказал Белану Абдрахман.

В темноте нельзя было разглядеть выражение лица Белана.

— Я уже сообщил Сороке и Науменко, — ответил он. — Сейчас придут.

— Молодец! — похвалил Парамонов.— Выходи вместе с Абдрахманом.

— Дом Кисляка стоял на окраине села. За его огородом был обрыв. Глубокий овраг уходил к высохшему руслу реки.

Белан с Абдрахманом, миновав ограду, спустились в этот овраг. Прежде тут играли в прятки лишь дети, а с некоторых пор его облюбовали и взрослые.

Дно оврага было ровным, как дорога. Здесь росла густая трава. В овраге, ближе к руслу Теренсая, собирался обычно штаб Богдановского комитета. Люди незаметно сходились сюда поодиночке. Здесь же был тайник со спрятанным оружием.

Парамонов, шедший сзади, сказал:

— Ваня, беги приведи остальных, а сам оставайся у спуска в овраг. Старики пусть следят за отрядом.

Парамонов взял Абдрахмана за руку и стал спускаться в овраг, немного пригнувшись (эта предосторожность была излишней, человека здесь никто бы не заметил, даже если бы он встал во весь рост: склоны оврага заросли бурьяном и лебедой).

Пройдя метров двести, они поднялись вверх по крутому склону и из-за кустов стали наблюдать за селом.

Отряд уже двигался вдоль улицы. Доносился глухой топот копыт, голоса, лай собак.

— Надо обезоружить солдат,— сказал Парамонов.—Лучше всего было бы встретить карателей на дороге, устроив засаду. Но дружинники ничего не знали о черт знает откуда взявшемся отряде. Теперь надо что-то придумывать.

Абдрахман разглядел, что это был отряд Белова, забиравший коней и продукты в ближайших селах. Отказывать Белову было нельзя: брал силой. Отряд его появлялся внезапно то в одном селе, то в другом, и люди не успевали ничего припрятать. Не успели как следует приготовиться и дружинники. Теперь оставалось одно — взять врага хитростью.

— Не задержится ли здесь отряд? — в раздумье сказал Парамонов.— А если задержится, то останется ли ночевать?

Вскоре совсем стемнело. Луны не было. Ночь одела все в непроглядную вязкую черноту.

— Петр Петрович, надо туда кого-нибудь послать, — сказал Абдрахман.

В это время к ним приблизились двое.

— Это ты, Науменко? — спросил Парамонов. — Оставайся здесь — и чтобы ни звука. Понял? А ты, Сорока, перенеси сюда все оружие. Будешь вооружать людей. Я пойду за патронами.

Парамонов двинулся было в темноту, но Абдрахман остановил его:

— Петр Петрович, я схожу, а вы оставайтесь.

— Нет. Ты не найдешь места, где спрятаны патроны.

Он отступил назад и скрылся в темноте.

3

Белов, служивший в интендантских войсках, не просто грабил многочисленные деревни по левому берегу Яика. Он выработал своеобразную тактику налетов. Не шел из опустошенного села в то, что поближе: так крестьяне успевали предупредить друг друга о приближении отряда. Он двигался сначала к какому-нибудь селу, лежавшему в стороне от главной дороги, отнимал там коней, хлеб, а затем резко сворачивал в сторону и всегда оказывался там, где его меньше всего ждали.

Все-таки крестьяне наконец раскусили суть его лисьих повадок.

Придя в одно из сел, Белов не нашел ничего. Солдаты рыскали по хатам, заглядывали в каждую щель и не находили ничего — ни зернышка хлеба, ни коней, кроме одной слов-

но в насмешку оставленной тощей клячонки с выпиравшими ребрами.

Отряд ушел из деревни ни с чем. Разъяренный Белов решил отвести душу в другом селе.

Выйдя в полдень из Новопавловки, отряд обошел стороной Покатиловку и, сделав более тридцати верст крюку, в сумерках нагрянул в Богдановку.

Уже дорогой Белову удалось поживиться. Не доезжая села, он увидел пасшихся на заимке крестьянских коней и велел солдатам переловить их.

Поэтому в Богдановку отряд входил, гоня перед собой целый табун.

В это время Белан со своей Машей сидел на срубе колодца. Он услышал топот множества коней и, вскочив, стал всматриваться в зыбкий вечерний сумрак. Вот в конце длинной улицы показалась какая-то движущаяся темная масса. Вглядевшись, Белан различил силуэты верховых. Он вздрогнул, увидев наконец за их спинами винтовки с примкнутыми штыками.

Ошеломленный внезапным появлением отряда, Белан сгоряча решил по топоту множества копыт, что в село нагрянул целый взвод карателей.

— Опять эти бандиты! Маша, — торопливо сказал он, — беги к Моисею Антоновичу, а то его захватят врасплох, а я к Парамонову.

— И никакие это не бандиты,— спокойно возразила Маша.— Это солдаты и с ними офицер. Белов, наверно.

— Офицер? Я тебе дам — офицер! Бандит он, грабитель, а не офицер! Кобель. Я еще сделаю крест из его костей.

— Ты что, взбесился? — с удивлением посмотрела не него Маша.

— Ты пойдешь или нет? — заскрипел зубами Белан. Маша даже в темноте увидела, как он переменился в лице.

— Что передать Моисею Антоновичу? — чуть слышно спросила она.

— Скажи — солдаты, взвод солдат. Поняла? — И он огромными прыжками бросился вперед вдоль забора.

Маша кинулась к дому старосты.

* * *

Вытянувшиеся в ряд крестьянские лачуги походили одна на другую, как грачиные гнезда. И Белов, не утруждая себя выбором, остановил отряд у ближайшей хаты. Солдаты загнали во двор пойманных лошадей и бросились искать уздечки, недоуздки, веревки. Затем принялись привязывать коней.

Торопливые движения вооруженных солдат, окрики, щелканье бичей испугали животных. Лошади вставали на дыбы, лягались, упирались, выскакивали из загона, причиняя солдатам немало хлопот.

Рослая серая лошадь Сороки перескочила через плетень и бросилась к своему двору, за ней увязался рыжий конь Белана. Один из солдат, видимо уже почувствовав себя хозяином, поскакал за ними, чтобы завернуть обратно; следом за ним со злобным лаем бросилась собака.

Перепуганный этим диким гвалтом, конь Белана, задрав хвост, бешеным галопом понесся к своему дому и с ржанием заскочил во двор.

Старый Белан, ничего не знавший о вступившем в село отряде, удивился, увидев, что конь его сына вернулся домой в неурочное время. Он ласково похлопал его по шее и повел под навес.

Солдат заметил, в каких воротах скрылся конь, и поскакал следом.

* * *

Молодого Белана охватила неудержимая ярость. На бегу он обдумывал, как отомстить Белову за слезы, что он нес людям.

«Неужели этот мерзавец решил начисто обобрать село? — думал он. — Что за проклятый изверг — забрать единственную крестьянскую лошадку, очистить чулан до последнего зернышка? Когда это кончится? На чьего коня накинут сегодня петлю? Может, на моего Рыжика? Или, может быть, офицер, как в прошлый раз, будет снова приставать к Маше? Погоди, сукин сын!»

В голову Белана закралась одна навязчивая мысль — захватить офицера. Ему вспомнился поросенок, которого он с отцом вез на базар. Поросенок, посаженный в мешок, отчаянно верещал, хоть уши затыкай. «Я тебя, как этого поросенка, посажу в мешок, ты у меня заверещишь не хуже».

К Парамонову он вошел внешне спокойно. И когда говорил о прибывшем отряде, ни словом не обмолвился о том, что решил засунуть офицера в мешок.

Глядя на Абдрахмана и Парамонова, он понял, что предпринимать какие-либо шаги без их указаний рискованно.

Парамонов знал вспыльчивый, крутой характер Белана и прежде всего учил его дисциплине.

— Ваня, — спокойно сказал Парамонов, — сейчас же собери всех. А сам жди у оврага. Передай старикам, чтобы они разузнали все об отряде.

И Белан понял всю глупость своей опасной затеи, понял, что действует не только он, что он лишь один из многих.

Выбежав на улицу, он остановился и прислушался. До него донесся топот скачущей лошади. Белан прижался к забору, пристально вглядываясь в темноту. Перед ним промелькнул темный силуэт всадника. За спиной его Иван разглядел винтовку. И тут же увидел, что солдат спешит к воротам его дома.

«Что ему там надо? — с беспокойством подумал Иван. — Может быть, за мной? Неужели кто-то выдал? А вдруг облава?»

Однако долго ломать голову ему не пришлось. Все выяснилось через несколько минут.

Осторожно подойдя к своему дому, он услышал голос солдата:

— Эй, кто дома? — Видимо, солдат увидел старого Белана и сказал: — Ну-ка приведи мне коня, что стоит под навесом.

— А вы кто такой? — удивленно спросил старик, выходя из-под навеса, чтобы получше рассмотреть всадника. Увидел за его плечами винтовку и понял, зачем тот пожаловал.

Острые глаза Ивана ясно различили в темноте отца, стоявшего в белой рубашке. «Вот и пришла очередь Рыжего»,— заскрипев от ярости зубами, подумал молодой Белан.

Тем временем старик приблизился к всаднику и сказал:

— Это мой конь. Он вернулся с пастбища. А вы кто такой?

Тонко свистнула нагайка, и старик слабо вскрикнул.

Ивана точно обожгло. В два прыжка он был в сенях, схватил подвернувшийся под руку тяжелый черенок для вил и выскочил вон.

— Теперь узнал, кто я? — злорадно спросил солдат у старика, схватившегося рукой за голову.— Взнуздай коня, да поживее, дохлая кля...

Закончить солдат не успел. На его голову обрушился страшный удар. Он опрокинулся на спину. Его перепуганная лошадь метнулась в сторону.

— Батька, держи лошадь! Не выпускай! — срывающимся голосом закричал отцу Иван. Схватив в охапку медленно сползающего с седла солдата, он опустил его на землю.

— Иван? Это ты? — едва слышно проговорил старик.

Стащив наземь здорового казака, обмякшего, как выделанная шкура, Иван придавил его к земле коленом и сорвал с него оружие.

— Батька, неси быстрей из хаты мешок. Большущий, из-под картошки! — закричал он отцу.— Пошевеливайся, батька, а то сейчас следом прискачут другие.

Старик, мелко семеня, вынес большой мешок и подал его сыну. Покачав сокрушенно головой, сказал:

— Грех это, Иван. Что же ты делаешь...

Иван не стал ничего объяснять. Он схватил солдата, засунул его в мешок и, завязав, поволок по земле к навесу.

— Батька, забросай мешок старым сеном. Запри ворота. Лошадь привяжи и погаси свет. Кроме меня, не открывай никому. Я сейчас вернусь.— Иван перепрыгнул через плетень. и исчез в непроглядной тьме.

Винтовку и шашку казака он прихватил с собой.

4

Приказ капитана Белова был выполнен. Сорок захваченных коней надежно привязали в загоне.

Отозвав в сторону рыжебородого хорунжего, Белов распорядился:

— Двух человек в караул. Пусть всю ночь наблюдают за деревней. Остальным остаться возле лошадей. Запомни: для казака главное — конь и шашка.

Тучный, неповоротливый хорунжий почтительно козырнул офицеру:

— Есть, господин капитан. Двух человек в караул, остальным охранять коней.

Хорунжий был стар, и кроме того, его так утомила езда верхом, что он не мог стоять как подобало, по струнке. Тяжело повернувшись, он зашагал к солдатам, столпившимся возле лошадей.

Кони, пасшиеся все лето на выгоне, были как на подбор — сытые, гладкие. Они напирали друг на друга, кусались, храпели, лягались, и успокоить их могли только удары нагаек.

«Хороши лошади, — подумал Белов, — и достались легко. Из всех забракуют не больше десятка. Утром можно будет отобрать лучших. А хлеб за ночь крестьяне вывезти из села не смогут. Неплохо дельце сделано».

Переночевать Белов решил в хате Петровны, стоявшей особняком. Этот дом был уютен и удобен во всех отношениях... Капитан уже останавливался там весной.

Кроме мягкой постели и вкусного борща с пирогами у Петровны всегда есть первач.

«Неплохо бы помыться с дороги, — думал он, — да опрокинуть стаканчик горилки... Жаль, тогда ускользнула эта

красивая молодуха, что к Петровне зашла. Ох и хитры эти женщины. Ничего, если сегодня попадется мне в руки...»

Капитан снова подозвал хорунжего и сказал:

— Я буду у Петровны. Через часок зайдешь. Выпьешь стаканчик — усталость как рукой снимет.

Ворота дома были распахнуты настежь.

Белов заглянул через окно на кухню. Ни души. Он постучал.

— Входите, открыто, — ответил приветливый женский голос.

— Добрый вечер, Петровна, — обратился капитан к полной женщине лет пятидесяти.

— Здравствуйте, Семен Степанович. Проходите. Мы всегда рады дорогим гостям. А я-то думаю, какие это солдаты пришли. Оказывается, опять вы.

— Ну, рассказывайте, как поживаете, Петровна.

— Ничего, слава богу. Да вы проходите.

— Не обессудьте, что побеспокоил вас так поздно. На службе не приходится разбирать, где утро, где вечер. Если можно, переночую у вас? — предупредительно спросил он.

— Конечно, Семен Степаныч, что за вопрос. И комната ваша свободна. Не беспокойтесь, никого вы не стесните. А я ведь всегда на кухне. Располагайтесь. Да помойтесь с дороги. А я пока вам подогрею борщ. Вы ведь любите украинский. И пирог я как раз испекла. С самогоном вот только туго. Хлеба теперь маловато. Да для вас найдется.

«Славная старушка,—подумал Белов.—Раньше жила зажиточно. Понимает, что к чему. Такие, как она, среди хохлацкой голытьбы — что золото в навозной куче».

Умывшись, он отстегнул шашку, поставил ее в угол. Сумку положил на подоконник и сел к столу.

Выпив стакан самогона, он блаженно развалился на стуле.

— Хороша горилка, Петровна. Никогда я не пил такой, как у вас. Видно, вы как-то по-особенному гоните ее. Я знал самогонщиков, которые гнали горилку из отборного зерна, перегоняли через сто трубочек, добивались кристальной прозрачности. Но вы превзошли всех, — сказал капитан и подумал: «Только было бы куда лучше, если бы вместо самогона сюда явилась та сероглазая хохлушка с тугими грудями».

Если Белов восхищался аккуратной и расчетливой хозяйкой дома, умеющей ловко обратить копейку в две, а две в рубль, то и Петровна души не чаяла в крепком, словно на-

литом капитане. Он покорил ее вежливым, деликатным обхождением. Не вваливался, как иные, бесцеремонно в дом, а вежливо обращался на «вы». Кроме того, прошлый раз он строго-настрого приказал старосте: «Вдову не обижать. Налогами не обкладывать». Петровна не забыла, что, ограбив село, капитан тогда велел отвезти ей мешок пшеницы. Мало того, еще и деньгами отблагодарил ее за хлеб-соль.

Теперь капитан втайне надеялся, что представится удобный случай овладеть миловидной грудастой Марией.

Прошлый раз Петровне удалось заманить ее в свой дом. Как быстро тогда пролетел вечер за приятной беседой, но под конец Мария ловко выскользнула из его рук.

Уезжая, капитан оставил у Петровны дорогую шаль для подарка Маше.

На другой день Петровна позвала ее к себе и показала подарок. Маша, увидев шаль, испугалась.

— Чего боишься? Бери,— сказала Петровна,— надо дурой быть, чтобы отказаться от такого подарка. Разве у тебя есть муж, который подарил бы тебе такую шаль? Неужели тебе нравится, когда тебя обнимает своими ручищами этот полоумный Иван? А скажи, что он подарил тебе? Не будь дурой. Бери.— Петровна насильно сунула в руки Маши шаль.

В маленьком селе люди знают друг о друге все. Не осталась незамеченной и эта шаль.

Сколько раз потом Иван корил Машу офицерским подарком, сколько раз доводил ее до горьких слез.

* * *

Упоминание о стаканчике самогона растопило душу рыжего хорунжего. Он весь приободрился и со всех ног бросился выполнять приказ капитана. Двух молодых казаков выделил в караул, четырех приставил к лошадям. Остальных, разделив на две группы, отправил ночевать в ближайшие два дома. После этого можно было подумать о себе.

Хорунжий уже много лет служил в армейском интендантстве и при всей своей неповоротливости проявлял необычайную ловкость там, где надо было обеспечить вкусной пищей и крепким вином самого себя.

«Часок», о котором говорил капитан, тянулся чересчур долго. Хорунжий не выдержал. Увидев ребятишек, глазевших на солдат, он подозвал пальцем одного из них и, скривившись будто от сильной зубной боли, простонал:

— А ты бойкий. Видать, вырастешь — командиром будешь. Ой-ой, — хорунжий схватился за щеку. — Так болит

этот проклятый зуб, что нет сил. Если бы его прополоскать спиртом, сразу полегчало бы. Ты, может, знаешь, малыш, дом, где есть самогон.

— Вон в том доме есть, — с готовностью показал мальчуган и участливо поглядел на кривлявшегося казака.

Едва хорунжий вошел в указанную малышом хату и попросил стакан самогона, хозяйка испуганно засуетилась. Видимо перепугавшись вооруженного казака, она преподнесла ему не стакан, а целый кувшин самогона.

— Да поможет тебе господь, молодица. — Хорунжий весь просиял, увидев кувшин.

Он наполнил стакан, любовно погладил его и выпил.

Минуты две он сидел, надув щеки и жмурясь от удовольствия. Потом снова наполнил стакан и, выпив его, понюхал огурец, поданный хозяйкой.

— Хорош самогон, — весело заговорил он, поглаживая рыжую бороду,— да и хозяйка ничего. А где муж? Небось в город уехал?

Оробевшая женщина испуганно попятилась.

Хорунжий, ухмыляясь, допил самогон и вышел из хаты.

Он сразу же одурел от выпитой натощак горилки, сознание помутилось. Хорунжий сел на лавочку возле дома и, скрутив цигарку, с наслаждением затянулся крепким самосадом. От этого одурел еще больше и, пошатываясь, отправился к капитану.

Увидев дородную Петровну, он облизнулся, как кот.

— Капитан дома, красавица?— спросил он.— И везет же Белову...

— Проходите, — посторонилась Петровна.

Когда хорунжий вошел, капитан ел густо-красный борщ.

— Господин капитан, разрешите доложить,— гаркнул хорунжий, — ваше приказание выполнено. Два казака в карауле, четверо у лошадей, остальные ужинают.

Отложив ложку, капитан пристально посмотрел в лицо хорунжего.

«Что-то очень уж бодрый, — подумал Белов. — Наверно, успел поесть и пришел за самогоном». Он придвинул к краю стола бутылку и наполовину опорожненный стакан, а сам принялся за борщ.

Хорунжий не заставил себя долго просить. Он подошел к столу, наполнил стакан до краев и провозгласил:

— За ваше здоровье, господин капитан! Ух, до чего жгуч! Отроду не пил такого самогона. — Хорунжий маслеными глазами проводил на кухню хозяйку и спросил: — Если позволите, господин капитан?

Белов промолчал. И хорунжий налил себе второй стакан.

5

Богдановка — не казачья станица, в ней не было ни атамана, ни старшины. Лишь когда до этой небольшой деревушки долетел ветер свободы, бедняки выбрали сельский совет, и первым председателем его стал энергичный деловой Михаил Довженко. Он был участником рабоче-крестьянского съезда в Уральске, членом областного Совета. Когда же власть вновь захватили атаманы и белые генералы, он вместе с Петром Парамоновым возглавил подпольную работу.

Подпольная организация собиралась в доме Кисляка.

Время было смутное и тревожное. Зашевелились кулаки, стали поговаривать о том, чтобы выбрать своего старосту. Опасаясь, что власть на селе возьмет в свои руки враг, подпольщики на сходке предложили сельчанам выбрать старостой Моисея Кисляка. Большинство крестьян согласилось с таким предложением. Кисляк пользовался уважением у всех за прямоту, честность, хозяйственность.

И вот староста Кисляк должен был отвечать за всех.

Он хорошо помнил, как пришли казаки весной в село. Белов тогда вызвал его, приказал:

— Завтра к шести утра чтобы было сдано сто пятьдесят пудов хлеба и пятнадцать лошадей. Не выполнишь — прикажу выгрести весь хлеб, что есть в селе, до последнего зернышка, и заберу лошадей.

Белов сказал это очень спокойно, не повышая голоса, но Кисляк понял, что офицер не пощадит ни вдов, ни сирот и дотла разорит село.

Тогда смогли сдать сто пятьдесят пудов зерна потому, что взяли хлеб взаймы у богатых Савенко и Полторацкого до осеннего урожая.

И вот теперь снова пришел в село отряд карателей, и снова Кисляка вызвал к себе Белов.

«У кого же теперь просить взаймы? — с горечью думал староста, направляясь к дому Петровны. — Где взять хлеб, чтобы избавиться от этих живодеров?»

Кисляк, спотыкаясь в темноте, шел все медленнее и медленнее. На уме было только одно — хлеб. Всю жизнь он испытывал в нем недостаток.

А казаков это не касается. Заберут хлеб — и все.

Как могли безоружные люди противостоять отряду вооруженных грабителей? Скажи слово против — расстреляют. Откажись отдать хлеб — заберут силой.

С такими думами вошел Кисляк в дом Петровны.

Капитан сидел на стуле и усердно ковырял спичкой в зубах.

На приветствие Кисляка он не ответил. Только мельком взглянул на него и продолжал свое занятие.

Кисляк, стоя у порога, ждал.

Несколько минут в доме царило молчание. Это, видимо, надоело пьяному хорунжему, и он заговорил первый:

— Эй, старик, видать, с гулянки идешь? — Хорунжий забыл, что Кисляк староста, и сказал, что в голову взбрело. — Или ж-жаловаться пришел? Посмотрим, как ты сейчас запоешь, птич-чка.

Кисляк посмотрел на него с удивлением. У старосты на уме была только одна мысль: сколько хлеба потребуют солдаты? А тут пьяный хорунжий мелет какую-то чушь. Он вопросительно взглянул на Белова, но тот по-прежнему, не глядя на него, продолжал ковырять спичкой в зубах.

Вошла Петровна. Увидев Кисляка, неловко топтавшегося у дверей, сказала:

— Что стоите, Моисей Антонович? В ногах правды нет. Проходите, садитесь.

— Спасибо, Петровна. Я зашел узнать, есть ли какое дело... Сегодня посевы смотрел. Плохая пшеница уродилась. Все лето не было дождей. Колос пустой, стебель ниже колена. А хлеб у крестьян уже кончился. У вдовы Богданихи вон да у деда Елисея дома не наскребешь и горсти муки. Сидят голодают. Занять не у кого. У всех туго с хлебом,— сказал он и подумал: «Хитрая ты баба. Знаешь, что офицер утром шкуру с людей сдирать будет, и угощаешь его самогоном да пирогами. Заранее метишь на свою выгоду».

— Заговорил... А я думал, что у тебя язык отнялся,—снова забубнил хорунжий.—Ты тоже комитетчик? А? Говоришь, в Богдановке нет хлеба? Пантелеевна, Моисей Иванович комитетчик?

Кисляк посмотрел в мутные от самогона глаза хорунжего и ничего не сказал. Ответила пьяному казаку Петровна:

— Я не Пантелеевна, господин хорунжий, Петровной меня кличут. А это Моисей Антонович, а не Иванович.

— Он комитетчик?

Петровна не ответила.

— Я знаю. Комитетчик. Комитетчики всегда говорят: вдов много, хлеба мало.

— Господин хорунжий, я крестьянин, — ответил наконец пьяному казаку Кисляк.— Грамоте не обучен. А чтоб знать вдов в нашем селе, та хиба ж их кто не знает, — Кисляк нарочно прикинулся простачком и начал мешать русские слова с украинскими.— Щоб буты комитетчиком, ум треба, а у нас його нема.

— А большевиков ты тоже всех знаешь? Ну-ка скажи, сколько их. Больше десятка? А?

— Хто знает, может, и больше. Тильки говорилы, що бильшовиков усих знищожили. Слыхав, що их вишають зразу по десятку, а по одному ни. Так, може, и осталось с десяток,— мысленно усмехаясь, ответил Кисляк, глядя на осоловевшего хорунжего. Тело его обмякло и расслабло, как квашня.— Так что, ваше благородие, господин хорунжий, всяк разумие по-своему. А може, вы сами бачилы бильшовиков? Яки они есть? В недилю, балакають, якась старушка заустрила його. Каже, що вин з двумя рогами. Я ий не повирив. Каждый болтае свое...

Капитан, закончив ковырять в зубах, хмуро посмотрел на хорунжего, и тот, испугавшись, подобрался как мог, сел попрямее и разгладил усы, намереваясь ответить глупому крестьянину.

А Кисляк шмыгнул носом и как бы весь обратился в слух, подавшись к хорунжему.

— Сколько у вас лошадей?— не поворачивая головы и не меняя позы, спросил капитан. Глядел он в это время на хорунжего, и Кисляк в первую минуту не понял, кому Белов задал этот вопрос.

— Сколько все-таки у вас лошадей? — снова спросил Белов и поднял глаза на Кисляка.

— Как это сколько лошадей, господин капитан?

— Ты что по-русски не понимаешь?

— Ваше благородие, господин капитан. Какой из меня староста? Сельчане попросили временно побыть старостой, а я не посмел отказать. Откуда мне знать, у кого какой скот. Что я, хозяин ему, что ли? Я занимаюсь своим хозяйством, хоть у кого спросите.

Белов внимательно оглядел крепкую, ладно сбитую фигуру Кисляка, его умное озабоченное лицо и подумал: «Хитрый староста. Прикидывается тупицей. Но у тупицы никогда не бывает такого лица. Его не сравнишь с этим остолопом хорунжим».

— Как же так, живешь здесь всю жизнь и не знаешь, у кого сколько лошадей?

— У некоторых, конечно, знаю, которые по соседству. А в селе — кто их считал...

— Не знаешь? Ну так я знаю. Только не понимаю, почему ты не хочешь сказать правду Войсковому правительству. Интересно, если бы сюда пришли большевики, ты так же молчал бы?

Кисляк потупился и стоял, не поднимая глаз.

— Так вот, слушай: через два часа сообщи мне, сколько в

селе фургонов, трудоспособных людей, не считая женщин, и сколько хлеба. Дальнейшие распоряжения будут потом. А сейчас — иди...

— Господин капитан...— начал было Кисляк, но его оборвал резкий окрик Белова:

— Никаких разговоров! Иди и выполняй приказание.

Кисляк молча побрел к выходу.

«С ним ни о чем не договоришься, — хмуро подумал он, выйдя на улицу. — Какие это ему нужны фургоны? Тележки, видимо... Сколько в селе трудоспособных... Что он еще задумал?»

* * *

Иван пересек улицу и направился к оврагу; он бежал, прячась за домами, перелезал через заборы и плетни, прыгал через канавы, не разбирая дороги, бежал прямо по огородам, оступался в темноте и зло сквозь зубы ругался. Но вот уже и дом Довженко. За домом огород и потом овраг. «Добрался», — облегченно вздохнул он и, чтобы немного передохнуть, пошел медленнее. Внезапно до его слуха донесся какой-то непонятный звук. Он присел и стал вглядываться в темноту. И сразу же различил силуэты всадников, подъезжавших к дому Довженко. И кони и люди в темноте казались огромными.

— Стой! Кто здесь? — окликнул грубый голос.

Белан понял, что казаки заметили его. Он пригнулся еще ниже и замер.

— Выходи! Буду стрелять! — раздался тот же голос.

Всадники объехали баню и приближались к высокому плетню, за которым притаился Белан.

«Что делать?— лихорадочно думал Иван. — Бежать—уложат на месте. Ждать — тоже нельзя». И вдруг ему в голову пришла спасительная мысль.

— Кого вам треба? — нарочито растягивая слова, громко спросил он.

— Тебя!

— Сейчас я. Только справлю нужду и встану.

— Брешешь! Куда это ты так бежал?

— С квасу меня. Пронесло. Думал — не добегу. И зачем я его пил? Провались он пропадом, чтоб я еще когда стал его пить. Сырой водой, видно, разбавили... Ох,— застонал Иван.— Прямо рвет в животе.

Ухватившись за свою спасительную мысль, Иван говорил и говорил, чтобы оттянуть время, а сам в это время оглядывался по сторонам, не зная, что делать.

«Неужели они нашли мешок? — холодея, подумал он. — Тогда конец. С двоими не справлюсь. Если уложить одного из винтовки, другой поднимет на ноги всю деревню. Нельзя».

Иван торопливо разрывал руками грядку, кое-как забросал землей винтовку и шашку. Подтягивая на ходу штаны, направился к казакам.

«Не сожрут же они меня,— подумал он. — Если арестуют, там видно будет, что делать».

— Покойник аль живая душа? — пробасил один из казаков. — Ты здешний?

— Сельский.

— Куда бежал? Что делаешь тут ночью?

— Я уж толковал вам,— заканючил Иван,— бежал по нужде, на двор то есть торопился. А сам я из этого дома. Вечеру напился было квасу... Поначалу-то меня все пучило, а потом вот и пронесло. Просто спасения нет, а резь в животе, прямо невмоготу. Отродясь не пивал такого проклятого квасу.

— Брешешь. Це все чиста брехня. Вижу я тебя, прохвоста, насквозь. Подслушиваешь тут ходишь. Ну-ка, айда к хорунжему. Шагом марш!

— А далеко хорунжий-то?— схватился за живот Иван. — А то я, поди, не дойду. Не дотерплю то есть.

— Дойдешь, увидишь, где хорунжий. Айда, айда. Живо!

«Когда дойдем до следующего дома, кто-нибудь из нас будет валяться в пыли,— шагая между конвойными, решил Иван. — Кинусь на одного, а второй не будет стрелять в темноте, чтобы по своему не угодить. И пока он слезет с коня, я через плетень — и ходу. Недаром же у меня прозвище — Ванька-ветер».

Так прозвал Ивана Моисей Кисляк. Дело было давно, когда Беланы только приехали в Богдановку.

Кисляк, возвращавшийся в телеге из Теренсая, встретил бежавшего навстречу ему Ивана, тогда еще подростка.

«Ну и бегаешь ты, парень,—смеясь сказал Кисляк.— Другие ребята не могут угнаться за твоей пылью. Ну-ка, давай посмотрим, кто кого перегонит. Моя лошадь хоть и устала, но от двух верст не подохнет. Обгонишь — завтра дам тебе лошадь, поедешь на ней в поле. А я пойду пешком. Согласен?»

«Дядька, — запальчиво ответил Иван,— только лошадь-то распряги, а то с телегой не догонишь мою пыль».

Кисляк все это сказал в шутку, но бахвальство Ивана его разозлило, и он, чтобы проучить хвастуна, выпряг лошадь.

Ивану тогда не удалось перегнать Кисляка, но в деревню он прибежал рядом с ним.

С того дня и прозвали Белана Ванькой-ветром.

Вот конвоиры уже прошли мимо хаты Довженко, еще несколько шагов...

Внезапно впереди показался человек.

Солдаты резко осадили коней и разом крикнули:

— Стой!

Человек остановился.

— Кто такой?

— Это я.

— Кто я?

— Моисей Кисляк.

Белан обрадовался. «Кисляк догадается, что солдаты взяли меня, — подумал он, — постарается выручить. А если нет, можно будет убежать».

— Какой ты сказал? Кисляк? Почему шатаешься ночью?

— Иду до хаты. Меня вызывал капитан Белов. Вот я и иду от него.

Солдаты, услышав имя капитана, моментально примолкли.

— Это Моисей Антонович, наш староста, — поспешил объяснить Белан. — Можете спросить у него, кто я. Я же сказал, что живу здесь. А вы меня до хорунжего... Ох, опять приспичило... Говорю же, что у меня понос.

— Иван, это ты? — с притворным удивлением воскликнул Кисляк. Он сразу понял, что Белан попался солдатам, и пустился на хитрость: — Послушай, Иван, господин капитан велел мне узнать, сколько в селе фургонов и трудоспособных мужчин, а я человек старый, и ревматизм шагу не дает ступить. Где мне ночью ходить по дворам да расспрашивать. А капитан строго-настрого приказал, чтобы через два часа все разузнал. Пойдем-ка, помоги мне. И потом, я неграмотный, считать не умею, а ты горазд считать-то.

— Я бы помог, Моисей Антонович, да вот служивые меня зачем-то к хорунжему ведут, — спокойно сказал Белан.

— Ты правда староста? — недоверчиво спросил один из солдат, наклонясь, чтобы получше разглядеть Кисляка. Видимо, густые, как у казачьего атамана, усы Моисея Антоновича внушили ему доверие.

— Я рад бы не быть старостой, — ответил Кисляк. — Сейчас бы не ходил по селу с больными ногами, а спал на печи. Если не верите, отведите меня к капитану, и я ему скажу, что не смог выполнить его поручение по причине, что был задержан.

— Ладно, ладно,—испуганно ответил казак. —Мы служивых людей не задерживаем.

— Ну тогда, Ваня, пошли. А то не управимся.

Солдаты резко повернули коней и скрылись в темноте.

Вся жизнь Моисея Кисляка прошла в тяжелом, напряженном труде. Поднимался он каждое утро с первыми петухами и до первых звездочек работал в поле. То пахал, понукая обессилевшую лошадь, то косил, то скирдовал сено. Вечером едва добирался домой от усталости. Но горше всего было работать на чужом поле, чтобы расплатиться за взятый в долг хлеб.

Моисей Антонович и Белан спустились сейчас в овраг. Здесь уже собрались все десять сельских коммунистов во главе с Парамоновым и Абдрахманом. Кисляк увидел, что у всех в руках были винтовки.

Моисей Антонович облегченно вздохнул. Он присел на траву и сказал:

— Ну и ну. Тяжелый был разговор с начальством. Грозит разорить село.

Кисляк смотрел на окружающих его вооруженных людей, на их спокойные, уверенные движения и понимал, что они готовы защитить село от грабителей. Он расправил плечи и почувствовал себя у родного очага. Ему стало даже весело от всего происходящего.

— Белов этот дюже похож на пана Луцко,— сказал он,— точь-в-точь такой же. Слова из него как клещами вытягиваешь. Бывало, пан выйдет на крыльцо, а ты стоишь, согнешь коленки и ждешь, что их благородие прикажут. А пан молчит, крутит свои усы и молчит. Ты и сопишь, и кряхтишь, и кашляешь, а он молчит. И этот Белов такой же. Я стоял у порога, раз десять переступал с ноги на ногу, аж вспотел, а он ковыряет спичкой в зубах и молчит. И видать, так уж ему это приятно, что даже один глаз зажмурил, а другой вытаращил: зверь зверем. Как кончил ковырять в зубах, приказал: даю два часа — узнай, сколько в селе трудоспособных мужчин и сколько фургонов. Выходит, он наш пан Луцко, а мы его рабы божьи. В доме Петровны он. С ним хорунжий, набрался горилки и похрюкивает, как кабан.

— Значит, велел сказать, сколько хлопцев на селе? — спросил Парамонов. — Значит, этим панам и господам потребовались хлопцы? Что ж, добрая весть. Выходит, задыхаются господа, подкрепление ищут. Хлопцы им нужны для черной работы, вал земляной возводить вокруг Уральска. И подводы для этого же понадобились. Что ж, товарищ Айтиев, пришло время действовать!

— Тише, Петр Петрович, — сказал Абдрахман. — Могут услышать.

Парамонов, понизив голос, продолжал:

— Сбылись слова Дмитриева: чем больше звереет враг, тем скорее его конец.

— А не отправят они хлопцев на фронт? — спросил кто-то из темноты.

— Казаки не считают крестьян людьми, а тем более воинами. И уж совсем не понимают, что крестьяне — это сила, способная их уничтожить. Верно я говорю, товарищ Айтиев?

Абдрахман не ответил.

— Ваня, — спросил он,— ты не знаешь, сколько примерно в селе солдат? Ты сказал тогда, что взвод, но ведь шел табун лошадей, и ты ошибся.

Абдрахман подошел поближе к Белану и вдруг удивленно спросил:

— Откуда у тебя винтовка? Ведь ты еще не получил оружие. Где ты ее взял?

Абдрахман пытался разглядеть в темноте лицо Белана.

— Извините, ошибся, товарищ Айтиев,— виновато ответил Иван. —Коней за людей принял, дурак. А винтовка у меня, как вам сказать... Да и не только винтовка. Есть еще и конь...

И Белан шепотом начал рассказывать приключившуюся с ним историю. Его окружили плотным кольцом, никто, пока он говорил, не проронил ни слова.

Сорока, слушая Ивана, взял трофейную винтовку, внимательно ее осмотрел, ощупал и, не найдя в ней ничего особенного, сказал:

— Обыкновенная трехлинейная винтовка.

— А ты хотив, щоб яка вона була? — усмехнулся Науменко.

— Ну все-таки...

— Винтовка как винтовка,— сказал Абдрахман. —Винтовки все трехлинейные. Так сколько же все-таки, Ваня, солдат в селе, не считая того, что сидит в мешке?

— Человек восемнадцать, двадцать.

— Хлопцы, послушайте, что я скажу, — заговорил Парамонов. — Не вина Ивана, что солдат стал бить старика. Правильно ты его, классового врага, в мешок... Только вот как бы не вышло чего... Шум как бы не поднялся. А вдруг он очухается и вылезет, поднимет на ноги весь отряд? Тогда все дело сорвется. Эх, опять ты сам действовать начал. Пусть бы он забрал коня, потом вернули бы. А теперь вот не знаю... Я твою хватку, конечно, хвалю. Только сам по себе немногого добьешься, свалишь одного, ну двух, а третий тебе шашкой голову снесет. Теперь надо поторапливаться, пока не подняли тревогу.

— Знаю, виноват я, Петр Петрович. Не стерпел. Как он отца моего нагайкой, так я и не думал больше ни о чем, кроме как уложить этого гада. Винюсь. В другой раз буду сперва обо всех думать, а потом уже о себе.— Белан помялся немного и решился: — Петр Петрович, дай мне в подмогу Сороку, мы через полчаса Белова сюда в мешке приволокем. Я уже все обмозговал.

— Постой, хватит того, что один сидит в мешке. А если на казачий разъезд нарветесь? Ох, Иван, Иван...

— Вот что, товарищи, — сказал Абдрахман, и все умолкли, — пока Белан тут рассказывал, мне пришла на ум одна мысль. Моисей Антонович ведь послан Беловым разузнать, сколько в селе хлопцев и фургонов. Значит, он может свободно ходить по селу, и казаки его не тронут. Вот мы и используем Моисея Антоновича. Пусть он идет вперед, а мы по двое — по трое следом.

— Правильно! — воскликнул Парамонов. Он сразу понял, что задумал Абдрахман. — Моисей и Иван пройдут к Белову. Казаки их пропустят. Придут и скажут: «В селе двадцать хлопцев и сорок два фургона. А теперь — оружие на стол! Дом окружен». Надо проучить этих негодяев, чтобы они больше сюда не сунули носа. Пусть наши враги теперь на каждом шагу пугливо озираются, как волки. А Белову сказать: имущество и хлеб крестьянский — это не твое отцовское наследство, ваше благородие. Оба дома, где расположились солдаты, окружить. Если окажут вооруженное сопротивление, стрелять.

Абдрахман молча кивнул.

7

Когда Кисляк вышел, Белов хмуро посмотрел на пьяного хорунжего.

— Семен Степанович, — с упреком заметила Петровна,— вы сами почти что ничего не выпили, все хорунжему спаивали. А я самый что ни на есть первачок для вас берегла. Выпейте еще хоть немножко.

— Спасибо, Петровна, не надо. И хорунжему больше не давайте. Человек ведь на службе. Сейчас ему идти проверять посты.

— Спасибо, спасибо, — пробормотал хорунжий. — Но... надо... я, може...

Он поспешно вышел, не попрощавшись ни с капитаном, ни с хозяйкой.

«Только позволь — до утра будет дуть самогон,— покачал головой Белов. — Хорошо еще, что здесь нет подпольных отрядов. А то с такими вояками сразу пойдешь ко дну...»

Тем временем Петровна куда-то отлучилась.

Когда она возвратилась, Белов заметил, что она чем-то недовольна.

— Хотела позвать Марусеньку, — сказала она, — помочь стряпать. Говорит—мигрень, головой мается. Обещала утром прийти.

«Старуха поняла меня, — с досадой подумал Белов. — Опять ничего не вышло».

Хотя хозяйка и не сказала ему, куда пошла, он сразу догадался... Он даже волноваться начал от предвкушения встречи... И вот опять провалилось. И хорунжего он выпроводил, чтобы тот не мешал.

Огорченный неудачей, Белов вышел на улицу.

Ночь была темная, безлунная. Со света нельзя было ничего разглядеть впереди даже на расстоянии вытянутой руки.

Капитан подошел к тесовым воротам крайней избы, куда вечером казаки загнали пойманных лошадей, и на ощупь открыл их. Он не доверял пьяному хорунжему и решил сам проверить посты.

«Неужели спят?» — подумал капитан и тут же услышал окрик:

— Стой, кто идет?

— Куркин? — по голосу узнал Белов молодого казака. Казак тоже узнал его.

— Так точно, ваше благородие, — ответил он.

— В дозоре?

— Так точно, господин капитан, — в ночном карауле. Пока ничего подозрительного не заметили...

— Хорошо. Докладывать будете лично мне через каждые полчаса. Знаете, где я остановился?

— Есть, господин капитан. Докладывать каждые полчаса. Изба ваша пятая от края.

— Ну и добро. Вольно!

— Есть, ваше благородие!

Всадники пришпорили коней и скрылись в темноте.

* * *

Белан и Сорока, низко пригнувшись, перебежали улицу и вошли в дом Петровны.

— Сорока! — испуганно воскликнула Петровна. — Тебе чего здесь нужно?

— Дело есть, — басом ответил Белан, проходя вперед. Он

поспешно вынул револьвер из кобуры, лежавшей на стуле, и подал Сороке саблю и сумку Белова.— Так вот, дело есть,— заговорил он с Петровной как бы между прочим, поставив ногу на стул и подбоченясь,— хотим повидать их превосходительство...

Белову явно не везло в этот вечер. Вначале его раздражал хорунжий, потом пришел этот Кисляк. А встретиться с Машей так и не удалось. Хмурый вошел капитан в комнату.

Не обращая внимания на долговязого Белана, разговаривавшего с Петровной, и усатого украинца, стоявшего у двери, он прошел к столу. И вдруг почувствовал, что что-то неладно.

— Кто такие? — быстро спросил он.— Что нужно?

Бросив торопливый взгляд на пустую кобуру и угол, где стояла сабля, он все понял.

— Ну-ка, хлопцы, хватит валять дурака,— спокойно сказал он,— положите оружие на место. Я здесь по приказу Войскового правительства...

Белан спустил ногу со стула и подошел к Белову.

— А я от имени Уральского губернского исполнительного комитета.

В дом вошли Парамонов и Абдрахман, а за ними Довженко.

— Если имеешь при себе оружие, выкладывай на стол,— сказал Белан.

— Нет, нет. Руки вверх! — крикнул Парамонов и заставил Белана и Сороку обыскать Белова и связать ему руки.

— Такого правительства нет! Это произвол! — возмутился Белов.

— Як так нема? Ось вона,—ответил Сорока, связывая ему руки.— Хиба це не власть? Рабоче-крестьянька власть. Ось голова — Парамонов, комиссар Айтиев, член комитета Довженко.

Услышав имя комиссара Айтиева, Белов повернулся к Абдрахману. Этот смуглый казах, стало быть, и был тем неуловимым комиссаром, за которым уже долгое время безуспешно охотились власти.

В это время в комнату вошла Мария.

— Здрасьте, ваше благородие,— сказала она.

Белов отвернулся и опустил голову.

— Иди скажи, что капитан вызывает хорунжего с одним казаком,— сказал Марии Парамонов.— Скажи, срочное дело. Мы их тут по парочке всех возьмем.

* * *

Пока дружинники расправлялись с отрядом Белова, поодиночке разоружая казаков, минула короткая июльская ночь. О таких непроглядных летних ночах в народе говорят, что даже и одного узла не завяжешь в кромешной темноте.

Сначала на востоке проступила бледно-синяя кромка горизонта, потом небо над бурой землей начало светлеть, приобретая молочно-кремовый цвет.

В эту ночь не спали не только Парамонов с Абдрахманом. Кроме младенцев, спавших в колыбельках, никто не коснулся подушки.

Вначале все робели, прятались по домам, но затем осмелели, набросились на солдат, карауливших загон, и отняли своих коней.

Утром все собрались возле дома, где были заперты арестованные. Люди хотели при свете посмотреть на связанного офицера. Но в этом доме офицера и хорунжего не было. Парамонов велел их запереть отдельно.

Один из стариков тронул за руку Сороку и, указав кивком головы на чулан, где были заперты солдаты, спросил:

— Сидят? Смирные?

— Чудной ты, дидко. Яки ж воны будут? В германскую мы с Ваней ефрейтора немецкого в мешок посадили. Тоже был дюже смирный, смирней теленка.

— Мм... — пошамкал дед. — А много их?

— Чертова дюжина.

— Мм... Порядочно. Наверно, и атаман с офицером тут? — допытывался старик.

— Ты як дите малое, дидко. Солдата без офицера не бывает. Белов и хорунжий в чулане у Ивана. А с ними еще один солдат.

— Мм... стало быть, к тринадцати еще три...

— Да двое втикли, дидко.

— Мм... И места подходящего нету, держать то есть их негде...

— Это дело ума председателя, дед...

Их беседу прервал Парамонов. Он поднялся перед собравшимися на крыльцо и сказал:

— Граждане трудящиеся! — рубанул ладонью воздух и продолжал: — Сегодня ночью наша боевая дружина выступила против насилия буржуев и захватила отряд офицера Белова. И впредь мы не подпустим белых казаков к деревне... Товарищи трудящиеся крестьяне! Сознательные граждане! Записывайтесь в боевую дружину. Ваше имущество не-

кому защищать, кроме вас самих. В соседних деревнях тоже организуются дружины. Да здравствует союз рабочих и крестьян!

— Мм... А что такое дружина? — спросил старик.

— Люди, — ответил кто-то из толпы. — Понял? Ежели, к примеру, тебе, дед, дать оружие, то ты будешь дружинник. Ну как, запишешься?

Старик пошамкал в раздумье и спросил:

— А с кем воевать-то?

— С буржуями!— ответил Парамонов. — Понятно, старина?

Толпа зашумела, послышались возгласы одобрения:

— Отбили коней, молодцы.

— Фургоны не отдали.

Из толпы вышел Савенко. Оглядел всех и сказал:

— А если глубже заглянуть в дело? Неладно мы поступили, сельчане. Как бы расплачиваться не пришлось.

— Мм, — зашамкал старик.

— Не наводи-ка ты тень на плетень, Савенко, — ответил Довженко.

— Я и не навожу. Все думают так. Мы простые крестьяне. Не казаки и не киргизы. И мы никого не трогаем. Верно я говорю, дед Елисей? Это дело еще надо обмозговать.— Он прокашлялся и поглядел на Кисляка: — А ты, Кисляк, за главного в селе. Ты будешь отвечать за село. А ты знаешь, как казак рубит шашкой? Первой слетит твоя башка. А за ней и другие головы найдут вечный покой в кустах Теренсая.

Кисляк молчал.

Старик Елисей тяжело вздохнул и опустил голову.

Парамонов беспокойно оглянулся на Довженко и Абдрахмана.

— Панику сеешь, — ответил Довженко. — Кроме хлеба, коней и фургонов Белов еще людей требовал. Сколько он велел собрать? — обратился Довженко к Кисляку.

— Всех трудоспособных, — ответил Кисляк.

— Вот видишь. Выходит, по-твоему, мы должны пойти рыть окопы для казаков? Им скоро конец. Сзади у них Чапай, с Самары идет Четвертая армия. Казаки не знают, куда спрятаться. А мы пойдем рыть себе могилы? Чепуху ты говоришь, Савенко. Сам трусишь и других пугаешь.

— Тебя, Довженко, мы весной избрали председателем, — повысил голос Савенко. — Если ты крепок, почему не удержал правление в своих руках? Почему сбежал и спрятался от казаков? Хитрый. Сам скрываешься в сторонке, спасаешь свою голову, а голову Кисляка подставляешь

под казачью саблю. Или твоя жизнь дороже других? Знаем, чем кончится твоя хитрость: селу — пожар, людям — пули.

Несколько человек вполголоса поддержали Савенко.

— Если в деревню придет казачья сотня, — уныло сказал кто-то,— от нас перья полетят.

— Не дай господи.

— И малого и старого — всех перерубят.

— Сельчане!— крикнул Довженко. — Поймите, что мы — сила. Если все вместе встанем, то и казаки с нами ничего не смогут сделать.

— Это все пустые слова.

— Ведь народ поднялся на борьбу, Савенко.

— Твоя борьба — всех под пули, самому в кусты!

— Ты действуешь как провокатор, Савенко.

— Ты сам провокатор.

Парамонов вытянул шею и замахал руками.

— Стойте! — закричал он.— По-твоему, не следует бороться?

— Иди к своим заводским, агитируй их, — зло ответил Савенко. — А мы живем здесь. Казачий атаман с нас спросит, нас и расстреляет. А ты в бегах. Тебя он не словит.

Сельчане уважали грамотного и бойкого на язык Савенко и прислушивались к нему.

— Давай-ка лучше не будем спорить, а посоветуемся, — обратился к нему Абдрахман. — Мы и думаем о том, чтобы вооруженной силой встретить карателей, если они сюда сунутся. Так что зря не пугай. Или ты, может быть, жалеешь, что мы отбили коней, хлеб и фургоны, что не дали угнать людей? Хочешь, чтобы весь этот народ был голый и голодный?

— А ты, киргиз, молчи, — грубо оборвал его Савенко. — Киргизы хотят выселить всех русских и жить тут сами. А нам не нужно киргизского правительства. Понятно?

— Понятно, — подступил к нему Белан, сжав кулаки. — Это контра. Я его понял полностью.

— Дурак безграмотный, — спокойно ответил Савенко. — Ты за три года выучил только два слова: революция да контрреволюция, и то не до конца.

— Ах ты... Я сейчас тебя зарублю...

Ивана едва удержали сильные руки товарищей.

— Не горячись, Иван, — сказал Парамонов. — Все слышали, что ему никакая власть не нужна. Только ложь все это. Он хочет стравить Парамонова и Кисляка, Белана и Айтиева. Царь или толстопузый бай даст ему свободу? Пусть ждет. А у нас один путь — с оружием в руках поддер-

жать Советы. Всем известно, сколько деревень передушил Белов. Ему с хорунжим одна дорога. А солдат отпустим, они обмануты, пусть идут к себе домой и не воюют с народом.

Все одобрительно закивали.

Савенко выбрался из толпы и пошел прочь.

— А этот получит благодарность атамана! — крикнул ему вслед Белан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

По дороге от Анхаты на Теректы ехали трое. Байес и Хажимукан — в телеге. Хаким сидел верхом.

Когда уже вдали показался поселок, пронесся шумный, но непродолжительный дождь. Мягкая дорожная пыль сразу стала похожа на шершавое решето.

Когда в воздухе засверкали быстрые струйки, Хаким снял свою мерлушковую шапку и расстегнул ворот рубахи, подставив дождю грудь.

От приятной влаги стало легко дышать, с пахнущим водой ветром, казалось, унеслась прочь усталость.

Хаким с наслаждением дышал всей грудью. Знойный воздух степного полдня, будто испуганный шумом и блеском дождевых струй, поспешно уползал куда-то в степь.

— Посмотрите, Байеке, как высохла земля, — сказал Хажимукан своему спутнику.— Такой дождь ее не насытит, только прибьет ненадолго пыль. Если бы вон та повернула сюда, — показал он на огромную сизую тучу, тяжело клубившуюся вдали.

— Эта сюда не повернет, — ответил Байес. — У нее свой путь. Это речная тучка. Она пойдет вдоль Яика, над лесом, над лугами, а в степь ее не заманишь.

Хаким, ехавший верхом, осмотрел небо. Его поразили слова Байеса — «речная тучка».

Действительно, там, где протекал Яик, плыли дождевые тучи, а над степью простерлось чистое белесо-голубое небо.

«Говорит так, будто оставил на туче свою метку,— усмехнулся Хаким. — А ведь верно. Тонко подмечено. Степные облака от горячего степного воздуха поднимаются ввысь и рассеиваются как пух, никогда не собираясь в одном месте. А холодная вода Яика, леса и рощи тянут их к себе. Вот почему тучи льнут к сырым болотистым местам. Чего только он не знает!»

— Посмотри-ка,— воскликнул Хажимукан,—льет над самим Яиком, будто в нем мало воды.

В самом деле — от тучи потянулась вниз дымчатая неровная бахрома.

— По-моему, — продолжал Хажимукан, — хохлы сеют так много хлеба потому, что у них на восточной стороне земля хорошая и дожди обильные. Посмотри, какая возле села пшеница — колос к колосу.

— Не только потому, что земля хорошая,— ответил Байес. — Есть и другая причина... — Он не договорил. Путники подъехали к окраине села. — Хорошо, если Карпыч дома. Как бы не уехал куда.

Деревня находилась в двадцати пяти верстах от Уральска. Здесь жили русские и украинцы.

Навстречу им вышел сам Петр Карпыч Фроловский, средних лет мужчина, богатырского сложения, с черной окладистой бородой.

— Здравствуйте, Байеке, как здоровье, как жена, дети?— спросил по-казахски Фроловский, распахивая ворота.

— Хорошо. Все живы, здоровы. А как вы? Жаркие дни наступили. И дождь стороной прошел.

— Ваша правда, Байеке. Выгорают посевы.

— Как дела, Карпыч, в городе все спокойно? — спросил Хаким.

— Спокойно? — переспросил Фроловский.— Какое там спокойствие...

Хаким почувствовал в словах Петра Карпыча какую-то затаенную горечь.

Байес и Хажимукан распрягли лошадей, отвели их под навес в тень. Хозяин пригласил гостей посидеть на скамейке возле дома.

Хажимукан достал из кармана насыбай. Насыпал на ладонь щепотку табаку, понюхал его и несколько раз чихнул.

Хаким в это время умывался. Шумно отфыркиваясь, он лил себе на шею и на голову воду из чайника.

Хажимукан сунул обратно в карман сверток с табаком и взял из рук Хакима чайник.

Фроловский, ковыряя хворостиной землю возле скамейки, говорил:

— Пшеница хорошо поднялась. Дали бы только убрать ее вовремя, обмолотить и засыпать в закрома. Вот та сторона, — показал он по направлению на Уральск, — хуже засухи для нас.

Хажимукан никогда раньше не встречал этого человека, не знал ничего о нем и про себя решил: «Наверное, из бога-

тых крестьян. А как радушно он встретил Байеке,— видно, они друзья».

Хаким же по-своему охарактеризовал Фроловского: «Степенный и самостоятельный человек. А глаза — видать, умен. И речь ведет складную. Неспроста Абеке сказал: «Будете искать меня — зайдете к нему. Он покажет».

Хозяин не стал больше докучать гостям своими расспросами, он и сам не рассказывал ничего.

Байес, видимо почувствовав неловкость от продолжительного молчания, познакомил Фроловского со своими спутниками:

— Это Хажимукан — рыбак из нашего аула. Вы ведь знаете, что у нас много рыбы. И вот все беднейшие наши рыбаки объединились в артель. Артелью как раз и руководит Хажимукан. Мы с ним повстречались по дороге сюда, он тоже направлялся в вашу сторону за солью. А у этого джигита,— показал он на Хакима,— к тебе дело есть. Сам я, как и прежде, езжу всюду и собираю шкурки. Мы решили остановиться у вас.

— Я и сам знаю, Байеке, зачем крестьянин приезжает в город: соль, спички, мыло. Не пообедаете ли у нас с дороги? Жена сегодня сготовила борщ. Обычно летом все едят окрошку, а я вот люблю борщ в любое время года.

Хажимукан, никогда до этого не евший борща, ел небольшими глотками, подозрительно деликатно. Кашлял, чихал. Не съев и половину тарелки, он отодвинул ее к краешку стола. А к жареному мясу, поданному с квашеной капустой, даже не притронулся, опасаясь, что оно свиное. Байес и Хаким, боясь обидеть хозяина и в то же время понимая состояние Хажимукана, сказали, что у того, видно, «голова разболелась от жары». Сами же они с удовольствием съели свой борщ до дна и поблагодарили хозяина за угощение.

* * *

После обеда все вышли во двор. Байес отозвал Петра Карповича в сторону, под навес, и начал разговор издалека. Коснулся событий в Уральске, рассказал о новых налогах, недовольстве населения и, наконец, спросил:

— Карпыч, нам надо увидеться с Абдрахманом Айтиевым. Сто лет вам буду благодарен, если сведете с ним.

Фроловский внимательно слушал и глядел куда-то в сторону, лишь изредка бросая быстрый взгляд на Байеса. Он давно знал этого человека, был уверен в его честности и благородстве.

Ответил Петр Карпович медленно, взвешивая каждое слово:

— Байес Махмедович, я знаю, что в торговых делах ты человек сведущий. И тебе и мне, кроме земли и торговли, ничего не надо. Верно я говорю? Так вот, не достанете ли вы мне в городе машинного масла? Позарез нужно.

Байес понял это как упрек: «Ты торговец, тебе нельзя доверять».

— Карпыч, не виляй хвостом, как лиса, — тихо сказал Байес,— Абдрахман мой друг. Он был у меня дома и ушел из нашего аула недели две назад. Уходя, сказал: «Если понадоблюсь, обратись к Карпычу». Нужно, чтобы ты устроил свидание с ним или с близким ему человеком. Надо посоветоваться насчет школы.

Из осторожности Байес не говорил о том, ради чего в действительности приехал сюда.

Фроловский прищурился, ухмыльнулся в бороду и почесал затылок.

— Кроме хозяйства своего, Байеке, мы ничего не ведаем... Вот, кажется, вчера брат его ходил в селе. Петро! — окликнул Фроловский сына. — Поди сюда.

Когда стройный парень, еще почти подросток, распутывавший развешанные сети, подошел, Фроловский спросил:

— Петро, ты не видел Аблашку?

Петро недоверчиво покосился на Байеса и ответил:

— Не видел я его, тату. Кажись, не видал...

Байес перехватил недоверчивый взгляд Петра и понял, что этот тоже хитрит.

— Тату, а что, если я отведу этого джигита к Малышу?

— Так он не знает его... Хотя ладно, отведи. Пусть побеседуют, — решил Петр Карпович.

Через некоторое время Петро и Хаким отправились в соседнюю деревню. Она находилась в восьми верстах от Теректы.

Пока они шли, наступили сумерки.

Хаким заметил, что, хотя соседняя деревня была близко, Петро вел его кружным путем. К деревне подошли они с противоположной стороны.

— Почему ты обогнул село? — поинтересовался Хаким.— Ведь дорога ведет прямо...

Петро ничего не ответил.

«Что это он,— удивился Хаким,— не умеет разговаривать или пренебрегает мною? Крепок, видно, орешек. А посмотреть — совсем мальчик, хоть и рослый».

Как ни старался Хаким втянуть своего спутника в разговор, Петро до самого поселка не проронил ни единого слова. Даже не ответил на вопрос Хакима, кто такой Малыш.

Хаким решил, что Малыш, наверное, казах, который сведет его с Абдрахманом.

Небольшая деревня, скорее хутор, стояла на краю лога, неподалеку от реки. Миновав крайний дом, Петро вошел в ворота соседнего дома. Хаким растерянно остановился, не понимая, куда исчез его провожатый. Но через минуту он снова появился, а следом за ним вышел Амир.

2

Хаким и Амир бросились друг к другу, обнялись.

Прежде они здоровались друг с другом обычно, а сейчас неизвестно почему обнялись. Может быть, потому, что очень долго не виделись.

Хаким пристально вглядывался в лицо Амира.

— Совсем не изменился, — сказал он,— только загорел. Я очень скучал по вас, особенно по тебе, Амир. Только когда расстаешься, понимаешь, что рядом нет товарища. Как давно все было: наш класс, друзья... — Большие ноздри крупного носа Хакима вздрагивали от возбуждения.

Внешне Амир действительно не изменился. Но его речь и даже его жесты стали другими. Раньше Амир любил поговорить, а теперь стал скуп на слова.

— Что молчишь? — спросил Хаким.— Или не соскучился?

В черных глазах Амира, смотревших на него в упор, что-то вспыхнуло, казалось, пробежала какая-то неуловимая искра.

— Жду, когда сам заговоришь, — тихо ответил он.

«Что с ним? Или он не рад встрече? — подумал Хаким. — Может быть, я напомнил ему о смерти отца. Но ясно, что его тревожит какая-то забота».

— Если я начну говорить, — сказал Хаким, — то придется сказать много. Так много, что и дня не хватит. Сюда я приехал разыскать Абдрахмана, он был у нас в ауле...

Амир поспешно поднял указательный палец и прошептал: «Тсс».

Хаким осекся на полуслове.

Амир теперь смотрел себе под ноги и молчал, словно забыл что-то и никак не мог вспомнить. Наконец он обратился к Петру:

— Спасибо тебе, что привел моего друга. Можешь идти, Петро.

Петро ничего не ответил. Молча повернулся и ушел, словно чужой.

Выйдя на деревенскую улицу, он сунул в карманы руки и зашагал домой, беспечно насвистывая.

Друзья продолжали молчать.

— У меня и в мыслях не было встретить тебя здесь, — снова заговорил Хаким. — В первую минуту мне показалось, что ты совсем не изменился. А теперь вижу, что это не так. Ты стал другим. Ведь раньше тебе всегда не хватало выдержки. А теперь даже имя Абдрахмана не решаешься произнести. Я понимаю — ты боишься, как бы не подслушали чужие уши...

— Я не ожидал тебя встретить здесь,—поспешно прервал его Амир. — Интересно! Как твои дела? — Он снова обнял Хакима и повел в дом.— Идем, я тебя с папой познакомлю. Ах да, я совсем забыл, что ты знаком с ним, в прошлом году видел его.

«Какой папа? — опешил Хаким. — Разыгрывает он меня или хитрит?»

* * *

Едва Хаким переступил порог дома, как сразу же узнал отца Амира, стоявшего у окна.

От неожиданности Хаким остановился в дверях и растерянно переводил взгляд то на Мендигерея, то на Амира. Отец и сын видели, как Хаким переменился в лице. Еще бы, перед ним был умерший человек, изрубленный на куски казаками. Он же своими ушами слышал об этом.

Наконец, опомнившись, Хаким снял шапку, словно он вошел в церковь, и едва слышно произнес:

— Ассаламуалейкум.

Мендигерей не узнал его, но, заметив, что гость почему-то растерялся, приветливо ответил:

— Алейкумуассалам. Проходи, дорогой, проходи.— Мендигерей пригласил его сесть рядом с собой.

Но Хаким бочком отошел в сторону и сел возле печки на низкую скамеечку. В комнате было тесно. Слева у входа стояли маленький столик и стул. У противоположной стены — койка, накрытая стеганым одеялом. Земляной пол аккуратно застлан чистыми половиками. Если бы Хаким не видел хозяев этого дома, он не смог бы сказать, казахи или русские живут здесь. «Значит, Амир правду сказал, что хочет меня познакомить со своим отцом, — подумал Хаким. — Это он. Он самый... большевик Мендигерей. Значит, вранье, будто он убит».

Мендигерей тем временем пригляделся к Хакиму и спросил у сына:

— Я, кажется, не узнал этого джигита, Амир. Это тот самый твой товарищ, о котором ты мне говорил?

— Да, папа. Это Хаким Жунусов. Он тоже учился в

Уральске в реальном училище. Папа, помнишь, ты видел его прошлой осенью в Теке?

— Я так и догадался. Трудно упомнить, когда видел человека только один раз.

Лампы не зажигали. В комнате царил полумрак. И все же, когда Мендигерей повернулся, Хаким увидел длинный красный рубец, проходивший по его голове, спускавшийся по затылку и шее под ворот рубашки. И сразу в памяти Хакима возникли страшные события, путаные, туманные видения. Но что пришлось видеть и перенести Мендигерею, он даже представить себе не мог. Видимо, ему дорогой ценой удалось вырваться из когтей смерти. Подтверждением тому был багровый рубец, похожий на свежий след от удара нагайки. Мендигерей теперь не мог повернуть шею, а неуклюже оборачивался всем корпусом.

В ту же ночь Хаким услышал от своего товарища страшную историю, в которую трудно было поверить, но которая действительно была.

3

Двадцать седьмого марта сосед Быковых Иван Андреевич Гречко сидел у себя дома и чинил прохудившийся хомут. Он не заметил, как в окно заглянула Марфа, разыскивавшая Игната. Позабыв обо всем на свете, он зашивал хомут тонким просмоленным шнурком из сыромятины. От усердия очки сползли у него на кончик длинного носа. Он прошивал редкой стежкой даже не распоровшиеся места, чтобы хомут служил подольше.

Близилась весна. Конь отъелся за зиму. Сошники железного плуга хорошо отточены. Сбруя тоже в исправности.

Иван Андреевич никогда не допускал, чтобы в его небольшом хозяйстве было что-нибудь недоделано. Он вовремя вспахивал землю, в срок сеял. Одним из первых начинал косить сено и с уборкой хлеба тоже управлялся не последним. Еще до наступления осени он успевал обмазать и побелить дом и пристройки. В сарае, в коровнике и свинарнике зимой была теплынь и чистота, как в хате.

Иван Андреевич был молчаливым и замкнутым человеком. Молчал он не только на собраниях и на сходках, но и дома. Ему некогда было разговаривать. Вычистив конюшню, свинарник и коровник, он задавал скотине корм. Едва сделав одно дело, немедленно принимался за другое: подшивал старые пимы, сапожничал, менял старые черенки у вил, граблей и лопат. Если выпадала свободная минутка, он успевал изготовить запасное топорище или ручку для молотка.

Жена занималась домашними делами, дети были еще малы, вот и приходилось все делать самим.

Занятый своей работой, Иван Андреевич не заметил, как в хату вошел Остап.

— Иван, дело есть, одевайся.

«И ворота и сени как будто были заперты, как он вошел?» — подумал Иван Андреевич, снизу вверх глядя на Остапа, стоявшего, широко расставив ноги, у двери.

— Что зенки вылупил, как баран? — хрипло пробасил Остап. — Не узнаешь?

Не только Гречко, но все казаки в поселке не могли противиться дикому произволу Песковых и Калашниковых. Сейчас Остап Песков был под хмельком. Иван Андреевич понял это по его налитым кровью глазам и неуклюжей позе. Остап стоял чуть пошатываясь и наклонив вперед голову, как бугай. В таких случаях он нередко пускал в ход кулаки.

— Ты что, хохлацкая харя, прячешься в доме, когда мы вылавливаем комиссаров? — закричал он. — Живо собирайся. Да захвати лом.

Иван Андреевич торопливо надел пимы, накинул на плечи короткий полушубок. Спросить, куда надо идти, он не решился. Найдя лом, он вслед за Остапом вышел со двора.

— Туда! — прохрипел Остап, показывая на берег.

Они вышли на окраину села. Речка Ямбулатовка протекала всего в какой-нибудь полуверсте от дома Гречко.

Когда приблизились к берегу, уже стали сгущаться сумерки, но Иван Андреевич разглядел что-то черневшее на берегу.

Остап показал туда рукой и весело прохрипел:

— Видишь, что это? Это зарубленный мной комиссар. Ступай вниз, проруби лед и сбрось его в прорубь. Понял?

Иван Андреевич оцепенело стоял, глядя на темневшее тело убитого.

— Пошевеливайся, хохлацкая рожа! — толкнул его Остап.

Они спустились с берега. Иван Андреевич начал долбить ломом толстый лед. Сейчас, принявшись за работу, он уже ни о чем не думал, только долбил и долбил. Ему не было дела до того, кто убит и как все это произошло.

Зима в этом году была долгой и суровой. Вода промерзла на целый аршин. Лед поддавался с трудом. Лом звенел, из-под острия его летела белая пыль. Иван Андреевич уже вытирал со лба пот, но до воды было еще далеко.

— Долго ты еще будешь копаться? — спросил Остап. Ему, как видно, надоело стоять здесь на открытом ветру и ждать.

— Зараз, — едва сдерживая злобу, ответил Иван Андреевич и снова принялся долбить.

Песковы привыкли нанимать работников целыми группами и помыкали ими, как скотиной. Особенно доставалось кротким и боязливым иногородникам, избегавшим ссор и драк. К числу таких принадлежал и Гречко. Он давно уже поселился здесь и считался коренным жителем. И все-таки казаки считали приезжих хохлов низким сословием.

Иван Андреевич безропотно выполнял все, что бы ему ни приказали. Потребуется ли станичному атаману человек для какой-нибудь работы — зовут Гречко, нужно лошадь — берут у Гречко, поломались у кого ворота — нужны руки Гречко. Даже сегодня, чтобы утопить зарубленного комиссара, Остапу Пескову опять-таки понадобился Гречко.

Остап знал безропотного и исполнительного хохла и не сомневался, что тот выполнит его приказание. Сам он начал мерзнуть, да и спешил закончить «дело» с большевиком Мендигереем, как было приказано из Дарьинска. Видя, как усердно Гречко долбит лед, он смягчился и великодушно прорычал:

— Сними с этого киргизского комиссара шинель и возьми себе. Ему и без нее будет тепло подо льдом. Сапоги тоже можешь взять себе.

Остап сказал это так, будто расплачивался с Гречко деньгами из собственного кармана, и неуклюжей медвежьей походкой пошел прочь в густую темноту ночи.

И только сейчас до сознания Гречко дошли страшные слова: «комиссар», «киргиз». «Какое черное дело совершили эти нечестивцы? И бога не боятся. Выходит, и Быкова тоже убьют, если он им попадется».

Занятый работой, Иван Андреевич не замечал холода: он бил и бил ломом звенящий лед. И вот наконец вода.

Прорубь была достаточно широка, чтобы спустить в нее тело убитого. Иван Андреевич расстегнул шубу и огляделся. Кругом ни души. На безоблачном небе холодные крупные звезды.

«А ведь это выше проруби, где люди берут воду,— вдруг понял Иван Андреевич. — Труп зимой никуда не унесет. Он будет лежать подо льдом до самого паводка. А скотина чутка. Лошадь ни за что не станет пить воду там, где лежит труп. А люди?»

Он снова оглядел высокие берега и темное звездное небо. Оно было похоже на ток. А Млечный Путь напоминал брошенную лопатой на ток пшеницу. Там, куда уходит Млечный Путь, в той стороне Калмыково, родное село Ивана Андреевича. До него много верст киргизских степей. Иван Андреевич часто ездил степью, часто приходилось ему бывать у гостеприимных киргизов. Эти люди всегда готовы были поделиться с ним последним куском хлеба, последней чашкой

кумыса. И вдруг его словно обожгло: «Киргизский комиссар... А может быть, он тоже из тех краев? Пришел сюда за своей смертью». По расположению звезд Иван Андреевич определил, что наступила полночь. Он взобрался на берег и пошел к убитому. Село уже заснуло. Оттуда не доносилось ни звука, только в окнах дома станичного атамана горел свет.

Когда до убитого оставалось несколько шагов, Гречко услышал слабый, едва слышный стон. Он остановился, замер. Прошла минута. Иван Андреевич стоял, приподняв над ухом наушник шапки. Нет, показалось. Он подошел к лежавшему человеку. «А вдруг... Нет, не может быть. Ослышался». Он наклонился.

Человек лежал, уткнувшись лицом в снег. Одна рука была подвернута, другая безжизненно вытянулась на снегу. Слева валялся брошенный тымак [1]. Приглядевшись, Гречко увидел в снегу наган недалеко от правой руки убитого. Ладонь была раскрыта, рука обнажена до локтя.

Иван Андреевич взял руку, чтобы перевернуть человека на спину. Кисть была холодна как лед, но выше, под рукавом, Иван Андреевич ощутил тепло.

Гречко торопливо перевернул человека на спину. Тот слабо застонал. Иван Андреевич подтянул поближе тымак и положил его под голову раненого, поправил черный шарф, положил руки на грудь. Пуговицы шинели были застегнуты, воротник поднят.

«Выживет ли? — с испугом подумал Иван Андреевич. — Или безнадежный?»

Рука его непроизвольно скользнула за борт шинели к груди этого полумертвеца. Сердце билось.

Разомлела душа старого солдата, три года воевавшего на германском фронте. Немало друзей похоронил Иван Андреевич, немало и вынес раненых с поля боя. Сейчас в нем заговорила не только жалость, но и солдатский долг — во что бы то ни стало спасти раненого. Но как? Нести на спине — далеко. Потеряет последние силы и умрет.

Не раздумывая больше, Иван Андреевич побежал домой. На бегу он тщательно обдумывал все — где спрятать раненого, чем перевязать раны, как привезти.

Едва вбежав в дом, он, не переводя дыхания, крикнул жене:

— Скорее зажги в бане свет, протри все насухо, а окна завесь и трубу закрой.

Жена недоуменно уставилась на него.

---

[1] Тымак — теплый головной убор.

— Атаман, что ли, тебе дал такое поручение? — спросила она.

— Скорее. Потом сама все увидишь. Некогда. — И он выбежал за дверь.

Спустя полчаса Иван Андреевич привез на санках раненого. Вдвоем с женой они внесли его в баню. Раненый был без сознания. Его уложили на полок. В бане было тепло, как раз в этот день ее протопили.

С головы раненого смыли кровь, промыли и перевязали рану. Из своей фронтовой фляжки Иван Андреевич влил в рот ему немного спирта. Этот спирт у него всегда хранился на дне сундука «на всякий случай».

Раненый чуть шевельнулся. Не приходя в сознание, чуть приоткрыл глаза, и Иван Андреевич узнал его. Это был близкий друг Айтиева.

Жена, с жалостью глядя на него, сказала:

— Не сносить тебе головы, Иван, если узнает Остап.

— Не узнает, — спокойно ответил Иван Андреевич. — Ночь побудет здесь. А завтрашней ночью доставлю его Аблашке. Откуда Остапу знать, что я не утопил его? Не будет же он нырять в прорубь да обшаривать дно. Не бойся, иди спи. А я с ним побуду.

* * *

Мендигерей видел, с какой радостью встретил его сын своего товарища. Друзья, уютно устроившись в уголке, оживленно беседовали, и Мендигерей решил не беспокоить сына просьбой перевязать рану. Он снял рубашку и одной рукой начал осторожно сматывать бинт.

— Раны у папы еще не зажили, — говорил Амир. — Видишь, сам делает перевязку. Я пока не могу оставлять его одного. А он совсем не бережет себя, собирает отряд. Спит мало. Правая рука у него совсем не действует, и самочувствие плохое, а других утешает. Если у кого-нибудь беда, успокаивает: «Ничего, говорит, могло быть и хуже». И люди рады приветливому слову. А сколько ему пришлось пережить... Помню, вызвал меня в Теке Абдрахман и сказал, что отец погиб... Что было со мной... От меня одна тень осталась. Вернулся я из Теке домой. И боялся увидеть маму, она ведь и так слабенькая, всегда боится, как бы что не случилось с отцом, постоянно плачет. Я уже видел ее причитающей, с распущенными волосами, и мое сердце обливалось кровью. Прихожу домой, а она мне говорит: «Спасибо нашему ученому деверю, он спас жизнь твоему отцу. А то бы ты остал-

ся сиротинкой, мой верблюжонок, ягодка моя». И она принялась меня целовать. Но слова ее не дошли до моего сознания, в голове все помутилось, и я разревелся. Мать тоже плачет, а я не замечаю, что ее слезы — от радости. Она ласкает меня и приговаривает: «Бедняжка, ты, наверное, думал, что отец умер. Если бы ты увидел его в тот день, когда его привезли, потерял бы рассудок. А мне все это пришлось пережить».

— Амиржан, ты не обо мне ли рассказываешь? — прислушавшись к разговору, спросил Мендигерей. — Это длинная история, дорогой. Оставь лучше ее. Ведь все обошлось, а могло быть и похуже... Если бы тогда не свела меня судьба с Гречко, а попался бы я в руки какому-нибудь кровопийце казаку, гнил бы сейчас на дне реки. И то сказать, незнакомый человек, простой крестьянин спас меня. А рисковал головой. Видно, не суждено еще мне умереть. Провалялся я в постели полтора месяца, едва-едва выжил. Какими только лекарствами не поили меня! Ведь на мне живого места не осталось. Правая рука совсем не действует,— как видно, повреждены сухожилия. Но это еще не беда. Человек и без правой руки пригоден к делу.

Увидев длинный багровый шрам на голове Мендигерея, Хаким понял, какая страшная рана была нанесена этому человеку, но сейчас он увидел еще и другое — на правой, безжизненно висящей руке его не было пальцев. Он обморозил их, и они отвалились. Хаким не мог одолеть давящего чувства жалости и сострадания.

— Я о тебе многое слышал от Абдрахмана и учителя Халена, — перевел разговор на другое Мендигерей. — Так что заочно знаком с тобой. Участвовать в революции, служить делу освобождения своего народа—это долг каждого сознательного джигита. Я горячо одобряю твое желание служить своему народу.

Ранее, когда Хаким жил и учился в Уральске, он не общался с революционерами, не знал, чего хотят эти люди. Но его всегда восхищало их мужество, их самоотверженность. Он знал имена Дмитриева, Червякова, Абдрахмана, Сахипгерея. Когда же услышал о зверской расправе над Мендигереем, не мог сдержать слез. Эти люди казались ему особенными, героями с большими и бесстрашными сердцами. Дело, которое они делали, было не всякому по плечу. Каждый день, каждый час они рисковали своей жизнью.

Сейчас, увидев Мендигерея, пережившего так много, покалеченного, но по-прежнему твердого в своих убеждениях, Хаким решил, что это необыкновенный, особенный человек. «Он одобряет мое решение участвовать в революции, — с ра-

достью подумал Хаким. — Но разве я достоин быть в рядах таких закаленных борцов?»

Его охватило чувство необычайной радости, он готов был расцеловать Мендигерея.

— А где сейчас Абеке? — спросил он.

— Абеке? — переспросил Мендигерей. — Абеке... понимаешь, забыл... Ах да, уехал выполнять одно задание.— Мендигерей помолчал и потом, в упор глядя в глаза Хакиму, сказал: — Тебя, кажется, зовут Хаким... Так вот что, дорогой Хаким, лучше не расспрашивай о таких людях, как Абдрахман. Знай, что они всегда делают свое дело. А об остальном догадывайся сам.

Мендигерей приветливо улыбнулся.

Хаким понимающе кивнул в ответ.

— Не обидишься, если я впредь буду называть тебя студентом? У нас есть такое очень полезное правило — не называть своих товарищей настоящим именем, пока по пятам за ними ходит смерть. Так спокойнее. Понимаешь?

Хаким кивнул головой.

— Это, конечно, не сейчас, а потом. Когда мы познакомимся поближе. — Мендигерей снова в раздумье посмотрел на Хакима.— Скажи, ты не знаешь человека по имени Ахметша? Он не из вашего аула, даже не из вашей волости. Но ты его должен знать.

— Какой Ахметша? Уж не Мухамметшин ли?—подхватил Хаким.

— Он самый. Я так и думал, что ты его знаешь.

— Как же не знать? Он мой двоюродный дядя по отцу. Кто не знает его знаменитых красных наров!

— Вот оно что. Даже дядя. Да еще с красными нарами. Гм... И хорошо и плохо, что он твой дядя...

«Почему его так интересует Ахметша? — подумал Хаким. — Или сомневается в чем-то?»

Мендигерей провел ладонью по щеке, помолчал в раздумье.

— А как ты смотришь на то, если мы тебя пошлем съездить узнать кое-что об Ахметше? Ты ведь говорил, что собираешься побывать в своей школе. Никто не будет дознаваться, зачем ты туда едешь. А то ведь русские казаки — народ строгий и осторожный.

Хаким кивнул:

— Хорошо, съезжу и узнаю все, что нужно.

— В таком случае договорились. Ахметша сейчас находится в городе. Найди его квартиру, он живет возле татарской мечети. Поговори с ним как с родственником. Но будь осторожен. О нас ни слова. Ахметша выполняет подрядные

работы джамбейтинских властей. Скоро он должен доставить им весьма ценный груз. Постарайся выяснить, что это за груз. Узнать это нужно как можно скорей. Осторожно расспроси, когда он выедет из города, кто его будет сопровождать, по какой дороге поедет. Сможешь ты все это сделать?

— Что же здесь трудного?

— Как сказать. Раньше времени не говори, что это будет легко.

«Это совсем простое поручение», — про себя радовался Хаким.

— Сделаю сегодня же, если нужно. Я готов, — ответил он. — Только у меня есть дело к Абеке... Ведь я не один сюда приехал... Нас несколько человек. И люди, что прибыли сюда со мной, должны возвратиться назад.

— Секретное, что ли, дело? — серьезно спросил Мендигерей.

— Да. Секретное. Однако от вас мне скрывать нечего. Для меня — что вы, что Абеке...

Мендигерей подошел:

— Да, я слушаю.

Хаким торопливо стал рассказывать:

— Арестовали учителя Халена. Прискакали вооруженные люди Досмухамбетовых и угнали учителя в волостное управление. Говорят, его посадят в Джамбейтинскую тюрьму и будут судить. Меня тоже было схватили. Но я вырвался... Отец собирает джигитов, чтобы освободить учителя Халена. «Если не отпустят его по-хорошему, — сказал он, — поймаю самого волостного управителя. Кто и когда видел, чтобы какие-то люди врывались в аул и уводили наших лучших людей». Вместе со мной приехал один из рыбаков. Все в ауле говорят: «Не дадим в обиду своих джигитов, налогов платить не будем, если достанем оружие, встретим врага пулями». Вот зачем я ищу Абдрахмана...

Мендигерей смотрел на Хакима с нескрываемым восторгом.

— Подожди, подожди, — остановил он его. — Неизвестно, почему арестован Хален и в чем его обвиняют?

— Абдрахман созвал людей и произнес речь. А старшина послал на него донос. И наверное, написал там, что Хален тоже сочувствует большевикам...

— Я знаю, что Абдрахман выступал у вас. Теперь вот что... Ты сказал, твой отец собирает джигитов? Но соберутся ли они? И если соберутся, то сколько их примерно будет?

— Только из нашего аула — человек сорок-пятьдесят

всадников. А если считать и рыбаков, то наберется свыше ста.

— Что же ты молчал до сих пор, дорогой мой? Почему сразу не сказал об этом? Это же очень и очень здорово! Все это нужно обдумать. Вот что, голубчик, сегодня переночуешь у Фроловского, а завтра проведем собрание и все обсудим.

4

«Особая армия», сформированная и вооруженная Саратовским Советом, в мае 1918 года двинулась на Уральск в распоряжение командира Четвертой армии М. В. Фрунзе.

К осени силами молодой Красной Армии были освобождены Астрахань, Казань, Самара, Симбирск, ранее захваченные белоказаками. Наступление врага было остановлено.

И в этот решающий момент борьбы в революционную армию, двигавшуюся с волжского побережья, отовсюду стекались рабочие, батраки, крестьяне.

Красная Армия, наступая, становилась все многочисленнее. Ее отряды накапливали военный опыт.

Широкой известностью пользовался отряд Чапаева. Несмотря на его сравнительно небольшую численность, немногим более полка, он за лето трижды стремительно налетал на Уральск. Им были заняты Семиглавый Мар, Шипово и Каменск.

Иногда отряду приходилось временно отступать под натиском казачьего армейского корпуса генерала Акутина.

Как разъяренного бодливого быка, держал Чапаев уральских белоказаков в пределах губернии, не давая им соединиться с главными силами.

Слух о славном волжском богатыре докатился до самых захолустных уголков.

Самонадеянные белые вояки тоже почувствовали, что против них поднимается грозная сила.

А народ ждал своего героя, как дождя в засушливое лето.

В это время из Петрограда и Москвы, Саратова и Самары на Урал были брошены агитаторы. Они говорили людям, ждавшим правды, о целях народной войны, призывали в ряды Красной Армии рабочих и крестьянскую бедноту.

Работали агитаторы и в самом Уральске, где был поднят белогвардейский флаг, и в «Ханской орде», и в казачьих сотнях.

Одним из таких агитаторов был молодой комиссар Андреев, организовавший в Теренсае революционный крестьянский съезд.

* * *

На левобережье Яика, в стороне Борили, проходила Глубокая балка.

Место это было удалено от селений. Здесь раскинулись сенокосные угодья, тут и там перемежавшиеся непроходимыми зарослями куги и тальником. А дальше тянулись густые леса.

Двенадцать косарей шли обычным журавлиным строем вдоль балки. Утреннюю тишину нарушал лишь летящий звон многочисленных кос по мягкой траве.

От близкого ручья тянуло свежестью, все кругом дышало ароматом пахучих степных трав и цветов. И косари не чувствовали усталости, хотя косили уже довольно долго.

Хажимукан шел в ряду косарей предпоследним.

«Выходит, я приехал сюда косить сено этому хитрецу,— недовольно подумал он, взглянув на человека, назвавшего себя «хозяином».— Где же собрание, о котором говорил Хаким? Или все это обман? За простачка, что ли, принимают меня...»

И в то же время Хажимукан не мог налюбоваться обширными сенокосными угодьями. Со скошенного участка можно было наметать целый стог.

А «хозяин», шедший позади него, с нетерпением и беспокойством оглядывался вокруг. «Почему их нет? — хмурясь, думал он.— Что могло их задержать? Получается, как будто нарочно я привел этих людей сюда, чтобы они косили для меня сено».

— Ну-ка, давайте передышку сделаем,— сказал он.— Кто хочет пить — есть холодный квасок. А еще лучше — перекусить.

Косари оставили работу и собрались в круг.

Возбужденные, радостные люди с наслаждением пили холодный квас, доставали кисеты с самосадом. И вот уже потянулись вверх синие струйки дыма.

Хажимукан оглядел всех из-под насупленных бровей, вынул из-за голенища насыбай и понюхал щепотку.

— Вон-вон, появились наконец,— сказал Фроловский, доставая из кармана часы.— Так и должно было быть. Ведь мы договорились собраться в десять.

Из-за камышей показались рыбаки. Они видели, что косари прервали работу, и, вытащив сети, стали растягивать их для просушки на берегу.

К рыбакам направлялись несколько человек с вилами. Они тоже косили сено на лугу. А от противоположного берега в двух лодках плыли еще десять человек. В руках у них тоже были вилы и грабли.

Людей у балки становилось все больше и больше.

Со стороны Борили показались два всадника. Они гнали быка и тоже направлялись к балке. Бык был небольшой, но норовистый, с широкой грудью. Стоило всадникам приблизиться к нему, как он убегал вперед, злобно мотая лобастой головой. Потом останавливался и, опустив вниз острые рога, рыл копытами землю.

Хажимукан приметил еще двоих. Они шли, засучив штаны, с удочками по берегу. Один был Хаким, а второй — небольшой чернявый паренек, что накануне вечером приходил к Фроловскому и о чем-то долго шептался с ним. Ночью Хаким сказал Хажимукану, что утром будет большое собрание, туда придут все руководители и с ними можно будет обо всем поговорить. «Завтра,— сказал Хаким,— поедете с «хозяином». Держитесь так, будто вы нанялись косить ему сено».

— Ой шайтаны! Ох и хитры! — прошептал Хажимукан, изумленно качая головой.

Когда всадники, гнавшие быка, приблизились, Хажимукан опешил от неожиданности.

— Абеке! — радостно закричал он, вскакивая с земли и пожимая руку Абдрахмана.— Ойпырмай, как вы изменились, просто не узнать, загорели... А это кто с вами? Постойте-ка, да это же Алма-апы сынок, жиен [1]. Здравствуй, жиенжан. Вот так встреча!

Хажимукан помог стреножить коней, расспрашивал Абдрахмана и жиена о здоровье и радовался, как ребенок.

Абдрахман спешился. Он направился к группе людей, приплывших на лодках. А Хажимукан сел рядом со своим жиеном Оразом.

В это время пришли два незнакомых Хажимукану человека. Они показывали на балку. Это значит: пора начинать.

Когда все спустились в овраг и стали выбирать места поудобнее, со всех сторон из тальника, из зарослей куги, словно из-под земли, выросли группы вооруженных людей.

Увидев их, Хажимукан вздрогнул. «Неужели окружили? — подумал он.— Выжидали, когда все соберутся вместе. Столько руководителей сразу захватили». Ему было горько и обидно.

— Кто эти аскеры? — в замешательстве спросил он у стоявшего рядом Ораза.

— Все эти люди, Хажеке, и вооруженные и невооруженные, из комитета. Вы когда-нибудь слышали о революционном комитете? Так вот — сейчас начнет свою работу съезд. Видите, всё подходят и подходят новые люди.

---

[1] Жиен — племянник.

— Вот оно что,— облегченно вздохнув, сказал Хажимукан.— Я и сам так подумал. Мы с тобой приехали сюда к Абеке. Он сам нас позвал на собрание. Что это они собираются в этой яме, как будто нельзя в ауле? И русских здесь почему-то много, а казахов мало.

— Хажеке, давай-ка лучше послушаем, что говорят. А что касается русских и казахов — в любом поселке русских больше, чем казахов, вот и здесь их собралось больше. Чем эта балка хуже аула? Трава мягкая и густая, просторно и прохладно,— рассмеялся Ораз, потрепав Хажимукана по плечу.

Крестьянский съезд начал свою работу.

5

Стояла необычайно жаркая погода. Солнце, едва показавшись на горизонте, нещадно жгло пересыхавшую землю. Со стороны степи, словно из раскаленной печки, до Яика докатывались волны горячего воздуха.

Хотя смуглый Хажимукан привык к степному зною, он облегченно вздохнул, когда вместе со всеми спустился в прохладный глубокий овраг.

— Какая благодать,— сказал он Хакиму и пригласил его сесть рядом с собой на траву,— точь-в-точь как на берегах нашего Шалкара.— Он снова вытащил из-за голенища насыбай, взял щепотку и поднес к носу.— У нашего Шалкара,— он несколько раз чихнул,— прохладно и зелено. А о земле и говорить нечего, лучше не найти. Ты заметил, Хаким, что кругом здесь сенокосные угодья? А ведь сам аллах создал эти земли для посевов. Ковырни палкой да брось зерно — и получится хлеб на целый год. И как эти русские находят такие хорошие земли?

Хажимукан был неграмотен, но отличался сметливостью, быстро разбирался в событиях, происходивших вокруг. Нелегкая, полная лишений и трудностей жизнь рыбака закалила его.

— Я не силен в русском языке, Хаким,— сказал он.— Ты объясняй мне потолковее все, что будут говорить. А сам я, конечно, тоже попробую понять. Когда у нас в ауле люди слушают сказки Жумеке, у них даже слезы текут. Попробую-ка и я так же рассказать им все, что здесь увижу и услышу. Скажи-ка мне, кто эти люди? Кто вон тот рыжий русский, юркий, как судак? Кто он? Почему все вокруг уставились на него, будто в жизни на него похожих не видели?

— Он приехал сюда объединить все красные отряды нашей губернии. Внимательно слушайте, что он говорит, а я вам буду переводить,— ответил Хаким.

— Ойбой, неужели этот рыжий такой большой человек? Они там, в городе, наверно, родятся учеными. Смотри-ка, какой юркий! Сам открывает съезд, говорит речь, собирает аскеров. А тощий, как наш магзум Айтим. Теперь скажи мне, кто тот русский, что машет рукой?

— Да это же и есть здесь самый главный.

— Не может быть,— недоверчиво возразил Хажимукан.— Какой же он начальник? Сгорбился, как кожемяка, а посмотри, какая тонкая у него шея.

— Вы угадали, Хажеке, он действительно рабочий кожевенного завода из Теке. Фамилия его Парамонов. Он руководитель бедняцкого правительства нашей губернии. Борется за то, чтобы таким, как вы, рыбакам-крестьянам, батракам и мастеровым, принадлежало все. Он сам из бедняков и борется за бедняков.

Хажимукан удивленно покачал головой. Эти странные люди, что собрались здесь, все более заинтересовывали его.

— А кто вон тот жилистый и высокий, как наш Еше-палуан [1]. Ох и силен, должно быть...

— Это очень известный в этих краях революционер Сахипгерей Арганичев. А рядом с ним, видите, перевязанный, Мендигерей Епмагамбетов, член губернского Совета, комиссар. Весной конные казаки изрубили его саблями, но он выжил, можно сказать, воскрес из мертвых.

— Как это он изрубленный мог выжить?

— Видно, не судьба ему умереть. Вот и остался жив. А спас его русский, которому велели Мендигерея кинуть в прорубь. Этот русский ночью тайком привез его на санках к себе домой...

— Какое чудо! Теперь этот человек наверняка проживет тысячу лет. А за что его изрубили казаки?

— За то, что он большевик и комиссар. Вы разве не знаете, как люто белые ненавидят большевиков? Всех, кто защищает рабочих и крестьян, вдов и сирот, они называют красными...

— Я хорошо знаю, кто такие красные! — воскликнул Хажимукан.— Наш Абеке, да процветает его потомство, на многое открыл нам глаза, помог понять. А раньше ведь мы были совсем темные. Какой молодец этот Мендигерей, какую беду принял на себя за нас, бедняков. А скажи, Хаким, много ли солдат у того рыжего русского?

— И войска много, Хажеке, и оружия хватает. Если же будет мало, мы сами пойдем к нему. Не так ли, а? —улыбнулся Хаким.

---

[1] Палуан — борец.

На небольшой бугорок, служивший трибуной, один за другим поднимались выступавшие.

Необычайное впечатление все это произвело на Хажимукана. Ему казалось, что он окунулся в шумный водоворот человеческой жизни. Глядя на собравшихся людей, слушая Парамонова, он вдруг почувствовал себя частицей народной силы.

— Пай-пай-пай! — воскликнул он.— Да ведь все побережье Яика заполнено такими людьми. Это рыбаки, батраки, и думы у них такие же, как у меня. И ничего теперь не остановит этих людей. А наш Абдрахман — молодчина. Не так-то легко объединить людей. Вот каким должен быть главарь... Что-то я не все понимаю,— тихонько тронул он за плечо Хакима.

— Потерпите, Хажеке, все узнаете.

Однако Ораз, сидевший рядом с Хакимом, подвинулся поближе к Хажимукану и вполголоса стал объяснять:

— Все семьдесят человек, что собрались здесь,— члены поселковых и аульных Советов от двадцати семи деревень и двенадцати аулов. Они обсуждают события, происходящие в России.

Речь рыжего переводил на казахский язык совсем молодой джигит с юношески нежным лицом. Но рыжий говорил так быстро, что переводчик не поспевал за ним. Хажимукан не понял ни единого слова. Он только в немом удивлении смотрел на рот рыжего, откуда слова летели так быстро, словно это был топот коня-трехлетки на состязаниях по байге.

— Алла,— тихо прошептал Хажимукан,— и человек может говорить, как несущийся вихрь. Кто угонится за ним? Кто сможет его понять?

Но вот заговорил переводчик. Заговорил неторопливо, спокойно, обдумывая каждое слово.

— Переводчик не из бедной семьи,— сказал Хажимукану Ораз.— Видишь, иногда и сыновья знатных родителей могут пойти с народом. Ищущий справедливости может быть и богатым и бедным.

Между тем похожий на девушку молодой джигит в черном бешмете переводил слова рыжего:

— Словно выброшенный бурным потоком клочок сгнившего прошлогоднего сена, еще держатся в Уральске остатки армии белых и казачьих генералов. Но скоро рабочие и крестьяне России поднимут их на вилы и выбросят в широкое русло Яика. Долг каждого из нас — действовать. Уже организованы в деревнях коммунистические ячейки, вооружены красные отряды. Но этого еще недостаточно. Между Уральском и Оренбургом расположено свыше шестидесяти крупных

поселков. В каждом не менее тысячи домов. И если в каждом из этих селений возьмутся за оружие пятьдесят человек, то мы сами сможем разбить шесть полков атамана Мартынова. Но, к сожалению, наши отряды, состоящие из пяти-шести человек, разбросаны и до сих пор не могут объединиться. Кроме того, товарищи, вы действуете, надо прямо сказать, слишком спокойно, не трясете врага так, чтобы он не мог опомниться ни днем ни ночью. Казаки разгуливают здесь так, словно явились свататься. Забирают людей, коней, хлеб! А ведь разбойничьему атаману давно пора болтаться на виселице. Нельзя нам оставаться безучастными зрителями. Надо бить врага, захватывать обозы, разоружать, расстраивать его планы. Братья, настало время подняться на борьбу. Свобода и счастье не свалятся с неба, их нужно завоевать. И это сделает Красная гвардия. А Красная гвардия — это мы с вами. Товарищи, пусть множатся и крепнут революционные ряды!

Хажимукану очень понравился переводчик, так хорошо передавший речь рыжего. Но слова упрека глубоко задели его. «Значит, мы слишком спокойно живем и ничего не делаем,— с досадой подумал он.— А ведь давно могли бы взять в свои руки управление на Яике. Всегда мы позади всех плетемся».

— Правильно говоришь! — крикнул он переводчику.— Мы сидим и ничего не делаем. Забились в щели и трясемся от страха. Хватит! Теперь будем действовать. Вот я первый поднимусь. А оружие дадите?

— О чем он говорит? — спросил рыжий Андреев у стоявшего рядом с ним Абдрахмана.

Но переводчик Мырзагалиев уже переводил слова Хаджимукана на русский язык.

— Этот человек приехал сюда из рыбацкой артели,— сказал Андрееву Абдрахман.

Андреев быстро подошел к Хажимукану и крепко пожал его руку.

Когда Хажимукан увидел, что стал центром внимания, он растерялся. Не зная, что делать, он смущенно улыбался и оглядывался вокруг.

Андреев с уважением смотрел на его загорелое до черноты лицо, большие мускулистые руки. Ему нравилась ослепительная улыбка Хажимукана, открытая, детски-простодушная и доверчивая. Когда рыбак улыбался, у его глаз весело искрились мелкие морщинки.

После Андреева и Парамонова выступал Абдрахман. Это был тот самый Абдрахман, которого хорошо знал Хажимукан, и в то же время это был какой-то другой человек, не-

знакомый Хажимукану. Его слова звучали с необычайной силой, ясностью и убедительностью.

— Атаман захватил власть в Уральске именно потому, что мы действовали слишком медленно. Наша медлительность дорого нам обошлась. Повешены многие коммунисты, а нас выслеживают по всем деревням, словно диких зверей. И все-таки мы пробудили классовое самосознание в людях. Вот вместе с нами сюда пришел простой крестьянин Моисей Кисляк. Он неграмотен, ничего, кроме своего хозяйства, никогда не знал. Но в трудный час он, не раздумывая, пошел вместе с нами. Или взять бедняка Хажимукана Жантлеуова. Из далекого Шалкара он отправился искать нас. Не лично нас с вами, а советскую власть, большевистскую партию. Он пришел к нам за советом и помощью. Но ведь он не пошел за советом и помощью к белым атаманам. Что это значит? Это значит, товарищи, мы ведем справедливую борьбу, защищаем интересы трудовых людей.

Его слова подхватил Парамонов.

— Товарищи! — крикнул он.— Если на борьбу поднимется весь степной пролетариат, подобно Хажимукану, то дни буржуев сочтены. Беритесь за оружие и бейте белых атаманов. Ясно, товарищи? Вот такое мы и примем постановление.

Расходились люди из балки так же тихо и незаметно, как и собирались сюда.

Хаким и Амир возвращались вместе. Когда они пришли домой, Хаким остался во дворе. Но вскоре его окликнул Амир:

— Мой отец зовет тебя.

Войдя в комнатушку с плотно закрытыми ставнями, Хаким вздрогнул. За столом сидели Парамонов и Абдрахман. Они, чтобы не смущать Хакима, сделали вид, будто не заметили его. А Хаким недоумевал, как они могли опередить его с Амиром, прийти сюда раньше.

Мендигерей, еще утром сегодня едва передвигавший ноги, сейчас оживился и походил на резвого ребенка. Он взял Хакима за руку и усадил на скамейку.

— Я тебя позвал, дорогой мой, чтобы от имени нашего штаба дать тебе одно задание. Кое-что ты о нем уже знаешь. Скажи, Хаким, тебе часто приходилось бороться на ковре с твоими товарищами?

— Приходилось частенько,— улыбнулся Хаким.

— Это хорошо. Борец всегда ступает на ковер с уверенностью в победе. Мне, например, еще ни разу не встречался такой, который надеялся бы на поражение. Даже мальчишки борются с целью победить. Как же иначе? Все правильно.

А что нужно для победы? Сила. Но одной силы еще мало. Нужны ловкость и сноровка. Уверенным в победе может быть только сильный и ловкий. Я неспроста тебе все это говорю, дружище. Теперь к делу. И смотри нигде не проболтайся. Только уговор такой: сможешь выполнить поручение — хорошо, не сможешь — скажи прямо. Тогда мы пошлем вместо тебя кого-нибудь другого. Твое задание — это груз Ахметши. Я тебе уже говорил. Этот груз — оружие. Если мы позволим правителям Джамбейты беспрепятственно перевозить снаряды, ружья и пулеметы, то что последует за этим, догадаться не трудно. Ну что ж, счастливого пути, шырагым [1],—улыбнулся Мендигерей.

Парамонов и Абдрахман молча кивнули.

Хаким направился было к выходу, но у двери его остановил вопрос, заданный Абдрахманом:

— Тебе все ясно?

— Надо пойти в город, разузнать все и сразу вернуться...

— Нет, сразу вернуться ты не сможешь,— сказал Абдрахман.— Из города нельзя уходить до тех пор, пока не разузнаешь все о грузе. Вероятно, тебе придется там заночевать, а возможно, и побыть несколько дней. Из города тебе надо выехать за четыре-пять часов до выхода обоза. На Барбастау есть юрта пастуха Альжана. Ты отправишься туда и сообщишь ему все. Об остальном позаботятся другие. После этого можешь не торопясь возвращаться. Договорились?

Хаким кивнул.

— Ну вот и хорошо.

Когда Хаким выходил, в сенях встретился с Оразом. Тот заглянул Хакиму в лицо и весело спросил:

— Ты, случайно, не экзамен сдавал? Покраснел что-то до ушей.

Хаким, еще больше смущенный этим вопросом, не ответив, выбежал на улицу. Да и шутить, казалось ему, было сейчас не время.

«Но ведь и сам он сюда явился неспроста. Хотел бы я посмотреть сейчас на его лицо»,— подумал он.

6

Выступление аульчан должен был возглавить Жунус. А смелому, горячему Оразу предстояло вести агитационную работу прямо под носом Джамбейтинского правительства.

— Ну, Хажеке, я заеду в ваш аул,— говорил Ораз, хлопая по плечу Хажимукана,— и обойду с салемом всех родичей.

---

[1] Шырагым — мой свет.

Вы не возражаете, если я поеду на вашей телеге? Править лошадьми буду я сам и не обременю вас.

Хажимукан ничего не ответил, только сокрушенно покачал головой. Потом отвернулся, словно искал что-то, и недовольно пробормотал: «Разве люди поверят словам. Над пустой чашей не молятся. У меня нет ни бумажки, ничего...»

Ораз услышал эти странные слова и недоуменно пожал плечами: «Неужели Хажимукан хочет получить с меня деньги? Как понять его слова: «Над пустой чашей не молятся»? И о какой бумажке он говорил?»

— Может быть, мне подыскать другую телегу? — смущенно спросил Ораз.— Только надо бы нам ехать вместе. Вы мне очень нужны.

— Да нет, не в телеге дело,— снова буркнул в ответ Хажимукан.

— А в чем же? Нам надо быстрее выехать.

— Без бумаги нельзя ехать. Обещать на словах — это одно, а дакмент — это совсем другое. Люди у нас верят только бумаге. Бумага большой почет имеет. И что ты ни говори, а если у тебя нет желтой бумаги с подписью и печатью,— все это не будет законно. Ты ведь грамотный человек, жиенжан, и должен сам знать это. Вся сила и вся власть — в бумаге. Без бумаги нельзя ехать,— страдальчески сморщившись, повторил Хажимукан.

Ораз изумленно и оцепенело глядел на него.

— О аллах,— наконец промолвил он,— я ничего не понял. Какой закон? Какая бумага? Или вы хотите получить бумажку на право проезда? Но такие документы никто не выдает. Да и зачем они вам? И лучше, что нет никаких бумажек. Дело-то у нас секретное.

— Нет-нет, без дакмента нельзя. Кто мне поверит, если у меня в руках нет дакмента? Ты говоришь, что не дают его? А мне он нужен. Понимаешь? Я разложу его, как скатерть, перед людьми и скажу: дакмент дан самым настоящим нашим бедняцким правительством. Тогда — замолкни и старшина, и судья. Понял? Раньше Макар и Шорак тыкали нам под нос вот такой большой дакмент и говорили: «Все наше. Озеро наше, рыба наша». Попробуй поговори с ними, если у них этот проклятый дакмент. И какой же ты чудак, дорогой мой. Ну подумай сам: если бы у меня был такой дакмент, как у Макарова, тогда бы я ни за что не дал ему кидать сети в наш Шалкар. Абдрахман все это знает, он должен дать дакмент.

Ораз, пристально смотревший в глаза взволнованного Хажимукана, кивнул:

— Теперь я понял, что за документ. Значит, хотите полу-

чить бумагу на право ловить рыбу в Шалкаре? А Абдрахман обещал вам дать такой документ?

— Ойбой, о чем же я могу говорить, как не о Шалкаре? Абдрахман сказал нам: и озеро и рыба — все ваше. Он сказал: кто раньше владел всем, теперь пусть не мнят себя хозяевами. И ногой пошевелить им не давайте. Это все хорошо. Но вдруг осенью явятся старые хозяева? Вот тогда-то я им и скажу: вот артель, вот бумага на озеро, вот печать, вот подпись. Пусть после этого они посмеют отнять у меня Шалкар. Закон это или нет? А?

— Закон-то закон. Никто не спорит. И озера теперь ваши, и земля — все. Только вряд ли сейчас дадут вам такую бумагу. В декрете советской власти сказано: земля и воды принадлежат народу. Это и есть закон. И уместно ли вам, Хажеке, сейчас спрашивать о такой бумаге?

— Неуместно, говоришь? Значит, когда Макаров с Шораком сгоняли нас с земли, то им показывать бумагу от правительства было уместно? А беднякам, выходит, позорно? Как же так? Скоро придет осень, начнется подледный лов. А потом снова вернутся хозяева и все отберут? Мы со своими стариками, с детьми и женами будем сидеть дома голодные и дрожать от холода? Так что твои слова, голубчик,— одно ребячество,— резко ответил Хажимукан.

— Я и сам не знаю, как быть,— растерявшись, пробормотал Ораз.— Надо поговорить с Абдрахманом. Если такая бумага полагается, мы мигом ее найдем.

— Давно бы так,— обрадовался Хажимукан,— а то заладил: «Неуместно, неуместно». Каждый, кто хотел, корчил из себя хозяина. А мы перед всеми робели. Хватит! Я достану бумагу на наше озеро. Был, говорят, такой вор Алапес. Он воровал скот, чтобы прокормить свою семью. Однажды его долго не было дома. Голодные ребятишки стали плакать. И тогда мать сказала им: «Не плачьте, милые, если отец не умрет, то обязательно приведет хоть плохонькую корову». Так и я, уезжая сюда, тоже сказал своим босым землякам: «Если Хажимукан не умрет, то привезет дакмент».

«Не угомонится, пока не добьется своего,— подумал Ораз.— Видно, здорово ему насолили эти хозяева, если он так настаивает».

Они вместе отправились к Абдрахману. Когда Ораз сказал, что Хажимукан требует документ на пользование водой, Абдрахман отнесся к этой просьбе совершенно серьезно. Он позвал Мырзагалиева, в совершенстве владевшего казахским и русским языками, и сказал:

— Пиши постановление от имени исполкома, что на основании декрета советской власти озеро Шалкар со всеми его

богатствами передается в вечное пользование трудящимся. Напиши, что подлинными хозяевами озера являются сами рыбаки. Мы подпишемся и поставил печать Богдановского Совета.

Жилистый высокий Парамонов подошел к Хажимукану и дружески похлопал его по плечу.

— Мы с тобой оба рабочие,— сказал он.— Ты работаешь на промысле, я — на кожевенном заводе. Теперь будет все наше: и земля, и вода, и заводы — все. Поздравляю с возвращением озера Шалкар настоящим хозяевам. Смотрите, никому его больше не отдавайте.

Его теплые и дружеские слова Хажимукан понял без переводчика.

— Большой богач Макаров — русский, тамыр Шорак — казах. Ты — тамыр рабочий, Хажимукан — рабочий. Приезжай в гости, угощу жирным сомом,— весело говорил Хажимукан, и его ровные белые зубы ослепительно блестели в открытой улыбке.

Парамонов крепко пожал руку нового друга. Хажимукан плохо говорил по-русски, но он отлично его понял.

— Приеду, тамыр, обязательно приеду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Солнце было уже высоко, когда Хаким различил вдали окрестности Уральска.

Он облегченно вздохнул и заторопил лошадь. Как рукой сняло усталость. От восторга, переполнявшего грудь, и избытка сил Хаким запел:

Наш народ кочует в низине Бальтен.
На сочность трав табуны не сердятся.
И нет недугов у меня, а меж тем
По чаю Зауреш снова ноет сердце.

Песня эта припомнилась ему совершенно случайно, когда он проезжал мимо Менового Двора.

До Уральска оставалось не более семи верст. Дорога от Менового Двора до города шла лесом. Зеленые кроны тополей бросали на дорогу прохладную тень. Их листья заметно трепетали под легким ветром. Кое-где ветви карагачей смыкались над дорогой, и прохладные листья касались лица.

Иногда лесную дорогу пересекали маленькие ручейки с прозрачной, хрустально-чистой водой.

Кругом не было ни души. Конь размеренно шагал в тени деревьев. Хаким уперся ногами в стремена, расправил грудь. Его охватило какое-то озорное веселье, и он снова запел.

Так, весело напевая, он доехал до поворота дороги, ведущей к мосту через Яик.

* * *

Весной, когда Хаким уезжал из города, он переправлялся через реку на пароме. Сейчас уже был достроен новый мост. Но почему-то ходил паром.

Хаким повернул было к мосту. Он решил, что переправа на пароме с конем доставит много хлопот. И тут заметил, что на мосту было пустынно, тогда как возле переправы шумела большая толпа народа.

Навстречу Хакиму от переправы ехал пожилой казах в шекпене[1]. Он сидел на сером коне. Увидев Хакима, первым приветствовал его:

— Здравствуй, сынок. Не к мосту ли направляешь своего коня?

Хаким ответил на приветствие и сказал:

— Через мост будет быстрее.

— Конечно, конечно,— закивал старик,— через мост и удобнее и быстрее, но не пускают эти шайтаны проклятые. Даже близко к мосту не подпускают никого: ни знатного человека, ни такого, как я. Мост охраняет есаул с казаками, будь он трижды проклят. Всю жизнь прожил среди казахов и научился только ругать их. «Куда прешь, чернорожий киргиз,— кричит,— тебе мост нужен? А этого не хочешь?» — и показывает кукиш. Потом пригрозит нагайкой и велит поскорее убираться. В прошлом году такого не было, а нынче прямо озверели. И что с ними сделаешь? Зайду, бывало, к лавочнику Митрею в магазин, а тот уже кричит: «Ах ты, поганый киргиз, опоганил всю мою посуду. Проваливай вон из моей лавки! Все равно ничего не купишь». Так я этому собаке Митрею отомстил.

— Как отомстил? — с улыбкой спросил Хаким. Старик был маленький и щуплый.

— Однажды я зашел в лавку вместе с толпой и незаметно облизал все ложки, выставленные для продажи. Осквернил всю посуду Митрея.

Хаким в ответ лишь грустно улыбнулся этой суеверной наивности старика.

— Разве это мщение, отец? Пороть его надо розгами по спине. Это будет верней. А облизывать ложки — не дело.

---

[1] Шекпен — верхняя одежда типа кафтана.

— Шайтаны! — возмущался старик.— Моста им стало жалко. Подойди — они начинают целиться в тебя. Что пугают — ладно, да тяжело, когда оскорбляют. «Вшивый киргиз, поганый кайсак»,— чего только не говорят. А посмотрел бы на себя. Сами, наверное, злодеи. Их место в аду. Они обязательно попадут в ад. Бог покарает этих душегубов.

Старик мог бы говорить без конца о своих обидах. Казалось, не было предела гневу, накопившемуся в его груди. Однако Хаким спешил. Ему хотелось поскорее попасть в Уральск.

— Хорошо, я переправлюсь на пароме,— сказал он и, попрощавшись со стариком, спустился к реке.

Но паром уже отчалил и медленно плыл к противоположному берегу.

Хаким привязал коня к чьей-то телеге и, раздевшись, прыгнул в жемчужно-блестящую воду. Он вынырнул, поплыл на середину реки и даже зажмурился от удовольствия: так свежа и ласкова была вода. Он плыл долго по течению, отдавшись воле реки. Так стерлядь любит ложиться поперек речной быстрины. И стремительная вода несет рыбу-баловницу, кружит в водоворотах. Хаким вырос на реке и любил наблюдать за этой летней игрой стерляди.

Он перевернулся на спину. Его окружала мягкая вода, над ним синело огромное безоблачное небо. Так он мог бы уплыть до далекого мыса, выступающего на повороте реки. Но надо было спешить.

Хаким оглянулся. Паром уже отчалил от противоположного берега. Он сразу вспомнил о деле, ради которого ехал в Уральск. Несколько раз нырнув, выбрался на берег и пошел к переправе.

* * *

Едва паром приблизился к берегу, как со стороны моста к переправе спустились два вооруженных до зубов казака и стали проверять документы.

Казаки не обращали никакого внимания ни на возвращающихся с базара казахов в шекпенах и меховых шапках, ни на торговцев-татар, одетых в ногайские бешметы. Они лишь бегло просматривали их документы, а на двух женщин, пришедших из лесу к перевозу с ведрами, полными ягод, даже не взглянули. Зато сразу задержали Хакима.

Подозрительно осмотрев его ученический билет, выданный в училище, старший из казаков в упор взглянул Хакиму в глаза:

— Зачем едешь в город?

— Еду в училище за аттестатом.

— Что это тебя сейчас несет за аттестатом?

— На работу не берут без аттестата.

— Что-то ты туману наводишь...

«Вот прицепился»,— со злостью подумал Хаким и с простодушным удивлением ответил:

— Кто же без бумаги поверит мне, что я окончил училище?

Ясными и короткими ответами он пытался отвязаться от казаков. Но те никуда не спешили.

— Почему не на военной службе?

— Господин есаул...— Хаким только сейчас заметил, что старший казак имел чин есаула.— Мы все служим после окончания училища. Но кто же мне присвоит звание офицера без аттестата? Вот я и еду за документом.

Хаким сказал первое, что взбрело ему на ум. Но теперь ему самому такой ответ показался вполне правдоподобным.

Казаки стали тихо переговариваться между собой, разглядывая ученический билет.

«Что же делать,— с беспокойством подумал Хаким,— чем еще, кроме аттестата, их можно убедить? Пожалуй, лучше молчать. Много наговорю — вовсе не поверят. А если задержат, провалю все дело...— Хакиму не по себе было от этих мыслей, но внешне он держался спокойно и, казалось, был безразличен к допросу. Он вспомнил последний разговор с Парамоновым и Абдрахманом и понял, что выдержка сейчас — это все.— Хорош я буду, если попадусь, как рыба на крючок, а оружие обернется против нас же. Что скажут люди, доверившие мне это дело?»

Хаким почувствовал, как холодный пот выступает у него на лбу.

К счастью, в это время казаки отошли к парому, до отказа набитому людьми, скотом, телегами.

Все уже готовы были переправляться. На берегу оставался один Хаким.

Люди с парома ощупывали его взглядами. Спрашивали, будто он был виноват в том, что казаки задерживали переправу:

— Чего мы ждем?

— Чего хочет этот джигит?

— Эй, парень, не задерживай нас. Ты можешь переправиться и потом.

Но казаки, не обращая никакого внимания на недовольство людей, толпившихся на пароме, снова подошли к Хакиму.

— Вот что, киргиз,— хмуро сказал есаул.— Реальное училище — это школа военного типа, я знаю. Сейчас мы тебя отправим в Джамбейту, там стоит воинская часть...

Хакима точно обожгло. Он понял, что, если не одурачит казачьего есаула, погубит все дело.

— Ваше благородие,— вытянувшись по струнке, сказал он,— я как раз и направляюсь в Джамбейту. Мне должны присвоить чин младшего офицера. Но для этого нужен аттестат. Я дал подписку, что в течение суток съезжу за аттестатом и вернусь в часть. Я же отвечаю за это. Разрешите оставить вам в залог ученический билет. Я возьму в училище аттестат и через три часа вернусь.

Есаул разгладил усы и ворчливо, но уже покровительственно и добродушно сказал:

— Таких чертей, как ты, что шатаются без дела, нам приказано ловить и отправлять под конвоем к наказному атаману. За вами, образованными киргизами, велено следить особо...

— Совершенно верно изволили заметить, господин есаул. За некоторыми и надо следить особо. У вас, конечно, уже большой военный опыт, а я еще зеленый в военном деле. Но я тоже в воинской части получу хорошие знания. Разрешите переправляться, господин есаул?

— Гм...— неопределенно буркнул казак.— Три часа, пожалуй, многовато. Что тебе там торчать три часа? Дело-то минутное. Даю два. А если через два часа не вернешься... Понял?

— Слушаюсь, ваше благородие! — по-военному ответил Хаким и направился к парому.

2

Квартиру Ахметши Хаким отыскал быстро. Он торопился не потому, что обещал есаулу вернуться через два часа, а хотел поскорее выполнить поручение. Дойдя до узкого переулка возле мечети Гайноллы, Хаким стал заглядывать во все дворы деревянных татарских домиков. Осмотрев три-четыре двора, он вдруг увидел красных верблюдов. В огромном дворе стояло множество телег. «Ни у кого нет таких одинаковых фургонов и красных наров,— подумал Хаким.— Это и есть дом Ахметши».

Хаким вошел в ворота. Огляделся. Во дворе не было ни души. Он подошел поближе к фургонам, однако задерживаться не стал, опасаясь, что за ним может следить кто-нибудь из окна. Быстро повернул к дому.

Но того, что он увидел, было достаточно. В глубине двора стояло восемь фургонов. На трех лежал какой-то груз, покрытый брезентом и крепко обвязанный веревками. И все-таки зоркие глаза Хакима разглядели, что под брезентом были длинные ящики.

Собаки во дворе не было. Хаким подошел к двери и негромко постучал.

На стук вышла женщина.

— Извините меня, женге,— сказал он.— Если не ошибаюсь, здесь живет Ахметша Мухамметшин. Я бы хотел, если можно, зайти к нему с салемом.— Хаким почтительно поклонился.

Женщина была так восхищена вежливостью и хорошими манерами молодого джигита, что даже растерялась.

В это время из комнаты послышался голос Ахметши:

— Шырагым! Да не Хакимжан ли это?— Он уже шел, весело улыбаясь и протягивая Хакиму руки.

— Вы угадали, жиен-ага.

— Еще бы. Ты все такой же, как прежде. Только вот вырос, вытянулся. И не подумаешь, что этот красивый, образованный джигит наш Хаким. А я смотрю из окна— думаю, кто это может быть. Оказывается ты. Если память не изменяет, то последний раз я тебя видел в тот год, когда ты заканчивал джамбейтинскую школу. Как вырос ты за эти пять лет, возмужал. Совсем взрослый. А вот мой нагаши [1] не такой рослый, как ты. И нагаши и женеше среднего роста. Раньше говорили, что жиен всегда похож на нагаши. А теперь, выходит, нагаши похож на жиена. Значит, если жиен высок, то нагаши умен, не так ли, а? — смеясь, говорил Ахметша, и уголки его черных глаз светились лукаво и ласково.

Хаким рад был такому теплому шутливому приему, но отвечал сдержанно и вежливо.

Хаким доводился Ахметше нагаши. Но они давно не встречались друг с другом, и поэтому Хаким не знал ни характера, ни привычек своего дяди. Отец говорил о нем редко и скупо: «Умен, находчив. Знает свою выгоду, подобрал ключи к жизни». Это было все, что знал Хаким. И теперь этот уважаемый человек откровенно и приветливо беседует с ним. Время от времени Хаким бросал на Ахметшу короткий изучающий взгляд. Ему нравилось его бледное удлиненное лицо с черной бородкой. Но мягкая речь Ахметши, постоянно смеющиеся глаза выдавали в нем человека, умеющего пристально и незаметно изучать собеседника и коварно обманывать.

---

[1] Нагаши — родня матери, здесь — племянник по линии матери.

На Ахметше был дорогой бешмет татарского покроя, ичиги и кибисы. Из жилетного кармана свисала серебряная цепочка от часов. Он был похож на татарского купца и производил впечатление очень солидного и степенного человека. Хаким знал, что Ахметша учился в Петербурге.

«Не скрыть тебе твою хитрость,— подумал Хаким.— Прав был мой отец, когда говорил, что ты подобрал ключи к жизни. Разве не в погоне за легкой наживой взялся ты выполнять подрядные работы джамбейтинских властей? Нынче все образованные люди — или члены правительства, или судьи, или доктора. А этот чем занимается? Ведь он закончил высшую Петербургскую сельскохозяйственную школу, а возит груз для этих негодяев. Правда, у него лучший в этих краях скот. Верблюды как на картинке, глаз не оторвешь. Все — одногорбые, красной масти. И тянут они во все концы обозы зеленых фургонов. Он даже правительственный пост бросил, чтобы наживать в это горячее военное время себе богатства. Его, как видно, интересуют только деньги и своя выгода».

— Ну что же, Хакимжан, чай пить будем. Я давно хотел проведать своих нагаши, посмотреть, как выросли их дети, да все недосуг, никак не выберу времени.

То, что Ахметша пригласил его выпить с ним чаю, было как нельзя кстати. Иначе у Хакима не было бы повода дальше оставаться в этом доме.

«Только три телеги нагружены, — думал он, — остальные пусты. Следовательно, сегодня не выедут. Как же быть? С чего начать?»

— Жиен-ага, — сказал он, — я в этом году закончил реальное училище. Только весной тут началась эта кутерьма, учебный год мы кое-как докончили, а вот аттестатов многие из нас не получили. Я ведь сегодня как раз и приехал за аттестатом. Порядки теперь — носа никуда не покажи без документов. Меня только что задержали на переправе, не хотели отпускать. Кое-как уговорил. Разрешили съездить за аттестатом. Велели поступать на военную службу в Джамбейте. Пригрозили, что всех закончивших училище, если они уклоняются от службы, будет судить военно-полевой суд. И я решил поехать в Джамбейту. Я с вами хотел бы посоветоваться.

— Очень хорошо, что ты окончил училище,— ответил Ахметша, задумчиво глядя на Хакима. Он помолчал, потер ладонью подбородок. Было видно, что он сосредоточенно думает о чем-то и, прежде чем сказать, тщательно взвешивает слова. — На военную службу не поступай. Мне кажется, к этому роду деятельности у тебя, так сказать, нет особого рвения, — посмеиваясь, вымолвил он наконец.

— Нет, отчего же, жиен-ага... Я решил поступать. За этим я и в город приехал.

— Для поездки в город может быть много причин... А если бы ты действительно стремился служить в армии, то давно уже был бы в Джамбейте. Посмотри-ка мне прямо в глаза. У людей нашего рода по лицу всегда можно прочесть, что у них творится в груди... Только я не стану допытываться, даже не спрошу, о чем ты разговаривал с большевиками. В конце концов, ты не ребенок и сам должен найти правильную дорогу. Возможно, твой отец или кто-нибудь другой поверит, что ты приехал посоветоваться со мной, а я не верю. Скажу правду: не за советом ты ко мне приехал. По соседству с вашим аулом в Камысты-Куле живут братья Алибековы — Губайдулла, Хамидолла и младший Галиаскар. Это образованные люди. Однажды хитрец Хамидолла вздумал исповедаться мне: «В одном только грехе я обвиняю кудая [1] на этом свете: дал мне способность разгадывать чужие мысли. А это, как известно, дело самого кудая. Вот и получается, что на мне лежит тяжкий грех, ибо я вмешиваюсь в дела самого кудая. Поэтому-то с утра и до вечера молю: «О кудай, прости меня грешного за то, что я знаю наравне с тобой». Теперь многие имеют этот грех Хамидоллы. Хакимжан, ты еще не грешен этим? — ухмыляясь, спросил Ахметша.

Хаким так растерялся, что на минуту лишился дара речи и только с опаской поглядывал в лицо Ахметше. И все-таки у него хватило выдержки ничего не ответить на эти слова Ахметши и не попасть в ловушку.

— Как весной распускаются почки на молодом тополе, — продолжал с улыбкой Ахметша, — так и ты, пожалуй, скоро научишься угадывать чужие мысли. Ведь недаром же ты сын Жунуса, моего дорогого нагаши. А Жунус — умный человек. Но знай: умение угадывать мысли, предсказывать будущее идет не только от ума. Еще в детстве нагаши учил меня: на свете есть три бессмертных дела — учительство, хозяйство, торговля. Учителем может быть только человек, знающий больше других. И тот, кто имеет учеников, бессмертен в своих делах. Второе — хозяйство. Умеючи можно с клочка земли величиной с язык собрать годовой урожай, а одна скотина может равняться сотне голов. Поэтому человек, нашедший жилку в хозяйстве, не пропадет. Третье — торговля. Торговля знакомит с чужими странами, с другими народами. Надо держаться за одно из этих трех дел. А держаться — это значит учиться. Вот как раз нагаши помог мне не только советом, но и поддержал меня материально. Твой отец получил араб-

[1] Кудай — бог.

ское образование, владел только тюркской грамотой. Но сумел постичь мировую философию. Он подобен древнему Лукпану[1]. Люди считают его баловнем веселой шутки и не видят, что за шуткой кроется проницательность и мудрость. Он судит о людях не по словам, он всегда стремится к сути, и все это позволяет ему так легко угадывать мысли других. А на дела начальства он смотрит только с одной стороны — насколько они вредны для народа. Будь спокоен, он-то разобрался в этой неразберихе, что творится вокруг, понял, на чьей стороне перевес. И ты, Хакимжан, должен прислушиваться к его словам. Нельзя ступать на неопределенную дорогу. Не смотри на меня так и не жди от меня никаких советов. Одно могу сказать: военная служба—занятие для людей в безвыходном положении. Или ты хочешь стать большим начальником? Так знай: руководить людьми — значит обманывать их. А если ты не можешь убедить их в том, что зло — это народное благо, а насилие — благородное дело, то и не рвись к руководству. Птица счастья тотчас покинет тебя.

«Этот коварный человек, видимо, что-то разузнал обо мне, — подумал Хаким, — хочет хитростью заманить меня в свои сети и выведать тайну. А как расхваливает он моего отца. Интересно все-таки, правда это или он только льстит мне? А ведь из его слов видно, что перевес на нашей стороне. Отец прав. Но зачем ему наша победа? Нет, нельзя с ним откровенничать. Один неосторожный шаг — и можно погубить все дело».

— Дядя, ваши слова для меня большой урок. Вы сказали, что я уже много повидал, много знаю и даже разбираюсь в людях. Это слышать, конечно, лестно. И мне приятно было слушать теплые слова о моем отце. Однако должен вам сказать, что такой, как вы сказали, оценки политическим событиям он никогда не давал. По крайней мере, я ничего подобного не слышал. Я очень уважаю отца. Но вы так много видели, вы учились в Петербурге, вам многое виднее, чем моему отцу или мне. Вот поэтому я и пришел к вам за советом. Сказать по правде, я еще окончательно не решил, что мне делать. Однако я хочу по-настоящему учиться. Но училище я закончил. А что делать дальше, я не знаю. Приехал я сюда на телеге одного торговца не только за аттестатом, но и к вам за советом.

Хаким решил любой хитростью напроситься в обоз.

— Вот оно что! — воскликнул Ахметша. — Так бы сразу и сказал: возьмите, мол, меня с обозом. Чего же ты молчал?— рассмеялся Ахметша. — Ходишь вокруг да около, петляешь,

[1] Лукпан — мудрец.

как заяц, вместо того чтобы сказать прямо. Интересный вы народец. Ну что ж, если у тебя нет коня, садись в мою телегу. Только я не знаю вот, когда поеду. Может быть, завтра, может, послезавтра, а то и все три дня придется провести в городе.

«Лиса проклятая,— выругался про себя Хаким,— виляет хвостом, и не поймаешь его никак».

— Жиен-ага,— сказал он,— вы, как я вижу, решили мои слова обратить в шутку. У меня нет ни повода, ни основания уверять вас в том, что я говорю правду. Конечно, я, преследуя свою выгоду, явился к вам, но ведь я этого и не скрываю. И что скрывать, если вы знаете все мои мысли наперед. Но согласитесь, что-то делать мне все же надо. Если не служить, то учиться, но в том и другом случае надо ехать в Джамбейту. Там живет наш родственник Толеубай. Он мне поможет. Вас же я совсем не хочу утруждать. Мне вовсе не обязательно ехать в тарантасе вместе с вами. Я могу и на обыкновенной телеге ехать.

Сказав это, Хаким не смог взглянуть прямо в глаза Ахметше и начал осматривать комнату и фотографии у зеркала.

— Хакимжан, то, что я сейчас скажу, может быть, не очень приятно. Ты заранее извини меня. Но, откровенно сказать, все эти окольные ходы твои мне кажутся подозрительными. Знаешь, как иногда дети играют в прятки — прячут голову и думают, что их не видно. Так и я буду закрывать глаза на все. Быть младшим офицером — это значит постоянно унижаться и выслуживаться. Ты на это не пойдешь, я знаю, А чтобы достигнуть большего, тебе нужно по крайней мере лет десять. Так что служить ты не собираешься. А вот учеба — это хорошее дело. Учебу бросать не надо. Ты не состоишь в Совдепе? — внезапно спросил Ахметша.

Хаким спокойно выдержал его взгляд и недоуменно пожал плечами. «При чем тут Совдеп?» — говорил этот жест.

— Они любят закидывать курук на таких зеленых, как ты,— продолжал Ахметша.— Для них ты вполне пригоден. Обо всем теперь нужно думать, дорогой мой, прежде чем что-либо совершить... Ну хорошо... Можно поехать, конечно, и на одной из груженых телег, но это неудобно. Вдруг ты ночью спросонья упадешь с телеги? Тогда твой отец в жизни не переступит моего порога. Как ты думаешь?— насмешливо посмотрел Ахметша в глаза Хакима.

— Дядя, я же не маленький, чтобы ночью упасть с телеги. Не беспокойтесь...

— Ну хорошо, иди, заканчивай свои дела и к вечеру возвращайся. Ночуешь у меня.

— Спасибо. Вечером я приду. Но переночую у кого-нибудь из знакомых. Зачем я буду вас утруждать?

— Хакимжан, если ты твердо решил ехать, то ночуй здесь. Ночью обоз может уйти.

— Хорошо, спасибо, дядя. А сейчас я пойду. У меня еще много дел.

— В таком случае я тебя отвезу, куда нужно. День жаркий. Устанешь пешком.

— Что вы, дядя, спасибо, ничего не нужно. Здесь ведь совсем близко. До свидания.

Хаким торопливо вышел, боясь, как бы хитрый Ахметша не увязался за ним.

* * *

Пока все складывалось неплохо.

Когда Хаким вышел на улицу, ощутил необычайную радость и легкость. Он расстегнул ворот кителя, глубоко вздохнул. Больше всего его радовало то, что он не попался на удочку хитрого Ахметши. Эта лиса допрашивала его, как заправский следователь. Но он сразу решил, что главное — не дать Ахметше разгадать свои мысли.

Как бы там ни было, это был первый шаг Хакима на большом пути, полном загадок и борьбы. Теперь надо немедленно сообщить штабу о том, что обоз выходит этой ночью. Для этого нужно съездить в Барбастау за девятнадцать верст и вернуться до вечера. Даже если на это хватит времени, то что он скажет есаулу на переправе? А другого пути нет. «Что делать? —лихорадочно думал Хаким. — Байес... Как я раньше не подумал об этом? Если Байес в городе, то все будет в порядке. А если его не окажется?»

Хаким вышел на Кожевенную улицу, затем торопливо пересек мощеную площадь и пошел по Сенной, отыскивая дом номер пятьдесят пять.

3

Байес и Хаким не виделись после того, как расстались у Фроловского. Тогда все трое— Хаким, Байес и Хажимукан— разъехались в разные стороны, и Хаким не думал, что ему так скоро придется снова встретиться с приказчиком Байесом.

На собрании в овраге Байес не был. Он в тот же день уехал в Уральск сдавать собранные в ауле шкуры. Закончив все дела, он решил отправиться в Анхату.

Хаким спешил теперь к дому Байеса. «Неужели не застану? — с отчаянием думал он. — Байес ведь всегда в пути. Застать дома его — редкая удача».

Но едва Хаким вошел во двор, он сразу увидел стоявшего под навесом коня Байеса и облегченно вздохнул. Он быстро направился к дому и вздрогнул, когда его окликнули:

— Хаким, поди-ка сюда.

Хаким быстро обернулся. Под навесом в тени сидел Байес. Хаким, не помня себя от радости, побежал к нему.

— Вы еще не уехали? — только и смог он сказать.

— Пока нет. Но уже собрался.

— Мне надо с вами поговорить. Дома у вас никого нет?

— Есть. Сидят какие-то люди... Иди сюда. Здесь нас никто не услышит.

Хаким сел рядом с Байесом и вполголоса заговорил:

— Я едва попал в город. На мосту казаки. Еле-еле пропустили. А теперь мне нужно выехать обратно и сообщить, что Ахметша отправляет обоз. — Хаким наклонился к уху Байеса и заговорил шепотом.

— Я тоже слышал, что Ахметша снаряжает обоз,—сказал Байес, выслушав Хакима.—Значит, это и есть тот самый груз, который надо захватить на полпути?

Хаким кивнул.

— Ну что ж, в таком случае я ведь могу поехать и в Кара-Обу, — улыбнулся Байес.—Поеду и обо всем сообщу. А тебе ехать туда незачем.

— Я об этом и хотел просить вас, Байеке. Теперь все в порядке. Когда придете к Альджану, скажите, что на одной из телег обоза буду я. Когда подъедем к Ханкулю, я запою песню. Это сигнал.

— Неплохо придумано, — заметил Байес.

— Только я не знаю, что мне делать с конем. Сейчас он мне не нужен.

— Да, но он может тебе понадобиться завтра. Человек без коня — что-то вроде инвалида. Вот что, возьму-ка я его с собой и оставлю у Альжана. Пастуха Альжана ты всегда найдешь, его все знают. Даже ребенок тебе укажет, где его найти.

— Договорились, Байеке.

— Теперь я тебе кое-что скажу о городских делах. В Уральске неспокойно. Казаки охраняют мост неспроста. Надвигается опасность. Сотни возов, пушки и пулеметы днем и ночью движутся на север в сторону Арки. Там объявился какой-то Чапай. Говорят, скоро сюда придет. А генерала Акутина разбили и отогнали до самого Таскала, в городе паника. Богатые русские казаки бегут с хуторов. Хазрет Нуртаза говорит: «Это конец света. Собирайтесь, мусульмане, и кидайте каменья в дьявола. Появились страшилища». Страшилища — это значит большевики. Не глупо ли? Русские казаки

вешают и расстреливают мусульман. А эти святые хазреты поют славу палачам. Эх, мальчик, главное — найти верную дорогу. Для нас с тобой эту дорогу указали такие люди, как Абдрахман. Скажи-ка, как прошел съезд? Где сейчас Хажимукан?

«Этот Байес так вот незаметно для себя станет большевиком. Он еще пойдет дальше всех нас»,— подумал Хаким и сказал:

— Хажимукан теперь рад до смерти: «дакмент» получил.

Хаким рассказал Байесу забавную историю с «дакментом».

Байес стал собираться в дорогу. Хаким проводил его до окраины города. Он видел, что Байес благополучно переправился на пароме. Теперь Хаким был спокоен. «Байес все это сделает лучше меня»,— подумал он.

Спешить было некуда. И Хаким решил хоть издали посмотреть на дом Курбановых.

4

Вот он, дом с зеленой крышей и высоким крыльцом... Хаким вздохнул и огляделся вокруг. Нигде не было ни души. Дом Курбановых показался ему тоже пустым. На окнах не было легких шелковых занавесок. Стекла кто-то залепил изнутри газетами. И газеты эти уже успели пожелтеть. Приглядевшись, Хаким увидел, что и на ступеньках лестницы лежал толстый слой пыли. Здесь давно не ступала человеческая нога. «Неужели уехали?» — с тревогой подумал Хаким. Он поднялся по лестнице и, помедлив немного, постучал. В ответ не донеслось ни звука. Он постучал еще раз и прислушался. Его слух уловил шарканье чьих-то ног.

«Старуха»,— понял он.

— Заходи через ворота. Заперта дверь,— послышался сердитый и скрипучий старушечий голос.

Хаким сбежал с лестницы, обогнул дом и толкнул калитку. Она оказалась незапертой.

Старуха уже шла ему навстречу. На ней все то же пестрое платье, серый фартук, а на голове знакомый старый платок, завязанный сзади. Ничего не изменилось и в ее лице: те же морщинки, те же прищуренные, точно вонзающиеся, как иголки, глаза смотрят пристально и неприветливо.

Удивленная старуха, не сводя глаз с Хакима, принялась своими темными морщинистыми руками поправлять фартук, потом губы ее едва заметно зашевелились.

— Это ты, несчастный? Откуда?

— Здравствуйте, бабушка,— приветствовал ее Хаким.— Как живете? Я зашел вас проведать.

— Слава богу, спасибо, не забыл. Дай бог тебе много лет жизни. Заходи.

Хаким видел, что старуха отчего-то растерялась при его появлении, держалась необычно. Раньше, бывало, и близко не подходила к нему. А теперь растаяла, будто свинец на огне.

«Бедняга, жалеет байское добро»,— подумал Хаким, направляясь в кабинет Курбанова.

— Сюда, сюда иди,— окликнула его старуха.— Комната Минхайдара заперта, а его самого нет дома. Он давно уже уехал в Джамбейту.

Старуха шла за ним, шаркая и пошатываясь.

«Доняло тебя одиночество,— усмехнулся Хаким.— Ни Мукарамы, никого, одна! А раньше бы встретила словами: «Кого надо?» — как ключница «Сорока труб».

Хакиму захотелось зайти в комнату Мукарамы и посмотреться в ее зеркало. Через минуту он уже стоял перед огромным трюмо.

Старуха, вошедшая вместе с ним, рассеянно посмотрела на Хакима. Ее губы беззвучно зашевелились, точно она пыталась сказать что-то. Вдруг схватила валявшееся на полу гусиное крыло и, не зная, куда его деть, вышла из комнаты.

Хаким огляделся. Из всех вещей, которые здесь были прежде, при Мукараме, остались только кровать и зеркало. Не было картин, висевших на стенах, исчез маленький туалетный столик. Девичья кровать, всегда такая нарядная, сейчас накрыта стареньким суконным одеялом. Окна завешены какими-то невзрачными ситцевыми занавесками. Из такого ситца обычно шьют себе платья старухи.

— Вы одна живете, бабушка? — спросил Хаким, когда старуха вернулась.

— Одна, малай [1]. Тебя зовут Хаким?

— Хаким, бабушка. Не забыли, оказывается.

— Забыла. А потом вспомнила. Когда человек живет в одиночестве, он все вспоминает прожитые дни. Я тоже считаю их, как тасбих [2], перебираю в памяти. Минхайдар давно уехал. Мукарама тоже уехала в Джамбейту да так и осталась там. Я одна. Совсем одна.

Хаким, не перебивая ее, терпеливо ждал, что она еще скажет. Но старуха запиналась, медлила. О Мукараме она почему-то ничего не могла сказать.

---

[1] Малай — мальчик *(татарск.)*.

[2] Тасбих — четки.

— Письма, наверное, получаете из Джамбейты? — спросил он, когда старуха умолкла.

— Есть письмо, есть. Вчера Черный Валий приезжал. Письмо привез. Мукарама жива, здорова. Скучает, бедняжка.

Старуха вдруг заплакала и вышла из комнаты. Хакиму стало жаль ее.

Он не знал, сколько ей лет, но думал, что лет семьдесят. В такое тревожное время она осталась совершенно одна в этом огромном доме. Здесь кому угодно было бы тяжело жить, не только древней старухе. И как она изменилась. От прежнего властного нрава и следа не осталось. Вся она тихая, робкая, даже походка какая-то жалкая. Почему она не рассказывает ничего о Мукараме? Не хочет? Или не помнит?

Он подошел к задернутому шторой и заклеенному газетой окну. «Мукарама тогда сидела здесь и плакала. Я видел ее в зеркале. Почему она тогда плакала? Это так и осталось неизвестным. Меня тогда угнали к «Сорока трубам». Где теперь тот мальчик, что расклеивал листовки?

Вот кого можно назвать настоящим революционером. Чей он сын? Надо бы спросить о нем у Амира. Может быть, Байес слышал о нем».

— Почему вы плачете, бабушка? — сказал он.— Ведь Минхайдар и Мукарама скоро приедут. В Джамбейту они уехали ненадолго.

— Может быть, ты их видел? — внезапно спросила старуха.

— Нет, не видел. Уже больше трех месяцев я их не видел, бабушка. Думал, вы что-нибудь знаете. А я после того, как кончил учебу, все время был в ауле.

— Начальником стал?

— Да,— машинально ответил Хаким. Он подумал, что старуха теперь будет более откровенна. Она всегда относилась с уважением только к тем, кто имел чины. Остальные для нее не существовали.

Старуха кивнула.

— Я тоже с тех пор не видела Мукараму. Не было человека, который написал бы ей от меня письмо. Соскучилась... Черный Валий завтра поедет обратно и отдал бы ей мое письмо...

Хаким испугался, что старуха забудет эти свои слова, и поспешно спросил:

— Неужели в городе не нашлось человека, который написал бы для вас письмо? Ойбой, аже, если вы позовете ее, она сейчас же примчится. Ведь здесь недалеко, всего сто три-

дцать верст. Дайте бумагу, я напишу все, что вы продиктуете.

— Да продлит аллах твою жизнь, Хаким. Я сейчас принесу все. В комнате Минхайдара и бумага и ручка есть.

Старуха торопливо заковыляла из комнаты.

«Проклятая старуха,— покачал головой Хаким,— только что она меня уверяла, будто кабинет Минхайдара заперт на ключ, а когда дело коснулось ее выгоды, оказалось, что кабинет открыт. Ладно же, коварная старуха, я отомщу тебе: вместе с твоим пошлю и свое письмо, так, что ты ни о чем не догадаешься. Как ты ревновала меня к ней! Если бы не ты, судьба не разбросала бы нас теперь в разные стороны».

— Аже, разве сейчас почта не ходит в Джамбейту? — спросил Хаким у возвратившейся старухи.— Мукарама должна была написать вам, даже если не получала ваших писем.

— Раньше почта ходила раз в неделю, а сейчас и этого нет. Черный Валий говорит: Сагит сейчас не гоняет почту. Пиши, Хаким.— Старуха подала ему чернила и бумагу.— Пиши так: «Я очень соскучилась по тебе, Мукарама. Приезжай повидаться. Сама я не могу приехать, не на кого оставить дом...» Написал?

— Да. А конверт у вас есть?

— Есть, есть. Сейчас принесу из кабинета. У Минхайдара все есть. Я поставила чай. Боязно теперь в городе. На всех улицах войска. Пиши, пусть и Минхайдар приезжает. Пусть оба приезжают.

Старуха долго и подробно рассказывала в письме, что одежду положила в сундук, а одеяла спрятала в чулан, что выстирала и выгладила рубашки Минхайдара... Пока вскипел большой самовар, Хаким писал, причем умудрялся писать одновременно два письма.

Перед чаем он прочитал старухе письмо. Она осталась довольна.

— Очень хорошо написано. Пусть аллах продлит твою жизнь.

Хаким незаметно положил в конверт и свое письмо, заклеил и написал: «Лично в руки Мукараме от бабушки».

* * *

Распрощались они как друзья, будто никогда и не было между ними неприязни.

Хаким возвратился к Ахметше уже вечером. Войдя во двор, он увидел множество груженых фургонов и красных наров. Лишь один верблюд был черный.

В полдень во дворе было только восемь телег, а теперь их было так много, что обширный двор стал тесен.

И верблюдов стало в три раза больше.

«Ахметша, наверно, днем выгоняет их на пастбище,— подумал Хаким. Он быстро сосчитал верблюдов.— Двадцать один? Не может быть. Он запрягает их парами. Наверное, я ошибся».

И вдруг его охватило беспокойство. Тот ли это груз? Не перепутал ли он? Хаким пошел среди телег. Верблюды медленно поворачивали шеи и тоскливо смотрели ему вслед. Он быстро подошел к одному из груженых фургонов, огляделся. Кругом никого не было. Он приоткрыл брезент, под которым лежал груз, и, приподняв отставшую дощечку на одном из ящиков, попытался просунуть внутрь руку. Ему мешал ремень, которым был обвязан ящик. И все-таки с трудом он просунул палец в щель между досками. Сначала пощупал стружку, затем — гладкий металл, густо смазанный маслом. Безусловно, это был ствол винтовки. Накрыв ящик брезентом, Хаким хотел было пойти в дом, но в это время во дворе поднялся какой-то переполох.

Верблюды сгрудились в кучу, словно при нападении волков, толкались, сбивали друг друга, падали на колени.

Вдруг из-под навеса вышел высокий черный нар и, вытянув шею, двинулся прямо к Хакиму через стадо мечущихся верблюдов. Он шел, грудью прокладывая себе дорогу, словно человек, пробирающийся сквозь толпу.

Хаким испугался. Поведение огромного одногорбого верблюда не предвещало ничего хорошего. Проклятый верблюд явно готовился напасть. Он мог страшно поранить зубами, мог изувечить ударом своей могучей жилистой ноги. Наконец, нет ничего отвратительнее верблюжьего плевка, от него ни за что не очистишь одежду.

Хаким с детства боялся верблюдов. Однажды, когда ему было восемь лет, ему дали подержать за повод запряженного в телегу молодого черного нара. Одной рукой Хаким держал повод, а другой рыл в земле ямку. Вот ему попался маленький жук. Считается, если таким жуком потереть пятки, то будешь бегать быстрее всех. Так и сделал. Довольный, Хаким хотел было пробежать немного, но вдруг что-то оторвало его от земли, голова закружилась, ноги повисли в пустоте. Ему показалось, что он летит в пропасть. Сердце будто оборвалось. Он, не помня себя от страха, пронзительно закричал. А нар, ухватив его зубами за одежду, поднял вверх, выше своего горба. И земля показалась Хакиму такой далекой, будто он глядел на нее с минарета. Пытаясь вырваться, он вертелся как веретено и отчаянно кричал. На крик прибе-

жали женщины, собиравшие неподалеку кизяк. А озорной нар мягко опустил Хакима на землю и высоко поднял голову, чтобы разгневанные женщины, размахивавшие кулаками, не дотянулись до его морды. С тех пор Хаким стал далеко обходить черного нара и возненавидел верблюдов. И вот теперь на него, уже взрослого человека, шел огромный черный нар. Хаким весь похолодел. Он вскарабкался на телегу, но понял, что здесь нар его достанет зубами. Соскочил на землю и бросился к дому. Но на его пути стояли две телеги.

Нар, увидев бегущего Хакима, вовсе обезумел. Он перепрыгивал через лежавших на земле верблюдов, кусался. Видимо, нар понял, что Хаким собрался улизнуть в дверь, и бросился наперерез.

Все это длилось несколько секунд. Верблюд первым добежал до двери. Хаким повернул обратно и спрятался под телегой. В это время во дворе появился темнолицый человек огромного роста. Он направился прямо к фургону, где притаился Хаким. Подходивший человек показался Хакиму настоящим великаном.

— Шок! — властно крикнул человек на верблюда, и тот медленно побрел под навес, точно нашкодивший кот.

Хаким выбрался из-под телеги.

— Ассаламуалейкум, аксакал,— сказал он.— Ваш нар хуже цепного пса. Кинулся на меня как черт.

Хаким чувствовал себя довольно неловко и, потупившись, стряхивал с костюма пыль.

Человек не ответил на приветствие. Он только молча посмотрел на Хакима, точно коршун на цыпленка, и потянулся громадной ручищей к голенищу своего сапога.

Хакиму на мгновение показалось, что этот великан собирается его прикончить, но, когда увидел, что тот достает из-за голенища не нож, а рожок с табаком, успокоился.

«Откуда он взялся? — подумал Хаким.— Появился как из-под земли. Он, наверное, заметил, что я вертелся возле фургонов, смотрит как коршун. Как раз такие хищники сидят на курганах, выжидая добычу».

Великан действительно, нюхая табак, зорко вглядывался в Хакима. Заткнув рожок пробкой и сунув его обратно за голенище, показал подбородком на дверь дома Ахметши. Жест этот не обещал ничего хорошего.

— Иди в дом! — грубо приказал он.

— Ахметша дома? Наверное, заждался меня,— сказал Хаким.

Человек ничего не ответил. Испуганный Хаким поплелся к дому.

* * *

Когда Хаким вошел, Ахметша беседовал с худощавым казахом в форме офицера.

— Добрый вечер,— сказал Хаким.

Офицер, не поворачивая головы, кивнул. Ахметша посмотрел на великана, вошедшего за Хакимом.

— Привязал нара? — спросил он.

У Хакима по спине пробежали мурашки.

«Выходит, они все видели,— холодея, подумал он.— Видели, как я прятался от нара, видели, что я заглядывал под брезент... Ладно, чему быть, того не миновать». Он понуро опустился на скамейку.

— Что же ты не раздеваешься, Хакимжан? — спросил вдруг Ахметша.— И поесть нужно. Скоро уже выедете. Ты твердо решил ехать?

Хаким кивнул.

Ахметша повернулся к офицеру и сказал:

— Это мой племянник Хаким Жунусов. Он едет в Джамбейту, и я вам поручаю его. Следите, чтобы доехал благополучно.

Офицер внимательно всмотрелся в лицо Хакима, подумал о чем-то и спросил:

— По делу едете в Джамбейту или просто так?

— Можно сказать, что просто так... Братья там у меня. Хочу повидаться. А может быть, поступлю на службу.

Офицер промолчал. Вместо него ответил Ахметша:

— Этот военный является офицером по особым поручениям, его зовут Айтгали Аблаев...

Хаким вздрогнул, когда услышал имя офицера, но не показал своего замешательства.

— Все очень хорошо получается,— спокойно ответил он, прямо взглянув на Ахметшу, и подумал: «Встретился лицом к лицу с самым опасным своим врагом. Черный нар в сравнении с ним — детская игрушка. От этого под телегу не спрячешься. Это и есть тот самый Аблаев, который поймал Халена, отправил на смерть Бакы, а меня тогда пригнал к реке... Что-то подозрительно он посматривает на меня. Узнал, наверное, мою фамилию... Что же теперь делать? Просить Ахметшу укрыть меня? Нет, нельзя. Надо не подавать вида, что я знаю его. Если он захочет схватить меня, для него это ничего не будет стоить — людей у него достаточно. Но когда наступит ночь, можно попытаться убежать. Правда, мост под охраной. Но, в конце концов, река не преграда. Берега ее заросли кустарником. Нырни туда — и исчезнешь, как игол-

ка в стогу сена. А на противоположном берегу — леса и бескрайние степи».

На столе было блюдо с мясом. Но к угощению никто не притронулся.

— Я недавно поел,— сказал Аблаев.— Если разрешите, Ахметша, я буду собираться в дорогу. Путь долгий, надо все проверить.

Ахметша кивнул, и Аблаев вышел.

— А ты почему не ешь, Хакимжан? — озабоченно и ласково спросил Ахметша.

— Не хочется, что-то голова болит. Должно быть, напекло,— ответил Хаким и подумал: «Лишь бы выехать без приключений из этой ловушки. А там видно будет. Лишь один аллах знает, чья голова покатится сегодня с плеч».

5

Хаким догадывался, что Аблаев узнал его, но пока ничем не выдавал этого.

Отдав какие-то распоряжения людям, хлопотавшим во дворе возле фургонов, он вернулся в комнату. При этом даже не взглянул на Хакима, будто его и не было здесь...

Когда все вышли во двор, Хаким увидел множество вооруженных людей и понял, что они будут сопровождать караван.

В темноте нелегко было сосчитать всех солдат. Человек десять находились во дворе, остальные — за воротами. Хаким слышал их голоса.

Наконец караван двинулся в путь. Точно клубок ниток разматывался во дворе Ахметши: тянулись и тянулись одна за другой груженые подводы, уже заполнили они короткую улицу и двинулись дальше к реке. Вдоль всего каравана с двух сторон следовали вооруженные всадники.

На мосту их не только не задержали для проверки документов, но не успел Аблаев подъехать к караульной будке, как медленно начал подниматься шлагбаум.

Хаким, опасаясь встречи с есаулом, забравшим утром его ученический билет, шел, укрывшись за одним из фургонов. Но среди казаков, карауливших мост, есаула не было видно. Да и вряд ли он узнал бы Хакима в темноте.

Особенно густой стала тьма, когда въехали в лес. Со всех сторон караван окружала сплошная чернота. Впереди нельзя было ничего различить даже на расстоянии вытянутой руки. И в этой жуткой темноте лес, казалось, жил. Будто живые, шумели темные кроны, а кусты словно двигались с места на

место, как какие-то таинственные существа. От всего этого в душу прокрадывалось смятение и беспокойство.

И лишь вверху, в жутких глубинах темно-синего небосвода, блестит светлая пыль звезд. Бессчетные вереницы их льют свет в пустоту, но этот свет не достигает земли.

Хаким забрался на одну из телег в хвосте обоза.

Вел караван знакомый уже Хакиму молчаливый великан. Во все фургоны было запряжено по два верблюда, и лишь огромный черный нар тянул первый фургон один. Рядом с ним шла пристяжная лошадь. Этого коня Хаким заметил лишь на мосту. Конь был под седлом. Стремена подняты и привязаны к седлу. Очевидно, чтобы не ударяли по бокам. Конь был рослый, светлой масти. В темноте он казался белым. Хаким не мог понять, для чего понадобился молчаливому великану этот оседланный конь.

Нары идут крупным размеренным шагом, легко тянут груженые телеги. У фургонов не истерты оси, не разболтаны колеса, они мерно поскрипывают в ночной тишине.

Выехали из леса, потянулась бескрайняя ночная степь.

Когда едешь по степи ночью верхом, чувствуешь уверенность и радость. А путь в телеге кажется долгим и утомительным. Может, оттого, что в этот день было столько событий, мысли Хакима путались. Сомнения, что возникли еще до выхода каравана в путь, сейчас завладели им. Он не мог до конца понять Ахметшу, хотя долго беседовал с ним. Почему этот человек держится так, будто ему известно все... Не нравился Хакиму и молчаливый караван-баши, угрюмый и непонятный, как его черный нар.

А Аблаев? Словно нарочно, он оказался на пути Хакима, как бревно, упавшее поперек дороги. Его не столкнуть и не перешагнуть.

Только один из всадников, совсем молодой помощник караван-баши, нравился Хакиму. Но что предпримет Аблаев?

Внезапно от группы всадников, ехавших впереди, отделились двое верховых и направились прямо к последнему фургону, где ехал Хаким. Подъехали вплотную с двух сторон и стали пристально его разглядывать.

«Аблаев приказал меня арестовать», — понял Хаким; по телу пробежал нервный озноб. Он торопливо сунул руку в карман брюк, но сразу не мог вытащить револьвер, запутавшийся в кармане.

«Уложу обоих,— лихорадочно думал он. — Сяду на коня и, пока остальные опомнятся, буду уже далеко».

— Не спишь, парень? — окликнул Хакима один из верховых. — Посматривай, чтобы твоя телега не отстала от обо-

за. Опять подъезжаем к лесу, а там темень, хоть глаза выколи.

Хаким разжал пальцы на рукоятке револьвера.

Эти люди и ведать не ведали, что были сейчас на волосок от смерти. Офицер, как видно, направил их в хвост обоза, так как караван снова вступал в лес.

— Хорошо, буду следить, — деревянным, каким-то чужим голосом ответил Хаким. Ему казалось, что слова эти произнес не он, а какой-то другой человек.

Верховые отъехали к обочине.

«Выдержки мне не хватает, — поглядев на них, усмехнулся Хаким.— Снова чуть не провалил все дело. Пусть бы они арестовали меня. Ничего бы со мной не случилось. Ведь все равно обоз будет захвачен и меня бы освободили. А выстрели я — Аблаев сразу догадался бы, что обозу грозит опасность. Этот негодяй и так узнал меня, но только почему-то не подает вида...»

* * *

Аблаев действительно узнал Хакима, едва увидел его в доме Ахметши. Это был тот самый студент из Анхаты, что ускользнул из-под самого носа Аблаева. Офицер готов был проглотить опозорившего его студента, но тот оказался родственником Ахметши. Аблаев привык лебезить перед влиятельными людьми, а Ахметша был близок с самим Жаханшой Досмухамбетовым. И кроме того, он поручил Аблаеву заботиться об этом проклятом студенте.

Аблаев сразу сообразил, что в Уральске Ахметша заступится за Хакима, не даст взять его под стражу, и решил как ни в чем не бывало привезти его в Джамбейту, а там передать в руки полиции.

«О святые предки моих отцов! — ликовал Аблаев. — Наконец-то этого проклятого студента сам бог послал в мои руки. Тогда я упустил его, но теперь передам в руки самого султана Аруна. Пусть он достанет желчь у этого проклятого ирода. А пока надо, чтобы студент ни о чем не догадался, чтобы сидел себе спокойно на возу. А когда проедем Анхату, свяжем ему руки и положим в телегу, чтобы не удрал».

* * *

Прозрачная ночная степь. Едешь и едешь под пылью звезд и не знаешь, много ли ты проехал, далеко ли ты. Кругом ни лесочка, ни холмика, ни на чем задержаться взгляду. И только по самой дороге бывалый путник может опреде-

лить, где он находится. Да и ему нелегко запомнить все извилины бесконечного степного пути. А лошади отлично запоминают. Сбившись с дороги, путник отпускает поводья, предоставляя коню выбирать путь. Старый конь не собьется с дороги даже в пургу. Хорошо помнят дорогу и верблюды.

Хакиму часто приходилось ездить в этих местах, но он не мог определить, где находится караван. Он смотрел на вооруженных людей, сопровождавших караван. На каждую подводу приходилось по два всадника. Они словно железной цепью опутали обоз.

Чтобы точно определить, где сейчас шел караван, надо было спрыгнуть с телеги и оглядеться. Но Хаким знал, что это может вызвать подозрение. Больше всего теперь он боялся испортить дело. Мендигерей сказал, что караван «встретят», но кто, он не сказал. И от этого Хаким нервничал, не находил себе места: «Хорошо, если люди, что сейчас сидят в засаде, смогут противостоять двадцати вооруженным всадникам Аблаева. Ведь я же не сообщил, что обоз сопровождает вооруженный отряд. И если Аблаев отобьет нападение, мне придется уносить ноги. Меня в Джамбейте, конечно, сразу же арестуют. Все это может стоить головы. Через несколько часов начнется бой. Бой насмерть. И кто-то навсегда останется лежать в степи. Но в чем виноват этот широкоплечий казах со спокойным голосом или молчаливый великан, что, не подозревая ни о чем, ведет караван? Его заставил Ахметша отвезти оружие к хану Жаханше. Значит, эти люди должны отдать жизнь за хана Жаханшу? А кто сделал Жаханшу таким всесильным, что он распоряжается человеческими судьбами? Да, сложна жизнь. Врагом тебе становится человек, которого ты до этого никогда не видел и который тебе не причинил никакого зла. Но в бою этого человека надо убить, иначе он убьет тебя. Надо ли жалеть Аблаева? Такие, как он, в одну ночь свергли советскую власть в Уральске, упрятали в тюрьму советских руководителей. Вон как изувечили они Мендигерея. Выжил он только благодаря случайности.

«Если мы позволим каравану дойти до Джамбейты,— думал он,— то получится, что мы сами вооружим своего врага. Нет, оружие это должно служить нам, и только нам. Обоз не должен дойти до Джамбейты».

Караван миновал Барбастау, перешел вброд реку, и вот уже исчезли вдали огни этого городка. Снова потянулась однообразная степь. Верблюды широко шагали по мягкой дорожной пыли. Белесое облако поднималось за обозом и стояло неподвижно над дорогой.

Хаким решил поговорить с широколицым казахом, ехавшим верхом рядом с его фургоном, и тихонько запел:

Разливается Шынгырлау, хоть она не Яик.
Только путь ночной, как Яик, велик.
И когда устаешь — нет вины никакой
В том, что песню вполголоса запоешь...
Хорошо ей в седле плыть почти над рекой,
Песня, песня степная, снова сердце тревожь!

Последние слова нарочно изменил и спел их, как бы обращаясь к своему спутнику.

Песню услышали и другие всадники. Но никто не оборвал Хакима. Всем наскучил долгий однообразный путь. «Значит, в условленном месте смогу запеть, как было согласовано»,— подумал Хаким и, оборвав песню, сказал ехавшему рядом всаднику:

— Сон что-то одолел... А эта песня совсем тоску наводит. Вот если бы спеть в тишине «Айдай», сон бы как рукой сняло. И ночь бы раскололась пополам. Жаль, я не знаю этой песни. А вы, случайно, не знаете ее? Если знаете, спойте...

Он пытался разглядеть в темноте лицо всадника, но не мог даже понять, стар тот или молод. Заметил только усы. Джигит был плотный, широкоплечий. Ответил он Хакиму не сразу. Помолчал немного, потом приблизился к телеге и сказал:

— Что ты говоришь, мирза? Как может песня навести на сон? Сочинил ее какой-то бедняга, одинокий человек, может быть, тогда, когда после сорока сынов умерла его единственная дочь. Растревожил ты своей песней мне душу, мирза.

Джигит говорил тихо. И хотя Хаким не видел его лица, он знал, что лицо это печально.

— Выходит, агасы [1], вы никогда раньше не слышали песню Ергали? — спросил Хаким.

— Какого Ергали?

— Аязбая.

— Нет. Не слыхал. И песню его не слыхал раньше, и его самого не знаю.

— Говорят, геройской души был человек. Я знаю только один куплет из его песни. — Хаким помолчал и спросил: — Который час, агасы?

— Скоро полночь. А мы сейчас как раз на полдороге между Барбастау и Ханкулем.

---

[1] Агасы — дядя.

— На полпути между Барбастау и Ханкулем? — переспросил Хаким. — Точно ли так?

— Точно середина. Вон, видишь холм Каракстау?

— Выходит, на рассвете будем в Анхате?

— Даже раньше. Видишь, как идут нары! Завтра днем дойдем до самого Кзыл-Уйя.

Хаким пригнулся ниже к телеге и пристально всмотрелся в темноту. Действительно, справа поодаль от дороги чернел небольшой холмик, похожий на кучу мусора.

«Каракстау, — Хаким вздрогнул. — Это условленное место. Пора...»

Он приподнялся и запел во весь голос:

Подо мною конь вороной скачет.
Чалых когда-то гнали с Яика.
Но к рукам приберем табун, мой мальчик,—
Новый пригоним со свистом и гиком.

Усатый всадник подъехал ближе и умоляюще сказал:

— Тише, тише, мирза.

Но Хаким сделал вид, будто не слышал его слов, и продолжал еще громче:

Но к рукам приберем табун, мой мальчик,—
Новый пригоним со свистом и гиком.

Если даже за несколько верст от дороги есть люди, они непременно услышат песню.

6

Пустынной кажется огромная степь. Не на чем остановиться взору. Лишь кое-где возвышаются одинокие курганы, овеянные легендами. Народ никогда не перестает о них говорить. Один из таких холмов называется «Сырымшыккан». Это название говорит о том, что когда-то на вершине холма был батыр Сырым.

Если взобраться на вершину холма, то можно увидеть круто изогнутый, точно голубая сабля, Яик, селения, расположенные вдоль реки, и, словно мираж, дома большого города. Это Уральск. А с другой стороны лежит изумрудный Ханкуль, точно тостаган — чаша — из зеленого полированного дерева.

Путники, движущиеся по большой дороге от Барбастау до Копирли, кажутся муравьями, а караваны — точно нитки с нанизанными на них бусами. Время от времени вдали виднеются табуны коней, похожие на камешки, брошенные гадальщиком.

Говорят, будто батыр Сырым велел тысяче джигитов насыпать этот курган за время, пока успеет закипеть молоко, чтобы увидеть своих врагов, находившихся в сорока верстах.

Сегодня на вершине этого холма стоял Абдрахман.

Он стоял, точно алиф [1], и смотрел в сторону Барбастау. Он пристально следил за крошечной точкой, что отделилась от табуна коней, точно откатилось просяное зернышко.

Солнце, багровея, тяжело опускалось к горизонту, зной заметно спал.

Черная точка, похожая на просяное зернышко, — всадник. Всадник увидел на холме Абдрахмана, видимо, казавшегося ему с расстояния пятнадцати километров не толще былинки, и соскочил с коня. Отвел его в сторону, потом снова сел в седло и поскакал на запад по направлению к озеру Ханкуль. Скакал долго, точно птица, летевшая над землей. Затем развернулся и поскакал в обратную сторону.

Глаза Абдрахмана, следившего за ним, устали от напряжения, но он отлично понял, что это означает.

Всадник был джигитом из отряда Қапи. Все они носили широкие шекпены из верблюжьей шерсти, оружие держали под полой шекпена, на плече же у них всегда был курук. Они ничем внешне не отличались от табунщиков.

Еще накануне вечером люди из отряда Қапи, получив известие о движении обоза Ахметши, выехали в степь, а сегодня прятались среди табунов коней, ожидая сигнала. И вот условный сигнал был подан.

Абдрахман торопливо спустился с холма к своему отряду. Қ полуночи он должен был вывести джигитов к кургану, что на полпути к Барабастау, и встретить обоз Ахметши...

* * *

Песня Хакима понравилась и Аблаеву.

«Смотри, как этот хитрец заливается,— пробормотал он. — Подожди, эта песня будет для тебя последней».

— Скажи ему, чтобы заткнулся! — сказал офицер одному из джигитов. — Здесь нет девушек, чтобы слушать его.

Джигит не расслышал и, подъехав поближе, спросил:

— Что изволите? Девушек нет, говорите?

— Идиот! — закричал взбешенный Аблаев. — Я тебе говорю — прекрати эту песню. У, верблюд. Ума ни крупинки.

— Есть, господин, — ответил джигит и развернул коня. Но в конец обоза он не поскакал, а стал дожидаться, когда подъедет последний фургон.

---

[1] Алиф — буква «а» в старинной арабской письменности, обозначавшаяся прямой вертикальной палочкой.

Аблаев не знал имен солдат, отряженных для сопровождения обоза. Уже перед самым отъездом из Уральска он отобрал пятнадцать рослых и сильных джигитов.

— Мне нужно, чтобы все боялись их вида, — сказал офицер.

Среди этих великанов, каждый из которых свободно мог унести на своих широченных плечах двух человек, находился Каримгали, сын сыбызгиста Каипкожи.

Каримгали из всех людей обоза знал только молчаливого караван-баши и его мальчика, что пас верблюдов. А того, кто пел, он и в глаза не видел.

«Кто это поет, — подумал Каримгали.— С чего поет в такую ночь? Вот если бы была сыбызга, на которой играл мой отец, то можно было бы сыграть...»

В этот-то миг его и окликнул Аблаев. Задумавшийся о своем Каримгали сразу не понял приказания...

Когда последняя телега поравнялась с ним, он, досадуя на свою оплошность, закричал громовым голосом:

— Здесь нет девушек, чтобы песни распевать! Заткни глотку или плетью огрею!

Хаким умолк. Он испугался, что Каримгали узнает его и поднимет на ноги весь караван.

«Уж лучше молчать, — подумал он. — Вот где пришлось встретиться с этим несчастным сородичем-горемыкой. Если наши нападут на караван, первая же пуля сразит Каримгали. Лучшую мишень для винтовки трудно себе представить. Что же делать?..»

Внезапно впереди раздался громкий окрик:

— Стой!

Хаким вздрогнул. Он не успел ничего разглядеть, как одновременно грянули два винтовочных выстрела.

Эхо с невероятной быстротой понеслось в пустоту степи.

Люди Аблаева, испуганные этими ночными выстрелами, растерялись.

Всадник, ехавший рядом с Хакимом, в страхе промолвил «алла» и прижался к телеге.

Хаким видел, как заметался, дергая коня за повод, Каримгали, этот наивный и робкий верзила.

— Каримгали! Каримгали! — закричал Хаким. — Слезай с коня, быстрее! С коня и под телегу, красные пришли.

Каримгали едва понял смысл слов Хакима и, спрыгнув с лошади, бросился к телеге.

— Хаким, откуда ты взялся? — спросил он, задыхаясь.

Хаким стоял с другой стороны телеги. Он сочувственно смотрел на перепуганного Каримгали. Удивляться было не-

чему. Не мог этот парень, не отличавший черного от белого, за две недели превратиться в бывалого солдата.

— Сюда прячься. Все прячьтесь под телеги,— сказал Хаким, — бросайте оружие, иначе всех перестреляют.

* * *

Аблаев вначале тоже испугался. Но он не допускал мысли, что в этом месте может встретиться вооруженный отряд красных, и решил, что обоз выстрелом из винтовки остановил конный казачий разъезд, обычно объезжавший по ночам эти места.

— Вы кто такие? — выходя вперед, с достоинством спросил Аблаев.

— Что за груз везете? — спросил голос из темноты.

— Господа, прошу проверить без выстрелов и без крика,— ответил Аблаев.— Это обоз Войскового правительства. Идет в Джамбейту. Вот документы. Я начальник отряда.

Вооруженные люди Айтиева окружили Аблаева и сопровождающих его двух солдат.

— Офицера и этих возьмите под арест, — сказал Абдрахман. — Обыщите обоз. Если они везут оружие, снимите с них голову!

Аблаев слышал, что перед ним казах, но не знал, что это тот самый Айтиев, которого преследовал он с весны.

— Господа, груз проверялся в городе, — запротестовал было Аблаев.— Вы не имеете права задерживать нас. Вот удостоверение Войскового правительства. Я не допущу самоуправства.

Но обнаженные сабли, сверкнувшие в темноте, заставили его замолчать.

Кто-то схватил Аблаева за шиворот, кто-то вырвал из кобуры наган. И Аблаев только тут все понял. Однако он продолжал лепетать нелепо и бессвязно:

— Господа, это обоз Войскового правительства. Не имеете права ночью задерживать нас в пути. Вы за это ответите...

В это время раздался сильный голос казаха, говорившего перед тем по-русски:

— Всем сдать оружие. В случае вооруженного сопротивления открываем огонь по обозу из двух пулеметов. Обоз окружен Красной Армией.

Рослые джигиты Аблаева, которые должны были на всех нагонять страх, не только побросали оружие, но и забились под телеги и под верблюдов.

Плечистый джигит, что ехал рядом с Хакимом, вполголоса сказал Каримгали:

— Слышишь? Это казах... Выходит, казахи тоже становятся красными... И мы казахи. Может быть, нас не тронут?..

Но Каримгали ничего не ответил. Он был так ошеломлен всем происшедшим, встречей с Хакимом, ночным нападением на обоз, что не мог всего этого осмыслить. Помолчав, он вдруг сказал:

— Наш Хаким везде. Пай, пай! Там Хаким, тут Хаким. Нет места, где бы не был Хаким. Даже ночью встретился.

На лице Каримгали появилась детская простодушная улыбка. Но некому было смотреть на него, все думали только о том, как спасти свою голову.

Тем временем люди Абдрахмана разоружили конвой, согнали всех великанов в кучу.

— Сколько было людей в конвое?

— Пятнадцать солдат, два караванщика и офицер. Верблюдов — двадцать один и одиннадцать фургонов с оружием. А сколько оружия, знает Аблаев, — доложил Хаким.

Абдрахман выслушал Хакима и повернулся к группе пленных джигитов.

— Ханские солдаты! — сказал он. — Знаете ли вы сами, что делаете? Да откуда вам знать? Вы, темные, заблудившиеся люди, везете оружие своему врагу Жаханше от кровавого атамана Мартынова. Думали ли вы, зачем и кому нужны эти винтовки? Они нужны ханам и атаманам, чтобы заткнуть рот своему народу, который не хочет больше быть у них в рабстве. А народ — это вы. И, не понимая, что делаете, вы служите своим врагам. Вы совершили преступление против своего народа. Но мы знаем, что вы неграмотные, обманутые люди, и поэтому не станем вас судить. Отправляйтесь домой, и пусть никогда больше ваши руки не возьмут оружие, чтобы защищать ханов и господ. Мы освобождаем всех, кроме Аблаева.

— Пусть множится твое потомство, агатай! — сказал один из джигитов. — Не по своей воле мы здесь. Клянемся тебе, не будем больше служить хану.

Аблаев понял, что ему несдобровать.

— Господин, — дрожащим голосам заговорил он,— я тоже не виноват. Мне приказали вести караван в Джамбейту... Я обещаю не служить больше ханским властям, не брать в руки оружия... Пощадите меня...

Совсем недавно Аблаев казался Хакиму жестоким и властным человеком. Холодный упрямый взгляд его злых глаз не обещал ничего хорошего. А сейчас он, позабыв о своей офицерской чести, униженно умолял пощадить его.

— Господин Аблаев, не к лицу офицеру так себя вести,— сказал Хаким.

Аблаев бросился Хакиму в ноги.

— Господин Жунусов, я знаю, вы осуждаете меня. Но я не виноват. Я никогда не желал зла своему народу. Вчера мне приказали сопровождать этот караван, и я выполнял приказ так же, как эти солдаты. Господин Жунусов, существует древний казахский обычай щадить побежденных. Клянусь вам до конца своих дней не поднимать руки против Советов. Пощадите меня.

Хакиму стало жаль Аблаева.

— Абеке, — сказал он, — если джигит падает в ноги — это значит, что он умер заживо. Пощадите его.

Абдрахман на это ничего не ответил. Он повернул коня и сказал:

— Пора в путь, товарищи.

Снова заскрипели подводы. Длинный караван двинулся на восток. Он уходил все дальше и дальше в серую предрассветную мглу.

На дороге осталась горстка людей, растерянных, молчаливых. Среди них стоял и Аблаев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Маленький пастушонок достал спрятанные от дождя круглые сухие жапа[1] и разжег костер. Стало тепло, как в юрте. Пламя приятным жаром обдавало ему личико. От пунцовых жапа накалились камешки. Мальчик сложил их в костер вместе с сухими жапа.

Круглое личико пастушонка раскраснелось. Он следил за огнем.

Как красивы раскаленные докрасна пестрые камешки, они становятся то густо-розовыми, то вишнево-коричневыми, словно отсветы на облаках, когда вечером заходит солнце.

Костер разгорелся так, что уже трудно различить, где кизяк, где камешек. Все превратилось в сплошное красное пламя. И пестро-белые камешки, покрытые черными крапинками, уже походили на пестрые цветы.

Вот мальчик достал веточкой из костра один раскаленный камешек и бросил его в молоко, стоявшее в деревянной

[1] Жапа — кизяк.

чашке с выщербленным краем. Раздался короткий звук «пш». Поверхность молока там, где упал камешек, забурлила и подернулась пленкой.

За первым камешком пастушонок бросил в молоко второй, третий... Вот уже на поверхности молока появилась белая пузырчатая пена. Мальчик бросал в чашку камешек за камешком.

Наконец молоко забурлило и стало подниматься вверх.

Маленький пастушонок сегодня, как обычно, надоил овечьего молока в чашку и вскипятил его раскаленными камешками. Мальчик продрог от холода, а горячее молоко приятно обжигало рот, к тому же оно было вкусным, потому что долго кипело.

Детское тельце, кое-как прикрытое рваной рубашкой, посинело от дождя, покрылось пупырышками и требовало тепла. Что может сравниться с овечьим молоком, когда его пьешь, сидя у жаркого костра?

Круглое личико пастушонка разрумянилось, глаза весело заблестели.

Как красиво небо после дождя! Как зелено вокруг! Для мальчика трава служила подушкой, а земля постелью.

Маленький пастушонок весь разгорелся и распарился от молока. Он немного полежал, опершись на руку подбородком, потом лег на спину и вытянулся, раскинув ножонки.

Шли вереницы пестрых облаков. Те их края, что были обращены к солнцу, белели словно снег, а глубины казались темными.

Вдали, где-то у Ханкуля, идет беловато-серый дождь. Вниз тянутся косые струи, словно нити волокна на домашнем ткацком станке, когда ткут мешковину.

Наверно, этот ветер втянул в себя дождь. Мир молчит, затаив дыхание; нигде ни шороха, ни движения, все дремлет. Не вздрогнет ни единый стебелек шелковистого ковыля, что обычно волнуется как море, остановились легкие перекати-поле, что всегда беспрестанно бегут под ветром по степи, цепляясь друг за друга.

Облака прикрыли макушку Кос-Обы и оттуда тянутся белой вереницей. Они кажутся идущими в синеве белыми нарами с вьюками на горбах. Впереди небесного каравана гордо вышагивает белоголовый атан с гибкой шеей, и кажется, его ведет за поводок караван-баши в меховой шапке.

«Они тоже кочуют, как и люди,— думает мальчик.— Вон и верблюды идут с поклажей на спине... Облака, должно быть, горячие, ведь они близко к солнцу...»

Мальчик сомкнул веки, затем с усилием открыл глаза и снова закрыл.

Спящему пастушонку нет дела до овец, что щиплют зеленую траву, омытую дождем, и уходят все дальше и дальше. Мальчик и во сне привычно покрикивает на них: «Шай! Шай!»

Пастушонка звали Кали. Он был младший сын сыбызгиста Каипкожи. Хаджи Шугул уже два года нанимал его на лето пасти ягнят и телят возле аула.

Днем, когда маленький Кали привязывал ягнят и связывал парами овец для дойки, его заставляли еще и пригонять кобылиц к жели. Больше мальчику ничего не доверялось. Мелкие поручения женщин были не в счет.

Избалованные снохи хаджи и другие аульные девушки часто брали с собой собирать кизяк и мальчика Кали. Сами они ничего не делали, лишь занимались болтовней, а Кали один таскал мешки с кизяком. Поднять их он не мог и неуклюже волочил по земле. Так он натаскивал один целый воз. Он собирал шерсть при стрижке овец, выполнял массу других поручений, которые никто не принимал во внимание.

Хаджи знал, что мальчик умеет делать все, причем делать основательно и аккуратно. И все же его два года держали возле аула, поручая разные мелкие дела.

Лишь в этом году ему позволили пасти овец, и то после того, как одного из пастухов направили в Джамбейту со стадом для ханской кухни.

Кали был очень мал ростом и невзрачен. Невозможно было поверить, что ему шел уже шестнадцатый год. Бог, видно, не захотел уделить ему частицу роста от его долговязого отца и широкогрудого великана брата. Кали ростом — как говорят казахи — выше подорожника, ниже полынки, лицо круглое, как у матери, и всегда немного красное, как пережаренный баурсак. Его маленький носик, кажется, не ухватишь и пальцами. Недаром насмешник Шугул назвал его «кошачьим носом».

Тем не менее расчетливый и хитрый хаджи Шугул ценил трудолюбие и понятливость мальчика.

Но была у Кали одна слабость — он любил поспать.

Хаджи Шугул нанял его без особых затрат.

— Кошачий нос,— сказал он,— я тебя пошлю пасти овец. Если будешь хорошо работать, получишь в награду не ягненка, а красную овцу. Ты знаешь, сколько расплодится голов от этой овцы через десять лет?

Маленький Кали молчал, удивленно уставившись на хаджи Шугула.

— У тебя даже не хватает ума подсчитать. Смотри — на второй год из одной овцы станет две, а на третий — четыре,

на четвертый — восемь, на пятый — шестнадцать, на шестой — тридцать две, на седьмой — шестьдесят четыре, на восьмой — сто двадцать восемь, на девятый — двести пятьдесят шесть, а на десятый год пятьсот двенадцать голов. На одиннадцатом же году поголовье увеличится до одной тысячи двадцати четырех овец. Понял?

Ошеломленный Қали не мог и рта разинуть. Еще бы! Он сразу стал хозяином тысячи баранов.

Ему и в голову не пришло усомниться в доводах хаджи Шугула. Ведь всегда все получалось так, как говорил хаджи Шугул, известный всей волости.

И вот с тех пор как Қали стал пастухом, из его головы не выходила мысль получить обещанную овцу с ягненком. Ту самую овцу, которая стоит тысячи.

Қали спит и во сне понукает овец: «Шай! Шай!» Кто знает, может быть, он сейчас гонит свое собственное стадо из тысячи голов на сочные луга...

Қали спит. Он давно привык спать со стадом на пастбище. Ходьба пешком, однообразный простор ковыльной степи, овцы, с утра и до вечера овцы, — все это убаюкивает, как колыбель. Особенно хочется спать после того, как согреешься теплым молоком.

О смерти отца Қали узнал вчера от табунщика Аманкула. Аманкулу никто не поручал сообщить Қали о смерти отца, он сам это сделал, по своей воле. Аманкул вовсе не считал Қали маленьким и относился к нему вполне серьезно.

Мальчик, увидев всадника, скачущего к нему, решил показать свое проворство. Он начал сгонять овец в кучу, громко крича: «Шай! Шай!»

Аманкул подъехал, слез с коня и позвал Қали.

— Иди сюда, Қалижан. — Он осмотрелся и заметил: — Ты уже стал взрослым, один справляешься с таким стадом овец. Я всегда считал тебя джигитом... Вот что, Қали, я должен сообщить тебе тяжелую весть. Иди сюда, сядь со мною. Оставь свое стадо, есть кое-что подороже этих овец...

Мальчик весь просиял от ласковых слов. Он улыбался и кивал Аманкулу.

— Твой отец, Қали, разгадал язык сыбызги. Он мог заставить свою сыбызгу быть и верблюжонком, и хромой дикой козой, и гогочущим гусем. Хорошим был сыбызгистом покойный... — Аманкул осекся, невольно проговорившись, и с тревогой взглянул на Қали, но маленький пастушонок сидел как ни в чем не бывало, кивал и продолжал улыбаться. — Покойный, — уже тверже сказал Аманкул, — был известен всему роду Қара. Много мудрых слов он сказал за свою жизнь. И вот умер... Ты ведь знаешь, что он давно болел ча-

хоткой и сам говорил, что не жилец на этом свете. Пусть же его душа обретет покой в раю.

— Пусть же душа его обретет покой в раю, — повторил Кали, продолжая улыбаться, и провел ладонью по лицу, как подобает, когда говоришь о мертвом.

Аманкул всем этим был так поражен, что сидел некоторое время в оцепенении и молча глядел на Кали.

«Что это он? Чему он улыбается? Или слышал уже эту весть от кого-то другого? Или заранее примирился с тем, что отец должен умереть. Но все равно... улыбаться тут нечему... Бывают же такие люди с каменным сердцем... А может быть, он не в своем уме?» — с тревогой подумал Аманкул и сказал:

— Ты уже джигит, Кали. Будь умен, как твой покойный отец, и удача не оставит тебя. До свидания.

Сказав это, Аманкул вскочил на коня и ускакал.

* * *

Когда огромное стадо овец дрогнуло и заволновалось, как вода от упавшего в нее камня, Кали не проснулся. Он лишь сквозь сон слабо прошептал: «Шай! Шай!»

А в это время стадо в пятьсот с лишним голов словно опрокинулось в сторону Кали. Земля содрогнулась от тысяч бегущих копыт.

Вдали прокатился гром, и с грохотом его смешался шум бегущего стада.

Прозрачный и чистый после дождя воздух, веявший над влажными травами, донес до волчицы овечий запах. Она подняла морду навстречу теплым запахам свалявшейся овечьей шерсти, судорожно глотнула воздух и рысью побежала вперед, прячась в ложбине среди бугорков.

Перевалив через бугор, волчица увидела стадо. Клыки ее звонко лязгнули. Она припала еще ниже к траве и стала подбираться к стаду, прячась за низкорослыми кустарниками.

Голодная волчица, оставившая в логове своих детенышей, совсем опьянела от овечьего запаха, жилистые ноги ее напряженно задрожали, пасть раскрылась, обнажились белые огромные клыки.

Ее мало беспокоил слабый человеческий запах, доносившийся со стороны стада. Жилистые ноги, словно стальные пружины, неудержимо несли ее вперед.

Робкие жирные животные медленно двигались в траве, семенили копытцами, еще не почуяв смертельной опасности.

Длинное тело волчицы словно струилось среди травы.

И вдруг овцы почуяли волка. Стадо дрогнуло и шарахнулось в сторону.

Волчица стрелой метнулась вперед. Огромным, в три сажени, прыжком настигла овец и схватила жирного валуха, который, неуклюже повернувшись, только собрался догонять стадо. Волчица так его тряхнула, что он трижды перевернулся.

Когда баран поднялся на ноги, разбежавшаяся волчица перескочила через него и растерянно обернулась. Затем пошла на барана уже со стороны стада. Баран не собирался сопротивляться, но, не успев обернуться, он оказался прямо перед оскаленной мордой волчицы. Страшные клыки и дьявольская пасть так напугали его, что он метнулся в сторону и побежал прочь от стада.

Иногда бараны, гонимые страхом, бегут так, что и коню не догнать. И этот баран бросился наутек, словно резвый конь. Когда волчица настигала его, он мчался еще быстрее. Но робкий и глупый баран не понимал того, что коварная волчица отрезала его от стада и сейчас гнала в свое далекое логово.

Баран несся вскачь и не понимал, что только облегчает дело волчице, что ей меньше придется тащить на себе тяжелую тушу.

Перепуганное стадо между тем неслось прямо через спящего Кали. Пастушонок вскочил, снова упал, в недоумении вытаращив еще сонные, но уже испуганные глаза. Мимо него плотной массой неслись обезумевшие овцы. Вся земля гудела от бешеного бега.

Когда Кали протер своими маленькими кулачками глаза, он увидел скачущего прочь от стада барана и бегущего за ним огромного волка.

«Наверное, положил половину стада», — в ужасе подумал Кали. В глазах у него потемнело. Ему показалось, что волк не один, а несколько. И он бросился бежать, тоже обезумев от страха. Бежать в горы, в далекую Анхату.

2

Нурым, горячий, порывистый, непременно достигавший своей цели, чувствовал себя опустошенным: никак не выдается случай блеснуть ярким, разящим словом акына, безумной удалью в бою. Юноша Ораз, острый на язык, много повидавший, образованный, нередко говорил ему: «Нагаши, тебе надо быть всегда в гуще молодежи. Ты должен стать ее голосом, ее песнью». Запали в душу Нурыма эти слова, все

чаще стала тревожить его беспокойная мысль: «Что мне делать здесь, в ауле?» Но тут же являлась другая мысль: «А куда мне из аула податься?» Сейчас нет тех беззаботных вечеринок, где можно было среди молодежи, как прежде, до утра петь песни и веселиться; нет шумных тоев в аулах, где можно поразвлечься, нет Хакима, с кем можно посоветоваться, нет рядом умного Ораза — один Нурым, как баксы [1], которого покинули вдруг духи. Одно развлечение — покос... Маячит перед глазами суетливый, неуклюжий Бекей. Бесконечны его вздохи, неутомим стрекот кузнечиков... Сегодня и степь показалась Нурыму особенно унылой. Каждый день на покос, на жнивье вдоль реки тянулись подводы, люди; сегодня их почему-то не видно. Только вон там, вдали, скачет одинокий верховой в сторону скособоченной землянки старухи, вдовы покойного сыбызгиста Каипкожи. Даже не пытаясь разузнать, кто это может быть, Нурым завалился в тени копны. Задумался, ушел в себя и не заметил, сколько времени пролежал в забытьи.

— Сено лежит в копнах. Дождь нагрянет — все пропало, все сгниет,— недовольно пробурчал возле его уха Бекей.— Ты совсем распустился, лоботряс.

Нурым продолжал лежать, будто ничего не расслышал. Сам не зная с чего, вдруг начал шептать:

... Не разводя костра на снегу,
Чтобы зажарить наскоро дичь,
Не изломав всех ребер врагу,—
Цели герой не может достичь...

— Эй, парень, слышишь... обленился ты, говорю.

Нурым снова повторил полюбившиеся строки, словно разговаривая сам с собой. Он действительно не расслышал слов Бекея и удивленно уставился на него: «Что это Беке сегодня так разговорчив?» На лице ворчливого старика, минуту назад еле сдерживавшего свой гнев, вдруг появилось тревожно жалостливое выражение. Бекей со страхом заметил, как у Нурыма шевелились губы. Ему даже показалось, что у юноши стали влажными глаза, точно у ребенка, собиравшегося заплакать. Заметив растерянность Бекея, Нурым чуть не рассмеялся, но тут же нахмурился.

— Астафыралла, аруак! — проговорил Бекей, еще более испугавшись. — Астафыралла! — Он отступил назад, не отрывая глаз от губ Нурыма. Нурым только теперь понял, чего так испугался Бекей.

— Видать, бес вселился в меня. Ауп, ауп, ей, ауп! — задвигал лопатками Нурым.

---

[1] Баксы — колдун.

Бекей давно заметил, что Нурыма временами посещает нечистая сила. Когда тот заучивал стихи, новые песни, начинал вдруг шевелить губами и что-то бормотать про себя. Добродушный и недалекий Бекей приходил в ужас. И сейчас, увидев, как посинело темно-серое лицо Нурыма, который к тому же весь день хмурился и работал спустя рукава, Бекей решил, что джигита корежит бес.

— Нурымжан, дорогой, помяни дух предков!

— Прошло, Беке, полегчало,—рассмеялся Нурым, подняв голову.

Он вдруг заметил, как из-за землянки вдовы Каипкожи выскочил верховой, а впереди него суматошно несся какой-то мальчишка.

— Кто это там, Беке? — спросил он. — Вон про того конника спрашиваю.

Бекей сразу узнал:

— Это же Нурыш, хаджи Шугула сынок.

— А что он тут ищет?

— Он за мальчишкой Кали приехал. За своим пастушонком. Гонит его обратно...

Нурым помрачнел. Он живо представил, как везли тело Баки, как Шугул не позволил хоронить Баки на кладбище Ереке, где покоились предки хаджи, как волки разорвали валуха и мальчик Кали со страху бежал домой, а Нурым спас его, не отдал в руки разъяренного джигита. Он вспомнил отчаянный визг забитого мальчишки: «Убьют меня, убьют!» Нурым побледнел, изменился в лице.

Перепелкой метался мальчик впереди всадника и, поняв, что не уйти, круто повернул и бросился назад. Нурыш, сделав вынужденный круг, настиг Кали и взмахнул камчой. Юлой завертелся мальчик и проскочил под брюхом лошади на другую сторону. Всаднику удалось резко повернуть коня; натянув поводья, он несколько раз кряду со свистом опустил камчу...

Нурым, не раздумывая, кинулся на помощь мальчику. Рослый джигит и шагом преодолеет немалое расстояние, а уж побежит — пусть вразкачку, — ветер не догонит. Как буря, широко закидывая ноги, помчался Нурым. Предчувствуя беду, но не в силах ее предотвратить, Бекей лишь зачмокал губами:

— У-у, как несется, шайтан, глянь на него...

Не поймешь, кого он осуждал: то ли побежавшего Нурыма, то ли преследователя Нурыша.

Нурыш не заметил Нурыма. Словно сапожник, попеременно орудующий то шилом, то дратвой, он, не поднимая головы, злобно дергал поводья то влево, то вправо и, наце-

лясь, бил мальчика вшестеро плетенной камчой. Нурыма он заметил, лишь когда тот появился рядом. Но, как благочестивый мулла, спутавший молитву, он только мельком покосился на подбежавшего, словно недовольный тем, что его напрасно отвлекли, и прохрипел:

— Оголтелое дурачье! Своей выгоды не понимают! Эх, черт, вот я тебя!..

В злобной суматохе он даже не узнал Нурыма и с удивлением глянул на него, как бы спрашивая: «Где это я тебя видел?» Потом, решив вдруг, что человек пришел ему на помощь, сказал:

— Поймай мне этого дурня, не знающего своей выгоды!

Пастушонок тем временем прибег к последней хитрости: стал вертеться у лошадиного хвоста. Мальчик тоже разозлился, он даже не плакал, стиснул зубы и не прочь был запустить камень в своего обидчика. Но на плоской равнине Каракуги камня не сыщешь. Увертываясь от камчи, он все же умудрился как-то вырвать увесистый курай и хотел швырнуть его в лицо всадника, но тут заметил бежавшего во всю прыть Нурыма. Увидев заступника, маленький беглец расхрабрился, точно козленок, в ярости бодающий верблюда, схватил обеими руками курай и, приподняв левое плечо, широко размахнулся.

— Зачем трогаешь мальчонку?! Он ведь не убил твоего отца. И Шугул, кажется, жив?! — крикнул Нурым.

Его плечи поднимались, как кузнечные мехи,— он еле переводил дыхание от ярости и быстрого бега. Нурыш на миг растерялся. Только теперь понял он, что перед ним известный забияка Нурым и что он спешил сюда не для того, чтобы взгреть мальчонку, а, наоборот, заступиться за него. Резкие слова вздорного Нурыма, задевшие честь самого хаджи Шугула, будто насквозь пронзили Нурыша.

— Чего ты гавкаешь? Чего как собака бросаешься на верхового? Или тоже спина зачесалась, а? — взревел он, угрожающе приподняв витую шестихвостую камчу.

— Да, зачесалась... Попробуй!

Нурыш не стал долго раздумывать. Хотя он не слыл ни драчуном, ни задирой, но сейчас им вдруг овладело страстное желание огреть камчой необузданного Нурыма. Ударив пятками коня, он вплотную подскочил к безоружному. Нурым не думал защищаться, скорей всего он собирался сам напасть: глаза следили за каждым движением всадника, а все тело настороженно сжалось, вспружинилось. Левой рукой он приготовился поймать камчу, а правой—ухватиться за ворот Нурыша. Испокон веков верховой чувствовал себя увереннней и сильней пешего. Нурыш, намереваясь сшибить конем

этого долговязого черного джигита и уже потом огреть камчой, привстал на стременах и размахнулся. Но, оказавшись перед человеком, присевшим будто тигр перед прыжком, конь вдруг испуганно шарахнулся, и камча, со свистом сделав в воздухе петлю и не задев Нурыма, вяло хлестнула полу нанкового бешмета. Нурыш повернул коня вторично.

— А ты, оказывается, наглец! Опять мешаешь мне проучить пастушонка. Если отец твой бий, значит, можно тебе свою прыть показывать? — распалился он.

На этот раз конь безбоязненно двинулся на пешего. Зная, что, если побежишь, — догонит, будешь стоять — конь сшибет грудью, Нурым решил во что бы то ни стало ухватиться за всадника. Но спереди не дотянешься, надо попытаться прыгнуть на него сбоку. «Ах, черт, если бы на коне прискакать, тогда бы вырвал камчу и стянул бы самого с седла», — с досадой подумал Нурым.

Подскочив почти вплотную к человеку, недобро изогнувшемуся перед прыжком, конь снова отпрянул в сторону. Снова взвилась камча и на этот раз хлестнула Нурыма, обвилась вокруг правой руки выше локтя, а кончик звучно хлестнул по бедру. Когда всадник дернул ее к себе, рослый Нурым в броске ухватился за черенок. Плеть будто припаялась к сведенной судорогой руке — теперь она или оборвется, или Нурыш ее выпустит. Пробежав с разгона несколько шагов возле коня, Нурым на мгновение уперся ногами, изо всей силы потянул плеть к себе и, когда всадник накренился в седле, одним прыжком достал его и ухватился за полы бешмета. Камчу, однако, он не выпустил, опасаясь, что Нурыш хлестнет его по голове. Сидя на крепком коне и сам не хлипкого сложения, байский сын не слетел с седла: как ребенок ухватившись левой рукой за гриву, крепко прижав колени к бокам коня, он больно ударил скакуна пятками, намереваясь поволочить Нурыма по земле, как козленка при козлодрании, и даже проволок его несколько шагов. Нурыш был в бешмете и поверх него еще в красном ватном чапане, так что Нурыму было за что держаться. По всему было видно, что Нурым не отпустит теперь сплоховавшего всадника, пока не стянет его с коня или не оборвет полы чапана вместе с камчой. От боли и позора, что его волочат, как тушку при кокпаре, Нурым рассвирепел: глаза налились кровью, лицо побагровело, в висках свело мышцы. Что бы там ни случилось, он должен стянуть, свалить, швырнуть на землю, подмять под себя надменного мирзу. Повидавший немало ссор и драк, но не участвовавший в них, Нурыш, хотя был силен и сидел на крепком коне, ничего не мог поделать с безоружным пешим джигитом. Уверенно действуя вначале, Нурыш теперь сник,

даже робость охватила его. Он уже не думал растоптать этого ненавистного черного, а пытался всего лишь вырваться, без греха улизнуть; камчу он уже отпустил и старался высвободить бешмет. Свободной рукой захватив полы чапана, Нурыш снова ударил коня ногами. Испуганно захрапев, мелко дрожа, темно-серый конь, словно увидев перед собой овраг, взметнулся вдруг резко на дыбы. Передняя подпруга с треском оборвалась, Нурыш, запрокидываясь, перелетел через голову Нурыма и грузно, мешком бухнулся оземь. Вмиг облегченный, без всадника и седла, конь рванулся, но, наступив на повод, запутался и остановился, тревожно фыркая. А Нурым, сообразив, что случилось, только теперь выпустил полы чапана и наклонился над Нурышем: видимо от ушиба, лицо его было сплошь в крови, а сам он лежал безмолвно, бесчувственно. «Не разбился ли насмерть?!»—промелькнула мысль у Нурыма.

Не чувствуя ни жалости, ни досады, обомлев на мгновение, Нурым отвернулся и пошел в сторону землянки вдовы сыбызгиста Қаипкожи. Маленький Қали, не выпуская из рук курай, почти добежал уже до торчавшей из-под земли трубы, откуда тянулся жидкий дымок.

* * *

— По словам Бекея, он вывихнул плечо и, кажется, еще не совсем пришел в себя, — рассказывал вечером Нурым учителю Халену.

Хален покачал головой, но не стал осуждать Нурыма. Совет его был короток:

— Сейчас все труднее становится бедняку доказать, что он не виновен, Нурым. Қ примеру: вспомни, как недавно взялись морочить мне голову. Пока здесь судят да рядят старшина и волостной, тебе лучше исчезнуть. Перемелется — вернешься, вот и весь мой совет.

— Значит, мне совсем уехать отсюда, Хален-ага?

— Да, — сказал Хален, помедлив. — Род Акберли тебе близок. А если захочешь узнать, что делается в городе, то там ведь живет твой нагаши, учитель Ихсан Изкулов. Он будет тебе и добрым наставником, и надежной защитой.

Наутро, когда пастухи погнали скот на выпас, Нурым оседлал белоногого мухортого коня Бекея и выехал из аула. Он не стал говорить отцу ни о причине своего поспешного отъезда, ни о том, когда думает вернуться. «Не впервой ведь уезжать из аула. Обо всем узнает после от Бекея»,— успокаивал себя Нурым.

Он направил коня по дороге в город.

3

Неутомимый в верховой езде Нурым, выезжая из аула спозаранку, прибывал в уездный центр обычно задолго до вечера. И на этот раз уже после полудня он мог бы уже въехать на городскую улицу. Всю дорогу Нурым громко, на всю степь, пел песни, но перед самым городом вдруг смолк, запечалился, поехал медленней.

С детства рос он беспечным, никогда не задумывался о завтрашнем дне. Далекий от забот о семье, о скоте, занятый только собой, Нурым незаметно выскользнул из-под сурового влияния отца и жил беспечным весельчаком: среди молодежи пел песни, среди стариков был жырши — сказителем. Не тревожили его прежде и заботы путника: «Куда приеду, где остановлюсь?» А сегодня нет-нет да всплывала тревожная, назойливая мысль: «Куда, к кому, зачем я еду?» Иногда как будто голос со стороны спрашивал: «Нурым, куда направился? Какая забота несет тебя в город?»

Ответить можно, конечно, — не в первый раз уезжать из аула. Разве не гостил он в прошлом году целый месяц в далеком Акберли и Чулане?! А в позапрошлом? Разве не разъезжал он месяцами?! Разве не бывал всегда там, где той, где веселье?

«Нет! — снова упорно набегала тревожная мысль. — Прежде было совсем другое. А сейчас, признайся, ведь не на той, не на вечеринку спешишь?»

Как ни старался Нурым настроиться на беспечный лад. мучительные сомнения не покидали его. «А что будет, если сын грозного хаджи Шугула умрет, как Баки? Ведь Баки тоже, подобно Нурышу, слетел с коня. По словам Бекея, у него тоже будто бы вывихнулось плечо. Ай, трудно верить Бекею. Если б у Нурыша был просто вывих, лежал бы он так долго без памяти? Случится с ним беда — Шугул коршуном накинется на наш аул. И никто не станет винить Нурыша, хотя он и напал первым и сам свалился с коня», — думал про себя Нурым. И тут же ясно понял, что поездка его совершенно бесцельна, всего лишь жалкая попытка укрыться, спрятаться, уйти от расправы. Он беспокойно заерзал в седле. «Ты трус! Твоя жизнь пуста. Ты беспомощный сопляк, даже не можешь постоять за себя! Другие джигиты, сверстники твои, получили образование, служат, о крае родном заботятся. А ты? На что ты способен? Чем можешь похвастаться? Как перекати-поле, куда подует ветер, туда и катишься?» — корил он себя...

— Эй! Ты!.. — неожиданно окликнул его крупный темнолицый вооруженный всадник, выскочивший вдруг из овра-

га возле Шидерты. — Ты, кажется, племянник Шагата, тот самый смуглый певец, а?

Нурым растерялся, увидев перед собой человека, о дерзких проделках которого говорила вся степь.

— Ассаламуалейкум, Маке!— поздоровался Нурым, направляя к путнику коня и почтительно протягивая обе руки.— Вы тот самый Маке? Ойпырмай...

— Едешь вступать в ханскую дружину? — спросил грозный путник, пожимая руку Нурыма.

Не отрывая от всадника глаз, не зная, что ему ответить, Нурым молча застыл на коне.

— Тот самый, тот самый Маке... который взбудоражил всю волость... — пробормотал он.

— А ты не болтай. Говори: куда направился?

— В город, Маке. Я тоже немного потревожил аул...

— В городе тебя не ждут ни тои, ни развлечения. Брось эту затею, лучше поедем со мной. Я не ошибся, ты ведь тот самый долговязый Нурым, певец Нурым, да?!

— Ойбой, Маке-ау, объясни толком, куда зовешь меня? Куда тебя самого нелегкая несет?

— Там, где Мамбет, разве бывает спокойно? То же самое, что и в прошлом году. Но если тогда за мной погнался волостной, то теперь сам хан и вся его свита на меня взъелись. Это долгий разговор, после узнаешь. Ну, а сейчас как, поедешь со мной?

— Куда?

— К старику Губайдулле.

— Я не знаком с ним. Может быть, скажешь все-таки, что случилось? Куда спешишь, куда меня зовешь?

Путник лишь махнул рукой, видать, действительно торопился.

— Недосуг болтать мне, дорогой. Завтра... нет, сегодня ночью увидимся. Ты, наверное, у Фазыла остановишься? Чего глаза вытаращил? Да, да, у Шагатова Фазыла, своего нагаши. Он ведь в городе живет, у него останавливайся. Я тоже туда заеду... Дом Фазыла недалеко от бойни.

Путник ударил коня и пустился рысью. Конь под ним был могуч, как и всадник; далеко закидывая передние ноги, вытянув гривастую шею, он несся легко, свободно, не чувствуя тяжести рослого, крепко сбитого Мамбета; хребет был чуть прогнут, мышцы на крупе ходили волнами. Нурым проводил его восхищенным взглядом. Все было загадочным: и неожиданная встреча с всадником, вывернувшимся из оврага, и торопливые его слова, за которыми чувствовалась тревога. Раньше Мамбет поражал всех своими выходками; сейчас же его непреклонный, решительный вид казался Нурыму осо-

бенно таинственным. Точно какой-то волшебник из сказки, появился и мигом исчез.

— Астафыралла! Ну и мчится! Не Мамбет — буря! Огонь! — воскликнул вслед ему Нурым.

Но Мамбет уже не слышал. Не успел Нурым опомниться, как всадник был далеко на увале.

Помедлив, покачав головой, Нурым шагом пустил коня по дороге в город. «Да благословит его всевышний! Хорошо, что встретил, он напомнил мне о Фазыле. А я и не знал, что нагаши в городе живет. Вот повезло, непременно у него остановлюсь», — подумал он облегченно.

Когда Нурым обернулся, Мамбет, рожденный для быстрой скачки, сын степей, нырнул в это время в редкий кустарник. Всадник показывался то здесь, то там. Нурым устал оглядываться, заболела шея. Мамбет долго не выходил из головы — один за другим вспоминались Нурыму события из бурной, полной приключений жизни Мамбета.

«Ну и Маке! Ну и Мамбет!» — расхохотался он вдруг, вспомнив один из случаев.

«...О чем только не вспоминает человек, когда один в пути, да еще после долгих скитаний?! — рассказывал однажды Мамбет. — Когда я вернулся в родную степь, все прошлое так и стало перед моими глазами, как живое. Еду себе один, песни пою, чтобы путь сократить. Порой от хорошего настроения кричу, но иногда скучно становится, хочется с кем-то поговорить. Ехал, ехал и вспомнил: кажется, где-то здесь останавливался аул Курлена в осеннюю стрижку овец. Заеду переночевать. И еще вспомнил, как однажды Курлен оскорбил меня, унизил словами. Я тогда молод был, не слишком остер на язык, да и силенки не хватало, тонкий был, хрупкий. Все лето пас тогда скот богача Сорокина, а к осени возвращался домой. И вот как-то по пути зашел я к Курлену. Стоял он возле своего дома.

— Ассаламуалейкум, ата! — говорю. Он быстро обернулся, выпучил на меня глаза.

— С собакой иди здоровайся, наглец! — говорит.

«Что я ему сделал?» — растерянно подумал я. Почесываю затылок и топчусь на месте, не знаю, что дальше делать... Смотрю: оказывается, бай только-только справил нужду, завязывает шнурок подштанников.

— Что за невежда, здоровается с человеком, справляющим нужду?! Прочь отсюда! — взорвался он.

— Извините, ата. Не заметил... Я так себе, божий гость. С той стороны иду. Можно заночевать у вас? До аула еще

далеко, а я устал, тридцать пять верст пешком... — вежливо ему объясняю.

Но бай снова рявкнул:

— Ты у русских работаешь. А от таких босяков добра не жди. Любой тихоня и тот — самое малое — чекмень твой сопрет. Сгинь, чтобы и духу твоего здесь не было!

По свирепым глазам его вижу, что это еще только цветики. Будто напуганный псом паршивый щенок, поплелся я дальше. А сам думаю: «Ну, погоди! Если только Мамбет не умрет, он еще о себе напомнит!»

Вот раз ехал я домой из самого ада, убежал с окопной работы из-под Бобруйска. Там, как сурки, рылись тысячи солдат, а мне вдруг захотелось встретиться с Курленом и расплатиться с ним сполна за то давнишнее унижение. Еду и думаю: интересно, а жива ли его знаменитая бело-сивая кобылица Ак-Байтал? Наверное, ходят в табуне подросшие ее жеребята — сказочные скакуны. Эх, оседлать бы одного из них. Трусит себе заезженная кляча подо мной, то пущу ее легкой рысью, то снова шагом и вдруг вижу: за перевалом в низине пасется большущая отара. Пригляделся: овец куда больше тысячи. По краям отары — два чабана, оба пешие. А немного на отшибе, на холме, на рослом гнедом коне, надменный такой, застыл всадник. По всему видать: сам бай, хозяин отары. Спрашиваю у чабана поближе. Да, говорит, отара Курлена, а тот на холме, на гнедом скакуне,— сам Курлен. Ай, бывает же так, только захочешь — и мечта точь-в-точь сбывается! Не задумываясь, я направил клячу к знатному правителю-баю. Интересно, думаю, что он будет делать, если узнает меня.

— Ассаламуалейкум, почтенный аксакал. — говорю.

— Алейкумассалам. Откуда будешь родом? Вид у тебя усталый, долог, видно, твой путь, — спрашивает он и глазами рыщет по моей одежде. А на мне — рванье рваньем.

Вижу, не узнает. Я молчу. Курлен взял в руки большую, богато выложенную серебром шахшу, собрался понюхать насыбай. Но с меня глаз не спускает — очень хочется ему знать, кто я такой.

— Аксакал, я издалека еду. Устал. Как только увидел вашу шахшу, не могу себя удержать. Можно мне хоть разок понюхать? — говорю ему.

Не отрывая от меня глаз, открыл шахшу, взял щепоточку насыбая и снова закрыл крышку; потом подвесил шахшу к седлу и прижал коленом. И опять подозрительно уставился на меня, что-то припоминая. Побоялся мне шахшу в руки дать. Возможно, он догадался о моем намерении.

— Подставь ладонь, насыплю, — говорит.

Дерзкая мысль у меня промелькнула.

— Ну-ка! — говорю и протягиваю правую руку.

— Ладонь подставь. За мою шахшу, кроме меня, ни один смертный еще не держался, — заявляет Курлен.

— Ну что ж, и на том спасибо, — говорю.

Подъехал я ближе и протянул ладонь. Курлен повесил поводья на луку седла, уселся удобней и начал потихонечку сыпать насыбай на мою ладонь. Насыпал чуть — как псу на хвост, насыпал еще...

Я, как молния, раз — шахшу и вырвал, ударил коня пятками — и в сторону! Видать, я был на самом деле страшен: испугался Курлен, даже кричать не посмел и отобрать не пытался.

— Бесстыжий! Над старым человеком решил поиздеваться, — невнятно забормотал он.

— Ты, Курлен, известный всей округе правитель. А я Мамбет, сын Уразбая. Когда я пастухом работал у Сорокина, усталый и голодный возвращался как-то домой. А ты не разрешил мне переночевать и оскорбил. «Все вы конокрады, — сказал. — Самый тихий и тот стащит чекмень хозяина». Помнишь? Забыл, а я тебе напомнил. Не вздумай пустить за мной погоню. Я твою шахшу не украл, я ее просто взял. Ты за нее ни гроша не платил, тебе ее подарил мастер, когда ты свирепствовал сорок лет управителем. Теперь шахша будет моей.

И тронул коня. Слышу, за спиной бормочет: «Вот, полудурок... У русских испортился... Иноверец!» Я не стал слушать, уехал. Потом надумал заехать к нему в дом и передать шахшу байбише. Зачем она мне? Первым среди смертных я подержался за шахшу и все, что надо, высказал хозяину. Кажется, теперь в расчете. Вошел, попросил у байбише кумысу. Старуха оказалась доброй, подала мне огромную чашку золотистого осеннего кумыса. Выпил я с наслаждением, поблагодарил старуху, вытащил шахшу.

— Передайте правителю, — говорю.

Отправился дальше. Но этим дело не закончилось. Проехал версту, слышу позади себя грозно:

— Аттан! Аттан!

Какие-то крики, гвалт. «В чем дело? — думаю. — Неужто бай и в самом деле пустил джигитов в погоню? Зачем? Я же оставил шахшу у байбише». Все ясней слышу топот коней и лай собак. Не успел отъехать версты две-три от аула, как увидел погоню — мчатся двое верховых с соилами [1] в руках. Я не стал удирать, идет мой мерин труском. Но пригляделся,

[1] Соил — дубина.

кто гонится. Один совсем мальчишка, другой — средних лет. Орут во всю глотку и мчатся галопом. Вижу, что уйти от погони невозможно, под мальчишкой вихрем несется Ак-Байтал. «Ба, да это же и есть знаменитая кобылица!»— изумился я. Забурлила в моих жилах кровь, решил я с ними схватиться и в сердцах огрел камчой свою клячу. Сивая кобылица камнем пролетела мимо меня — малый взмахнул длинной плетью, но меня не задел, промахнулся, видать, неопытный еще, лет четырнадцати — пятнадцати. Пока он, сделав круг, возвращался, сзади стал настигать меня верзила на гнедом. «Этот глупец решил, видимо, расшибить мне голову!» — подумал я и, глянув на соил, круто повернул клячу в сторону. Мне ничего не оставалось, как отбить соил и, если удастся, пустить в ход камчу. По всему видно, верзила надеялся не столько на ловкость, сколько на свою силу: по-бабьи обеими руками поднял несуразно длинный соил. А конь под ним, растянув брюхо, все набирал скорость. Раздумывать некогда — будь что будет, я наметом пустил клячу навстречу гнедому. В таких случаях удирать бесполезно: если тебя догонят — соил неминуемо опустится тебе либо на голову, либо на плечо, а сойдешься вплотную, соил, минуя голову, угодит либо по крупу лошади, либо с размаху уткнется в землю, и тогда горе самому преследователю, — без увечья не обойтись. Я пошел на хитрость: разгорячил коня, прижался к гриве и, пока этот дурень готовился опустить соил, ловко подскочил вплотную. Мгновенно схватил его за правую ногу и стащил с седла. Конь его ускакал вперед, соил отлетел в сторону, сам он — в другую. А мне наплевать, я насчет сивой кобылицы уже прикидываю.

«Ну, дай-то бог удачи!— думаю про себя.—Догнать мальца невозможно, надо как-то обмануть». Рысцой поехал вперед, чтобы заманить. Не обращая внимания на свалившегося джигита, мальчик снова как вихрь пролетел мимо меня, размахивая соилом. Я и ухом не повел, еду себе потихоньку.

В третий раз мальчишка проскакал совсем близко. Но я опять будто не замечаю, еду дальше. В четвертый раз он пронесся почти рядом и кричит:

— Бросай шахшу!

Пока он проскакал вперед, я тем временем отвязал от седла тонкий длинный аркан, который всегда при мне, намотал один конец на левую руку, правой приготовил петлю. Лишь бы малый не заметил, думаю. Но тот увлекся скачкой, ему не до аркана.

— Отдай шахшу! Все равно не пропущу. Буду держать тебя, пока на подмогу не придут джигиты! — грозится он писклявым голоском.

«А мне того и надо, чтобы ты не отставал», — думаю. Наконец сопляк так увлекся, так разошелся, что на десятом — или уж не помню, на каком, — заходе чуть не задел меня стременем. И вот тут я и метнул петлю на шею сивой кобылицы и, упершись в стремена, изо всей силы потянул аркан к себе. Кобылица вздрогнула и остановилась как вкопанная. «Вот и все!» — закричал я громко. Сам тяну за аркан, все туже затягивая петлю. Слышу, как бедное животное уже хрипит. Мальчонка во все горло заревел. Я осторожно, будто изловил необузданного стригунка, не выпуская аркана, подъехал к застывшей на месте кобылице и ухватился за повод. Кобылица вся дрожит. На мальчике лица нет. Я спрыгнул наземь, снял петлю, погладил шею кобылицы, успокоил. Потом снял с клячи седло и, ссадив мальчишку, перенес на кобылицу. Поехал дальше на ней, а лихому преследователю оставил свою клячу...»

Этот рассказ Нурым слышал от самого Мамбета. А сколько было таких историй в его неугомонной жизни!

«Ну и Маке! Ну и Мамбет! Твои дни что вихрь в степи. Ты, наверное, опять угнал чужого скакуна? Или снова натворил такое, что уездное начальство не в силах опомниться, как в тот год, когда лишил покоя волостного Лукпана? «Теперь сам хан и вся свита его взъелись на меня», — говорит. Значит, что-то натворил. Неспроста сказал», — думал Нурым.

Фазыл, сын Шагата, приходился Нурыму нагаши. Нурым и не знал, что он живет в городе.

Громко здороваясь, Нурым вошел в дом Фазыла.

— Эй, озорник! Певец-жиен! Проходи! Усаживайся! — обнимая и целуя его, радостно засуетился добродушный Фазыл. — Ойпырмау, ты, наверное, каждый год на аршин вырастаешь. В прошлом году ты был как я, а теперь на целый аршин, нет, на два аршина вырос!

— Молодой растет, бедный богатеет, — ответил Нурым, неожиданно переиначив известную пословицу.

— Что-то я не видел, чтобы бедный богател, а вот что ты вымахал — вижу. Сестра и зять здоровы?

— Здоровы, привет передали, — выпалил Нурым и покраснел. Ему показалось, что он совершает грех, не сказав, что убежал из дома, что даже и не предполагал остановиться у Фазыла, а теперь вдруг торопливо говорит: «привет передали». Но греха его Фазыл не заметил.

— Ты тоже в войско записаться приехал, озорник-жиен? — спросил Фазыл, сделав озабоченное лицо.

Растерянному Нурыму этот вопрос снова напомнил Мамбета.

— Фазеке, по дороге я встретил Маке, он чем-то встре-

вожен, гнал во весь дух куда-то. Он тоже спросил, не в войско ли записываться спешу. Иди, говорит, лучше в мое войско. Даже настаивал: иди да иди. Что, разве в город едут только для того, чтобы записаться в ханское войско? Вы, кажется, чем-то озабочены, недовольны...

Нурым изучающе оглядел кряжистую, чуть сутулую фигуру Фазыла, безбородое лицо в мелких красных прожилках, нахмурившиеся брови над тускловатыми глазами.

Фазыл насторожился:

— Что за Маке?

— Да тот самый Маке, не помню имени его отца.

— Мало ли на свете разных Маке?

— Нет, таких мало. Это известный Черный Маке.

— Мамбет, что ли?

— Да.

— Мамбет Уразбаев! Где ты его встретил?

Фазыл просветлел, брови удивленно приподнялись.

— Да, знаменитый Маке. Силач Маке. Домбрист Маке, — горячо подхватил Нурым.— А чему вы удивляетесь, Фазеке? Под ним был его могучий черный конь. И мчался так, что пыль столбом. «Разговор есть... вечером потолкуем», — бросил он. Сам понесся к учителю Губайдулле.

— Тшш! — прошипел Фазыл, будто кто-то мог услышать. — Тише говори, Нурым. Уж чего-чего, а слухачей сейчас хватает. Весь город сбился с ног — ищут Мамбета.

Нурым заговорил шепотом:

— А что он мог натворить?

— Об этом я не буду говорить, а ты не спрашивай. Страх! Не страх, а ужас один. Народ только об этом и говорит.

— Может быть, может быть. Маке на все способен. А все же что он наделал?

— Ты знаешь, когда произносят имя Мамбета Уразбаева, дети со страху перестают плакать. В начале лета он прибыл сюда с десятью джигитами и записался в отряд Жаханши. Русский язык он знает, отважен и способен, поэтому назначили его начальником интендантской службы. Аргамаки самого Жаханши, обученные кони командиров — вся конница в руках Мамбета. Захочет — даст коня, не захочет — самому Жаханше не даст. Вчера Мамбета вызвал подполковник Кириллов и давай ругать: «Почему коней не хватает? Ты разболтался, разбазариваешь коней».— «Я тебе не подчиняюсь, хватит мне гнуть спину перед казаками,— отвечает Мамбет. — И признавать тебя не стану!» Тогда Кириллов распорядился посадить его на гауптвахту. Но Мамбет избил двух солдат, которые пришли за ним, и ворвался в кабинет Кирил-

лова. «Сейчас же убирайся отсюда, валяй к своему атаману Мартынову. Иначе башку срублю», — говорит. Кириллов за наган. Мамбет вырвал наган, связал подполковнику руки назад, плотно закрыл дверь и ушел восвояси. Казаки, стоявшие за дверью, ничего не слышали, а если и услышали, вряд ли посмели бы задержать Мамбета. После того как Кириллову развязали руки, он приказал: «Задержать и предать военному суду!» Но Мамбет как в воду канул. Ищут по всему городу, да что толку.

— Собственными глазами, возле Шидерты... — начал было Нурым, но Фазыл поспешно перебил:

— Держи язык за зубами! Не вздумай болтать: «Видел, слышал». Арун-тюре объявил, что он красный болшабай [1], бежавший с окопных работ, что он из числа изменников-кердеринцев, посланный для разложения ханского войска. Ты знаешь, кто такие изменники-кердеринцы?

— О Фазеке, ведь Кердери — большой род. Откуда мне знать? — ответил Нурым и продолжал изумленно: — Ай да Маке! Вот джигит!

— Кердеринцев много, но изменник-кердеринец, который на стороне красных, то есть на стороне Айтиева и Бахитжана Каратаева...

Нурым вскинул брови.

— Айтиев все лето был у нас. Точнее говоря, весной, около двух месяцев. Почему его называют изменником? Он любил простой народ. Истинный учитель, наставник нашего Хакима. Мой отец очень уважает его. Если Мамбет вместе с Айтиевым, то он нашел себе умного товарища,—горячо проговорил Нурым

— Ну, это как сказать,— ответил Фазыл неопределенно, но последние слова Нурыма, видать, пришлись хозяину по душе: он погладил голый подбородок, потом чуть закрутил кончики редких рыжеватых усов, помедлил и продолжал рассказывать о Мамбете:— Что скажешь о таком джигите? Телом вон какой: крепкий, сбитый, как пень. Лицо тяжелое, изрытое оспой. Кулачищами может кол забивать. Там, где шагнет, все живое в сторону шарахается. Медведь, да и только! Верно?! А нрав? Однажды женщины аула, пожилые, молодые — все, собрались и решили поколотить Мамбета. «Давайте набросимся сообща на этого чертяку, снимем штаны из шкурок и наденем на его непутевую голову. А то совсем, дьявол, распоясался: где схватит — там синяк, начнешь отбиваться — свалит тебя и платье на голову натянет, хоть задохнись, припрячешь еду — нет, найдет да и тут же слопает. Давайте проучим его хорошенько!» Собрались они в одном доме, пятнадцать женщин, и пригласи-

[1] Болшабай — искаженное «большевик».

ли Мамбета к чаю. Кое-кто из них даже веревку, рассказывают, приготовил, чтобы связать Мамбету ноги. Пришел Мамбет, уселся, уплетает за обе щеки лепешку с маслом, попивает чай, но тут одна из женщин, крепкая и острая на язык, пнула его в бок и говорит: «Да подвинься ты, чучело. Ишь раскорячился, сколько места занял». И тут все женщины, сидевшие наготове, разом навалились на Мамбета.

«Эй, посуду разобьете, сороки! Будь вас хоть тридцать, мне вы ничего не сделаете. Не троньте лучше, а то хуже будет»,— предупредил их Мамбет.

Минуты через две-три встревоженный аул прибежал к дому, откуда доносился неистовый женский визг. Оказывается, Мамбет свалил в одну кучу, словно тюки, пятнадцать женщин и уселся верхом на них. Те, что попали вниз, уже задыхались, а которые наверху визжали что есть мочи. Стоило им чуть пошевельнуться, как Мамбет предупреждал: «Спокойно!» — и щипал за бедра то одну, то другую.

Нурым смеялся до колик в животе.

— А помните, как Мамбет угнал сивую кобылицу Курлена, а потом поднял шум на две волости? — сквозь смех спросил Нурым.— Ловко он свалил пятнадцать женщин! Да еще верхом уселся. За копну сена их принял, что ли? Ай да Маке! Ну и Маке!

— Если пересказывать проделки Мамбета, можно весь вечер говорить — и не перескажешь. А как он бежал с окопной работы! Целая история. Сказка! В скольких переплетах перебывал, чего только не вытворял, пока из далекой России не дошел до Яика! История с сивой кобылицей случилась уже после того, как он перешел Яик.

— Да...— приготовился слушать Нурым, но хозяин раздумал продолжать:

— После расскажу. Когда с работы приду. Сейчас и я спешу, и тебе нужно отдохнуть. Поужинай и ложись спать.

Нурым был вынужден согласиться.

— Жаль, что спешите, я бы с удовольствием послушал про Мамбета. Вы что — ночью работаете?

— И ночью и днем. С тех пор, как образовали войско, работаем в две смены. Сегодня мой черед идти в ночную смену.

Фазыл торопливо допил чай и отправился на бойню. Нурым, оставшись один, задумался о своей судьбе. Ему смутно казалось, что и Мамбет, и его настойчивсе «поезжай со мной!» звали его, Нурыма, к чему-то неясному, неизведанному.

И до ужина, и после встреча с Мамбетом не выходила из головы.

4

Нурым спал крепко. Дорога в шестьдесят верст утомила его. Волнения последних дней, частые тревоги напрягли нервы, словно струны домбры, — теперь все это осталось позади, и он спал спокойно, безмятежно.

— Дрыхнешь до самого обеда, а я, ей-богу, еле-еле спас твоего коня. Еще хорошо, что знакомый попался,— донесся голос Фазыла, но слова не дошли до сознания Нурыма, и он повернулся на другой бок.

Голос продолжал:

— А конь у тебя приметный: круп широченный и бугрится, как опрокинутый котел! А грудь-то, грудь необъятная! Навострил камышиные уши! Морда длинная, сухая, выхоленный, выхоженный, конь-огонь! Не раз, наверно, приходил первым на состязаниях твой белоногий мухортый! Красавец! Глаз не оторвешь...

«Фазыл говорит... Куда это я попал?..» Даже открыв глаза, Нурым не сразу сообразил, где очутился. Лишь когда Фазыл подошел в третий раз, он наконец опомнился.

— Нурым, женге твоя уже чай приготовила. Выспался?

— А мне казалось, что вы приснились, Фазеке. Вы говорили про моего коня? Он что, отвязался, убежал?

— Чуть-чуть не убежал. Если бы не я...

— Да, есть у него такая привычка. Домой небось подался?

— Хорошо, если домой. А как попал бы в лапы солдат, тогда вернуть его труднее вдовьей тяжбы.

— А что, солдаты облюбовали?

— У них разговор короткий: «Возьмем для казны» — и точка. Есть такой закон — без разговора забирать хороших коней. А кто из начальства не пожелает оседлать белоногого мухортого скакуна!

— Что за порядки?! В аулах солдатня за коней людей избивает, в городе забирают коней в казну! — возмутился Нурым, быстро одеваясь.

— Все из-за вчерашнего смутьяна...

— Чего они так взъелись на Мамбета?!

— О, ты еще не все знаешь. То, что я рассказал вчера, пустяки... — загадочно сказал Фазыл, усаживаясь на корточки.

— Еще что-то натворил?

— Ночью пришел в казарму и увел своих товарищей. Страшный тарарам поднял! «Не подчиняйтесь белым казакам! Свяжите Кириллова и гоните его в Уральск! Он хочет

натравить нас против красных! Не поддавайтесь обману! Бейте белых офицеров!» — вот так кричал. А потом вдобавок увел несколько лучших коней вместе с белым аргамаком Кириллова...

— Да ну?

— Ой, страх один! Всю ночь рыскали сыщики по городу. Офицерье сбилось с ног. Но Мамбета и след простыл. Куда исчез — неизвестно...

Нурым не спускал изумленных глаз с Фазыла.

— Не найдут,— помолчав, сказал Фазыл. — Не так-то просто поймать Мамбета. Может быть, он уже там, где должен быть.

— А где он должен быть?

Фазыл внимательно посмотрел в глаза Нурыма.

— У кердеринцев, — сказал он шепотом.

— А что шептать-то, Фазеке. Говорил же он, что нашел себе верных друзей.

— Видать, и ты примкнешь к Мамбету, — решил вдруг хозяин дома.

— Кто знает... Значит, Мамбет подался к кердеринцам?

— К кердеринцам еще многие подадутся.

Нурым задумался. «И почему я не ушел с Хакимом?! Были бы вместе, шли бы плечом к плечу. Не вышло... Но где-то здесь находится Ораз. Надо повидаться с Оразом. Посоветоваться... К тому же у нас уговор», — думал Нурым, умываясь.

За чаем он долго расспрашивал. Фазыл подробно объяснил, когда приехал Ораз, где он остановился, с кем встречается.

— Живет у портного Жарке, а работает в отделе войскового снабжения, недалеко от почты.

— Значит, вы хорошо знакомы с Оразом, — удивился Нурым.

Фазыл рассмеялся:

— Портного Жарке знает весь город. А потому знаем и тех, кто живет в его доме.

Нурыму почудился скрытый смысл в этих словах. Он догадывался, что Фазыл не просто рабочий скотобойни. У него, несомненно, есть большие связи, знакомства, недаром он знает все о делах в городе и даже о кердеринцах.

— Значит, Мамбета им не найти, говорите. По-вашему, Мамбет в руки им не попадется, Фазеке, да?.. — Нурыму хотелось узнать все подробности.

В комнату вбежала чем-то встревоженная Иба, жена Фазыла.

— Там солдаты кружатся возле коня жиена, ты бы, дорогой, вышел, поговорил с ними,— испуганно сказала она мужу.

Нурым и Фазыл бросились к выходу. К ним навстречу протиснулся в дверь маленький круглый человек.

— Фазыл, не я привел, видит бог, не я. Они сами с утра рыщут по городу, шарят по дворам, коней ищут. Пронюхали, что у тебя гость, им только покажи коня. Откуда гость твой, а? — залебезил он, оправдываясь перед Фазылом и одновременно стараясь выведать что-нибудь о Нурыме.

— Они же не собаки, чтобы по запаху учуять коня. Ты их и привел!

— Ей-богу, не я, ей-богу. Неужели я стану приводить солдат в твой дом? Милая, дорогая Ибажан, ну скажи Фазылу, что я раньше их пришел. Ты же видела, Ибажан.

Фазыл, поморщившись, махнул рукой, вышел во двор. Вслед за ним и Нурым, широко ступая длинными ногами, направился к мухортому, стоявшему на привязи в тени. Один из солдат, казах, уже успел отвязать повод.

— Чей конь? — важно спросил он Фазыла.

— Своего хозяина, — резко ответил Нурым.

— Жаке, это конь моего гостя, моего жиена,— вкрадчиво заговорил Фазыл, стараясь смягчить неуместную резкость Нурыма.

— Вот как...— укоризненно протянул казах, нахохлившись.— Значит, с-своего хозяина! Вот как отвечают человеку на казенной службе! А как зовут хозяина? Что он за птица?

Нурым пристально вгляделся в лицо важничавшего солдата и обомлел. «Тот самый рыжий негодяй...» — вспомнил он, ошарашенный встречей. И чтобы скрыть растерянность, отвернулся от рыжего.

— Что вы, что вы, Жаке? Жиен мой не знает, что вы начальник. Разве он осмелился бы... так говорить. Что вы, боже упаси! Он ведь сам доброволец. Приехал в город записаться в войско хана, — ловко ввернул Фазыл.

Нурым, боясь, что Фазыл может сказать лишнее, вступил в разговор:

— Меня послал старшина из волости Дуана, чтобы я записался в войско. А здесь солдаты мне угрожают: «Коня заберем, да кто ты такой?!» Ну и порядочки в вашем городе, Фазеке...

Взяв повод из рук солдата, он снова привязал коня к ограде.

Фазыл заметил, что Нурым на ходу придумал название волости, но не понял, зачем это ему нужно. На всякий случай решил подпевать Нурыму:

— Да, да, мой жиен приехал из далекой волости Дуана. С завтрашнего дня и конь и сам он станут казенными,— пояснил он рыжему солдату.

Рыжий был не кто иной, как тот самый Маймаков, который летом в Анхате пытался отобрать кобылу Сулеймена и камчой избил хозяина. Но, к счастью, Нурыма он не узнал, иначе не миновать бы сейчас беды озорнику хаджи Жунуса. Именно Нурым свалил тогда Маймакова с коня, обезоружил и прогнал.

Услышав слова рабочего бойни Фазыла о том, что гость приходится ему жиеном, рыжий самодур еще более поважнел.

— А, жиен, говоришь? Хорошо, хорошо,— великодушно протянул он.—Тогда другое дело. Если он записался в солдаты, можно воздержаться от мобилизации его коня. Ради тебя я это сделаю. Да, да, ради тебя... А много ли скота забивают сейчас, Шагатов?

Все внимание Маймакова мигом переключилось на мясо. Лицо его смягчилось, расплылось в выжидательной улыбке. В голубоватых глазах светился намек: «Не найдется ли у тебя чего-нибудь?» О Нурыме он забыл и не отрываясь смотрел на Фазыла. Ненасытному сборщику налогов мясник Фазыл уже не раз подбрасывал жирные куски.

«Лишь бы пронесло... лишь бы отвязаться»,— подумал он, видя, что Нурым почему-то растерялся, не назвал себя, соврал насчет волости.

— Жаке, скотину забиваем понемногу. Заработки неважные, но для еды, для сурпы хватает. Вечерком...— протянул Фазыл и глазами повел в сторону бойни.

Маймаков живо кивнул.

— Ну, пошли,— сказал он стоявшему рядом вооруженному джигиту.— Все из-за этого головореза,— пробурчал он, угрожая кому-то.— Ходишь теперь по дворам, высматриваешь.

«Кажется, пронесло», — облегченно подумал Фазыл.

— Жаке, что это за «головорез»?— спросил Фазыл удивленно, отлично зная, что речь идет о Мамбете.

— Сколько раз я говорил, что от таких, как Мамбет, добра не жди! Вчера он подрался с начальником, а сегодня увел своих джигитов и пропал. Стервец! Из-за него теперь мотаешься ни свет ни заря по всему городу! Два отряда послали в погоню. Никуда не денется — поймают! Но я предупреждал: надо его судить! Прямо перед строем выпороть, сколько раз говорил! — распалился рыжий.

По правде говоря, Маймаков совсем не знал, куда исчез Мамбет и где его будет искать погоня. Имелся строгий приказ ни в коем случае не разглашать событие до тех пор, пока

не схватят беглеца. Но желание показать свою власть перед Фазылом, дать понять, что и он непосредственно связан с важным правительственным делом, одержало верх, и чванливый сборщик даже не заметил, как нарушил приказ.

— Ойпырмай, а! — покачал головой Фазыл.— Кто бы мог подумать? Ведь он с оружием, его, черта, и схватить-то не так просто, он же сопротивляться будет.

— Жаль, у меня времени не оказалось. Иначе сам бы поймал, связал и приволок сюда. Сколько таких дурней на моем счету! Как-то летом в Анхате я живо усмирил аул строптивого Жунуса. Сам всемогущий хаджи упал передо мной на колени. А что Мамбет? Сильнее джигитов из того аула? Чепуха! И пикнуть бы не посмел! — петушился Маймаков.

Фазыл не удержался, прыснул. Нурым от гнева побелел. «Что бы с этой собакой сделать? От первого же рывка слетел с коня, раскорячился, шлепнулся, как жаба! А теперь хорохорится, мразь!» — негодовал Нурым. Но, видя, что Фазыл смеется над враньем Маймакова, немного успокоился.

— Ладно, после заеду!—сурово заключил рыжий начальник, поднимаясь в седло.

— Тьфу, дурак! Ногтя Мамбета не стоит, мелюзга, а как пыжится-то за спиной хана, а! — сплюнул Фазыл брезгливо.

Нурым подробно рассказал, с какими «почестями» проводил Маймакова летом их аул.

— И сейчас бы повторил вздрючку, да жаль, что в городе у вас тесновато, — заметил он.

Снова появился, будто из-под ног, маленький и плюгавенький человек.

— Фазылжан, не подумай, что я вожу Маймакова из дома в дом. Ты же ведь понял теперь, зачем он пришел. А я... просто так... хочу еще раз проверить посемейный список.— Он прижал под мышкой тощую папку и, как бы показывая, что вся сила в ней, ласково поглаживал ее другой рукой.

— Спозаранку взялись за список? Боитесь, что люди разбегутся?

— Если не возьмешься с утра, днем никого дома не застанешь... У всех свои дела... Ну ничего, твою-то семью я знаю: ты да Иба. Фазылджан, а этот джигит?.. Кажется, я его знаю?

— Нет, он приезжий. Из Дуаны.

— Но... я его видел... где-то...

— Вы ошиблись,—сухо сказал Нурым, стараясь отделаться от прилипчивого незнакомца с бегающими воровскими глазами.

Заметив недобрый взгляд Нурыма, маленький сразу осекся.

— Возможно, возможно...— засуетился он.— Я пойду...

Затравленно глянув на Фазыла, на Нурыма, он пробурчал под нос:

— Много раз в Дуане бывал, не видел там такого джигита. Я всех там знаю...

Фазыл промолчал. Нурым гладил потемневший от пота круп коня, выжидая, когда непрошеный гость скроется за воротами.

— Подлая скотина, — сказал Фазыл, когда тот вышел.— Каждый божий день сует к нам свой нос, вынюхивает, расспрашивает. И что только не мелет языком! «Жаханша с самим царем беседовал!» То шепчет на ухо: «Красные уже подошли, захватили Уральск. Вот-вот нагрянут в Джамбейту. Ты не знаешь, как найти кердеринцев?»

Нурым плохо слушал. Распутывая гриву коня, он думал все о том же: «Мамбет... «Поехали со мной»,— говорит. Ой-пырмай, вот были бы дела, если поехать с ним...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

С бесстрашным и загадочным Мамбетом Нурым так и не встретился. Помешал тому совершенно невероятный случай.

В тот день, расставшись с Нурымом, Мамбет направился прямо к дому известного учителя Губайдуллы Алибекова. И зимовье, и джайляу —летовка Губайдуллы — находились рядом, на берегу озера Камысты, в семнадцати верстах от города Джамбейты. Для таких нетерпеливых, неугомонных путников, как Мамбет, досюда рукой подать. Бесцеремонно ввалившись в юрту учителя и даже не поздоровавшись, гость решительно выпалил:

— Губайеке, если я не отрублю башку тюре и не приторочу ее к своему седлу, пусть забудут имя Мамбет!

Губайдулла хорошо знал безумства дерзкого Мамбета, того самого Мамбета, который в шестнадцатом году гонял, как теленка, волостного Лукпана, сбежал с окопных работ из дальних краев России и всегда достигал того, к чему стремился. Губайдулла не раз помогал советами, не раз отвлекал, отговаривал собрата от неблаговидных поступков. И сейчас не удивился суровому виду и резким словам Мамбета. Повернувшись к нему, привычным назидательным тоном учитель сказал:

— Давно тебя не видно, Мамбет, дел много? Почаще нужно выезжать в степь. Ты ведь не чиновник, чтобы зимой и летом сидеть в городе...

Потом учитель обратился к мальчику, с разинутым ртом глядевшему на необычного гостя:

— Мержан, подай-ка дяде кумыс, соскучился он по нему.— И продолжал спокойно сидеть как ни в чем не бывало.

Красивый остроглазый мальчик, больше похожий на мать, чем на крупнолицего отца, послушно вскочил, как ученик перед наставником, и, чуть склонив голову, вышел.

Губайдулла степенно погладил бороду, провел левой рукой по густым волосам. Войлочный полог юрты был поднят; учитель посмотрел в степь и, кажется, о чем-то вдруг вспомнил: хмурые, нависшие брови слегка расправились; чуть откинув голову, он уселся удобней. Хотя внешне казалось, что ему мало дела до горячих слов Мамбета, но учитель думал именно о нем. «Если не отрублю башку тюре и не приторочу к седлу, пусть забудут имя Мамбет!» Да, это он может: если надо — отрубит чужую голову, а свою защитит. Случилось что-то серьезное. Я ведь знал, что пост начальника интендантской службы не по нему. Таким людям нужна горячая работа, боевая. Вот он и не поладил с начальством...»

Учитель сидел молча, и буря в душе Мамбета, казалось, немного улеглась. Он тоже молчал. Не спросив позволения хозяина, не дождавшись хотя бы молчаливого его приглашения, Мамбет широким шагом прошел в глубь юрты и опустился на коврик. В это время мальчик Мерхаир двумя руками осторожно подал ему большую чашу кумысу. Мамбет жадно припал губами и залпом выпил больше половины.

Губайдулла сидел на высоком стуле за столом в правом углу юрты. Восьмистворчатая юрта просторна, в ней свободно разместились бы человек сорок — пятьдесят, даже могучий Мамбет, сидевший поодаль от стола в глубине юрты, сразу стал меньше. Мамбет пил кумыс, а учитель о чем-то задумался. Они сидели в разных углах и, казалось, никакого отношения не имели друг к другу. Даже внешне — будто два человека из разных миров. Один — известный своей образованностью учитель, выпускник учительской семинарии, человек с европейскими манерами и внешне весьма представительный: широколицый, лобастый, с крупным носом, сросшимися бровями. Борода черная, густая. Сам он весь крепко сбит. Необычность облика подчеркивают длинные темные волосы. В те годы редко кто из здешних отращивал волосы, поэтому многие считали, что Губайдулла похож на Абугали Сину, познавшего тайны всех премудрых наук. Муллы и хаджи боялись его, чиновники сторонились. Ко всему, Губайдулла был старшим из братьев Алибековых, известных своей ученостью, выходцев из состоятельного аула Алибек. Второй его брат, Хамидолла, получив образование в рус-

ско-киргизской школе, возглавлял волость, а самый младший, Галиаскар Алибеков, окончил реальное училище и, по слухам, оказался в стане красных, однако никто толком не знал, где он находится сейчас и чем занимается.

И Мамбет, правда, одна внешность которого на кого угодно страху нагонит и который вместо приветствия объявил, что снимет голову тюре, тоже был широко известен. В молодости он нанимался к богатым казакам Приуралья пасти скот, осенью гонял табуны и отары на базары в крупные города. Всем своим обликом походил на матерую щуку, не раз срывавшуюся с крючка и державшую озерное царство в страхе; рассвирепеет — с таким не сладить; и никогда, нигде, ни перед кем не унижался Мамбет; лицо смуглое, с грубыми чертами, нос по лицу — крупный, лоб широкий; то ли от ветра, то ли от пыли — белки глаз воспалены и в красных прожилках. Правое ухо с отметиной — хрящ заметно искривлен; хотя телом и не грузен, но сколочен крепко, мускулист, силен — не так-то просто сдвинуть его с места; точно степной карагач — ветвистый, корявый, не сгибающийся в бурях. Лет Мамбету, должно быть, около тридцати, потому что джигиты двадцати — двадцатипятилетние, вроде Нурыма, почтительно называют его «Маке» или «агай».

Казалось бы, ничто не связывало образованного учителя и необузданного степняка: ни в характере, ни в стремлениях, ни в миропонимании общего между ними не было. Но, точно конь, кружащийся на привязи возле кола, строптивый Мамбет нет-нет да и нагрянет к знаменитому учителю, когда особенно трудно приходится. И каждый раз ошеломит новыми проделками. Два года назад прискакал к учителю и выпалил с порога: «Взял волостного Лукпана за глотку и заставил исправить список. Собачий сын, выгородил своего брата, моего ровесника, от окопов, написал, будто ему тридцать пять лет»...

А теперь вот клянется: «Если не отрублю башку тюре и не приторочу ее к седлу, пусть сгинет мое имя». Одно хорошо, что это пока лишь угроза. Пришел узнать, что скажет учитель Губайдулла.

Мамбет поставил чашу с остатком кумыса перед собой и испытующе глянул на Губайдуллу.

— Сосчитаны дни тюре, Губайеке. Пусть пропадет имя Мамбета, если не отсеку ему башку и не приторочу ее к седлу!

Брови Мерхаира тревожно нахмурились, он испуганно смотрел то на Мамбета, то на отца. На лице его появилась мольба: «Папа, ну скажи ему, чтобы перестал он». Видимо, учитель тоже решил, что надо умерить пыл грозного гостя,

только теперь повернулся к нему и устремил взгляд на его лицо. В глазах пришельца светилась решимость, и учитель подумал: «Да, видать, он готов на все. Но о каком тюре он говорит? Если кто-то из больших правителей, разве так просто отсечь ему голову? А если голова слетит, то разве даром?»

— Ты, Мамбет, всегда вот так...— учитель заговорил спокойным, властным голосом.— Набедокуришь, а потом и говоришь: наломал я дров, натворил дел, что вы на это скажете? Конечно, хорошо, что прям и честен. Но сейчас ты даешь понять, что решился на какой-то неблаговидный поступок. Затея явно неразумная, и тебе совсем не к лицу какому-то тюре снимать голову. И к чему тебе такое черное дело? Скажи мне, кто достигал справедливости, отсекая чьи-то грешные головы?

Мамбет не задумался.

— В городе, Губайеке, один лишь тюре — мерзавец. Его коварство всем известно. Мамбет не треплет языком впустую, сказал — сделал, не жилец на белом свете тюре!

Он гневно насупился и облокотился на подушку. Учитель с немым упреком сверкнул на него глазами, обычно он разговаривал напрямик и убедительно, но с Мамбетом он решил быть поласковей, мягче. Все-таки какого же тюре Мамбет имеет в виду?

— Раньше казахи называли тюре лишь тех, кто был ханских кровей или являлся султаном. Например: хан Нуралы, хан Джангир, хан Каратай, султан Айчувак именовались «тюре». Наши Кусепгалиевы тоже тюре. Поэтому...

— Я знаю только одного тюре! — перебил Мамбет.— Это известный наглец, кровопийца — тюре Арун. Тот самый Арун, который косяками отправлял джигитов на окопные работы. Именно его башку я и отрублю.

Мерхаир в испуге закрыл глаза, представил, будто полковник Арун, которого он видел недавно в Джамбейте, уже без головы.

— Выйди-ка отсюда, Мержан,— сказал учитель, заметив испуг на лице сына.

Мальчик почтительно склонил голову и медленно направился к двери.

— Да, Арун-тюре большая фигура. Но какое отношение имеешь к нему ты? Разве твоя забота — не конница?..

Мамбет едва дал ему договорить.

— Из-за коней все и началось. Один из трех аргамаков, подаренных Ахметшой, пропал. Бывает, уходят кони. Мог уйти туда, где его сытно кормили. А подполковник — это был его конь — накинулся на меня, будто я его сплавил...— И Мамбет рассказал о препирательстве с Кирилловым, о том,

как тот приказал посадить его на гауптвахту, как Мамбет свалил двух солдат, ворвался к Кириллову, связал его и обезоружил.— Кириллов меня давно знает. Он сын богатого казака из Мергеневки. Когда-то я пас их скот. Бывало, он не раз замахивался на меня, но я в долгу не оставался. Как-то раз за неуплату увел у них коня. Много лет прошло... А сейчас бывший мой хозяин стал орать на меня: «Конокрад!» — «Если ты такой сильный, то красным лучше покажи свою прыть! — сказал я в ответ.— Не то завтра они спустят с тебя штаны, надают горячих и заставят пасти лошадей». Ну и пошло, пошло...

— Повздорил с Кирилловым, а мстить решил Аруну?

— С Кирилловым я в расчете. А Арун должен исчезнуть с лица земли. Он копает мне яму. Все припомнил: и то, что я в шестнадцатом году гнал в шею волостного Лукпана, и то, что убежал с окопных работ,— все. Ты, говорит, снюхался с красными... Обещал повесить меня.

Об остальном Губайдулла не стал расспрашивать. Он живо представил себе, как этот неукротимый и дерзкий сын степей не только опозорил Кириллова — начальника штаба войск Жаханши, но и не побоялся стычки с самим полицмейстером Аруном. «Поймают его — будут судить. А как судят они — всем известно. Где бы его укрыть, как спасти? Ведь и со мной они считаться не станут...»

Мысли Губайдуллы перебил Мамбет.

— Губайеке, скажи, где сейчас Галиаскар? Я присоединюсь к нему. И не один, а со своими приятелями из ханского войска.

Многоопытному учителю, неплохо разбиравшемуся в сложности жизни, желание Мамбета примкнуть к Галиаскару показалось единственным спасением для него. «Но где сейчас Галиаскар? Как выведет Мамбет своих друзей из отряда хана? Вдруг попадется ему в лапы? Вдобавок еще и Аруна-тюре решил убить. Опасности там и здесь, надо основательно все продумать».

— Послушай, Мамбет. В укромном месте, в степи, стоит один наш хуторок, неприметный, чистенький такой,— хорошо в нем. Советую пока устроиться тебе там. Кроме табунщиков, никто не заглянет. Пищу тебе доставят джигиты, а об остальном поговорим после.

Помедлив, Мамбет согласился, хотя на уме у него были совсем другие планы. Он задумал такое, что вскоре удивит, ошеломит всех, об этом начнут с восхищением говорить во всей округе.

Он сразу выехал в сторону Кашарсойгана, в четырех-пя-

ти верстах от озера Камысты, разыскал хуторок, внимательно оглядел окрестности, но не остановился здесь, а с наступлением сумерек отправился в город.

2

У некоторых людей завидная способность: сказано — сделано, задумал взять — возьмет, обещал отдать — отдаст. Такие люди беспощадны к своим врагам, в долгу у них никогда не остаются: или растопчут ненавистного, или сами погибнут. Они обычно не склонны обдумывать каждый свой шаг, не взвешивают все трезво, а сразу приступают к действию. К таким людям принадлежал и Мамбет.

Добрый совет Губайдуллы: «Побудь пока на хуторке, об остальном поговорим после»,— Мамбет пропустил мимо ушей. Собственно, не за советом приехал он к учителю, а всего лишь по старой привычке, чтобы рассказать о случившемся и о том, что задумал. Но совет учителя пригодился, и если бы Губайдулла знал, для чего, то не советовал бы.

«Место, где стоит хуторок, неприступно, как крепость. За ним тянутся пастбища, где пасутся несметные табуны. Ты, Кириллов, назвал меня конокрадом. Подожди, голубчик, я покажу тебе, какими бывают настоящие конокрады! Угоню полковых коней, пешим тебя оставлю. Найди потом зернышко проса в жниве! Ищи свищи! Пригоню коней в табун Кабыла и Наурызалы, через несколько дней перегоню их в горы Акшат, а потом дальше, за Акбулак, в сторону красных соколов. Попляшешь, милый!» — думал Мамбет, пустив коня шагом, чтобы дать ему остыть. Сейчас он вовсе забыл об Аруне-тюре, весь гнев его был обращен на Кириллова.

«Когда я свалил, подмял его под себя, он, собачий сын, лежал подо мной и говорил: «Отпусти, Мишка, я только в шутку назвал тебя конокрадом». Когда я отпустил, он собрал всех парней Мергеневки, и меня до смерти избили в степи. Провалялся в степи я день и ночь и еле дополз до избушки деда Митрея».

— Вот след их зверства,— глухо сказал Мамбет, слегка дотронувшись камчой до изуродованного уха.

«Надо было взять вчера собаку за глотку и тут же прикончить. А потом посмотрел бы я на этих господ в погонах. Ладно, задним умом всякий крепок. Сам виноват, нечего было жалеть! А если теперь попадусь ему в когти, не задумается, сразу к стенке поставит!»

Сколько раз избивали Мамбета! Сколько лишений, же-

стоких испытаний он перенес! О таких людях говорят: прошел огонь и воду. Он теперь ничего не боялся. Понятны его бесконечные стычки с высокопоставленными чинами — слишком глубоки были бесчисленные обиды, унижения, изведанные им с самого детства.

— Эх, черт! — скрипнул зубами Мамбет, все жалея, что не прикончил вчера Кириллова.

* * *

Мамбет бесцеремонно переступил порог, шагнул в глубь комнаты и, увидев красивую смуглую девушку, спросил:

— Где тюре?

При виде растрепанного, несмотря на военную форму, странного детины с пугающе воспаленными глазами девушка растерялась, но только на миг. Она повидала немало людей, и городских, и аульных, была грамотной и по натуре бойкой, поэтому быстро пришла в себя. Ей почудилось, что в комнату вошел тот сказочный богатырь, который один может выпить целое озеро и на ладони переставить гору с места на место. Женщины любят грубую мужскую силу, отдают предпочтение решительным и отчаянным, нежели нежным, осторожным, излишне ласковым. Женщины невольно тянутся к таким бесшабашным, храбрым и необыкновенным мужчинам, как Мамбет. Единственная дочь Аруна-тюре, гимназистка Шахизада, относилась именно к числу таких женщин.

— Вы спрашиваете, где папа? — переспросила девушка, вскинув брови.

— Я спрашиваю господина Аруна Каратаева,— пророкотал, словно гром из-за туч, Мамбет.

— Полковник, султан Арун Ахметович на государственном совете — на приеме главы Западного края господина Жаханши,— ответила девушка и, разглядев знаки отличия на гимнастерке из черного сукна, полюбопытствовала: — Вы... хорунжий, да?

Мамбет тоже внимательно оглядел ее. Он никогда не видел образованных женщин-казашек, а белотелых, нежных жен и дочерей казачьих офицеров, в дохах и шелках, с золотыми кольцами на руках, открыто презирал, считал их уродинами. Красивая, смуглая девушка в доме тюре показалась ему райской девой, хотя на пальцах у нее тоже золотые кольца, в ушах — яхонтовые сережки, на ногах — красные сафьяновые сапожки, шитые золотом, и платье, видать, очень дорогое. Глаза необыкновенно ясные, лучистые, привлекательные. Никогда не думал Мамбет, что в доме полковника

увидит неземную красавицу. Мамбет запнулся, не зная, что ответить, мигом вылетело из головы решение «снять башку тюре», да за всю свою неугомонную жизнь Мамбет никогда не убивал человека. Всю дорогу от дома Губайдуллы он думал о том, как бы угнать всех коней полка и заставить заклятого врага Кириллова ходить пешком.

— Красавица, ты дочь Аруна-тюре? — спросил он неожиданно подобревшим голосом.

— Разве вы не бывали в офицерском клубе? — ответила она, слегка улыбаясь. Небольшая черная родинка, в тон угольно-черным глазам, черным бровям и длинным ее ресницам, тоже дрогнула от улыбки.

— Я не офицер...— невнятно пробубнил Мамбет, задетый тем, что не мог появиться в кругу знати.

— На вас петлички хорунжего,— значит, вы тоже офицер. Только, возможно, не учились. Но если и не учились...— девушка запнулась, глянула на одежду Мамбета, на его лицо, как бы сожалея о его неопрятности.— Садитесь... Да, я дочь султана, полковника Аруна. Отец, видимо, вернется поздно. Он ушел со своим адъютантом на чрезвычайное заседание.

— Садиться не буду! — прежним голосом пробурчал Мамбет. Он вспомнил, что сегодня же надо проникнуть в казарму и увести товарищей.

— А вы по какому делу пришли, господин хорунжий? Как я о вас скажу папе? — Девушка сделала шаг к нему, невольно показав, что неожиданный гость заинтересовал ее. — Сказать, что заходил офицер-казах... Один из храбных, мужественных джигитов?

— Скажи, красавица, что Мамбет заходил. Твой отец... Твой отец вместе с подлецом Кирилловым меня преследуют. Если не успокоятся, предупреждаю — добром не кончится...

— Мамбет!.. Вы тот самый Мамбет, который подполковника Кириллова...

На лице девушки появились и восхищение, и удивление — тонкие, черные брови вскинулись, глаза блеснули огоньком, а родинка обозначилась еще ясней.

— В городе только и рассказов о том, как вы потешались над Кирилловым. Ольга-ханум говорит: «Так ему, хвастуну, и надо». Здорово вы его, Мамбет-ага, по рукам и ногам связали, как барана для жертвоприношения! Скажите, умоляю вас, как вам это удалось? Хочу непременно из ваших уст слышать. Садитесь, Мамбет-ага! Вы точно Хакан-батыр[1] нашего времени! Ну, садитесь же, присядьте!

Девушка потянула его за рукав. Она и не подумала о том,

---

[1] Хакан-батыр — герой древних сказаний.

что этот человек может то же самое, если не похуже, сделать и с ее отцом.

— ...Апыр-ай, ужас! Жуть! Никто бы на это не решился... Только вам... только такому богатырю, как вы... могло прийти такое в голову! Связать казачьего офицера, как ягненка, нет, это невиданная, неслыханная дерзость! Казака, главу войска, начальника штаба, подполковника!! Ужас!

Мамбет немного помолчал, потом снова глухо, как из-под земли, протянул:

— Нет, красавица, я не сказки сказывать сюда пришел... Я приехал рассчитаться с Кирилловым. Но если твой отец вместе с этим пройдохой не оставят меня в покое, то и ему перепадет...

Мамбет, не договорив, решительно направился к двери.

— Нет, Мамбет-ага, вы все-таки расскажите!.. Ну ладно, если сейчас не хотите, расскажете в следующий раз. Приходите, Мамбет-ага, завтра. Придете?

Мамбет не обернулся, переступая через порог, покачал головой.

Девушка застыла на месте, проводив взглядом Мамбета: ей были непонятны и неожиданный приезд, и странные его слова. С тем же удивлением на лице она кинулась в другую комнату к татарке-служанке.

— Вы видали когда-нибудь Мамбета? Того самого, который связал подполковника Кириллова? — воскликнула она возбужденно.

— Нет. Что это за Мамбет такой?

— Неужто не слыхали, тетя? Мамбет! Бесстрашный Мамбет! Громадина Мамбет! Только что вышел отсюда. Наверное, еще во дворе.

Девушка схватила служанку за руку и потащила ее к выходу. Но на улице уже было темно, ничего нельзя было разглядеть вокруг, лишь донесся удаляющийся конский топот.

— Он еще к нам придет, тетя. Такие люди ничего не боятся. Только я скажу папе, чтобы он не трогал Мамбета, и он не тронет. Нельзя же из-за какого-то Кириллова судить такого смельчака хорунжего,— как бы утешая себя и служанку, говорила девушка.

Но служанка не проявила интереса к пришельцу, ей было все равно.

— Придет — посмотрим,— равнодушно сказала она.

А через полчаса вернулся домой полковник Арун и, выслушав рассказ дочери, ужаснулся. Стараясь ничем не выдать смятения, он велел дочери ложиться спать и вызвал к себе дежурного офицера.

— Он что-то задумал. Немедленно отправьтесь к Кириллову. Возьмите с собой двоих-троих солдат и зорко следите за домом. Возможно, там и задержите смутьяна. Предупредите тюремную охрану, пусть смотрят в оба, от Мамбета всего можно ожидать. Если что, действуйте быстро и решительно! — распорядился Арун.

Мамбет немедленно приступил к осуществлению своего плана. Первым делом он решил вывести товарищей из казармы. Из дома Аруна он сразу направился к казарме в северной части города.

Мамбет вошел в казарму, где только что объявили отбой, и приказал дневальному:

— Разбуди Ажигали и Жапалака! Да поживей, чего заморгал, не узнаешь, что ли?

— Сейчас, Мамбет-ага. Сейчас Жапалака разбужу, а Ажигали в конюшне, дежурит,— забормотал дневальный, услужливо направляясь в угол казармы.

Дневальный, конечно, не знал, что задумал Мамбет, хотя краешком уха слышал о вчерашнем событии. Он бы не осмелился возразить необузданному забияке.

— Жапалак, Мамбет-ага приехал! Проснись, Жапалак!— затормошил дневальный спящего в углу парня.

Тот быстро проснулся, вскочил.

— А? Что? Где Маке? Когда приехал? — закрутился он волчком.

Жапалак лежал под серым суконным одеялом одетый и обутый, словно заранее подготовился к тревоге. Он кинулся к выходу, но дневальный все же успел раньше его.

— Разбудил, Мамбет-ага! Вот! — радостно доложил он.— Ажигали в конюшне, Маке. Нас двоих достаточно?

— Недостаточно,— буркнул Мамбет.— Подними жаугаштинца и букейца, жиена своего и растяпу рыжего. Чтоб с оружием были. Я буду ждать у Ажигали.

Мамбет не стал объяснять подробности. Кроме нескольких солдат в углу Жапалака, никто не поднял головы: после утомительных дневных учений аульные джигиты с непривычки спали ночь как убитые. А те, что проснулись, увидев Мамбета, недоуменно перекинулись спросонья:

— А говорили, что сбежал.

— Куда ему бежать-то? Вернулся, значит...

Мамбет не слышал их, не заметил даже, кто проснулся, кто говорил. Он взял одну из винтовок, составленных в козлы у входа, снял с дневального подсумок с патронами, нацепил на себя и как ни в чем не бывало вышел из казармы.

Жапалак мигом поднял названных Мамбетом джигитов, и все словно на пожар заспешили к конюшням.

— Бегите к коням, к Ажигали. Вас там дожидается Маке! — вот все, что сказал им Жапалак, и этого было достаточно: через мгновение все столпились вокруг Мамбета. Речь его была короткой и прозвучала как приказ:

— Я не хочу оставлять вас на произвол казачьих офицеров. Седлайте коней и — за мной. Пока я жив, никто вас пальцем не тронет. Отправимся в Акшатау. Захватите еще вот этих двух аргамаков и вороного жеребца. Ажигали, не оставляй ни одного хорошего коня! — распорядился Мамбет, указывая на рослых остроухих коней, с хрустом жевавших измельченное шашками сено.

— Не оставлю! — отозвался Ажигали.

Через четверть часа джигиты галопом помчались за город, в степь.

Небольшая, но дерзкая своими действиями группа бросила вызов всему ханскому войску. Их смелый уход заставил многих задуматься и понять, что это лишь начало больших событий.

На поводу девяти смельчаков мчались два аргамака и вороной жеребец, а перед ними — целый косяк отборных, быстроногих коней.

3

Джамбейтинское правительство считало себя самостоятельным и независимым: создавалась, росла своя армия, имелись свои административные органы и полицейское управление, охранники и тюрьма, свои прокуратура и суд. Однако руководителям степного валаята спалось неспокойно: народ был недоволен, возмущен жестокостью карательных отрядов, хаджи Жунус поднял джигитов и чуть не обрушился на волостное правление, отряд Абдрахмана Айтиева отбил караван, следовавший в Джамбейту с оружием. А теперь еще и Мамбет Уразбаев лишил их покоя. Два дня полиция рыскала всюду, пытаясь изловить бунтаря, а он вдруг неожиданно заявился в дом самого Аруна, да еще с угрозами, а потом увел джигитов из казармы, угнал лучших коней полка.

«И всему причиной красные за рекой да подпольные действия их приспешника Айтиева на этой стороне. У него свой метод: проводить тайные собрания, настраивать голодранцев против нас, собирать вооруженные отряды. Буйный сынок Уразбая, конечно, дубинка в руках Айтиева. Только такие головорезы-бандиты могут избить среди бела дня своего

командира и отобрать оружие,— рассуждал полковник Арун, ломая голову над тем, как бы отомстить степному налетчику.— Куда мог направиться этот смутьян? После такого преступления он не сможет укрыться где-то в Уральской области. В аулах у нас немало надежных людей: волостные и старшины, судьи и сборщики; сыщики и агенты секретной службы сразу же нападут на след. Единственное для него спасение — податься к Айтиеву... Надо успеть задержать его до Богдановки».

Еще ночью полковник Арун спешно выслал нарочного в волость Кара-Оба, к Кабанбаю и в Кокпекты. «Во что бы то ни стало задержите известного бандита Мамбета Уразбаева и передайте его в руки правительства»,— говорилось в предписании. Потом, ничего не утаив, более того, назвав это событие бунтом, Арун-тюре доложил обо всем главе Степного правительства юристу Жаханше Досмухамбетову.

Жаханша задумался. Обычно он не медлил с принятием решения, но на этот раз, казалось, усомнился в заверениях полицмейстера.

— Послал погоню. Хоть из-под земли найду! Перед всем строем накажу смутьяна и дезертира! — уверял Арун-тюре.

Жаханша лишь покачал головой.

«Что это означает?» — недоуменно подумал полковник.

— Ладно. Посмотрим,— проронил Жаханша.

Но едва Арун вышел, как Жаханша вызвал адъютанта капитана Каржауова.

— Наши работники совершенно не разбираются в людях. Не умеют их использовать. Найти лишь подход — и таких отчаянных и деятельных людей, как Мамбет, можно противопоставить тысячам наших врагов. Своей безрассудной храбростью он один обратит в бегство сотню. Именно такие смельчаки нам и нужны. А тюре оттолкнул его, словно псов натравил на строптивого коня. По-моему, Мамбет находится под влиянием уважаемых, авторитетных людей, если и не под влиянием, то, во всяком случае, опирается на них. Я слышал, что он всегда советуется с учителем Губайдуллой. Надо попытаться приветливыми словами уломать, вернуть Мамбета. Хорошо бы мне самому поговорить с Мамбетом, мы ведь с одной стороны даже родичи...

— Сейчас я доставлю этого старого волка,— встрепенулся адъютант, но Жаханша перебил:

— Нет, не вызывай. Сам поезжай к Губайдулле и скажи ему так: «Жаханша с салемом прислал меня к вам. Борьба мнений, борьба взглядов должна привести к дружбе и еди-

нению, а не к вражде и разобщению. Правительство намерено перебраться в Уил, об этом Жаханша просил сообщить вам. Глава правительства желает почтенному, уважаемому народом учителю здравия и многих лет жизни». Вот так и передай. Если между словом зайдет речь о Мамбете, скажи, что я, мол, говорил: «У народа всегда есть свои баловни. А заблуждения, баловство не в счет — лишь бы конь пристал к своему косяку. Мамбет — один из таких баловней».

Каржауов поскакал к Губайдулле.

Часть четвертая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Худенькая, невзрачная девушка, как обычно, принесла заключенному пищу. Надзиратель передал ей вместе с пустой, тщательно вытертой хлебом посудой и небольшой клочок бумаги.

Жара томила землю. В маленьком дворике, где заключенным передавали пищу, было так много народу, что туда, казалось, невозможно было просунуть даже голову.

И на площади, над которой от жары стояло туманное пыльное марево, трудно было свободно вздохнуть.

Горячий ветер дул в лицо, не принося прохлады. Девушка, распахнув ворот ситцевого светлого платья, замахала руками, точно пыталась отогнать эту тяжелую духоту. Она сняла ботинки и побежала босиком, быстро перебирая ногами, потому что накаленная земля жгла подошвы. Солнце жадно набросилось на ее загорелую шею, худые плечики, которые уже давно стали темно-коричневыми.

Девушка сжимала в смуглой ладони сложенную в несколько раз бумагу. Она успела прочесть ее: «Маленькая моя! Дусенька! Принесенную тобой еду получил. Было бы чудесно, если б ты завтра смогла принести табаку. Твой крепко любящий папа».

Отец... Какие у него были ласковые большие руки... Как он носил ее на плече, напевая какие-то протяжные песни... Самый дорогой, самый любимый, самый ласковый на свете человек!

Слезы навернулись на глаза девушки. Точно одинокий птенец, взъерошенный и беспомощный, глядела она навстречу буре. Как ждала она отца из далекой ссылки! Как часто в его отсутствие хотела, чтоб его теплая рука легла на ее лоб! Рядом с ним она не чувствовала себя сиротой: он заменял ей даже мать. Отец, ты постоянно идешь в самую гущу житейской бури! Тебя так уважали и любили в гимназии, во всем городе! И вот ты снова в этой проклятой тюрьме! Ты же не куришь. Так зачем ты просишь принести тебе табаку? Или тебя снова отправят далеко-далеко?..

Дуся спешила домой. Там она узнает настоящий смысл записки отца — революционера Дмитриева.

Она тихонько вошла, неслышно открыв дверь. Послышался тихий кашель: это Зубков появился из соседней комнаты. Дуся не удивилась. Теперь, когда не было отца, этот человек стал ей самым близким. Рядом с ним стоял молодой красивый джигит.

Девушка смело и открыто поглядела гостю в глаза. Она сразу узнала Хакима, вспомнила, как видела его не раз рядом с Мукарамой. Она тогда не успела даже поговорить с ними: торопилась к отцу в тюрьму. Интересно, поженились ли они?

Хаким тоже сразу узнал ее. Он поздоровался, склонив голову, и молча продолжал стоять, не находя почему-то слов для разговора.

Хаким раньше не знал, кто такой Дмитриев. Но несколько месяцев назад он услышал о нем. Узнал он также, что Дмитриев в тюрьме. С каждым днем в душе Хакима росло и крепло желание увидеть этого сильного человека, о котором в народе говорили с большим уважением. И вот он вновь в Уральске и опять не может увидеть этого прославленного революционера.

— Садитесь! — приветливо предложила Дуся.

Хаким поклонился еще раз.

«Он так любил повеселиться,— подумала она,— вот — подпольщик. Как странно. Но ведь его привел товарищ Зубков. Значит, он верный человек».

Зубков принес из сеней керосиновую лампу. Желтый коптящий язычок пламени несмело потянулся вверх, а Зубков держал над ним бумагу, принесенную Дусей, и лицо его было серьезным.

Хаким не понимал, что делает Зубков. Он видел много не-

понятного за последние месяцы, но это показалось ему загадкой из загадок.

«Неужели хочет сжечь?! — с тревогой подумал он.— Письмо самого Дмитриева?»

Бумага постепенно приобрела буроватый оттенок, будто этот линованный листок много дней пролежал под солнцем. Начали появляться мелкие коричневые надписи. Начавшись с обрывков слов, они складывались в целые предложения, и чем больше нагревалась бумага, тем больше появлялось на ней четких мелких строк. Зубков нагревал листок равномерно, не торопясь, время от времени внимательно разглядывая темную поверхность. Потом поднял голову. Хотя в доме было светло, он подошел к окну и, поднеся листок близко к глазам, стал рассматривать его очень внимательно.

«Неужели он испортил зрение?» — удивленно подумал Хаким.

Когда он впервые увидел Зубкова в канцелярии земства, то принял его за обычного чиновника. Он долго опасался передать записку этому человеку, сличая приметы, о которых ему говорил Мендигерей: пенсне с большой дужкой и черной цепочкой, висящей за ухом, большой, как колотушка, нос, бородка, короткие усы, впалые щеки... Место в глубине второй комнаты земства. Нет, все совпадает в точности. Хаким передал ему записку, но Зубков принял ее молча, даже не взглянув на джигита.

— Когда кончатся ваши тяжбы? — басом проговорил он.— Тягаетесь за полоску земли у реки, будто у господа бога на всех не хватит. Выйди на улицу и подожди там!

Это была их первая встреча.

Только через полчаса Зубков появился на улице. Проходя мимо Хакима, он исподлобья взглянул на него и зашагал дальше. Хаким не пошел следом. Он выждал, когда чиновник, размеренно, неспешно шагая, свернул за угол, и только тогда догнал его. Зубков тихонько сказал:

— Следуй за мной поодаль. Следи внимательно... Зайдешь в тот дом, куда зайду я.

Этот дом, куда они вошли, находился рядом с квартирой Дуси...

Дочь самого Дмитриева. Таинственная бумага с коричневыми четкими строками, коптящий язычок пламени... Зубков в этот момент был совсем не похож на земского чиновника, он казался Хакиму волшебником из сказки, который в своих руках держит весь мир.

Прочтя бумагу, Зубков передал ее Дусе. Потом они оба молча и долго смотрели в окно.

Зубков присел к маленькому столику, стоявшему в углу.

А Дуся повернулась к Хакиму, и юноша увидел, какие у нее огромные и очень грустные глаза.

— Ну и как он? — шепотом спросил Хаким.

— Вы говорите о папе? — спросила девушка.

— Да.

— Разве может человек чувствовать себя хорошо, если его заперли в тесную клетку?

В ее голосе Хаким услышал упрек.

— Я ведь тоже сидел в тюрьме,— поспешил он рассказать.— Это не просто клетка — это гнездо жестокости и несправедливости.

Хаким вдруг подумал: Дуся решит, что он хвастается. Ведь он попал в тюрьму случайно, вместе с другими...

— Вы приехали в Уральск вместе с Мукарамой Курбановой? — спросила она.

— Нет,— ответил Хаким уже смелее,—Мукарама далеко, в городе Джамбейте. Я приехал не из Джамбейты... по заданию Совдепа, о котором вы знаете. Мукараму я не видел много месяцев...

— А я думала, что вы идете одной дорогой и в Уральск приехали вместе. Я видела Курбанову сегодня утром.

— Как? Мукарама здесь? — голос Хакима выдал его волнение.

— Да. Я ее встретила, когда несла еду в тюрьму. Она сказала, что только вчера приехала и хочет работать в здешней больнице.

Дуся оглянулась на Зубкова, который что-то писал в углу, и тихонько прошептала:

— Счастливые вы. Я говорю о вас с Мукарамой. Помните, как вы плясали вдвоем и все смотрели на вас обоих. Да, вы намного счастливее нас.

Тень грусти снова набежала на милое лицо девушки. Но Хаким не знал, что сказать, какие слова могли бы согнать грусть с ее лица.

— Вот бумажка, передай ее Петру Петровичу. — Зубков протянул Хакиму сложенный листочек.— Иди к Шагану той же дорогой, что и пришли. Будь здоров!

— Хорошо, я передам. Будьте здоровы!

Больше задерживаться в этом доме было нельзя. И Хаким, не оглядываясь, быстро вышел на улицу.

2

Хаким был взволнован. В сердце глубоко запал образ тоненькой девушки. У нее такие хрупкие пальчики. Она похожа на девочку-подростка, еще совсем не сформировавшуюся.

Но строгое выражение лица, тонкие морщинки преждевременно появившиеся возле рта,— все это говорило о том, что перед Хакимом стояла не девочка, а женщина, повидавшая в жизни много тяжелого. С какой душевной болью она произнесла: «Вы счастливые с Мукарамой!» Словно она хотела подчеркнуть этим возгласом, что она сама озабочена, печальна, не смогла получить от жизни свою долю счастья.

«Конечно, это очень тяжело, если близкий человек находится в руках врагов! — размышлял Хаким, шагая по улице.— Кого только не заключали в тюрьму эти проклятые изверги! Сколько женщин плачет о своих мужьях! Сколько детей осталось без отцов! Многих погубили в тюрьме, многих еще ждет эта участь».

Известие о Мукараме взволновало его. Ему хотелось броситься сейчас бегом к дому Курбановых, но он не торопился. Перед мысленным взором его все еще как живая стояла маленькая Дуся, и он видел перед собой ее печальные глаза.

Хаким постучал в крохотную калитку. Его встретила старуха.

— Мукарамы нет. Она в больнице,— проговорила она и добавила ворчливо: — Часто ходишь, парень. Теперь и не надо бы являться-то...

Хаким пропустил мимо ушей ее замечание.

— Я только на часик, мамаша,— сказал он и присел к столу, на котором недавно писал письмо.— Так хотелось узнать о вашем здоровье и хоть взглянуть на Мукараму. Времени у меня мало, скоро вернусь в аул.

Старуха ничего не ответила, только удивленно взглянула на него и вышла. Хаким прислушался. Шаги прошаркали в сенях, во дворе, и все стихло.

Тогда он вытащил из кармана бумагу, что дал ему Зубков. Весточка из тюрьмы! От Дмитриева... Хаким быстро распечатал бумагу.

«Вчера прочитали обвинительное заключение. Завтра будет суд. Собственно, и судом его не назовешь. Просто расправа! Июньский закон направлен на уничтожение всех тех, кто поднимается на защиту рабочего класса. Главное условие борьбы — не ждать от врага ничего хорошего!

Однако хочу пожелать товарищам коммунистам: не ставьте наше освобождение выше общих интересов, не подчиняйте этому общее дело.

Чем активнее, смелее вы будете вести борьбу за освобождение от рабства тысяч и миллионов людей, тем скорее и мы, узники, увидим рассвет.

А он близок, этот час рассвета. Если из одного маленько-

го отряда борцов родится огромная гвардия, то одну руку заменят тысячи рук, и мы сумеем освободить долину Урала от угнетателей. Быстрее объединяйте степь и город, действуйте точно, наверняка!

«Совершить Октябрьскую революцию двадцать четвертого числа, значит поторопиться, а двадцать шестого — запоздать, точное время действия — двадцать пятое октября»,— говорил Ленин. Так и здесь. Точную дату укажет штаб в Самаре. Будьте готовы. Я верю в близкую победу народа! Дмитриев».

Так вот какие слова переводил Зубков через копирку, чтобы размножить! Хаким еще раз перечитал письмо Дмитриева. Немного ниже следовала приписка Зубкова:

«Вот что мы знаем:

1. В городе сейчас развеваются знамена трех полков.

2. Четыре пулемета стоят на углах «Сорока труб». Два — в дверях. Караульную службу несут солдаты из сотни Бударина.

3. Овец Овчинникова хватает не больше чем на питание войска. В городе нет мяса. Жители степей не верят в ценность денег, не ведут скотину на базар.

4. Поднялись железнодорожники. Они забастовали. Нагружают и разгружают грузы сами казаки.

5. Акутин все еще тягается с Чапаевым около Чижи.

6. В Богдановку выехали каратели. Тистбеков».

Хаким тихонько рассмеялся, наткнувшись на подпольную кличку Зубкова. Но сердце его заволновалось. Со слов Мендигерея он понял, что Дмитриева решили освободить из тюрьмы. Но как? Этого себе он не мог представить. Вспомнились напутственные слова Мендигерея, который, видимо, любил его, боялся за него: «Будь осторожен, дорогой. Дело трудное. Верю в твою ловкость и смелость. Что бы ни случилось, разузнай и возвращайся скорей обратно! Если вручат бумагу — выучи все, что там написано, и сожги!»

Как чудесно было бы помочь освобождению тех, кто в тюрьме! Как бы обрадовалась Дуся! Соколы со связанными крыльями, как гордо вы взмыли бы ввысь... Дряхлый старик и адвокат, попавший в тюрьму весной вместе с ним, и татарин, что распевал вопреки запрету революционные песни, и крестьянин с темным от горя лицом и перевязанной головой — все бы увидели свободу.

Но как подойти к тюрьме, минуя конных казаков? Как перебраться через Яик? «Цель нашего освобождения не ставьте выше свободы народа... Точный день укажет штаб в Самаре...» — так сказано. Что это значит? Быть может, надо понять так: не пытайтесь помочь нам, пусть нас осудят. Ведь впереди трудная борьба. Берегите силы, готовьтесь к ней!

Все это так захватило Хакима, что на минуту он забыл обо всем. «Выехали каратели» — эта строка жгла душу. Ведь казаки не будут ждать сложа руки. Правительство Джамбейты бьется в предсмертных судорогах, словно шаман. «Знают ли наши люди о том, что выехали каратели? А что, если нет? А я сижу здесь, вместо того чтобы бежать, сообщить».

Он повернулся и хотел уже выйти, но на пороге стояла Мукарама.

Мукарама первая подошла к нему. Ей хотелось броситься на шею Хакиму, ощутить объятия его рук, таких сильных! Как он возмужал за это время! Как изменился!

Но Мукарама только медленно протянула ему свою хрупкую руку и тихо сказала:

— Здравствуйте.

Хаким, пожав ее руку, продолжал молчать, не находя слов. Мукарама пришла на помощь:

— Это письмо написано мне? Да? Вот я и пришла сама.

— Нет, нет! — испуганно заговорил Хаким.— Это письмо другого человека. И содержание тут совсем другое. Я размышлял над ним и даже не заметил, как ты вошла...

— Зачем же ты читаешь чужие письма? Нехорошо! — засмеялась Мукарама и, выхватив у Хакима письмо, спрятала его за спиной. Глаза ее, словно золотистые яблоки из Ханской рощи [1], были совсем рядом. Хаким обнял ее, забыв обо всем на свете...

Торопливые шаги старухи оторвали его от губ Мукарамы.

— Слишком ты часто ходишь, парень. Слишком часто,— вполголоса сердито проговорила старуха. — Когда здесь Мукарама, мог бы и не ходить. Не ходить мог бы...

Мукарама внимательно прочитала письмо. Она не поняла отдельных слов, но слова «Октябрь», «Революция», «Дмитриев» были понятны ей.

— Я встретила рано утром Дусю. Она несла передачу отцу. Мы не успели ни о чем поговорить, она очень торопилась,— тихо сказала Мукарама, с удивлением разглядывая Хакима. И вдруг спросила, снова бросив быстрый взгляд на письмо: — Хаким, неужели ты тоже революционер?

Мукарама потянулась к Хакиму, словно от его ответа зависело очень многое в ее жизни. Старуха, ворча, вышла.

— Да! — с облегчением выдохнул Хаким.

Он подвел девушку к столу, стоящему у окна.

— Я пока еще не могу сказать о себе, что я революционер в настоящем смысле этого слова. Настоящие революцио-

[1] Ханская роща — яблоневый сад в Уральске, слава о котором разнеслась далеко вокруг.

неры — это Дмитриев, люди, возглавляющие в степи работу Совдепа. Я только один из многих, кого они ведут за собой.

— И ты не боишься? — шепотом спросила Мукарама.

— Сперва я боялся. Я думал, что этим серьезным делом могут заниматься лишь особенные люди. Но потом понял — всем найдется дело. Порой бывает очень трудно: ведь эта работа требует настойчивости, мужества, упорства. Только сейчас я по-настоящему понял это. Однажды я случайно попал в тюрьму. Но я многому научился там. Я понял, увидел воочию, что такое жестокость, позор, насилие...

— Ты был в тюрьме?

— Да если бы меня не засадили туда, разве смог бы я не проводить тебя?

— Отчего же ты не приехал в Джамбейту? Ведь ты же обещал...

Хаким рассказал о том, как он ездил в аул, как ускользнул из рук Аблаева, о том, как был в Уральске и выехал оттуда с караваном. Однако он умолчал о руководителях Совдепа, об их работе и о том, для чего приехал в Уральск.

Замирая от страха, слушала Мукарама его рассказ.

— Аблаев приехал в Джамбейту позавчера, перевязал голову, точно был ранен. Вошел, когда Досмухамбетовы сидели и пировали... Мы были в гостях у доктора Ихласа. Меня пригласила туда Ольга-ханум...— сказала Мукарама, схватив Хакима за руку.

— Этот разбойник уже там! — воскликнул Хаким.— А я-то спас его от смерти. Он ведь каялся, что больше не будет служить правителям Джамбейты!

— Хаким, ты настоящий революционер, и я теперь знаю это.

Маленькие, почти детские руки Мукарамы с длинными пальцами и мягкими ладошками пытались крепко сжать крупную руку юноши и никак не могли это сделать. Широкие рукава легкого платья соскользнули до локтей, обнажив белую, не тронутую солнцем кожу. Хаким, держа за пальцы, поднял ее руки, любуясь ими, и вдруг почувствовал, что они теплым кольцом обвили его шею.

Несколько минут они стояли молча. Хаким видел посветлевшие большие глаза девушки, в которых искрилась, разливаясь, радость.

Усилием воли Хаким высвободился из объятий и вынул из теплых пальцев Мукарамы письмо.

— Смотри,— сказал он, указывая на последние строки,— в Богдановку выехали каратели.

Мукарама не поняла.

— Там, в Богдановке, русские крестьяне взяли в руки оружие и выступили открыто против своих угнетателей — казаков. Туда из Уральска вышли войска, чтобы расправиться с непокорными. Прости, Мукарама, мне надо идти. Нельзя опаздывать.

— Я провожу тебя до реки,— шепнула девушка.

— Нет, дорогая,— мягко остановил ее Хаким.— За нами могут следить. К тому же я не буду переходить через мост, а пойду за мельницу и переплыву на лодке возле кожевенного завода. Нам нельзя идти вместе...

— Как я хочу переехать сюда из Джамбейты! — грустно сказала Мукарама.— Там все безрадостно...

Хаким взял ее за руку.

— Не забывай, что фронт близко. Казачьи атаманы могут мобилизовать тебя, как медика. Вместо того чтобы перевязывать раны врагов, лечи лучше своих крестьян. Им ты нужнее. А вскоре придем и мы. Обязательно придем, Мукарама!

Хаким произнес последние слова решительно. Мукарама покорно склонила голову. Ему нельзя было не подчиниться.

3

Очутившись на свободе, Аблаев вскоре встретился с султаном Аруном-тюре. Умышленно извращая ночные события, он рассказал ему:

— Когда уже было за полночь, на караван, проходивший в это время возле Ханкуля, напало, выскочив из засады, около ста вооруженных бандитов. Мой маленький отряд оказал героическое сопротивление. В рукопашной схватке погибло семь наших джигитов, пятеро были тяжело ранены. В живых осталось двое — я и один джигит. Мы рубились шашками, и темнота спасла нас. Лошади были перебиты, потери со стороны врагов — свыше десяти человек. Один из наших джигитов догнал нас на рассвете — он спасся, спрятавшись под телегу, и сообщил, что караван ограбили красные повстанцы. Он слышал своими ушами слова Абдрахмана Айтиева: «Мы — Красная гвардия, бросай оружие и возвращайся в аул. Мы прощаем тебя». Все это было невдалеке от села Богдановки.

— Позор,— прорычал Арун-тюре, считая, что это событие бросает тень и на него самого. Как хотел султан сжечь эту проклятую Богдановку, ставшую гнездом мятежа, стереть ее с лица земли, насладиться видом повешенных руководителей восстания! — Всех, всех расстрелять! Повесить! — повторял он сотни раз, сжимая кулаки.— Всех уничтожить!

На чрезвычайном заседании правительства тюре добился отправки карателей в Богдановку. Он дал в распоряжение

правителя Кара-Обы — Абиля — двадцать пять солдат, присоединив к ним офицера Аблаева, и распорядился расстреливать всякого, кто попадется под руку.

И сам Арун выехал следом за войсками, посланными на усмирение деревень.

* * *

Кульшан каждые два дня посылала через братишку еду деверю и старшему брату. Чем они были заняты — она не знала. Но однажды, когда она была у Мендигерея, многое неожиданно открылось ей. Она узнала, что Абдрахман не одинок, около него Мендигерей и Сахипгерей, много и других образованных людей, с которыми она не была знакома.

— Дорогая моя Кульшан,— говорил Мендигерей,— мы сейчас переживаем большие трудности. Много горя еще впереди. Но надо быть сильной. Надо все вынести. «Лишь терпеливый достигнет своей цели»,— гласит пословица. Абдрахман не один. Он работает, чтобы объединить и направить против врага тех, кто ищет справедливости и равноправия. Ты иди домой. Все, что видела и знаешь, храни в тайне.

С этого дня настроение Кульшан поднялось, с ее плеч свалилась тяжесть, что давила ее после встречи с Абилем. Даже поступь ее стала легче. Каждый день она, как невеста жениха, ожидала захода солнца, чтобы отправить передачу.

Однажды вечером Икатай сказал:

— В нашем доме и во всем ауле началась суматоха. Требуют, чтобы нашли дядю Ергали. Кто-то сказал, что я ношу красным пищу. Я сбежал, как только увидел в ауле солдат.

Точно вкопанная, неподвижно стояла на берегу Кульшан, держа младшего брата за руку. Она не знала, что сказать.

Петро привычным движением вычерпнул воду из лодки, положил на место жестяной ковш и сказал:

— Давайте быстрей! Далеко ехать.

Кульшан молча сняла кожаные галоши, ичиги и, взяв их под мышку, засучила штаны. Потом она быстро прыгнула в лодку.

— Петро, голубчик, греби!

Мальчик ничего не ответил и сел на свое место, чуть покачивая головой. Икатай оттолкнул лодку, задравшую нос от тяжести двух людей на корме.

Маленький Икатай сильно греб обоими веслами, и лодка стремительно неслась к противоположному берегу.

Эта лодчонка напоминала сейчас сильного аргамака, который рассекает воды, высоко подняв голову. Петро, точно

подстегивая коня, время от времени подгребал одним веслом. Кульшан сидела впереди и, держась рукой за борт, вглядывалась в противоположный берег. Лодка шла прямо на большое черное дерево, отражавшееся в воде, и быстро приближалась к песчаной косе. Вот она уже вошла в тень, отбрасываемую пышными деревьями.

Все молчали.

«Милый Абеш! Ты сражаешься с врагами, ты все время на волоске от смерти. Родные мои! Если вы еще живы, хоть одного из вас я сегодня увижу. Или хоть узнаю, где вы бываете! До каких же пор я буду томиться в ожидании и неведении?» — думала Кульшан.

А рядом стоял, наклонившись к воде, безмолвный лес. Закатное солнце окрашивало воду в розовый цвет. Но Кульшан не замечала этой красоты, она думала только об Абдрахмане. Лодка скользила по направлению к Тартубеку...

Вот и устье реки Тущибулак. Тщательно спрятали лодку у берега. Кульшан пошла вдоль ручья, сопровождаемая взглядами мальчуганов.

Кульшан даже не помнит, как из чащи выскочили вооруженные люди, как ей грубо заломили назад руки, связали и мальчуганов. Их угнали в селение Олетти, далеко от берегов Урала.

Так действовал вооруженный карательный отряд Аблаева.

В Олетти, недалеко от Богдановки, была тайная квартира Мендигерея. С тех пор как первого апреля Гречко привез его сюда больного, израненного, Мендигерей редко оставлял Олетти. Здесь его лечил младший брат — доктор, затем поручил его местному фельдшеру для лечения «костного туберкулеза». Его настоящее имя знали лишь сын Амир и товарищи-большевики.

Едва поправившись, Мендигерей установил связь с Уральском, Богдановкой, потом с верными людьми аула, привлек их к агитационной работе. Нужно было во что бы то ни стало увеличить число сторонников Совдепа. И Мендигерей работал горячо. Мешала правая рука. После ранения она висела словно плеть. Но, несмотря на это, Мендигерей принял участие в съезде большевиков. Когда он вернулся оттуда на старой арбе, джигиты забросали его вопросами. Всем хотелось узнать, о чем говорили на съезде, каждый хотел оказать помощь Мендигерею. В ответ на действия карателей в Олетти организовалась вооруженная народная дружина. Как только казаки начали расправы в Богдановке и ее окрестностях, дружина Мендигерея двинулась на помощь Белану. Сорок вооруженных джигитов тепло проводил Мендигерей, с каждым по-отцовски поговорил. Но сам не смог возглавить от-

ряд: снова открылась глубокая рана в плече, закровоточила, и лекари велели больному лежать неподвижно.

Скрепя сердце Мендигерей подчинился. Джигиты должны были вернуться из Богдановки сюда, в его тайную квартиру, и Мендигерею оставалось только ждать.

Ночь раскинула над аулом свое покрывало. Одинокие звезды замерцали в вышине. Но тишина, спутница ночной тьмы, не давала уснуть Мендигерею. Все думы его были там, в Богдановке : «Неужто спалят они ее?» Ныло плечо, во всем теле разливалась слабость. Он лежал, закрыв глаза,— так было легче: тревога немного отступала.

Тяжелые шаги прозвучали в напряженной тишине. Мендигерей сел. Кто-то был рядом, в комнате, он ясно различал дыхание людей. «Вошли без стука,— подумал он,— чужие...» Он чиркнул спичку, неторопливо зажег лампу — прямо перед ним стояли четверо. Один из них держал наготове наган, в руках других тускло сверкнули шашки. Мендигерей снова откинулся на подушку и закрыл глаза. Где-то недалеко печально вскрикнула ночная птица, и все смолкло.

«Кто этот с наганом? — стучало в мозгу Мендигерея.— Где, где я видел его?»

— Что вам нужно? — как можно спокойнее спросил он.

— Бросай оружие! — заорал Аблаев, поднося вороненое дуло нагана к лицу Мендигерея.

— Если бы у меня было оружие,— проговорил Мендигерей спокойно,— вряд ли я лежал бы в постели...

И тут он увидел правителя Абиля. Тот боком протиснулся в двери, его бесцветные глаза беспокойно забегали.

— Ты сделался полицейским шпиком,— сказал Мендигерей, брезгливо поморщившись.— В этом нет ничего удивительного. Я хорошо знал, что ты найдешь себе подобное место.

Абиль молча опустил глаза.

— Вставай, одевайся! — властно приказал Аблаев.

Двое джигитов, спрятав шашки, подняли Мендигерея, грубо напялили на него одежду, скрутили руки. Острая боль в плече заставила его до крови закусить губы.

Нет, они не услышат его стона, эти люди! Он стиснул зубы и молча зашагал в сопровождении двух конвойных — офицер остался в домике. Вот и окраина села. «Видно, расстреляют за селом»,— подумал он. Но шел молча.

* * *

Хаким прислушался. Придержав поводья, он вытянулся в седле, как струна. Нет, он не ошибся — на окраине села уда-

лялся в сторону степи глухой топот, скрип колес. Может, это крестьяне отправились на сенокос? Не похоже. Тогда кто же эти люди, что едут в степь под покровом ночной темноты?

Он осторожно двинулся дальше. Обычно к дому Мендигерея Хаким подходил пешком — так было безопаснее. И сегодня он, как всегда, привязал кобылу к дереву, неподалеку от явочной квартиры, и осторожно направился дальше.

Тишина окружила его, даже замолк отдаленный лай собак. Хаким подошел и заглянул в окно. У Мендигерея было тихо и темно. «Верно, спит»,— подумал Хаким и уже хотел постучать в окно. Но быстро отдернул руку — ему показалось, что внутри вспыхнул огонек раскуриваемой папиросы... Потом еще раз. Кто-то курил, стоя у окна с другой стороны.

«Он ждет меня и курит, поглядывая в окошко»,— успокоил себя юноша и, обойдя дом, постучал в дверь. Никто не откликнулся. Прошло несколько минут, и Хаким слышал только тяжелые толчки собственного сердца. «Может быть, я не расслышал ответного сигнала Амира, а старик спит?» Хаким приложил ухо к замочной скважине... Вдруг до слуха Хакима донесся шепот. Шептались совсем близко, возле самой двери. Он едва успел отпрянуть, как дверь распахнулась. Хаким замер, прижавшись к стене, выхватил наган.

«Неужели взяли Мендигерея?» — с тревогой подумал он, и колючий холодок страха пробежал по его телу, сдавил холодным кольцом грудь.

Из дома вышел человек, прошел, едва не коснувшись Хакима, видимо, заглянул за угол. Глаза юноши скорее угадали его сутулую фигуру. Повернув, незнакомец пыхнул папиросой, и Хаким ясно разглядел ненавистные оттопыренные уши Аблаева. Он весь внутренне сжался, точно змея, готовая к прыжку. «Проклятый выродок! Он нарушил клятву, чтобы снова проливать людскую кровь!»

Не помня себя, Хаким стремительно опустил правую руку с наганом на голову офицера. Аблаев грохнулся, не крикнув. А у Хакима потемнело в глазах от лютой боли — кисть руки, казалось, вот-вот оторвется, пальцы, слабея, выпустили оружие. Двое выбежали из дома и склонились над лежащим офицером. Хаким бросился за угол и побежал к соседнему дому.

— Стреляй! Стреляй! — закричали позади, и в ту же секунду боль обожгла правое бедро.

«Ранен,— в тревоге подумал Хаким.— Единственное спасение — добежать до лошади!»

Снова сзади загремели выстрелы, послышался топот, крики. Пользуясь темнотой, Хаким быстро пересек двор сосед-

него дома и с ходу вскочил в седло. Раненая нога с трудом попала в стремя. Хаким пришпорил лошадь и крупной рысью поскакал в сторону Богдановки.

«Добраться до нашего штаба... Спасти Амира, Мендигерея... Только скорее, скорей!» — билось в голове.

* * *

Неудачи преследовали офицера Аблаева. Ни одного из поручений он не смог выполнить. «Счастье и удача, повышение в чине и авторитет навсегда покинули меня»,— с горечью думал он, лишившись каравана с оружием. Султан Арун, пожалев незадачливого вояку, отправил его на берега Яика для уничтожения партизан. Стиснув зубы, в погоне за ускользнувшей птицей счастья, ринулся Аблаев на поимку проклятых смутьянов. Схватив Кульшан и мальчишек, задержав Мендигерея, Аблаев чуть не прыгал от радости.

И снова неудача — бежал неизвестный большевик, бежал, оставив глубокую рану на его, Аблаева, голове! Он был готов расстрелять той же ночью всех жителей Олетти, растерзать на куски пленников, попавших в его руки.

Но, поразмыслив, Аблаев решил доставить известного революционера Мендигерея в Джамбейту живым. Поэтому он запер всех четверых арестованных в чулан, выставив надежную охрану у дверей. Всю ночь он, не смыкая глаз, прошагал возле чулана, скрипя зубами от ярости.

Наутро к нему пришел Фроловский. Он был бледен.

— За что задержали моего Петра? — спросил он.— У мальчика своя собственная лодка. Что ж тут дурного, если он перевез кого-то через реку? Или отнес пищу косарям? Нельзя, уважаемый офицер, наряду со взрослыми привлекать к ответственности мальчишку...

— Хорошо,— сквозь зубы процедил Аблаев,— сейчас ты повстречаешься со своим сыночком.

И он обратился к солдатам:

— Вот видите — этот сам явился. Хорошо. Отправьте его вместе с сыном. Посадите к пленникам!

Фроловский взмолился:

— Господин офицер! За что? Ведь мы же ни в чем не виноваты...

— Свяжите этого и бросьте в телегу! — распорядился Аблаев.— Быстро! Ну!

Фроловский попытался вырваться из цепких рук охранников. Но один из них крепко стукнул его наганом по голове, и крестьянин упал. Тогда Аблаев несколько раз с наслаждением ударил его в лицо носком сапога...

Точно перевязанный сноп, сидел Фроловский в телеге. Он медленно начал приходить в себя. Темно-багровая, начинающая уже густеть кровь медленно ползла по груди.

Из чулана вывели мальчиков со связанными руками. Их тела прикрутили веревками к противоположному борту телеги. Петро сначала не узнал отца. Потом вскрикнул и опустил голову, боясь даже взглянуть на изменившееся, залитое кровью лицо. Икатай смотрел прямо перед собой, и его большие глаза были полны страха. Потом на другой тарантас водрузили Мендигерея и Кульшан.

Ехали к дальней окраине села. Старый тарантас, скрипя, покачивался из стороны в сторону, и рана Мендигерея болела нестерпимо. Как только миновали последний дом, Аблаев скомандовал:

— Стой!

Телегу, в которой сидели Фроловский и мальчишки, отвели в сторону за дорогу.

— Стройся, шашки вон! — фальцетом заорал Аблаев.

Двадцать всадников, обнажив шашки, выстроились по двое.

— Рубите! — махнул рукой офицер.

Пронзительно засвистели острые шашки карателей, с тупым страшным звуком мягко врезались в тела мальчиков. Дико закричала в тарантасе Кульшан. Она упала на грудь Мендигерея.

— Апа! Апа! — таял в воздухе последний, предсмертный крик Икатая.

Аблаев спокойно дал команду:

— Вперед!

Он спешил доставить Мендигерея и Кульшан в Джамбейту...

4

На востоке появилась узкая светлая полоска. Сначала чуть приметная, она росла и ширилась вдоль горизонта, освещая холмы Акадыра, остроконечный холм, словно окутанный розоватым туманом.

«Уже минула ночь,— с удивлением подумал Хаким.— Как быстро!»

Он был рад, что в темноте, без дороги, не имея компаса, выехал прямо к Богдановке. Словно караван верблюдов, показались в предрассветной дымке горбатые избы деревни. Миром и покоем веяло от этого утра, и Хакиму просто не верилось, что здесь шла настоящая война.

«Спасти во что бы то ни стало Мендигерея и Амира,— шептали его запекшиеся губы,— сейчас в наших руках оружие, сила. Спасти».

Он подтянул подпругу и направился в сторону рощи. Едва он въехал под сень деревьев, как услышал громкий окрик:

— Стой!

Двое с винтовками преградили ему путь.

— Кто такой? По какому делу едешь? — сурово спросил один, почти мальчик, сердито вытаращив глаза.

«Неужели опять попал в беду? — подумалось Хакиму, и тут же горячая волна радости подкралась к сердцу: — Свои... Джигиты Белана...»

У них не было патронташей, в руках — только винтовки, старая одежда ничуть не походила на обмундирование казаков.

— Ведите в штаб! — громко сказал Хаким. Я должен сообщить кое-что. А кто я такой — вам там скажут...

— Давай оружие! — потребовал круглоглазый, крепко ухватив за узду лошадь Хакима.— А в штаб я поведу тебя и без твоего согласия.

Хакиму очень понравилось усердие, с каким молодой парнишка нес свою службу.

— Был у меня маленький, как игрушка, револьверчик, да я по пути потерял его,— улыбаясь, ответил он.— Не то подарил бы.

— Ладно, ладно! — строго сказал тот, что был постарше.— Нечего шутки шутить да скалиться! Иди вперед!

Парнишка повел лошадь, другой джигит с винтовкой наготове следовал позади. Так двое пеших привели конного Хакима в село.

Необычно выглядела деревня в это утро. Не слышно было мычания коров, не горели в окнах огни. На улице Хаким не встретил ни одного человека. Зато дальше, в овраге Теренсай, было полно народу, точно все население собралось сюда на праздник. Хаким присмотрелся — мужчины на конях были вооружены. Они стояли отрядами по пять — десять человек, и лица их были суровы.

Хакима привели к обрыву, где расположился временный штаб. Его встретили Абдрахман и Сахипгерей. Абдрахман взял юношу за руку и, с тревогой заглянув в лицо ему, спросил:

— Что с тобой? Почему так бледен? Может, наткнулся на вражеский отряд?

Хаким молча протянул ему бумагу.

— Идите! — сказал Абдрахман конвоирам, которые стояли, ожидая дальнейших распоряжений.— Ну идите же...

Парнишка еще больше округлил и без того огромные глаза и смущенно улыбнулся Хакиму, как бы прося прощения.

Хаким проводил его взглядом.

«Совсем мальчуган»,— с неожиданной лаской подумал он.

— Нет, Абеке, не отряд я повстречал, а того прохвоста офицера, которого отпустили живым. Этого волка... Он напал на Мендигерея и Амира. Их поймали, увезли... Не могу простить себе — зачем я его не убил тогда?

— А это? — спросил Абдрахман, заметив пропитанные кровью брюки Хакима.

— Выстрелили вдогонку. Рана пустяковая, кость цела. Но я был долго в седле, нога затекла и не дает ступить,— сказал Хаким, поддерживая бедро рукой.

— Подожди, что-то я не понял. Кто этот офицер?

— Да тот самый предатель Аблаев, которому мы даровали жизнь, поверив его клятве, освободили...

И, не будучи в силах вынести взгляда Абдрахмана, Хаким низко опустил повинную голову...

— Рассказывай все,— тихо сказал Абдрахман.

И Хаким поведал о событиях, происшедших в Олетти.

— Дайте мне людей,— горячо сказал он,— и я вырву из лап проклятого клятвопреступника наших — Мендигерея и Амира! Если мы не можем освободить наших руководителей из тюрьмы, то этих-то двоих я вырву, чего бы то ни стоило!

— Потерпи, дорогой,— спокойно сказал Абдрахман.— Амир жив-здоров. Он находится сейчас на своем посту вон там, на горке. А потеря Мендигерея — это, конечно, очень тяжелая утрата. Ведь только вчера я просил его изменить место явки, уехать из Олетти... А сейчас даже времени у нас нет, чтобы заняться его освобождением...

Хаким вскочил.

— Ночью сожгли Алексеевку,— продолжал Абдрахман.— Вон, гляди... Еще горит.

Хаким посмотрел туда, куда указывал Айтиев. Словно туча, низко над землей стелился беловатый дым. Но языков пламени уже не было видно.

— Враг идет сюда, чтобы сжечь и Богдановку. Не только головорезы из Джамбейты, но и казачий отряд, прибывший из Уральска, вот за теми холмами. Нападение хотят вести с двух сторон. Но и мы не отступим ни на шаг, пока души многих из них не отправим прямиком в ад!

И Абдрахман невесело улыбнулся. Потом внимательно прочел бумагу и передал ее Сахипгерею.

Члены Совдепа знали заранее о том, что из Джамбейты выехал карательный отряд под предводительством Аруна-

тюре. Все вооруженные силы собрали большевики под Богдановкой. Со вчерашнего дня из соседних прибрежных деревень стекались джигиты, крестьяне. Каждому было вручено оружие. В обоих концах длинного глубокого оврага установили по пулемету, канавы были превращены в траншеи, где ждали стрелки. Всю ночь Иван Белан распределял своих воинов в нужных местах отдельными небольшими отрядами.

Вскоре в штаб прибыли Иван Белан, Парамонов, Довженко и командующий джигитами-казахами Мырзагалиев. Все они прочли слова Дмитриева и приписку, сделанную Зубковым.

— Туговато... приходится... атаманам,— сказал Парамонов, выделяя каждое слово, точно вколачивая гвоздь.— Надо сделать так, чтобы им стало еще хуже. Пусть каратели умоются собственной кровью! Мы не отступим. Как твои ребятки, Иван? Казаки ведь мастера рубить шашками — помчатся во весь дух... Так что будь начеку!

— Я обошел только что траншеи, Петр Петрович,— отдав честь, доложил Белан.— Точь-в-точь как в Пруссии. Ни один хлопец не попятится назад. А около пулеметчиков буду я сам...

Хаким был взволнован. Мужественный вид этих людей, готовых к большой битве, спокойная организованность действий произвели на него сильное впечатление. Он забыл усталость, рану, хотел сейчас только одного — быть вместе с товарищами, помочь им.

— Товарищ командир! — горячо обратился он к Белану.— Примите меня в свой отряд. Направьте к Амиру, и я разведаю расположение врага!

Иван поглядел на бледное лицо юноши, на его взмыленную кобылу и медленно покачал головой:

— Нет, пока отдохни, товарищ. Много и других дел будет. Вот сейчас прискачет и сам Малыш — на самом краю плоскогорья, видишь, стоит он на посту...

Белан взглянул на восток и вдруг воскликнул, сверкнув глазами:

— Товарищи! Уже показались головы незваных гостей! Ну, я пошел, подготовлю своих ребят!

Все вскочили.

Белан поскакал по краю оврага к самым дальним стрелкам, не отрывая зоркого взгляда от всадника, который приближался к вершине большого холма. Он разглядел, что вслед за ним мчались во весь опор двое, а немного дальше еще трое всадников.

Ярость овладела Беланом.

— А-а-а... Сукины сыны! — проговорил он, задыхаясь от гнева.— Гонитесь за Амиром, а? Я вам покажу!..

Всадников заметили все, кто был на краю Теренсая. Каждый быстро занял свое место. Мырзагалиев присоединился к своим джигитам на восточной стороне, Парамонов с Абдрахманом приблизились к отрядам, стоявшим возле запруды.

«Кто этот всадник, что убегает от погони? — мучимый беспокойством, думал Хаким.— Казаки догонят его и зарубят на куски... Помешать... Помешать...

Он быстро привязал коня и, не отдавая себе отчета, стал карабкаться на четвереньках вверх.

Да, это был Амир...

Хаким не знал, что юноша давно рвался на разведку. Амир злился, что всю весну он был вынужден просидеть возле больного отца, точно старая бабка. И теперь он был рад, как молодой беркут, с которого сняли томагу[1]. Работа в овраге казалась ему скучной, лишенной романтики. На рассвете этого дня он выклянчил у Капи Мырзагалиева его быстроногого вороного скакуна и помчался в степь, чтобы разведать, до какого места дошли уже ненавистные каратели.

Большой холм находился в семи верстах от Богдановки. Амир поднялся на вершину, когда всходило солнце. В чистом и свежем утреннем воздухе его взгляду открылась необъятная даль степи, чуть подернутая легкой дымкой. Небольшие селения по берегам Яика казались грудами мелких пестрых камешков, лежащих на дне прозрачной воды. Амир спешился и направился к сенокосу, полной грудью вдыхая пряный запах полыни и сайгачьей травы. Юноша лег в траву. Первые лучи солнца коснулись его разгоряченного лица. Неизвестно, сколько он пролежал, о чем думал.

Вдруг он поднял голову и увидел, как недалеко, прямо в лощине, словно волки, вереницей двигались всадники.

— Казаки!

Сердце Амира сильно забилось. Не от страха, нет! Он ждал, когда враги совсем приблизятся... Тогда...

Казаки остановились. Поговорив о чем-то, они выхватили из ножен шашки и помчались прямо к Амиру. Юноша выжидал, вдев ногу в стремя... Он чувствовал, что конь ловит каждое его движение, готов в любую секунду броситься как ветер вперед...

— ...Еще поближе... На расстояние выстрела...— шептал Амир,— а потом я выведу вас прямо к нашим пулеметчикам, и вы растянетесь в овраге точно толстые быки... Вы найдете там свою смерть, шакалы...

---

[1] Томага — кожаный колпачок, закрывающий глаза беркута.

И Амир, вскочив в седло, гикнул. Конь рванулся с места вперед, но Амир натянул поводья, и животное, сразу поняв, перешло на мелкую играющую рысь...

Расчет оказался правильным — казаки помчались вслед с ругательствами и криками. Ближе всех шла лошадь с широкой, как дверь, грудью. Чернобородый казак, размахивая горящей в лучах солнца шашкой, весь склонился вперед, и огромная папаха его раскачивалась, точно крыша юрты на ветру. Амир уже слышал за спиной храп лошади, тяжелое дыхание грузного всадника.

— Теперь выручай, Черныш! — склонившись к уху коня, проговорил Амир, пришпоривая его тугие бока.

И только воздух засвистел в ушах! Амир смутно видел землю, в лицо яростно бросался ветер, а глаза заволокло слезами...

— Не стрелять! — приказал Белан.— Пусть подъедут на сто пятьдесят шагов! Тогда мы и без пулеметов покажем им кузькину мать! Верно, Науменко?

Бешено скакавшие казаки приблизились к оврагу Теренсая.

— Пропустите Малыша! По казакам огонь! — закричал Белан.

Стрелки дали залп. В облаках дыма было видно, как черный казак нырнул вниз, высоко задрав длинные ноги в широченных шароварах, а хозяин второй лошади, скорчившись, упал на землю. Третий казак испуганно заметался на месте, но тут же стрелок, лежавший рядом с Беланом, метко подстрелил его лошадь.

— Черные кобели, я покажу вам могилы ваших отцов,— стиснув зубы, повторил Белан.

Тут в лог спустился Амир, дав большой круг, точно участник байги. Еще не остыв от быстрой езды, он с недоумением уставился на Хакима.

— Хаким! — только мог выговорить он пересохшими губами.

...А казачья конница приближалась. Она стремительно мчалась вперед. Это были отряды султана Аруна и казачья сотня. Уничтожив и спалив дотла деревню Алексеевку, каратели думали, что так же беспрепятственно они сметут с лица земли и Богдановку.

— Эти негодяи, хохлы, видимо, попытаются оказать нам сопротивление,— насмешливо проговорил Арун, обращаясь к сотнику, когда кони их пошли рядом.— Надо атаковать их вашими шашками. Нагонят на них страху казаки, а остальное довершат мои доблестные джигиты.

— Не только босоногие хохлы, а и войско самого кайзера не устоит перед казачьими шашками! — высокомерно ответил сотник.— Моя сотня может изрубить на шашлык целый батальон.

И казаки помчались вперед.

В овраге быстро разгадали намерение врагов. Пулемет перетащили с края лога ближе к Науменко, сгруппировали возле него бойцов. И все притихло, точно в лесу перед бурей.

— Главное, чтоб не было паники! — повторяли Абдрахман и Парамонов, обходя траншеи.— Слушайте только приказ командира Белана. Или смерть, или жизнь!

Казаки не видели замаскированных бойцов, а о существовании пулеметов не могли и подозревать. Ослепительно сверкая шашками, казаки с гиканьем бросились в лог.

— Слушать команду! — закричал Белан.— Науменко, Кобец, поворачивайте пулеметы! Стрелки — огонь!

Грянули выстрелы, часто застучали пулеметы. Все смешалось в дыму и пыли, поднятой копытами коней. Казаки валились как снопы, бились в предсмертных судорогах кони.

Оставшиеся в живых казаки, подобно перепуганным овцам, бросились обратно. Но и тут их догоняли меткие пули стрелков Белана. Красные бойцы с винтовками наперевес начали подниматься вверх по склону оврага.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

У каждого — своя мечта. У Мукарамы она тоже есть. Но мечта потому и мечта,— не всегда исполнима, неуловима...

После встречи с Хакимом девушка лишилась покоя. Все ее помыслы были там, с ним, на берегу Яика.

Возле светлого Яика, где когда-то она бегала босиком, купалась, ныряла, чтобы вырвать белый корень тростника!

Возле белого Яика, где, розовощекая от мороза, она когда-то возила санки, каталась на коньках.

А теперь так далек родной город, где она впервые пошла в школу, где выросла, читала книги, научилась танцевать.

Город той беззаботной первой юности, где вместе с Хакимом, держась за руки, она бегала, уверенная, что завтра ждет ее более радостный, более счастливый день...

Последняя встреча... Все она живо помнит! Все было необыкновенным! Необыкновенным был и Хаким, выросший, возмужавший, красивый. А какой сдержанный, умный! Как серьезно, озабоченно говорил: «Лучше пошла бы ты в степь,

в аулы и лечила бы наших людей, чем промывать тут раны врагам. Мы ведь скоро вернемся!»

Девушка не сразу вникла в смысл его слов. Да разве могла она тогда думать о чем-то другом! Ее сердце ликовало тогда! Не хватало сил опустить руки с его плеч. Разве могла она спокойно ответить горячо любимому человеку? А тут еще разгневанная бабушка! Ощетинившийся штыками город! Полиция, следящая за каждым твоим шагом! Все как будто на них смотрели, торопили, были против.

— Не надо провожать. А то сразу тебя заприметят! — сказал Хаким, торопливо целуя ее. И поспешно ушел, без конца оглядываясь назад. Быстро пошел по Сенной и исчез в переулке.

А Мукарама? Истосковавшаяся, изболевшаяся по любимому, осталась оглушенной неожиданным счастьем, у ней будто отнялся язык от радости, и не успела, не в силах была поведать ему о своих думах, о самом дорогом, трепетно нежном, так и застыла у ворот с широко открытыми, растерянными глазами...

Радость встречи сменилась горьким расставанием. Девушка вошла в дом и, ошеломленная, долго сидела у окна. Все проходит, нет ничего вечного. Радость встречи, горечь расставания, печаль разлуки.

«Что мне мешает? Что меня здесь удерживает? Живу вдали от родного дома. Холодный и загадочный брат также не близко. Что меня держит здесь? Почему я не с ним? Вместо того чтобы рассказать свои тайны, лишь молча кивала головой? Отчего не сказала, что готова лечить революционеров, перевязывать раны от казачьих шашек? Почему не ушла ухаживать за Мендигереем и другими ранеными товарищами? Почему я не там, где Хаким? Есть же на фронте девушки, женщины, разве я хуже их?» Сомнения, думы тревожили изводили Мукараму, не покидали и днем, и долгой ночью...

Шли дни. «Вскоре вернемся! Жди!» — говорил Хаким.

«Он сдержит слово! Он верен своему обещанию! Он герой! Он особенный! Он придет! Завтра придет!» — стучало сердце Мукарамы.

Шли дни, шли месяцы.

Прошла весна, пролетело пыльное, знойное джамбейтинское лето, и теперь вот на пороге унылая осень. Хмуро кругом, и земля лишилась тепла. Хмуро на душе, и жизнь неуютна, неласкова.

Мукарама обычно вставала поздно, но сегодня поднялась на заре, вышла из дому. Улица неприглядная, унылая. Девушка подошла к умывальнику и вернулась в дом. Наспех вы-

терев лицо, руки, открыла маленькую форточку, проветрила комнату. Потом начала рыться в столике, нашла бумагу, карандаш. Присела к столу... На бумаге быстро появились бусинки букв, они слились в самые дорогие, сокровенные слова.

«Избраннику моего сердца, любимому другу Хакиму Жунусову низкий поклон...»

Нахлынули воспоминания. Девушка нервно зачеркнула строки и уставилась в открытую форточку, откуда струилась утренняя прохлада.

Девичьи думы загадочны. Может быть, рука невольно выдала то, что творилось в душе и о чем девушка не решалась говорить? Либо это были случайные слова, говорящие не то, о чем думалось? Как бы там ни было, но строки, неожиданно легшие на бумагу, так же неожиданно были зачеркнуты.

Девушка долго смотрела в окно. Она любила смотреть в большие глаза Хакима, на его высокий, крутой лоб, и взгляд ее тогда был таинственным, задумчивым, а сейчас она уставилась на покосившуюся раму окна невыразительным, пустым взглядом. Мягкий, женственный подбородок, точеный небольшой нос, длинные трепетные ресницы, тонкие линии черных бровей — все было сейчас застывшим, печальным.

Мукарама представила, как по-осеннему грустно сейчас в степи... Над долиной Уленты висит ущербный месяц, тонкий и нежный, словно девичья бровь. Рожь выбросила колос, гибкий чий в зеленой тюбетейке накинул на себя белое легкое покрывало из пуха. Старухи в белых жаулыках выбирают длинные тростинки чия, складывают в рядок и связывают тонкой бечевой — делают циновки.

Полноводная весною река Уленты за лето стала мелкой, а местами вовсе высохла. Звезды Плеяды, вольно пройдясь по ночному небосводу, точно нежеребые кобылицы по степи, теперь снова заняли свое место...

К письму девушка уже не вернулась. Решимость исчезла, вспышка радости погасла.

Не дожидаясь утреннего чая, Мукарама отправилась в больницу. Девушка шла быстро, никого вокруг не замечала и не обратила внимания на Амира, поджидавшего ее возле школы.

— Подождите, Мукарама!

Девушка вздрогнула, обернулась и сразу узнала Амира, знакомого гимназиста, друга Хакима, о котором он постоянно ей говорил... «Откуда он? Неужто от Хакима?» Но девушка ни о чем не спросила, лишь молча посмотрела на смуглое, загорелое лицо юного джигита. Затаив дыхание, она

ждала слов: «Хаким... привет вам передал». Но Амир тоже молчал. Он потянулся рукой к карману, но на мгновение замешкался, посмотрел на девушку. Красивая, нарядная, она стояла перед ним в напряженном ожидании и показалась Амиру еще более похорошевшей. Чистые черные глаза с длинными, чуть загнутыми ресницами словно хотели смутить его и глядели в упор.

«Интересный парень Хаким. В такой суматохе находит время писать девушкам письма! Или тут настоящая любовь? Впрочем, такой девушке невольно напишешь»,— подумал Амир. Он отвел глаза, глянул на нагрудный карман своей гимнастерки и вытащил сложенное в несколько раз и заклеенное по краям письмо. Девушка взглянула на письмо, потом вопросительно на Амира — что это может быть?

— Хаким Жунусов просил передать...

Мукарама почти выхватила письмо, торопливо сказала: «Спасибо» — и пошла. Но, пройдя несколько шагов, остановилась.

— Амир, вы у кого на квартире? — спросила она неожиданно.

Амир, уже зашагавший к городу, тоже остановился. «Сказать или не сказать?» Необыкновенная радость на лице девушки, ее ликующий голос заставили Амира ответить:

— У портного.

«Помнит мое имя, не забыла»,— не без удовольствия подумал Амир, восхищаясь обликом Мукарамы и все же испытывая к ней легкую прежнюю неприязнь из-за того, что она дочь известного богача. Продолжать разговор на улице он счел неуместным и пошел дальше. Девушка нетерпеливо вскрыла письмо и стала читать на ходу. С первых же строчек бурно заколотилось ее сердце. Каждое слово, каждая строчка влекли ее в мир долгожданной, выстраданной, недоступной мечты.

«Мукарама! Прими сердечный привет от истосковавшегося по тебе Хакима. Хотя в эту минуту я не вижу тебя, но мне кажется, что я рядом с тобой и крепко-крепко обнимаю и целую тебя. Много дней прошло с той последней встречи, но ты стоишь перед моими глазами так живо, будто все было только вчера. Я вижу тебя в твоей комнате, в твоем родном доме на большой улице в Уральске. Я так ярко представляю тебя, только руками не могу дотянуться, не могу прижать крепко к себе и горячо поцеловать. Я знаю, верю, что скоро-скоро настанет долгожданный, желанный, счастливый день. Были бы у меня крылья, вот сегодня, сейчас прилетел бы к тебе! Был бы птицей — по три раза в день прилетал бы к тебе.

Мукарама! Никогда не забуду дня, когда мы расстались с тобой. Это был самый незабываемый, самый славный день в моей жизни! Совершенно неожиданно я стал свидетелем великого события. Именно в тот день я понял, что нас много, что дело наше верное и святое, что нет такой силы, которая могла бы нас сломить. Я окончательно убедился, что дело, начатое нашими братьями, нашими современниками, ведет нас к свободе и равенству, к любви и счастью. Этот день указал путь к нашему с тобой счастью. Все передать в письме невозможно, можно только рассказать при встрече и, как сказку, передавать из поколения в поколение. Впечатление того дня я храню, чтоб передать только тебе одной. Храню как песню о бесстрашных и мудрых людях...

Письмо тебе передаст гимназист, которого ты знаешь. Он, наверное, ничего тебе не скажет, потому что ему нелегко говорить сейчас, он не имеет права раскрывать себя, да и вообще ему не до разговоров. Отец его в тюрьме. Личная свобода сотен и сотен людей неразрывно связана с тем великим будущим, которое близко... Скоро, может, я увижу тебя, обниму тебя.

Я помню свое обещание: мы встретимся! Вот моя рука!

Любящий тебя твой Хаким».

Словно пожав его руку, Мукарама крепко сжала ладонями письмо Хакима — так и вошла в ворота больницы.

А за воротами среди толпившихся парней находился в это время еще один близкий для нее человек...

2

Огромный двор возле красного кирпичного здания Джамбейтинской больницы был заполнен чернявыми казахскими парнями. Они собрались — кто по своей доброй воле, а кто поневоле — из двенадцати волостей, чтобы стать солдатами ханского войска.

Большинство в заскорузлых чекменях, кое-кто в длиннополых шубах с клочьями овечьей шерсти, а обтрепанные, замызганные шапки из смушек так пестры, как бывают пестры ягнята у казахских овец: черные и пегие, белые и серые. Одеты бедно: полинявшие, когда-то красные рубахи, вправленные в залатанные нанковые штаны, кажутся ханским одеянием рядом с нелепыми шароварами из шкурок и бязевыми рубахами. Среди босоногих собратьев важно и гордо вышагивают парни в огромных сыромятных сапогах, отделанных грубым войлоком.

Девяносто пять из ста парней в разношерстной одежде никогда не видели города, не склонялись над книгами или бумагами, не держали в руках карандаша. Это были тихие, безобидные дети казахской степи из разных ее уголков и краев — из Кара-Куля и Каратау, Жалгиз-агаша и Тамды в стороне Мангистау, из Шынгырлау и Бурили в стороне Оренбургской, из Косатара и Дуаны, из Анхаты и Ащисая под Яиком. Они толпились во дворе больницы, точно сбившиеся в кучу овцы. Нурым и его новый знакомый выглядели вожаками столь странной, случайной, разномастной толпы. Словно осиротевшие ягнята, поблескивая глазами, парни подобострастно заглядывают в рот своим вожакам, то простодушно расхохочутся над их шуткой, то обиженно нахмурятся, если заденут их насмешливым словцом.

— Эй, головастик, ты знаешь, почему город называется Кзыл-Уй? — спросил Нурым сидевшего рядом джигита.

— Я, по-твоему, строил этот Кзыл-Уй или отец мне оставил город в наследство? Или ты думаешь, что я мудрец, ученый, чтобы знать, почему называют так, а не иначе и когда и кто дал название? Теке — значит Теке, Кзыл-Уй — Кзыл Уй, а Уйшик — значит Уйшик! Вот и весь разговор! Ты у серой кобылицы спроси, почему у нее жеребенок черный...— ответил коренастый крепыш.

У него и в самом деле была большая голова. Черную поношенную шапку парень небрежно засунул за пазуху просторного чекменя из верблюжьей шерсти.

— Ты же вырос возле Уленты, каждый день пылишь по улицам города, а почему он называется Кзыл-Уй — не знаешь. Первым домом была здесь вот эта больница и вон та школа. Их построили из красного кирпича. Поэтому наши казахи и окрестили город «Кзыл-Уй». Запомни...

Нурым сидел, обхватив колено, и смотрел в небо.

Коренастый неожиданно ткнул его в бок и насмешливо сказал:

— Ты, чумазый, что на небо уставился? Клад нашел? Взгляни-ка лучше в сторону ворот — забудешь и красный дом, и синий дом!

— Полегче, черт бы тебя забрал, печенку отбил,— огрызнулся Нурым и глянул в сторону ворот.

Во двор больницы, стуча каблучками, входила светлолицая, с высокой грудью девушка, ноги у нее были стройные и прямые, нос чуть вздернутый. Нурым не видел ее прежде, но сейчас сразу догадался, что это и есть Мукарама. «Точь-в-точь, как говорил Хаким: высокая, стройная, словно тростник, круглый подбородок, белое лицо, брови темные, словно чернение на серебре. А ресницы такие длинные, будто

для того и созданы, чтобы щекотать душу... Конечно, она — Мукарама. Не может быть двух таких красавиц в одной больнице! Говорили ведь, что Ихлас Шугулов взял ее к себе в больницу»,— соображал Нурым, не отрывая от девушки глаз.

Мукарама конечно же не знала Нурыма и не взглянула в его сторону. Вполне возможно, что она нелестно подумала об этих парнях: «Аульные оборванцы, отсталый сброд. Немытые, вшивые степняки в засаленных лохмотьях. Притащились на комиссию, столпились как бараны. О аллах, что они знают, кроме овец?!»

Она не впервой видала этих парней возле больницы, вот так, группами спавших на подстеленной одежде. Их нелегко отличить друг от друга по внешности, а знать по имени — кому это нужно?.. Девушка, не останавливаясь, не глядя по сторонам, горделивая, поднялась по ступенькам крыльца и скрылась за дверью.

— Точь-в-точь вот такие лебедушки плавают у нас в затишье на озере Қамысты каждое лето! Чтоб не запачкать кровью ее лебяжий пух, заманить бы ее в силки, а потом,— эх, братцы,— гладить бы по мягкой шейке! Ангел,— игриво вздохнул коренастый крепыш, только что толкнувший Нурыма в бок.

Он пожирал девушку глазами, пока она шла через двор, поднималась на крыльцо, пока не скрылась за дверью. Нурыма покоробили и двусмысленные слова, и бесстыжий взгляд коренастого. Непонятная ревность овладела Нурымом, будто Мукарама была для него близким, дорогим существом и он должен оберегать ее от чужих глаз, от ветра, от солнца. Ему почудилось, что балагур, по всему видать, бывалый парень, облапил эту миловидную девушку, прижал ее, припал толстыми, потрескавшимися губами к ее нежной шее и поволок, будто голодный волк, в кусты. Нурым нахмурился и несильно толкнул коренастого:

— Размечтался о мягкой шейке! Ты бы сначала морду свою подлечил! Губы вон как растрескались. Налетят мухи с Уленты, обсидят, попляшешь потом...

После слов коренастого насчет «погладить бы по шейке» ребята вокруг похотливо осклабились, теперь же, после слов Нурыма, все громко расхохотались. Коренастый чуть опешил, растерянно оглянулся. Такой злой шутки он не ожидал, наоборот, надеялся на поддержку своего нового знакомого. Губы у него и в самом деле потрескались, и он без конца облизывал их.

Этого словоохотливого, общительного балагура Нурым сразу выделил из всех ребят в казарме. Вдали от родных мест

большую радость доставляют человеку чья-либо шутка, улыбка, даже щепотка насыбая, протянутая чьей-то незнакомой рукой. Нурым и коренастый скоро нашли общий язык и почти ночи напролет говорили о проказах юности, вспоминали свои места, вечеринки и веселые события. И сейчас, чувствуя себя давнишними знакомыми, они безобидно потешались друг над другом, незлобно, но едко шутили.

— Что это ты взъерепенился? Оттого, что я подмигнул твоей тонкобровой, разнаряженной крале? Ишь завопил, точно чибис болотный! К какой-то русской мардже заревновал! Взбеленился, будто рыбу челкарскую делишь, турок ты чумазый! — не остался в долгу коренастый.

Нурым замешкался. Его новый знакомый мог быть или домбристом, или жырши — певцом — и за словом в карман не лез. Нурым понял, что острой шуткой его не возьмешь, и заговорил мягче, добрей:

— Можешь не распаляться, не вгонять себя попусту в семь потов. Ты бы лучше разобрался вначале, кто марджа, а кто девушка, где русские, а где татары,— засмеялся Нурым, поняв, что его знакомый принял Мукараму за русскую.— Я думаю, такие красотки нам с тобой не по зубам, и не стоит из-за нее петушиться. Ты бы лучше сказал, что с нами будет, за чьим хвостом мы поплетемся завтра, точно псы облезлые. Вот напялят на нас серые шинелишки, нахлобучат на голову шапки с кокардой и погонят, точно стригунков с обрезанными хвостами, к казакам уральским. То времечко, когда мы беспечно попивали кумыс, подмигивали девушкам да бренчали на домбре возле молодух, видать, прошло.

— А ты-то что убиваешься? Тебе-то какая забота? Нас пригнали сюда, как щенят, а ты ведь, дурень, сам притащился. «Что с нами будет»?! Попадешь сюда к локтору, сразу все узнаешь: и куда погонят, и во что нарядят,— еще раз поддел коренастый Нурыма. Потом он спокойно достал из-за голенища огромного тупоносого, со сбитым, искривленным каблуком сапога бумажку с насыбаем и, взяв маленькую, едва заметную щепотку, осторожно понюхал, потом снова аккуратно сложил бумажку и опять подальше спрятал за голенищем.— Значит, не марджа, говоришь, а девушка. Ты что, резал ей пуповину и пеленал в пеленки, что так все знаешь? По-твоему, эта благородная девица — татарка? На местных татарских баб мы насмотрелись. А эта — с тонкой талией, прямыми ножками, горделивым взглядом чистокровного аргамака — может быть только из Казани, в Теке и Джамбейте таких не водится,— уверенно сказал коренастый.

Нурым не хотел оставаться в долгу.

— У нас была одна женге. Хадишой ее звали. Так она один кусочек курта на три дня делила. А тебе щепотки насыбая, если так будешь нюхать, хватит, наверное, на полгода! Тебе бы бабой быть — более бережливой не найдешь. Впрочем, тому, кого погонят на чужбину, не мешает быть бережливым даже с насыбаем. А насчет девушки ты, дружище, все-таки путаешь: она татарка, я знаю, и прошу не болтать при ней лишнее.

Нурым проговорился: стараясь оградить девушку от насмешек, неожиданно высказал свою тайну. Коренастый сразу же смутно что-то заподозрил, но не понимал, как мог аульный джигит Нурым знать такую девушку. Он решил насмешками выведать тайну Нурыма.

— Я думаю, тот доктор-казах в золотых очках втихомолку окрутит голубушку и в один прекрасный день — гм, гм — занюхает ее. Раз она твоя, Нурым, постарайся получить откупную за первую ночь, не проморгай. Говорят же: когда бык пьет воду, бедному теленку хотя бы льдинку полизать...

Нурыма охватил гнев. Неизвестно, до чего бы дошли их дальнейшие подковырки, но тут казах в форме есаула, пригнавший новобранцев на комиссию, поднялся на крыльцо и скомандовал:

— Стройся по два у входа! Быстро! Марш!..

И разгневанный Нурым, не успевший ответить, и коренастый задира и острослов вскочили со своих мест и кинулись к крыльцу. Растерянные, неуклюжие парни из аулов, не имевшие понятия о строе, тоже ретиво шарахнулись за ними; «стройся по два» до них не дошло, они лишь поняли: «у входа» — и поэтому каждый рванулся вперед, стараясь первым протиснуться к крыльцу...

— Ну, идите, ребята, начинайте вы! — загалдели чумазые парни вокруг Нурыма и коренастого.

— Кто знает, что за доктор такой,— проговорил один из джигитов, явно оробев.— Слыхали, да не видали. Что он будет делать с нами?

— Разденет. Догола!

— Разде-е-нет, говоришь? До-го-ла?.. Вот где стыда не оберешься...

— О аллах, вот что значит к русским попасть! Сразу же и раздевают!

— Да не русский, а казах ведь доктор,— зашумели в толпе.

— Как скотину ощупают тебя, заглянут в рот, посчитают зубы и прижгут тавро на ляжке,— нагонял страху коренастый.

Сам он, ничуть не робея, ворвался в приемную первым.

Не смущаясь женщины, он разделся догола, будто не раз проходил всякие комиссии и подошел к доктору.

— Как твоя фамилия? — спросил Ихлас, оглядывая налитое силой, мускулистое, здоровое тело джигита.

Чуть помешкав, тот ответил:

— Меня зовут Жолмукан.

— Жолмукан... а отца как? — спросил доктор.

Жолмукан только теперь сообразил.

— Э, локтор, сразу и спросил бы по-казахски. Отца зовут Барак.

— Ближе, ближе подойди, не бойся! Слова «фамилия» страшиться нечего. Завтра твой командир не станет спрашивать: «Как зовут твоего отца?» Там разговор короткий: «Фамилия? Марш!» Вот и все. Так что привыкай! — улыбнулся Ихлас, опустив руку на плечо Жолмукана.

Он видел, что джигит совершенно здоров, но все же осмотрел его, заглянул в рот, в глаза, потом уселся за стол и начал писать.

— Сколько тебе лет, Бараков?

— Кажется, двадцать пять.

— Семейное положение?

— Что?

— Семья есть, спрашиваю?

— Есть мать, локтор.

— Жена?

— Мне некогда жениться, локтор.

Ихлас покачал головой.

— Не «локтор», а «доктор» надо говорить.

— Какая разница? И то и другое не по-казахски.

— Ты, я вижу, бойкий парень. По собственному желанию приехал, наверное, в дружину валаята? — «И телом ладен, и на язык остер!» — подумал про себя Ихлас, испытывая к джигиту расположение и глядя на него поверх золотого пенсне.

— Пока меня за недоуздок еще никто не тянул, локтор-доктор. Но если мне дадут хорошего коня и оружие, то с какой стати я буду противиться?

Улыбка исчезла с лица Ихласа, лицо стало серым.

— Значит, ты пришел ради хорошего коня и винтовки?

— Быстрый конь, роскошное седло, красивая одежда, меткое ружье какого молодца не украсят, доктор?!

Ихлас чуть заметно нахмурился. «Невежды, дикари, подавай им коня и ружье, чтоб рыскать по степи. Нет им дела до судьбы народа, до своего правительства, до национальной самостоятельности. Им все равно!» — с досадой подумал Ихлас, но тут же снова согнал хмурь с лица, как бы извиняя

этого крепко сбитого джигита, так ловко скрывавшего за лукавыми словами свои истинные думы. Перед глазами врача вереницей встали аульные джигиты, которые вот уже несколько дней проходили комиссию: они были почти все невзрачны, нерасторопны, вялы, плохо сложены, подавлены суетой города, нерешительны, глаза у многих гноились, губы потрескались, кожа в прыщах... Рослый, видный доктор и разговаривать с ними не хотел.

— Чем ты занимался в ауле? — спросил Ихлас строго.

Жолмукан насторожился: «Неужели этот ученый дьявол разузнал о моем занятии?»

— Занятие — благо, джигит — что ветер. Ветер же дует и днем, дует и ночью. И никто ведь не спросит: «Зачем ты, ветер, дуешь?» И никто ведь не скажет, куда ведут его следы?! Вольному ветру в горах не бывать, ветра степного горам не сдержать...— невольно попадая в рифму, загадочно и лихо отрубил Жолмукан.

Поглядывая сквозь пенсне, стремясь уловить смысл ответа, Ихлас подумал: «Видно, это один из тех конокрадов, что средь бела дня не побоится угнать табун. Для этого ему и понадобились конь и оружие... Вот они, защитнички нашего валаята!..»

Доктор дал знак, чтобы новобранец вышел. Понял Жолмукан мысли доктора или нет — неизвестно. Он подмигнул Мукараме, стоявшей в углу, как бы говоря: «Глянь, каков я!» — направился к двери.

— Кто следующий? — раздался голос командира, и в дверь, ссутулясь, протиснулся Нурым.— Живей, Жунусов, живей! — подгонял есаул слегка замешкавшегося джигита.

«Неужели этот верзила сын смутьяна Жунуса? Он-то как сюда попал? Или уж совсем свихнулся?» — подумал Ихлас, почему-то краснея. На лице его появилось брезгливое выражение, высокий лоб нахмурился. А Мукарама, стоявшая в углу, невольно встрепенулась, ресницы вздрогнули, подбородок чуть приподнялся вперед. Девушка не отрываясь глядела на смуглое до черноты лицо Нурыма. Губы ее заметно шевелились: «Жунусов... какой это Жунусов?!»

Доктор Ихлас, узнав его, остался недоволен. Мукарама, все еще не узнавая джигита, лишь задумалась над его фамилией, а Нурым, узнав обоих, растерялся. Но решительный и прямой по природе, он быстро оправился:

— Ихлас-ага, простите, мне некогда было прийти к вам домой и передать салем. Руки, что до сих пор держали лишь невинную домбру, никак не могут привыкнуть к оружию, а вольная голова, которой иногда и степь казалась тесной, никак не освоится с тесной, унылой казармой. Да тут еще и

железный порядок не дает нам опомниться,— сказал он, скрывая, что не пришел в дом к нему из-за личной вражды.

— М-да,— еще более нахмурился доктор.

«Этот долговязый, видать, знаком с доктором. Ишь, времени, говорит, не было, чтоб зайти,— подумал есаул.— А может быть, они родственники?!» — и пригляделся внимательней.

— Не задерживай, Жунусов, раздевайся! А то еще многим надо пройти комиссию,— на всякий случай напомнил есаул, но на этот раз повелительные нотки исчезли в его голосе. Приказание его прозвучало, как просьба. Чем черт не шутит, Нурым мог оказаться родственником «большого» доктора.

Нурым знал, что Ихлас работает в городе врачом, но не мог предположить, что встретится с ним при таких обстоятельствах. Особенно неловко было оттого, что Нурыш, сброшенный им с коня, остался с тяжелым увечьем. Собственно, из-за него ведь Нурым и скрылся из аула и решил вступить в войско. Конечно, есть и другие причины, погнавшие горячего джигита в шумный, тревожный город. Но все же главной причиной был Нурыш. «Этот, наверное, будет мстить за своего брата. Первым делом не даст вступить в войско. Ну и ладно, меня туда особенно и не тянет. Подумаешь... Найду куда податься. Лишь бы не затеял судиться со мной. Эх, жаль, не повидался я с Мамбетом. А то бы ушел с ним, помотался бы по степи, насмотрелся всякого бы»,— думал Нурым, глядя на хмурого Ихласа.

То, что сын ненавистного Жунуса назвал доктора почтительно «ага» и извинился, что не смог зайти, казалось, немного смягчило Ихласа. Он не знал истинной причины увечья Нурыша, потому что тот тщательно скрывал случай в степи, стыдно было признаться, что пеший Нурым стянул его с коня; а кроме того, Нурыш побоялся отца. Узнай, что сын Жунуса сбросил его сына с коня и сломал ему руку, Шугул первым долгом жестоко наказал бы Нурыша. Обо всем этом Нурым не догадывался, не знал ничего и Ихлас. Узнав тогда о несчастье с братом, доктор выпросил черную машину Жаханши, поехал в аул, вправил руку «упавшего с коня» Нурыша и успокоил напуганных родных.

— Когда приехал из аула? — спросил Ихлас.

— Вчера вечером,— солгал Нурым.

Доктор не стал его долго осматривать, избегал лишних расспросов. Он не сомневался, что этот долговязый, так же как и богатырского сложения Жолмукан, вполне пригоден для службы в войске валаята. Его тревожило лишь одно сомнение: «Для чего смутьян Жунус, подстрекавший народ к

бунту против волостного правителя, отправил своего сына добровольно в дружину Жаханши? Или и здесь у него какой-то коварный расчет?»

Доктор молча записал имя, фамилию, рост, внешние данные Нурыма и как бы между прочим спросил:

— Сколько человек из вашего аула попало в список?

Голос доктора прозвучал мягко, вкрадчиво; Ихлас хотел выведать, как же Нурым прибыл сюда и вступил в дружину. Мягкий тон доктора успокоил Нурыма, внимательно следившего за каждым движением Ихласа.

— А я не по списку прибыл сюда, Ихлас-ага! — самодовольно сказал джигит.

— По собственному желанию, значит!..

— Да! Неволить Нурыма или взять его за жабры, точно рыбешку, пока еще никто не осмеливался!

— О! Силен, значит! На праведный путь встал!..

Нурым задумался. Он уловил явную насмешку в словах доктора, но, осознав, что и сам говорит излишне хвастливо, Нурым решил не оскорбляться.

— Ихлас-ага, ведомо одному аллаху, что нас ждет впереди. Услышав, что все джигиты седлают боевых коней, я не смог усидеть дома. Там, где собирается народ, ваш брат не может стоять в стороне.

— Да, но это не сборище для веселья. Ты, наверное, слышал, что здесь учат железной дисциплине и военному искусству?

— Разумеется, Ихлас-ага.

— Вам, если хочешь знать, придется за нашу жизнь, за наших детей подставлять себя под град пуль.

— Кто разделся — воды не убоится, говорят. На народе и смерть красна, верно, Ихлас-ага? Были мы и детьми-сорванцами, бегали и за девками, и на тоях песнями, домброй народ веселили. Теперь среди бесстрашных воинов надо научиться владеть пикой батыра Махамбета.

Ихлас не стал больше говорить. «Этого не смутишь: у него всегда готовый ответ на языке. Как бы он не пошел по стопам головореза Мамбета! Офицеру надо быть осторожнее с таким...»

— Иди. Вполне пригоден,— пробормотал доктор, давая понять, что разговор окончен.

«Он меня похвалил? Или просто сказал, что годен к службе?» — не успел решить Нурым, как есаул хлопнул его по плечу:

— Жунусов, я возьму тебя в свою сотню и назначу во главе десятки!

3

Иногда в тихий летний вечер налетит вдруг озорной вихрь, и мигом закружится все вокруг. Неожиданная встреча с Нурымом встревожила сердце Мукарамы. Во время комиссии девушка так растерялась, что не знала, как быть, что сказать. Она не решилась спросить у Ихласа: «Какой это Жунусов?» Узнать у есаула, приведшего толпу оборванных, неотесанных степных парней, было тоже неудобно. Да и как она спросит? Кто она ему? Просто знакомая? Или так и объявить, что возлюбленная его брата? Нет, очень неловко. Но девушка не сомневалась, что этот Жунусов конечно же брат Хакима: слишком они похожи. Правда, он выше Хакима и темней лицом, внешне грубоват, как-то несобран, но все равно чем-то близок Мукараме. Ей все казалось, что он привез радостную весть, способен развеять все ее тревоги.

«Ну конечно, он брат Хакима! — убеждала себя девушка.— И он непременно должен знать, где находится Хаким, и, возможно, даже привез письмо мне. Он пристально на меня смотрел, но старался, чтоб этого не заметили ни доктор, ни есаул».

Чтобы окончательно убедить себя в том, что он старший брат Хакима, девушка припоминала его появление. «Ага, мне было некогда прийти с салемом к вам домой...» — говорил он Ихласу. Они с доктором из одного аула, даже как-то близки. Об этом говорил Хаким.

С этого часа девушка ни о чем другом не могла думать, все ее помыслы были об одном: узнать, кто такой Нурым, и, если возможно, встретиться с ним.

«Ну, а как же это получилось? — всплыл вдруг перед ней вопрос.— Хаким вместе с революционерами, заодно с загадочным Айтиевым и его товарищами, вместе с несгибаемым Дмитриевым и теми смельчаками, которые не боятся ни пуль, ни виселиц, бесстрашно выступают перед толпой и зажигают своими речами тысячи людей!

Летом, не боясь вооруженных казаков, перехитрив их, Хаким приехал в Уральск и пошел переговорить с Дусей, дочерью революционера. Только уверенные в своей правоте люди способны на такой поступок. Хаким — один из таких целеустремленных юношей, он не свернет с избранного пути. «Мы скоро вернемся! Жди! Обязательно вернемся!..» — сказал он при последней встрече, а в письме снова напоминал об этом. Скоро настанет желанный день, и я верю ему! Он не нарушит своей клятвы! Я знаю, я верю, потому что люблю Хакима... А этот Жунусов, конечно, старший брат моего Ха-

кима. Хотя он и не образован, как Хаким, но тоже смел и непреклонен.

Но для чего он тогда вступает в дружину Жаханши, врага Хакима, врага всех революционеров? Просто по своей глупости? Как же так? Неужели братья Жунусовы стали врагами? Или они не братья?»

Из больницы Мукарама пошла домой и снова, как и утром, присела у окна. Она еще раз прочла письмо. Куда ей теперь писать? По какому адресу? Горячие слова, вырвавшиеся утром из самого сердца, погасли, не находя ответа на этот вопрос.

Счастливые минуты свидания предназначены объятиям, поцелуям, удивлению: «Сколько времени прошло!», трогательной заботе: «О, как ты изменился!» В такие минуты нет места прозаическим словам: «А куда тебе писать письма?»

А теперь писать некуда. Да еще нежданно-негаданно появился новобранец Жунусов и взбудоражил девичье сердце.

Думы, глубокие, как омут, думы.

Бесконечные, нескончаемые...

Точно прохладным летним ветерком, повеет иногда на душу легкой приятной грустью. Вспомнится вдруг безоблачное, далекое детство, и сладкое желание — вернулось бы оно! — охватывает тебя всю. Чаще бьется сердце, кроткий, чистый луч счастья озарит лицо. И не сожаление о прошлом, а сладкая грусть по безвозвратному взволнует душу. Коротки эти минуты светлой грусти — будто ветерком приносит и так же уносит их, и становится спокойнее. Ну, а если влюблена и если думы о любимом неотступно преследуют тебя? Если вспоминаешь каждый час, каждую минуту недавнего счастья?

Мукарама снова и снова вспоминала прошлую зиму в Уральске, тревожную весну и горькую разлуку с любимым.

— Нет! — сказала она вдруг громко и тотчас смутилась, подумав, что кто-нибудь услышал.

Но в доме, кроме нее, никого больше не было.

— Нет! — воскликнула девушка снова, нарочно сказала, как бы ободряя себя.— Найду, разыщу во что бы то ни стало! И Амира найду! И солдата Жунусова! И Хакима найду! Непременно найду!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

«Куда я попал?» — этот назойливый вопрос лишил Нурыма покоя. Взгляд его блуждал вдоль стены узкой, длинной ка-

зармы, по деревянным, поставленным в ряд койкам, по серым шинелям, по лицам смуглых степных джигитов, по серым суконным одеялам. Одни сидят на койках, другие стоят, и каждый чем-то занят: кто-то пришивает пуговицу к бязевой рубахе, кто-то натирает голенища тяжелых солдатских сапог, кто-то внимательно изучает диковинного орла на медной пуговице, кто-то задумчиво крутит кожаный ремень; есть и такие, кто поглаживает тонкие, черные, как крылья ласточки, холеные усики; кое-кто старательно вытирает пыль с деревянных коек, еще пахнущих свежими стружками, складывает полотенце и аккуратно кладет его под подушку. Одни прибивают еще гвоздики к вешалке, чтобы рядом с шинелью повесить гимнастерку, брюки, другие прячут поглубже в карманы медяки, керенки.

«Куда я попал?»

В первый день, оказавшись в непривычной обстановке, джигиты то и дело обращались к Нурыму:

— Нур-ага, давай будь начальником, выручай своих, а то мы такой бани и во сне не видали.

— Нуреке, что сказал командир?

— Нурым, что это за бумажка? Написано, начерчено, а что к чему — не пойму.

Нурым, как мог, отвечал. Но уже на другой день растерялся и сам: началось ознакомление с винтовкой, как ее держать, как заряжать и целиться. Надо было уметь разбирать и собирать винтовку, выучить названия множества ее частей, учиться шагать в строю... Все это для безмятежного Нурыма, Нурыма-певца, Нурыма-весельчака, было не легче, чем пройти по узкому шаткому мосту, по которому на том свете должны пройти все грешники через кипящую реку.

«Почему я с детства не хотел учиться? Чем я хуже Хакима или Ораза? А ведь они знают, видели и слышали столько, что мне и во сне не приснится. Овладели русским языком, набрались городской культуры, знакомы с хорошими людьми, слушают их мудрые советы и теперь сами борются за справедливость. Они нашли свое место в жизни. Оба справятся с любым делом, надо будет руководить народом — сумеют. Надо будет детей учить — смогут...

А я кто? Я обыкновенный дурень, один из многих невежд, ни к чему не приспособленный,— безжалостно осуждал он себя.— Вот мое место: деревянная койка в длинной казарме. А вчера моим делом было косить сено, пахать землю, петь песни, пасти скот. А путь моих братьев и вчера был иным, и сегодня цель их ясна...

Что это, зависть?.. Нет, не должен я завидовать. Ораз и Хаким — пример для нас, они наша гордость. У них свое ме-

сто в жизни, у меня должно быть свое. Никто меня не неволил, сам пришел, сам записался в солдаты. Конечно, этому способствовали и Мамбет, и Фазыл. И всеобщая суматоха. Нет-нет... я останусь с тем шальным, как ветер, Мамбетом. Никто меня не свяжет по рукам. Я тоже свободен, я тоже должен что-то делать вместе с Хакимом и Оразом. Я тоже...»

Рука Нурыма потянулась к домбре, висевшей у изголовья. Эту домбру подарил ему вчера Фазыл со словами:

— Это домбра твоего нагаши. Привез ее из аула, но треньканю на ней редко. Теперь она нашла своего хозяина...

Услышав, как настраивают домбру, в казарме приутихли, и все, кто пришивал пуговицы, крутил ремень или поглаживал усики, повернулись к Нурыму. Те, кто прибивал гвозди, отложили молотки, кто лежал — подняли головы.

— Э-э, чем хмуриться целыми днями, давно бы взял домбру,— сказал Жолмукан.— А ну запой: «Я, Нурым, джигит чернявый, из чернявых — самый храбрый, и не страшен мне любой, смело я бросаюсь в бой!» А ну?!

Неожиданный стишок Жолмукана напомнил Нурыму Карт-Кожака.

—Эй, Карт-Кожак, Карт-Кожак!
Сдержи коня ты, Карт-Кожак!
Осади коня, Карт-Кожак!
Ты горяч, но стар, Кожак!
Родилась я в лазурном Крыму
На зеленом морском берегу.
Знатный хан Акшахан— мой отец!
Я у матери-ханши в дому
Среди белых-дебелых гусынь
Белоснежным гусенком росла;
Самым нежным ягненком росла
Среди тучных курдючных овец;
В табуне резво-белых коней,
Молока парного белей,
Белолица и телом бела,
Кобылицей я белой была.
Ай, была резва, весела!..
Хоть далек от Крыма Китай
(Сколько месяцев ехать — считай),
Приезжали на игрища в Крым
И джигиты китайские к нам,—
Каждый именем бредил моим...
.... Если выйдешь в поле ты,
Наглядишься вволю ты
На молоденьких зайчат:
Как они в траве шалят,
Как легки прыжки у них,
Спины как гибки у них.
Так спина моя гибка,
Так и пляска моя легка!

И еще я сказать могу:
Что на свете земли черней,
Что на свете снега белей?
Пал на черную землю снег,—
Полюбуйся-ка снегом тем,
Незапятнанным, белым, ты,—
Налюбуешься моим телом ты:
Чистым телом, как снег, я бела!
Что на свете крови алей?
Кровь на чистый снег пролей,—
С алой кровью на снегу
Я сравнить мой румянец могу...

Со всей казармы обступили джигиты Нурыма, окружив его, точно перекати-поле в овраге.

— Дальше, дальше, агатай!

— О, среди нас, значит, и жырши есть!

— А ты разве домбру не видел?

— Кто бы мог подумать, что наш Нуреке — акын? Ведь домбра может быть и у простого парня,— загалдели вокруг.

— Ну-у, заблеяли, как овцы! — Жолмукан могучими руками оттиснул напиравших на койку Нурыма.— Что столпились, будто ягнята у вымени? Это песня о Карт-Кожаке. Дальше, Нурым.

Нурым высоким голосом прокричал зачин, ударил по струнам.

— Эй, Карт-Кожак, Карт-Кожак!
Ты в пять лет уже, Карт-Кожак,
Из лозы мастерил сайдак,
Сам сплетал на тетиву
Волос конский...

Струны домбры, будто лопнув, издали глухой звук, рука Нурыма застыла в воздухе, стремительная песня вдруг оборвалась. Взяв высокую, долгую ноту зачина, певец поднял голову, уставился глазами вдаль и заметил стоявшую в дверях Мукараму. Девушка не отрываясь глядела на него, застыв в изумлении, будто пугливая лань. Удивленные джигиты повернулись туда, куда смотрел Нурым, и тоже увидели девушку. На мгновение в казарме воцарилась тишина.

А девушка была поражена: она никогда не слышала певцов и не видела завороженной пением толпы. Самым удивительным было то, что такие неотесанные, такие разные парни, в большинстве невежды, сейчас, слушая певца, забыли обо всем на свете, всецело оказались во власти песни и простенькой домбры, точно убаюканное дитя в колыбели...

И все это — солдат Жунусов! Долговязый, черный, грубоватый аульный джигит, похожий на турка! Окружили его, будто пчелы, прильнувшие к меду. Значит, он такой искусный акын и домбрист. Неужели эти робкие и дикие степные пар-

ни чтут музыку и способны увлечься пением больше городских?

Восхищение схлынуло с лица Мукарамы под взглядом многочисленных черных глаз, уставившихся на нее. Девушка растерянно глянула в пустой угол казармы, делая вид, будто что-то увидела там. Неловкую тишину нарушил сообразительный Жолмукан:

— Если я не ошибся, эта красавица, что появилась среди нас, как праздник после долгой, изнурительной уразы... наш знакомый доктор! Она, наверное, пришла к нам, чтобы озарить блеском своей невинной красоты наши грубые души. Она словно долгожданный светлый дождик для иссохшей от зноя рыжей степи! Облегчи, милая, нашу дневную боль тела и вечернюю боль души! Добро пожаловать, наш почетный угол — вот здесь! — закончил он, указывая на место, где сидел Нурым.

Девушка узнала того самого джигита, который мигнул ей, выходя из кабинета доктора Ихласа. Она задержала на нем взгляд, но промолчала. Жолмукан снова заговорил:

— Утешение души — стихи и песня. А если к ним еще прибавить несравненную красавицу, значит, создатель осчастливил нас!

— Спасибо,— ответила девушка и подошла к Нурыму.— Я вас искала, Жунусов-мирза. Мне надо с вами поговорить. Если можно, проводите меня, пожалуйста.

— О-го-о! — воскликнул Жолмукан.— Создатель заметил только одного Нурыма. Под счастливой звездой ты, парень, родился. Смотри не робей...

Нурым исподлобья холодно глянул на Жолмукана, протянул ему домбру и направился из казармы вслед за Мукарамой.

2

Нурым редко терялся, он легко находил язык и с пожилыми и с молодыми. А в аулах среди девушек и молодых женщин он был бессменным заводилой и затейником. Острое словцо, едкая насмешка так и сыпались из него, веселя людей и вызывая новые шутки. Без него не проходил ни один той, первым акыном, первым певцом непременно был Нурым. Общительный, задиристый острослов, душа тоев и веселых игрищ, Нурым перед Мукарамой вдруг растерялся и смущенно крутил медные пуговицы несуразно сшитой шинели. Он даже не решался прямо взглянуть на красивую татарку. В суконной шинели с грубым солдатским ремнем, в тяжелых сапогах, в нелепо высоком шлеме, с обветренным до черноты лицом и мозолистыми длинными руками, он сам себе казал-

ся черным рабом, что сопровождают райских гурий в сказаньях. И его широкий шаг, тяжелая, вразвалку, поступь никак не вязались с легкой походкой девушки.

«Зачем она пришла? О чем будет говорить? Что я ей отвечу? Моя грубая речь отпугнет ее сразу, как крик коршуна — гусят на озере. Она может подумать: если родной брат Хакима такой неотесанный, невежда, то что говорить о его родителях и родных? Ах, досада, лучше б она не знала меня пока. «Я вас искала, господин Жунусов». Значит, узнала, кто я».

Первой заговорила Мукарама:

— Вы не ждали моего прихода, Жунусов-мирза? И думаете, наверное: что это за бесстыжая девица явилась к тысяче джигитов, да? — засмеялась она.

Голос ее, как и думал Нурым, струился, будто серебристый ручеек.

— Нет, нет... что вы, я не думал... извините, локтор. Я... я совсем о другом думал...

— О, неприлично думать о постороннем, когда рядом с вами идет локтор,— снова тихо рассмеялась девушка.— Вы не называйте меня «локтор», я не доктор. Я лишь выполняю поручения доктора.

Нурым промолчал. Он немного оправился, поняв, что девушка не думает насмехаться.

— Вы откуда родом? — спросила Мукарама.

Нурым назвал свой аул.

— Вы старший брат Хакима?

— А как вы об этом догадались?

Он знал как, но все же спросил — очень приятно было услышать, необыкновенная радость за брата охватила его. Красивая девушка, очень милая... «Хаким нашел себе дивную подругу, только бы не сглазить. Такой несравненной красоты я никогда не видел. Она воспитанна и в разговоре не теряется. Татары вообще открытый, общительный народ. Наши девушки никогда бы не осмелились вот так прийти к чужому человеку и открыто заговорить с ним».

— Я догадалась по вашей фамилии... Там, в больнице, в разговоре с доктором Ихласом. Хаким как-то говорил, что они с Ихласом из одного аула. А кроме того, вы похожи на Хакима.

— Нет, не я похож на Хакима. Он моложе меня,— сказал, улыбнувшись, Нурым.

— Да, простите, значит, Хаким похож на вас,— сказала Мукарама, тоже улыбнувшись.

Вечер был лунный. Нурым видел лицо девушки ясно, как днем. Мукарама подняла голову, взгляд ее остановился на

шлеме Нурыма. Она вдруг неожиданно нахмурилась. Длинные ресницы чуть трепетали, нос, казалось, заострился, побледнел, шея была удивительно белой.

— Где сейчас... Хаким?

— Не знаю,— рассеянно ответил Нурым.

— Вы же родные братья, вы должны знать, где он, не скрывайте.

— Именем аллаха, не знаю,— поклялся Нурым.

— Нет, вы скрываете... А мне нужно... Я хотела написать письмо...

— Аллах судья, поверьте мне! Не знаю, где он сейчас.

Тонкие высокие брови Мукарамы изломом сошлись к переносице.

— Родные братья...— девушка запнулась и продолжала недовольным голосом: — Вы зачем сюда приехали?

— Вступить в дружину, все парни записываются.

— По вашему, родные братья должны зачисляться в разные армии?

— Хаким не в армии.

— Вы говорили, что не знаете, где он... Откуда же вам знать, в армии он или не в армии?

Нурым смешался. Не решаясь говорить о своих предположениях, он что-то невнятно пробурчал.

— Я хотел сказать, что... он не вступит в армию.

— Уже вступил. Да еще в какую! — капризно, точно ребенок, воскликнула Мукарама.— Я и без вас знаю! Напрасно скрываете. Я разыскала вас, пришла к вам в казарму, а вы...

Нурым понял, то девушка обиделась.

— Вы, Мукарама, не должны на меня обижаться...

— Я же не спрашиваю, что делает ваш брат? Это я и сама знаю. Мне нужен лишь его адрес, чтобы письмо написать.

— Не знаю, доктор... давно уже от него нет вестей. Оллахи, правда,— снова поклялся он, боясь, что Мукарама еще больше обидится.— Разве я скрыл бы от вас, если б знал? Вы спрашиваете: могут ли братья находиться в разных армиях? Я, честное слово, об этом не думал. Я даже ни с кем не советовался. Вот приехал — и сразу в дружину.

— Хакима тоже никто не заставлял! — сухо сказала девушка.— Каждый поступает самостоятельно. Я тоже по собственной воле приехала сюда...

Последние слова вырвались у нее случайно, Мукарама смутилась, опустила голову. «Ведь Минхайдар-абы послал меня... Вместе с доктором Ихласом. А я вот налгала. Зачем? Ведь не по собственной воле приехала. А этот Жунусов действительно приехал по своей воле и сказал об этом доктору Шугулову».

Нурым, конечно, не догадывался о причине смущения Мукарамы и обрадовался, видя, что гнев ее проходит.

— Я, локтор, могу разузнать о Хакиме у одного человека. Я завтра же постараюсь увидеть этого человека. Возможно, он знает,— как бы извиняясь, сказал Нурым.

— А кто этот человек? — встрепенулась девушка.

— Вы не знаете. Он служит здесь в отделе снабжения...

Нурым не хотел называть имя Ораза.

— Хорошо,— согласилась Мукарама,— но главное — узнайте точный адрес Хакима.

Слово «адрес» Нурым понял смутно, но все же ответил:

— Он должен знать, где Хаким, он сам недавно со стороны Яика.

— Завтра же мне сообщите, ладно?

— Хорошо, хорошо.

— Потом...— Мукарама задумалась.— Не называйте меня, пожалуйста, «локтор». Я — сестра милосердия. И сестрой не зовите, а просто — Мукарама.— Она протянула руку. Нурым опешил: он никогда не прощался с девушкой за руку.— Давайте же руку,— строго сказала девушка.

Нурым, опомнившись, торопливо подал руку. Девушка слегка тряхнула большую руку Нурыма и, повернувшись, пошла. Нурым растерянно застыл на месте.

3

Нурым не знал, что делать: то ли вернуться в казарму, то ли сейчас же найти Ораза и спросить о Хакиме. А если он не знает? «Завтра же мне сообщите»,— сказала она. Ойпырмай, а если Ораз на самом деле не знает? Нет, они все друг о друге знают... Надо у Фазыла узнать квартиру Ораза.

Нурым направился в сторону бойни, но тут же остановился. В сумерках все еще видна была удаляющаяся Мукарама, и было слышно, как по мостовой стучали ее каблучки. «Еще подумает, что я за ней рвусь... Неловко,— решил Нурым, никогда прежде не смущавшийся.— Сначала надо предупредить джигитов в казарме».

— Я пойду на квартиру к родичу, где остановился,— сказал Нурым Жолмукану.— Слышишь, батыр? Надеюсь, никто меня искать не станет, слышишь?

— Слышу, слышу! Ступаешь, как верблюд, да дышишь так, что, боюсь, казарма рухнет. Можешь не волноваться. Если спросят, скажем: Нурым ушел баюкать песней Ак-Жунус — первую красавицу города. На днях он выкрадет ее из дворца хана Жаханши, и тогда даже Карт-Кожак не угонится за ним. Завтра, что ли, вернешься?

— Оставь свои шутки, Жолмукан. Девушка пришла ко мне по важному делу. После расскажу...

— Можешь не рассказывать, знаем мы эти дела. Порядочные девушки спят у стенки за спиной родителей, а не шляются на ночь глядя в казарму за джигитом...

Не дослушав Жолмукана, Нурым вышел из казармы.

Узнав у Фазыла, где квартира Ораза, Нурым уже поздно вечером пришел к дому портного Жарке. Как и землянка Фазыла, дом Жарке оказался скособоченной лачугой, разделенной на комнатушку и кухоньку; возле котла стоял сундук. Нурым вошел, низко пригибаясь, и сразу не разобрал, где тут кухня, а где комнатка для гостей. Он так и застыл у двери.

— Добрый вечер!

Хозяин, низко склоненный над каким-то шитьем при тусклом свете пятилинейки, повернул голову и медленно осмотрел Нурыма, начиная с огромных солдатских сапог до остроконечного шлема. В глазах портного застыло выражение: «Ну и наградил тебя аллах ростом!» Нос Жарке оседлали очки, вместо одной дужки была черная нитка; в светлых глазах, смотревших поверх очков, сквозила смешинка. Нурым чуть замешкался, не зная, с чего начать. В правом углу возле котла женщина катала тесто, она даже не взглянула на позднего гостя, лишь быстрее задвигала скалкой.

— Если я не ошибся, это, кажется, дом портного Жарке? — спросил Нурым негромко.

— Разве не видно? — улыбнулся Жарке, указывая на старую машинку «Зингер» перед собой.— Ну, что скажешь, длинный незнакомец?

Поняв, что портной склонен к шуткам, Нурым ответил в тон:

— Оттого, что длинный, я и не заметил, что там внизу на полу. Вот сейчас вижу и вашу машинку, и бешмет, который вы шьете для такого же долговязого, как я.

— Верно, бешмет целых два аршина длиной. Но он не мужской, я его шью для прекрасного пола,— хмыкнул Жарке, но, подумав, что гость может обидеться, принял серьезный вид.— Говорят, рослый человек всегда честен и справедлив. Недаром Омар Справедливый был на голову выше всех в окружении пророка Мухаммеда. Не обессудь.

Нурым тоже посерьезнел.

— Извините, что я беспокою вас в поздний час. Я приехал со стороны Шалкара, чтоб закупить тут чаю-сахару и всякой всячины. Есть и другие делишки. И к сестре заеду, и стригунка объезжу, говорят. Так и я. Узнал, что у вас живет

один мой родственник, решил и его попроведать. Оразом его зовут...

— А-а,— протянул Жарке.— Есть такой. Проходи.

«Куда пройти-то?» — подумал Нурым, растерянно оглядываясь. Но долго думать ему не пришлось: из другой комнаты, услышав свое имя, вышел Ораз. Нурым просиял от радости.

— Еле нашел тебя, дорогой Оразжан!

Ничего не говоря, Ораз оглядел Нурыма широко раскрытыми глазами.

— Ну, чему ты удивляешься, Оразжан? — спросил Нурым, заметив растерянность Ораза.

— У кого остановился? — спросил Ораз встревоженно.

— У Фазыла.

— Хорошо. Сейчас я выйду. Поговорим...

— У меня срочное дело...

— Там и поговорим,— шепнул Ораз.

Нурым внимательно посмотрел на него, покачал головой.

— Жиен, ты, я вижу, изменился в городе. В ауле ты был не таким. Боишься, что ли, меня? Или недоволен, что я стал солдатом?

— Да что ты! Нет, нет. Это очень хорошо, что ты стал солдатом. После обо всем и поговорим.

— Да у меня всего два слова. Срочное дело...— И Нурым, не обращая внимания на растерянность друга, выпалил: — Мне надо узнать, где Хаким. Срочное письмо ему надо написать...

Ораз не на шутку испугался. Недобрые мысли пришли ему в голову: «Уж не попался ли этот простодушный певец на удочку полковника Аруна? Зачем ему понадобился адрес Хакима? Разве можно ему писать? Что это все значит? Почему он пришел именно ко мне?..»

— Сейчас, Нурым, сейчас. Выйдем и на улице поговорим. Здесь неудобно.

Ораз снова кинулся в другую комнату. Стало слышно, как он там с кем-то пошептался.

«Что за тайна? Еще вчера был такой простой, разговорчивый джигит, а сегодня — сплошные секреты. Может быть, он моей шинели испугался?» — недоумевал Нурым.

Вскоре Ораз вышел, но по-прежнему в одной рубахе и даже расстегнул верхнюю пуговицу, как бы готовясь к разговору здесь.

— Жаке, вы бы посидели в другой комнате с Губайеке. Этот джигит — мой нагаши, у него срочное дело, вы сами слышали...— несмело обратился он к портному.

Тот живо согласился:

— Конечно, милый, конечно. Усаживай своего жиена вот здесь и спокойно говори с ним. Эй, жена, тебе бы тоже надо выйти.

На лице женщины появилось выражение недовольства.

— Куда мне на ночь глядя тащиться? Мне надо поскорее сготовить ужин, чтобы дорогой гость поел и отдохнул...— пробурчала она, еще яростней раскатывая тесто скалкой.

— Женге, вы можете остаться. Делайте свое дело,— сказал Ораз, поняв, что женщину не выпроводишь.

«Видать, у них важный гость. Я пришел некстати. Кто этот Губайеке? «Дорогой гость»,— говорит хозяйка».

Нурым обернулся к Оразу. Веселый, находчивый, умеющий поговорить и с пожилыми и с молодыми, Ораз сейчас был молчалив и серьезен. Он чуть прикрутил фитиль пятилинейной лампы, но и в сумеречной комнате Нурым хорошо видел лицо Ораза, его широковатый книзу нос, высокий лоб, смолистые густые брови, похожие на крылья птицы, живые, умные глаза, волевой подбородок и упрямый рот. Нурым с восхищением разглядывал друга: «Наш старик говаривал: «Ум тянется к красоте, умные речи льются из прекрасных уст». Видать, прав был старик». Нурым решил не только узнать адрес Хакима, но и поговорить обстоятельно о многом. Он подошел к машинке Жарке, присел на скамеечку.

— Ты как-то говорил, что в Кзыл-Уй поедешь, устроиться на работу. В каком учреждении работаешь, жиен? — спросил он.

— Я, нагаши, работаю в том учреждении, которое снабжает вас одеждой и едой,— коротко ответил Ораз.— А тебя можно поздравить?..

— Поздравления ведь не выпрашивают, дорогой жиен! — засмеялся Нурым, но, задетый за живое, сразу нахмурился.— Чтоб устроиться на работу, надо иметь знания. А у меня их нет, потому я и пошел в солдаты. Хоть ружье потаскаю, если ни на что не способен.

Ораз быстро взглянул на него, думая, что смелого джигита тяготит необразованность, он мечтает об ученье.

— Судьба одарила тебя немалыми способностями, Нурым. По-мусульмански ты грамотнее всех нас, только вот не учился в русской школе. А быть полезным народу может любой, это зависит прежде всего от тебя самого.

— Одного желания мало. Чтобы быть полезным, надо иметь ум, знания.

— Ум у тебя есть...

Нурым покачал головой.

Встреча с Мукарамой вызвала у него невеселые мысли.

«Другие джигиты в моих летах уже сотней командуют, а я так себе... пришей-пристегни. «Ум у тебя есть»,— говорит Ораз. Насмехается?.. Нет, это он искренне сказал. Ораз не станет насмехаться. В ауле он меня похвалил: «Молодец! Пой песни Махамбета!» Нет, он хорошо знает, на что я способен».

Ораз чуть помедлил.

— Можно тебя называть Нурымом?

Нурым усмехнулся.

— А как же еще? Называть «Нуреке» еще рановато.

Ораз покосился на женщину, которая, кончив катать, теперь резала тесто на длинные полосы, и заговорил тише:

— Почтительное «нагаши» более подходит к хаджи Жуке. А мы с тобой почти ровесники. Два-три года — разница небольшая...— Он кашлянул, как бы прочищая горло, и наклонился к Нурыму.— Это я не просто так говорю. Жуке — очень умный человек.

«Куда он клонит?» — мелькнуло в голове Нурыма.

— Очень умный человек Жуке. Этот человек однажды сказал, а я запомнил. Мудрые слова не забываются. «Наши предки предпочитали поднимать ханов не на дорогих белых кошмах, а на кончике копья»,— говорил хаджи на одном меджлисе. Мы должны не только помнить эти слова, но и... Ты говорил о моем решении отправиться в Кзыл-Уй, чтобы устроиться на работу. Следуя мудрым словам Жуке, я приехал сюда, в город, в самую гущу казахов, чтобы хоть пером, хоть словом исполнить завет Жуке. К этому сейчас стремятся все истинные сыны народа. Твой младший брат, мой ровесник и друг Хаким...

— Где он сейчас? — прервал Нурым.

— Где? После... после...— прошептал в ответ Ораз.

Нурым задумался. «Что это значит — исполнить завет Жуке? Или он мне не доверяет?»

— Никто меня не заставлял надеть вот этот чекмень,— Нурым дернул свою гимнастерку.— Ты же сам, жиен, сказал мне: «Служи своим уменьем, пой свои песни». Вот я и приехал в ставку хана и мечтаю пойти по следам пламенного Махамбета. Думаю, что, «не разводя костра на снегу, чтобы зажарить наскоро дичь», мы ничего не добьемся.

— Как хорошо ты сказал! — Ораз с жаром обнял товарища.

Торопясь и сбиваясь, Нурым рассказал о встрече с Мамбетом, о том, как стянул с коня Нурыша, как на комиссии струсил перед Ихласом, как встретился сегодня с Мукарамой и обещал ей разузнать адрес Хакима.

— Завтра же попытаюсь помочь тебе,— обещал Ораз и стиснул плечи Нурыма.— Только смотри: никому ни слова. Врагов у тебя сейчас не меньше, чем друзей. Остерегайся.

Ораз проводил Нурыма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

У каждого свои опасения. Для главы валаята адвоката Жаханши самым опасным из всех образованных и авторитетных людей был учитель Губайдулла Алибеков.

Один из вдохновителей известной группы Мендигерея Епмагамбетова, которая на съезде интеллигентов края в Коспе открыто выступала против формы руководства автономией и налоговой политики правительства Жаханши, учитель, человек уже немолодой (ему было под пятьдесят), попрежнему оставался в ауле и учил детей. Его младший брат, Галиаскар Алибеков, после казачьего погрома в Уральске решительно перешел на сторону Мендигерея и Абдрахмана; он тайно создавал ячейки, вооруженные отряды, собирал вокруг большевиков казахскую молодежь. Жаханша знал об этом, но, понимая, что такого известного, всеми почитаемого человека, как Губайдулла, весьма выгодно привлечь на свою сторону, глава валаята перед отъездом в Уил послал к нему своего верного помощника офицера Каржауова с наказом выведать истинные помыслы учителя.

Это было на другой день после того, как Мамбет всколыхнул всю казарму...

Утром учитель Губайдулла отправил своего сына Мерхаира к тому хутору, куда вчера направился Мамбет. Мальчик вскоре вернулся и сообщил:

— Папа, ваш батыр не ночевал на хуторе. Никто его не видел, и никто не слышал о нем.

Исчезновение буйного джигита встревожило Губайдуллу. Своевольный сын степи, он мог и сам пропасть ни за что, и навлечь погибель на своих товарищей. «Нехорошо, что я отпустил его, не указав верного пути. Он ведь спрашивал, где Галиаскар. Вот я и послал бы его туда, чтобы избавить от когтей Аруна-тюре. В городе должны знать, где он сейчас»,— подумал учитель и велел сыну запрячь коней, чтобы срочно выехать в город.

Губайдулла начал одеваться, когда Мерхаир снова вошел в комнату.

— Папа, какой-то офицер просит разрешения войти.

Учитель молча кивнул. Вскоре в юрту вошел капитан Каржауов, учтиво протянул учителю обе руки и направился к почетному месту.

Губайдулла хорошо знал его и как чиновника и как человека. Когда-то Каржауов окончил шестилетнюю русскую школу, затем учительские курсы, однако учителем не стал, ушел в чиновники и сейчас возглавлял канцелярию валаята, был секретарем — помощником Жаханши. Соответственно немалому чину он пользовался недоброй славой среди населения: был беспощадно жесток. В этом году, во время сборов средств для валаята и его армии не осталось, наверное, человека в окрестностях, который не изведал бы камчи Каржауова. Хотя он и не трогал аул Губайдуллы, но в соседних аулах, Булан и Кожакелды, бесчинствовал, и учитель знал об этом. Неожиданный приезд свирепого служаки озадачил учителя. Первое, о чем он подумал: как принять нежданного гостя? Оказать ли ему все почести или держаться неприступно-холодно? О чем беседовать за дастарханом? Неудобно сказать ему в глаза о его неприглядных поступках, но делать вид, что ничего не знаешь, и обмениваться любезностями — вовсе подло. Губайдулла решил быть особенно осторожным в разговоре с этим «гостем», а при случае намеком, колкостью задеть и показать свое к нему отношение.

Чванливый Каржауов молчал недолго; усевшись за стол и, по обычаю, расспросив о здоровье хозяина и его семьи, он сразу заговорил о главном.

— Уважаемый старина,—официальным тоном начал он,— вероятно, приезд человека, ни разу не бывавшего в вашем доме, показался вам следствием очень важных и неотложных дел. Ничего подобного, смею вас заверить, нет. Я приехал к вам с салемом мирзы Жаханши. Господин Жаханша решил перевести центр валаята в самую гущу казахов — в город Уил, куда он сам вот-вот выезжает. «Очень сожалею, что из-за множества дел не могу лично заехать к Губайеке,—сказал он, когда я уезжал.— Но где бы мы ни были — вблизи или вдалеке,— мы постоянно с глубоким уважением вспоминаем вас...» Вот с этим приветом мирзы я и приехал к вам.

Губайдулла пытливо глянул в лицо офицера: оно было бесстрастным, вялым, глаза тусклыми, уголки губ брезгливо-высокомерно опущены; весь он был отталкивающе холоден. «Ты, видать, служака усердный, но бесчувственный, как железо. Возможно, ты и поверил, что твой хозяин захотел быть в гуще казахского народа, хотя на самом деле он попросту удирает в Уил, чувствуя грозную поступь Уральского фронта. Жестокость — следствие невежества, самодурство — признак

ограниченности»,— думал учитель, осуждающе поглядывая на самодовольную позу Каржаунова.

Прежде чем ответить на слова гостя, учитель повернулся к сыну:

— Распорядись, Мержан, чтоб подготовили достойное угощение дяде правителю, редкому гостю.

Мержан понял по голосу отца, что следует зарезать барана. Но гостю, казалось, не было дела до беспокойства отца и сына. Словно стервятник, расправивший крылья, продолжал он сидеть за столом.

Мальчик на минуту замешкался, то ли надеясь, что гость откажется от угощения, сказав: «Спасибо, я очень спешу, мне некогда», то ли ожидая другого распоряжения отца, вопросительно взглянул на обоих мужчин, чуть поклонился, прошептал: «Хорошо» — и вышел из юрты.

Каржауов заговорил снова. Он пожалел Губайдуллу:

— Губайеке, ваше место ведь в двухклассной русско-киргизской городской школе. Что вам здесь делать, в захудалом ауле? Здесь могли бы работать юнцы, только что окончившие курсы.

На этот раз учитель ответил сразу:

— Настоящему учителю все равно, где учить детей — в городе или в ауле. Ну, а если еще кое-кто считает, что аульные школы хуже городских, то это от пренебрежительного отношения к аульной школе. Я считаю целесообразным открывать в аулах школы высшей ступени. Шестилетние или десятилетние средние школы должны быть не только в городах. Их следует открывать и в аулах. И этой цели я посвящу остаток своей жизни.

— О, я вижу, вы обиделись.

— Нет, я не слишком обидчив. Я говорю то, что думаю,— спокойно возразил учитель. — Спасибо, что мирза Жаханша с уважением вспоминает меня. Еще раз благодарю за то, что он специально послал вас ко мне с салемом...

— Да, да, специально послал,— подхватил Каржауов.— Доставь, говорит, почтенному человеку мой салем.

— Но должен сказать, что ваше сообщение о переезде в Уил меня, мягко говоря, поражает. Странное решение: ведь городок наш, Джамбейта, не в России находится...

Каржауов снова перебил:

— Конечно, не в России, но все же согласитесь, учитель, Джамбейта стоит не в густонаселенной казахской степи.

— Это вы... серьезно говорите? — спросил Губайдулла, в упор глядя на Каржауова.

Секретарь-помощник удивленно вскинул брови:

— Разумеется.

— Хотя я с вами никогда не встречался, однако всегда считал вас одним из видных руководителей. Центр валаята, расположенный вдали от торговых и культурных очагов, от базаров и школ Уральска и Оренбурга, не напоминает ли вам одинокое дерево в пустыне? Мне трудно поверить в то, что образованные люди во главе валаята не подумали об этом. Тут есть, видимо, какая-то другая причина.

— Нет, другой причины нет. Таково решение наших руководителей.

— В таком случае это решение напоминает игру в прятки, когда дети прячутся за домом и кричат: «А ну, найди меня!..»

— Откровенно говоря, ваше сравнение, будто бы решение правительства похоже на детскую игру, меня тоже поражает.

Каржауов побледнел, Губайдулла крякнул, помедлил, отложил «Уральский вестник» и, взглянув на оскорбившегося офицера, тоже нахмурился.

— Я не люблю говорить намеками, господин Каржауов. Когда учительствуешь много лет, привыкаешь ясно, четко и открыто излагать свои мысли. Если Джамбейтинский валаят действительно переводится в Уил, то это напоминает мне басню Крылова о волке, убежавшем из лесу. Это, пожалуй, точнее, чем сравнение с игрой в прятки. Подумайте сами: на бухарской стороне Яика расположено множество волостей: Шингырлау, Бурили, Теректы, Ханкуль, Косатар, Уйректы-Куль, Жезбуга, Карасу, Дуана, Анхата, Большая и Малая, Тайпак, Уленты, Шидерты, Булдырты, Джамбейта, Санбынды-Куль, Кара-Тобе, Тамды. В самом центре этих волостей стоит Джамбейта. Потому царское правительство и выбрало Джамбейту уездным городком, географическим центром так называемого Западного валаята. Уехать отсюда на сто пятьдесят верст — значит отделиться от этих волостей, намеренно податься в Мангышлакские степи. Следовательно, разговор об укреплении в самой гуще казахского народа — это явный обман для оправдания каких-то других намерений.

— Что вы хотите этим сказать, учитель? Это что, открытая недоброжелательность в отношении валаята? Или злорадство по поводу переезда правительства?

Каржауов побагровел, резко поднялся.

— Вы садитесь, господин Каржауов. Я говорю не для того, чтобы обидеть лично вас или задеть ваше самолюбие. Вопрос этот касается интересов народа и нашей земли. Поэтому в решении этого вопроса не может оставаться равнодушным ни один честный человек.

— Нет, я не так понял...— промямлил Каржауов, снимая шинель.— Очень жарко у вас...

Гость сразу изменился, принял учтивый вид, уселся поудобней, готовясь выслушать хозяина.

Губайдулла попросил сына поскорее подать чай. В молчании опять задумался: «Ты, голубчик, из тех, что вместе с волосами готов снять и голову. Но оттого, что ты нервничаешь, я, конечно, не стану скрывать правды. Неспроста ты примчался сюда. Ни твое «уважение», ни салем правителя Жаханши тут совершенно ни при чем. А впрочем, возможно, ты выслеживаешь Мамбета...» Учитель провел ладонью по густым волосам, зачесанным на правую сторону. «Интересно, о чем он теперь заговорит?»

Принесли чай, и гость занялся им. Разговор явно не клеился. Через некоторое время в юрту вошел Хамидолла, начал расспрашивать о новостях в городе и, кажется, чуть-чуть приподнял настроение надутого, разобиженного чиновника валаята.

Хамидолла легко находил язык и с детьми и со старцами. Сейчас он, то ли желая разузнать истинное намерение высокого гостя, то ли считая целесообразным поделиться с ним думами, вдруг начал расхваливать Жаханшу:

— Блестящий оратор, дальновидный, образованный юрист. Великое время рождает достойных сынов. Никто не может сомневаться в политической зоркости господина Жаханши. Дело, начатое им, отвечает нуждам всего народа. Не только друзья, но и враги восхищаются тем, как Жаханша за короткое время сумел создать способное, деятельное правительство и привлечь к управлению валаятом лучших казахов. Особенно восхищает всех его решительность в создании своей армии.

От такой похвалы Каржауов расцвел.

— Верные слова, Хамидолла, точная оценка. В мудрости Жаханши не сомневаются даже недруги. Однако еще немало невежд, которым чужды его великие начинания. Вот, к примеру, только вчера некий безумец Мамбет, вместо того чтобы принести пользу родному валаяту, совершил мерзкий поступок: угнал лучших аргамаков нашего правителя. Да еще взбудоражил джигитов в казарме,— удрученно сообщил Каржауов.

Губайдулла насторожился, но промолчал. «Э-э, значит, этот упрямец сразу в город отправился. Теперь понятно, почему он не ночевал на хуторе»,— отметил он про себя.

— Разве этот безумец не родственник Жаханши? Он ведь тоже из рода Тана,— начал было Хамидолла, но Каржауов перебил:

— Верно говорится, что от одной кобылы рождаются и пегие и саврасые жеребята. В нашем роду Тана добрая половина — умные, образованные люди, а другая половина — сплошь жулье и негодяи, вроде этого самого Мамбета. Давно он баламутит народ; если бы попался мне в руки, я бы не пожалел, лично сам расстрелял такого, будь он хоть трижды родич!

Хамидолла сокрушенно покачал головой:

— Ойпырмай, а! Надо же, не только коней угнал, но еще и джигитов взбудоражил!

Каржауов, кажется, понял, что проговорился, затеял совершенно неуместный разговор.

Он поспешно поправился:

— Да ну, куда ему будоражить-то! Разве сознательные джигиты послушают баламута? Ему бы лишь коней воровать. Разбойник, разбойник и есть.

Разговор брата и гостя не понравился учителю. Его раздражало то, что Хамидолла во всем поддакивал кичливому чиновнику и даже как будто согласился с тем, что Мамбет и в самом деле разбойник.

— Разбойником Мамбет никогда не был. А если угнал коней, значит, слишком велика его обида. Он бесстрашен, смел и, конечно, будет мстить, я это знаю,— сказал учитель.

— Да какая там у него обида? Поцапался с Кирилловым, наглец, вот и бесится.

Губайдулла заговорил с жаром:

— А разве это не причина? Не оскорбление? Если человек защищает свое достоинство и борется с произволом обнаглевших офицеров-казаков, разве это плохо? Разве вы не разглагольствуете на каждом углу, что добились полной свободы? А между тем казаки бесчинствуют, как и прежде. Честь и хвала тем, кто хочет быть свободным! И не только хочет, но и смело борется за высокое достоинство гражданина!..

— Вот-вот, именно такие подзуживающие речи образованных людей и сбивают с толку смутьянов, вроде Мамбета. Теперь все понятно... Верно догадался наш глава, что Мамбет именно здесь набирается крамолы... Понятно, все понятно! — взъярился Каржауов.

— Как изволите понять ваше замечание? Хотите меня одной веревочкой связать с Мамбетом?

— Вы сами себя выдали, почтеннейший учитель.— Каржауов резко поднялся. «Вот откуда зараза исходит. Мамбета натравил старый бунтовщик, он, только он! И брат его большевик, и сам он втайне им сочувствует»,— со злобой подумал он.— Могу вам сообщить, что мы знаем, где сейчас Галиаскар Алибеков.

Помолчав, Губайдулла спокойно ответил:

— Уважаемый Каржауов, умный человек взвешивает каждое слово и за каждое свое слово должен держать ответ. Я не Мамбет, а Мамбет не я. У каждого свой путь, своя вершина. «...Мы знаем, где сейчас Галиаскар Алибеков»,— заявляете вы. Такими словами не бросаются. Господин Жаханша прекрасно осведомлен, кто я такой. С давних пор наши мнения кое в чем расходятся, но это вовсе не значит, что мы должны с оружием в руках идти друг на друга...

— Тогда почему же Галиаскар и Айтиев сколачивают отряды, захватывают оружие? Или Галиаскар вам не брат?

Губайдулла на мгновение задумался.

— Нет такого закона, по которому родственники должны придерживаться одних взглядов, иметь одинаковые мнения. Даже отец и сын иногда могут быть чужды друг другу. За примерами не надо далеко ходить. И Бахитжан, и Арун — Каратаевы. Оба султаны, оба образованны, однако они — люди совершенно разных идей. И даже есть слухи, что именно Арун-тюре выдал атаманам Бахитжана-тюре. Вполне допустимо, что у Галиаскара есть свои взгляды, свои идеи и цели. А мое отношение к нему — это дело сугубо личное. Одобряю я его или осуждаю, до этого нет никому дела, в этом судьей только моя честь и совесть. Совесть гражданина. Поэтому совершенно не к лицу образованному, мыслящему человеку укорять меня поступками брата.

— Перестаньте! И вы, и вы, прошу вас, перестаньте. Садитесь, дорогой гость. Чай остывает,— поспешил Хамидолла на помощь.

Но Каржауов садиться не стал. В юрте было много книг, связок газет и журналов. На стенке висели фотографии и образцы старинного оружия. Недовольный своим приездом, сердитый гость не осмеливался уйти сразу же и сделал вид, что заинтересовался книгами, потом начал рассматривать фотографии, дожидаясь, пока уберут чай. Понимая настроение гостя, Губайдулла выразительно взглянул на брата, как бы говоря: «Ну зачем тебе расшибаться перед выскочкой», но обеспокоенный Хамидолла повернулся к гостю, готовясь сладкими словами уговорить офицера сесть.

Губайдулла, говоривший всегда правду в глаза, не любил лисьи замашки брата в разговоре с людьми. «В бурю хорошо иметь свое укрытие»,— часто повторял тот, доказывая, что людей нужно брать лестью. «Если зол и хмур твой собеседник, нехорошо хмуриться и тебе. Пусть в таком случае твое лицо станет кротким и добрым — стужу смягчает теплынь. Скажи самому скупому человеку: «Господин, настало время всему народу показать вашу великую щедрость» —

и он растает, потому что мягкие, ласковые слова все равно что сливки для потрескавшихся губ»,— говаривал Хамидолла. Вот и сейчас начал он улещивать разгневанного гостя:

— Дорогой мирза! Трудно, ой как трудно быть во главе правительства. Особенно сейчас, в наше время. Обуздать смутьянов, вроде Мамбета, могут только такие джигиты, как вы. Побольше бы нам таких смелых, деловитых джигитов, тогда бы дела нашего народа быстро пошли в гору.

Губайдулла нахмурился и решил оборвать брата:

— Ты помолчал бы, Хамидолла! Тебе известно, что я не поклонник сладких речей... А вам, Каржауов... мирза, я бы хотел сказать вот о чем.— Губайдулла сделал паузу, и Каржауов быстро, злобно повернулся к нему.— Многое мне кажется загадочным,— продолжал учитель.—Деятельность Жаханши, человека высокообразованного, знающего историю общества, мне непонятна. Ведь гонения, которым он подвергает передовых, мыслящих людей, не что иное, как варварство. Атаман Мартынов, к примеру, ярый монархист. Поэтому вполне понятно, почему он расстреливает, вешает, сажает в тюрьмы людей, жаждущих свободы. Но как понять то, что Жаханша, ратуя за национальное равноправие, жестоко преследует Бахитжана Каратаева, Мендигерея Епмагамбетова, которые борются за свободу и счастье казахов? Или любовь к простому народу, беднякам-скотоводам, сиротам и вдовам предосудительна?

— Они не о казахском народе заботятся, они предали, продались русским босякам! — выпалил Каржауов.

— Ничего подобного, мирза Каржауов. Это Жаханша поет старые песни, прикрываясь высокими словами о свободе, равенстве и независимости. И суть его песни ясна: это ненависть к нарастающей русской революции, а вместе с ненавистью недопонимание ее глубокого смысла. Одинокий кол не может удержать разлива реки, а русская революция сильнее самого могущественного разлива. И она, как неукротимое весеннее половодье, смоет с земли всякую нечисть. Называть это революцией босяков и считать ее поборников предателями — прямо-таки кощунственно. Если вспомнить прошлое, то русские бедняки-земледельцы испокон веков сочувственно относились к казахским беднякам-скотоводам. А атаманы, на которых опирается Жаханша, были общими их врагами...

— Нет, больше я не могу слушать, я уезжаю,— хрипло сказал Каржауов Хамидолле.— С этим человеком я поговорю по-другому...

— Нет, нет, что вы! Уже овцу зарезали,— всполошился Хамидолла.— Покушайте свеженького мяса.

— Нет, не останусь! С этим человеком я не сяду за один стол!

2

Проводив рассвирепевшего начальника, Хамидолла тут же вернулся.

— Ай, Губайеке, не зря говорили в старину: если твой начальник слеп, то и ты зажмурься на один глаз...— начал было он, но старший брат оборвал:

— Если таких, как этот гость, расхваливать, превозносить до небес, они и в самом деле подумают, что справедливее, умнее и важнее их нет людей на земле. А ты еще захотел, чтобы я поддакивал ему.

— Ласково поговоришь — и змея из норки вылезет. А ведь он может укусить. Сейчас много таких кусак развелось.

— Чем трусливо бежать от гадюки, лучше вырвать ей жало и избавить от беды и себя и других.

На этом разговор братьев кончился, и Губайдулла снова распорядился запрячь коня, посадил на козлы сына и отправился в город.

Когда путники выехали на большую дорогу, Губайдулла прислонился поудобней к мягкой спинке тарантаса и попросил сына не гнать шибко, чтобы не поднимать пыли.

«Лучше вырвать ей жало...— думал он о своих же словах.— Но как вырвать? Хамидолла прав, этот глупец может и ужалить. Власть тогда справедлива, когда она в руках мудрых. Власть же в руках Каржауовых — очень и очень опасна. Он может что угодно наговорить правителю валаята, сдерживаться не станет... Однако разве можно мои мысли, мои думы запрятать в тюрьму?..»

Только теперь Губайдулла встревожился. «Но какие у него доказательства, чтоб осудить меня? Кхм-м, впрочем, уж если они захотят, то очень просто осудят и невинного. Что значат факты, доказательства, справедливые речи для тех, кто привык творить произвол? А что это такое — произвол? Несправедливость? А где справедливость? Где они — правда и кривда? Бунт Мамбета, не захотевшего быть бессловесным рабом Кириллова, давно измывавшегося над ним,— справедливо это или нет? Или, может быть, справедливость — это распоясавшийся офицер Каржауов, который и сегодня требует от Мамбета беспрекословного подчинения?! Кто их рассудит? Каждый понимает справедливость по-своему. Кругом обман. Целенаправленная ложь...»

Учитель машинально снял шляпу, провел по волосам и снова надел ее, не замечая, что делает; мысли его напряжен-

но искали выхода, а рука невольно зажала ворот просторного чапана из верблюжьей шерсти, который он надел вместо пыльника поверх сюртука.

— Ложь! — прошептал он.— Но разве ложь не один из приемов управления народом? И получаются звенья одной цепи: власть — ложь — произвол. Это тяжкая болезнь степи, ее вековая мука. Нет, не болезнь степи, а насилие, пришедшее в степь извне...

В прошлом году зашел разговор о сборе средств для содержания управленческого аппарата и армии Западного валаята. Тогда группа учителей предложила облагать налогами только баев, а бедняков, сирот, вдов освободить от непосильных сборов. Руководители валаята рассудили иначе. «Поскольку правительство единое, общее для всех,— заявили они,— значит, все должны платить налоги в одинаковой мере». Сто рублей с каждого двора — таково было решение валаята. Вот один из примеров управления народом! Вот одна из несправедливостей валаята. А как собирали войско? Первыми в списке оказались дети бесправных бедняков. Среди защитников валаята не оказалось детей баев и волостных правителей, биев и ишанов. А если были, то считанные единицы. Выходит, что валаят и кормят и защищают одни только бедняки. А кто ими управляет? Одни только Қаржауовы...

На этот раз учитель не дотронулся до шляпы, а сделал лишь движение правой рукой, будто отгоняя назойливую муху. На самом же деле никакой мухи не было, а от множества несправедливостей так просто не отмахнуться.

— Потише, Мержан, не спеши. Путь недолог, доедем.

Мальчик и без того не торопил коня. Он понял, что отец сказал это просто так, машинально, так что можно не отвечать.

Снова нахлынули думы. «Почему Қаржауовы приносят народу одно только горе? Все их дела бесчеловечны, но попробуй перечить — затопчут, состряпают ложный донос и бросят в тюрьму. С какой целью? Чтоб показать себя, свою власть. И объясняется это одним: карьеризмом. Мерзким желанием любым путем стать выше других, важней, значительней. Чужая честь, мечта, чужое достоинство и в грош не ставятся».

На душе Губайдуллы было так тяжко, что казалось, нет сил поднять головы. Он глядел на землю, но сейчас не замечал знакомой дороги между городом и Қамысты-Кулем. Перед взором клубились обрывки мыслей.

Неожиданный приезд крупного чиновника валаята, его высокопарные речи, пренебрежение к гостеприимству дома

взволновали Губайдуллу. О многом он передумал в дороге, осуждая правителей. Много повидавший на веку учитель не раз пытался найти корень зла, и каждый раз его мысли останавливались на одном и том же: «А что делать дальше?» Ответа учитель не находил.

«Ваши речи сбивают с толку таких смутьянов, как Мамбет!» — говорит Каржауов.

«Правительство, которое заточило в тюрьму Бахитжана, преследует Мендигерея, может легко и меня обвинить в преступлении»,— подумал Губайдулла. Он не боялся, но ему вдруг очень захотелось поделиться своими сомнениями с добрым, умным человеком, хорошо разбирающимся в последних событиях, Хабибрахманом Казиевым, заведующим шестилетней двухклассной русско-киргизской школой в городе Джамбейте. Эта школа издавна славилась своими учителями, учениками, добрыми делами.

В роду Казиевых было много и ученых и неучей. Хабибрахман Казиев среди них стоял особняком. Он был полной противоположностью Салыха Казиева, бывшего знаменитого управителя, ныне почетного члена Джамбейтинского валаята. Правнуки легендарного казахского батыра Сырыма, внуки красноречивого Казы, одного из двенадцати биев хана Джангира, дети не менее знаменитого отца, отпрыски славного, могущественного рода оказались на разных жизненных путях. Салых Казиев был всемогущим бием, одно слово которого приводило в трепет всех байбактинцев; Хабибрахман Казиев долгие годы учительствовал, воспитал многих джигитов, которые в городах и аулах честно служили народу. Хабибрахман пользовался огромнейшим авторитетом и безграничным уважением. Грозного Салыха все боялись, редко кто осмеливался въезжать без разрешения в аул Салыха, а к Хабибрахману шли толпой, дом его был всегда полон гостями и просителями...

Крупнотелый, большеглазый, спокойный, представительный Хабибрахман сам встретил Губайдуллу и вежливо проводил его в свой дом — просторный, светлый и чистый особняк, построенный возле школы. Посадив почетного гостя в мягкое глубокое кресло рядом с большим письменным столом, хозяин почтительно поинтересовался его здоровьем.

— Вы, Губайеке, редко приезжаете в город. Я очень рад видеть вас и весь к вашим услугам. Будьте моим гостем. За конем вашим есть кому присмотреть. И Мерхаиру, думаю, скучно не будет. Есть книги, есть журналы с картинками,— сказал хозяин, взглянув на мальчика в форме гимназиста, усевшегося на скамеечку возле двери.

Правая щека Хабибрахмана постоянно дергалась, особенно в разговоре, и мальчик не отрываясь глядел на учителя и на его щеку.

Хозяин дома учтиво ждал, когда заговорит более старший и уважаемый Губайдулла.

— Ну, как обстоит дело с учебой? — спросил гость.

— Туговато: не хватает средств. Деньги нынешние обесценены, да и непостоянны. Хотели в этом году принять дополнительно несколько учеников в первый класс, но желание наше не осуществилось. Дров достаточно, но питания в пансионе не хватает.

Помолчали. Потом Губайдулла рассказал о своих сомнениях, о приезде Каржаубва, о его поведении, о «салеме» Жаханши.

— Неприглядные поступки людей валаята отталкивают народ. Кому нужна такая автономия? Кому выгодна такая самостоятельность? Кругом ложь, обман, насилие, грабеж. Народ изнывает под тяжестью непосильных налогов. Над головами невинных все чаще играет нагайка. Аресты, ссылка, расстрелы. А ведь сколько красивых слов было сказано! Поднимем благосостояние и культуру народа! Все будут учиться, все будут свободны и равноправны! Земля и реки будут принадлежать всем! Будем заботиться о вдовах, сиротах! На словах одно, на деле другое. Насилие тревожит каждого честного человека, каждого гражданина, думающего о будущем народа. Вы сказали, что я редко приезжаю в город. Это верно. У меня нет желания приезжать сюда чаще, чтобы не видеть злодеяний, творимых здесь,— удрученно сказал Губайдулла.

Правая щека Хабибрахмана задергалась еще сильней. Надо было хорошенько подумать о словах уважаемого учителя, прежде чем ответить. Хозяин начал раскладывать дастархан, открыл отдушину самовара, расставил чашки на подносе. Со стороны было заметно, что все это он делает лишь для того, чтобы выиграть время и собраться с мыслями. Движения его были неуклюжи, неуверенны, лицо оставалось напряженным, взгляд отсутствующим. Ясно, что гость приехал неспроста, а чтобы поделиться своей болью, и поэтому надо ответить ему вдумчиво, серьезно.

— Правда, Губайеке. Неприглядных дел много, справедливость попирается на глазах...— тихо сказал Хабибрахман, чтоб поддержать разговор, и тут же, приглашая гостя немного повременить, добавил: — Пейте чай, прошу вас.

Чай пили сосредоточенно, обмениваясь незначительными замечаниями, но едва убрали дастархан, как Губайдулла снова заговорил о том же:

— По-моему, руководители автономии зря опасаются русской революции. Молодой, неопытной автономии надо было приспособиться к этому могучему потоку и направить корабль по естественному течению. Так было бы дальновидней. Следовало бы подальше держаться от неосуществимой, сумасбродной идеи атаманов и царских генералов, мечтающих о поддержке монархии. Но как, скажите мне, как можно не осуждать слепцов, упрямо не замечающих поступи истории, этих самонадеянных, кичливых чиновников, способных только измываться над бесправными, забитыми. Поставь журавля воеводой — замучит своим курлыканьем. А эти — невежеством, глупым упрямством. До каких пор нам плестись в хвосте лжи, обмана, фарисейства? Когда же наконец мы пойдем к благородной, большой цели?

Хабибрахман, склонив голову, изредка кивал, как бы соглашаясь с горькой исповедью. Он опять надолго задумался, слыша, как нетерпеливо покашливает гость. «Видать, старина хочет знать мое мнение. Так и быть, скажу...» — решил хозяин про себя, повернулся к Губайдулле. Правая щека его сильно-сильно задергалась, выказывая волнение.

— Губайеке,— спокойным голосом начал Хабибрахман,— я хорошо помню, как вы однажды сказали: «Чтобы достичь истинного расцвета культуры и сознания нашего народа, мы должны прежде всего обучить и воспитать нашу молодежь». Эти слова запали мне в душу, потому что они, по-моему, определяют цель нашей жизни. Чтобы осуществить ее, я представил нынешнему инспектору просвещения проект, в котором предложил открыть высшие начальные школы в Джамбейте, Карасу и Кара-Обе, вашу школу и начальную школу в Уйректы-Куле превратить в шестилетние, а в следующем году открыть гимназию и специальную начальную школу для девочек. Если этот проект будет принят, то мы сможем выпускать ежегодно около ста человек со средним образованием; тем самым мы заложим основы будущей семинарии. Я считаю осуществление этих мероприятий началом великих преобразований. Что касается вашей большой думы о русской революции, то мое скромное мнение не удовлетворит вас. Кроме учебного, просветительного дела, я ни о чем больше не могу говорить. Скажу только, что мы, словно ласточка, несущая в клюве воду страждущим, по мере своих сил также боремся против несправедливости. Войсковому правительству Уральска мы отправили от имени биев и народных учителей письмо, в котором настоятельно просим освободить дорогого для всех нас Бахитжана Каратаева. А недавно я стал свидетелем очередной жестокости. Мне надо было на почту, и вот, когда я проезжал мимо гауптвахты, я услышал душе-

раздирающий женский крик. Я подъехал к тюрьме. У самых ворот тюрьмы молодая женщина вопила во весь голос: «Где слыхано, чтоб правители народа начали воевать с бабами? Позор, позор! Пропустите меня к вашему Жаханше!» Увидев меня, женщина заголосила еще громче: «Помогите мне, мирза! Эти убийцы, истребив мужчин, теперь решили воевать с бабами! Мы думали, что избавились от казачьей нагайки, но пришли изверги еще страшней!» Я не вытерпел, подъехал к офицеру, спрашиваю, в чем дело. Женщина оказалась женой Абдрахмана Айтиева, а окровавленный, лежавший без чувств на телеге мужчина был Мендигерей Епмагамбетов. Их привезли из самой Кара-Обы, чтобы заточить в тюрьму. Я немедленно поскакал к Жаханше. «Прошу прекратить это бесчинство»,— говорю ему. Глава валаята распорядился отпустить женщину, а к больному пленнику направить врача. С подобной несправедливостью сталкиваешься на каждом шагу. Наконец мы собрались и от имени здешних учителей решили направить Жаханше прошение: «Возможно, что Мендигерей и виновен перед атаманами, но своему народу он зла не желал. Просим его освободить из тюрьмы...»

Хабибрахман встал, прошел в соседнюю комнату и тут же вернулся с прошением в руках.

— Вы очень кстати приехали, Губайеке. Прочтите и, если вы согласны, можете поставить подпись. Прошение от имени двенадцати учителей.

Губайдулла остался очень доволен и хозяином дома, и его делами. Он охотно подписал прошение и попросил Хабибрахмана использовать весь свой авторитет, не останавливаться ни перед какими трудностями и довести это дело до конца. Пока гостеприимный хозяин готовил почетное угощение, Губайдулла решил побывать у портного Жарке, чтобы встретиться с молодым человеком, снявшим в доме портного угол. Он хорошо знал, что молодой человек — посланец его брата Галиаскара. Этого не скрывал и сам Ораз.

Из беседы с Оразом Губайдулла узнал все подробности о Мендигерее. Тяжкой и горестной была его судьба, но его дела вызывали гордость у друзей и ненависть у врагов.

3

Печальной была его судьба.

Измученный побоями, обессиленный потерей крови, Мендигерей стал неузнаваем: скулы обострились под тонкой желтой кожей, глаза глубоко запали. На висках отчетливо проступили набрякшие вены, точно огромные синяки.

Везли его от самой Богдановки, избитого, израненного, без остановок, без передышки, без воды. Тряская, долгая дорога, скрипучая арба окончательно измучили пленника. В городе его грубо стащили с телеги и полуживого швырнули в тюрьму. Два дня он провалялся без сознания в углу одиночной камеры. В тесной, сумрачной конуре не было живой души, которая могла бы подать ему глоток воды. Только на третий день кто-то осторожно приподнял его голову и провел по пылавшим губам влажной тряпкой...

— Глотните...— смутно дошел до него женский голос.

Но пленник не сразу догадался, о чем его просят. Он потянулся рукой к стакану, поднесенному к губам, но не смог взять его. Чья-то заботливая рука чуть наклонила край стакана, и он почувствовал в горле прохладный и до боли приятный упругий глоток воды. Он пил долго и жадно, потом, обессилев, тихо лег с закрытыми глазами...

— Пейте... еще...— снова донесся женский голос.

Перед ним, опустившись на корточки, сидела незнакомая миловидная медсестра... «Откуда она?» — с удивлением подумал Мендигерей и опять закрыл глаза.

— Впустите женщину, которая принесла еду,— послышался голос сестры.

— Сейчас, доктор,— ответил далекий мужской голос.

«Кто они?» — еще больше удивился пленник, но открыть глаза и спросить у него не было сил.

Обо всем Мендигерей узнал лишь на другой день от Кульшан, снова пришедшей к нему с передачей. Он внимательно глянул на всхлипывающую женщину, покачал головой, как бы прося ее успокоиться, и большими глотками выпил стакан молока. Приятная истома разлилась по телу. Немного помолчав, он повернулся к Кульшан, спросил:

— Тебя что... освободили?

Кульшан рассказала, что ее выпустили из тюрьмы на второй же день, что она нашла дом свояченицы Ергали-аги и вместе с нею уже два дня по разрешению доктора, девушки-татарки, приносит ему еду.

Мендигерей тихо сказал:

— Ты бы, родная, в аул вернулась. У тебя там дети, старик со старухой. Пропадут они без тебя.

Кульшан, казалось, знала, что именно так он и скажет.

— Никто старика и старуху, кроме самого бога, не заберет. Пока вы не встанете на ноги, я отсюда не уеду. Выпейте еще молока. А вечером я принесу сурпы. Скорее поправляйтесь.

Мендигерей выпил остаток молока и долго смотрел благодарными глазами на Кульшан...

Даже после самой свирепой бури упрямо выправляется кряжистый степной карагач, закаленный ветрами, зноем и стужей. Мендигерей тянулся, рвался к жизни и через неделю уже без посторонней помощи мог стоять на ногах.

Кроме молока и сурпы он пил уже и кумыс и ел мясо, которое приносила Кульшан. На лице появился слабый румянец, с каждым днем пленник чувствовал себя лучше. Но на висках все так же вились синие набухшие вены, глаза ввалились, щеки пылали, на лице оставались следы перенесенных мук.

Однажды за окном одиночной камеры раздался знакомый голос Ораза. Это было так неожиданно, что Мендигерей не сразу сообразил, откуда донесся зов. А Ораз тихо позвал его из окна самого начальника тюрьмы. Под предлогом неотложных интендантских дел он пришел к начальнику тюрьмы и, когда тот ушел на обед, остался по его разрешению в кабинете. Маленькое тюремное помещение Джамбейтинского валаята охранялось не очень строго, окна и дверь начальник оставил открытыми, и поэтому Оразу было нетрудно заговорить с Мендигереем.

— Менди-ага,— еще раз тихо позвал Ораз.

Пленник вздрогнул, подошел к окну и увидел Ораза.

— Отряд Белана разросся в батальон; наши джигиты с прибрежья примкнули к нему. Об этом сообщил Амир. Абеке сколотил тоже чуть ли не целый батальон, вышел из Темира и направляется сюда. Сейчас он где-то возле Шингырлау. Стремительно приближается и Красная гвардия. Оренбург освобожден, вот-вот вышибут и уральских атаманов. Здешний валаят решил перебраться в Уил. Видать, почувствовали, что близок их час,— быстро и бессвязно сообщил новости Ораз. Часто оглядываясь, он торопливо рассказал все о Мамбете и, не переводя дыхания, спросил: — Что же дальше делать?

Утомленное, измученное лицо пленника просветлело, глубокие глаза вспыхнули огнем, будто ветер вдруг раздул угасшее было пламя.

— Хорошо! Все идет хорошо! Жаль, Мамбета от себя отпустили. Он, точно свирепый беркут, на любого врага ринется. Увести десятерых из четырехсот — это мало. Мамбет мог бы всколыхнуть всех дружинников. Они все недовольны диким произволом, палочными порядками валаята. Только некому их возглавить, некому зажечь. Постарайтесь, чтобы Мамбет не попался им в руки. Лучше его отправить к Абдрахману и привлечь к настоящей большой борьбе. Его путь — в Красную гвардию. Но действуйте осторожно... Потом... за мной здесь ухаживает Кульшан, передачи носит. Я отправ-

ляю ее домой, а она говорит: чем терпеть измывательства Абиля, лучше подамся в отряд Белана. Смелая женщина! Если можно, пусть Амир проводит ее к Абдрахману. Хоть с мужем рядом побудет, поможет ему. Амира отправляйте немедленно. Пусть скорее доберется до Абдрахмана. А Абдрахман пусть пришлет сюда «мирзу». Он поймет, кто такой «мирза». Ты все запомнил, родной? Смотри береги себя! Не показывайся здесь часто.

Ораз кивнул головой. Посидел еще немного над своими бумагами в кабинете начальника тюрьмы и вскоре ушел по своим делам.

Борьба шла всюду.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

«Надеемся на вашу всестороннюю помощь в защите Уральска. Войсковое правительство: Мартынов, Михеев».

Вместе с телеграммой генералов пришло и письмо представителя Всероссийского правительства в Уральске Бизянова... Письмо обнадеживающее. В нем сообщалось, что адмирал Колчак захватил Дальний Восток и всю Сибирь, перешел Уральские горы и до осени намерен соединиться с армией генерала Деникина, захватившего Малороссию и Кавказ; далее Бизянов писал, что части алаш-орды на востоке и в Джетысу поддерживают непосредственную связь с самим адмиралом, а Джамбейтинскому валаяту необходимо иметь связь с Верховным правительством в Омске.

Жаханша готовил ответ и на телеграмму, и на письмо. Со знаменитым, но необразованным бием Салыхом Омаровым, а также с хазретом Кунаем Жаханша советоваться не стал: ничего дельного подсказать они все равно бы не смогли. Обойти же Халела глава Джамбейтинской автономии не решился. Зная, что доктор Халел является ярым приверженцем строгих порядков, Жаханша, улыбаясь и разглядывая на конверте печать Временного правительства, спросил:

— Доктор, как вы думаете? Мне кажется, Бизянов всячески бодрится и тщательно скрывает истинное положение, в то время как Войсковое правительство взывает о помощи, а?

— Вы хотите сказать, Жаханша-мирза, что Бизянов далек от правды, а новый правитель далек от цели возрождения своей державы? — холодно спросил Халел, как бы осуждая Жаханшу за усмешку.

— «Уральский вестник» по своим материалам напоминает письмо Бизянова. «Храбрейший Дутов оставил город Оренбург... Колчак, освободив Западную Сибирь от красных мятежников, продолжает свой победный путь»,— говорится в газете. Эти два сообщения опровергли друг друга и, точно ножки тагана, упираются в разные точки.

Халел задумался.

— Кому нужно это Центральное правительство, если от него нет никакой помощи? Не лучше ли протянуть руки к правителям в Семипалатинске и Тургае? Лишь сплотившись, встав плечом к плечу, мы сможем иметь какой-то вес. Что останется от нашего валаята, если как лебедь, рак и щука в басне, Сыр-Дарья потянется к Коканду, а Джетысу— к Кашгарии?

— Это очень ценное замечание, доктор. Надежда на Центральное правительство не приведет нас к желанной цели, мы должны отдавать ему лишь долг вежливости. Поэтому у нас с ним не взаимоотношения, не действенные связи, а так себе... официальная видимость. Хан Абильхаир протянул руку государыне Анне не ради ее красивых глаз, а чтобы сблизиться с могущественным соседом, чтоб перенять культуру передовой страны; он присоединился к России не для того, чтобы стать ее рабом, а для того, чтобы укрепиться, набрать силы и противостоять дерзкой Джунгарии...

Слова Жаханши пришлись Халелу по душе... Холодное, брезгливое выражение сошло с его лица. Поглаживая холеную черную бородку, он удобнее уселся в кресле, откинулся к спинке, необычно оживился.

— Конечно же! Поэтому бий Бериша Исатай и поэт Махамбет восстали против потомков Абильхаира, забывших об этой великой цели! Это был вызов самому Николаю Романову!

— Еще восемьдесят лет тому назад это событие доказало, доктор, что для того, чтобы бросать вызов, необходимо единство. Сейчас я боюсь, что действительно будет как в басне про щуку и рака.

— Вас, адвокат, тревожат междоусобицы чинодралов?

— Да, и междоусобицы, и их честолюбие.

— Ну, пока еще живы Алеке и Ака, никто из этих продажных чинов не осмелится разорвать алаш-орду на части. Поэтому кулак валаята должен быть крепок и тяжел! Учи ребенка с колыбели, а сноху — с первого дня, говорят. Я недолюбливаю Аруна. Это — чиновник-монархист. Однако с пройдохами он достаточно суров и намерен жестоко расправиться с теми безбожниками, что попались ему в руки. В этом я полностью его поддерживаю.

Жаханша быстро взглянул на доктора. Этого сурового, властного человека он всегда считал недальновидным в политике и излишне прямолинейным в своих решениях и поступках.

— Политика — тоже искусство, доктор. Она любит прилежных, сметливых, гибких и деятельных. Не забывайте об этом,— сказал Жаханша, тихо рассмеявшись.

2

В тот день маленький городок, казалось, распирало от богачей и знаменитостей всего Западного края. Утром в город въехал с шестьюдесятью джигитами знаменитый Тобанияз из рода Адай. Головной фаэтон легко мчала пара сивых рысаков; впереди на небольшом расстоянии лихо гарцевал на огромном вороном коне худощавый смуглый джигит в высокой черной шапке, туго перехваченной белым платком. Сбоку, будто стараясь проглотить всю пыль от фаэтона, неотступно скакали еще трое всадников, также накрепко обвязавших головы платками; в руках этой тройки лишь короткие, толстые плети — доир — с ручкой из таволги; поджарые, с широким крупом кони под ними отливали вороненой сталью; белели у них только челки, больше не найдешь светлой щетинки. Джигиты скакали без седел; по бокам коней болтались их длинные ноги в мягких кожаных сапогах без каблука. Изредка они крутили над головой крепкими, туго плетенными доирами, как бы угрожая: «А по спине не хочешь?!» Это слуги и конюхи батыра и бия Тобанияза. За каретой скачут остальные всадники, группами в пять человек, и все на конях одной масти.

В руках первой пятерки — пики, концы их держатся на правом носке; за плечами остальных висят луки, сбоку колчаны. Кроме оружия у всех доиры. В самом конце кавалькады катится еще один свободный фаэтон, запряженный парой вороных. На козлах сидит один джигит-кучер.

Тобанияз выехал сегодня из дома известного правителя Салыха, но сам Салых, внук известного бия Казы, поехал в город отдельно, со своей свитой: видимо, не захотел нарушить торжественной парадности въезда Тобанияза. Салых взял с собой сына Габдынасыра, бывшего гимназиста. Тобанияза, по распоряжению главы валаята, со всеми почестями встретили члены правительства в великолепном доме купцов братьев Мусы и Жаханши. Салых остановился в доме своего знакомого — богатого татарина Валия.

Кроме бия, богача, главы воинственного рода Адай Тоба-

нияза и известного бия, помощника губернатора и члена Западного валаята Салыха Омарова приехало в городок множество биев и баев, хаджи и хазретов, ученых и чиновников-правителей.

— Собрание светлейших возглавит сам Жаханша! Сам Жаханша будет говорить речь!

— Эх, есть ли на свете человек красноречивее его!

— А Тобанияз? Говорят, стоит только Тобаниязу раскрыть рот, как утихает даже ребенок в колыбели!

— Верно говоришь. Но он не красноречивостью, а своим могуществом силен. Почетнее в его роду нет человека. Без его воли ни один джигит не женится, ни одну девушку не выдадут замуж.

— Да, это тебе не простой казах!

— А Салых разве хуже? Он помощник губернатора, прогнавший со схода самого крестьянского начальника!

— Все они сильны своей властью, а наш Кабыл силен богатством! У него пять тысяч баранов, полторы тысячи верблюдов. Кабыл тоже перед твоим губернатором трусить не станет!

— А Ахметша из «Шеген кудыка»? Он владеет лучшей породы красными нарами и сивыми аргамаками, а кроме того, знаменит своей ученостью. Говорят, каждый аргамак его стоит тысячи рублей золотом. Попробуй-ка вырасти таких коней!

— А хазрет Кунай служил имамом даже в мечети Айя-София!

— Эй, а почему забываете братьев Мусу и Жаханшу?! Они, говорят, могущественней самого Карева из Уральска. В банке Петербурга у них лежат кучи золота и серебра!

Такие разговоры о собравшихся в город именитых баях, биях происходили в этот день по всему городку: и в магазинах, и возле мечети, и на базарной площади.

— Дорогие собратья! Глубокопочтенные, высокородные сыны Младшего жуза! Когда на свет появляется дитя, радуются отец и мать. Ликуют братья, светятся от счастья глаза сестер. Когда дитя начинает ползать на четвереньках, а потом встанет на ноги и впервые перешагнет порог дома и вступит в жизнь — радуется и торжествует уже весь аул. А когда он станет джигитом, соберет вокруг себя друзей, нукеров, сядет на коня и поднимет стяг, тогда уже радуется весь народ, считая, что у него есть надежда, что создатель осчастливил его, а судьба не покинула. В мире все соразмерно, все сопо-

ставимо. Рождение мальчика можно сравнить со стремлением казахов обрести самостоятельность, стать независимой автономией. Свое государство — это тоже дитя. Его тоже нужно растить, баюкать, пеленать, оно также нуждается в повседневной заботе, уходе, любви и внимании, его также необходимо воспитать, обучить гражданскому долгу, чести и ненависти... Государство и его органы управления переживают все времена роста и возмужания. Сейчас в Тургае, Джетысу, Сары-Арке зародились отделения нашего молодого правительства и уверенно встают на ноги. А Западный валаят на ваших глазах уже переступил порог и выходит в широкую жизнь. Он уже имеет свою администрацию, то есть свои органы управления, привел в порядок свою финансовую систему, образовал свою армию...

Так начал свою речь Жаханша Досмухамбетов.

Он говорил не слишком долго, но вниманием слушателей владел всецело, говорил красиво и вдохновенно, искусно разжигая национальное самолюбие присутствовавших.

— Казахский народ нуждается в самостоятельном государстве, подобном древним Иранскому и Туранскому царствам, Хивинскому и Бухарскому ханствам. Для этого у нас достаточно и богатства и образованных людей. Требуется лишь целеустремленность, единство, гражданская честь и высокое сознание, а также убежденность в том, что наше государство не хуже всех других,— сказал Жаханша в заключение.

На собрании присутствовали только избранные — вдоль стен просторного кабинета сидели всего лишь сорок семь человек. С правой стороны Жаханши — член правительства: хазрет Кунай, правитель Салых, доктор Халел; с левой стороны — почетный гость Тобанияз, бии и ученые, Ахметша и Даулетша. В самом конце длинного ряда, смущаясь и озираясь по сторонам, сидел бай Кабыл, а рядом с ним, вперя в ерзавшего Кабыла маленькие колючие глазки, величественно восседал хаджи Шугул.

Жаханша закончил свою речь, но вместо аплодисментов хазрет Кунай молитвенно произнес:

— Да хранит тебя аллах и ниспошлет тебе всяческие блага и почести, аминь!

Он раскрыл ладони, произнес молитву, а остальные нестройно поддержали:

— Аминь!

— Аллахакбар!

Те, что столпились у дверей, напирали друг на друга, нетерпеливо спрашивая:

— Что он сказал? О чем там говорят?

В кабинете покряхтели, провели руками по бородам, зашевелились. «Кто теперь будет говорить? О чем он, интересно, скажет?» — думал каждый.

Жаханша, садясь на свое место, мельком взглянул на хазрета Куная, затем перевел взгляд на Ахметшу, сидевшего ниже Тобанияза. «Теперь твой черед»,— как будто сказал он. Но в это время возле двери хаджи Шугул накинулся вдруг на Кабыла:

— Чего ты вертишься, места себе не находишь, точно верблюд, объевшись дурной травой?! Или не терпится тебе сказать здесь что-нибудь сверхумное, чего еще отроду не говорил? Чем болтать, лучше бы пожертвовал сотней верблюдов в пользу валаята, а то тебе их уже девать некуда!

Все повернулись к Шугулу и Кабылу. Бай окончательно растерялся, затравленно озираясь вокруг. Потом опустил голову, обиженно пробурчал:

— Нет.

Что означало это «нет», мало кто понял: то ли он не хочет говорить, то ли ничего не даст.

— Слова хаджи своему соседу, почтенному аксакалу, относятся, я думаю, к каждому из нас,— начал Ахметша, делая вид, будто обращается к одному Тобаниязу.— Для развития, укрепления и расцвета нашего молодого государства, возглавляемого высокородным Жаханшой и уважаемым доктором Халелом, членом Императорского Петербургского общества ученых медиков, мы от всего сердца, достопочтенные господа, должны сделать все возможное и отдать все, что имеем. Поэтому я считаю необходимым поговорить сейчас о наших практических делах. О значении, сущности и целях нашей автономии, о которой народ мечтал в течение столетий, исчерпывающе сказал великолепный оратор и мудрец Жаханша. Лучше мы не скажем, более глубоких слов мы не найдем. Но есть другие вопросы, которые надо нам решить на собрании. Это вопрос о переводе нашего правительства в другое, более удобное место, в самую гущу казахов — в город Уил. Город Уил граничит с городом Уйшик[1] и Мангистау, близок к Актюбинску и Иргизу и недалек от Тургая, Аральска, Казалинска, Акмечети. Лучшего центра для нашей автономии не найти. Лично я всецело за то, чтобы центр находился в Уиле. Я не только поддерживаю, но и обещаю оплатить все расходы по переезду, обеспечить всех лошадьми и подводами. Кроме того, дарю десять отборных аргама-

---

[1] Уйшик — Гурьев.

ков офицерам — выпускникам кадетского корпуса города Уила — защите и надежде молодой автономии.

— Спасибо, господин Ахметша! От своего имени, от имени присутствующих здесь членов правительства много раз благодарю вас за высокое чувство гражданства и за щедрость,— сказал Жаханша.

— От меня, господин Жаханша-мирза, пятьдесят коней. То же дарю руководителям армии,— объявил с места Шугул. Сказав это, он снова устремил колючие глазки на Кабыла и продолжал: — Вот этот бай из баев Кабыл спокойно может подарить двести коней. Это будет меньше его приплода за год. Давайте, пусть все объявляют свой дар! Позовите из прихожей баев Мукая и Коданбая. Пусть покажут свою щедрость! Калыбай, записывай!

— Хаджи, ваше дело — называть, мое дело— записывать. Пятьдесят очень хорошее число. Но «сто» и называть приятней и записать удобней. Особенно когда говорят: «Сто коней, сто верблюдов, сто овец...» — бойко приступил к своей обязанности Калыбай.

Кабыл засуетился, не зная, что сказать. Ему на выручку бросился какой-то толстяк, сидевший ниже Шугула.

— От хаджи он не отстанет. Запишите от Кабыла пятьдесят коней,— сказал он, взглянув на Калыбая.

— Пятьдесят коней,— объявил Калыбай.—От Кабыла Ахметова — пятьдесят коней. От вас, почтенный, тоже пятьдесят. Писать меньше пятидесяти неудобно, да и бумаги не хватит. Числа сорок семь, сорок восемь займут полстроки, — бормотал интендант, доказывая толстяку преимущества цифр «пятьдесят» и «сто».

Немало времени ушло на составление списка. В кабинете оживились, поднялся шум, как на базаре.

— Теперь пойду к тем, кто остался в прихожей и во дворе,— и Калыбай устремился к двери.

— Писарь, подожди-ка,— остановил его Тобанияз.— Записывай. Сто джигитов в кадетскую школу Уила. Расходы по учебе ста джигитов — за мой счет. После окончания учебы всю сотню офицеров конями и седлами снабжаю я. Пиши.— Тобанияз взглянул на Жаханшу: — Да сопутствует тебе удача! Пусть исполнятся твои желания! Род Адай поддержит тебя, мирза. К каждому из той сотни джигитов я добавлю еще по двадцать адайцев. Пусть это будет Адайский полк. Он станет твоей опорой и защитой. Можешь всегда рассчитывать на мою помощь.

Жаханша пожал Тобаниязу руку, искренне поблагодарил его.

3

Сегодня уже три дня, как не было Кульшан. И эти три дня показались Мендигерею тремя месяцами. Разговаривать не с кем, и на допрос не вызывают. О чем он только не передумал за эти дни! Пытался предугадать, чем кончится его дело, мечтал о лучшем, но рассудком все больше склонялся к худшему: «Уральский военный суд приговорит всех своих заключенных к смертной казни. От суда атаманов милостей ждать нельзя. Ну, а что будет делать Джамбейтинское правительство? Подражать уральским палачам. Будет судить, наказывать... Если правительство собирается в Уил, то оно поспешит с судом. Но почему не допрашивают и не ведут следствия? Или без суда...» Эти думы не покидали его ни днем, ни ночью.

В камеру вошел солдат и приказал:

— Почтенный, одевайся! Быстро!

От неожиданности Мендигерей не сразу понял его.

День клонился к вечеру. Смеркалось. Ничего не говоря, Мендигерей задумчиво уставился на солдата, как бы силясь вспомнить, где он его видел.

— Одевайся, говорят тебе! Глухой, что ли?

Мендигерей смолчал. Открылась дверь камеры, показалась голова надзирателя.

— Ну, поживее!

Бывает, что от горьких мыслей, от подавленности или неожиданности человек как бы лишается дара речи и никак не может прийти в себя. В таком состоянии был сейчас и заключенный.

— Да в уме ли он?—спросил первый солдат надзирателя. Тот, не отвечая, медленно отчеканивая каждый слог, проговорил:

— Поч-тен-ный, бы-стро оде-вай-ся!

— Я готов,— помедлив, ответил Мендигерей.

— Ну, тогда пойдемте. — Солдат повернулся к надзирателю: — В уме, оказывается.

Истощенный, мертвецки бледный заключенный с глубоко запавшими глазами мог и в самом деле показаться сумасшедшим.

— Ну, пойдемте, пойдемте,—уже мягче сказал солдат, довольный тем, что заключенный оказался в здравом уме.

— Куда?

— Потом узнаете.

Поверх рваной рубахи заключенный набросил старый, пропыленный бешмет, который ночью служил ему одеялом. Шапка то ли осталась в маленькой комнатке, откуда выво-

локли его джигиты Аблаева, то ли он уронил ее в телеге — неизвестно.

Кульшан, потеряв голову от радости, что он жив, как-то и не подумала об одежде для него. Да и денег у нее не было, чтобы купить...

— Куда? — снова невольно вырвалось у Мендигерея, но только теперь он осознал полностью, что за люди пришли за ним.

«Их дело маленькое. Скажут: приведи — приведут, прикажут расстрелять — расстреляют,—думал он.—Куда ведут? На допрос? Или без следствия...»

— Быстрее шагайте! — приказали конвоиры.

Они направились к центру города. Заключенный отметил про себя, что конвоиры не очень суровы. «Наверное, все-таки на следствие...»

«Самое плохое — расправа без суда, лучшее в моем положение — следствие, допрос»,— рассуждал Мендигерей. Уже в темноте его привели к воротам большого дома, и солдаты, отдав честь, передали его офицеру-казаху.

Не говоря ни слова, офицер привел заключенного в кабинет Жаханши Досмухамбетова.

Глава валаята не поздоровался, лишь жалостливо покачал головой. Измученному арестанту, который к тому же был старше Жаханши, он не предложил даже сесть и сам тоже продолжал стоять около своего большого стола, в упор разглядывая Мендигерея.

«Что это он — власть свою хочет показать? Или строит из себя опытнейшего прокурора? Или думает унизить, нагнать страху?..»

Гнев охватил Мендигерея. Он забыл о своем тяжелом состоянии.

— Допрашивайте, мирза, коль вызвали! — жестко сказал Мендигерей, вперя в Жаханшу ненавидящий взгляд.

Жаханша даже не шелохнулся, молчал. Он смотрел на дверь комнаты в глубине, словно стараясь отвести от себя пронзительный взгляд арестанта. Мендигерей тоже взглянул туда. Дверь была открыта, но комнату скрывали тяжелые шторы. «Видно, там кто-то притаился».

Стало тихо-тихо. И глава правительства и узник —оба молчали.

Времени прошло немного, но Мендигерею, нервно прислушивавшемуся к каждому звуку, к каждому шороху, показалось оно целой вечностью. Неожиданная встреча с этим высокомерным адвокатом, изваянием, застывшим у своего стола, загадочный прием не предвещали ничего доброго. «В своих речах сладко поешь о народе, а на деле выжимаешь пос-

ледние соки из обнищавших, последнюю кровь высасываешь у несчастных, образованный лакей ханов и султанов!» — яростно думал Мендигерей.

Заключенный думал об одном, а правитель валаята — совершенно о другом. Жаханша только сейчас беседовал с Халелом. Ни с одним словом Жаханши Халел не согласился, и тогда глава валаята вызвал Мендигерея, чтоб Халел мог с ним поговорить с глазу на глаз.

Уже на другой день, после того как Мендигерея привезли в Джамбейту, Жаханша подумал о том, что если в будущем он окажется на шатком мосту изменчивой судьбы, то не мешает заблаговременно, пока более или менее спокойно, заручиться спасительным канатом. Если большевики возьмут верх, прогонят с треском атамана Мартынова и генерала Толстова, то — кто знает,— чтобы сохранить свою голову, придется протянуть руки к Абдрахману и Мендигерею?.. Поэтому он счел разумным обращаться с Мендигереем помягче, ласковей, не подвергать его пыткам и держать как бы в почетном заключении. Об этом Жаханша не говорил Халелу открыто, но довольно ясно намекнул, сказав как-то: «В конце концов настанет мир, мы все забудем о вражде, станем жить на одной земле и заботиться о ее благе, учтите». Он распорядился, чтобы в тюрьме Мендигерея содержали в чистоте, кормили хорошо и обращались вежливо.

Конечно, Мендигерей не знал этого, неприглядная деятельность Джамбейтинского правительства проходила на его глазах: и то, что под предлогом уничтожения партизанского гнезда сожгли дотла села Алексеевку и Александровку, и то, что дружинники Аруна и Жаханши расстреливают невинных, грабят, избивают, бросают в тюрьмы молодых и старых, детей и женщин,— все это дело рьяных автономистов. Услужливый пес Аруна — Аблаев прямо на глазах Мендигерея зарубил двух мальчиков и крестьянина Фроловского. Даже Кульшан, беззащитную женщину, связали и увезли в город. Но «высокое начальство» освободило ее, видимо побоявшись слухов, что хан и тюре начали уже воевать с женщинами...

— Господин Жаханша,— снова не выдержал Мендигерей,— я заключенный. Измывательство над невольником не делает чести образованному юристу. Если угодно, или допрашивайте меня, или отправьте назад, в мою камеру.

— У меня к вам вопросов нет, доктор,— процедил Жаханша, не оборачиваясь и по-прежнему поглядывая на дверь в глубине кабинета. Мендигерей удивился: Жаханша хорошо знал, что он всего лишь фельдшер, для чего его именовать доктором?

— Вот это и называется измывательством над человеком. Зачем же тогда вызвали?

Жаханша снова промолчал и настороженно, будто ждал кого-то, прислушался. Там, за дверью, отчетливо раздались шаги и приглушенный дверью разговор. Потом дверь открылась. В кабинет Жаханши вошел Халел Досмухамбетов.

Как всегда прямой и резкий, он подошел к Жаханше, затем обернулся к Мендигерею, стоявшему возле двери, впился в него глазами.

За год Мендигерей сильно изменился, был изможден и худ, но Халел сразу узнал его. Узнал, стрельнул глазами и гневно спросил:

— Зачем вы, Жаханша-мирза, вызвали этого негодяя?

— Для вас, доктор...

— Зря беспокоились. С такими людьми разговор короткий, как в поговорке. Волк, прощаясь с волчонком, сказал: «Встретимся на тропе охотника». Чего ждать от таких отщепенцев, вместе с российскими босяками поганящих свой народ?! Или вы думаете, что он поумнел?

— Я тоже не в восторге от встречи, доктор. А что касается охотника, то это общая участь и матерого волка и неопытного волчонка. Разница лишь в том, что один будет приторочен к седлу справа, другой — слева. Однако я пока не приторочен. Настоящий охотник еще придет, да и зверь, за которым он охотится, другой...— ответил ему Мендигерей.

— Мне некогда заниматься словоблудием! — отрубил Халел и осуждающе глянул на Жаханшу. Потом, подчеркивая каждое слово, веско заговорил: — Агитацией, разговорами разношерстных казахов не объединить. Мы еще не доросли до такого уровня, Жаханша-мирза. И напрасны ваши усилия поставить на праведный путь выжившего из ума Бахитжана и вот этого разбойника с большой дороги! Совершенно напрасны!

Только теперь Мендигерей стал догадываться, зачем его привели сюда. «Объединить всех казахов... праведный путь...» Но долго раздумывать над словами Халела он не мог. Не только слова этого резкого, самонадеянного доктора, но каждое его движение, даже дыхание раздражали Мендигерея. Он решил не выслушивать покорно ядовитые слова заклятого врага и сам бросился в наступление:

— Состязаться в красноречии мне с вами тоже недосуг, доктор. А смуту-сумятицу сеют среди казахского народа вот такие ученые мужи, как вы, отродья ханов, беков, султанов и тому подобная шваль. Не я отделил Западный Казахстан от восточных собратьев! Не я кричу на каждом углу: «Валаят!», «Ханство!», «Автономия!» Кто разобщает казахов? Вы с ва-

шим валаятом, Алихан со своей Восточной автономией, Чокаев с Кокандским ханством и тому подобные герои! Или те, что хотят объединить Джетысу и Семипалатинск, Арку и Адай, Тургай и Яик и образовать республику? Кто из нас ближе к народу? Кто искренне заботится о нем? Те, что восстают против ханства и султанов, борются за подлинное равенство, хотят осуществить мечту лучших сынов народа — Сырыма и Исатая? Или те, что измываются над несчастными, обездоленными казахами, бесчинствуют, насилуют, убивают, вдохновляемые правителем Салыхом, султаном Аруном, имамом Кунаем и казачьими атаманами? А? Скажи-ка, кто из них друг, а кто враг народа? Кто защитник униженных и кто палач?..

— Спокойней, Мендигерей-мирза, не горячитесь,— примирительно сказал Жаханша, приближаясь к Мендигерею.— Мы понимаем ваш справедливый гнев. Но это явное недоразумение, мы просто еще не поняли друг друга и успели друг другу наговорить дерзостей. А ведь на самом деле мы преследуем одну цель и оба озабочены судьбой простого казаха. Можете называть как угодно — республикой, автономией, валаятом — все равно. Наша цель — поднять свой народ, дать ему независимость, самостоятельность. Важно, чтоб народ нас понял и поддержал. Не горячитесь: говорят, спокойствие — друг, гнев — враг...

Халел лихорадочно расстегнул пуговицу черного сюртука, порывисто снял очки и тоже подскочил к Мендигерею, готовый взорваться.

«Значит, за живое задел тебя, голубчик! — злорадно подумал Мендигерей.— Засуетились, в Уил собираетесь удрать! Почуяли, что Красная Армия подступает к Уральску! Один о примирении заладил, другой оскалил зубы, точно затравленный волк. А-а, голубчики, еще не то будет!..»

Мендигерей волновался, на висках бились набухшие синие жилки. Его упрямство убивало Жаханшу.

«...Да, сразу видать, непреклонный большевик! Иначе не достигнешь цели. Говорят, самое главное — непоколебимая вера, уверенность в правоте своего дела. И этим особенно отличаются Мендигерей Епмагамбетов и Абдрахман Айтиев. Их с дороги не свернешь! Фанатики, верят в большевизм крепче, чем мусульманин в своего пророка. Таких людей никаким словом не переубедишь, им нужно все доказать на деле. А что, если я у него спрошу: «Ну вот, наконец-то мы создали желанную автономию. Что теперь дальше, по-вашему, нужно делать? Как приобщить казахов к управлению автономией? Как создать передовое, культурное, образцовое государство со своими административными, судебными, управ-

ленческими органами, со своей финансовой системой? Каким образом открыть школы европейского типа, почтовый и торговый аппарат? Как перевести казахов на оседлый образ жизни? А что, если я ему предложу: «Садитесь вот за этот стол, возьмите власть в свои руки, ни в чем мешать вам не будем...» Согласился бы? Или скажет в ответ: «Нет, мы не должны отделяться, мы должны войти в состав России. Чтобы быть самостоятельным государством, необходимо иметь свои фабрики, заводы, железные дороги...» Ему можно возразить: «...Да, многое надо, чтобы быть независимым государством. Однако неплохо хотя бы начать... Стать хотя бы чуть-чуть самостоятельной страной, пусть даже автономией, подобной Временному правительству Керенского... Пусть ненадолго, пусть разгонят потом большевики, но все же... Большевики захватили Самару, Саратов, Оренбург. Вот-вот и Уральск перейдет к ним. Нет, нет! Этого большевика-упрямца нельзя выпускать из рук. Лучше его попридержать в тюрьме. А там, как только переберемся в Уил, даже если и будет возражать Халел... надо предложить ему какой-нибудь высокий пост.

...Ведь, захватив власть, большевики намерены дать казахам свободу и самостоятельность. А мы тут как тут, вот вам автономия! Готовая! Вполне пригодная, независимая, организованная автономия! Но если предложат объединиться, войти в Россию...» — в который раз посещали Жаханшу, тревожили подобные мысли.

Лицо Халела пылало гневом. Он угрожающе придвинулся к заключенному:

— Ты мне скажи сначала, кто ты такой? Откуда ты появился? Заладил тут: хан, бек, бий, хазрет, султан; запел: бедный казах-скотовод, бесправный, нищий, сирота, вдовы... Да мы и без тебя отлично знаем, что ханы и султаны угнетали бедный люд...

— Ну, коль знаете, тогда скажите, в чем отличие вот этого нового хана...— Мендигерей указал на Жаханшу,— от хана Джангира с его двенадцатью визирами? И тогда бедняк-казах не имел ни пастбищ, ни скота, и сейчас ничего не имеет.

— Ты сначала пойми разницу между ханством и автономией, между девятнадцатым и двадцатым веками! А потом уж высасывай из пальца свободу, равенство, бедный люд, слуг и скотоводов! Иди, следуй за полудурком Бахитжаном и подлым Арганшеевым! А я погляжу. Делите, рвите, натравливайте друг на друга казахов! Унижайте народ за его хазретов и биев! Уничтожьте его скот! Швырните его к своим ногам! Вырвите несчастного казаха из кровавых когтей русского царя и швырните его в руки нищих русских оборванцев!

Посмотрим потом, что из этого выйдет! Ты думаешь, темные рабы заводов и голодранцы крестьяне осчастливят твой народ? — желчно говорил Халел.— Кто ты такой, что так печешься о казахах?! И что ты, страдалец народный, сделал для них? Или тебя сам всевышний послал со святой миссией? Или ты умнее Алихана и Ахмета, прозорливей и мудрей Жаханши, который не жалеет себя ради темных казахов, лишь бы вывести их в люди? Твоя цель: разобщить казахов, посеять среди них раздор и смуту, лишить их самостоятельности. Казахи — народ добрый, милосердный. Издавна у нас сын не перечит отцу, а младший брат не хватает старшего за шиворот. Казах испокон веков сострадателен к сиротам, нищим, вдовам. Случалось ли когда-нибудь, чтобы казах умирал с голоду или оставался в одиночестве, покинутый всеми в степи? Было ли когда-нибудь, чтобы казах был несправедлив к ближнему? Это лишь русские голодранцы-пахари да бессердечная чернь на заводах способны друг другу рвать глотку, терзать, предавать и обманывать. И первым долгом сожрут они завтра тебя и твой народ. Эта многочисленная презренная чернь, невежественная, голодная, дикая орда, эти рабы-разрушители нахлынут завтра ураганом и тебя же раздавят...

— Ты меня, Халел-мирза, не пугай, не страши своими россказнями. Я не младенец, что забивается в угол от выдуманного чудовища. Твой шестиглавый дракон, которым ты решил меня пугать, мне знаком. Это вчерашний кровопийца-царь. Это его манера держать народ в страхе. Это отзвук того времени, когда тысячи обнищавших крестьян не смогли набить брюхо одного помещика. Это картины того времени, когда атаманы и прожорливые казаки с шашками и нагайками творили дикий произвол, унижая маленькие народы, примкнувшие к России... Твое страшилище ушло в прошлое, сегодня его уже нет. Не шестиглавый дракон всколыхнул нынче Россию, а революция. И ты прекрасно знаешь, что сделали революцию вчерашние рабы помещиков, вчерашние голые и голодные рабочие. Знаешь, а пытаешься скрыть. И то, что смелые сыны бывших инородцев примыкают к ним, а те протягивают нам, казахам, руку дружбы и помощи, ты хочешь выдать за кошмар, за ужас. Ты хочешь отпугнуть нас от знамени трудящегося люда, они, мол, чужаки, наши недруги. Хочешь нас свернуть с пути справедливости, пытаешься осквернить мечту, омрачить надежду. Ну, а ты-то что можешь дать своему народу? Что? Ничего, кроме расстрела... виселиц... разбоя... избиений.

— Успокойтесь, господин Епмагамбетов! — снова вклинился в разговор Жаханша.— Вы сами себя расстраиваете, себе же вредите. Вам даже нельзя громко говорить, волноваться,

вы же ранены. А политика — разговор долгий. За одну встречу ничего не решишь. Еще все впереди — и разговоры и споры. Я вас вызвал только для того, чтобы доктор на вас посмотрел. Доктор сейчас тоже в гневе. Немало причин для этого. Работы много, один понимает, другой — нет, поневоле сорвешься. Только будучи спокойными, терпеливыми, упорными, мы можем с честью исполнить свой долг. Об этом поговорим после.

Жаханша чуть кашлянул, как бы обрывая разговор.

В дверях появился полковник Арун.

— Султан, предоставьте этому человеку сегодня возможность отдохнуть, а завтра отправьте в путь, куда надо,— приказал Жаханша полковнику.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Ветром пронеслись страшные слухи...

Уже целых два дня дружинники неустанно зубрили «Хан салауаты». Нурым справился с «Салауатом» быстро: он вообще все легко запоминал, ему достаточно было один раз прочесть или хоть раз прослушать. На что был глух к стихам Жолмукан, но и он уже на второй день осилил «Салауат», а сегодня терпеливо обучал своих джигитов.

— Аллахи салла набию! Повторяй! Еще раз! Аллахи салла набию!

Но как ни усердствовали и Нурым и Жолмукан, повторяя каждую строчку по пятнадцать раз, джигитам было легче накосить стог сена, чем выучить стишок. Выбившись из сил, Нурым начал втолковывать каждое слово.

— Слово «набию» означает «пророку». А вторая строчка значит: «Нашему военачальнику Галию». А дальше говорится, чтоб вы, олухи, молились нашим правителям, то есть Жаханше и другим. Поняли? А ну давай теперь хором:

Ал-ла-хи сал-ла набию,
Войск защитнику Га-ли-ю
И вождям всесильным нашим —
Азаматам ты молись!

Повторяй! Так. Дальше:

Тем, кто жизнь свою отдал,
Сил своих не пожалел
Ради чести, ради славы,
Аза-ма-там поклонись!

До самого вечера остервенело зубрили дружинники «Салауат», пока не опротивело учение и им, и их онбасы[1] — Нурыму и Жолмукану. Вернувшись в казарму, приятели снова взялись подтрунивать друг над другом.

— Ты, Нурым, я вижу, крепко взялся за дело! — насмешливо заговорил Жолмукан.— Сначала я подумал, что ты приехал сюда позабавиться, показать свое искусство — петь песни да играть на домбре. А ты, оказывается, хочешь стать правой рукой хана.

— Ну, если я стану правой рукой хана, то ты, сроду делавший все наоборот, можешь быть его левой рукой.

— Ты вот уже настолько вырос, что стал даже корни слов в песне толковать. Нет, что ни говори, быть тебе правой рукой хана. Не только сам научился «И вождям всесильным нашим», но и джигитов обучил. Ну, а мои джигиты олухи, как и я,— точно быки, прут себе в одну сторону и, будто верблюд у брода, шарахаются назад перед каждой строчкой. Одну строчку задолбил, а другую уже забыл.

Широкоплечий, высокий и стройный, Нурым в военной форме выглядел весьма представительно. Ему пришлась по душе новая солдатская форма: уж слишком неприглядны были его зимние штаны из шкурок да грубая шуба из овчины. Теперь же френч из сероватого толстого сукна казался ему не хуже красивого кителя доктора Ихласа, а если поглядеть издали — можно было подумать, что Нурым — один из командиров. К тому же ладной своей фигурой, открытым, мужественным лицом Нурым заметно выделялся среди новобранцев. Дружинники были почти все неграмотны, поэтому жузбасы — сотник — Жоламанов сразу же назначил Нурыма и Жолмукана, неутомимого балагура, онбасы — десятскими. Составить список своих джигитов, организованно приводить их на учение было для Нурыма делом нетрудным. А остальному военному искусству обучали дружинников сами командиры. Стать в строй, взять равнение, повернуться направо, повернуться налево, шагать строем — все это давалось Нурыму легко. Постепенно он научился владеть шашкой, обращаться с винтовкой, чистить оружие, стрелять и рубить. Самым трудным для джигитов-степняков было привыкнуть к строгому распорядку дня: поздно ложиться и рано вставать. Со временем Нурым привык и к этому, тем более что и прежде сколько раз приходилось ему засиживаться до глубокой ночи, слушать, как поют на вечеринках, или веселить гостей своими песнями.

---

[1] Онбасы — глава десятки дружинников.

— Ей-богу, я не ошибся: стать тебе правой рукой хана. Скоро ты будешь всеми нами командовать. Слишком уж ты усердно изучаешь науку убивать людей,— снова съязвил Жолмукан, укладываясь спать.

Уже объявили отбой, но Нурым сидел на деревянной койке и сосредоточенно разбирал затвор винтовки.

— И с паршивой овцой надо уметь обходиться. На кой черт я буду тягать эту штучку, если не знаю каждую ее пружинку?! — отвечал Нурым, щупая пальцем какой-то винтик.

— Ты говорил, что от скуки вступил в дружину, тебе и на самом деле, видать, скучно,— укоризненно покачал головой Жолмукан.— Лишь пустой человек может сам лезть в петлю.

— Чего ты все меня пилишь? Я же говорил тебе: лучше самому встать под курук, чем ждать, пока насильно наденут на тебя узду. К чему без конца толковать об этом?

— Теперь не страшны ни курук, ни узда, когда сама петля затягивается на шее. Не веришь? Спроси у того рыжего, длинного парня. Сегодня к нему приехал родственник и такую весть привез, что лучше тебе не спрашивать, а мне не говорить.

— Что за весть, небо, что ли, на землю обрушилось?

— Хуже. Сама земля вот-вот на небо взлетит. Собственной пылинки не найдешь.

Нурым удивленно взглянул на Жолмукана. «Шутит или в самом деле что-то произошло?» Жолмукан загадочно продолжал:

— Пора, пожалуй, припомнить мудрость предков казахов: пока еще в уме и здоров, найди свой край родной...

— Чего ты петляешь, мямлишь? Не можешь без загадок?

— Подойди-ка сюда,— шепнул Жолмукан. Нурым подсел к нему.— Тут многие уже весь день по углам шепчутся насчет прихода сюда мужиков из России...

— Что, красные пришли?

— Уральск окружили, говорят. Да пусть берут, мне-то какое дело? Только вот нас хотят погнать против них... под пули.

Нурым побледнел.

— Не врешь?

— Ни прибавить, ни убавить. Какой мне толк трепаться! Красные, говорят, ураганом налетели. Чтоб остановить их, выставляют нас всех: и русских, и казахов! Мы будем подсобной военной частью. Вот так-то, дружище...

2

Иногда и один человек может взбудоражить толпу.

Однажды утром подняли по тревоге всю Джамбейтинскую дружину. Новобранцы так и не успели привыкнуть к строгому порядку, и сейчас ханское войско, как и вначале, больше походило на разношерстную, крикливую толпу.

— Сотня! По правому флангу! — крикнул зычно Жоламанов. Все засуетились, затолкались, чей-то конь непослушно пятился назад, чей-то неудержимо вырывался вперед, а солдат на пегой кобыленке никак не мог поджать под ноги развевавшиеся полы шинели.

Сотник злился, ругался, спешил установить «железную дисциплину» до прихода высокого начальства.

— Онбасы Жунусов, приведи к порядку вон того, на пегой кобыленке! — взревел сотник.

— Он не мой, он Жолмукана! — ответил Нурым, выстраивая свою десятку.

— Я же тебе его отдал, он твой! — прокричал Жолмукан, сдвинув на затылок свой нелепый шлем.— Мои джигиты все в сборе.

— Ну если все, так этот дополнительный.

— Прекратить разговоры, Жунусов! — оборвал сотник.

— Есаул-ага, не я затеял этот разговор. Джигит на пегой кобыленке из десятки Жолмукана,— еще раз повторил Нурым.

— Жолмукан, посчитай свою десятку!

— В моей десятке — девять человек. Все на месте.

— Молчать! Что за десятка из девяти человек?! Безобразие!

— Растяпа, который не может справиться с конем, мне не нужен. Мне и девяти хватит,— отрезал Жолмукан.

Призвать к порядку онбасы было не так-то просто: дерзкий и острый на язык Жолмукан не боялся окриков сотника; об этом хорошо знали и джигиты и сам рассвирепевший Жоламанов. Поэтому сотник лишь гневно сверкнул глазами на непослушного Жолмукана и направился к бедному солдату, который наконец подобрал полы, застегнулся, но никак не мог поставить свою кобыленку в строй.

— Встань в ряд! — рявкнул Жоламанов и в сердцах огрел камчой кобыленку. Пегая рванулась, неуклюже лягнула и вклинилась в десятку Жолмукана.

— От этой паршивой кобыленки все равно не будет толку. Не могу же я ее, дуреху, под уздцы водить,— пробурчал Жолмукан.

— А ты не о пегой заботься, а смотри за джигитами,— поддел приятеля Нурым.

— Смотрю, смотрю,— отозвался Жолмукан.— Но ты мне лучше скажи, зачем нас построили? Строем на базар поведут, что ли? Или хотят бросить на помощь уральским казакам? Чтоб мы их от пуль заслоняли, да?

Он обращался к Нурыму, но сотник Жоламанов понял, что малоприятный вопрос предназначался ему.

— Бараков! Как строить войско и куда его направить — командир у солдата не спрашивает. Прекрати болтовню! — круто осадил его сотник. Голос его прозвучал недобро, и джигиты забеспокоились. Нурым насторожился, ожидая, что ответит сотнику Жолмукан.

— Но мы, кажется, не скот, чтобы нас гнали кому куда вздумается? Говори прямо: нас отправят в Теке или нет?

Опасение, что их направят в Уральск и бросят в бой, всколыхнуло всех дружинников.

— Э, верно, ведь не на базар поведут нас...

— Отправят нас щитом, а выйдем — толокном!

— Что толокно?! И кашей станешь...

— Э-э, друг, один мячик из пушки как бахнет над головой, все вокруг вверх дном опрокинет. А потом ни пылинки не найдешь ни от человека, ни от коня, ни от телеги!

— Упаси аллах!

— Храни аллах...— глухо загудели дружинники.

И дерзость Жолмукана, и унылый вид зеленых юнцов, охваченных страхом, не на шутку испугали Жоламанова. Но пресечь разговоры окриком он не решился, понимая, что руганью, криком таких джигитов, как Жолмукан, не устрашишь. Они достаточно сильны, могут постоять за себя, остры на язык, а при случае могут увлечь за собой и остальных. Жоламанов посчитал более целесообразным спокойно растолковать джигитам военные порядки.

— Куда и зачем вас поведут — такого разговора здесь не должно быть. Затевать подобные пререкания в строю, в торжественной обстановке, неуместно. Это раз. Во-вторых, сейчас сюда приедет сам командующий Белоус, он будет перед вами выступать. Мы выстроили вас, чтобы показать ему воинскую подготовку, выправку и дисциплину. Потом вы услышите решение военного суда о тех, кто изменил воинской присяге. Успокойтесь, не шумите, будьте примерными воинами.

Разволновавшиеся было всадники понуро опустили головы. Слова «приедет командующий», «объявит решение суда» невольно утихомирили их.

— Кто изменил присяге? — тревожным шепотом пробежало по цепи.

— А кто в темнице сидит? — тихо спрашивали другие.

Но никто не знал, кого сейчас держат в тюрьме и за какую вину.

Сотник кое-как установил тишину и порядок. Все смотрели в сторону города. Конница Джамбейтинской дружины выстроилась на небольшой площадке между садом и городом. Во время учений под копытами множества коней площадка стала рыхлой и пыльной.

Стояло безветрие, но тонкое облако пыли, точно кисея, уже окутывало всадников. Лишь между казармой и гауптвахтой, стоявшей несколько дальше, возле реки, не было пыли, там простиралась нежная голубизна речной глади, какая бывает лишь в тихую погоду. По широкой дороге за больницей гнали скот на выпасы, спешили в город люди на телегах, и за ними волочилась пыль, точно концы жаулыка у неряшливой бабы.

Вскоре со стороны гауптвахты появились двое верховых и один пеший. Один всадник ехал впереди, второй — позади пешего. Даже издалека было хорошо видно, что пеший в военной форме необыкновенно высок, шлем его был на уровне плеч всадника. Руки были связаны назад, а погоны сорваны.

— Этот долговязый, наверное, и есть преступник,— сказал кому-то Жолмукан.

— А кто он такой?

— Да кто бы ни был, ему хоть бы хны. Гляди: улыбается, рот до ушей.

— В самом деле, словно в слепого козлика идет играть: руки назад и ухмыляется...

Нурым узнал его с первого взгляда по высокому росту, длинному носу, оттопыренным ушам. Это был тот самый Каримгали, который вырос вместе с Нурымом и которого летом старшина Жол включил в список, а джигиты хана насильно угнали в волостное управление. Только вместо рваного чекменя сейчас на нем были серая солдатская рубаха, серые шаровары, а на ногах — сапоги. В солдатской форме он казался еще более долговязым.

«В чем он провинился, за что ему связали руки и пригнали сюда? Что хотят с ним делать? В эту самую... в Сибирь погнать? Вот уж закрутило несчастного: недавно умер отец, братишку прогнал Шугул, избил Нурыш, мать осталась одна, еле-еле перебивается, самого, беднягу, угнали в солдаты, а теперь — мало было — еще и в преступники попал».

Нурым, словно разгневанный беркут, оглянулся вокруг, но спросить было не у кого; подъехать к Каримгали не позволяла «железная дисциплина». К тому же только сейчас с большим трудом удалось наконец выстроить сотню, а снова нарушить строй не осмелился бы даже необузданный Жолмукан.

— Эй, Нурым, этот долговязый не твой родич? — спросил Жолмукан.— Смотри: и ростом, и носом он весь в тебя. Улыбается, будто к девушке идет, ишь как сияет. Или это он тебя увидел, расцвел? Надеется, что ты его освободишь?

Шутка его не понравилась ни Нурыму, ни джигитам, застывшим в тревоге.

— Мышонку — смерть, а кошке — забава. Не понимаю, зачем над несчастным смеяться,— недовольно сказал один из джигитов.

— Он от смеха вот-вот лопнет, а я должен за него горевать? — повысил голос Жолмукан.

Нурым нахмурился, жестко оборвал Жолмукана:

— Оставь при себе свою храбрость! В кандалах пригнали несчастного, задумали судить! Тут не смеяться, плакать надо! Только дурни могут зубоскалить.

— Ну тогда заплачь, начинай, может, кто-нибудь поддержит.

Нурым промолчал. Видя его гневное лицо, замолк и Жолмукан. Джигиты смотрели то на несчастного преступника, то на силача и певца-домбриста, поругавшихся из-за него; теперь их взоры обратились к высокому начальству, приближавшемуся к площадке.

— Равняйсь! Держи ряд! Выше головы! — прокричал сотник.

Все застыли на конях. На мгновение стало тихо-тихо. Подъехал грузный русский командир на вороном коне в сопровождении двух-трех всадников. Едва он осадил коня в центре круга, как к нему со всех сторон помчались сотники; коротко что-то приказав, командир махнул рукой, и сотники снова поскакали к своим местам.

— Ти-хо! Выше головы! Смир-р-рно! — зычными голосами старательно выкрикивали сотники. Но как ни старались и сотники и сами дружинники, полной тишины установить не удалось; дружинники перешептывались, седла скрипели, позванивали кольцами уздечки, кони переминались с ноги на ногу, пофыркивали, и эти звуки сливались в общий тревожный, неспокойный и раздражающий шум, нельзя было понять, о чем кричали сотники; заговорил командир, задние ничего не слышали, передние улавливали лишь обрывки фраз, к то-

му же командир говорил очень скверно по-казахски, и косноязычную речь его джигиты еле понимали.

— Нарушители воинской дисциплины... и строгого порядка... будут крепко-крепко... наказаны. Осу... осю... осуждены!..— искажая казахские слова, надрывался командир. Сотники одобрительно кивали, точно петухи на навозной куче, а сами потуже натягивали поводья.

Командир закончил речь, что-то сказал одному из адъютантов, тот дал какой-то знак группе пеших людей, стоявшей на краю площади. Там было человек шесть-семь, и среди них дружинники вдруг заметили хорошо знакомого им доктора Ихласа, худощавого и высокого, в своем обычном белом кителе, с золотым пенсне на носу.

— Смотри: доктор!

— И он прибыл сюда, зачем? — пронеслось по всему строю.

Нурым недоуменно смотрел то на статного, изысканно одетого Ихласа, то на стоявшего поодаль долговязого, со связанными руками Каримгали.

«Видно, будут наказывать этого беднягу. Но как? За что? Неужто на расстрел привели? — обожгла Нурыма догадка.— Ораз рассказывал, что в ту ночь, когда какие-то люди отбили обоз с оружием, офицер-мерзавец еле удрал, спасая шкуру. Неужели теперь хотят во всем обвинить Каримгали? Почему не наказывают офицера? Нашли на ком сорвать злобу! Все разбежались, а этот несчастный по глупости остался возле обоза и теперь во всем виноват».

3

Но это была горькая правда: во всем обвинили одного Каримгали.

«Мой маленький отряд бесстрашно бился с врагом, в десять раз превосходящим нас. В рукопашном бою погибло семеро джигитов, пятеро были тяжело ранены... Один джигит, дрожа за свою жизнь, спрятался под арбой, а на другой день, жалуясь и плача, пришел ко мне... Этот презренный трус рассказал мне, что ему говорили налетчики: «Мы — Красная гвардия, бросай свое оружие и отправляйся в аул. Мы тебя прощаем». И его отпустили».

Так докладывал начальству офицер Аблаев после того, как группа Айтиева отбила вверенный ему обоз с оружием. На следствии Аблаев еще более усугубил «вину» Каримгали. Простодушный Каримгали рассказал Аблаеву, что он и прежде знал Хакима Жунусова. Откровенность Каримгали Аблаев ловко использовал в своих показаниях: «Будучи в

вооруженном отряде, сопровождавшем обоз, Каримгали Каипкожин видел агента большевиков Хакима Жунусова, однако мне об этом не доложил. Жунусов является родичем Каипкожина. В решающий момент этот солдат не поднял оружия против главаря большевиков, изменил воинской присяге, предал интересы валаята, бросил оружие. Таким образом, основная вина в пропаже обоза и гибели наших джигитов падает на Каипкожина».

— Обвиняемый Каипкожин, признаешь ли себя виновным в предъявленных обвинениях? — спросил его следователь.

Каримгали лишь молча улыбнулся.

Сын забитого, бесправного бедняка, Каримгали ничего не понимал, был жалок и несчастен. Ровесники, бывало, подшучивали над ним: «Скажи, кто сильней: старшина или волостной?» Каримгали отвечал, неизменно улыбаясь: «Всех сильней наш Жол». В его представлении самым сильным, самым почетным человеком на свете был старшина. И наедине с собой он часто мечтал: «Эх, стать бы мне старшиной и разъезжать на коне по аулам!» Поэтому, когда Жол сказал ему: «Чем без дела слоняться по аулу, ты бы лучше сел на коня да взял бы оружие», Каримгали с радостью согласился. Получив желанную винтовку, он был уверен, что стал таким же могущественным, как старшина. А всякие посторонние вопросы насчет того, кто с кем воюет, ради чего воюет, понятия «правительство», «власть», «руководство» — все это его не интересовало, было выше его разумения. На все приказания Аблаева он только согласно кивал головой и не подозревал, что офицер может сделать ему что-либо плохое. Даже когда суд вынес решение за нарушение воинской присяги расстрелять его перед строем, он не удивился и, как всегда, широко улыбаясь, продолжал стоять, словно ничего не случилось. Кто знает, может быть, он был настолько забит, что ему и в голову не приходило возражать против чего-либо, а может быть, он сознавал полную свою невиновность и совсем не предполагал, что с ним могут обойтись так жестоко.

Дружинники смотрели теперь на полного, смуглого до черноты человека — председателя военно-полевого суда. Среднего роста, с усами, шинель на нем черная, длинная, до самых пят, и наглухо застегнута. Он подошел к строю ближе, снял черную фуражку с высокой кокардой, сунул ее под мышку и, повернувшись, что-то сказал секретарю суда. Писарь услужливо кинулся к нему, двумя руками почтительно протянул что-то похожее на папку. Черный неторопливо взял бумагу,

небрежно подал свою фуражку писарю, погладил усы, расправил грудь и принялся ленивым густым голосом монотонно читать приговор:

— «От имени автономии, именуемой Западным валаятом и созданной по желанию народа, единогласным решением малого учредительного меджлиса народных представителей, истинно справедливый военно-полевой суд, основанный на милосердных положениях шариата, под председательством судьи Копжасарова рассмотрел августа 28 дня 1918 года дело военнослужащего войск Западного валаята Каримгали Каипкожина, обвиняемого в тяжком преступлении — нарушении воинского устава...

За содеянное преступление — предательство интересов валаята — солдата Каримгали Каипкожина приговорить к расстрелу перед строем войск...» — закончил чтение приговора председатель суда, и взоры всех дружинников обратились на Каримгали...

Все ясно представили, всем сердцем почувствовали состояние невинного собрата, которому осталось несколько минут жизни под синим просторным небом. Все глянули на обреченного, несчастного джигита, у многих застыли тяжелые слезы на глазах, дрогнули сердца, гневно сошлись брови. Но на лице простодушного, ясного и тихого, как эта степь, джигита не дрогнул ни единый мускул, не появилось и тени испуга, отчаяния или сожаления. Он по-прежнему улыбался, безмятежно смотрел на могильно затихший строй солдат. Для него ничего не изменилось, ничего не произошло, все было как прежде: и небо, и земля, и люди, и дома, и казарма... Зачем его убивать? Что он такое сделал? Ведь это — люди, как и он, с душой и сердцем, одни — родичи, другие — земляки, третьи — друзья, добрые приятели и знакомые...

Сотник вначале радовался, видя, что к нему попали деловые, способные и видные джигиты. Еще до формирования сотни он узнал, что Нурым — певец, смел, решителен да к тому еще грамотен. Не раз он слышал, как высоким, чистым голосом пел Нурым и подыгрывал на домбре, иногда сотник вместе с джигитами одобрительно выкрикивал, поддерживая певца. Так было всего лишь несколько недель тому назад, когда еще только-только собирались со всей степи будущие солдаты. Потом, когда из новобранцев сформировали сотню, Жоламанов сразу назначил Нурыма десятником — онбасы. Его приятель, кряжистый, своенравный Жолмукан, тоже с первого взгляда понравился сотнику. «Они вполне смогут держать в крепкой узде по десятку зеленых оборванцев», —

решил он тогда про себя. Но когда сотня приступила к учениям, Жоламанов понял, что эти двое — совершенно разные люди. Нурым был послушен, но Жолмукан выказывал неукротимый, вольный нрав. Окрики командира на него не действовали, наоборот, он еще больше дерзил.

Однажды Жоламанов решил приструнить десятника.

— Бараков, если вон тот твой джигит на сивой кобыле и дальше будет позорить сотню, я тебя посажу на гауптвахту! Почему не обучаешь как следует? — строго прикрикнул он.

Вместо обычного «Есть!» Жолмукан огрызнулся:

— Сам обучай, если тебе не терпится! А если не сможешь, отправляйся на гауптвахту!

От такого ответа кровь бросилась в лицо командира, но, увидев бычью шею Жолмукана, сотник обмяк, повернулся к другим онбасы. А про себя злобно подумал: «Дикий упрямец, не человек, шакал матерый: пальцем тронешь — за глотку ухватится». С тех пор сотник решил не связываться с «дикарем» Жолмуканом.

Командующий подозвал командира третьей сотни и приказал:

— Сотник Жоламанов, выдели десять солдат для исполнения приговора.

— Есть, ваше высокоблагородие, выделить десять солдат для исполнения приговора! — гаркнул Жоламанов, отдавая честь. Он повернул коня, примчался к своей сотне, взглянул на крутоплечего Жолмукана. «Этот не послушается»,— мелькнуло у сотника, но все же он негромко приказал:

— Бараков, со своей десяткой приведешь в исполнение приговор суда!

Жолмукан заметил нерешительность сотника.

— Бараков пока еще не обучен проливать невинную кровь! — спокойно ответил он и, натянув поводья, вызывающе откинулся в седле.

«Я так и знал...» Сотник мельком взглянул на Нурыма Жунусова, но Жолмукан, следивший за каждым движением сотника, точно кошка за мышкой, опередил:

— И Жунусов не пойдет. Тот улыбающийся долговязый — его родич. И не только Жунусов, и все джигиты не поднимут на него руку. А негодяя Аблаева хоть сейчас без приказа возьмем на мушку!

Жолмукан был внешне спокоен, но говорил сквозь зубы, от прежнего равнодушного тона не осталось и следа.

То ли сотник посчитал ответ Жолмукана вполне убедительным, то ли решил неудобным в такой ответственный мо-

мент вступать в пререкания, но только, ничего не ответив, он круто повернул коня и направился в другой конец сотни. Многие из джигитов не слышали ни приказа Жоламанова, ни ответа Жолмукана. Сотник повторил приказ рыжему онбасы на левом фланге, и его десятка вышла для исполнения приговора.

По длинному ряду в несколько сот джигитов пронеслась команда:

— Выше головы! Смир-рно!

Джигиты на конях смотрели вдаль, в глубину степи. Услышав команду, они затихли. Нурым, с особенной болью воспринимавший события на площади, заметил, что среди пятерых гражданских, направившихся к Каримгали, был и доктор Ихлас. Нурым не видел смертной казни, весьма туманно представлял, что такое суд, и потому ему показалось странным, неприличным участие доктора в этом кровавом деле. Он не знал, что доктор должен удостоверить смерть. «Неужели спесивый сын Шугула в черной шляпе и с золотым пенсне притащился сюда, чтобы поглазеть, как убьют несчастного сына бедняка Каипкожи?! Что за бессердечные, безжалостные люди! Зверье, любующееся смертью человека! Безбожники, отрешившиеся от доброты, человечности, от справедливости! Один нагло осуждает совершенно невинного простака, чтобы скрыть подлинного негодяя, другой приходит глазеть на смерть. У-у, стервятники! Слетелось, воронье, на падаль!» — скрипел зубами Нурым, не отрывая взгляда от Ихласа. Но доктор не подошел к осужденному, а остановился чуть поодаль, возле председателя суда.

Нурым посмотрел на Каримгали. Возле него стоял полковой мулла Хаирша-кази в белой чалме и что-то говорил. О чем шла речь, Нурым не слышал, слишком далеко они стояли. «Наверно, заставил его читать иман...» — подумал Нурым. А Каримгали... Каримгали глядел на муллу и блаженно улыбался. Ему и дела нет до всего, что происходило вокруг. Такая, точно такая улыбка блуждала на его лице, когда с ним кто-либо разговаривал в ауле.

Нурым закрыл ладонями лицо, качнулся в седле. Мухортый конь под ним, будто стараясь удержать всадника, чуть расставил ноги, втянул брюхо и тяжело вздохнул.

«О несчастный,— подумал Нурым,— благодушное, неразумное дитя! Раскрылся перед негодяем офицером — и вот... сам себя угробил. Всю жизнь мыкал горе и ничего доброго так и не увидел, бедняга!..»

Нурым поднял голову. От грохота ружей, казалось, дрогнула вся долина, кони испуганно переступили ногами, насторожили уши, а некоторые тревожно заржали. Дружинни-

ки, впервые видевшие, как расстреливают человека, застыли, точно дикие козы; у кого-то невольно вырвалось: «О алла-а...» Только что блаженно улыбавшийся Каримгали странно пригнулся, приник к земле, словно опустился на колени молиться...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Казарма превратилась в шумную ярмарку. Ошеломленные утренним событием, джигиты опомнились только в казарме. Длинный барак на триста коек потерял всякое подобие человеческого жилья. Прежде в бараке был склад для шерсти и шкурок и принадлежал он братьям-купцам Мусе и Жаханше. Новое правительство спешно переоборудовало его в казарму для дружинников — железные сетки узких окон заменили стеклом, вдоль стен поставили деревянные топчаны, с обоих торцов прорублены огромные двери, после чего несуразно длинное строение, похожее на конюшню, превратилось в узкую, многолюдную улицу. Вечером после ужина в казарму, как бараны в овчарню, стекались солдаты валаята, и поднимался такой шум и гвалт, что не мудрено было оглохнуть. Чтобы расслышать друг друга, поговорить, побеседовать, дружинники собирались группками по углам. Сегодня предметом шумных толков оказался Жолмукан. Многие смотрели на него с восхищением, его неповиновение сотнику считали отвагой, геройством. Более осторожные покачивали головами, боясь, как бы чего не вышло, но про себя тоже хвалили: «Коль родился джигитом — будь таким!» Одни жалели несчастного Каримгали, другие досадовали на самих себя: «Тряпье мы! Трусы! Были бы все такими, как Жолмукан, можно было бы спасти несчастного. Безвольным оказался Уки со своей десяткой. Эх, позор!» Джигиты постарше предостерегали горячих молодых: «Смотрите, ребята! А то еще попадете в список. Это вам не аул, не степь родная, где легко простят любое баловство. Здесь штрафным конем или чапаном не отделаешься!»

— Эй, Жолмукан! — К четырехгранному столбу, возле которого расположилась десятка Жолмукана, прислонился огромный рыжеватый джигит.— Ты, Жолмукан, зря храбришься, будь осторожней! Тебе могут влепить за невыполнение приказа.

— Что ты мне прикажешь сделать? Завернуть свою душонку в тряпочку и припрятать поглубже в карман?! — хмыкнув, спросил Жолмукан, облокачиваясь на свой топчан.

— Не шути, Жолмукан. Сам всевышний говорил: «Береженого аллах бережет». Храбрость, она тоже не всегда уместна. Послушай меня: давай поменяемся местами. Я перейду на твой топчан, а ты — на мой.

— Ну и что? Разве на твоем топчане меня не найдут?

— Если и найдут, то не сразу.

— Ну, скажем, не сразу найдут, а дальше что?

— Надо подумать.

— Бежать, что ли, если за мной придут?

— Я тебе не говорю, бежать или не бежать. Я говорю: подумать надо.

— Если придут, тогда и подумаю. Какой я к черту Жолмукан, если стану дрожать заранее! Спасибо за совет, дорогой, не за того меня принял,— холодно сказал Жолмукан.

Молча подошел Нурым, воспаленными от гнева глазами посмотрел на рыжеватого джигита и повернулся к Жолмукану:

— Жолым, я пойду в город...

— Счастливо,— коротко отозвался Жолмукан. Но едва Нурым вышел из казармы, как в другом конце барака раздался тревожный вопль:

— Идет! Идет!

Нурым остановился, оглянулся. Он не рассмотрел того, кто кричал, но на всякий случай зашагал к своему месту.

— Ойбой! — завопил еще кто-то.— От Аруна-тюре!..

Казарма мигом смолкла, насторожилась. Тишину снова прорезал отчаянный голос:

— Джигиты, остерегайтесь! За нами идут!..

Те, что уже улеглись, испуганно подняли головы, те, что еще не разделись, вскочили с мест. Взбудораженная толпа хлынула к двери за оружием. Некоторые, не успев застегнуться, уже выхватили шашки, готовясь встретить неожиданного врага.

Степняки привыкли к подобным тревогам. Сколько раз приходилось слышать суматошные вопли: «Девушку увезли!», «Скот угнали!», «Чужой на покосе!» Сколько раз приходилось им участвовать в погонях, драках, барымте, жарких схватках, где свистели камчи, ломались копья, трещали головы и падали джигиты с коней. И сейчас, несмотря на «железную дисциплину», перед незримой опасностью у них вновь, как и в степи, взыграла кровь.

— Бей! В кровь колоти, кто войдет!

— Огрей по морде негодяя!

— Гони, как собаку из мечети!

— Захотели над кем покуражиться, мерзавцы!

Разбушевавшаяся толпа ощетинилась, точно кошка перед собакой. С двумя вооруженными джигитами и с наганом в кобуре в казарму самоуверенно входил Аблаев. Не обращая внимания на зловеще застывшую толпу, он направился к тому месту, где расположились джигиты Жолмукана и Нурыма.

Дружинники сразу почуяли, что офицер зашел к ним неспроста. Недаром всколыхнул их тревожный клич: «Идет! Остерегайтесь!»

— Бараков, выйди! — приказал Аблаев, подойдя к топчану Жолмукана.

Без шинели, без шлема, тот продолжал сидеть как ни в чем не бывало.

Метнув недобрый взгляд на Аблаева, Жолмукан холодно отозвался:

— Привет, господин Аблай, присаживайся. Поговорим, если у тебя дело ко мне.

Спокойный вид Жолмукана, его глухой, вызывающий голос взбесили офицера.

— Встать! Одевайся, скотина! — завопил Аблаев, притопнув в ярости ногой.— Перед офицером солдат должен вытянуться в струнку! Ишь, подлец, расселся, как на тое!

Нурым стоял, прислонившись к стене, внимательно наблюдал за Жолмуканом и Аблаевым. Он сразу понял, что Аблаев — это тот самый офицер, который приезжал в их аул, чтобы схватить Хакима. «Значит, пути наши опять встретились? Теперь он хочет схватить Жолмукана... За неподчинение приказу...» Нурым издали сверлил глазами Аблаева, будто стараясь запомнить каждое его слово, каждое движение.

Жолмукан поднялся, сделал шаг вперед и насмешливо поинтересовался:

— Куда ты меня зовешь? Может быть, ты стал сватом нашего аула и приглашаешь меня на той?

Аблаев окончательно рассвирепел.

— Связать его! Мерзавец, отказывающийся честно служить валаяту!

Заметив угрюмые лица кольцом стоявших солдат и поняв, что им не сладить с кряжистым, крутоплечим джигитом, два солдата, сопровождавших Аблаева, беспомощно переглянулись.

Нурым узнал одного из солдат — маленького, тщедушного, с бегающими трусливыми глазками. «Этот тот самый рыжий, синеглазый хлюпик. Летом он избил Сулеймена и хотел, наглец, забрать у меня коня!» Нурым стал выжидать, чем закончится стычка, и не решался приблизиться. Ему чудилось, что хмурые джигиты сейчас накинутся на Аблаева и

двух солдат, а Жолмукан, не раздумывая, оторвет офицеру голову. Джигиты так просто не отдадут своего любимца Жолмукана. Ишь как разорался офицерик! Что он сделает, если сейчас его свалят и отнимут оружие?! Вслед за ним другой примчится? Пусть! Хоть целый десяток пусть прибежит, что они смогут сделать вооруженным джигитам?! Надо действовать!» — думал Нурым, еле сдерживая гнев.

— Связать, говорю! — взвизгнул Аблаев и притопнул ногой.

Маймаков быстро вцепился в левую руку Жолмукана, второй солдат кинулся на помощь, Жолмукан недобро глянул на солдат, потом на Аблаева и, коротко размахнувшись, звучно влепил Маймакову прямо в челюсть. Синеглазый, охнув, отлетел в сторону и шлепнулся в ноги дружинников. Даже не взглянув на него, Жолмукан прищурился на Аблаева.

— Бунт! Где онбасы? Где сотник? Где командиры? — завопил Аблаев, изменившись в лице.— Я покажу тебе, сволочь!..

— А ну, попробуй! — шагнул к нему Жолмукан. Офицер отступил. Жолмукан, сжав кулаки, вобрав голову в плечи, бесстрашно двинулся на него. Уже не надеясь на своих солдат, смертельно бледный офицер все пятился и пятился к двери.

Жолмукан никогда никого не трогал, если только его не задевали. А горячий, невоздержанный в подобных случаях Нурым сам не заметил, как очутился возле Аблаева. Офицер заметил, как к нему угрожающе подступил вдруг грозный, словно рассвирепевший верблюд, высокий и черный джигит. Отступать дальше было некуда. В растерянности он ухватился за кобуру. Нурым, тяжело дыша, подошел к офицеру вплотную:

— Я онбасы!

Казалось, ударили по пустой ступе — все вздрогнули от его голоса.

Как бы не веря, Аблаев взглянул на него и сказал неуверенно:

— Что за безобразие, онбасы! Этот джигит... из твоей десятки?

Чувствуя, что Аблаев струсил, Нурым сдержал себя. Если бы офицер еще раз повторил свой приказ, Нурым тут же связал бы его самого.

— Нет, он не из моей десятки... Однако не скажете ли вы, офицер-мирза, в чем он провинился? — спросил Нурым как можно вежливей.— Почему вы считаете его сволочью? Он среди нас самый тихий, мирный джигит, никогда никого не обижал, делится последним куском со своими друзьями.

Аблаев пришел в себя. Высокий черный джигит, стоявший перед ним, показался ему надежным, дисциплинированным, строгим онбасы. По всему видно, он предан валаяту и должен поддержать распоряжение офицера.

— Здесь не место перечислять все его преступления, онбасы, да и закон не разрешает. Ты помоги мне исполнить приказ правительства. Я должен арестовать Баракова. Так приказал полковник. Приказываю: обыщи его! Есть ли при нем оружие?

Нурым вспомнил, что Аблаев по приказу султана Аруна также приезжал арестовать Хакима, забрал прямо на сенокосе учителя Халена, измывался над всем аулом. «Встретился наконец мне, голубчик!» — злорадно подумал Нурым. Он покосился на наган офицера и поморщился:

— Вы оставьте эту штучку в покое, мирза, джигиты не особенно уважают такие игрушки. И в аулах ею размахивают, людей пугают, и здесь. Вот тот мирза Маймаков тоже не раз пытался палить...

— Ты, онбасы, не морочь мне голову побасенками, выполняй приказ. Обыщи Баракова!

— Не надо его трогать, он хороший джигит.

— Молчать! Как твоя фамилия?

— А зачем тебе, мирза добрый, моя фамилия? Джигиты хотят знать, в чем провинился Бараков! Кроме того, до нас доходят слухи, будто нас отправляют к казакам за Уральск. Верно?

— Молчать, не твоего ума дело!

— Я спрашиваю у вас, мирза, а не у себя!

— Я тебя в Сибирь загоню за такие слова...

— Значит, вы хотите арестовать Жолмукана? — скрипнув зубами, спросил Нурым.

— Место бунтовщика — в тюрьме. Другого места для него нет.

— Ах, вон ка-а-а-ак...— протянул Нурым, бледнея.— Значит, ты хочешь поступить с ним, как с Каримгали?!

Длинными руками Нурым схватил Аблаева за ворот, тряхнул его, швырнул от себя, а Жолмукан пнул офицера ногой в живот.

— Вяжите! — сказал Нурым обступившим джигитам.— Пусть узнает, каково быть связанным по рукам и ногам!

Несколько джигитов набросились на Аблаева, придавили его коленями, другие чуть не раздавили Маймакова, извивавшегося на полу, точно червь.

— Ойбой, а третий удрал...

— Держите его! — победно загалдели в казарме.

Но третий солдат исчез в суматохе, и о нем, пошумев немного, забыли.

— Может быть, эту собаку привязать к двери, пусть сторожит? Как вы думаете? — спросил Жолмукан, указывая на связанного Аблаева.

— Убить его надо,— сказал кто-то сзади, за спинами.

Никто не стал выяснять, кто это сказал, но все как-то потупились, почувствовав жестокость такой кары. Некоторое время стояла тишина. Первым ее нарушил Жолмукан:

— Слушай, певец, говорят, один казах, хорошенько отхлестав своего бодливого быка, сказал: «Катись, пучеглазый! И впредь будь осторожен, знай, с кем имеешь дело!» Может быть, с этой шавкой сделаем то же? Пусть прижмет свой хвост и уходит восвояси. А? — спросил Жолмукан хмуро молчавшего Нурыма.

В разговор вклинился рыжий джигит, который предлагал Жолмукану поменяться местами.

— Убить надо было Кириллова, но Мамбет подарил ему жизнь. Правильно говорит Жолмукан. Надо знать меру. Аблай не сам все затеял, нашандык[1] его заставил. Пусть он передаст своему нашандыку: «Джигиты своего силача Жолмукана в обиду не дадут. Лучше его не трогать». Вот и все. Зачем нам лишние хлопоты, мы за справедливость.

— Верно, надо было прибить Кириллова. Это он устроил суд. Чтоб он корчился в аду, подлец, за невинно пролитую кровь Каримгали! — поддержал рыжего еще один из джигитов.

— Эй, джигиты, а где Мамбет? Вот бы с кем посоветоваться!

— Я бы тоже хотел увидеть его, но где его сыщешь? Мамбет уже не вернется...— со вздохом произнес Нурым и обратился к Жолмукану: — Мне надо срочно сходить к родственникам. А с офицером что хочешь, то и делай. Хочешь — привяжи к двери. Не хочешь мараться из-за этой собаки — отпусти.

Нурым вышел из казармы, а Жолмукан сразу же после ухода товарища развязал Аблаева.

2

Ораз проснулся, поднял голову и, выглянув в маленькое окошко, прислушался. Сегодня он допоздна сидел в канцелярии над снабженческими документами и вернулся на квартиру, когда город уже спал. Сейчас Ораз не мог сразу

[1] Нашандык — искаженное «начальник».

определить, который час и скоро ли утро. На улице было совершенно темно, луна еще не взошла. Зыбкое мерцание редких фонарей на большой улице почти не освещало комнату; казалось, лачуга портного нарочно запряталась в ночной темени подальше от чужих глаз. До рези в глазах всматривался Ораз в темень, но ничего не увидел и не услышал ни единого шороха. Только в передней, возле печки, зашевелился вдруг хозяин дома. В темноте он поискал свои кибисы, не нашел и босиком пошлепал к двери. Ораз отчетливо слышал его шаги. «До ветру понадобилось хозяину»,— подумал Ораз, но тут в дверь тихо постучали.

— Кто? — шепотом спросил портной, боясь разбудить жену и ребенка.

— Это дом Жарке?

— Да. Кто это?

— Откройте дверь, дело есть...

Портной отошел от двери, принялся зажигать лампу. Ораз слышал, как он шарил руками возле печки, чиркнул спичкой. «Кто там пришел?» — недоуменно подумал Ораз, но, не найдя ответа, снова улегся, чутко прислушиваясь к каждому шороху в прихожей.

От лампы-пятилинейки без пузыря потянулась к потолку тонкая струйка дыма. Потом желтоватое пятно на потолке поплыло к двери. Из-за печки Ораз не видел самого портного, его уродливая тень дрожала на потолке, ночного гостя Ораз тоже не разглядел. Нежданный пришелец вошел на кухню, поздоровался молодым высоким голосом. Возможно, путник не хотел разбудить спящих, возможно, он пришел с опасным и тайным поручением, поэтому говорил приглушенно:

— Простите за беспокойство. Я — от моего друга Галиаскара. По его рассказу разыскал ваш дом.

Хозяин не стал больше ни о чем спрашивать.

— Хорошо... Вы одни? Как Галиаскар, жив-здоров? Сколько времени уже прошло...— пробормотал портной.

Ораз приподнял голову. «Галиаскар?.. Кто может прийти от Галиаскара?» Он быстро натянул брюки и посмотрел поверх печи на гостя. Узнав Капи, Ораз от радости чуть не вскрикнул «агай!», но сдержался, чтобы не выдать себя перед хозяином. Будто ничего не слышал, не видел, он снова улегся в постель. В передней тихо разговаривали.

— Большой и многократный салем вам от Галиаскара. У него все хорошо. Он надоумил меня остановиться у вас. «У тебя знакомых в городе нет, говорит, ссылайся на меня,

и тебя пустят переночевать». Еле-еле нашел ваш дом. По каким закоулкам я только не бродил!

— Да! Темно на улице. Хорошо, что нашли. Хоть и тесно у нас, но устроимся как-нибудь. У меня в доме еще один гость живет...— Портной повернулся к кровати: — Эй, жена, вставай, гость пришел, чай сготовь!

— Нет-нет, не надо будить, я не хочу чаю... Утром, бог даст, попьем. Сейчас уже поздно, мне лишь бы прилечь где-нибудь...

— Где прилечь, найдем, но чаю, дорогой, надо бы попить.

— Нет, нет, не беспокойтесь! — отказался Капи.— Какой там чай среди ночи?! Не будите... Скажите, где мне прилечь, и все...

— Мм-м, в доме у меня гость. В одной комнате и переспите.

Ораз негромко покашлял, будто только что проснулся.

— Проходите сюда,— сказал он.

Ораз и гость, увидев друг друга, не спешили здороваться.

— Кажется, я где-то видел этого джигита,— как бы между прочим сказал Капи хозяину.

— Проходите, проходите,— вежливо пригласил Ораз.

— Ойпырмай, надо было сначала чаю попить...— неуверенно пробормотал портной.

Гость, не отвечая, начал раздеваться.

— Смерть как спать хочется,— сказал он, усаживаясь возле окна и свертывая цигарку.

Хозяин дома притащил подстилку, одеяло, подушку, смущенно бормоча, что надо сначала попить чаю, а потом спать. Гость свернул цигарку, закурил. Ораз не знал, как начать разговор, молчал и ждал, что тот заговорит первым. Ораз впервые видел Капи в Теренсае, в Глубокой Балке, где летом тайно проходил съезд. Этот довольно известный человек был одним из организаторов съезда. Тогда, судя по речам Капи, по тому, как он держался, юный джигит решил: «Он, должно быть, очень умный товарищ». Теперь вот глубокой ночью он появился в городке, в самом центре алаш-ордынцев. Конечно, неспроста появился. Но Ораз не смел начинать откровенный разговор.

— В твоих краях, кажется, люди добывают охру? — спросил гость у Ораза.

— Да, Капи-ага.

Капи неторопливо курил.

— Это неплохое дело — добывать охру. Хороший промысел. Ты здесь учился?

— Нет, Капи-ага. Я окончил школу в Карасу. Я ученик Молдагали Жолдыбаева.

— А-а-а...

«Чего он тянет? Или не верит мне? Не знает, что я здесь по распоряжению Мендигерея?» — думал Ораз.

— Вы не видели Амира Епмагамбетова? С ним Кульшанженге...

— А зачем тебе знать? — холодно спросил Капи.

— Он мне друг, Капи-ага. Отец его здесь, в тюрьме...

Капи посмотрел на Ораза, помедлил.

— Спи, парень. И завтра еще день будет... для разговоров.

Капи, едва коснувшись подушки, захрапел, а Ораз так и не смог уснуть. Поведение этого человека удивляло его, порой даже одолевали сомнения. «Капи — сын волостного Мырзагали, а его отец могущественный Курлеш. Когда-то Капи окончил реальное училище вместе с Галиаскаром Алибековым. А потом еще где-то учился, кажется в Саратове... Неужели он революционер?.. А может быть, все-таки потянуло его к своим?.. Нет, не должно быть! Это невероятно! Он был вместе с Айтиевым на тайном съезде. Он видный участник событий в Богдановке». Сомнения не дали Оразу уснуть до самого утра.

Капи проснулся, едва занялась заря. Как бы дождавшись его пробуждения, поднял голову и Ораз. Не сказав ни слова, Капи потянулся к табаку, свернул цигарку, неторопливо закурил. Ораз вскочил, быстро оделся, умылся, громко предупредил хозяина, что ему надо на работу пораньше. Гость, о чем-то задумавшись, все курил и курил. Ораза, казалось, он не замечал. И умываться не спешил. Выйдя во двор, долго чистил новые остроносые сапоги, стряхнул пыль с брюк и бешмета. Суетившийся Жарке сливал ему на руки воду, гость старательно вымыл с мылом руки, лицо, не спеша вытерся, расчесал волосы.

За чаем гость был подчеркнуто важен. Облокотившись на подушку, маленькими глотками отхлебывал из блюдца горячий крепкий чай.

— Мне необходимо поехать с салемом к учителю Губайдулле. Помогите мне найти татарина, у которого можно взять подводу,— попросил он ерзавшего за дастарханом Жарке.

Ораз опустил голову. «Странный человек. Цедит каждое слово, будто находится в юрте самого Курлеша»,— недовольно отметил он.

— Найдем, найдем,— с готовностью откликнулся портной и повернулся к жене: — Чай твой остывает, замени угольки, подложи горяченьких. Наш гость — друг Галиаскара. С ним вместе учился. Издалека едет. Ухаживай за ним, как за самим Галиаскаром.

— А он жив-здоров? — спросила женщина.

Вместо того чтобы ответить на вопрос, Капи обратился к Оразу:

— Ты, парень, где служишь?

— В интендантстве, Капи-ага.

Гость снова помедлил, отхлебнул чаю и процедил:

— Если ты работаешь в интендантстве, то должен знать Орака. Найди его и пошли ко мне. Он живо достанет подводу.

— Подводу найти нетрудно. А где работает ваш Орак? Я не знаю человека с таким именем.

— Не имя, это фамилия его. Он тут... по военному делу, младший офицер.

— Интересная фамилия — Орак. Хорошо, разыщу. Сказать, чтобы сюда пришел?

— Да. Пусть отвезет меня к Губайдулле. Вчера я из Мергеневки добрался на почтовой арбе Сагита.

Загадочным человеком показался Оразу Капи. «Если он приехал из Мергеневки, то он не знает Абдрахмана, не видел Амира. Или он не тот Капи, которого я видел летом? Или он принимает меня за мальчишку, не доверяет? Или...— беспокоился Ораз, направляясь на службу.— Что бы там ни было, попытаюсь найти Орака»,— решил он и пошел в штаб полка.

— Вы не знаете Орака? — спросил он первого встречного младшего офицера. Тот улыбнулся:

— Это я.

Перед Оразом стоял молодой, энергичный по виду казах среднего роста. Еще раз с удивлением подумав о его странной фамилии, юноша пристально оглядел офицера и передал ему просьбу Капи Мырзагалиева.

— В доме портного Жарке, говоришь? Сейчас, сейчас! — оживился вдруг офицер.

3

В эту ночь Мендигерей не сомкнул глаз. Неожиданное свидание с Жаханшой, его странное поведение, двусмыслен-

ные слова, окрики ненавистного Халела, его злобный вид — все это взволновало изможденного узника. Его лишило покоя непонятное распоряжение главы валаята: «Отправьте его завтра в путь!» Как ни старался Мендигерей отвлечься от неприятных догадок, предположений, мрачные мысли не отставали.

До самой зари проворочался он на тюремной лежанке, и только когда заиграли первые лучи солнца, измученный арестант заснул. Но сон был птичьим. Чуткий, привыкший к тревожной жизни Мендигерей открыл глаза, едва услышал за дверью топот солдатских сапог.

Мендигерея отправили.

По большой торной дороге, по которой сейчас, рано утром, гнали скот на выпас, катился одинокий тарантас. Дорога шла через Булдырты в сторону Кара-Тобе. На козлах арбы сидел возница, по бокам верхами следовали два солдата. Сегодня они смягчились, не покрикивали без причины на пленника. Долгая дорога располагала к неторопливой беседе и размышлениям. Лениво трусили кони, о чем-то разговаривали солдаты. В задке телеги лежит большой хурджун, к седлу молодого солдата привязан второй. «В Уил, видать, везут,— подумал Мендигерей со вздохом и оглянулся.— А позади...»

А позади остался знакомый и родной городок Кзыл-Уй, где собирались его друзья и строили планы на будущее. А еще дальше, за городком, остались Кен-Алкап, Жайлы-Тубек, Яик, родственники и родной дом. Позади остались тревожные, полные опасностей дни, горечь потерь и радость борьбы... Все уходило, уплывало. Грусть, щемящая тоска разлилась по сердцу.

Доберется ли Амир до своих бесстрашных друзей? Сможет ли верно передать положение в этом краю? Смогут ли они правдивым горячим словом, решительными действиями поднять народ? Или эти смелые, вольные джигиты так и погибнут от руки жестокого врага, не сумев, не успев сплотиться?!

Когда вернется Амир? Кульшан... смелая, благородная женщина. Встретится ли она со своим мужем?

Хотя конвоиры и не говорили, куда везут, но Мендигерей догадался — в Уил. «Красные подошли к Уральску и тем самым беспокоят Джамбейтинский валаят. Главари валаята решили вовремя смыться, податься ближе к белому генералу Толстову, укрепившемуся в Гурьеве. В Уиле у них — кадетская школа и часть административных учреждений. Значит, я первым въезжаю в будущую столицу!» — невесело усмех-

нулся пленник, уставившись на тощий круп гнедой клячи, потрухивающей мелкой рысцой.

Арестант сидел в большом пустом тарантасе, впереди погонял гнедуху незнакомый шаруа[1], сзади рысили верхом два солдата. Солдаты были уверены, что пленник, раненный в плечо, изможденный и бессильный, и не думает о побеге. Отъехав верст двадцать от города, они развязали Мендигерею руки.

Впереди лежала долгая унылая дорога.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Утром полковник Арун доложил Жаханше о бунте среди солдат. Полковник во всем обвинял военное начальство.

— Ваше превосходительство, господин Жаханша! Узнав о разнузданном поведении некоторых солдат, я строго-настрого предупредил командиров. Но безволие, малодушие, халатность полковника Белоуса и подполковника Кириллова привели к разложению войска. Да, да, к настоящему бунту. Вместо того чтобы немедленно посадить на гауптвахту онбасы — десятника, отказавшегося выполнить приказ офицера, его несколько дней оставляли на свободе. Солдаты распустились до такой степени, что связали моего офицера, пришедшего в казарму арестовать преступника онбасы. Такое безобразие терпеть дальше немыслимо. Надо принять срочные меры, иначе войско превратится в сборище бунтовщиков. Виновных следует немедленно предать военно-полевому суду. Зачинщика онбасы необходимо изолировать. Я думаю, что создавшееся положение требует вашего личного вмешательства. Вашего строжайшего приказа.

В эти дни глава валаята почему-то старательно избегал решительных мер, за которые так рьяно ратовал полковник Арун. Он с явной неприязнью выслушал полковника, а про себя подумал: «Интересно, когда же перестанет этот служака-полицмейстер совать свой нос куда не следует? Он, наверное, не прочь засадить в тюрьму всех!»

— Я прошу вас, султан, посоветоваться по этому вопросу с самим полковником Белоусом. За солдат и за всех онбасы в первую очередь отвечает он,— холодно ответил Жаханша.

Но вскоре примчался сам подполковник Кириллов.

— В казарме бунт, солдаты митингуют, читают воззвание. Большевистское воззвание! — оторопело сообщил он.

[1] Шаруа — крестьянин.

Жаханша задумался: «Что творится на белом свете?»

В последнее время он мало сидел, даже с людьми разговаривал стоя. Оставшись наедине, скрестив руки и прислонившись к окну, глава валаята подолгу думал. И сейчас он остановился у окна, взвешивая прошедшее, пытаясь заглянуть в будущее.

«...Неужели все делается зря? Неужели несчастные казахи так и останутся одинокими, разобщенными, точно верблюды, бредущие по солончакам? Неужели народ и дальше будет влачить жалкое существование: на каждом холмике — по юрте, вдоль каждой балки — по аулу? Неужели не объединятся казахи всей степи, не станут самостоятельным народом, передовым, культурным, со своими школами, искусством, экономикой? Мечтали о национальной свободе — созвали курултай, Учредительное собрание. Но не договорились, размежевались. Многие учителя отказались служить. С трудом создали автономию, но тут же со всех сторон поднялись смутьяны, отказались отдать своих джигитов на защиту автономии, своих коней, даже сборы, налоги оказались многим не по душе. Пошли жалобы, угрозы в уезд, в волость, в город. Бандиты стали грабить еще не оперившийся валаят; джигиты не захотели служить по доброй воле. Теперь вот солдаты, надежда и опора нации, бунтуют в открытую. О аллах, что творится на свете?! Где наше национальное самолюбие, чего стоят все разговоры о самостоятельности народа, если его образованные сыны не способны объединиться, если молодежь отказывается от воинской службы, а аульная знать самовольничает и избивает старшин и волостных управителей?»

— Объявите об экстренном совещании штаба... Нет, не надо, времени мало. Постройте солдат на площади. Я приеду, буду выступать,— отрывисто распорядился Жаханша.

Кириллов поскакал в штаб.

2

А бунт, о котором сообщал подполковник Кириллов, начался так.

Начальник штаба Кириллов и командир полка Белоус собрали сотников и объявили им приказ командования. Первый пункт приказа гласил: «За неумелое командование снять с должности сотника Жоламанова, лишить его воинского звания и перевести в рядовые». Во втором пункте говорилось: «За нарушение воинской дисциплины, за отказ от выполнения приказа командира предать онбасы Жолмукана Баракова военно-полевому суду». Начальник штаба лично сор-

вал погоны с Жоламанова и отправил бывшего сотника в распоряжение онбасы Жунусова. Остальным сотникам было приказано немедленно выстроить солдат на площади.

В то же самое время перед казармой проходил митинг дружинников.

— От имени Совета дружинников чрезвычайное собрание всех солдат и младших офицеров объявляю открытым. Есть предложение: для ведения собрания избрать дружинника Жамантаева, онбасы Баракова и младшего офицера Орака. Кто «за» — прошу поднять руки! — громко говорил Батырбек, стоя на огромной арбе.

— Пусть будет так! — кричали со всех сторон дружинники.

Одни подняли руки, другие нетерпеливо спрашивали:

— Что он сказал?

В это время прискакали сотники.

— Разойдись! По коня-я-ям! Выходи строиться на площадь! — крикнул командир второй сотни.

В толпе зашумели, все с недоумением смотрели на сотника, приближавшегося к арбе.

— Первая сотня, слушай мою команду. Разойдись! По коням! На базарную площадь! — кричал вслед за командиром второй сотни писарь Студенкин.

— Кто это? — с удивлением спрашивали дружинники первой сотни, разглядывая писаря.— А где Жоламанов?

— Ойбой-ау, куда дели Жоламанова? Кто пищит? «Первая сотня, слушай меня»,— говорит?

— Ну, теперь, наверное, погонят в Теке!

Возбужденная толпа сразу ощетинилась.

— Тихо! — крикнул Батырбек.— Орак, Жамантаев, Бараков, проходите сюда!

Орак стоял рядом. Он легко прыгнул на арбу и поднял руку.

— Не шумите! Ти-и-ихо! С одного собрания на другое добрые люди не ходят. Это во-первых. Уводить куда-то сотни без согласия Совета солдат — отжившие порядки царских времен. Это — во-вторых... В-третьих, Батырбек сообщит вам сейчас о решении солдатского Совета. Слушайте!

Толпа успокоилась. Сотники переглянулись, им стало ясно: выполнить приказ Кириллова сейчас не удастся.

— Надо сообщить командиру.

— Да ну! Начнет орать и отошлет назад.

— А что делать?

— Придется подождать, пока кончится их митинг.

Пока сотники совещались, что им делать, Батырбек принялся читать обращение.

— Братья! Дружинники! Слушайте. К вам обращаются истинные сыны казахского народа. Яснее говоря, это воззвание Уральского Совдепа, который весною был свергнут белыми казачьими атаманами. Уральский Совет на днях очистит свой город от белых казаков. Сообщая об этом, Совдеп призывает вас к исполнению гражданского долга. Слушайте!..

«Джигиты! Казахи!

Царское правительство веками угнетало казахский народ, лишило его лучших земель, пастбищ и рек, распределив их между помещиками и баями. Народ жил в бесправии и бедности. Представитель царской власти, крестьянский начальник, самовольно назначал волостных правителей, а старшины всячески измывались над несчастным скотоводом. Обездоленные шаруа облагались непосильными налогами; плодородные земли, покосы, пастбища присваивали себе баи и бии, хаджи и муллы. Беднякам, батракам, сиротам и вдовам оставались одни бесплодные участки или вообще ничего.

Джигиты! Казахи!

Для сыновей и дочерей простых казахов школы были недоступны, в них учились в первую очередь дети всемогущих правителей, баев, волостных судей и высоких чиновников. Для бедняка-скотовода не было ни врачей, ни больниц. Народ остался сплошь безграмотным, всюду невежество и нищета. Казахскую молодежь не брали в солдаты, царское правительство не доверяло «инородцам». А когда началась война, царь погнал казахских джигитов, словно скот, на унизительные окопные работы. Нынешняя автономия Жаханши и Халела Досмухамбетовых ничем не отличается от бывшего царского режима. На словах они обещают казахам справедливость, а на деле валаят обложил бедняков налогами, а детей бедных скотоводов забирает в солдаты. «Автономия» Жаханши идет на поводу все тех же баев, биев, она по-прежнему угнетает, грабит и убивает бесправный люд. Все их обещания оказались обманом. Они предали интересы простого народа. Поэтому народ решил взять власть в свои руки и образовал свою власть — власть Советов, власть бедняков, которая борется за истинную свободу и счастье всех обездоленных. Для достижения этой цели, для установления на земле справедливости создана Красная гвардия. По всей необъятной России Красная гвардия изгоняет бывших царских правителей — чиновников, помещиков и генералов и передает всю власть в руки рабочих и крестьян. Красная гвардия

освободила от беляков Самару, Оренбург, Саратов, сейчас окружила Уральск, чтобы дать последний бой белым казачьим атаманам. С распростертыми объятиями встречает всюду народ Красную гвардию, свою освободительницу и защитницу. Готовьтесь и вы к встрече с Красной гвардией. Прогоните обманщиков, смутьянов Досмухамбетовых и всеми силами помогите Красной гвардии установить советскую власть в Джамбейте, в Уиле, в Жеме и Сагызе, Атрау и Уйшике — по всей казахской степи.

Во главе новой власти будут стоять сами скотоводы-батраки. Грамотные дети бедняков будут избраны в аульные, волостные, уездные комитеты. Для детей бедноты откроются школы, для больных построят больницы. Лучшие земли, пастбища, покосы будут распределены между бедняками, налоги будут платить только баи. Знамя Красной гвардии — знамя счастья, знамя борьбы, справедливости, свободы!

Встаньте под знамя свободы, друзья!

Пусть сгинет мрак на земле!

Да здравствуют красные смельчаки — борцы за справедливость и свободу!

От имени исполнительного комитета Совета Уральской губернии

Бахитжан Каратаев,
Петр Парамонов,
Абдрахман Айтиев,
Сахипгерей Арганчиев».

— Да здравствует свобода! — крикнул маленький Орак.

Батырбек, окончив чтение, спрыгнул с телеги и исчез в толпе. С открытыми ртами слушали его чернявые степные джигиты, кто-то даже крикнул несмело:

— Да здравствует свобода!

Толпа снова загудела и вдруг словно взорвалась: все хлынули вперед, давя и тесня друг друга.

— Эй, куда девался оратор?

— Вопрос хочу задать!

— Нас ведь хотели в Теке отправить. Как же теперь?..

Нурым, внимательно слушавший Батырбека, хмуро бросил:

— Мы не скот, чтоб нас гнали!..

«Этот джигит, наверное, один из тех, о ком говорил Хаким. Надо было хоть словечком перекинуться с ним...» — подумал Нурым и тоже ринулся вперед, но до телеги добраться не удалось: толпа оттиснула его.

— Пусть попробуют!

— Не скот, чтобы гнать нас, куда им захочется!..— кричали возбужденные голоса со всех сторон.

— Где Мамбет? Почему он не приехал к нам?

— Отвечай, Орак! — громче других крикнул Нурым?

— Мамбет, говорят, в отряде Абдрахмана Айтиева, Галиаскара Алибекова, Қапи Мырзагалиева! — из последних сил надрываясь, прокричал Орак, сам не зная, однако, где точно находится Мамбет.— Со всеми своими джигитами он подался к ним и барсом нападает на отбившиеся сотни белых атаманов. Он передает всем нам привет. Пусть, говорит, идут к нам джигиты, я сам их встречу. Хватит, говорит, быть наемниками убийцы Кириллова, дни казачьих банд сочтены. Сейчас отправимся в Уральск на помощь нашим друзьям и братьям. Освободим из тюрьмы Бахитжана. Пусть быстро собираются джигиты! Ждем их! Так передал Мамбет. Слышите?!

— Слышим!

— Молодец, пробился к своим все-таки!

— А как ты думал? Кто его удержит?!

— А тебя кто держит? Гоните мерзавцев из города и отправляйтесь к солдатам Абдрахмана! — опять крикнул Орак, обращаясь к джигиту возле Нурыма.

Джигит растерянно молчал. Вместо него ответил Нурым:

— Теперь нас никто не удержит. Смерть Каримгали открыла нам глаза. Мы теперь знаем, где правда и где кривда.

— Тогда и нам лучше примкнуть к Мамбету! — горячо сказал джигит.

— Отправляйтесь сейчас в казарму. Подкрепитесь и ждите. Что делать дальше — сообщит Совет солдат,— распорядился Орак.

Нурыму и Жолмукану он поручил охрану казармы, а сам снова отправился к Қапи Мырзагалиеву.

3

От маленькой, как кончик иглы, искорки вспыхнул язычок пламени, в одно мгновение облизнул сухой стебелек травы, перепрыгнул от кустика к кустику и вытянулся узкой полоской по земле, словно разлитый кумыс на дастархане. Пока ты соберешься его потушить, налетит откуда-то шальной степной ветерок, словно шутя перекинет еще слабое пламя на жадный до огня ковыль, и не успеешь оглянуться, как уже змеится по степи ярко-красный огненный аркан. Ненасытное пламя, разрастаясь, моментально оголит все вокруг себя, и заколобродит, заполыхает беспощадный, безу-

держный степной пожар, все глотая, сметая, уничтожая на своем пути в сатанинском исступлении. Мигом исчезают в его бездонном чреве огромные, как дома, скирды сена, а могучие тополя обугливаются, словно черенки старого ухвата. Степной пожар — безмолвная стихия, ужас, безумие природы, неотвратимая, как рок, беда...

Как немыслимо остановить знойным летом вспыхнувший в степи пожар, так невозможно было сохранить порядок среди взбудораженных джигитов ханской дружины.

Вскоре с одного конца казармы до другого, словно эхо, прокатилась команда:

— По коням!

— Джигиты, по ко-о-оня-м!..

Это кричал Орак. Дружинники томились в казарме, не зная, что делать дальше. Услышав команду, все с облегчением бросились к выходу. Уж чего-чего, а с конем джигиты умеют обращаться с детства, тем более после всех учений. Они побежали к стоянке полковых коней, вскочили на них и закружились, завертелись в ожидании дальнейших распоряжений.

— На базарную площадь, марш! — скомандовал Орак.

На площади было пусто. Только возле моста одиноко стоял жаугаштинец с двумя арбами, груженными сеном. Выскочив со стороны почты, конники помчались прямо к нему и на всем скаку круто осадили коней у самого воза. Впереди несся Орак со своей сотней, за ним джигиты Жолмукана, а потом — в строгом порядке — остальные дружинники. Жаугаштинец испугался, подумав, что конница примчалась отнять у него сено. Но статный, красиво сидевший в седле черноусый, смуглый джигит с блестящими глазами, тот, что первым подскочил к арбе, легко привстал на коне и прыгнул на сено. Другой джигит тут же схватил за узду его коня, а остальные — в двух-трех шагах от воза — стали плотным кольцом. В минуту вокруг арбы образовалась живая крепость из сотен конных солдат, а на сене, как на трибуне, стоял Орак. Первые его слова глохли в шуме и гвалте множества людей.

— Джи-ги-ты-ы! — надрываясь, кричал Орак, но до последних рядов доходили лишь отдельные ослабленные слоги.

Через некоторое время на площади немного стихло. Орак поднял правую руку, растопырил пальцы, словно требовал, чтобы их считали, потом резко сжал их в кулак и, будто кому-то угрожая, выбросил кулак вперед. Те, что стояли ближе, видели, как лицо оратора бугрилось от напряжения мышц. Но конных было столько, сколько бывает людей на ярмарке в воскресный день, и многие не слышали слов ма-

ленького офицера. Поняв это, Жолмукан отъехал немного от арбы и начал передавать задним слова Орака.

— Выберете руководство из трех человек!

— Выберете руководство из трех человек!..

— Пусть главой будет Жоламанов!

— Пусть главой будет Жоламанов!..

Подхватывая слова на лету, джигиты передавали их дальше.

— Помощником его пусть будет Орак, слышите, джигиты! Я предлагаю в помощники Орака! — закричал Жолмукан.

— Третьим пусть будет Батырбек!

— Батырбек! — передавалось по рядам.

Передние внимательно слушали каждое слово Орака.

— Прежде всего надо иметь единого начальника, которому все должны подчиняться. Иначе не будет толку, джигиты! Не будет порядка! — объяснял Орак.

Не успели дружинники выслушать его до конца, как сзади кто-то заполошно крикнул:

— Почта! Почта!

Толпа смолкла, не поняв, что означает этот вопль. Потом многих всколыхнула догадка.

— Почту надо захватить!..— пояснил тот, кто кричал.— Айда, джигиты, на почту!

Группа верховых ошалело поскакала за ним.

Нурым стоял недалеко от воза и хорошо слышал Орака. Сейчас он подъехал к дружинникам Жоламанова и с джигитами своей сотни помчался к интендантскому складу полка. Ничего не могла сделать охрана склада против сорока — пятидесяти вооруженных конных джигитов.

Нурым сразу же узнал татарина, заведующего складом, прятавшегося в доме Уали.

— Милейший, давай ключи, иначе выломаем дверь,— сказал он татарину.

Имени татарина Нурым не знал, но в доме с флигельком видел его не раз, когда приходил к Оразу.

— Оллахи, я тут ни при чем, малый...— залебезил татарин.— Лучше бы вы разыскали самого Калыбая. Мы с тобой, малый, немного знакомы...

Не успел Нурым ответить татарину, как из-за угла большого купеческого дома вышел Орак.

— Джигиты, это имущество общественное — значит, ваше,— заявил он.— А потому берите ключи от полкового склада. И поставьте охрану из надежных людей!

Орак подошел к Жоламанову и вполголоса о чем-то заговорил с ним.

— Жунусов, бери ключи от склада! — приказал Нурыму Жоламанов.— Вместе со своей десяткой будешь отвечать за сохранность имущества. Никого не подпускать! Если кто-либо из офицеров не подчинится — применяй оружие! Дальнейшие распоряжения я передам тебе лично.

— Есть! — коротко ответил Нурым.

Все еще удивляясь странному поведению Капи Мырзагалиева, Ораз пришел в интендантство и от неожиданности не поверил ни ушам, ни глазам своим. В дверях его встретил Нурым.

— Вход сюда запрещен, писарь-мирза. Одежда, обувь — все имущество в распоряжении военного комитета,— строго сказал он.

Ораз рассмеялся.

— Есть, онбасы Жунусов! — ответил он, лихо козырнув.— Можно к вам обратиться с просьбой?

Нурым смешался.

— Никого не пускать! — бросил он своим джигитам и кивком головы пригласил Ораза зайти в канцелярию.

— Кто тебя поставил? — спросил писарь шепотом.

— Орак.

— А кто он, ты не догадался?

Нурым ответил, что ничего не знает, что ни один дружинник не имеет права уйти из города без приказа комитета дружинников и что наши джигиты стоят на постах по всему городу.

— Просто глазам не верю,— почему-то удрученно произнес Ораз.— Хорошо, Нурым. Очень хорошо! Ну, я пошел. По своим делам...

Шквал событий, неожиданная тревога в городе, необычное оживление людей обеспокоили Ораза. Все это происходит по воле человека или как попало, бессмысленно, случайно? Может быть, это просто стихия? С чего началось? Чем кончится? Кто такой Орак? Куда исчез Батырбек? К добру ли эта вспышка? А что будет, если для подавления восставших вышлют вооруженные отряды?

Хотя городок был небольшим, однако пешком пройти его из конца в конец было нелегко. Ораз устал, пока добрался до казармы. Здесь тоже царило необычайное оживление: дружинники то входили, то выходили, толкались, суетились. Все возбуждены, никто никого не слушает. Ораз присел, вытер с лица обильный пот, понаблюдал за суетней солдат, понял, что и они толком не знают, что творится вокруг.

— Где ваши командиры? — спросил он у одного из дружинников.

— Какое нам дело до всяких командиров-самандиров,— ответил тот.— Теперь вся забота: как бы до дому добраться...

Никто в казармах не знал, где находятся Батырбек и Орак. Говорили, что за порядок в казарме отвечают онбасы, но и те отправились в столовую.

День уже клонился к вечеру. «Может быть, пойти домой? В такой суматохе и отдохнуть-то не удастся. Или зайти в тюрьму, попытаться поговорить с Мендигереем?..» — раздумывал Ораз. Но тут откуда-то появился Батырбек, а следом за ним из-за угла казармы выскочила группа конных, и один из них, по-видимому командир, с ходу закричал:

— Пятнадцать человек живо на коней и следуйте за Батырбеком! Пятнадцать солдат — за мной. Быстро! По коням!

Это был Орак.

Батырбек взглянул на писаря и спохватился:

— Ойбой-ау, ты что здесь делаешь? Где твой конь?

— Калеке на нем уехал,— ответил Ораз, оскорбленный тем, что остался пешим.

— Беги в конюшню! Бери любого коня и поезжай за мной!

Не чуя ног, Ораз побежал к конюшне.

— Сейчас мы освободим заключенных. Ты знаешь, кто приехал громить тюрьму? Сам Мамбет! — сообщил Батырбек скакавшему рядом Оразу.

Ораз молчал, усердно подгоняя полкового коня, которого заполучил так легко. Он не сомневался в том, что в этакой кутерьме без Мамбета не обойтись.

Ворота тюрьмы уже были открыты. Отряд конных солдат с большой группой освобожденных потянулся к интендантству. Батырбек подъехал к Мамбету.

— Интересно, есть ли там интендант Калыбай или он удрал? — спросил Мамбет.

— Интенданта нет, но там дежурит наш джигит, Жунусов,— ответил Батырбек.

Мамбет сразу насторожился:

— Какой Жунусов?

— Певец Нурым. Его фамилия — Жунусов.

— А, знаю. Чумазый певец.

Дальше говорить было некогда. Ораз восхищенно подумал: «Ну и Мамбет! Какая осанка! А сила! Одной камчой двоих запросто прибьет».

— Сколько вас человек? — спросил Мамбет у освобожденных.

— На перекличке было шестьдесят восемь. Сейчас, должно быть, меньше,— ответил кто-то в старой военной форме, выступив вперед.

— А почему меньше?

— Некоторые убежали...

— А, ну и пусть бегут. Сейчас вам каждому выдадут шинель и сапоги. Если есть желающие вступить в солдаты, дадим оружие, коня, седло. Понятно? — громко спросил Мамбет.

— Поняли!

— Ну и хорошо, если поняли. Кто надумал вступить в дружину — выходи вперед!

Первым шагнул тот, что был в военной форме, за ним — еще пятеро джигитов в гимнастерках без погон, пуговиц и ремня.

— Мы с вами, Мамбет-ага,— в один голос заявили они.

— Жунусов, выдай им новые шинели, сапоги, седла,— приказал Мамбет.

— Хорошо, Маке,— с радостью откликнулся Нурым.— Наконец-то встретились, Маке...

Он подал знак своим джигитам, те бросились в склад за новыми шинелями и сапогами.

— Если вступить в дружину, то и коня с седлом дадут?

— Не только коня с седлом, но еще и ружье, и шашку, и вдобавок порох.

— А что, если и мы запишемся?

— За Мамбетом пойдешь?

— Даром пропадешь — хочешь сказать?

— Нет, но...

— А ты запишись, чего тебе терять? — переговаривались освобожденные шаруа между собой.

Заметив их нерешительность, Мамбет сказал:

— Ладно, вижу, не быть вам солдатами. Отправляйтесь лучше в аулы и наденьте узду на мерзавцев старшин. Напоследок выберете себе по шинели и по паре сапог.

— Дают — бери, говорят. Нужный камень не тяжел. Спасибо, родной,— обрадовались шаруа, поспешно выбирая из кучи шинели и сапоги.

Джигит в военной форме скользнул голодным взглядом вдоль склада и, глянув на большой купеческий дом рядом, спросил Нурыма:

— Ага, не найдется ли там чего-нибудь поесть?

Нурым, с тех пор как вступил в дружину, еще не ел досыта и сейчас искренне пожалел изможденного джигита.

— Жунусов, поручаю тебе: всех шестерых накорми хорошенько, обеспечь конями, седлами и пристрой к своей десятке,— велел Мамбет.

Отряд Мамбета направился к оружейному складу.

4

На улицах Джамбейты появились всадники на куцехвостых конях.

Казалось, над маленьким, заброшенным в степи городком, вдали от больших дорог, пронесся смерч. Кроме конных повстанцев, решительных и хмурых, на улицах не было ни души; наглухо закрыв окна и ворота, засели по домам горожане; купцы повесили на дверях лавок и магазинов огромные замки; покинув учреждения, исчезли, будто растворились, чиновники; из правителей валаята одни поспешно удрали, другие попрятались по чуланам, третьи кинулись в объятья мечети. Никто не знал, с чего началась заваруха и чем она теперь кончится. Все старались не попадаться на глаза дружинникам.

А повстанцы, захватив оружейный склад, почту, интендантство, носились по опустевшим улицам из учреждения в учреждение. С треском выламывали двери, вырывали косяки; под ударами прикладов трещали оконные ставни, со звоном летели стекла; ветер лихо гнал по улицам тучи бумажек: из затхлых канцелярий вырывались на простор многолетние «дела», точно пух из распоровшейся подушки; в здании земуправы и в правлениях огненные языки жадно лизали пухлые папки...

Группка офицеров пыталась было защитить штаб, но повстанцы, не обращая внимания на тявканье наганов, легко опрокинули ее, одного офицера прибили прикладом, другого зарубили шашкой, а на двоих ловко закинули петли, точно на необузданных коней...

После этого офицеры уже не пытались наводить «железный порядок». Присутствие Мамбета вдохновило повстанцев, а на офицеров из штаба его имя нагоняло ужас.

Все чаще раздавались крики: «Довольно гнуть шеи перед атаманами!», «Долой казачьих офицеров!», «Долой убийцу Кириллова!», «Долой головорезов тюре!» Белоусову и Кириллову ничего не оставалось, как задуматься о своем спасении. До вечера они тряслись от страха в домике ветеринарного пункта, а с наступлением темноты сели на коней и умчались из города.

Отсутствие Мендигерея среди освобожденных из тюрьмы встревожило Ораза. Но грозному Мамбету он не решился говорить об этом. Некоторое время он молча следовал за толпой, потом обратился к Батырбеку:

— Батырбек-ага, почему мы не арестовали наиболее опасных врагов? Ведь они улизнут, опомнятся, а нас потом жалеть не станут.

Батырбек о чем-то задумался, не ответил.

— Хотя бы полицмейстера надо захватить,— снова подал голос Ораз.

Мамбет насторожился.

— Джигиты, за мной! — приказал он вдруг.

Все поскакали за Мамбетом. Однако ни Ораз, ни Батырбек не догадывались, куда он повел их.

Вслед за Мамбетом большинство джигитов ворвались в широкий двор к высокому дому со множеством окон. Красивый, просторный дом казался безлюдным, даже собаки не лаяли. Когда ворвались внутрь, стало ясно, что хозяева от страха забились по углам: в комнатках было прибрано, на столе стояла еда. Батырбеку и Оразу почудилось, что в одной из дверей промелькнула фигурка женщины. В это время раздался голос:

— Проходите сюда, Мамбет-ага!

Мамбет обошел стол в огромной гостиной и, широко ступая, направился к двери в глубине комнаты.

— Чей это дом? Как бы в ловушку нам не угодить,— шепнул Батырбек.

Ораз бросился за Мамбетом.

— Ну вот, говорила же я, что Мамбет-ага придет. Непременно придет. Я оказалась права. Проходите, милости просим, Мамбет-ага! — зачастила красивая смуглая девушка, одетая по-европейски.

Батырбек никогда не видел Шахизады. Не думал о встрече с такой девушкой и Ораз. Не зная, кто она, джигиты недоуменно застыли у двери. Мамбет не стал здороваться.

— Где тюре? Пусть выйдет! — резко произнес он.

Девушка ничуть не испугалась, даже не нахмурилась.

— Мамбет-ага, вы мой гость, верно? В тот раз, когда вы зашли, я приглашала и очень хотела, чтобы вы пришли. И вот дождалась наконец. Проходите, мой гость,— ласково проговорила она, чуть улыбаясь.

Голос Мамбета смягчился:

— Я пришел, красавица... Но мне нужно сначала увидеть тюре.

— Садитесь, садитесь. Вы тоже усаживайтесь,— обратилась она к джигитам у двери.— Ближе к столу.

— Я пришел к Аруну-тюре,— нетерпеливо сказал Мамбет, опускаясь на скамейку.

Только теперь поняли Ораз и Батырбек, куда их привел Мамбет. И стало ясно, что арестовать одного из главарей валаята — дело нелегкое, рискованное. Теперь же, видя, как девушка заворожила ласковыми словами батыра Мамбета, они испугались, что могут промедлить.

— Сестрица, мы пришли сюда не в гости и не собираемся калякать за чаем. Скажите, где Арун-тюре, пока мы сами его не вытащили!

— Джигиты, а ну-ка за мной! Маке, первым пойду я...— сказал Ораз, направляясь к ближней комнате.

— Его нет там, ага. Я сама вызову папу...

Девушка шагнула к выходу.

— Зови,— сказал Мамбет, удобней усаживаясь.

Девушка вышла. Ораз ткнул Батырбека в бок: «Что делать?» Батырбек промолчал. «Мамбет сам начал, сам закончит. Посмотрим»,— решил Ораз.

Девушка не возвращалась. Никто не знал, о чем она говорила с отцом. Ораз волновался. Батырбек уже дважды понюхал насыбай. Напряженная тишина царила в доме.

— Сейчас папа придет,— сообщила девушка, неторопливо входя в комнату.

Вслед за ней вошел и Арун.

Офицер Аблаев услужливо распахнул дверь перед полковником. То ли Мамбета смутила сверкающая форма высокородного тюре, то ли сказалась привычка службы, но, заметив Аруна, он вскочил. Полковник хмуро оглядел Мамбета, скользнул взглядом по дружинникам и глухо протянул:

— Так, та-ак!

Мамбет устремил недобрый взгляд на Аруна и Аблаева.

— Обоих вас арестовываю. Хватит, поиздевались над народом! А ты...— Мамбет взглянул на Аблаева.— Ты не умеешь обращаться с шашкой и наганом. Снимай, живо!

Аблаев метнул испуганный, вопросительный взгляд на Аруна, но полковник словно не замечал его, он видел только Мамбета.

— Ну, а потом? — спросил полковник.

— Потом — посмотрим. Что скажут солдаты, то и будет.

Ораз и Батырбек подали знак вошедшим джигитам, чтобы они отобрали оружие у Аблаева. Двое тут же бросились к Аруну, но между ними стала девушка.

— Мамбет-ага! Мой папа желал народу только добра. Вы один из народных батыров. Если папа был в чем-то несправедлив, то простите его... Нет безгрешного человека...

— Грехов у него чересчур много.

— Батыр, подарите мне обоих — и папу и офицера Аблаева! — взмолилась девушка.

Мамбет быстро взглянул на нее, отвернулся и пробубнил невнятно:

— Ну и красотка!

В разговор вступил Ораз.

— Маке, вы спросите тюре, куда он дел Мендигерея. Если без суда погубил невинного человека, тогда ни о какой пощаде не может быть речи.

Арун повернулся к Оразу, смотрел долго, взгляд его становился все тяжелей, все колючей.

— Вы, молодой человек...— начал было он, но потом, словно опомнившись, повернулся к Мамбету: — Мендигерей Епмагамбетов преступник, приговоренный к смертной казни. Он осужден военно-полевым судом. По этому вопросу обратитесь в Войсковое правительство.

Мамбет сдвинул брови и глухо спросил:

— А кто он такой?

— Маке, это образованный человек, заступник народа,— объяснил Ораз.— Весною правители-атаманы рубили его шашками. На прошлой неделе я видел его в здешней тюрьме, в одиночной камере.

— А, значит, и ты, голубчик, из тех же! Так-так! — произнес Арун, то ли угрожая, то ли уясняя для себя личность Ораза.

— Ты расстрелял его? — спросил Мамбет.

Арун уклонился от прямого ответа:

— Он под следствием Войскового правительства.

— Зачем ты передал его в руки Войскового правительства? — запальчиво спросил Батырбек.— Мамбет правильно говорит — творили произвол! Ты, султан Арун, расстреливал и вешал лучших сынов народа! Никогда еще казах так не измывался над казахами.

Арун понял, что дело принимает дурной оборот,— он нашел хитрый ответ:

— Хорошо, братья. Коль вам понадобился Епмагамбетов, я могу его вызвать. По распоряжению Жаханши он отправлен в город Уил и сейчас находится там.

Батырбек и Ораз не разгадали сразу его коварства.

— Еще три дня тому назад он был здесь,— снова вклинился в разговор Ораз, но Мамбет не дал ему договорить:

— Чтобы за три дня, султан-тюре, доставил Епмагамбетова из Уила сюда! Не сделаешь — ответишь головой. От меня не уйдешь! Пошли, джигиты!

— Спасибо, Мамбет-ага! Офицер Аблаев выполнит ваше приказание,— сказала девушка вслед Мамбету.— Заходите к нам, ага. Гнев — враг, рассудок — друг. Уляжется ваш гнев — приходите. Для вас всегда наши двери открыты, герой-ага!

Через полчаса Аблаев помчался в Уил...

Весь день сновали по городу дружинники и даже к вечеру не все собрались в казармы. Одни возвращались со скатертями из различных учреждений, другие — с красивыми папками и портфелями под мышкой. Но никто не нарушил строгого приказа: «Не трогать вещей простого люда». Жалоб на дружинников не было.

На другой день спозаранку Мамбет выстроил десяток своих джигитов, спрыгнул с коня, вытащил из кармана большой складной нож. Схватив одной рукой хвост коня, коротко обкорнал его и обратился к джигитам:

— С этого часа, с этой минуты я навсегда отрекаюсь от Джамбейтинского правительства. Возврата нет. Отныне я большевик! Как и у них, мой конь — куцый. Приказываю всем дружинникам, начиная с правого фланга, укоротить хвосты коням! Кто не выполнит приказа, значит, остается в ханской дружине. Такой пусть убирается своей дорогой! Ну, начинайте! — закончил он и глянул на правофлангового Нурыма.

Нурым, спрыгнул на землю, взял у Мамбета нож и ловко отсек конец хвоста своему мухортому. Потом снова прыгнул в седло и стал в сторонке. Вслед за ним вышел другой джигит и повторил то же самое. Вскоре рядом с Нурымом выстроились все пятьдесят джигитов. Хвосты коней были коротко и аккуратно подстрижены. Как бы возвещая о новых порядках, Мамбет весь отряд провел по самой длинной улице.

Люди смотрели из окон и, ошеломленные зрелищем, шептали:

— Астафыралла!

— Спаси, аллах!

Дети галдели:

— Смотрите: конница бесхвостая!

— Бесхвостые болшабаи едут!

Оседлав прутья и палки, с гиканьем и свистом мальчишки бежали следом.

5

Говорят, порою чувство захлестывает рассудок человека. А чувство бывает разным. В отчаянии человек не страшится ни воды, ни огня. Не боится он ничего и тогда, когда окрылен великой целью, высокой мечтой. Нет, ничего подобного не испытывал офицер Аблаев в этот день. В нем все бурлило, будто неистовый ветер гнал по степи перекати-поле,— в нем клокотала месть.

— Ну, подождите! — скрипел зубами он всю дорогу.

Решительные приказы султана Аруна ему были больше по душе, чем беззубые распоряжения Жаханши. Да и вообще, какой он, Жаханша, глава правительства? Иного мерзавца бить бы надо, а Жаханша провожает его с почестями. Других бы надо в тюрьме сгноить, а он с улыбкой, с извинениями отпускает их. Какой же это порядок?! Летом приказал Каржауову проводить учителя Халена! Да еще и подарить коня и чапан! А вчера отпустил безбожницу бабу, жену лютого врага валаята Абдрахмана Айтиева, которая тайком доставляла красным пропитание, и не посчитался с его, Аблаева, авторитетом.

— Тьфу, пентюх! — возмутился Аблаев, в сердцах огрев коня камчой.— Как будто агент этих самых красных... Ну, подождите. Погодите, голубчики! Я вам еще покажу! Приведу сюда весь кадетский корпус! Попляшете!

Аблаев спешил в Уил.

— Или умри, или проучи негодяев! — приказал ему Арун. И Аблаев решил проучить. В Уиле в кадетской школе учатся триста пятьдесят человек — сплошь молодцы, отборные рубаки, воспитанные, обученные казачьими офицерами. Триста пятьдесят юнкеров! Бесстрашная, еще не битая, отважная молодежь! Он, Аблаев, бросит их против голодранцев-бунтовщиков! Надежда и опора валаята, воспитанники кадетского корпуса завтра ринутся в первый бой.

— Пусть свистят шашки над головами предателей! Никакой пощады! Только тебе доверяю я это дело,— наказывал Арун.

«Совсем распустились, сволочи! Подождите! — яростно грозился Айтгали Аблаев.— Верно говорят, что обнаглевший корсак станет рыть себе нору ухом. Один угоняет коней, другому плевать на дисциплину, третий набрасывается на офицера... А теперь, наглецы, подняли бунт в самой столице валаята! Ну, подождите!..»

Аблаев вспомнил все свои неудачи за последний год. Не слишком ли много их! Первый раз он споткнулся в ауле буяна хаджи. В Анхате он чуть было не схватил бунтовщи-

ка-студента, но в последнюю минуту тот сумел улизнуть, собака! Дальше начались сплошные неудачи. Жунусов кромешной ночью выдал обоз с оружием в руки красных. Это было самое досадное... «К счастью, мне еще удалось оправдаться перед Жаханшой и Аруном». Аблаев не знал, что в ту ночь, когда он в поселке Уленты изловил наконец Мендигерея, его жестоко отмолотил все тот же Жунусов. Поэтому к третьей своей неудаче он отнес бесчинство подонков в казарме. И тут ему вспомнилось, что один из вязавших его в казарме был... Нурым Жунусов. Ярость, бешенство охватили Аблаева.

«О Жунусовы! Или погибну, или кровавыми слезами зальетесь! Довольно, поизмывались! Один — там, другой — здесь! А старый волк-отец в ауле смуту разводит! У, проклятые головорезы! Подождите! Я вас!..»

Галопом мчался Аблаев на своей саврасой, потом натянул поводья, перевел коня на рысь, расстегнул ворот кителя, чтобы свободней дышать. Вскоре конь перешел на шаг. Аблаев расслабил мышцы, успокоился, оглядел окрестности: ехал он по хребту Булдырты. «Доберусь до Кара-Тобе, переночую там. Дальше придется ехать с проводником, плохо знаю дорогу».

В сумерках он приехал в Кара-Тобе, дал передохнуть коню, а с рассветом снова двинулся в путь. Проводника брать не стал, хозяин дома, где он ночевал, проводил его до большой дороги за аулом и сказал:

— Эта дорога приведет вас, мирза, к Жаксыбаю, а дальше будут Аккозы и Сарбие.

Не доезжая до Жаксыбая, Аблаев заметил впереди на дороге каких-то путников, и подозрение охватило его. Он натянул поводья, посмотрел внимательно: двое ехали верхом, один сидел в телеге.

— За три дня всего лишь сто километров, сволочи! — прошептал офицер.

Аблаев не ошибся: это были конвоиры и заклятый враг валаята Мендигерей, отправленный три дня тому назад из Джамбейты в Уил. Офицеру опять вдруг вспомнилось все снова: и вчерашние события в Джамбейте, и бесконечные личные неудачи. Кровь бросилась в голову. Что-то решив про себя, Аблаев спрыгнул с коня, подтянул подпругу, поправил на себе ремень, жадно глотнул воздух и затем опять прыгнул в седло и ударил саврасую камчой.

— Ну, дай бог удачи! Поддержи меня дух Аблая! — прошептал он, пришпоривая коня.

Поджарый саврасый конь под ним был чистых кровей знаменитой жаугаштинской породы — голенастый, широко-

ноздрый, тонкохвостый. Скачи на нем день — лишь кровь разгорячится. Скачи два — лишь резвее идет. До путников, беспечно рысивших впереди, скакун домчал захлебывающегося от ярости офицера в одно мгновение.

Доскакав, Аблаев с ходу приказал конвоирам:

— Остановите телегу и отойдите на десять шагов!

От неожиданной встречи со своим свирепым командиром солдаты опешили, подобрали поводья, робко откозыряли. Остановив подводу, они отогнали своих коней на десять шагов и со страхом стали ждать, что будет дальше. «Что случилось? Куда он так спешит?» — думали солдаты, подбирая полы шинелей и поправляя винтовки за спиной. Аблаев подскочил к ним со стороны ветра и снова прокричал:

— Оба поедете со мной, но сначала...— Ветер отнес его слова, и ни Мендигерей, ни кучер не расслышали, что он кричал. Лишь последнее слово: «Приготовьтесь!» — как бы кувырком докатилось до них.

Аблаев наметом домчался до телеги и озверело рявкнул:

— Слезай с телеги! — Глаза его от бешенства побелели.— Слезай и помолись перед смертью, гад!..

Мендигерей сразу догадался, что неспроста примчался этот офицер-палач. «Видать, настал конец»,— подумал он, плотно сжав губы. Вспомнилось ему, как летом на телеге зверски изрубили шашками двух мальчиков и крестьянина Фроловского. Казалось, что он услышал предсмертный судорожный крик Икатая: «Апа! Апатай!» И тут же голова мальчонки покатилась с плеч...

Мендигерей медленно, очень медленно слез с телеги. Руки его были свободны. На привале ночью конвоиры надевали ему наручники, а в пути в безлюдной степи, снимали их. Не узнав издали Аблаева, солдаты в суматохе не успели снова надеть наручники.

— Предатель! — взвизгнул Аблаев, выхватив из кобуры наган.— Высвободил, значит, руки? Высвобождай, голубчик! Теперь уже все равно! Сейчас получишь свободу! Читай предсмертную молитву — иман!

«...Смерть! Последний вздох!.. Враг. Заклятый враг... Беспощадный мститель!..» — промелькнуло в голове у Мендигерея.

От долгого сидения в тюрьме, от неподвижности тело отяжелело, нет сил передвинуть ноги. Что это вдруг черно стало вокруг? Или голова закружилась?.. На мгновение пленник закрыл глаза. Сколько пережито! Сколько пережи-

то! Лихорадочно замелькали мысли, кружится-кружится земля.

Мендигерей пересилил себя, открыл глаза. И ноги как-то сразу окрепли, уверенно шагнули навстречу смерти...

Голос его звучал глухо, словно шел из-под земли:

— Я знаю, что значит иман. Иман — это вера человека, его надежда. Тот, кто твердо верит в свое дело, не унижается перед врагом. Не станет просить пощады! Он верит в свою цель, и жизнь его ясна. Но есть люди без веры и без надежды. Они дрожат за свою подленькую жизнь. Умоляют своих врагов, вымаливают милосердие. Ты — один из таких. Смерть для живого человека означает прекращение жизни. Сейчас оборвется моя жизнь, завтра ли, через месяц ли потухнешь и ты. И перед смертью тебе нечем будет гордиться. И ты самому себе не скажешь, что погиб за благое дело... А я служил своему народу, он меня не осудит. Этим я счастлив, этим горжусь. А тебя народ клянет за убийство детей, за горе женщин, проклянет и за мою смерть...

— Хватит болтовни! — взревел Аблаев и повернулся к солдатам: — Стреляй!

— Тебе не простят вот эти солдаты! Не простит джигит-кучер!

Тявкнул наган. Мендигерей вздрогнул, сделал несколько неуверенных шагов и с трудом выпрямился. Одновременно раздались еще два выстрела, и все затихло, оборвалось... Мендигерей беззвучно рухнул на дорогу и остался один в унылой степи. Ему даже не закрыли глаз, лишь степной ветер ласкал его измученное, осунувшееся лицо.

С двумя солдатами Аблаев отправился дальше. Он спешил в Уил, чтобы поднять весь кадетский корпус против четырехсот бунтовщиков.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Вдоль Уила и Қиыла через Қос-Қобду простирается до полуострова великого моря песчаная, пыльная древняя дорога. Извилистая, изъезженная, она хранит в себе тайны тысячелетий. Еще в седую старину тянулась по ней жизнь от Яика в Аральск, из Аральска к Аму-Дарье, от Аму-Дарьи в Хиву, а из Хивы еще дальше — в Бухару.

Қто только не ходил по этой дороге! Қто-то мчался, а кто тащился, кто-то изнемогал в пути от жажды, а кто-то несся по ней с победным кличем.

На быстром верблюде — желмая — рысил когда-то по ней вдоль реки Аму шейх Кутуби со знаменем ислама в руках.

Свирепые полчища внука хана Чингиза, поднимая тучи пыли, тоже пронеслись по этой дороге.

Ходил по ней и Железный Хромец — Тамерлан, воздвигая по пути пирамиды из человеческих черепов.

Саранчой неслись по ней из Джунгарии к приволжским степям калмыки, принося казахам неисчислимые беды...

Беззаветных храбрецов, заступников народа знала эта дорога; здесь сложил свою бесстрашную голову батыр Сырым, поднявший копье на ханское отродье; здесь разбилась надежда гордого сына казахов Исатая.

Многих перевидела седая караванная дорога: и сильных, и слабых, и молодых, и старых, царей и нищих, всемогущих полководцев, разодетых купцов и оборванных странников. Изъезжена дорога и похожа на изрезанный морщинами лик старца. Сегодня по ней потрухивал старый ослик, на нем сидел сухонький и древний, как сама дорога, старик.

На голове его пропыленная, полуистлевшая, серого цвета чалма, на плечах старый, выцветший на знойном солнце чапан, на ногах мягкие кожаные галоши — масы. Под чапаном виднеется серая от пыли рубаха с отложным воротником и с тесемками; хурджун, перекинутый через седло, также весь в пыли, даже не различишь рисунка на нем.

Нещадный зной, неугомонный степной ветерок, редкие, но обильные дожди сделали степь серой, изнуренной. Лицо старика тоже серое, изрезанное вдоль и поперек глубокими морщинами. Густые брови, усы, редкая небольшая бороденка также обильно покрыты мелкой серой пылью. Всем своим обликом он похож на иссохшую южную степь, лишь набухшие вены на руках выделяются своей чернотой.

Старик этот на сером ослике ехал месяцами, летом он выехал из Хивы, был в Приаралье, а теперь направлялся в Уил. Чапан служил ему постелью, хурджун — подушкой; в безлюдье старик ночевал под кустами, а в аулах — в любой юрте, как божий гость. Переночевав, он продолжал путь. Останавливался в мечетях, охотно гостил у имамов. Одни называли странника Календыром, другие — дервишем, третьи — святым на сером ослике. И не без оснований: за молитвы на людном месте или в мечети, а также на роскошных поминках знатных он порою получал немало жертвоприношений, но неизменно тут же распределял всю свою добычу среди бедных, нищих, несчастных. Подарит какой-нибудь бай ему рубаху, он отдаст ее хозяину лачуги на краю аула; расщедрится мирза, накинет ему на плечи новый чапан — странник осчастливит им первого же пастуха. Набьет

его хурджун добрая байбише куртом, а он пригоршнями раскидает лакомство детишкам, и они с криком «Святой ата!» стайкой бегут за ним.

В степи возле Яика, в том месте, где сливаются две реки, стоит мечеть хазрета Куная — конечная цель долгого пути странника. К знаменитому имаму Младшего жуза странник приезжал каждое лето, иногда навещал его осенью. В этом году он добрался до могущественного хазрета позднее обычного.

Мюриды хазрета низко склонили головы перед святым путником, потом почтительно прикрыли веки и отступили, пропуская старца. Хазрет Кунай беседовал со святым в своей гостиной один день и ночь.

Прошел слушок среди мюридов:

— К хазретам Хивы и Бухары снизошло с небес чудо-знамение. Святой старец на сером ослике приехал сообщить об этом всем мусульманам...

На другой день хазрет Кунай собрал правоверных в свою мечеть и после двукратного намаза произнес проповедь. Хазрет говорил о честности, справедливости и других несравненных достоинствах пророка, о мудрости Абубакира Сиддиха, о правдивости Гумара, об учености Гусмана и храбрости Галия, о мужестве шахидов, погибших за мусульманскую веру в пустыне Кербала. Конец проповеди хазрет произнес ровным голосом, старательно избегая непонятных арабских слов:

— Исчезает на земле презренное племя, сомневающееся в единстве аллаха, в пророчестве Мухамбета, в непоколебимой истине Корана. Жалкое поколение Язита, поднявшее руку против могущественного пророка Мухамбета и его приверженцев, корчится в преддверии ада; до самого светопреставления ему суждено влачить мерзкое существование. Самый богатый человек на свете Харон-бай за то, что отказался платить зякет своему создателю, заживо ушел под землю. Ученый Барсиса, четыреста лет воздерживавшийся от греха, на вечные времена отправлен в ад за то, что обратил свой взор на грешную блудницу. Сейчас все больше и больше людей находят утешение в истинной вере ислама...

Правоверные! — продолжал хазрет Кунай, чуть помедлив.— К вам с поклоном прибыл верный раб нашего создателя, трижды посетивший на своем ослике Каабу в Мекке, побывавший и в святом Шахизинда в Самарканде, и в мавзолее хаджи Ахмета Ясави, беседовавший не раз с благочестивейшими имамами Хивы и Бухары, прошел путь незабвенного шейха Кутуби, читавший свои молитвы в мечетях Ирана

и в знаменитых стамбульских мечетях Сулеймании и Айя-Софии, божий слуга, святой странник Куткожа...

Правоверные стояли на коленях с низко опущенными головами, при этих словах хазрета в толпе зашевелились, головы повернулись к возвышению. Все затаили дыхание, все превратились в слух.

— На святые земли Хорезма сошло знамение, божья весть. Так ведь, святой странник?

— Ялай,— подтвердил старец четким высоким голосом.

— «Слушай, божий раб Ахмет»,— сказал дух. Так ведь, святой странник?

— Ялай!

— ...Всевышний послал своего слугу Мустафу на землю, чтобы направить единоверцев аллаха на истинно праведный путь, чтобы неустанными моленьями очистить душу от соблазнов грешного, обманчивого мира, чтобы распространить святые писания и обучить рабов своих пяти заветам Корана и призвать заблудших в мечети. Так ведь, святой странник?

— Ялай!

— ...Теперь появился сатана-искуситель, который смущает правоверных и пытается насильно отлучить их от веры мусульманской...

Толпа вздрогнула от ужаса.

— Сатана этот натравливает людей друг против друга, ведет их к погибели. Он хочет уничтожить, истребить мусульманскую веру. Так ведь говорило знамение святому Ия Ахмету, божий странник?

— Ялай, хазрет.

— Правоверные! Это начало светопреставления...

— Алла!

— Алла! — испуганно пронеслось в толпе.

— ...И сказало знамение: карликовые мерзкие существа наполнят землю. В грехе и праздности станут проводить они время. Пойдут сплошь пьяницы и блудодеи. Женщины — само сладострастье, на мужчин набросятся жадно. Сын восстанет против отца, дочь — против матери. Исчезнет добро, зло восторжествует. Нищий бросится на богатого, рабы — на господ. Власти не будет, веру предадут. Не поддавайтесь, мусульмане, нашептываньям вероотступников! Собирайтесь в мечетях, внемлите советам рабов божьих, служителей веры. Будьте стойкими, мюриды. Будьте верны, мусульмане, заветам Корана! Пусть создатель милостивый не оставит народ казахский! Аминь!

— Аминь!

— Аминь!

Долго сидели люди в мечети. Снова и снова касались лбами молитвенных ковриков, суфии сосредоточенно и важно перебирали четки. Потом хазрет двукратно прочел намаз и благословил кази Хаиршу:

— Доброго пути тебе, кази!

Полкового муллу кази Хаиршу, готовившегося отправиться к юнкерам в Уил, проводил из мечети сам имам.

2

Начальник Уильского гарнизона войсковой старшина Азмуратов получил телеграмму — приказ Жаханши — еще утром. В тот же день после обеда прискакал к нему Аблаев. Он вручил старшине письмо от Жаханши и доложил обо всех событиях. Начальник гарнизона тут же распорядился выстроить перед казармой четыреста курсантов и объявил им о чрезвычайном положении.

— Будущие военачальники валаята! Молодые офицеры! — начал Азмуратов.— В то время, когда казахи создали свою автономию, обрели самостоятельность, о которой мечтали веками, вы изучали военное дело, знания для руководства новой армией вы получили в суровое, ответственное время. То, чему вы научились в стенах школы, нужно показать теперь в бою. Настал час, когда вы сможете проявить вашу смелость, отвагу, решительность и находчивость. Вам предстоит боевое крещение. Вас ждет первый бой. Исход его всецело зависит от вас. Офицеры! Личная храбрость каждого, преданность делу, любовь к справедливости решат исход боя. Тот, кто готов ринуться в первую битву за офицерскую честь, за славу валаята и родного края, пусть выйдет вперед на десять шагов и встанет налево! — закончил свою речь войсковой старшина.

Таинственным, привлекательным показался совсем еще молодым юнкерам этот бой, чаще забились их молодые пылкие сердца, ведь войну они знали лишь по учебникам да полевым учениям. Откуда им было знать, что в бою будет пролита кровь многих невинных, что впереди смерть? Юные, они рванулись в бой за честь, за славу; мечтали легко взять любую крепость врага, блеснуть отвагой, геройством...

Не успел старшина оглядеть длинные шеренги, как вся школа юнкеров в едином порыве отмахала десять шагов вперед и застыла плечом к плечу.

Азмуратов покачал головой. Требовалось всего триста человек, а вышли все четыреста.

— Вижу ваше искреннее желание исполнить свой воин-

ский долг. Спасибо, юнкера! Приказываю: каждому четвертому выйти вперед на четыре шага!

Вышло сто курсантов; старшина отправил их в казармы, а остальным тремстам офицерам приказал:

— Даю полчаса на сборы. При себе иметь кавалерийское снаряжение, тридцать патронов, сухой паек на два дня. Задача будет объявлена после. Разойдись!

Через полчаса Азмуратов перед строем конных юнкеров объявил фамилии сотников и в заключение сказал:

— Перед трудным походом полковой мулла Хаирша хочет передать вам слова великой истины от главного имама хазрета Куная и поблагодарить вас лично. Выше головы, сотни, и слушайте внимательно!

На возвышение поднялся Хаирша. Полковой мулла помнил святого странника Куткожу, его слова о начале светопреставления, о знамении, посетившем святого Кара из Хивы, о проповеди главного имама хазрета Куная в мечети Коспа. Мулла волновался. Уставясь в небо, он заговорил медленно, с легкой дрожью в голосе:

— О многострадальные сыны мусульман, рабы всеединого создателя, верные слуги пророка! Поклянитесь священному писанию! Восхваляйте истинную веру! Не сверните с праведного пути!

Мулла сделал небольшую паузу, оглядел затихших юнкеров и снова уставился вверх...

Кони били копытами, фыркали, позванивали удилами, но юнкера глядели на муллу и старались не пропустить ни единого слова. На нем был светло-голубой чапан, на высокий с острым верхом малахай была накручена светлая чалма, в руке он держал длинный белый посох, на возвышении — минбе — стоял один и казался еще длинней и благочестивее, словно новый святой, ниспосланный к воинам из мира блаженных. Черная округленная борода, тонкие, как ременная тесьма, черные усы, черные глаза и брови, казалось, были нарисованы углем на белой ткани.

Своим рассказом о том, что «с востока и запада идут темные силы Яхжуж и Махжуж, и наполнят землю маленькие мерзкие существа — людишки, и развратится народ, и останутся в живых из мусульман лишь те, что укроются в мечетях», полковой мулла превзошел главного имама и нагнал столько страху, что юные офицеры невольно поеживались...

В конце проповеди мулла сказал:

— За всеединого бога, за веру несметное число героев в прошлые времена оседлало коней, отправилось в бой. За мусульманскую веру, за детей, сирот и вдов многие сло-

жили свои головы. Храбрейшие мужи всегда готовы отдать жизнь за свой народ. Тяжелые времена настали для нас, на путь злодеяния вышли безбожники и вероотступники. Они хотят уничтожить веру, надругаться над всем святым. Они поднимают руку на правителей народа, на избранных волей аллаха. Всевышний не простит им такой дерзости. Безбожников, выступивших против хазретов, против белого знамени пророка, ждет лишь одна кара — смерть. Одинокая смерть, без упокойной молитвы. Собачья смерть. Не щадите злодеев! Проклятие безбожникам! Давайте прочтем «салауат».

Триста конных офицеров начали громко читать «Хансалауату»:

Ал-ла-хи сал-ла набию,
Войск защитнику Га-ли-ю
И вождям всесильным нашим —
Азаматам помолись!
Тем, кто жизнь свою отдал,
Сил своих не пожалел
Ради чести, ради славы,
Аза-ма-там поклонись!..

Кази вознес руки к небу.

— Владыке нашему молись! — закончил он, проводя ладонями по лицу.

— Владыке нашему молись! — громко повторил отряд.

Хаирша опустил голову, на мгновение утих. И отряд застыл в безмолвии. Вдруг Хаирша вскинул голову, указал посохом в сторону Сары-Арки, на голубеющий горизонт. Далеко-далеко звал солдат посох муллы...

3

Что может быть сильней и безумней возбужденной толпы? Сущий пустяк, мелочь иногда могут воспламенить ее. Стоит у брода какому-нибудь барану-вожаку в отчаянье броситься в воду, как вся отара кинется вслед за ним; и тогда овец немыслимо остановить, они, обезумев, с неистовым блеянием ринутся к противоположному берегу. Так зачастую бывает и с людской толпой. Ум будто меркнет, действует только инстинкт.

«Мы должны примкнуть к отряду Айтиева и встать под знамя свободы!» — таково было решение дружинников. Об этом, казалось, смутно мечтали все дружинники, согнанные сюда не по доброй воле из разных мест. Но...

Но с этого прямого пути свернул лишь один человек. Толпа бросилась за ним и оказалась в тупике.

— Пока не изловлю удравших правителей и не взгрею их хорошенько, я ни к кому примыкать не стану! — прокричал Мамбет растерянной толпе.— Я разгромлю сначала Уил и уведу за собой тамошних джигитов — юнкеров.

— Все за тобой пойдем! — всколыхнулась толпа.

Председатель комитета Батырбек молчал, понимая, что дружина непременно пойдет за Мамбетом.

— Поход в Уил достоин внимания,— наконец нерешительно заговорил Батырбек.— Там в кадетской школе немало наших джигитов. Если бы удалось перетянуть их на нашу сторону!.. Но этот путь сомнителен. Уил лежит в стороне. Отсюда до него — сто пятьдесят верст. А если мы повернем к Акбулаку или хотя бы в сторону Шынгырлау, не говоря уже о Темире, то приблизимся к Красной гвардии. До Шынгырлау меньше ста пятидесяти верст.

Батырбек не решился сказать прямо, что единственно верный путь — двинуться сразу в Акбулак. А дружинники, увлеченные горячим призывом Мамбета, решили следовать только за ним. Ораз в последние дни не был среди солдат. Он раздавал чапаны, распределял шинели, вел интендантские дела. Сейчас у Ораза не было повода для выступления, но он остро почувствовал, что надо срочно что-то предпринимать. «Какая досада! Был бы сейчас хоть кто-нибудь из опытных товарищей! Загадочный Мырзагалиев показался и сразу исчез. Начнется тут теперь заваруха...» — с тревогой подумал он.

— Ну, джигиты, что решили? В Уил? — спросил Батырбек и взглянул на Орака.

Это было случайное, стихийное собрание дружинников возле казармы. То ли Орак не решался выступить после Мамбета, то ли у него были какие-то свои соображения, но на вопросительный взгляд Батырбека он не отозвался. Вместо него вышел вперед Ораз, но Батырбек будто не замечал его.

— Что же теперь получается? — обратился Ораз к Батырбеку.

Батырбек быстро взглянул на него, растерянно пожал плечами.

— Братья! — воскликнул Ораз, поднимая руку и стараясь завладеть вниманием дружинников.— Родичи! Комитет дружинников решил соединиться с отрядом Айтиева. Вы же не против, так ведь?

В толпе молчали.

— Батырбек Альжанов верно подметил, что поход в Уил сомнителен. Правильно! И не только сомнителен, но и опасен. Вы спросите: почему? А потому, что мы сейчас еще очень слабы. Чтобы стать сильней и бесстрашно биться с врагом,

надо примкнуть к отряду Айтиева. Мы должны научиться воевать, пройти хорошую школу. Это во-первых. Во-вторых: все правители валаята сейчас собрались в Уиле. И Жаханша спрятался там, и Арун, и офицеры штаба, и командиры — все удрали туда. В Уйшике генерал Толстов сколачивает силы, а рядом, в Теке, стоят наготове аскеры наказного атамана. Неужели вы думаете, что Жаханша не сообщил обо всем этом головорезу генералу? Безусловно, предупредил. Возможно, что против нас уже направлены казачьи сотни...— Ораз перевел дыхание, огляделся. Дружинники слушали внимательно. Это приободрило Ораза, и он заговорил громче: — Джигиты, не следует забывать о том, что в Уиле находится офицерская школа. Трудно сказать, с кем они пойдут: с нами или с правителями валаята?

— Так что же, по-твоему, нам делать, милый оратор? — спросил насмешливо Жолмукан.

— Нам нужно немедленно отправляться туда, где собираются казахские джигиты, где развевается знамя свободы...

— Я подниму свое знамя. И в Уил твой не поеду, и в Акбулаке мне делать нечего. Я останусь здесь, в Уленты! — отрезал Жолмукан.

— Разве тамошний валаят сильнее здешнего? — проворчал Мамбет.— Откуда у Жаханши столько силы, чтобы подняться против четырехсот джигитов? За один день разгромлю Уил! Кто со мной — выходи! — Мамбет решительно отъехал в сторону.

— Сказано — сделано! За тобой!

— Веди, Маке, в Уил! — нестройно закричали вокруг.

Хмурым вернулся Ораз на свою квартиру. «Эх, был бы здесь Абеке. Не так бы все кончилось. И Мендигерея нет. Да-а, рискованный путь выбрали дружинники. Со всех сторон их может окружить враг...» — удрученно думал Ораз.

* * *

— Прошлый раз меня искали вы, а сегодня я сам пришел к вам. А причина все та же — Хаким,— проговорил Нурым, сидя в маленькой комнатке Мукарамы.

Неожиданный его приход удивил девушку. «Очень стеснительный молодой человек, и как это он вдруг решился?» — подумала она, но после первых же слов джигита насторожилась.

— Может, вы от Хакима письмо получили? — спросила она, чуть улыбнувшись.

«Первый раз улыбнулась! Как царевна-несмеяна из сказки. Аульные девушки не только спрашивать, но даже по име-

ни не назовут своего жениха»,— отметил про себя Нурым и тихо рассмеялся.

— Чему вы смеетесь? — строго спросила Мукарама.

Нурым смутился.

— Мой смех, сестра, легкомысленный. Я что-то совсем другое некстати вспомнил. А пришел к вам проститься... Увидеть вас на прощание...

— Вы что, уезжаете?

— Не только я один, все дружинники.

— На войну?

— Нас хотели отправить на войну, мы восстали. Вы, наверное, слышали.

— Слышала. Дядя Уали говорит, что казахские джигиты никогда не воевали, поэтому отказываются и удирают по домам.

— Мы не хотим воевать — это верно. Но за свою свободу мы готовы отдать жизнь.

— Как это так? — не поняла девушка.

— Так, что мы будем биться за свободу. И смело пойдем в бой.

— Дайте вашу руку! — воскликнула Мукарама.

Нурым сконфузился. «Дать руку? Невеста моего брата протягивает свою руку? Как же так?.. Значит, одобряет?..»

— Ну, чего вы смутились?

— Нет, просто... так,— Нурым вскочил и схватил руку девушки.

Тонкими, нежными пальчиками Мукарама стиснула мозолистую руку Нурыма. Потом заблестевшими глазами уставилась на растерянного джигита и, волнуясь, сказала:

— Настоящие джигиты!.. Хаким говорил мне: своими руками надо добиваться свободы, никто нам так просто ее не даст. Вот теперь я поняла, кто вы и ваши товарищи...

Румянец заиграл на ее щеках, длинные ресницы от волнения затрепетали, карие глаза, в которых появлялись прежде то страх, то надежда, сейчас тепло лучились.

Девушка выпустила его руку, стала хлопать в ладоши.

— Значит, одобряете...— пробормотал Нурым.— Спасибо!

— Да разве можно не одобрять смелость и мужество?! Знаете, я, может быть, больше других радуюсь. Я истосковалась по своим близким, а там, в моем родном городе, фронт... Очень, очень соскучилась я по своему краю... Сегодня весь день думала об Уральске.

«А что, если ее пригласить... с нами? — промелькнуло в голове Нурыма.— Нет, это кощунство — приглашать нежную девушку в поход с грубыми, неотесанными дружинниками.

Вместе с нами не то что девушка — не всякий мужчина-доктор пойдет».

— Твердо решили — в поход,— опять сказал Нурым.— Если повезет — к нам примкнут другие казахские джигиты. А там видно будет. Я зашел к вам... попрощаться.

— В какой город вы пойдете? Не в Уральск ли?

— Нет, не в Теке. В Теке, вы сами говорили, фронт. Мы пойдем в сторону Актюбинска. Руководители наши считают, что надо двигаться в город Темир. Это тайна, но от вас я не скрываю. В тех краях сейчас мой брат. В отряде Айтиева. Айтиев — это очень большой, ценный человек, он собирает казахов воевать за свободу.

— Тогда и я вместе с вами поеду! Ведь сестра милосердия всегда пригодится солдатам! — точно ребенок радуясь чему-то, сказала Мукарама.

— Вы... серьезно? — изумился Нурым, не зная, верить девушке или нет.— Вам трудно будет... Среди солдат... в дальней дороге...

— А я давно мечтала идти за воинами, помогать им, перевязывать им раны, лечить. Почему вы говорите о трудностях? Я же сестра. Хирургическая сестра. Мое место в армии. А к тому же я вместе с вами могу скорее добраться до своих родных и знакомых. Не могу же я вечно сидеть в этой унылой Джамбейте!

Девушка говорила искренне.

— Но вас не отпустит доктор Шугулов. Вы же в его подчинении. А он сторонник Жаханши.

— Доктор Шугулов сейчас в Уральске. Заболел сам и поехал показаться городским врачам. Уже пятый день, как уехал. А вчера прислал телеграмму — положили в больницу. Я с ним и советоваться не стану. Теперь я сама себе хозяйка.

— Ну, тогда прекрасно. Я передам Жоламанову, что вы хотите ехать с нами.

— Передайте. А я сейчас же начну готовиться, уложу необходимые лекарства, бинты, вату. Будет у нас кухня?

— С нами едет женщина-повар. Вместе со всякой посудой, чашками, ложками. Несколько подвод.

— Прекрасно! Я буду в обозе с кухней. Моих вещей хватит как раз на одну подводу. Всякие препараты, перевязочные материалы, лекарства... целый воз.

— Хорошо. Значит, вместе будем. Тогда — не прощаемся.

— Вместе, вместе!

Нурым кивнул головой и вышел. Он был счастлив оттого, что Мукарама не остается в унылом, заброшенном городке, а будет рядом с ним.

Едва вышел Нурым, как девушка захлопала в ладоши, не находя себе места, забегала по комнате, широко открыла окна, тут же вытащила из-под кровати чемоданчик, стала складывать вещи, мигом перевернула весь дом. Прибежала испуганная шумом Майсара, Мукарама кинулась ей на шею.

— Апа, еду я, еду! В Уральск! Нет, не в Уральск, а к Яику. В сторону Оренбурга...— взволнованно говорила она.— Не одна, вместе с целым полком джигитов!

— И-и, алла-а,— удивленно протянула женщина.— А я так испугалась, так испугалась. Думаю: что за шум, что за тарарам. А это, оказывается, ты тут от радости прыгаешь. Ну, хорошо, счастливого пути тебе!

— Апа, будь здорова! Прощай, апа!..

— Неужели прямо сейчас едешь?

— Сейчас, апа, сейчас. Только что приходил господин Жунусов и сказал, что полк выступает.

— А когда вернешься, милая?

Мукарама опешила. «Когда вернусь? Зачем? Ведь я же в Уральск еду! В родной город!» Девушка отрицательно покачала головой.

— И-и, алла! — удивилась женщина.— Ну, тогда я сготовлю тебе кое-что на дорогу...

И, суетясь, апа отправилась на кухню. А Мукарама, собирая вещи, представляла, что сейчас дома...

Город окружен солдатами. И в самом городе солдаты. На каждом углу стоят караульные. Жители вооружены, все что-то делают. Одни роют землю, другие тащат бревна, третьи волокут мешки с песком. Суматоха. Как она доберется до дому?! Что будет там делать? Что бы там ни было, но жизнь ее должна измениться...

4

Отряд дружинников вышел наконец в далекий поход.

Стояла осень. Дул резкий, холодный ветер, но к полудню погода смягчилась. Солнца не было, хмарь понемногу стала сходить с осеннего неба. Солдаты в легких шинелях с утра зябко поеживались, а сейчас слегка повеселели.

Обоз уже миновал кирпичное здание школы. Небольшими группками и в одиночку, легкой рысцой тянулись дружинники к площади между больницей и школой — к месту сбора. Отсюда, разделившись на сотни, в строгом порядке отряд должен отправиться в Уил. Когда исчезнет за горизонтом первая сотня, построится вторая, а за ней — с интервалом в полторы-две версты — третья. Таков приказ старшего командира Жоламанова. Такое построение было удобным: меньше под-

нималось пыли, а сотни в отдельности могли переходить на шаг, на рысь или в намет. Первую сотню возглавил Мамбет, вторую — Жоламанов, третью — Орак. Нурым попал в сотню Орака и решил, пока отправятся первые две сотни, зайти в больницу к Мукараме. Он не сказал командиру заранее о решении девушки. «Успеется. Надо еще раз поговорить с Мукарамой, предупредить о трудностях похода. Лучше пусть сам Хаким приедет за ней. После того как объединимся с отрядом Абдрахмана. Или, в крайнем случае, я сам приеду за ней после»,— рассуждал Нурым, но сказать о своих мыслях Мукараме ему так и не удалось.

— Где подвода? — первым делом спросила девушка, выбегая навстречу.— Или я поеду верхом?

Нурым смутился.

— Я... хотел бы посоветоваться с вами,— неуверенно начал он.— Путь будет очень утомительным...

— Но ведь мы с вами договорились ехать в город, а не болтать о трудностях!

«Ойпырмай, как она поедет на грохочущей телеге, в тучах пыли, среди горлопанов-солдат? Где ей ночевать на стоянках? Выдержит ли суровый путь? Кто за ней присмотрит? Хорошо, если доберемся до города или хотя бы до какого-нибудь жилья. А если поход затянется? А если столкнемся с врагом?»

Но девушке не было дела до тревог и сомнений джигита.

— Я не позаботился о подводе...— промямлил Нурым

— В таком случае я поеду верхом. Когда я была маленькая, абый учил меня ездить верхом. У нас тогда было несколько рысаков. По пятницам мы выезжали на прогулки в Ханскую рощу. А однажды мы с абыем ездили верхом даже в Каменку,— горячо проговорила Мукарама, стараясь убедить Нурыма в своем умении ездить на коне.

Она и одета была для верховой езды: в камзоле, в татарской шапке, в красных сафьяновых сапожках. Лицо ее сияло от возбуждения. В опрятном, удобном одеянии она была похожа на казахских красавиц, которые, по обычаю, возглавляют кочевья в пути. Небольшая соболья шапка слегка округляла ее продолговатое лицо, и сейчас девушка показалась Нурыму не светлой, а почему-то смуглой.

— Нет, нет! Я сейчас найду подводу. Вам нельзя верхом, тяжело,— сказал Нурым, собираясь уходить.

Мукарама заметила растерянность джигита и, нахмурив брови, сказала недовольно:

— Я надеялась, Жунусов, что вы уже все устроили. Я давно жду вас, с самого утра пришла в больницу. Упаковала не-

обходимые медикаменты. Свои вещи сложила еще вчера вечером. А вы приходите будто для того, чтобы прощаться...

— Сейчас, сейчас же раздобуду подводу...— повторил Нурым.

Он быстро сел на коня и поскакал к Ораку.

— Девушка-доктор едет с нами. Нужна подвода... для лекарств...— запыхавшись, доложил он командиру. Тот даже не удивился.

— Нужный камень не тяжел, говорят. Пусть едет с обозом. Завтра, когда начнут болеть головы и ныть кости, свой доктор не помешает,— заметил командир.

Приказ его пришелся не совсем по душе Нурыму, но возражать он не стал. «Если Мукарама не согласится ехать с обозом, то попрошу кого-нибудь из джигитов пересесть на телегу, а ее посажу на коня»,— беспокоился Нурым, и напрасно.

— На какую телегу? — только и спросила Мукарама.

Нурым посадил ее в самый крепкий тарантас.

— Смотрите, чтоб доктор пешком не шла. Так приказал командир! — предупредил Нурым начальника обоза.

Начальник понятливо кивнул. «Что ж, девушка-доктор только украсит мой обоз»,— подумал он удовлетворенно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Степь да степь. Бесконечная вьется дорога. В первый день шумливый отряд дружинников добрался до аулов вдоль Булдырты и там заночевал. Сегодня солдаты ехали по безлюдной степи. Ехали спешно, без остановок. Отставал лишь один джигит на пегой кобыленке, перешедший от Жолмукана в десятку Нурыма. Пегая кобыленка — ленивая кляча, да и джигит на ней — недотепа. То пришпорит, пустит ее мелкой, неприглядной рысцой, догонит отряд, то снова ослабит поводья, а кляча плетется в раздумье, не зная, дальше ли ей рысить или уже довольно. Сегодня оглянулся как-то Нурым назад и изумился: на обочине дороги стояла пегая кобыла, лениво пощипывая траву, а джигит, опустив поводья, задумчиво уставился вдаль. «На этой кобылке, видать, всю жизнь пасли овец, а джигит, как и несчастный Кали, с самого детства, наверное, привык плестись за отарой»,— грустно подумал Нурым. Заметив, что ему машут, джигит заколотил пятками по тощим бокам кобыленки...

«Эх, бедняжка, из-за своей нерасторопности погибнешь,

как и Каримгали, в первом бою...» — вздохнул Нурым. Со вчерашнего дня на душе его была одна горечь. «Далеко забрались... Что нас ждет впереди, на чужбине, вдали от родных и друзей? Все вокруг незнакомо, да и поход какой-то неожиданный, опасный...» Но, увлеченный общим порывом, порою он забывал о сомнениях. Разговоры в пути, заботы о ночлеге отвлекали его от невеселых мыслей.

А таинственная рыжая степь манила солдат все дальше и дальше. Вместо затхлой, неуютной казармы — необозримый простор, над головой бездонное небо, а вокруг необъятная сказочная степь. То там, то здесь дремали холмы и тоже звали солдат куда-то.

Не испытав мытарств похода,
Не оседлав коня боевого,
Разве достигнет цели герой?!

Эти стихи Нурым впервые услышал от Игилмана, тот знал всего Махамбета наизусть. Нурым шептал эти строки про себя, и ему вдруг почудилось, что все дружинники — бесстрашные батыры, готовые не задумываясь ринуться на врага. Вот они мчатся, все как один отборные храбрецы, отчаянные смельчаки, не какие-то аульные растяпы в широкополых чапанах и нелепых шапках, а ловкие наездники и опытные рубаки. Не обратив врага в бегство, не повернут они своих коней. Вот они несутся стремя в стремя, оглашая степь победным кличем. Как вы дороги сердцу Нурыма, друзья!

Самый дорогой, самый близкий человек тоже сейчас с ним, в походе. В серой толпе она кажется дикой серной, отставшей от своей стайки. Вон сидит она, погруженная в сладкие думы. Одна среди хмурых, обожженных солнцем и стужей мужчин. Еще совсем юная, неопытная девушка-татарка решилась на трудный, изнурительный путь вместе с огрубевшими душой и телом воинами.

Но хмурые лица в серых шинелях не были чужими Мукараме. Будто озаренные светом девичьих глаз, все они слушались ее, как дети.

— Наша девушка-локтор,— с восхищением говорили джигиты, указывая на тарантас.

— Иди к девушке-локтору, она перевяжет тебе руку,— слышалось среди солдат.

Как тут не гордиться Нурыму! Полюбившаяся всем «девушка-локтор» — не только его хорошая знакомая, но и близкий, родной человек. Он готов все сделать ради нее и старается держаться со своей десяткой поближе к тарантасу. Уйдет отряд вперед — Нурым придерживает коня, ждет, пока догонит обоз. Если же обоз уходит вперед, десятка Нурыма

догоняет его. Весь обоз с продовольствием, боеприпасами, походной кухней, с девушкой плотно оцепили солдаты.

Впереди в бескрайней степи замаячил одинокий всадник.

— Верховой несется навстречу!..

— Смотри: солдат!

— Да ну! Обыкновенный путник!

Солдаты оживились, вытянули шеи, уставились вдаль.

Впереди возвышался небольшой холм, через который тянулась дорога. Всадник ходко спускался по западному склону холма. Вскоре стало ясно, что это военный: одежда удобно облегала его, посадка легкая, кавалерийская, за спиной моталась винтовка.

— Охотник скачет! — решили вслух некоторые.

Между тем всадник повернул коня прямо к ним и, показывая, что очень спешит, пускал коня то в намет, то крупной рысью.

— Нурым, бери одного из джигитов и скачи навстречу. Разузнай, военный ли? Если начнет расспрашивать, веди его ко мне,— приказал Жоламанов.

Хотя загадочный всадник выскочил откуда-то сбоку, сотник предполагал, что он из Уила. Через несколько минут отпали всякие сомнения: всадник был военным. На нем была шинель, на боку висела сабля, всем своим обликом он походил на офицера. Нурыму показалось, что он даже поднес руку к виску, отдавая честь. «Кто он такой? Не гонец ли главарей Уила? Или разведчик? Хочет разузнать наш путь?..»

Из сотни Орака, ушедшей далеко вперед, прискакал к Жоламанову джигит, чтобы узнать, что за всадник. Солдат из третьей сотни не успел доскакать, как Нурым привел путника к Жоламанову.

Всадник оказался хорошо сложенным, коренастым джигитом с холеными черными усами. Глядел он открыто, смело и, судя по всему, был не робкого десятка.

— Счастливого вам пути, граждане! — обратился он ко всем, а Жоламанову отдал честь.

Цепким взглядом оглядев обступивших его джигитов, он стал ждать, что скажет командир.

Жоламанов был близок к братьям Алибековым, во всем равнялся на них. Он с самого начала был против жестокой палочной дисциплины среди казахских джигитов. На выходки буяна Жолмукана он старался смотреть сквозь пальцы, за что руководители штаба разжаловали его в рядовые. Но в день «Большого бунта» Жоламанов решил смирных, чумазых казахских джигитов, за которых он всюду, где мог, заступался, повести в поход за свободу. Мамбет пользовался среди

солдат большим весом, но был излишне горяч, не раздумывая все ломал и рушил на своем пути. Жоламанов, напротив, был сдержан, рассудителен. Он решил расспросить всадника, а потом доложить Мамбету. «Не может быть, что это случайная встреча»,— подумал Жоламанов.

— И вам также, незнакомый путник, доброй дороги! Случайная встреча не развяжет языки, говорят старики. Однако все же позвольте полюбопытствовать: куда путь держите? — холодно спросил сотник.

Всадник пропустил его вопрос мимо ушей, спрыгнул с коня, закинул повод на луку седла, чуть освободил подпругу, похлопал коня по шее, расправил спутавшуюся гриву, потрепал челку. Темный мухортый конь сначала казался обыкновенным кавалерийским конем, но опытный глаз Жоламанова заметил, что конь — смесь с аргамаком — высокий, стройный, тонконогий, широкогрудый, хвост жидковат — все признаки южной породы. По крутому крупу, по потному тебеньку было видно, что конь хорошо ухожен, отлично тренирован, силен и вынослив. Всадник не торопился с ответом, занятый своим делом. Всем своим видом он как бы говорил: вот такой я человек, все у меня нормально, все в порядке, нет никаких причин для тревог и волнений, главное, чтоб сам был здоров и конь твой свеж. Успокоив разгоряченного коня, он еще раз оглядел удивленных его поведением джигитов и как будто только сейчас вспомнил о вопросе командира.

— Да будет легким ваш путь! Доброе слово — половина счастья, говорят. Вы мне тоже пожелали доброго пути, спасибо! — Всадник прямо взглянул на Жоламанова.— Путь мой кончился удачно. Встретившись с вами, я достиг того, чего хотел. Это вы...— незнакомец чуть замешкался, взглянул на знаки различия Жоламанова...— старшина, возглавляете отряд? Будьте добры, слезьте с коня, мне надо с вами поговорить.

Жоламанов сдвинул брови. Офицерские замашки незнакомца не понравились ему.

— Мне нечего скрывать от своих джигитов. У нас у всех, господин прапорщик, одни думы, одни желания, один путь. Нет у нас ни особого начальства, ни безголосых подчиненных,— резко сказал он.

— Нет, нет, что вы! — воскликнул прапорщик.— У меня нет никаких секретов, просто я хотел поговорить по личному делу с сотником. Вы же, кажется, сотник?

— Ну, скажем, сотник. А что?

Прапорщик улыбнулся:

— Человек в пути всегда осторожен и недоверчив. Это понятно и... справедливо. Особенно сейчас. Понимаю вас,

сотник, хорошо понимаю... Джигит в гневе все равно что буря: хочется ему все смести и разрушить на пути. Я и сам опасался было вначале, но теперь восхищаюсь спокойствием и сдержанностью ваших джигитов. Скажу прямо: ваш поход — поход смелых и отважных. Путь бесстрашных джигитов под вашим командованием можно определить только словами: дерзание, мужество, доблесть...

Этот крепкий, очень ладный, смуглый молодой офицер был не только смел, но и умел складно говорить. Только Жоламанову не понравились лишние высокопарные слова — доблесть, мужество, дерзание. Он еще больше нахмурился, но большинство джигитов слушали с раскрытыми ртами. Некоторые удивленно переглядывались, как бы говоря: «Ну и хорош джигит!»

Незнакомец продолжал свою речь:

— Я прапорщик, это вы и сами заметили по моим погонам. Прапорщик — не такой уж высокий чин, к тому же я его не выпрашивал. В недалеком шестнадцатом году, когда казахских сынов погнали на окопные работы, я оказался в числе первых; я немного говорю по-русски, в меру своих способностей служил,— видимо, все это учли, и хотя я был в тылу, мне дали воинское звание, нацепили погоны, сделали младшим офицером. Это, должно быть, смущает вас больше всего. «При царе выслужился, добился звания, а теперь стал офицером Западного валаята! Какое у него дело до нас?! » — так вы, наверное, думаете. Что ж, это вполне естественно. Однако, джигиты, с первого взгляда и медведь кажется самым страшным зверем, а приглядишься — ничего, тихое, безобидное животное. Все мы, казахи, мечтаем о свободе, стремимся к самостоятельности, вера наша — мусульманская. Не так ли, братья? Поэтому, если вы те самые герои, что вышли из Джамбейты, то я должен вам кое-что сообщить, предупредить вас по-дружески. Говорят ведь: яд принимать — так вместе с народом, мед лизать — так в одиночку...

Нурым взглянул на Жоламанова, как бы говоря: «Давайте послушаем!»

— То, что мы не с неба свалились, а вышли из Джамбейты, вам, господин, я думаю, вполне ясно! — все еще холодно заметил Жоламанов.

Сотник все больше настораживался. Как ни складно говорил прапорщик, восхищая окружавших его джигитов, Жоламанов, однако, не верил ему и не хотел особенно откровенничать. Чуть помедлив, он сказал:

— Что касается вашей похвалы, господин прапорщик, то для нас это не новость. Наслушались и хвалы и хулы! Нет у нас желания принимать яд, даже вместе с народом. Вы луч-

ше ответьте: кто вы такой? Где остались ваши друзья-приятели? Или вы один?

— Я один, сотник, но один из многих. Я как разведчик вышел вперед.

Толпа надвинулась, Жоламанов уставился на прапорщика, но тот будто не замечал, как насторожились вокруг.

— Если вы разговариваете, сидя на коне, то и я, пожалуй, сяду...— проговорил он и, закинув повод на седло, легко прыгнул на коня.

— Сколько вас? Куда путь держите? Или...— запнулся вдруг Жоламанов.

Все, затаив дыхание, вслушивались.

— Что он говорит?

— Много их?

— Целое войско, выходит...— заволновались джигиты.

— Слушайте, джигиты! — начал опять прапорщик, привстав на стременах и картинно откинув корпус.— Вы, вероятно, слышали, что в городе Уиле была открыта юнкерская школа для подготовки офицеров. Триста выпускников этой школы, триста джигитов-казахов три дня тому назад, так же как и вы, подняли восстание. Они тоже хотят быть верными мудрости казахов: пока жив, ищи свой край. Вместо того чтобы быть безвольной игрушкой, слепым оружием в руках ненавистных атаманов, лучше всем нам объединиться и позаботиться о себе и о своем народе. Поэтому надо примкнуть к казахам Актюбинска, Ак-Мечети и Казалы. Таким было наше решение. Мы прогнали из своих рядов казачьих офицеров, некоторых арестовали, наиболее ретивых прислужников обезоружили и тоже вышли в путь. Пока нас всего пятьдесят человек. Я — разведчик. Остальные едут в пятнадцати — двадцати верстах отсюда. Я не только разведчик, но и парламентер, мне поручено вести с вами переговоры. Как сказал сотник, вы не с неба свалились, а действительно дружинники из Джамбейты, верно?

— Верно, верно!

— Точно. Не ошибся...— облегченно загалдели дружинники.

— Не шумите! — приказал Жоламанов джигитам.— Ну, а дальше?

— А дальше... дальше я надеялся встретиться с вами. Отряд большой, думал я, не может быть, чтобы я его не заметил. Как видите, надежда моя оправдалась.

— Пятьдесят, говорите? А где же остальные юнкера? — спросил Жоламанов.

— Остальные в Уиле,— ответил прапорщик.

— А что они там делают, в Уиле?

— Ждут, пока мы вернемся с вестью о вас.
— А почему вас пятьдесят? Для переговоров хватило бы двух-трех?
Прапорщик ответил не сразу, улыбнулся:
— Вижу, вы опять засомневались. И опять скажу: это справедливо и естественно. Воин должен быть особенно бдительным и осторожным. Лишь все обдумав, тщательно взвесив, следует принять решение. Вы, собрат, мне очень нравитесь...
— Слушайте, прапорщик! Я, кажется, уже говорил, что мы наслушались и хвалы и хулы!
— Нет, нет, извините, это я говорю искренне то, что думаю.
— Ну, хорошо! — сказал Жоламанов и повернулся к Нурыму: — Поезжай вместе с господином прапорщиком и узнай, что там за офицеры. Посмотри, сколько их, пятьдесят или больше, меньше. Мы будем ждать вон в том ауле. Туда и возвращайся, до вечера должен успеть.
Нурым увлек Жоламанова в сторонку.
— Одному ехать? — спросил он.
— Езжай один. Посмотри, где они, сколько их. А потом привези сюда прапорщика, потолкуем вместе с Ораком и Мамбетом.
Нурым и прапорщик поскакали.
— Джигиты! — крикнул Жоламанов, обращаясь к столпившимся дружинникам.— Этот офицер приехал сюда с вестью, будто офицеры в Уиле решили примкнуть к нам. Многие из вас слышали это своими ушами, а те, кто не слышал, слушайте. Всего их будто бы пятьдесят человек. Чтобы выяснить все, я послал к ним певца Нурыма. Моя к вам просьба: соблюдайте порядок, на привалах и ночлегах далеко не расходитесь, в аулах, среди народа, не роняйте солдатской чести, будьте осторожны. Куда ехать завтра, объявим вечером, после решения комитета дружинников. О том, как нам быть с офицером, тоже поговорим вечером. Не волнуйтесь, не беспокойтесь! Без лишних разговоров, без паники продолжайте путь!
Отряд двинулся дальше.

2

По тому, как прапорщик держался среди дружинников, по волевой осанке и ладной речи Нурым сразу решил: «Видать, бывалый джигит и образованный, как наши Хаким и Ораз. И мой ровесник примерно». Прапорщик ему понравился, но

подозрительность Жоламанова перешла и к Нурыму. Почти всю дорогу джигиты молчали.

— Видать, похолодает... Чувствуете, какой колючий ветер,— начал было прапорщик, но Нурым сухо ответил:

— Что ж, время подошло.

— Жел токсан — месяц ветра, оправдывает свое название.

— Жел токсан — начало зимы, говорили казахи в старину.

— Старики, кажется, еще говорили: в эту пору сиди дома?

— Старики иногда наоборот говорят: глубокая осень — собирайся в путь...

Дальше погоды разговор не пошел. Даже из этих осторожных фраз Нурым понял, что его спутник — человек общительный.

Вскоре встретились с пятьюдесятью офицерами. Прапорщик радостно сообщил о встрече с дружинниками, однако командир офицерского отряда — серолицый, хмурый человек — выслушал его холодно.

— Выезд мой оказался удачным. Дружинники тоже, оказывается, искали встречи с нами. Господин старшина, если вы согласны, можно устроить общий привал и обо всем переговорить,— доложил прапорщик серолицему.

Лицо командира осталось непроницаемым. Он не обмолвился ни словом, лишь кивнул головой, как бы говоря: «Посмотрим».

Люди по два в ряд стояли позади командира, никто не вырывался вперед, все застыли, сохраняя равнение. Нурым незаметно для серолицего кинул взгляд вдоль стройного ряда офицеров. Всего было двадцать четыре пары, вместе с командиром и прапорщиком ровно пятьдесят всадников. Шинели у всех новые, с иголочки, и не серые, как у дружинников, а светло-голубые; совершенно новыми, блестящими были и погоны; у всех — сабли, на боку — наган, рядом с седлом висят маленькие японские винтовки. Нурым с восхищением смотрел на подтянутый, внушительный отряд.

Прапорщик слез с коня, подтянул подпругу, снова поднялся в седло и сказал командиру:

— Я поеду, старшина, выбрать место привала.

Командир и на этот раз лишь кивнул головой.

«Что за порядки у них? Или они что-то скрывают? — удивился Нурым.— А командир-то? Первый раз такого вижу...» Говорить Нурыму было не о чем, отряд он увидел, пересчитал, однако молчком уехать было неловко. Командир с ним даже не поздоровался. Хмурые, молчаливые офицеры, особенно сурового вида командир удивляли Нурыма.

Чтобы успеть до сумерек догнать ушедших вперед дружинников и добраться до привала, Нурым и прапорщик пу-

стили коней крупной рысью. Лишь пройдя несколько верст, всадники поехали шагом.

— Ты откуда родом, джигит? — снова первым заговорил прапорщик.

Вместо ответа Нурым спросил:

— Этот серолицый главный у вас?

— Он — командир военной части в Уиле, войсковой старшина Азмуратов. Умный, знает военное дело. А молчит от усталости. Долгий путь изматывает любого.

— Неужели и начальники против Жаханши? — спросил Нурым.

— Он — казах,— быстро ответил прапорщик.— Разве может настоящий казах покинуть молодых джигитов в трудный час?

Нурым промолчал. «Ведь Жаханша — тоже казах. Но ведь он не на стороне дружинников. Тот же султан Арун, те же толстопузые судьи, разве они не враги дружинников? А ведь все — казахи. И для защиты Уральска готовы отправить под пули всех нас». Но Нурым счел неприличным возразить спутнику. Немного помолчав, он сказал:

— Вы спросили, откуда я родом. Из Анхаты.

— Со мной в Уральском реальном училище учился один джигит из Анхаты, Хаким Жунусов. Не знаете его?

Нурым невольно натянул поводья, удивленно глянул на прапорщика. Но офицер неожиданно сконфузился, заерзал в седле. Вначале прапорщик говорил, что в шестнадцатом году его забрали на окопные работы и за безупречную службу присвоили звание младшего офицера, а теперь выпалил, что учился вместе с Хакимом. Но обо всем этом Нурым даже и не подумал.

— Если вы учились с Хакимом, то должны знать и его родных! — сказал Нурым и улыбнулся, протягивая офицеру руку.

— Он знает по рассказам о моей семье. Я — о его. Помню, что у Хакима был старший брат.

— Я и есть старший брат Хакима.

Только теперь догадался прапорщик, почему Нурым протянул руку.

— Значит, вы старший брат Хакима, певец, да?

— Тот самый. Нурым Жунусов.

— Да, да, Нурым, вспомнил, что ж, познакомимся...

Офицер, подъехав вплотную к Нурыму, энергично пожал ему руку. Потом оба улыбнулись, провели ладонями по лицам.

— Меня зовут Сальмен. Весной мы расстались с Хакимом, с тех пор я ничего о нем не знаю. Ну и ну! Кто бы мог по-

думать, что здесь, в степи, я встречу вдруг родного брата Хакима?! Вот уж действительно: гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется.

Нурым обрадовался: наконец нашел человека, с которым можно поговорить по душам.

— Вы на сколько старше Хакима?

— На три года.

— О, тогда мы с вами одногодки. А где сейчас Хаким? У него была возлюбленная в Уральске, татарка. Очень красивая девушка, Мукарама... Достойная пара.

Нурым не верил своим ушам.

— Хаким за Яиком,— только и смог ответить Нурым.

— Тогда он не хотел оставаться в Уральске. Где-то в земстве работал какой-то его родственник. Хаким говорил, что поступит к нему на службу.

— Мне кажется, он с теми смельчаками, которые против атаманов... Он, наверное, у кердеринцев...

Нурым гордо приосанился, ударил коня камчой, крикнул:

— Ну, понеслись!

Прапорщик пришпорил коня, помчался вслед за Нурымом. Породистая кобыла под ним летела легко, красиво и скоро обогнала мухортого скакуна Нурыма.

— Ну и кобылица у вас! — похвалил Нурым.— Ветер! В скачках участвовали?

— Первый раз на ней, еще плохо знаю повадки. Но рысь легкая,— ответил Сальмен.

Помолчав, Нурым сказал:

— Девушка Хакима едет с нами в обозе.

— Что ты говоришь! — воскликнул Сальмен.— А впрочем, ничего удивительного! Нынешняя весна, точно могучий разлив, все перевернула. Но как Мукарама у вас очутилась?

Нурым рассказал, что с весны она работает в Джамбейтинской больнице, а потом сама попросилась в отряд дружинников и сейчас стала «доктором».

Жоламанов не поверил прапорщику, а Нурым раскрыл ему свою душу, ничуть не сомневаясь в дружеских намерениях нового знакомого. Выросший среди песен, веселья, беззаботных вечеринок, добродушный и доверчивый, Нурым не мог относиться к человеку с холодным подозрением.

— Юная красавица едет навстречу своему счастью. Она на крыльях летит к Хакиму. «Путь суров, Мукарама, ты бы лучше осталась»,— говорил я, а она стояла на своем. «Какая же я, говорит, медицинская сестра, если не смогу перевя-

зывать раны воинам, помогать им в беде!» Чистая, невинная, как ангел...— рассказывал Нурым.

Сальмен помрачнел. Нурым ни за что бы не поверил в эту минуту, что где-то рядом их поджидает черная беда. Нет, в своем новом знакомом он не ошибся. Беда подкралась к Нурыму и его товарищам с другой стороны...

3

Когда отряд приблизился к темневшему впереди аулу, солнце уже заходило. У самого горизонта небо будто прорвалось, и показалась узкая, как трещина, алеющая полоска. С запада подул студеный ветер. Степь лишилась своей красоты, зябко съежилась; люди и кони стали сразу странно маленькими. Точно эбелек — перекати-поле,— гонимый ветром к затишью, продрогшие дружинники поспешили скорее в овраг, хоронясь от жгучего дыхания осени.

Когда вернулся Нурым, сотня Орака уже успела устроиться на ночлег. Дружинники заняли половину небольшого аула, расположившегося вдоль оврага. Но, узнав, что сюда едут пятьдесят юнкеров, Орак перевел свою сотню в дальний конец. Юнкерам оставили пять-шесть домишек у самого входа в аул. Крайним стоял большой опрятный дом, сюда и направились командиры вместе с женщинами — сестрой милосердия и поваром. Дом принадлежал зажиточному шаруа. Во дворе бродил скот, из трубы валил дым, но дверь долго не открывали, как будто зимовье было заброшено.

— Кто-нибудь есть? Откройте! Наши женщины замерзли! — прокричал Орак, заглядывая в окно.

Убедившись, что стучит казах, в доме засуетились. Испуганно взвизгнул ребенок.

— Откройте, не бойтесь, мы мирные путники,— подала голос Мукарама.

В доме была одна молодая женщина с маленькой дочерью. Муж и свекор ее уехали за сеном. Заметив солдат издали, она даже не успела загнать овец, не закрыла ворот, испуганно метнулась в дом, наглухо заперла дверь, а окна быстро занавесила половиками, скатертью и жайнамазом — молитвенным ковриком. Девочка стояла рядом, держась за материн подол; увидев незнакомых людей, она завопила во весь голос.

— Иди сюда, не плачь. Не трону я тебя,— начал было утешать Орак, но тут Мукарама подхватила девочку и быстро прошла в комнату. Ребенок мигом успокоился и начал улыбаться.

Однако хозяйка смотрела на Мукараму недоверчиво. «Наверно, русская, знает по-казахски, а может быть, ногайка»,— думала она.

Продрогшая Мукарама кинулась к печке. В большом казане что-то булькало, а под казаном с треском горел крупный, сухой камыш. При вспышках по стенам плясали причудливые тени. Давно уже зашло солнце, над аулом повис мрак, но лампу еще не зажгли. Пока горела печка, в доме обходились без лампы и тем самым сберегали керосин. Женщина-повар тоже подсела к печке рядом с Мукарамой и, поеживаясь, держала руки перед огнем.

— Так, бывало, накалялся камин нашего дома в Уральске,— сказала Мукарама.

Молодая хозяйка с удивлением посмотрела на нее.

— Я мусульманка, женге, не бойтесь,— сказала Мукарама, чтобы успокоить молодуху.

Женщина посмотрела на свою дочку, такую же черноглазую, как и сама.

— Тетя по-нашему говорит, Зауреш,— сказала она девочке, вертевшейся вокруг Мукарамы.

Зауреш взобралась гостье на колени, потянулась ручонками к ее белой шапке. Мукарама сняла шапку, надела ее на голову девочке и начала с ней играть, будто старая знакомая. Молодуха зажгла лампу-пятилинейку без пузыря, поставила на край печурки. В доме стало сразу светлей, и уютней, и теплей.

В полумраке за длинной печью гости не сразу заметили вторую комнату. Хозяйка, взяв лампу, прошла туда.

— Проходите, пожалуйста,— сказала она красивой гостье, взглянув при этом на Орака и Нурыма.

В гостиной было чисто, пол деревянный, на нем расстелена кошма, поверх кошмы — мягкие коврики. На почетном месте для гостей были разложены одеяла, тут же лежало несколько пуховых подушек.

— Нам было бы удобней возле печки,— сказала Мукарама, указывая на переднюю.

Если немного отодвинуть ведра, чашки, горшки, седла, хомут, уздечки, вожжи, разбросанные вокруг, возле печки могли бы спать и Мукарама, и повариха, и хозяйка дома со своей дочерью. Ее поддержали джигиты, согласившись ночевать в гостиной.

— Как насчет ужина? — спросил Жоламанов, пришедший позже всех.

В самовар налили воды, разожгли его. В казан спустили мясо, в огонь подкинули кизяку. В прихожей стало совсем жарко, как в бане.

— Ночью, джигиты, по очереди дневалить! — распорядился Жоламанов.

За ужином Жоламанов заговорил с Ораком:

— Нам нужно сначала решить — доверять юнкерам или нет.

Орак покачал головой:

— Я думаю, лучше разделить пятьдесят человек по трем сотням, и пойдем дальше, к Темиру. По пути и приглядимся.

— А если они не согласятся?

— Зачем они тогда искали нас?

— Я уже послал нарочного к Мамбету и Батырбеку. Попросил их по возможности приехать сюда ночью или в крайнем случае — к утру. Они где-то недалеко, видимо остановились у Калдыгайты. Отсюда верст двадцать.

После ужина Жоламанов обошел дозорных. Потом, не раздеваясь, лег, а в полночь снова вышел на улицу и долго вслушивался в ночные шорохи.

Первая ночь прошла спокойно.

4

Сальмен проснулся от испуга. Он говорил во сне, но о чем — забыл. Юноша-джигит, спавший рядом, уже надел шаровары и, кряхтя, натягивал сапоги.

— Я что-то говорил во сне? — спросил Сальмен.

— Вы много говорили, Сальмен-ага. Кого-то очень звали на митинг. А сейчас сказали: «Хаким, давай и мы сходим туда!»

Сальмен снова закрыл глаза, но уснуть не смог. Он вспомнил заботы долгого похода, волнения вчерашнего дня, события в Уральске. Перед глазами пролетели беспокойные дни весны, беспорядочные выстрелы, бешеный топот коней, на широких улицах конные казаки в черных папахах... Даже открыв глаза, он не сразу отвлекся от нахлынувших видений.

«Хаким, давай и мы сходим!» Где я говорил так? Ах да, в Уральске, в тот день, когда большевики открыли съезд и приходил маленький чернявый джигит... гимназист, приятель Хакима. А вспомнилось, наверное, оттого, что встретил вчера его брата».

Он начал яростно тереть лоб, стараясь избавиться от тяжелых воспоминаний.

«Здесь Нурым, певец, здесь красавица Мукарама. Джигиты, добродушные сыны степей, молодые казахи, смелые повстанцы. Неужели они все обречены? Неужели их ждет хо-

лодная земля? За что? За какую вину? За то, что они хотят свободы?..»

— Буди джигитов! — приказал он юноше.

Каждое утро он говорил так, поднимая молодых офицеров.

— Джигиты уже одеваются, Сальмен-ага. Какой будет приказ насчет завтрака?

Юноша не был ни слугой, ни адъютантом Сальмена, но в походе незаметно прислуживал ему, на стоянках ухаживал за его конем, перед дорогой седлал. Когда Азмуратов отправил Сальмена в разведку, юноша хотел поехать вместе, но старшина не разрешил. Здесь, в овраге Ащисай, он устроился рядом с Сальменом. Ни Сальмен, ни юноша не были опытными вояками. Один из них после Уральского реального училища, побывав летом в родном ауле, устроился писарем-интендантом в юнкерской школе Уила. Человек способный, предприимчивый, он вскоре получил чин младшего офицера. А юноша, которому едва исполнилось семнадцать, окончил четырехгодичную русско-казахскую школу в Кзыл-Куге и только что поступил в кадетский корпус. Звали его Жанкожа.

Жанкожа терпеливо ждал распоряжений Сальмена, но тот лишь махнул рукой и вышел на улицу. Юноша не догадывался, что офицера что-то тревожит. Через минуту Жанкожа тоже выскочил на улицу, огляделся вокруг. Сальмена не было. Навстречу юноше показался какой-то незнакомый офицер с обвязанной головой и сердито приказал:

— Позови Аманбаева, живо! Командир требует.

Жанкожа знал, что офицер с обвязанной головой прискакал из Уила с секретным донесением.

— Сальмен-ага только что вышел, а куда — не знаю,— невнятно проговорил Жанкожа.

— Хоть под землей разыщи его! — гаркнул офицер.

Жанкожа, не смея возразить, быстро обошел все четыре дома, где остановился отряд, но Сальмена нигде не было. Жанкожа, робея, отправился к Азмуратову. «Сердитый офицер теперь обругает и Сальмен-агу...» Но в доме оказался один Азмуратов, он стоял у окна и пил из стакана чай.

Жанкожа вытянулся в струнку, поднес правую руку к виску.

— Старший командир чрезвычайного отряда, господин войсковой старшина! Прапорщика Аманбаева нет на квартире, не оказалось его и в домах, отведенных для юнкеров. Жду ваших приказаний,— доложил он.

Азмуратов поставил стакан на подоконник, оглядел молодого юнкера и совсем некстати спросил:

— Ты по собственному желанию пошел с нами или тебя увлекла всеобщая суматоха?

— Так точно: по собственному желанию, господин войсковой старшина! — выпалил Жанкожа.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, господин войсковой старшина!

Старшине стало жаль, что безусый малый ни за что погибнет в предстоящей схватке (а что будет дикая рубка, Азмуратов не сомневался). Он долго испытующе глядел на Жанкожу и сказал решительно:

— С этой минуты будешь моим вестовым. Все, что видишь, о чем услышишь,— немедленно докладывай мне.

— Есть, господин войсковой старшина, докладывать, о чем услышу! — звякнув шпорами, отчеканил Жанкожа.

А тот офицер, что приказал найти прапорщика хоть под землей, сам отправился на поиски Сальмена. Он сделал себе перевязку заново, и теперь бинты скрывали пол-лица. Низко опустив на лоб мохнатую, из хорошо отделанной шкурки шапку, он углем подвел круги под глазами, приподнял воротник и стал совершенно неузнаваемым. Он прошел мимо домов, где остановились юнкера, и направился к зимовью, где вчера расположились дружинники.

Тяжелые тучи плотно обложили небо. Было хмуро и зябко; казалось, вот-вот посыплется снежная крупа. Но в маленьком ауле вдоль оврага было оживленно: в затишье приземистых, неказистых домиков, возле загонов и скирд сена толпились кони. И дети, и озабоченные хозяева, и дружинники, лишенные покоя, невольно жались к домам, к теплу.

Из низеньких, скособоченных труб лениво тянулся к студеному небу жиденький кизячный дымок.

С первого взгляда казалось, что на зимовье остались лишь кони, но вскоре офицер заметил, что за углами домов и сараев то здесь, то там притаились дружинники. Навстречу офицеру вышел рослый, смуглый джигит.

— Кого вам нужно? — спросил он.

— Вы не видели, случайно, нашего прапорщика? — спросил офицер, глядя из-под повязки, точно фазан из-за колючего тростника.

— Тот самый, что был вчера у нас? — уточнил джигит.— Он недавно прошел вон к тому дому с двумя трубами. Там остановился наш сотник.

Не сказав больше ни слова, офицер зашагал к указанному дому. Он спешил.

За домом тянулась невысокая изгородь. За изгородью виднелась овчарня без крыши, стенки ее были сплетены из круп-

ного тала; одной стороной она примыкала к зимовью. В просторном дворе, позванивая удилами, стояли кони.

Офицер хотел зайти во двор, но вдруг как вкопанный остановился: он услышал негромкий говор за углом дома. «Что делать, если кто-нибудь из этих мерзавцев узнает меня?» — подумал офицер. Опытного сыщика сдерживало чувство осторожности, а с другой стороны, подталкивало любопытство: «Иди! Узнай, о чем говорят!»

Офицер этот был Айтгали Аблаев.

Разгадав и внутренне одобрив коварный план Азмуратова, этот верный слуга полковника Аруна не жалел сил для его осуществления. «Ни один дружинник не должен знать, что я среди юнкеров. Если провалится план Азмуратова, он во всем обвинит меня»,— рассуждал Аблаев. Еще в Уиле, перед тем как отправиться в дорогу, он обвязал себе голову. На то была причина: когда дружинники свалили его, чтобы связать, Аблаев ударился лбом и содрал кожу.

Аблаев наконец решился, подошел к двери, но услышал за ней чьи-то быстрые шаги. Он резво отпрянул, завернул за угол и пошел невозмутимой походкой, будто случайный прохожий. Тот, кто вышел из дома, пошел в обратную сторону; по быстрым, легким шагам офицер догадался, что вышла женщина. Аблаев незаметно оглянулся и безошибочно узнал ее: стройный, высокий стан, свободная, горделивая походка, обута в красные сафьяновые сапожки... Аблаев остолбенел, видя, как Мукарама стремительно шла кому-то навстречу.

— Сальмен!.. Жунусов! — донесся ее голос.— Почему вы не сказали?..

Аблаев выглянул из-за угла и увидел, как девушка горячо обняла Сальмена.

— Значит, к Хакиму едешь в Уральск?! Молодчина! — воскликнул Сальмен, одобрительно погладив плечо девушки.

— Теперь вместе поедем. Мне Жунусов сказал о вас,— проговорила Мукарама, глядя на стоящего рядом Нурыма.

— Иди в дом, замерзнешь, Мукарама. Я скоро вернусь. Поговорить есть о чем, только не здесь.

Аблаев по задворкам побежал к Азмуратову. «Предатель!» — шипел Аблаев, задыхаясь от ярости.

Сальмен не догадывался, что кто-то следит за ним, но беспокоился, что Азмуратов станет искать его.

Едва Мукарама отошла, Сальмен сказал Нурыму:

— Мне надо поговорить с вашими руководителями. Где они остановились?

Нурым показал дом, где остановился Жоламанов. Сальмен кивнул и, бросив: «Я скоро приду», неторопливой походкой пошел на свою квартиру. «Нет, не для того мы учи-

лись, чтобы убивать добродушных детей степи. Наоборот, мы должны бороться за их будущее. Почему я не подумал об этом раньше? По глупости отправился в этот поход. Дай бог в будущем стать умнее...» — думал он.

На квартире Сальмен умылся, причесался, и тут к нему прибежал встревоженный Жанкожа.

— Сальмен-ага, вас ждет войсковой старшина,— доложил он упавшим голосом.

Удивленный унылым настроением юноши, Сальмен внимательно взглянул на него, но расспрашивать ни о чем не стал.

— Сейчас, Жанкожа, пойду. А ты пока приготовь чаек, приду — попьем с удовольствием.

— Меня он назначил своим вестовым...

— Кто?..

— Господин Азмуратов.

— И это тебя печалит, Жанкожа? Ничего, наоборот, для тебя только лучше.

— Нет, Сальмен-ага, другое меня печалит...

— Ну, ладно, ладно, после поговорим,— бросил на ходу Сальмен и пошел к командиру в соседний дом.

Азмуратов пристально оглядел Сальмена. За спиной командира стоял Аблаев.

— Вас что-то не было... Или вы ведете переговоры с босяками-дружинниками?

— Нет,— коротко ответил Сальмен. Презрительный тон командира задел его, и он продолжал: — С босяками-дружинниками я вел беседу вчера, а теперь, думаю, ваш черед с ними разговаривать.

Азмуратов уловил усмешку в ответе прапорщика. Аблаева передернуло.

— Ладно, ступайте,— сдержанно проговорил Азмуратов.

Едва Сальмен вышел, как Аблаев взорвался:

— Сразу видно — врет! Мерзавец, успел все выложить им! «Значит, к Хакиму едешь? В Уральск?! Молодчина!» — говорит. А та, подлюка, отвечает: «Вместе, вместе теперь едем!» Эта сучка — невеста Жунусова, агента большевиков. А рядом с ней — брат Жунусова. Своими песнями он сеял смуту среди дружинников. С ними заодно еще и Мамбет, известный головорез. Это он, разнузданный негодяй, набросился на Кириллова, ворвался в дом султана Аруна и орал там. Это он сманил голодранцев на сторону большевиков. А ваш прапорщик снюхался с подонками и пакостит вам как только может. Насчет предательства они собаку съели, подлость — их любимый прием. Эта банда связана и с теми партизанами, которые под Богдановкой отбили обоз с оружием. Теперь

они спешат в Уральск, к Айтиеву. Вот их планы!.. Собачье отродье! — Аблаев сплюнул от злости.

— Жанкожа, позови Аманбаева! — приказал Азмуратов.

— Зовите его или не зовите, господин командир, а намерения его уже известны,— прохрипел Аблаев и кивком головы указал на шагнувшего к двери юношу, как бы говоря: «С этим тоже будь осторожней».

— Ладно, подожди звать! — отменил свой приказ командир.

Ему понравилось, что Аблаев не доверял и молодому юнкеру. Помолчав, командир сказал Аблаеву:

— Последите, чтобы никуда не уходил.

Аблаев с готовностью кивнул. Он уже обдумал, как будет сторожить Сальмена на квартире.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Жоламанов и Орак почтительно вскочили, когда огромный Мамбет ворвался в дом. Среди сотников Мамбет был старшим и по возрасту и по чину, в свое время ворочал всеми интендантскими делами Джамбейтинской дружины.

— Ну, где твой Кара-Таяк? [1] — спросил Мамбет Жоламанова, едва переступив порог.

Кара-Таяком он называл офицера из Уила, но Нурым не сразу сообразил и с улыбкой глянул на Жоламанова, как бы спрашивая: «А это еще кто такой?»

— Кара-Таяк сейчас на квартире, в доме возле речушки,— доложил сотник.— Мы с Батырбеком ждем вас, чтобы обсудить это дело.

Нурым залюбовался Мамбетом: «Ну и наградил тебя аллах силой! Мышцы так и распирают одежду. А говорит-то как?! Словно колотушкой бьет... Сердце у него, наверно, львиное, не знает страха...»

— Зови! — зычно сказал Мамбет.

Жоламанов отправил двух джигитов за старшиной юнкеров.

— Будьте повежливей. Они сейчас вроде наши гости,— предупредил сотник джигитов.

Жоламанов стал делиться с Мамбетом своими соображениями:

— Офицер у них образованный, такой же высокородный

[1] Кара-Таяк — дословно: «черная палка», презрительное прозвище ученых чиновников.

чистоплюй, как братья Досмухамбетовы и Арун-тюре. Вопят о свободе, о равенстве, а сами презирают простых казахов. Я не верю, что они поднялись против валаята и хотят присоединиться к нам!

— Ты разве не из таких? Тоже офицер, но пришло время — ты отделился от своего косяка, от Кириллова к нам пришел. Разве не так? — спросил Мамбет, в упор глядя на Жоламанова.

Такого оборота Жоламанов не ожидал.

— Это совсем другое дело, Маке. Я — не «белая кость», а такой же, как и вы, и по образованию, и по натуре. Тут и говорить нечего...— запнулся Жоламанов, обидевшись.

— Значит, обмануть нас хотят? Зачем? Что им надо, как по-твоему? — резко спросил Мамбет.

— Настоящий враг изворотлив, хитер...

— Ни черта они нам не сделают! — отрезал Мамбет.

Он шагнул к окну, стал смотреть на улицу. Батырбек и Орак молчали, но подозрение Жоламанова смутило их, оба нахмурились.

Совершенно разными по характеру были эти пятеро джигитов, выросшие в различных уголках на первый взгляд однообразной степи.

Мало-мальски осознав себя, уже двадцать лет Мамбет шел наперекор всему, не оглядывался по сторонам. Всем своим видом он сейчас говорил: «Всколыхнул я всю орду, усмирю строптивых! Вот и чванливое офицерье потянулось ко мне!»

Жоламанов, не обладая решительностью Мамбета и находчивостью Орака, порою стеснительный, мнительный, сейчас мечтал об одном: скорее добраться до Галиаскара, до большевиков. Жоламанов стал сотником у повстанцев по совету своего родственника Галиаскара. Когда Джамбейтинский валаят принял решение оказать помощь казахам, захватившим Уральск, большевик Алибеков прислал к Жоламанову человека с наказом — поднять дружинников на восстание. Восстание вспыхнуло само по себе, но довести начатое дело до конца стало теперь главной заботой Жоламанова. Сейчас он не верил ни одному офицеру и был убежден, что Уильский кадетский корпус коварно хитрит. Он весьма сухо обошелся с прапорщиком и нетерпеливо ждал Батырбека и Мамбета. А теперь вот долгожданный Мамбет рубит сплеча: «Разве ты не из таких же?!» Что ему скажешь? Объяснить, что я сочувствую большевикам? Разве и так не видно, кто кому сочувствует?!»

— Прапорщик — хороший друг нашего Хакима,— подал голос Нурым.— Зовут его Сальмен. Сейчас он придет сюда, с ним можно обо всем потолковать.

— Сальмен, говоришь?! Сальмен Аманбаев, который в Теке учился?! — встрепенулся Батырбек.

— Да, Сальмен Аманбаев. Вместе с Хакимом учился.

— Так я его хорошо знаю!..

— В его искренности нельзя сомневаться,— ревниво сказал Нурым.

— Ойбой-ау, это превосходный джигит. Друг наш! — радостно поддержал его Батырбек.

2

Большую комнату, в которой могли бы свободно разместиться за дастарханом тридцать — сорок аульчан, сейчас заполнили люди в военной форме и при оружии. Одни выходили, другие заходили. До прихода Азмуратова Мамбет перекинулся несколькими словами со своими товарищами и разлегся на коврике, подложив под руку подушку. Могучая его фигура заняла весь простенок между окнами. В правом углу, ближе к печке, сидел на корточках Батырбек; как только улегся Мамбет, он тоже сел, скрестив ноги. Орак о чем-то рассказывал Нурыму. Жоламанов задумчиво прислонился к стене возле двери.

В доме имелись две двери, обе выходили в небольшие сенцы. Незнакомый быт казахского аула, встреча со старым знакомым Сальменом привели Мукараму в восторг. С утра она обошла несколько домов, узнавая, нет ли больных среди дружинников. Девушке хотелось поговорить с Сальменом, но она не знала, где он остановился.

— Певец-ага,— позвала она Нурыма, входя в дом. Щеки ее пылали румянцем от холода и возбуждения.— Что-то нет Сальмена. Обещал, а не идет. Проводите меня к нему, хочу узнать уральские новости.

Нурым встал, приподнял голову и Мамбет.

— Сальмен должен прийти, мы его тоже ждем,— ответил Нурым с улыбкой.

Мамбет недовольно сдвинул брови. Девушка ему не понравилась. «Прошлый раз в городе вклинилась в разговор дочь Аруна-тюре, здесь околачивается среди нас какая-то татарка. Неужели без этой красавицы не решатся мужские дела?» — раздраженно подумал он.

— Брат Нурыма, оказывается, жених нашей девушки-доктора,— объяснил Орак.— Вполне возможно, вам, Маке, еще придется стать главным сватом.

— Брат — ученый джигит? — пробасил Мамбет.

— Образованный.

Открылась дверь, и вошел Азмуратов. Все уставились на него. Был он среднего роста, строен, худощав, серолиц, нос небольшой, крючковатый, глаза глядят в упор, по виду за тридцать, в новой совершенно шинели, с блестящими золотом погонами. Вслед за ним вошел юный джигит и остановился у порога. Минуты две стояла настороженная тишина.

Азмуратов обвел острыми глазами сидящих командиров, недоуменно скользнул по фигуре девушки. Он не поздоровался.

— Проходите,— сказал Орак, кивком указывая на передний угол.

— Мне и здесь неплохо,— кичливо ответил Азмуратов.

Воцарилась неловкая тишина.

— Садись! — грубо бросил Мамбет.

— Я пришел не сидеть, а говорить с начальником дружинников. Кто из вас командир? — невозмутимо спросил офицер.

— Я,— стараясь смягчить голос, отозвался Мамбет.

Азмуратов недоверчиво посмотрел на огромного человека, разлегшегося на ковре, заметил его изуродованное ухо. «Как отметина у верблюда»,— подумал офицер и неожиданно спросил по-русски:

— Какое училище вы окончили? Ваше звание?

— Окончил Мергеновский кадетский корпус с отличием. Офицер действующей дружины,— ответил Мамбет тоже по-русски.

— Такого кадетского корпуса не было.

— Я его сам создал. И сам закрыл.

Орак не удержался, хмыкнул. По вызывающему тону Мамбета Азмуратов понял, что говорить с ним будет трудно.

— Я об этом спросил потому, что в военное время за жизнь солдата отвечает командир. Знания и способности командира решают исход боя. Мне хотелось бы знать о маршруте вашего похода и о ваших целях.

Мамбет ответил прямо:

— Я не умею красиво говорить. Весь твой отряд пойдет с моей сотней, а ты останешься с моими джигитами. Сколько вас человек?

— Чтобы объединиться с вашей сотней, мне нужно знать о ваших целях.

— Ты мне скажи короче: хотят офицеры Уила объединиться с нами или не хотят?

— Офицеры Уила примкнут к вам или, наоборот, вы примкнете к нам — это должна решить степень боеспособности каждого отряда. Но вы не ответили на мой вопрос: какая

у вас цель? Какой маршрут? Мне, как командиру отряда, это необходимо знать.

— Как ты сказал? — недобро переспросил Мамбет, приподнимаясь.

— Какова ваша конечная цель? — повторил Азмуратов.

Батырбек опасался, что вот-вот вспыхнет скандал, поэтому, выждав момент, он заговорил:

— Маке, насколько я понимаю, офицер Азмуратов хочет сказать, что оба отряда состоят из казахов, жаждущих свободы. Но какой путь окажется наиболее верным — вот о чем надо поговорить...

Мамбет оборвал Батырбека:

— Ты, парень, не вмешивайся... Я хорошо понял, что хочет сказать господин офицер. Он, мол, офицер, а мы должны перейти под его командование, он будет нас обучать. Вот что хочет сказать офицер!

— Правильно говорите,— согласился Азмуратов.— Вы только вчера взяли оружие в руки, а мои офицеры знают военное дело, должны основательно обучить ваших солдат. Для этого нам следует всем вместе отправиться в Уил, где есть условия для военных учений...

Мамбет вскочил.

— Я хочу привести джигитов туда, где казахи поднимут знамя свободы. Я не желаю отправлять их в Уил, с поклоном к Кириллову! Поэтому, господин Азмуратов, ты распределишь людей по моим сотням и сам поедешь с нами. Не желаешь — скажи прямо!

Азмуратов понял, что этого упрямца не удастся склонить на свою сторону и лучше прибегнуть к последней уловке:

— Ладно, я разделю офицеров по твоим сотням. Но для этого мне нужен недельный срок.

— Да одного часа хватит! — одновременно воскликнули Мамбет и Батырбек.

— Самое меньшее—неделя,— твердо сказал Азмуратов.— Здесь всего лишь пятьдесят юнкеров, остальные двести пятьдесят в Уиле. Два дня на дорогу туда, денька два-три на сборы, два дня на обратный путь. Значит, самое меньшее — неделя, а то и целых десять дней.

Орак и Жоламанов глянули на Мамбета.

— Маке, мы тогда сами...— начал было Батырбек, но Мамбет не дал ему договорить.

— Даем неделю! Чтоб через неделю были здесь. Без всяких опозданий и оправданий.

— Я сам приведу офицеров и постараюсь за неделю успеть,— пообещал Азмуратов.

— Встретимся здесь или в тридцати пяти верстах отсюда, в Шынгырлау. Там стоит полк Айтиева.

— Нет, лучше дождитесь здесь. Сначала объединимся, хорошенько подготовимся к дальней дороге. Военный поход — это не перегон скота на базар. Неделя не такой уж большой срок, вы пока отдыхайте.

Лицо Азмуратова смягчилось. Внимательно наблюдавший за ним Жоламанов заметил, как на бескровном лице офицера проскользнуло подобие улыбки.

— Ладно! — решил Мамбет.— Место встречи — здесь!

Азмуратов чуть заметно наклонил голову, неопределенно сказал:

— До встречи! — и повернулся к двери.

Мукарама молча слушала разговор командиров. Резкие слова, властный тон, еле сдерживаемая бесшабашность Мамбета привлекали девушку больше, чем кичливость и высокомерие офицера, но тем не менее она обратилась к Азмуратову:

— Господин офицер, не могли бы вы прислать сюда Сальмена Аманбаева?

Тот круто повернулся к девушке, поклонился и, не задумываясь, ответил:

— Время не позволяет, красавица, извините. Аманбаев сию же минуту отправится со мной в Уил. Как только вернемся, я отдам его в полное ваше распоряжение.

— Тогда я сама зайду к нему. Вы, конечно, разрешите? — улыбнулась Мукарама.

— Личные разговоры во время похода не к лицу ни офицеру, ни военному врачу. А вы, как я догадался, врач,— сухо ответил Азмуратов, звякнул шпорами, еще раз поклонился и вышел.

Мукарама растерянно замолчала.

Единолично приняв решение, Мамбет хмуро оглядел товарищей, мрачно помолчал, потом прогудел:

— Я поеду в Шынгырлау. А вы дождитесь офицеров из Уила. Пока они притащатся, и я вернусь. Чем здесь валяться неделю, я попытаюсь разузнать, где сейчас Айтиев и Галиаскар. Может быть, даже встречусь с ними.

Мамбет решительно поднялся.

Жоламанов укоризненно покачал головой, но Мамбету ничего не сказал, зная, что любые разговоры теперь бесполезны.

3

Мамбет разозлил Азмуратова. «Или моей, или твоей голове быть притороченной к седлу! А тут еще Аманбаев ока-

зался предателем»,— негодовал офицер. Придя на квартиру, он тут же приказал своему новому вестовому Жанкоже:

— Зови Аманбаева! И сам готовься в путь.

Жанкожа услужливо побежал. Загадочность военных походов всегда волновала юношу.

— Сальмен-ага, вас зовет старшина Азмуратов, срочно!— доложил он. Заметив, что прапорщик чем-то подавлен, юноша решил порадовать его новостью: — Сальмен-ага, мы объединяемся с дружинниками.

Жанкожа сиял, но те, кто сидел в комнате, по-разному восприняли эту весть. Таинственный офицер с повязанной головой сверлящим взглядом уставился на Жанкожу, а на лице Сальмена выразилось удивление. Оба, не сказав ни слова, встали и пошли к выходу.

— Сальмен-ага,— шепнул уже на улице Жанкожа,— берегитесь перевязанного, он следит за вами.

Чем-то озабоченный Сальмен ласково взглянул на юношу, но промолчал. «Спасибо, родной, я и сам догадался,— хотелось ему сказать, но слова застряли в горле.— Неужели правда, что мы объединимся с дружинниками? Неужели раб валаята отказался от своих черных намерений? Как неожиданно все обернулось. Где правда, где ложь?» Но ответа Сальмен не находил и поспешил к командиру, чтобы узнать от него все.

— Господин Аманбаев, срочно отправляйтесь за остальными офицерами в Кара-Тобе. Мы договорились,— сказал Азмуратов.

На сухом, словно онемелом лице командира мелькнула улыбка. Жанкожа, вошедший вслед за Сальменом, вспыхнул от радости.

— Я не понял, господин старшина, с кем вы договорились?

Азмуратов улыбнулся еще шире:

— С братьями. Я понял, что враждовать несправедливо. Надо немедленно привести сюда остальных офицеров и создать один мощный отряд.

«Он клялся уничтожить бунтовщиков. Только вчера отправил меня с приказом обмануть джигитов. А теперь... За один час вдруг отказался от злодеяния?!»

— Среди них, оказывается, есть красавица,— продолжал Азмуратов.— Ее можно пригласить к офицерам.

Сальмен догадался, что он имел в виду Мукараму.

— Я вас не понимаю, господин Азмуратов,— твердо сказал Сальмен.

Улыбка сошла с лица офицера. Помрачнев, он сдавленно проговорил:

— Господин прапорщик, вы имеете полное основание обвинить меня в предательстве и с этого часа считать, что наши пути разошлись.

Сальмен не сдержался:

— Вы хотите проверить меня? Гонец Аруна-тюре из Джамбейты тоже следит за каждым моим шагом.

— А,— поморщился Азмуратов,— с ним разговор короткий. Один полицейский — небольшая потеря. Никто его оплакивать не станет.

— Ну, а дальше что? Как я все это объясню офицерам? Если они не поверят и оторвут мне голову?

Азмуратов понял, что Сальмен попался в его ловушку. Теперь надо было только уследить, чтобы жертва не сорвалась с крючка.

— Справедливые опасения, господин Аманбаев. Об этом, признаться, я не подумал. Офицерам лучше не объяснять, а приказывать. Поэтому, видать, мне лучше самому ехать. Вас посылать опасно. Офицеры, связанные клятвой перед валаятом, могут взбунтоваться.

Чувства радости и досады одновременно мучили Сальмена. Неужели мечта, лишившая его покоя со вчерашнего дня, так легко, неожиданно осуществилась? Неужели теперь они будут вместе с теми простодушными, добрыми джигитами в походах и на привалах? Вместе будем бороться, чтобы горе никогда больше не омрачало лица наших детей и жен. Протянем руку дружбы тем смелым джигитам, нашим братьям, которые мужественно перенесли на чужбине все лишения ради свободы своего народа! Но почему мы раньше об этом не думали? Ради чего мы клялись проливать невинную кровь? Над кем занесли шашки, на проклятие друзей, на смех врагу? Хорошо, что мы все же опомнились вовремя. Нас, кстати, осенила мудрость предков: тот не заблудился, кто снова пристал к своему косяку. Создатель не покинул нас, озарил наш путь...

Сальмену вспомнился дом в Уиле, двухлетний сын, молодая жена, отец с матерью...

— О чем задумались, господин прапорщик? — насмешливо спросил Азмуратов.— Я сам поеду, не беспокойтесь.

Но Сальмен не расслышал насмешки в голосе офицера, счастье ослепило его. Он порывисто подошел к Азмуратову, стоявшему к нему спиной у окна, и заговорил со всей искренностью:

— Я не могу себе простить, господин командир, что так поздно понял всю правду. Так тяжело было на сердце, будто я совершил ужасное преступление. Вы сделали первый сме-

лый шаг навстречу справедливости. Не все отдают себе отчет в том, что такое гражданский долг. Извините, я не думал, что вы один из этих немногих. Вы оказались истинным сыном народа. И я рад и горд, что в вашем лице нашел старшего брата, который удержит меня от ошибок, а в трудный час защитит... Я ждал и верил, что найдется такой человек, который вырвет из когтей опасности невинных, тихих и скромных сынов степи. Когда я вместе с отрядом выехал из Уила, не думал, что встречу безобидных людей, единокровных братьев. И только сегодня ночью понял, что считать врагом обездоленных, лишенных знания и культуры, бесправных людей — кощунство, подлость, преступление. Поднять на них руку все равно что поднять руку на родную мать. Вы с меня сняли тяжкий грех, тысячи благодарностей вам! И если для такого единения потребуется моя маленькая жизнь — я готов ею пожертвовать. Я готов поехать за остальными офицерами и уговорить их.

— Нет, нет, я сам поеду,— резко сказал Азмуратов.

Сальмен волновался, лицо его горело.

«Подлец! Предатель! — думал между тем Азмуратов.— Прав был Аблаев. Оказывается, мерзавец пакостил втихомолку. Не зря ходил к дружинникам...»

— Собери юнкеров перед домом! — приказал он Жанкоже.

Его продолговатое бледное лицо осталось непроницаемым, горячие слова Сальмена даже не задели его. Он по-прежнему смотрел на прапорщика, как змея на завороженного воробья.

Когда Жанкожа, торопливо объехав пять зимовий, собрал юнкеров, Азмуратов вышел из дому, сел на темно-мухортого коня.

— Славные офицеры! Я отправляюсь в путь, чтобы привести сюда всех наших джигитов. В мое отсутствие командовать вами будет офицер Аблаев. Он старше всех вас и по возрасту и по званию. Выполняйте его приказания беспрекословно. До встречи, джигиты!

Азмуратов пришпорил коня, за ним следом поехал Жанкожа. Отъехав на несколько шагов, офицер придержал коня, обернулся.

— Капитан Аблаев! — крикнул он.— Вместе с прапорщиком Аманбаевым проводите меня до устья реки.

— Хорошо! — откликнулся Сальмен.

Аблаев только кивнул и направился к оседланному коню.

За речушкой Ащисай возвышался Черный бугор. Его хребтина за знойное лето высохла и побурела. Легкой рысью подъехал Азмуратов к бугру и остановился у подно-

жия. Быстрая породистая кобыла Сальмена могла доскакать сюда раньше, но прапорщик был так восхищен Азмуратовым, что счел неприличным обогнать командира. Он ехал рядом с Аблаевым и Жанкожой. Как только Азмуратов остановился, Сальмен придержал коня и стал чуточку за ним.

— Симпатичная докторша вам, случайно, не знакома? — спросил Азмуратов.

— Да, господин старшина! Только она не доктор, а медсестра. Я еще в Уральске знал ее. Она невеста моего друга, с которым вместе учились. Сестра известного в Уральске Курбанова. Брат отправил ее в больницу Шугулова для хирургической практики. А сейчас она вместе с дружинниками. Хорошая девушка...

— Значит, невеста, говорите?

— Да, невеста. Оба красивы. Оба друг друга любят. Прекрасная пара!

— А где этот ваш друг? Как его фамилия?

— Жунусов, зовут Хаким. По слухам, он сейчас в полку Айтиева. Весной во время мятежа атаманов сидел в тюрьме.

— Разве у Айтиева есть полк?

— Да. И дружинники хотят примкнуть к нему.

Азмуратов насупился.

— А откуда этот полк возьмет оружие?

— Чего-чего, а оружие раздобыть нетрудно. По слухам, они бьют атаманов их же оружием.

— Давно ли вы сочувствуете Айтиеву?!

Сальмен рассмеялся.

— Быть сторонником Айтиева разве не счастье, господин Азмуратов?..

— Значит, красавица-девица тоже большевичка?

И, не дожидаясь ответа, Азмуратов подозвал к себе Аблаева.

Бледный капитан одним прыжком подскочил к командиру.

— Через два дня на третий рано утром я буду здесь, господин капитан. Ваши опасения подтвердились. Сальмен Аманбаев оказался другом большевиков.

Аблаев отъехал и остановился сзади Сальмена. Азмуратов подал ему знак. «Что это значит?» — молнией промелькнуло в голове Сальмена. Он не успел повернуться, как за спиной раздался выстрел.

Сальмен вскрикнул и наклонился к гриве коня. Породистая кобыла встала на дыбы.

— Сальмен-ага! — истошно крикнул Жанкожа, бросаясь к прапорщику...

Хмурый офицер, преследовавший Сальмена со вчерашнего дня, сам вынес приговор и сам же привел его в исполнение.

Сальмен, однако, не свалился с коня; будто стараясь усесться поудобней в седле, он уперся обеими руками о шею кобылы и поднял голову.

— Эх!.. Жаль! Обманули меня, Жанкожа!..

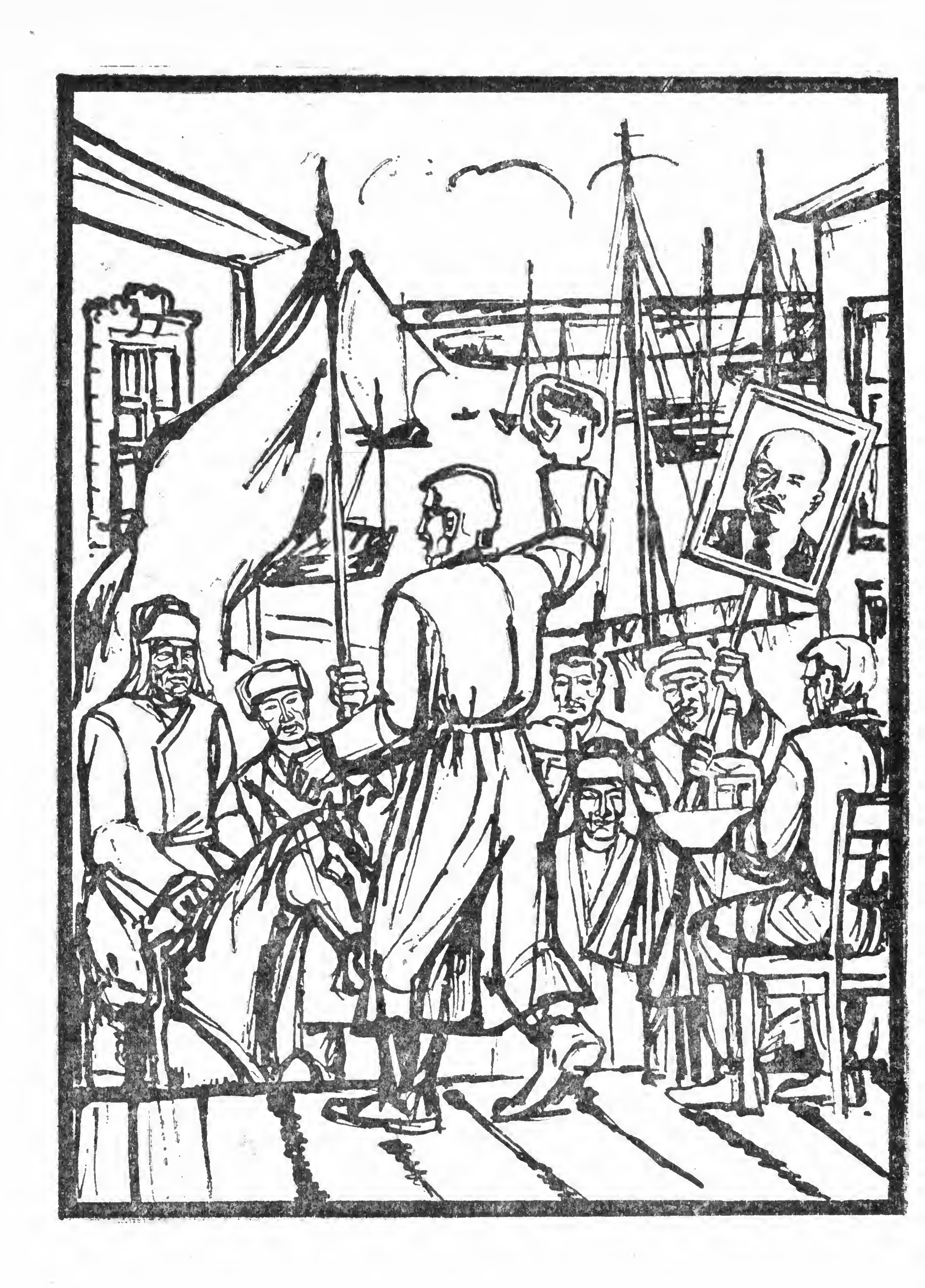
И снова бессильно припал к гриве.

— Сальмен-ага! — не слыша себя, прокричал юнкер.— Прощай, ага!..

Сальмен простонал, с усилием поднимая голову, посмотрел на юного джигита. Ветер относил в сторону его предсмертные слова:

— Обманули меня... Жанкожа... Расскажи Жунусову... и всем... прощай!.. Я чист перед вами, Хаким! Проща-а-а-ай!..

Раздался второй выстрел, но Сальмен уже не видел, как упал с коня его юный друг Жанкожа и как из его детского рта тонкой струйкой потекла кровь,

Часть пятая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Из двадцати пяти пухлых папок генерал Емуганов выбрал одну — желтую. Вновь и вновь листал председатель военно-полевого суда анкеты и протокол допросов, уточняя что-то для себя.

«Тридцать пять лет на поприще адвоката! — Он покачал головой.— Султан! Член Государственной думы. Депутат Степного края! Гхм-м!..»

Не отрывая глаз от толстой папки перед собой, генерал нашарил на старом дубовом столе серебряный колокольчик. Почти одновременно, как бы слившись с переливчатым звоном колокольчика, послышался подобострастный голос офицера у двери:

— Что прикажете, ваше превосходительство?

Генерал не поднял головы.

— Приведите ко мне заключенного Каратаева, капитан.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Отдавая приказание, генерал ни на мгновение не оторвался от дела. Перед ним лежала анкета:

«...Родился я в 1860 году. Женат. Дети: сын гимназист, дочь во втором классе городской школы...»

— В прошлом кадет! Хм-м... Сейчас член Российской социал-демократической партии! Выбран в Уральский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Комиссар...

Решительно перелистав несколько страниц, Емуганов увидел знакомое прошение степных биев. Он покачал головой и, шевеля губами, принялся читать:

«Ваше превосходительство! Высокочтимый, славный генерал казачьего войска господин Емуганов! Во многих добрых деяниях принимала участие казахская степь с тех пор, как оказалась под сенью благословенного белого царя. Она искренне желала владыке-царю могущества и славы перед лицом других государств, способствовала обогащению России. Старые времена распрей и бесконечной вражды канули в вечность. Сейчас время изменилось, изменились законы, свергнут и белый царь. Поэтому, воздав должное прошлому, мы с мольбой обращаем взоры к новым временам. Казахская степь и ныне ни на шаг не отступила в своем глубоком почтении к исконным соседям. Мы по-прежнему желаем нашему благожелательному соседу больших новых успехов и достижений. Ибо развитие, прогресс России означают, по нашему мнению, расцвет казахской степи. Поэтому при новой власти необходимо возродить, восстановить те порядки и законы правления, которые в прошлом были насильно изменены угнетателями Степного края. В этом — доброе стремление, желанная мечта всех казахов от мала до велика. То, что в казахской степи мало образованных сынов, Вам, уважаемый господин генерал, хорошо известно. Людей грамотных и опытных в общественной деятельности, сочувствующих простому народу, у нас можно пересчитать по пальцам одной рукой. Султан Бахитжан Каратаев является всеобщим любимцем, советчиком для старших, добрым примером для молодых, человеком глубокого ума и большого сердца, надежной опорой и защитой своего народа, красноречивым и дальновидным мудрецом. Вот этот достойный сын отечества, наш мудрый старец томится сейчас в Уральской тюрьме. Он стал жертвой клеветы, жертвой произвола, ибо мы убеждены: султан Бахитжан Каратаев стремится только к добру и справедливости; он не позволит себе бесчеловечного поступка. Простые сыны казахов никогда не поверят в то, что он может стать бесчестием родного края, не усомнятся в праведности его пути. Поэтому мы, высокочтимый господин генерал, смеем надеяться, что Вы освободите из заключения почтенного советчика народа, его заступника султана Бахитжана Каратаева. Мы не сомневаемся в Вашей справедливости и доброте. С большим уважением обрати-

лись к Вашему превосходительству: бии рода Байбакты — Анжан Жубаналиев и Кенесары Отаров; народные учителя — Хабибрахман Казиев, Ихсан Изкулов и другие...»

То ли подобрев в душе к заключенному, то ли удивившись тому, что заключенный этот оказался весьма дорог для степняков, генерал благодушно откинулся в кресле, принял обычную позу. Чуть наклоня голову к правому плечу, он едва успел пробежать глазами остальные документы, как в кабинет уже постучал конвоир.

— Так, та-ак! — протянул генерал Емуганов, рассматривая бледное лицо и нелепо длинный халат арестанта.— Юрист Каратаев! Султан Каратаев! Гхм-м!..

Переступив порог, Каратаев, как бы здороваясь, слегка кивнул в сторону стола, за которым сидел генерал, и остановился. Он ждал, о чем заговорит высокое начальство, и молчал.

Усаживаясь поудобней, генерал с усмешкой спросил:

— Как прикажете понять то, что султан, потомок именитых ханов, образованный юрист, пошел вместе с презренной чернью?

«Решил прибегнуть к старому приему допроса — состраданию,— заключил про себя арестант и подумал, что лучше ответить без обиняков, решительно и ясно:

— Испокон веков смысл жизни исчерпывался всего лишь двумя словами. Султаны и князья, юристы и генералы становились либо друзьями, либо врагами этих двух слов, господин генерал!

Председатель военно-полевого суда навострил уши.

— Эти два слова: свобода и равенство. Мы с вами, господин генерал, это хорошо понимаем.

Генерал имел странную привычку в разговоре наклонять голову как-то набок, точно прислушивающийся к чему-то фазан. Трудно сказать, было ли это врожденным недостатком или просто-напросто устоявшейся привычкой. Вот и сейчас, не говоря ни слова в ответ, Емуганов склонил голову и уставился маленькими серыми глазками на необычного арестанта, так непохожего на других и речью и всем своим обликом.

Только через некоторое время он дал знак двум конвоирам султана. И два солдата, как заводные, точь-в-точь повторяя одни и те же движения и в том же порядке, один впереди, другой позади, приподняв к плечам обнаженные шашки, вывели Каратаева из кабинета.

«Старый степной волк!» — процедил генерал после того, как вывели арестанта.

«Как ни тряси старое дерево, те листья, которые должны слететь, давно уже опали сами»,— подумал про себя заключенный, шагая между конвоирами.

Снова «сорокатрубая» разинула свою пасть — тяжелые ворота бесшумно раскрылись, безмолвно проглотили его.

Массивная дверь одиночной камеры — два шага в длину,— как бы соскучившись по заключенному, приняла его в свои объятия, цепкий замок щелкнул с лязгом, звуки улицы и тюрьмы мгновенно заглохли.

Ни шороха. Заключенный сел на край узкой плоской койки, вросшей железными ножками в цементный пол. Еще густая, еще мало тронутая сединой борода не скрывала красивого, продолговатого и чуть скуластого, худощавого лица. Волосы, зачесанные слева направо, тоже еще густые, как и борода, только слегка посивели; они обрамляли не слишком высокий, но широкий с мелкими морщинами лоб. Соразмерный нос с тонкими ноздрями придавал благородство умному лицу арестанта. Хмурые брови сошлись над переносицей, большие глаза излучали спокойный свет.

Бахитжан Каратаев. Баке — как почтительно называют его в здешнем краю. Главный арестант тюрьмы.

Каратаев еще не старик. Хотя вот-вот исполнится ему шестьдесят, но годы не согнули Баке, он по-прежнему прямо держит свое сильное, ладное тело; движения легки, уверенны; подтянут и статен. Девять месяцев томился он за железной решеткой, но бодр духом и мысль ясна. Он много читает, много думает. Вспоминает разные события, увиденные, пережитые за много лет. И сравнивает их с рассказами о прошлом, с тем, что поведал ему старый отец. Прошлое и настоящее, как кочевье-караван в степи, снова и снова проходит перед его глазами. Далекое и близкое мерещится ему, как бесконечная горестная дорога. И оттуда, из покинутой дали, доносится глухой стон, слышится пронзительный плач в бескрайней, омраченной страшным горем степи. «Актабан-шубырынды» — годы великого бедствия — вспоминаются старому человеку.

Обезумевший народ в панике. Он лишился лучших своих сыновей; среди безутешных женщин и детей тащится сгорбленный старик. Впереди бесконечной вереницы людей облаком висит густая пыль — подняли ее копыта угнанных врагом табунов. Дорога усеяна телами воинов-казахов, пронзенными вражескими копьями. Плач сирот и вдов горестного кочевья, растянувшегося на семь перевалов, казалось, все нарастал под порывистым степным ветром...

Это было в прошлом, в далеком. А ближе?

Лязг двери соседней камеры перебил думы заключенного. Мысли о прошлом мигом перекинулись к настоящему, к тем, кто сидел в застенке.

«Вот и его повели»,— беззвучно прошептали губы Каратаева. Тоже, видать, потребовал генерал, хочет прощупать. Неужели Емуганов надеется что-то выведать у Дмитриева, которого выковали сами рабочие Петербурга?! Уж лучше начинал бы сразу свой суд. Следствие окончено. Обвинительное заключение написано. Остался только суд. Военно-полевой суд. А что это такое военно-полевой суд? Это такой балаган, с помощью которого сейчас в России объявляют заранее подготовленный приговор. Выносят известные меры наказания. Их три: виселица, каторга, ссылка... Они стали обычаем. С тех пор как повесили, заковали в кандалы и отправили на каторгу в Сибирь рыцарей Сенатской площади, прошло девяносто лет. А меры наказания остались теми же. А расстрел 1905 года? А Ленский расстрел, учинителей которого шесть лет тому назад защищал адвокат Керенский?! Нет, царская Россия неизлечима. Режим мракобесия!

Палачи прогресса, враги свободы, душители народа, разве они пощадят захваченных совдеповцев?! Дрогнет ли у них рука расстрелять горстку уральских большевиков?!

Генерал назвал его с издевкой султаном. Да, томящийся в застенке Войскового правительства Бахитжан Каратаев — внук хана Каратая. Каратай — сын хана Нуралы. Один из четырех сыновей, рожденных пленницей-калмычкой. Нуралы — один из многих сыновей Абильхаир-хана.

Генералы, которые служили в этих краях, хорошо знали предков Бахитжана. И казахскую степь знали как свои пять пальцев. И языком владели и разбирались во всех распрях и перемириях.

Но могут ли понять те, кто не изведал гнета, что означает неравенство? Чувствуют ли те, кто свободны, как бьется сердце томящегося в застенках? А те, кто, сидя на мягких коврах и подушках, объедаются жирным казы, разве подумают о сиротах, мечтающих о куске хлеба?! Представляют ли казачьи атаманы, как больно жгут душу обидные, издевательские прозвища «дикий киргиз», «орда»?!

«Султан,— с издевкой выговорил генерал,— как прикажете понять то, что потомок именитых ханов пошел вместе с чернью?»

Да, он султан. Султан, который тридцать пять лет наблюдал, как на чаше весов царского правосудия сторона беззакония всегда тянула вниз, а справедливость неизменно оказывалась легче пуха.

Каратаев долго сидел на краю железной койки, объятый думами. Потом достал из-под тощего тюфяка несколько листков бумаги, стал быстро писать.

«В борьбе за свободу народ рождает бесстрашных сынов,— писал заключенный.— История тому свидетельница. Не обязательно обращаться в глубь веков за подтверждением сказанного. Наш славный Исатай с отрядом смельчаков девять лет бился с армией царя и хана. Он сложил голову в кровавой битве, как и подобает истинному герою. Ну а то, что было позже, в бурные «Годы гнева», я видел собственными глазами. О беспримерной храбрости Исатая мне довелось услышать от очевидцев.

...С той поры прошло пятьдесят лет. Тогда мне исполнилось девять, и я учился в Оренбурге, в татарской школе, где учили русскому языку. Окончить школу мне не пришлось, меня забрали домой. Покойный отец мой тогда был уже стар и болен, и я сначала подумал, что перед смертью он захотел повидаться со мной. Но не это оказалось главной причиной. «Вся степь взбудоражена, люди в страхе покидают обжитые места,— говорил мне нарочный от отца.— Степь и город будут биться насмерть...»

Вести, одна страшнее другой, летели от аула к аулу, предвещая беды.

— Отберут землю!

— Угонят людей и скотину!

— Всю нашу степь отдадут царю!

— В аулы придут попы изгонять мусульманскую веру!

Встревожилась, всколыхнулась степь. Оставив зимовья, заспешили аулы в глухие места, не стали ждать окота овец, отела коров, наспех собрались и — в степь, подальше от насиженных мест.

Наш аул быстро добрался до озера Сулукуль. Со всех сторон стали стекаться сюда многочисленные роды и подроды, и каждый прямо-таки оглушал степь своим боевым кличем. Не стихал топот коней, шум и гам висели над джайляу. Из уст в уста передавались новости:

— Род Байбакты поднялся до единого человека.

— Сел на коня батыр Сеил из рода Алаша.

— Султан Кангали Арысланов собрал войско против губернатора!

— Батыр Айжарык из рода Табын с двумя тысячами джигитов перешел реку Жем и направляется к нам!

Кипела степь, бурлила. «Скоро битва! Скоро — в бой!» Сорок джигитов нашего аула сели на коней и составили отряд Даулетше. Приготовлены были все пять видов оружия — копье и лук, секира, кривая сабля и фитильное ружье. Все

поднялись, даже мальчишки. Ночью вместе с джигитами они стерегли коней, а днем с вершины холма высматривали врага.

Был совершен обряд жертвоприношения — зарезано сорок баранов. Старики упали на колени, старухи застыли в причитаниях. Молили Аллаха ниспослать кару на голову царю — извергу. Всю ночь девушки и молодухи жгли костры, стерегли скотину. А утром Даулетше с отрядом вышел в путь, чтобы присоединиться к войску султана Хангали.

— Родной мой!..

— Верблюжонок мой ненаглядный...

— Да будут с вами все сорок ангелов-хранителей...

Бередил душу заунывный плач старух. Степь стонала...

Хангали рассказывал...

Все началось с того самого злополучного «Уложения». Как образованному человеку родов Тама и Табын губернатор Уральска генерал-майор Веревкин прислал мне в тот год бумагу. В ней говорилось: «Для осуществления мер нового правительственного Уложения в киргизские степи выезжает начальник уезда подполковник Черноморцев. Окажите ему всемерную помощь».

— Лучше смерть,— решил народ.

Батыра Айжарыка выбрали предводителем, меня — его советником.

— Ведите нас! Мы с вами.

Воспользовавшись указанием губернатора, я отправился вдоль реки Елек до Карасу, чтобы выведать об истинных намерениях Черноморцева. Подполковник выехал в степь проводить выборы волостных управителей и аульных старшин согласно «Степному уложению». Комиссия собрала народ, объяснила новый порядок и услышала в ответ:

— Убирайтесь своей дорогой!

В этом неповиновении Черноморцев обвинил прежде всего меня. Однако не подал виду и решил схитрить: послать меня отсюда в Уральск, якобы с донесением генерал-губернатору Веревкину.

— Донесение весьма важное и срочное,— сказал начальник уезда.— Привезешь ответ. Если выполнишь поручение, твои заслуги будут отмечены.

Я ответил с готовностью:

— Есть, господин подполковник! Отказываться от доброго дела не в обычаях моего народа.

Дали мне солдата-калмыка, и отправился я в Уральск.

Конечно же, по дороге я вскрыл секретный пакет. «Человек, вручивший вам это письмо, является главным подстрекателем киргизов к бунту»,— говорилось в нем.

Что было дальше, понять нетрудно. Весть о коварстве Черноморцева облетела степь.

— Обезглавить всех! — решил народ.

— Нет, уничтожать комиссию не имеет смысла. Лучше отправимся в сторону Уила и поднимем тамошние аулы,— решил я и с отрядом вооруженных джигитов пошел через Елек в Уил.

Так начался поход в ответ на коварство царских сатрапов.

БИТВА В ДОЛИНЕ ЖЕМА

Как только «Степное уложение» было утверждено монаршей волей Александра Второго 21 октября 1868 года, началось его проведение в жизнь с помощью оружия. Из Уральска вышел отряд подполковника барона Штемпеля и, пройдя Анхаты и Шидерты, направился в сторону реки Калдыгайты. А отряд подполковника Новокрещенова из Оренбурга двинулся к реке Жем, в глубь казахской степи. Этот отборный казачий отряд из пятисот всадников решил прежде всего усмирить большой род Байулы. Само собой понятно, грозный отряд с ружьями и пушками устрашающе подействовал на мирных кочевников. К тому же, подобные отряды, как стало известно, появились и в приморских степях за Мангыстау, и возле Калмыкова — среди густо населенных аулов вдоль Яика. Неподалеку от Оренбурга, на землях родов Шекты и Табын также выросли казачьи укрепления.

Едва дошел слух о том, что казачье войско вышло из Оренбурга, как мы первым делом расставили по дороге дозорных.

— Выследим их, отрежем обратный путь, налетим из засады! — горячились джигиты. Но я думал иначе.

— Чем глубже враг проникнет в степь, тем хуже для него. Он не сможет получить оружие, продовольствие, не сможет заменить подводы и коней. Чем длиннее будет их путь, тем больше измотаются солдаты и тем легче будет наша победа,— уговаривал я джигитов. Батыр Айжарык поддерживал меня.

Налево от нашей стоянки начиналась бескрайняя степь Мангыстау, а справа лежало низовье реки Жем, травянистое, плодородное.

Послав в аулы возле притоков Каракобда и Сагыз нарочных для сбора людей, Айжарык с двумя тысячами джигитов расположился у холма Алкельды.

Самое надежное в походе — быстрый и сильный конь. Для смены в нужный момент джигиты держали в поводу еще по одному коню. Основное оружие — кривые сабли и секиры. Фитильные ружья имелись лишь у одного из десяти воинов, у остальных — луки. Густо увешанные колчанами со стрелами лучники были похожи на больших ежей. Среди них было немало искусных стрелков, способных поразить цель в двухстах саженях. Иные стрелы прошивали шею коня. Многие джигиты умели на всем скаку поднять с земли на кончике копья засохший катышок. Но сильнее любого оружия в бою — львиное сердце воина. Немало джигитов с таким отважным сердцем полегло под градом пуль и ядер царского войска...

Высокий холм Алкельды стоял на левом берегу Жема. Днем и ночью на его вершине находились дозорные. Стоило появиться облачку пыли вдали, как раздавался крик: «Враг идет!» Этот предостерегающий клич того времени на века дал имя холму: «Алкельды» — «враг идет».

Этот холм оказался в руках врага. Отряд Новокрещенова, пробравшись вдоль реки Жем, расположился здесь на стоянку, расставил дозорных и установил пушки, давая понять, что этим местом он завладел навсегда.

— Ну теперь уже хватит! — сказал тогда Айжарык своим воинам.— Ни на шаг не пропустим дальше обнаглевшего врага! За детей и жен наших! За землю наших отцов! За веру! За жизнь! Вперед, батыры мои!..

Двухтысячное войско разделилось на четыре отряда, готовясь к битве. Родовой клич раздавался окрест:

— Агатай! Агатай!

— Қаратаз! Поддержи нас!

— Жилкиши-ата!

— Қаракете!

Первым ринулся в бой батыр Кейкиман из рода Исык. Почти весь его отряд — триста человек — имел копья, лучников было всего лишь двенадцать. Конник с копьем опаснее, чем с луком, на ходу из лука стрелять трудно, легче из засады, когда есть возможность спокойно прицелиться.

По команде батыра, первый конный отряд наметом ринулся на казачье укрепление. Другой отряд, находясь от первого за две версты, начал приближаться легкой рысью. Казаки тоже разделились и, растянув ряды, застыли в ожидании команды. Мы видели, как они выхватили сабли, приготовились к рубке.

«Ну сейчас сойдутся стена на стену,— решили мы.— Наши с копьями и те с саблями». Но казаки почему-то медлили, подпускали наших джигитов все ближе.

— Как только ринется в бой Кейкиман, бросайтесь вперед и вы! — распорядился Айжарык.

Кейкиман уже подскакал вплотную к цепи казаков. До нас донесся многоголосый крик:

— Аруак!.. Аруак!

Мы следили, затаив дыхание. «Вот теперь начнут колоть—рубиться»,— думал каждый из нас.

— Смотри, дрогнули, не выдержали!..

— Убегают, смотри! Бегут казаки!

Но казаки не убегали, они лишь расступились и тогда наши джигиты оказались лицом к лицу с солдатами. Ружья их ощетинились штыками. Грохнул залп. Вздрогнула земля. Будто огнем обожгло Кейкимана, с кличем вырвавшегося вперед. Он упал на шею своего скакуна...

Вооруженных копьями и секирами степняков солдаты встретили ружейным огнем.

Когда дым рассеялся, мы увидели, что передние ряды всадников скошены пулями, смяты. Задние, не удержав коней, хлынули на них, топча раненых и убитых. Ударил второй залп и вторая волна джигитов упала, как подкошенная трава. Погиб батыр Кейкиман, но бездыханное тело его не коснулось земли — два джигита на полном скаку подхватили тело батыра и повернули назад, увлекая за собой остатки отряда.

Айжарык с вершины холма видел вражескую западню, он кричал что есть силы, пытаясь предостеречь Кейкимана, но тщетно,— батыр не расслышал его команды.

Теперь бросился на врага сам Айжарык, стараясь увлечь за собой столпившихся в растерянности джигитов. И в то же время, с другой стороны на помощь предводителю ринулся в атаку второй отряд, впереди которого на бело-сивом коне несся Кобланды, известный акын из рода Алаша. В яростном намете с кличем на устах мчались за Кобланды шестьдесят его джигитов. Казалось, их бросили в бой яростные пламенные стихи поэта:

Когда, по-волчьи нюхая след,
По-лисьи скользя всю ночь напролет
В броне, на которой — тяжелый лед,
Копьем разя и подняв наш стяг,
Тебя мы изгоним, коварный враг?

Казаки Новокрещенова были уверены, что после гибели джигитов Кейкимана, остатки степняков обратятся в бегство. И вдруг новый отряд вылетел на них. Со свистом полетели стрелы. Боевым кличем, казалось, была оглушена земля. Вздымая пыль, в едином порыве мчались шестьдесят джигитов. Трепыхал на ветру стяг на длинном копье.

Цепь конных казаков дрогнула, но солдаты продолжали стоять в боевом порядке.

Падучей звездой несся впереди отряда Кобланды, держа в левой руке повод, а в правой боевое копье. Пучок орлиных перьев колыхался у него за спиной. Айжарык пустил своего коня на соединение с джигитами акына.

Казаки упрятались за спинами солдат. Офицер что-то орал, размахивая руками. Солдаты стали поспешно перестраиваться, чтобы встретить огнем отряд Кобланды.

Дальнейшее произошло молниеносно: недружный ружейный залп, казалось, заглох под топотом коней; пыль, дым,— все смешалось; топот коней, храп, визг, крик — сплошной гвалт стоял над степью. Люди, кони закружились, завертелись, замелькали в куче — так, еле видимая, трепещет в клубах серой пыли только что сваленная бурей юрта...

Лишь через некоторое время стало возможным понять, что случилось. На солдат, едва успевших выстрелить, вихрем налетели джигиты. Задние их ряды врезались уже в свалку людей и коней, в огромную пасть смерти. Никто не дрогнул, ни один не повернул обратно. Солдаты рассыпались в панике, пустились, кто куда. Половина из них была заколота копьями, задавлена копытами коней. Но тут опомнились казаки и ринулись на разрозненный остаток отряда Кобланды. Рубились они остервенело...

Ни один из шестидесяти джигитов не вышел из боя. Айжарык пал под казачьей шашкой.

Дико ржал и кружил в стороне бело-сивый конь Кобланды...

Кровавым побоищем обернулась для нас первая схватка. Казалось, не подняться, не опомниться нам больше. Теперь на смену опрометчивой дерзости пришел трезвый рассудок. Потеряв Айжарыка, я призвал верных его джигитов к себе, собрал лучших конников Кейкимана, Тунгамара, батыра Амандыка и сказал им:

— Батыры, верный спутник отваги — ум и хитрость. Не только лобовым налетом, но хитростью должны мы теперь измотать врага. Предлагаю небольшими группами, по десять— двадцать человек, двинуться к сопке Майшокы. Сделаем вид, будто удираем. А за сопкой соберемся все вместе и устроим засаду. Не может быть, чтобы враг, опьяненный победой, не стал преследовать нас. Итак, двигайтесь к Майшокы.

Сорока отборным смельчакам Даулетжана, с саблями и секирами, я поручил привлечь к себе внимание казачьей сотни, увлечь ее за собой как можно дальше и таким образом оторвать казаков от солдат.

Исполняя приказ, сарбазы двинулись к Майшокы, я же с двумястами джигитами помчался вдоль реки Жем.

Как я и предполагал, казаки приняли смельчаков Даулетжана за наш заслон и ринулись вскачь за ними. Джигиты Даулетжана, круто повернув резвых коней, с гиканьем налетели на казачий обоз. Над котлами походной кухни, над телегами засвистели стрелы степняков. Когда казаки стали настигать джигитов, те повернули коней в сторону Майшокы. Подпустив казаков поближе, джигиты засыпали их тучей стрел и снова ушли далеко вперед. Так они делали несколько раз, кружили по степи, обстреливали погоню и снова уходили. Это окончательно взбесило казаков. Они скакали разрозненно, растянувшись по степи. Вперед вырвалось десятка полтора наиболее ретивых преследователей. До Майшокы оставалось рукой подать. Тут уж и я со своими двумя сотнями ринулся к назначенному месту.

Джигиты Даулетжана вихрем домчались до сопки и выстроились в ряд, точно журавлиная стая. Разгоряченные казаки не думали сдерживать коней.

Вот тут-то и выскочили из засады сарбазы Тунгатара и Амандыка. Надвинув шапки до самых бровей, накрепко перетянув их белыми платками с длинными копьями наперевес они помчались на врага. Двести сарбазов во главе с двумя батырами мгновенно окружили казаков, точно волка, ворвавшегося в овчарню. Не прошло, наверное, и минуты, как поверженные казаки уже обливались кровью в пыли, а кони их с диким ржанием неслись в степь. Сарбазы обрушились на остальных казаков, как ураганный шквал. Храп коней, крики и стоны, конский топот и свист стрел — все это сотрясало окрестности Майшокы. Скакали кони, волоча раненых и убитых. Корчились под копытами коней в предсмертном ужасе казаки. Вражья крепость осталась далеко, и солдаты ничем не могли помочь гибнущей казачьей сотне. Разгоряченные джигиты уже понеслись было в сторону крепости, но я послал гонца с приказом вернуться.

Стали считать потери. У казаков погибла полностью вся сотня и часть солдат. Из наших на веки вечные сложили головы на священной земле дедов шестьдесят джигитов Кобланды и около ста джигитов Кейкимана...»

Записав горькую исповедь Кангали Арысланова, а также некоторые воспоминания своего детства, Бахытжан Каратаев почувствовал необыкновенное облегчение. Прошлое живо напоминало ему о вечной борьбе за счастье, вселяло бодрость в душу старого узника. Он собрал листки, исписанные мелким

стремительным почерком, сложил их и тщательно запрятал в карманы и за подкладкой просторного чапана. Потом с усмешкой глянул на маленький глазок в железной двери и начал, как ни в чем не бывало, расчесывать пальцами свою длинную бороду. Так он сидел некоторое время, охваченный неожиданно нахлынувшей радостью. Но в затхлой камере радость призрачна, а горе особенно тяжко: выглянет на миг из-за черных туч солнышко, блеснет лучами и снова со всех сторон надвинется мрак. Вспорхнула, исчезла легкая радость и снова тяжелые думы овладели старым узником.

Он поднял голову, уставился на маленькое, узенькое оконце у самого потолка.

«Вся моя надежда — ты!» — сказал ему отец перед смертью. Он лежал рядом со своим братом, которого принесли с поля боя на носилках, сложенных из пик. Там, в долине Тущикуль, уснули вечным сном незабвенные герои...

Сколько дней, сколько месяцев прошло с тех пор? Кто знает... То были дни всенародного горя. Начались гонения, расправа. Тяжкие наступили времена. Угоняли, высылали семьи и родственников восставших. Из рода Ормана угнали всех. Выселили старого Кусепа и его сыновей Ахметше, Шангерея, Селимгерея, Адильгерея с семьями. Выслали бы и меня, но у меня умер отец и к тому же я был слишком мал. Совсем еще маленьким был и Батыр дяди Даулетше. Вот мы вдвоем с ним и остались от нашего рода. Одному девять, другому семь лет.

Не сразу узнали мы, куда высылали наших сородичей, лишь потом пронесся слух, что в городок Старосербск Екатеринославской губернии. Туда русское самодержавие высылало всех казахских султанов, обрекая их на верную смерть вдали от родины. Ссылали не только после 1868 года, но и раньше, еще во времена хана Нуралы. Сам хан Нуралы стал первой жертвой и умер в Уфе. Сын его Орман Нуралиев погиб в петербургской тюрьме. А сын Ормана Кусеп Нуралиев был выслан со всеми сыновьями. Изгоняли не только султанов. За выступление против «Степного уложения» царское правительство отправило на каторгу четыреста видных людей из рода Байбакты. Известный бий Жунус и батыр Сенгирали умерли в оренбургской тюрьме. Тысячи людей погибли на своей родине, сотни умерли в застенках Оренбурга, в сибирской ссылке. От жестокой расправы стонала степь. За свободу, за волю народную сложили голову незабвенные герои. Теперь вот и мы томимся в каменных застенках. Теперь вот и мы попали в свирепые когти белых генералов, приспешников кровавого царя, палача народов...

Тяжело лязгнула железная дверь камеры.

— Эй, киргиз-бабай,— сказал тюремный страж,— бороду давай сбривать.

Каратаев медленно повернулся к нему и отрицательно покачал головой.

— Не желает бриться,— бросил стражник кому-то позади и снова с грохотом закрыл дверь.

— Подготовили к суду...— прошептали губы Бахитжана.

2

На военно-полевом суде не было ни прокурора, ни адвоката. Председатель генерал Емуганов торопливо вошел в зал с двумя полковниками-заседателями, уселся за стол и начал одно за другим перебирать дела.

— Обвиняемый Дмитриев здесь?

— Здесь,— ответил Дмитриев и встал.

— Имя, фамилия?

— Петр Астафьевич Дмитриев.

— Признаете ли себя виновным в предъявленных обвинениях?

— Нет.

— Садитесь. Обвиняемый Червяков здесь?

— Здесь.

— Имя, фамилия?

— Павел Иванович Червяков.

— Признаете ли себя виновным в предъявленных обвинениях?

— Нет.

— Садитесь,— бросил генерал, открывая следующее дело.

Здание суда было оцеплено сотней казаков, а в зале, навытяжку, с обнаженными шашками, стояли офицеры. Менее часа понадобилось генералу, чтобы «опросить» двадцать пять обвиняемых, так усиленно охраняемых казаками. Дольше и обстоятельнее других говорили в заключительной речи лишь Дмитриев и Червяков. Остальные произнесли по нескольку слов, неизменно заявляя, что не признают за собой никакой вины и требуют освобождения. Тяжело раненного Нуждина — у него была сломана рука — внесли на носилках. Речь его была самой короткой:

— На вопросы палачей революции не отвечаю.

Дошел черед до Каратаева.

— На предварительном следствии нас обвинили в том, что мы якобы сделали попытку свергнуть правительство, хотели с помощью оружия уничтожить законную власть. Прокурор подтвердил это обвинение и внес предложение приговорить нас к высшей мере наказания согласно июньскому

уложению. Вы, председатель военно-полевого суда, также всецело опираетесь на заключение предварительного следствия и обвинения. Без тщательного расследования, без объективного взвешивания мнений обеих сторон — обвинения и защиты, пренебрегая всеми судебными порядками, вы скомкали весь процесс и вменили в свою обязанность вынести лишь приговор — определить меру наказания. Поэтому, согласно заведенному порядку, я хотел бы воспользоваться правом самозащиты. Это будет, как вы сказали, моим последним словом. Кроме обвинения в попытке свергнуть правительство, меня объявили виновным также и в том, что я подстрекал киргизский народ к бунту, намеревался поднять его против великодушного российского царизма. По поводу первого обвинения и по вине, указанной во втором пункте, я кратко скажу следующее: выступивший до меня председатель областного Совдепа товарищ Петр Астафьевич Дмитриев хорошо доказал несостоятельность приписанных нам обвинений. К этому можно добавить лишь одно положение: ваше правительство, которое якобы пытались свергнуть, было свергнуто уже давно — 12 февраля 1917 года. Его свергли не граждане города Уральска, а граждане всей России, рабочие, чьими руками создано богатство страны, и другой люд империи — крестьяне, солдаты и интеллигенция. К ним примкнули и представители буржуазии, стремившиеся захватить национальное управление в свои руки. Они доказали гнилость монархии и заставили отречься от престола императора Николая — последнего из династии Романовых, триста лет господствовавшей в России. Эта высшая справедливость осуществилась волею истории и всколыхнула весь мир. До уничтожения старых порядков, до тех пор, пока не собралось всенародное Учредительное собрание, временная власть перешла в руки представителей партии крупной буржуазии — Родзянко — Милюкова — Керенского. После того как Временное правительство не могло осуществить ни единой цели, к которой стремились девять десятых народа всей России, а именно: прекратить войну, передать землю крестьянам, положить конец произволу дворян-помещиков,— Советы взяли власть в свои руки. Иначе говоря, было создано революционное правительство представителей российского рабочего класса, крестьян и солдат. Новая власть, начиная с Петербурга и Москвы, была установлена во всех крупных городах центральной России. Наш Уральский областной Совдеп является частицей народной власти, детищем революции, ибо областной исполнительный комитет Советов был создан волей народных представителей всех уездов Уральской губернии. Следует обратить особое внима-

ние на то, что отречение Николая Второго от престола произошло законно, об этом во всеуслышание объявил сам Романов. Что касается Временного правительства Родзянко — Керенского, то оно изжило само себя. Народ не одобрил его дальнейшего правления. Таков логический путь истории.

Теперь по существу второго обвинения — о моем подстрекательстве киргизского народа против великодушного российского самодержавия. Прежде всего: русское самодержавие не было великодушным, милосердным по отношению к киргизскому народу. Об этом можно судить по следующим историческим документам. Первый документ: решение сената от 1744 года, принятое по предложению оренбургского генерал-губернатора Неплюева. Второй документ: труд тайного советника Левшина «Обзор истории киргиз-кайсаков». Третий документ: статьи писателей-либералов Н. Н. Середы и А. И. Добромыслова, напечатанные в «Русской мысли» в 1891, 1902 годах.

Из первого документа явствует, что по секретному постановлению Государственного совета от 1744 года царизм решил полностью ликвидировать часть киргиз-кайсацкой орды, относящуюся к Оренбургу. Чтобы начать это кровавое злодеяние, генерал Неплюев стал спешно подтягивать в Оренбургский край, ко входу в казахскую степь, Оренбургский и Уральский казачьи полки, полки из Астрахани и Казани, а также казачьи и калмыцкие полки с Дона. Но, к счастью казахского народа, в это время ухудшились отношения России с азиатскими странами, и злодеяние, задуманное генералом Неплюевым, не было осуществлено. Перед опасностью навлечь на себя гнев стран Азии, особенно соседних ханств — Турции и Персии, царица Елизавета была вынуждена отказаться от намерения истребить казахов...

— Неосуществленная идея не может быть законным документом.

— Господин генерал! Если бы эта идея была осуществлена, я бы не стоял сейчас перед вами. Видно, самой истории было нежелательно осуществление этого злодеяния... Простите, я считаю, что имею полное право договорить свое последнее слово. Итак, вот первое доказательство, ясно говорящее, что русский царизм не был великодушным и милосердным. Второй документ рассказывает о восстании Каратая Нуралиева, моего деда, в 1805—1818 годах, о восстании султана Каипкали Ешимова и бия рода Берш Исатая Тайманова в 1829—1838 годах, о восстании батыра Есета Котибарова в 1847—1858 годах. А известные труды Середы и Добромыслова посвящены всеобщему восстанию казахов Младшего жуза против царского самодержавия, имевшему

место пятьдесят лет тому назад — в 1869—1872 годах. Это последнее восстание прошлого столетия явилось протестом казахов против бесчеловечной колониальной политики русского царизма. Новое степное уложение царской власти от 1868 года лишило казахов их исконных земель. Отобрав землю — единственное средство существования степняка, царизм стал теперь отдавать ее в аренду. Управление от прежних султанов перешло в руки уездного начальника, который отныне сам назначал волостных. В волости оставили по одной мечети, муллу тоже утверждал уездный начальник. Налоги и сборы увеличились в два раза. Вместе с угодьями были объявлены казенными озера, реки. Особо рыбные озера были раздарены отдельным чиновникам. По желанию губернатора, по указу правительства лучшие земли нарезались, как дар государя, особо почетным людям. Поэтому народ, лишенный земель, озер, рек, потерявший самоуправление, народ, даже вера которого оказалась под властью царского чиновника, поднял восстание. Вооруженные войска безжалостно его подавили. Тысячи людей погибли, живые остались без скота, без крова. Свыше четырехсот повстанцев были приговорены к смертной казни, сотни угнаны в Сибирь на каторгу, несчетно сгнили в тюрьмах. Как могут казахи после подобного насилия считать царское правительство гуманным, великодушным?! Поэтому казахская степь, изведавшая весь позор порабощения, неизменно мечтает о свободе. Об этом говорит и восстание 1916 года, эта агония степи, свидетелями которой были мы с вами.

— Юрист Каратаев, вы считаете возможным сделать киргизов свободными лишь тогда, когда они выйдут из состава России и образуют самостоятельное государство?

— Нет, господин генерал...

— Тогда почему вы выступаете против Досмухамбетовых? Они борются за создание самостоятельной, равноправной автономии, делают благородное дело, действуют в союзе с Войсковым правительством.

— Свобода и равноправие достигается не только отделением от России. Тут важно, кто получит свободу, кто добьется равноправия. Суть свободы и равенства связана с уничтожением эксплуатации человека человеком. В одном государстве может быть девяносто наций, и все они могут быть равноправными. С другой стороны, государство может состоять из людей только одной «чистой» нации. Однако это обстоятельство не дает полной возможности для расцвета свободы и равенства, ибо свобода означает прежде всего свободу личности, свободу труда, уничтожение всякого рабства. Я собственными глазами видел открытое рабство. В Калмы-

ковском уезде служил помощником начальника уезда Жаркинай Есниязов. Это был просвещенный человек, получивший и русское и казахское образование. В доме Есниязова я увидел старика по имени Тулебай, мне было тогда пятнадцать лет, старику — семьдесят пять. Будучи подростками, Тулебай и Еснияз попали в плен к батыру Бопылдаку из воинственного казахского рода Серкеш во время его набега на туркмен. Бопылдак подарил Еснияза своему другу, а Тулебая оставил скотником у себя. Тулебай оказался услужливым работником. Позже он нашел себе невесту, очень красивую дочь казаха-бедняка, но богач и батыр Бопылдак оскопил раба Тулебая и сделал его красивую невесту своей токал [1]. Когда Тулебаю было уже семьдесят пять лет, его выкупил за шестьсот рублей у сыновей Бопылдака образованный сын Еснияза Жаркинбай. Вот вам одна из открытых форм рабства в казахской степи. Существуют и скрытые формы рабства. Я имею в виду тех несчастных, которые всю жизнь ради жалкого пропитания работают на всесильных биев и баев. Разница между ними и русскими крепостными невелика. Крепостное право на Руси было отменено при нас, в годы нашего детства. Только после огромных лишений, после кровопролитной борьбы освобождается народ от рабства. Товарищ Дмитриев, сидящий перед вами, сын бывшего крепостного. Все это я говорю в связи с понятием свободы. А вы, господин генерал, говорите, что Досмухамбетовы в Джамбейте образовали автономию и ратуют за создание независимого государства. Несомненно, их дело — шаг вперед по пути национального равноправия. Но всего лишь один шаг. Почему? — спросите вы. Во-первых, потому, что автономия — подобие Временного правительства Родзянко и Керенского. Нечто подобное создавалось уже в Коканде неким Мустафой Чокаевым, тоже адвокатом, как и Жаханша Досмухамбетов. Автономии Жаханши и Мустафы полностью опираются на содействие и поддержку наиболее влиятельных степных биев и богачей. В административном положении они всецело зависели от Керенского. Ибо, чтобы стать независимым государством, надо иметь деньги. Чтобы иметь свои деньги, надо образовать банковую систему, а основой банковой системы является национальная промышленность; для ее развития необходим внутренний и внешний рынок, пути сообщения с рынками, управление транспортом; для защиты всего этого, наконец, нужна своя национальная армия. Возвращаясь к прежней мысли, должен сказать: равноправие нации предполагает свободу личности, свободу

[1] Токал — младшая жена.

труда. Если труд свободен, то самые драгоценные его плоды, созданные народом, перейдут в его же руки. Богатство нации создается трудом девяти десятых народа. И пока это большинство не возьмет власть в свои руки, не может быть ни свободы, ни подлинного равенства...

— Короче говоря, султан Каратаев против автономии Досмухамбетовых! Он за большевистский режим, так ведь, арестант Каратаев? — с усмешкой спросил Емуганов. Два полковника недобро уставились на старого адвоката. На несколько секунд воцарилась тишина.

— Я имею право закончить свою речь, господин генерал. За шестьдесят почти лет я многое пережил, перевидел, старался как можно больше узнать. Мои мысли о свободе и равенстве основаны на жизненном опыте. Подлинное социальное равенство и свободу я вижу в тех идеалах, к которым стремится русский пролетариат. Я считаю, что и русскому крестьянству только рабочий класс может дать истинную свободу, а изнывавшие в ярме колониальной политики царизма киргизы, татары и другие могут обрести справедливость, свободу, настоящее равенство лишь в тесном содружестве с рабочими. В этом я убежден, в это верю...

— Вы кончили, Каратаев, свою речь?

— Да, господин генерал. Мы скоро с вами покинем этот мир. Вместо нас придут другие люди, много новых людей. И со временем сбудутся их желания и мечты, таково требование неудержимой, как водопад, жизни. Поток будущего смоет вековой позор рабства и унижения. Настанут времена, когда все люди будут равны. Возможно, мы доживем до этого, а может быть — нет. Но так или иначе новое поколение не сегодня-завтра прочтет или услышит наши слова, все взвесит и все поймет. Ибо история убеждает в том, что чаяния народа, много терпевшего, много страдавшего, непременно сбываются. Я кончил, господин генерал.

— Встать! — тотчас крикнул секретарь суда.

Большевики один за другим поднялись с мест. Лишь Нуждин остался лежать на носилках.

— Суд удаляется на совещание,— объявил Емуганов.

Опустив правое плечо, будто взвалив на себя тяжесть, генерал направился в соседнюю комнату. Два офицера последовали за ним.

Несколько минут совещания военно-полевого суда показались Каратаеву очень долгими. Мысли его снова вернулись к давним событиям в долине реки Жем. С удивительной ясностью представил он картину кровавой битвы, услышал залпы, топот коней и кличи, прогремевшие пятьдесят лет тому назад...

— Да-а,— проговорил старик самому себе и вздохнул.— Они были настоящими героями...

Заключенные, сидевшие рядом, не удивились тому, что пожилой казах разговаривал сам с собой. Отчаяние в такую минуту понятно и неосудительно, ведь через несколько часов последний миг... последний вздох.

— Где они теперь, бесстрашные? — спросил Каратаев, вскинув голову.

Взгляд его скользнул по винтовкам солдат, окруживших подсудимых, остановился на окошке здания суда, потом, казалось, проник через него и всматривался в бескрайнюю казахскую степь за Яиком, искал исчезнувших куда-то смельчаков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

А смельчаки в это время бились в долине Яика повсюду: и вблизи, и вдали.

Осень стояла на редкость дождливая, и холода ударили внезапно.

Резкий северный ветер гнал по небу серые тучи. Землю хлестали холодные дожди.

Скот весь загнали в хлева и под навесы. Косяки лошадей, словно галька, несомая морем, скопились в оврагах и впадинах, ища защиты от пронизывающего ледяного ветра. Опустели пастбища. В степи не видно людей.

Но и в полуразвалившихся хибарах, сложенных из дерна и желтой глины, не было тепла. В разбитые окна забиралась стужа — черномазые ребятишки, кутаясь в лохмотья, жались к огню, старики и старухи, напялив на себя всю имеющуюся одежду, стали сонными, медлительными... Овцы и телята жались друг к другу здесь же. Горький дым стлался в землянках, смешиваясь с кислым запахом овечьих испражнений. К утру воздух становился так тяжел, что старики стонали и охали во сне, а ребятишки кашляли, задыхаясь.

* * *

Черная грязь, которая разлилась повсюду, затвердела, покрылась голубовато-серым льдом.

Вечер... Со стороны Сары-Арки дует ветер, неся с собой крохотные колючие льдинки. Хаким ехал из Богдановки к Тиксаю. Копыта его коня звонко постукивали о твердую промерзшую землю. Ветер набрасывался сзади, но он не

страшил — короткий желтый полушубок, сапоги с войлочными чулками надежно сохраняли тепло. Чувствовали холод лишь колени да руки. Хаким порой отпускал поводья и растирал покрасневшие пальцы.

Нет конца степи... Казалось, вся земля сейчас плоска и безлюдна, как эта степь — холодная, неприветливая. Хаким подгонял коня, чтобы скорее добраться до аула. С двух часов дня до сумерек он должен был преодолеть расстояние почти в семьдесят верст. Но степному джигиту такой путь привычен.

Хаким поднялся на курган. Внизу, хоронясь от ветра, сбился в кучу табун. Кобылицы, ощетинившись от холода, жались друг к другу, медленно переступая ногами. Рядом плелись трехлетки и яловые кобылы, осторожно ступая по промерзшей земле. Поджарые молодые жеребцы настороженно прядали ушами, тревожно наблюдая за своими подругами,— они ревновали молодых кобылиц к старым вожакам табунов. А вожаки, не вздымая гривы как прежде, не обращали внимания на соперников, холод жал их друг к другу.

Мороз перемешал косяки коней разных аулов.

Хаким подъехал к табунщикам, сидевшим в укрытии. Увидев его, они быстро вскочили.

«Рассказывали, верно, разные небылицы»,— подумал Хаким и, с трудом шевеля губами, произнес:

— Ассаламуалейкум!

Только сейчас он понял, как сильно застыли его губы и руки.

Черноусый казах в большой поярковой шапке, надетой набекрень, и в толстом стеганом бешмете степенно, тихим голосом ответил:

— Алейкумуассалам. Счастливого тебе пути!

Этот человек был совсем не похож на табунщика. Хаким подумал, что он, верно, какой-нибудь видный человек в этих краях.

— Денек-то какой морозный нынче! — сказал Хаким, точно был виноват в том, что так холодно.

Он стал растирать ладонями лицо и колени. Колючий жар охватил замерзшую кожу, губы потеплели.

— Далеко ли отсюда Тилеуберли? — спросил Хаким, радостно ощущая, как слова его становятся отчетливее.

— А я думал, что он хохол,— такая речь неразборчивая! — засмеялся один из табунщиков, хлопая себя по бедрам.— Кафиром буду, я подумал, что он хохол, а не казах!

— Эй! — прервал его сосед.— А почему ты определил, что он не хохол, а? Шуба короткая, черные сапоги, а лицо — белое-белое...

Хаким громко засмеялся.

— А из какой хохлацкой местности сами-то вы? — шутливо спросил он.

Низкорослый казах-табунщик проговорил:

— Мирза, мы все табунщики этих мест. Вот он — табунщик Кердери Мукая. Наверно, ты слыхал и о Мукае Мырзалиеве? Так вот — перед тобой табунщик волостного Мукая. А это Абыз — табунщик волостного, а я сам — из аула Алибека... Ну, а Хайреке — это просто Хайреке, который бродит по своим делам. Кого вам нужно из Тилеуберли — это может знать только Хайреке.

При слове «Хайреке» Хаким с ног до головы оглядел усатого. «Неужели это тот самый Хайролла, которого я ищу? Мендигерей говорил о нем — это человек с душой ребенка, он скромен, друг чабанов. Так неужели это он?» — думал Хаким, не решаясь подробнее расспросить об этом человеке.

— Сам я родом из устья Шалкар,— сказал он,— но у меня было небольшое дело, с которым я и держал путь к Тилеуберли.

Бойкий табунщик не замедлил снова вступить в разговор:

— Вот они перед тобой — и Тилеуберли и Абыз. А может, ты держишь путь к дому волостного? — И, не в силах больше сдерживаться, он перешел к любимой теме разговора — о лошадях: — Глянь-ка, как выгибает грудь эта серая кобылица! Какая красавица! С ней не сравняться вороному жеребцу волостного, хоть тот, пес его в печенку толкни, быстроходен как черт!

Обойдя Хакима, он любовно оглядел крутой круп его кобылицы, густой шелковистый хвост и похлопал лошадь по бокам.

— Хороша! Ой, хороша! — причмокивая языком, проговорил он и даже погладил мохнатую с завитками шерсть лошади.

Мысли беспорядочно толпились в голове Хакима: «...Волостной... вороной жеребец... Да это же говорилось о том известном волостном! Ведь на него был недавно совершен набег с целью освободить учителя Халена! Этот самый быстроходный вороной скакун и спас тебя, иначе ты бы попал к нам в руки... И на этот раз, видимо, спас тебя вороной красавец — на его широкой спине ты ускакал в Джамбейту. Но ты мне сейчас не нужен, я жду встречи с другим человеком». И Хаким еще раз внимательно оглядел черноусого.

Точно поняв его взгляд, черноусый спросил:

— Говоришь, братишка, ты родом с берегов Шалкара. Так кто же твои родители?

Хаким поведал о себе.

— М-м-м,— неопределенно промычал черноусый, и Хакиму было неясно, одобряет он или нет родню его.

И Хаким решился.

— А может быть, вас зовут Хайролла? Извините меня, ага, если я ошибся в своих догадках,— проговорил он, терзаемый желанием узнать имя этого человека.

— Да, дорогой мой, меня зовут Хайролла Габидоллин. Знаю я и твоего отца. Слышал я и о смерти хаджи Жунуса... Да будет земля ему пухом. Хороший был человек.

И Хайролла соболезнующе покачал головой.

Хакиму показалось, что сердце его перестало биться. Лицо его страшно побледнело, глаза расширились, губы беспомощно задрожали, как у ребенка, готового заплакать. Он вдруг, внезапно отвернувшись, невольно потянул свою лошадь за поводья, и она стала переступать ногами, не двигаясь с места.

Хайролла не догадывался, что Хаким не знал о смерти отца, и удивился, видя, как побледнело лицо Хакима, как дрогнул у него голос.

— У меня к вам дело. Отойдем в сторонку...

— Сейчас, сейчас. Я и сам, знаешь, собирался в аул. Пришел на пастбище, так разве скоро уйдешь от этих ребят? Им же скучно одним в степи, вот и расспрашивают о том о сем,— проговорил Хайролла, шагая к подветренной стороне таволги, где была привязана его лошадь.

Никогда раньше не видел Хаким этого человека. И сейчас ему хотелось только одного — передать ему то, что нужно, и скорее расстаться с ним, отойти куда-нибудь дальше и — дать волю слезам... А пока горький комок стоял в его горле, мешал говорить.

— Руководители Совдепа предложили вам распространить эти прокламации,— проговорил он чужим, деревянным голосом.— Возьмите. Что делать дальше с ними — вы знаете!

Раскрыв переметную суму, Хаким дал Хайролле сверток и поспешно добавил:

— Будьте здоровы, ага!

Серая кобыла, застоявшаяся на холоду, с места взяла в карьер. Взвилась снежная пыль — и Хаким исчез.

Хайролла грустно глядел ему вслед, засовывая бумаги за пазуху.

— Эх, как торопится! — вздохнул он.— Я даже не успел порасспросить его обо всем. Плохо, когда человек остается наедине со своим горем...

Когда силуэт Хакима стал крохотным, а потом и вовсе невидимым, Хайролла отогнул край одной из листовок. «Пя-

ти известным старейшинам Байбакты! Всем гражданам, которые заботятся о благе народа! Слушайте, батраки, скотоводы, бедняки!» — прочел он и улыбнулся. Потом сказал табунщикам:

— Холодный нынче день, джигиты! Пошли-ка греться в аул! К тому же у меня есть там дела.

Табунщики не заставили себя просить вторично, и Хайролла повел их навстречу ветру в селение Сорок Юрт, которое недавно стало большим поселком.

* * *

Холоднее мороза была страшная весть, которую услышал неожиданно Хаким. Точно лед, холодила она его сердце. Он скакал вперед, пришпоривая коня; ветер свистел в его ушах, и ему было легче от этой быстрой скачки. Он не замечал, что колени его онемели, что лицо уже не чувствовало ледяного колючего ветра, а руки плохо держали поводья...

Наконец Хаким стал задыхаться. Придержав лошадь, он расстегнул ворот, вздохнул полной грудью. Оглядевшись кругом, он только теперь понял, что находится уже в окрестностях Алакуля.

Он ехал тихо, опустив поводья... Вот уже показались плоские крыши аула, послышался лай собак.

И острая боль утраты захватила юношу. Он видел отца, живого, ласкового... Лето... Они вдвоем поднимаются на могильник Акпан... Хаджи подошел к четырехгранному могильному камню, стал на колени, упираясь руками в землю, потом кивнул сыну, чтобы тот прочитал заупокойную молитву. Хаким трижды прочел начало молитвы, не сводя глаз с рук отца с набухшими синими венами. А когда поднялись с мест, отец бросил на него взгляд, полный упрека за то, что тот прочитал лишь начало молитвы, а не всю. И снова отец — вот он возле мечети разговаривает с народом, и ветер треплет его седую бороду. «Мы должны дать детям воспитание, соответствующее времени!» — говорит отец. И Хаким ясно видит нос с горбинкой, впалые щеки и глубокие умные глаза...

«Вот ты и нашел свое место на кладбище Акпан,— прошептал Хаким.— И как говорится, что ребенок рождается намного хуже своего отца, я хотя плохо знаю Коран, все же прочитаю над твоей могилой заупокойную молитву, как смогу, отец! Гигант отец, который только вчера был жив, которого любили и к словам которого прислушивались! Сегодня нет его. А завтра и нас не станет... Пусть тебе не будет холодно в могиле, отец мой, мы все придем к тебе, мы будем снова вместе!

Зачем мы, точно волки, враждуем друг с другом? Стремимся перерезать друг другу глотки, воюем, проливаем кровь? Все равно черная земля примет нас всех, всех примет она в свои холодные объятия. И там мы найдем мир и покой, какого не знали на земле. К чему все?»

И Хаким низко опустил голову, глядя в землю. Безнадежность овладела им.

«А как же Абдрахман, Мендигерей? Почему они не отчаиваются? Годами они не бывают дома, не видят близких. Они спят в одежде, питаются одним черствым хлебом, утоляют жажду сырой водой, один на один борются со смертью, почему же они не сбиваются с пути, не теряют смысла жизни?»

Хаким подумал и о Бахитжане, который уже девять долгих месяцев сидит в тюрьме, в тесной каменной норе с железными решетками, в «Сорока трубах». Оттуда, из этой страшной тюрьмы, народ получает воззвания, полные бодрости, веры в близкую победу. Ведь революционеры, заключенные в эту проклятую тюрьму, не видят даже своей родины, синего неба, родных степей! Откуда же берется эта сила духа, эта несгибаемая воля, вера в победу своего дела?

— Нет! — громко сказал Хаким.— Нет! Нет места печали в эти суровые дни! Я дал клятву старшему брату. Цель далека, путь длинен и труден! Меня ждет Мукарама! Остановиться на полпути — это смерть! Вперед!

И он пришпорил лошадь.

* * *

Хаким вошел в дом поздно вечером. Маленькие братишки и мать толпились возле очага. Огонь весело потрескивал, и они не услышали скрипа открываемой двери. Вдруг мать обернулась, увидела его и, раскрыв сыну объятия, заголосила, запричитала. На ее голос прибежали соседские старухи и тоже громко запричитали. Бекей неловко метался среди женщин, срывающимся голосом просил их успокоиться, а сам плакал навзрыд, как ребенок. Алибек и Адильбек, тоже рыдая, жались к Хакиму. Никто не стал ужинать, никто не попил чаю. Хаким лег в постель совершенно разбитый и измученный. Тяжелые мысли, словно дождавшись тишины, снова овладели им. Он давно знал, что отец уже стар и болен, но никак не мог себе представить, что семья вдруг осиротеет. Беспомощность матери, отчаяние братьев и Бекея мучили его. Отец был опорой в семье, ее глазами, ее хозяином. «Зачем же ты отправился, отец, в далекий путь, откуда нет возврата? Тебя так уважали в ауле! Имя твое было изве-

стно далеко за пределами нашего рода... Как хорошо, если бы Нурым был дома! Ведь в хозяйстве нужен мужчина, опора. Или мне остаться дома и стать хозяином?»

Хаким сел, прижав руки к груди.

«А как же товарищи? — спросил он себя.— Как же наше дело, во имя которого пролито столько крови? Разве можно бросить общую работу, думая лишь о себе, своей семье, о хозяйстве? Нет, нет! Бекей-ага присмотрит за родными, он должен, я скажу ему. И мои братишки, эти чернявые голопузики, тоже помогут. Завтра надо выехать...»

Он снова лег, закрыл глаза и сразу увидел Яик. Река медленно катила свои воды, холодные, серые. Хаким вспомнил, как он, намотав свою одежду на голову, переходил реку вброд, потом плыл на лодке... Вдруг откуда-то появились большие прозрачные льдины. Нагромождаясь друг на друга, эти льдины вырастали, точно башни... Одна башня, другая, третья... А голубая вода ударяет в эти льдины, разбивает их, точно горшки, и голубые черепки разлетаются в разные стороны, разметая искристые брызги. Брызги летят в сторону Менового Двора... Вода, сплошная вода покрывает мир. Плывут люди, арбы, скотина. Некоторые, преграждая путь воде, бросают в бурлящий поток камни, комья земли. Многие бросаются в ледяную воду с лопатами, шестами. Вот идут паромы от устья Теке. А кто это на носу этой большой лодки? Да это Нурым! В руках у него домбра, и он поет, стараясь перекричать рев воды, стоны утопающих. Хаким помахал ему рукой у берега и бросился навстречу, но Нурым вдруг начал погружаться в воду... Лодка его тонет. Хаким закричал, чувствуя, что кричит страшно тихо, что даже люди, находящиеся рядом, могут его не услышать! Никто не помог Нурыму, и Хаким в отчаянии снова закричал, но крик застрял в горле, и стало душно, страшно...

Хаким проснулся, задыхаясь. Еще находясь во власти сна, он махнул рукой и задел голову своего младшего брата Адильбека, спавшего рядом.

— Брат! — тепло и нежно прошептал Хаким, безмерно обрадовавшись, что все страшное было только сном.— Нурым жив, жив! — проговорил он радостно.— Все это только ночной кошмар.

На дворе уже совсем рассвело, а в доме еще было темно. Стекла крохотных окошек сплошь заросли ледяной коркой, а сено, приваленное к дому, совсем не пропускало свет в комнату. Первое, что увидел Хаким, был коричневый отцовский чекмень, висящий на гвозде, а рядом его верблюжья шапка-ушанка. Хаким вздрогнул — ему показалось, что это сам хаджи совершал свой обычный утренний намаз.

Хаким тихонько вздохнул, надел сапоги, полушубок и направился к порогу.

— Сынок, дорогой! Утро холодное, смотри не простудись! Ты слышишь — гром! — заговорила проснувшаяся мать.— Господи, сохрани нас! Не ходи, сынок! Побудь дома, Хаким! Пережди гром.

Хаким сразу понял, что это не гром, а орудия, грохочущие вдали. Этот грохот окончательно рассеял его ночные страхи.

«Вчера еще,— думал он,— грохотало очень далеко, а теперь гремит возле самого Уральска...»

И, не слушая слезливых предостережений матери, Хаким распахнул дверь. Утренний воздух, пронизанный влагой, ударил в лицо.

— Бьют! — усмехнулся Хаким.— Бьют здорово, собак! Наши бьют, черт возьми!

Он долго стоял, прислушиваясь к грохочущей канонаде, а потом, окончательно успокоившись, сказал себе:

— Надо скорее уезжать. Жалко мать — она этого не поймет, будет только плакать. Но иного выхода нет. Передам бумаги дяде Халену — и дальше! Меня там ждут.

2

В это утро от оглушительных залпов проснулся не один Хаким.

Много дней подряд слышался издалека этот грохот, но к нему привыкли, сидя в домах в хмурые осенние дни.

А нынче, едва начал Кадес нюхать свой насыбай, как вскочил с места. От сильного грохота закачался дом, одно из стекол в окне раскололось. Душа у Кадеса ушла в пятки. С детства усердные муллы засоряли его бедную голову сказками о конце света. Кадес решил, что он наступает.

Держась за стену, он добрался до двери, крепко ухватился руками за ручку из конопляной веревки, которую совсем недавно сам пристроил, и тихонько приоткрыл дверь, высунув голову в сени.

Ему показалось, что невидимый великан крепко бьет в колотушку и земля ухает и трясется. «Ох-ох!» — вздыхают люди, качаясь на этой неверной земле...

Помаленьку Кадес начал смелеть. Он накинул чекмень и распахнул наружную дверь. Тут в лицо ему ударил морозный воздух. Утро блестело от солнца, дробящегося на обледеневшей земле.

— Акмадия! — заорал Кадес, вбегая в сени.— Акмадия, проснись!

— Ну, что тебе? — сонно пробормотал Акмадия, не в силах разлепить глаза.— Чего ты орешь, что петух на заре?

— Ты слышишь, Акмадия, конец света настает... Орудия гремят совсем рядом с нашим домом, некуда нам податься!

— Что ты говоришь? Субхан-алла!

Акмадия вскочил, шаря по постели в поисках шубы.

— Субхан-алла! — прошептала в темноте Хадиша, прижимаясь крепче к мужу.— Отец, тетушка, что же делать?

А Акмадия, набросив шубу, уже летел в кожаных галошах на улицу.

— Слушай,— сказал Кадес,— уже намного ближе. Наверно, подошли к самому подножью горы Сымтас. А если они подадутся в сторону Койсоймаса, а?

— Что он говорит, боже правый! — воскликнул Акмадия.— Боже мой, что он такое говорит? На той стороне Сымтаса — пушки? Скажи, что, как только они подойдут к Култаю, мы попадем в страшную беду? Кони пропадут, их заберут солдаты и угонят неведомо куда! Боже праведный, лишившись всех коней, вплоть до последнего паршивого жеребенка, мы пропали, пропали! — громко причитал, присев на корточки, Акмадия.

Закричала и Хадиша, присоединившись к нему, и через несколько минут вся семья поднялась на ноги.

— Горе, горе нам,— выли женщины, ударяя себя руками в грудь.— Горе нам!

— Может, они еще и далеко от Сымтаса,— нерешительно проговорил Кадес. Крик женщин раздражал его.— Земля промерзла насквозь, звуки могут казаться ближе, чем они есть на самом деле...

Акмадия заныл несколько тише:

— Ай нет, они, наверно, дошли до Сымтаса! Нам просто не повезло. Нам всегда не везет! Кадес! Надо было перегнать лошадей выше, а мы об этом не позаботились! И в этой стороне им хватило бы травы. А ты, Кадес, старший и ничегошеньки-то не посоветовал нам! Ты же говорил, что отправим лошадей на зимовье в тугаи, к берегам Яика, с самой осени велел собирать всех вместе. О боже! На нас лежит проклятье господне! Все лето мы берегли своих лошадей от ханских джигитов, а теперь сами отдаем их во вражеские руки! Или лягнули нас самих в головы, что мы косили сено на той стороне, где не надо? Горе нам, горе...

— Что ты кричишь?! — замахал руками Кадес.— Нечего меня обвинять зря! Пасли лошадей у свата Култая для того, чтобы спасти их от бедствия! И сейчас еще не поздно их спасти. Надо только выехать сегодня же!

Хадиша, стоявшая в дверях, проговорила плаксиво:

— Деверь, вы должны ехать сами. Мой муж боится холода, он может замерзнуть, лошадь его может поскользнуться на льду, и он погибнет.

«И я могу погибнуть, и моя лошадь может поскользнуться»,— подумал Кадес, с неприязнью глядя на невестку.

— Мне кажется, будет всего правильнее, если ты поедешь сам с дядей,— проговорил он мрачно.

— Оба поедем! — решил спор Акмадия.— Там лес, полно русских, одному будет страшновато!

— Возьмите с собой и сына умершего хаджи. Он знает русский язык и может помочь вам в этом деле,— решительно заявил Хадиша.

— А Хаким приехал? — спросил Кадес.

— А вон его кобыла привязана,— махнула рукой Хадиша.— Раз кобыла здесь, значит, и хозяин тоже...

— Вот у него-то и надо спросить о том, что это за грохот. Он знает все,— предложил Кадес.

— Придумал! — бросил Акмадия, поджимая то одну, то другую ногу от холода.— Не могу больше, пойду в дом!

Кадес медленно брел по улице и размышлял: «Если бы Хаким сказал правду! Ведь он — один из тех, что идут сюда. Я давно об этом знаю, как он ни скрывал. «Поехал учиться»,— сказала о нем старуха. Сказки! Пропадал где-то целый месяц, даже на похороны отца не явился. Тоже мне учеба!»

Побродив, он вернулся к дому.

— Ты знаешь, зря я задевал бога,— с сожалением посетовал Акмадия. Он еще надеялся спасти коней.

— Да ладно,— пробормотал Кадес.

— А ты совершил свой утренний намаз?

— Да у меня чирей, какой уж тут намаз! — ответил Кадес, протягивая руку к табакерке с насыбаем.

Пока Акмадия молился, Кадес с наслаждением нюхал табак. Но, как видно, посторонние мысли мешали Акмадии сосредоточить все внимание на господе боге.

— Куда ж подевались эти силачи — русские казаки, которые должны были прибыть сюда со стороны Уйшика? Что ж они не остановили этих красных? — спросил он.

— Не знаю. Но ведь не пришли же еще красные.

— Надо выведать у Хакима, на чьей стороне перевес! — окончательно забыв о молитве, предложил Акмадия.

— Кто возьмет верх, того и надо держаться. Недаром сказано: «Если начальник твой слеп, прищурь и ты один глаз, пригодится»...

Наспех попив чаю, братья направились в дом Жунуса.

Надо было прежде всего выразить соболезнование Хакиму по поводу смерти отца. А потом исподволь расспросить обо всем...

* * *

Кадес был не из тех людей, что свято творят намазы, придерживаются уразы. От чтения Корана и молитвы он готов был бежать, как заяц в кусты.

— Мне легче косить сено, чем тянуть нудные песни из Корана,— говаривал он.

На пути к дому Жунуса он сказал младшему брату:

— После хазрета Хамидуллы — единственный, кто хорошо разбирается в Коране,— это мулла Мергали. И кстати, Мергали не сомневается в тебе, Акмадия. Ты же лучше всех отвечал даже обычные уроки. Нынешние ученики не могут простоять на молитве и четверти часа. Почитай-ка сейчас в их доме, да так, чтоб бедная, убитая горем старушка Балым умилилась и пустила слезу...

Акмадия не понял маленькой хитрости Кадеса, и от неожиданной похвалы гордо поднял голову.

— К тому же этот проклятый чирей,— продолжал Кадес с мученическим видом.— Вскочил там, где не нужно, не дает даже омовенья совершить, чтобы быть чистым для чтения святых слов Корана. Что б я делал сейчас, если б не ты...

Акмадия шел в своей шубе внакидку и время от времени встряхивал ею, словно просушивая мех воротника. Он важно погладил красивые, пышные черные усы и, взглянув набожно на небо, произнес:

— Мы сделаем так, чтоб Коран прочитал Бекей. Ведь он тоже неплохо читает...

— Да, а если его не будет дома? — живо перебил Кадес.— К тому же он читает гораздо хуже тебя. Нет, будет лучше и солиднее, если ты сам помолишься за ушедшего в лучший мир! То, что большой человек прочитает Коран для старухи и ее образованного сына, будет означать особое уважение к духу покойного Жунуса. Не забывай, что после покойного хаджи на нас будут смотреть в большом ауле!

Акмадия промолчал. А Кадес подумал: «Кажется, я наконец избавился от этой заупокойной канители».

В доме Жунуса завтракали. Большой дастархан, который прежде, при жизни хозяина, всегда был щедро уставлен кушаньями, сейчас заметно оскудел. Старуха с детьми пила чай, сидя у печки. Она сразу же встала навстречу гостям, и, как подобало по обычаю, постелила перед ними для свершения молитвы белое полотенце. Акмадия сел не торо-

пясь, поджав ноги под себя. Он положил ладони на колени, откинул назад голову и, закрыв глаза, начал тихо и заунывно читать молитву. Часто останавливался и долго вздыхал.

Адильбек подталкивал братишку.

— Сбивается,— прошептал он.

Но Алибек, хоть и дремал от долгой поминальной молитвы, не шелохнувшись, высидел ее до конца.

Все долго молчали после молитвы Акмадии. Потом братья выразили горячее соболезнование Хакиму и начали дружно восхвалять достоинства хаджи. Мало-помалу они вошли в раж, расписывая ум и прославленное имя Жунуса. А когда старуха заварила еще чаю, принесла сливки и жент, лепешки и масло, Кадес от удовольствия даже зачмокал губами.

— Счастлив был покойный ага,— сказал он,— этот дастархан был богат и обилен при его жизни — таким же и остался после его смерти.

— О, он был святым среди людей,— добавил Акмадия, глядя в потолок.

— Он был опорой для всех нас!

— А как красноречив!

— Покойный точно предчувствовал свою смерть. Весь род свой поднял на волостного. Правители боялись Жунуса. Из страха они выпустили учителя Халена.

— Точно,— подтвердил Акмадия.— А разве сам Жаханша-хан не приезжал за советом к Жунусу? Ах, зачем он ушел преждевременно? Он мог бы беседовать с самим ханом.

— Еще бы...

Кадес сидел задумавшись. Потом счел нужным снова вмешаться в разговор:

— В долинах Олетти и Шидерты еще есть места, где можно стрелять птиц. Хоть в народе и говорят, что у хана такой ум, что его хватит на сорок человек, но мы повидали человека и поумнее хана. Если собрались бы такие люди, как Жуке, да показали хану кулак, ох, как бы он затрясся! Пусть Шугул хвастает, как его душе угодно! Видимо, Жаханша взвесил Жунуса на своем государственном безмене. Знающие люди так и толкуют — хан знал влияние Жунуса.

— Да, да,— откликнулся Акмадия,— ты так хорошо разбираешься в этих тонкостях, Кадес!

— Ведь я и раньше тебе говорил об этом, брат!

— Говорил, это точно. А после твоих слов приехал хан, чтоб самолично говорить с Жукеном. Только тогда ты высказал мне эту тайну...

Адильбек снова толкнул Алибека.

— Ты глянь на него,— зашептал мальчик,— когда он говорит, рот у него надувается точно от ветра, и похож он на лягушку, что проглотила муху!

Алибек исподлобья глянул на Акмадию и ничего не сказал. Однако подумал: «И вправду, раздувается как пузырь».

Адильбек фыркнул и поперхнулся чаем.

— Ну что ты все торопишься? — сказала мать с укором.— Надо пить потихоньку, тогда и не захлебнешься.

Хаким слушал весь разговор молча. Некоторые высказывания болтливого Кадеса злили его, но печальная минута не располагала к спорам.

Скрипнула дверь, и вошла Шолпан.

«Как она похорошела»,— подумал Хаким.

Шолпан взяла ведра, коромысло и молча вышла.

Кадес и Акмадия переглянулись и без слов поняли друг друга. Кадес потянулся за табакеркой, а Акмадия, погладив надутые щеки рукой, произнес:

— Аминь! Господь бог благословит хозяев,— призывая всех закончить трапезу, сказал он.

И братья дружно стали расхваливать Шолпан.

— Ах, какая сношка эта Шолпан! — воскликнул Акмадия.— Какое золотое сердце! Знает, что в доме нет ни невестки, ни дочери, приходит к одинокой старушке, чтоб помочь ей!

— Ее силы в ладу с ее умом,— поддержал Кадес.— Хозяйка она — лучше не сыскать. Все лето косила, копнила сено, осенью штукатурила землянку, чинила одежду. Везет же ее свекрови.

— Хорошо бы, если бы она пожила в доме, пока не подрастет маленький Сары и женится на ней,— проговорил Акмадия, сбоку поглядев на старуху.

— О! Сейчас смутное время — небо рушится на землю! И такая бойкая женщина, как Шолпан, в один прекрасный день может просто сказать: «Прощайте, еду к родным!» — возразил брату Кадес.

Хаким смотрел на Шолпан, и странное чувство жалости и ревности к кому-то овладело им. «Что ждет ее?» — думал он.

— Пусть Кадеке пообедают с нами, мама,— сказал он.— Положите мясо в казан!

— Нет, нет! — вместе запели братья.— Мы ведь зашли просто повидать Хакима и помянуть в молитвах Жуке: дела есть. К тому же этот ужасный грохот...

Шолпан внесла два ведра воды и низко поклонилась гостям.

— Здравствуй, милушка,— сказал Кадес.

— Здорова ли ты, красавица? — спросил Акмадия.

Шолпан не ответила. Она обратилась к старушке.

— Матушка, скот я накормила. А в полдень приду и принесу еще воды.

И она быстро вышла.

— Благослови тебя бог! — умиленно прошептала старушка.— Да будут счастливы дети твои.

— Бал-женге, я давно хотел сказать тебе, но все не мог выбрать подходящего случая. Если бы Шолпан стала вашей невесткой, а? Ведь подошла пора подумать о молодой хозяйке — Нурыму время уже жениться,— сказал Акмадия, провожая взглядом Шолпан.

— Верно говорит брат! — воскликнул Кадес.— Шолпан ведь свободна. Ее вина лишь в том, что она не девица, а уже вдова. Да это сейчас не имеет значения. Эта женщина стоит десятка девушек. Да разве можно ее назвать женщиной в ее-то восемнадцать лет? К тому же, если вы возьмете в невестки девушку, придется платить калым, а Шолпан можно сватать без калыма!

— И вот еще что: когда-то Шолпан говорила, что уйдет из аула. Мы все ее отговаривали от этого безрассудного шага. А сейчас жена моя рассказывала, что она снова поговаривает об этом. Видно, кто-то сбивает ее с толку!

Акмадия поглядел на Кадеса, и тот сразу подхватил:

— Это верно. Я тоже слышал, что Шолпан хочет уйти. Такая хорошая женщина — пусть она не пойдет замуж за несовершеннолетнего Сары, но из своего родного аула — куда ей идти? Надо ее задержать. Вот выйдет за Нурыма — и делу конец!

Старушке показался дельным этот разговор. Но ведь не было еще случая, чтобы вдова умершего старшего брата не доставалась младшему, а уходила в другой дом.

— Что это вы выдумали,— сказала она.— Как можно такое допустить? К тому же не перевелись еще в мире девушки. Ведь люди скажут, что после смерти хаджи все набросились друг на друга, подобно голодным волкам! Нет, лучше мне не слушать слов ваших!

И Балым затрясла седой головой.

— Да мы сами это дело уладим!

— Мы поговорим с Кумис. Так или иначе — уйдет невестка из ее дома!

— Уговорим!

— А то можно учителя Халена туда направить. Уж его-то не посмеют ослушаться!

— Нет, нет! Оставьте же! — замахала руками старуш-

ка.— Вы забываете о людях. Да назавтра же этот наш бойкий мулла будет говорить в мечети: «Дети хаджи вконец испорчены, они отобрали у чужой семьи невестку!» Пересудам конца не будет!

Хаким слушал все эти разговоры и думал: «Странно — ни Нурым, ни Шолпан не собираются пожениться. А тут все за них решают, даже не спросив их согласия! Ничего не выйдет из этого сватовства, даже если мать даст свое согласие».

— А что, если, Кадеке, мы выберем для этого разговора более подходящее время? — предложил он громко.— Сейчас у меня дело в стороне Верхнего аула, и я спешу туда.

— Конечно, Хакимжан, конечно. Мы и в другое время поговорим, обсудим все. Ну, а откуда ты прибыл? Мы так ждали тебя, Хакимжан. Ведь в ауле не осталось даже человека, который мог бы растолковать, что за бедствия рушатся на нас. Правда, есть учитель. Но он тоже давно никуда не выезжал,— сказал Кадес.

— Утром мы очень испугались,— Акмадия снова надул щеки,— такой был страшный грохот. Где они стреляют, эти пушки? И зачем?

— О господи! Пронеси беду мимо! — всплеснула руками тетушка Балым.— Я тоже очень испугалась нынче. Не надо бы об этом говорить!

Хаким прислушался — орудийные залпы стали сейчас тише, глуше, перешли в неясный гул. Он сказал:

— Этот грохот идет издалека, хоть и кажется близким. Это звуки орудий. Вчера днем я выехал из долины Яика — там тоже слышен такой грохот. Ты не расстраивайся, мама! Ты и так устала сейчас, измучилась. Лучше спокойно и терпеливо ждать, что бы ни случилось.

Кадес, навострив уши, подсел поближе к Хакиму.

— Во всяком случае, Хакимжан, стреляют дальше Теке?— тихонько спросил он.

Хаким кивнул.

— Давеча утром я подумал, что стрельба идет даже ближе Косатара [1]. А оно вон как — еще за Теке. Но даже когда так далеко — душа замирает и уходит в пятки. А что же делать, если будет ближе?

— Ничего,— спокойно сказал Хаким.— Не надо этого бояться.

— Да разве можно не бояться? Там, куда падает снаряд, говорят, образуется огромная яма, больше, чем загон для овец. В ней все перемешано, будто в большой чаше, где сбивают масло, и целые кучи земли и камней летят в самое небо.

[1] Косатар — Коловертный (станица).

Об этом мне рассказывал один инвалид, который пришел с германской войны. А ты говоришь — не пугайся! Боже правый, ведь каждый снаряд убивает сотни людей, так ведь? Однако дойдут ли они до нашего Теке — это еще вопрос. Если все русские казаки выступят против — то... Кто же это все-таки приближается? Я имею в виду башибеков и машибеков. У кого же сильней орудия, сила на чьей стороне? Может быть, ты знаешь, Акмадия?

— У меня не хватает ума разобраться в этом. Вот если бы Хаким сказал...

Хаким вытащил из кармана небольшую желтенькую бумажку, сложенную как для курения, бережно расправил и развернул ее.

— Вы знаете адвоката Бахитжана, знаете и Абдрахмана, приезжавшего сюда летом. Вот письмо, написанное ими специально для вас.

«...Уважаемые старейшины казахов! Свобода и равенство, к которым веками стремились сыны человеческие с тех пор как возникла земля и потекли реки, теперь уже близки. Наступает счастливое время.

Татары, башкиры, узбеки, туркмены, дагестанцы, бывшие подневольными долгое время, собираются обрести самостоятельность. А казахский народ, влачивший при царе жалкое существование, теперь стал свободным. Он строит свое государство, берет поводья власти в свои трудовые руки. Вместе с другими национальностями казахи создают народную власть. Только сам народ, трудовой народ имеет право управлять государством.

При ханах, султанах, царях и дворянах один человек имел право командовать целым народом. Больше этому не бывать!

Рабочие и батраки, бедные крестьяне сами организуют свою власть — власть Советов — советскую власть.

Далеко отогнала кровопийцев — казаков и атаманов — армия рабочих и крестьян — Красная гвардия, которая бьется за становление советской власти. Не бойтесь этой Красной гвардии — встречайте ее радостно. Бои несут вам желанную свободу, казахи! Новая советская власть раскрепостит людей от позорного рабства — беднякам окажет помощь, детям даст знания!» [1]

---

[1] Это одно из многих воззваний Бахитжана Каратаева, написанное им в тюрьме. Известные старейшины Байбакты — Салых Омаров, Кенесары Отаров, Анжан Жубаналиев, Майлан Куанышалиев, к которым было обращено это воззвание, были видными биями — предводителями общества — и пользовались уважением и влиянием в народе.

С целью вырвать их из-под влияния Жаханши Досмухамбетова большевик Каратаев и направил к ним специальное письмо.

Вторую половину воззвания Хаким рассказал своими словами.

Кадес осторожно потрогал кончик своей остренькой бороденки и промолвил:

— Так это написали, значит, Бахитжан с Абдрахманом? Да... В таком случае — побеждают, видимо, красные. И много их?

— Да,— сказал Хаким.

Потом, накинув полушубок, он вышел на улицу.

— Так вот что,— шепотом обратился Кадес к брату,— оказывается, он в сговоре с ними...

— С Бахитжаном?

— Больше того. С башибеками,— проговорил раздельно Кадес.

И они тихонько вышли из дома, неся с собой неожиданные важные новости, точно боясь растерять их на своем пути.

Хаким с улыбкой поглядел им вслед.

— Ну, что ты смотришь на меня? — ласково погладил он челку своей кобылы. В этот момент ему подумалось, что преданное животное честнее и лучше некоторых людей. Он притащил из чулана полведра проса и высыпал перед лошадью, протер рукой шерсть на ее спине, слипшуюся от пота, нежно похлопал верного друга по крутой шее. Он заметил, что правое копыто сбито.

Пестрый бык, привязанный во дворе, скосил темный глаз на сено возле лошади.

— Ах ты, озорник! — засмеялся Хаким и отвел быка в хлев. Потом быстрым шагом направился в дом.— Алибек! Быстро к Тойяш-аге! Позови его — пусть подкует передние копыта лошади! — распорядился он.

Мальчуган радостно бросился выполнять поручение.

А Хаким пошел к учителю Халену. Надо же было попрощаться с ним и поговорить обо всем.

3

Кумис накосила нынче много сена вместе с Шолпан, вовремя убрала его, сложила. Как только наступили холода, скот не гоняли далеко на пастбища, а стали рано подкармливать душистым сеном.

За неделю Шолпан отделила двух суягных овец от остальных, пустила их в изгородь, вдоволь накормила сеном.

— Пусть здоровыми будут ваши ягнятки, пусть у них будет, у маленьких, много молочка,— приговаривала она, любуясь здоровыми овцами.— А где же одна из них? Или спряталась куда-либо и уже ягнится? Вроде бы рановато еще...

Шолпан с беспокойством стала искать. Между двумя стогами сена было узкое пространство, наподобие норы, туда и провалилась глупая овечка.

— Ах ты, дурочка! Ну зачем ты влезла куда не надо? — ласково говорила Шолпан, вытаскивая испуганное животное из ямы.

Она заткнула ямку кугой, которую не ели овцы, и пошла к учителю.

— Хаким приехал,— сказала она стоявшей у печки Загипе.— Зашла бы, попроведала родственника.

Загипа побледнела. Потом щеки ее вспыхнули ярким румянцем.

— Хаким очень опечален смертью отца. К тому же он приехал издалека. Было бы хорошо тебе навестить его,— настаивала Шолпан.

— А ты сама-то говорила с ним? — спросила Загипа, и сердце ее забилось часто-часто.

Шолпан покачала головой:

— Нет. Я не говорила с ним. Дома у них сидят эти говоруны братья. А разве можно говорить о чем-либо при них? Они и без того, верно, перемывают мои косточки.

— Так зайдем вместе,— повеселев, предложила Загипа,— когда никого у них не будет!

Шолпан заглянула, вытянув шею, в двери гостиной, заметила, что там нет Макки, и быстро спросила:

— Если я скажу тебе что-то, не будешь сердиться?

— А что?

— Не успела я произнести имя Хакима, как ты сразу покраснела, как головешка, вынутая из горячей печи! Неужели ты имеешь какие-то намерения?.. Он не поет, не веселится и вовсе не похож на остальных джигитов нашего аула...

— А ты? — глухо спросила Загипа, снова побледнев.— Ты сама тоже имеешь на него виды, а?

— Да я ни на кого никаких видов и не думаю иметь,— холодно отвечала Шолпан.— Поперек твоей дороги я не стану, не бойся.

— А зачем же ты бегаешь туда? Чтобы поглядели да заметили, какая ты красивая, да? — уже зло спросила Загипа.

Шолпан удивилась.

— Эх ты! — вздохнула она.— Сказала бы я тебе, да ведь ты и шутки-то не поймешь! Злишься вон из-за пустяков!

— Говори! — все еще сердито сказала девушка.— Ты хитрая, всегда придумаешь причину, чтобы сунуть нос в дом Жунуса.

— Вчера я тетушке Капизе выстирала белье. Может, и к

ней я ходила в поисках молодых джигитов? Мне скучно, если я не работаю. Что же, сложить ручки да и сидеть у печки, да? А старушка после смерти мужа согнулась как коромысло. Мне жаль ее — ведь в доме некому помочь ей. А жена младшего брата себе-то белья не постирает, не то что другим! Да я даже не знала о том, что приехал Хаким, вот! А ты со своим ревнивым, дурацким характером сроду замуж не выйдешь, так и знай. А если и выйдешь, то у твоего мужа будет еще одна жена.

И Шолпан хотела уйти.

— Постой,— остановила ее Загипа.— Я знаю твою тайну. Все лето ты волновалась, только и думала: «Прилетел сокол, на чью же руку он сядет?» Ты даже на лодке плавала, чтобы спасти этого Хакима. Нет, ты от меня ничего не скроешь, я все вижу, что у тебя в душе делается!

— Эх ты,— только и сказала Шолпан насмешливо и, стараясь перевести разговор на другую тему, спросила: — А куда ж моя тетушка ушла?

— Во дворе,— бросила Загипа.— Ведь ты говорила такие слова о соколе. Пусть необдуманно, а говорила.

И Загипа ехидно засмеялась.

Самолюбие Шолпан было задето.

— Ты тоже поступаешь необдуманно. Однако я не злорадствую, как ты,— сказала она уже серьезно.

Загипа помрачнела.

— Сама сбила себя с толку и меня хочешь сбить? Нет, ты — это ты, а я — дело другое!

Шолпан хорошо знала, что Загипа любит Хакима. Но она решилась сказать ей главное:

— Так знай же, молда кыз [1],— и мне нравится Хаким. Я даже сильнее стремлюсь к нему, чем ты. Но посчитает ли он меня равной себе? Ведь я женщина. Будет ли он ко мне привязан всерьез? Многие ночи провела я без сна, думая об этом. Я старше тебя и хорошо знаю, почем фунт лиха в жизни! И поняла: сколько ни плыви по бескрайнему морю мыслей — другой берег все так же далек. Мираж счастья не схватишь руками — он рассеется как дым. И я решила: не тебе ровня, Шолпан, этот красавец. Но ты не отчаивайся, говорила я себе, и на твою руку сядет другой сокол, жди! Каждый шьет себе шубу по росту. Знать, не судьба. Ну а ты, молда кыз, Хакиму ровня — и по воспитанию, и по имени, и даже по виду. Но и ты не соединишь с ним свою жизнь, знай. Наши роды не берут друг у друга невест, и не тебе ломать этот обычай. Если б я была на твоем месте, я бы потя-

[1] Молда кыз — грамотная девушка.

галась с обычаями. А тебе это не под силу! Дальше — Хаким шесть лет учился в Теке, он красив, знатен, неужели ты думаешь, что он не присмотрел уже себе невесту? Если не в городе, так где-нибудь да приглянулась ему красавица.

Шолпан говорила спокойно и строго, как старшая.

— Да я же влюблена в него! — чуть не плача воскликнула Загипа.— А с любовью не сладишь. Твои трудности — это не припятствие. Читала «Жусупа и Зулиху»?[1] Настоящие влюбленные всегда сходятся в конце концов!

— Зулиха — не ты. И люди тогда были иными. Что ты приравниваешь себя к царевне?

— Да ты ничего не понимаешь!

— Пусть так! Я не ревную. Соединяйся со своим Хакимом, если и он сгорает от любви к тебе. Придет мулла, соединит вас законным браком, и я скажу тебе: «Будь счастлива, Загипуша!»

И Шолпан невесело засмеялась.

Они обе примолкли, услышав шаги тетушки Макки и ее скорбный голос.

— Да, дорогой,— певуче говорила Макка, шумно вздыхая,— навсегда мы расстались с хаджи, навсегда... Да будет земля ему пухом — это все, что остается нам пожелать покойному хаджи-ата. А как переживает эту тяжелую утрату твой учитель! Он молчит, ведь он и вообще-то неразговорчив, но по ночам часто стонет и ходит по комнате.

Загипа и Шолпан сразу поняли, что это с Хакимом разговаривает Макка. Загипа быстро развернула платок, который вышивала уже давно, а Шолпан уставилась на вышиванье, как будто этот несложный рисунок, напоминающий следы мышиных лапок, интересовал ее больше всего на свете.

— Здравствуйте! — приветствовал их Хаким.

Шолпан склонилась в поклоне. Потом спокойно и открыто взглянула на гостя.

— Хаким, мой сверстник,— сказала она,— да покоится с миром хаджи-ата! Пусть смерть его не слишком печалит тебя! Ведь для каждого человека в определенный день наступает рассвет, приходит и час заката,— так говорил мой отец. Эти слова по-настоящему я сумела понять лишь недавно. Не отчаивайся, Хаким. Такую утрату предстоит пережить каждому...

Хаким с удивлением вслушивался в слова Шолпан. Не столько ее речь, сколько какой-то глубокий тайный смысл их

[1] Народная поэма «Жусуп и Зулиха» на сюжет сказания об Иосифе Прекрасном.

поразил его. Он пропустил мимо ушей соболезнование Загипы.

— Спасибо, Шолпан, что ты подбодрила меня! — тепло произнес Хаким.— Здоровы ли все ваши?

— Слава богу, пока здоровы!—коротко отвечала Шолпан.

Хаким огляделся

«Все как прежде,— отметил он про себя,— чистота, уют. И все так же, по-особенному красиво, спускается с постели пушистое шерстяное одеяло, на полу широкая узорчатая кошма. Приветливое круглое лицо тетушки Макки. Хорошо коротать вечера в этом доме».

И Хакиму вдруг показалось, что долгая ночная скачка, трудные опасные пути вдали от родных мест — лишь страшная сказка. Хорошо бы рассказать об этих событиях Шолпан (какие у нее горячие глаза) и Загипе. Они бы сидели вместе, и он, как в былые дни, клал бы голову то на колени одной, то на колени другой...

От мрачных утренних дум не осталось и следа. Жизнь быстро залечивает раны души, нанесенные внезапной смертью. Печаль так несвойственна молодым!

Хаким весело поглядывал то на Загипу, то на Шолпан, и глаза его смеялись.

— Ну, я пойду чаю приготовлю,— поднялась Макка.

— Сидите, тетушка,— проговорила Шолпан,— я сама все сделаю.

Загипа увязалась следом.

— Скоро и Хален придет,— пояснила Макка, и слова ее были теплыми, круглыми и мягкими, как и все вокруг,— он обещал вернуться к полудню. Говорил — в ауле у него дела. Все дела, дела...

Хаким промолчал. В эту минуту он и не стремился встретиться с учителем. Женщины завладели всеми его помыслами. Он сел, подперев щеку, наслаждаясь теплом и ароматом заваренного чая... Образы Шолпан и Загипы соединились с чертами Мукарамы. Это было какое-то совершенное существо, нежное и горячее, преданное и прекрасное. Как белое шелковистое облако, оно точно обволокло Хакима...

Тихий смех Шолпан вернул Хакима к действительности. Женщины, видно, поняли настроение гостя, догадались, что зажгли его сердце...

Хаким ждал, когда выйдет из дому Макка, чтобы остаться с девушками наедине. Но не всегда сбываются сладкие мечты.

Времена были другие...

Все пылало огнем... и степи, и города... Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Жизнь всякого человека висела на

волоске... И для этих троих настал час, когда не только вот так посидеть в чистой и уютной комнате, но даже нельзя было поверить: а встретятся ли они еще раз когда-нибудь...

...Аул был захвачен отрядом...

4

В лютые декабрьские морозы Красная Армия пошла в решительное наступление на белое казачество в долине Яика. Бои начались на восточном фронте. Вырвать Оренбург из рук Дутова, захватить Уральск — такова была ближайшая задача красногвардейцев.

Со стороны Саратова двигалась прославленная двадцать пятая стрелковая дивизия вместе с Алгайской бригадой, точно в клещи захватила казаков и двадцать вторая дивизия, начавшая наступление от Самары.

Крепко задумался генерал Михеев. Миновало время, когда Уральск, словно железными обручами, был опоясан казачьими войсками. Все пошло прахом! Донесения, холодные и колючие как лед, сводили его с ума. Всюду началось разложение, все перемешалось, и становится трудно разобраться в этой чудовищной каше!

«Второй полк генерала Акутина на пути к Саратову сегодня побросал оружие, и солдаты стали брататься с красными»,— гласило донесение. Было от чего растеряться правителю Михееву!

Но не сдавалось без боя казачество. На Самарском фронте неистовствовал полковник Бородин. Он крепко держал оборону.

Некоторое время его сводки с Самарского фронта вселяли в душу Михеева веру в победу. И что же? Оказавшись в тисках, зажатый пешими (пешими!) войсками Плясункова и конным полком Кутякова, отчаянный полковник тоже отступил! «Сам Бородин во время отступления был дважды ранен, а его бравый полк... погиб целиком»,— вот последнее сообщение!

Генерал Михеев несколько раз прочитал эту страшную весть. Остатки надежды рассеивались точно дым.

— Плясунков, Кутяков,— шептал он, брезгливо морща мясистый нос,— кто же эти, с позволения сказать, люди? Без чинов, без имени, вряд ли даже имеют они военные звания. Так почему же прославленный казачий полк, испытанный в боях, бросает оружие и бежит в панике?

Или то, что мы привыкли считать русской армией, стало детской игрушкой? Или военная наука непостижима, точ-

но китайская грамота? А может быть, командующие войсками, все как один, сошли с ума?

Михеев вспомнил генерала Акутина. Да, он не умен — это ясно как день! Как самонадеянно Акутин спорил, доказывая, что «бить врага вдали — это залог победы»! Дурак! Отправился в дальние походы, вопреки разумным возражениям, настоял-таки на своем! И что это принесло ему? Полки, что с таким трудом удалось за лето скомплектовать, дрогнули под ударом какого-то батрака Чапаева! Да еще не было в военной истории такого случая, когда бы войска завоевали бранную славу после длительного, утомительного для бойцов дальнего похода по незнакомой местности.

Уничтожен полк полковника Бородина! В это было даже трудно поверить Михееву. А если проанализировать, почему так случилось? Да только потому, что полк оторвался от дивизии, отправился к Самаре, завязал там бои, не оценив обстановки. Все это — результат плохого руководства командования. Так в чем же, черт возьми, причина побед этих босяков?

Михеев долго стоял у большого окна, всматриваясь в сторону Шагана. Небольшая речушка, разлившаяся от осенних дождей, расширилась, замерзла, точно громадное озеро. Лед блестит, искрится под солнцем.

Издалека генерал увидел корову, которая осторожно шагала по скользкому льду. Ноги ее расползались в стороны, она то падала, то снова, собравшись с силами, поднималась и продолжала упрямо идти вперед, вытянув тощую жилистую шею.

Увидев в стороне кем-то оброненную охапку сена, животное сделало попытку добраться до этого места. Но напрасно! Поскользнувшись в последний раз, корова повалилась на бок и уже не могла встать, оглашая воздух жалобным, тоскливым мычанием...

Вряд ли генерал, наблюдавший за животным из окна, мог услышать его мычание. Однако Михееву показалось, что до него донесся этот голодный предсмертный стон, и сердце его сжалось в тоске.

«Наше положение сейчас еще более плачевно,— прошептал он,— скотину хоть волоком можно вытащить на берег, и она отойдет, отогреется. Но нет уже такой силы, чтобы поднять тебя из руин, бедная наша Россия.

В чем же их сила? Чем порождены храбрость и чудовищное упорство, с которым в трескучий мороз эти полуодетые, полуголодные существа одерживают победу за победой?» Этот вопрос не давал покоя генералу.

«Царский род Романовых, стоявший у кормила власти триста лет, уже не мог держать в повиновении темные массы. Ничего не изменили и адвокат Керенский и генерал Корнилов. А сейчас эта толпа — оборванная, голодная — двинулась, как лед в половодье, и с нею не справиться ни акутиным, ни бородиным! Эти плясунковы и кутяковы растопчут все на пути, будь то даже дракон о семи головах! Нужно что-то предпринять... Но что? Что?»

Генерал задумался. Потом вызвал своих адъютантов:

— Собрать перед резиденцией губернатора всех служителей церкви. От самого архиерея до последнего монаха! — распорядился Михеев.— Сюда же — учащихся духовной семинарии, всех верующих, церковных хористов! Пусть у каждого в руках будет крест и икона. Да напомните, чтобы оделись потеплее!

По подсчетам господина Михеева, число служителей церкви в Уральске превышало батальон.

Он решил выставить на пути Красной Армии этих волосатых людей в черных одеждах, что выделялись среди всех остальных, как головешки среди спелого проса. Они умели сеять сомнение в души, завораживать словами о потусторонней жизни доверчивых крестьян, одетых в серые шинели. И они скажут: «Кайся! Бойся бога! Провидение, сохрани царя!»

Как последнее средство Михеев решил испытать силу христианской религии.

* * *

В донесении говорилось, что полк Бородина погиб полностью. Но это было не совсем так.

Небольшая кучка казаков, чудом вырвавшаяся из железных цепей крестьян в шинелях, оказалась в тылу у красных. Дорога к Уральску им была отрезана, вокруг находились деревни, население которых, озлобленное против казачества, всеми средствами поддерживало советскую власть. А впереди двигались красные войска. Пробиться не было ни малейшей возможности.

Шинели у большинства солдат были сожжены. У некоторых не было шапок. Замерзшие, испуганные, покрытые пылью и кровью, эти десять-пятнадцать казаков, словно стадо овец, мчались по пустынному берегу Яика.

Около Борили им удалось незаметно переправиться через Яик на бухарскую сторону. Они переночевали прямо в степи, собрались с силами и наутро взяли направление на юг.

Молодой хорунжий, хорошо знавший эти места, решил вывести казаков степью к первой казачьей части, что стояла ниже Уральска. Они шли, прячась в оврагах, крутым берегом реки. Холмы Анхаты скрывали этот маленький отряд.

Около озера Бошекен казаки решили зайти в аул, чтобы поесть горячей пищи, дать передохнуть коням. Голова лошади хорунжего, который ехал впереди, уперлась прямо в дом Кадеса, который стоял в пятистах шагах от реки.

Первой обнаружила незнакомых всадников, появившихся из-под яра, жена Кадеса — Мауим. И хоть небо было серым, день пасмурным, женщина разглядывала их, прикрыв глаза ладонью, точно защищаясь от яркого солнечного света.

«Кто же эти всадники? — с тревогой подумала она.— Или жители верхнего аула едут к нам, чтоб почтить память умершего хаджи?»

Мауим, не в пример другим, сроду не могла издали отличить лошади от верблюда. Ей даже показалось, что в одном из всадников она опознала знакомого из верхнего аула. И Мауим приготовилась улыбнуться гостю, а главное, порасспросить обо всех новостях, что произошли за последнее время там у них, наверху... И вдруг, когда всадники были уже совсем близко, женщина увидела, что они увешаны оружием и одеты по-военному.

— Ойбой! — пронзительно завизжала Мауим.— Разбойники! Русские разбойники идут!!

Соседи всполошились. Несколько солдат направились в дом Жунуса, трое стояли во дворе Кадеса, остальные стучали уже в двери соседей. Во дворах хрипло залаяли собаки, ребятишки, плача от страха, торопились спрятаться кто куда.

Первым из дома высунул нос Акмадия. Почуяв, что дело неладно, он юркнул в хлев и притаился там. Кадес, вышедший в сени, наткнулся на казаков и стремительно попятился. Так, пятясь он запнулся о порог и сел. Солдаты спокойно перешагнули через хозяина и направились прямо к очагу. Сев на корточки, они протянули руки к огню, и черные тени от их винтовок беспокойно запрыгали по стенам.

Третий казак приплелся к дому последним. Он не подошел к очагу, как те двое, а стал на пороге, рядом с Кадесом, и вытянулся по струнке. Он был невзрачен и рыж, и в его остренькой бородке застряла солома. Кадес подумал: «Этот, верно, смирный. И одежда у него похуже, и глядит кисло. Верно, он в услужении у тех, чернявых. А все же хорошо, что это русские казаки,— продолжал размышлять Кадес, осмелев.— А я, дурак, перепугался, думал, красные, чтоб им пусто было! Но... хорошо бы спровадить их все же к кому-нибудь из соседей...»

В это время сидящий у огня что-то быстро проговорил рыжему, и тот, подняв клином бородку, спросил Кадеса:

— Есть ли здесь человек, знающий дорогу?

У Кадеса с перепугу завертело в животе, и он, едва ворочая языком, пробормотал:

— Мина не понимайт русский тамыр.

— Да ведь я тебя по-киргизски спрашиваю, чудак! — удивился рыжий.

— Жок, жок[1]. Мина не знай ни Бударин, ни язык,— очумело повторял Кадес.

Казаки переглянулись. Потом рыжий опять сказал уже раздельнее:

— Да ты в своем ли уме, аксакал? Пожилой человек, а бормочешь такую чепуху. Отвечай!

— А что говорит этот проклятый киргиз? — спросил казак, отвернувшись от огня и вытаскивая из кармана кисет.

Рыжий, пожав плечами, обстоятельно перевел им ответы Кадеса. Потом все сердито поглядели на хозяина.

«Худо дело»,— трусливо подумал Кадес, семеня ногами.

— Ты,— уже громко и зло спросил рыжий по-русски,— нет ли в ауле киргиза, знающего дорогу и русскую речь?

Кадес обрадовался:

— Есть, есть, тамыр. Ошитель Хален есть. Русски говорит, пишет русски. Дом карош, хозяйка карош. Ошитель расскажет. Дом близко, я покажу. Ищо жигит есть, Жунуса сын. Тоже русски говорит. Теке учился.

Все трое казаков вышли из дома.

Акмадия же, посидев в углу хлева, подумал, что неплохо было бы прибрать туда же и рыжего коня, что пасся невдалеке. Хадиша помогала ему управиться с конем. Конь был ладный, сытый и уж очень приглянулся самому толстому казаку. Ему даже показалось, что именно такого коня он просил у неба, а вот — встретил на земле. Он забрал поводья из рук худенькой Хадиши, оглядел копыта коня, одобрительно промычал что-то себе под нос и с ловкостью, удивительной для его тучной комплекции, мигом приладил седло со своей клячи на коня и оседлал его.

— Ойбай-ай! — заголосила Хадиша и заметалась по двору, будто пятки ей прижгли каленым железом.— Ой, беда, беда! Единственная лошадь! Ой, обнищали, обнищали... Бегите за сыном хаджи-ата, пусть же он скажет им что-нибудь... Помогите!..

Но толстяк только набычился и велел рыжебородому вести свою тощую лошадь на поводу.

---

[1] Жок — нет.

— Ой, тамыр, тамыр, зачем плохо сделал? — заорал Кадес. Но казак матюкнул его так смачно, что Кадес одурело замер как вкопанный, открыв рот.

А остробородый сказал строго:

— Ты умеешь гонять коней в Лбищенск и Теке. Соображаешь, как выгодно продать шерсть и кожи. Насыбай не забываешь запустить в свою носину. А человеку, который сбился с пути, указать дорогу не можешь, а?

Кадес, очнувшись, направился было к коню, беспомощно растопырив руки, но тут же упал, взвыв от острой боли: плеть чернявого толстяка, свистя, впилась в его тело. Кадес попытался встать, но удары плетей посыпались на него как град, точно стремясь загнать его в землю. Последний удар пылающим обручем обвил его голову и вонзился в правый глаз. Кадес потерял сознание. А казаки, шагом выехав со двора, направились к дому учителя Халена.

Все они не испытывали угрызений совести, даже не оглянулись. На их душе было немало кровопролитных дел. Один из них был тот самый молодой хорунжий Захар Калашников, что организовал засады на Мендигерея и Быкова. Второй — Остап Песков. Это он хотел в проруби ночью утопить Мендигерея. И только третий — шорник Иван Гречко, сосед Быкова, спасший когда-то Мендигерея от верной смерти, ехал, грустно опустив голову; печальная и какая-то растерянная улыбка пряталась под его рыжими усами.

5

Хаким не поверил своим глазам — в дверях дома Халена стояли русские казаки. Он даже сам не заметил, как вскочил с места и тихонько стал подвигаться по направлению к печке. Лицо его посерело от страха.

«Значит, за мной следили. Значит, донесли»,— мелькнула горькая мысль.

Макка так и застыла с блюдом в руках.

— Хаким, дорогой,— простонала она, и блюдо сползло из ее рук на пол,— это же, верно, за твоим братом снова пришли. О, бедная моя головушка, разнесчастная судьбина!

— Здесь живет учитель? — спросил Захар Калашников.

Запинаясь, Хаким ответил:

— Здесь, ваше благородие, господин хорунжий. Но его дома нет.— «За Халеном пришли,— подумал Хаким, и противные колючие мурашки побежали по его телу,— значит, и меня не оставят в покое. Кто-то донес».

Хорунжий Захар насупился.

— А может, ты и есть учитель, да не признаешься? — спросил он, наступая на Хакима.

— Нет, ваше благородие, мне незачем скрывать. Учителя нет дома. Но вы можете поговорить с его женой.

Макка сделала какое-то странное движение, будто хотела подпрыгнуть на месте.

— Дело вот в чем,— сказал Захар, даже не взглянув на женщину,— нам нужен человек, знающий русский язык и здешние дороги. Вместо учителя пойдешь ты. Кто ты такой?

— Большевик, наверно! — хриплым басом буркнул Остап Песков.— Вся их чертова стая состоит вот из таких дьяволов.

Хорунжий опасливо попятился от Хакима.

— Да я студент,— повеселев, отвечал Хаким.— Учился в реальном в Уральске. Сейчас отдыхаю у матери — ведь занятий-то нет.

Остап в упор посмотрел на него, послюнявил толстую скрученную цигарку и мрачно спросил:

— А где твой дом?

— В ауле.

— Близко?

— Близко...

— Так...

В комнату вошел Гречко. Он остановился в дверях. Странная, точно забытая улыбка все еще пряталась в его усах.

Остап враскачку направился к очагу, чтобы прикурить. Он заметил Шолпан и Загипу, которые, чуть дыша от страха, притаились за печкой.

— Ба! Да здесь, оказывается, красавицы есть! — промолвил он. Потом вынул не щипцами, а рукой уголек и, поочередно перебрасывая его с ладони на ладонь, с удовольствием прикурил.— Эй, Захар! — окликнул он и щелчком бросил тлеющий уголек в Шолпан. Он упал на кошму, недалеко от нее, и Шолпан быстро смахнула его на пол.— Иди сюды, Захар! Я тебе кое-что покажу! Здорово, красавицы!

Загипа спряталась за спину Шолпан, которая стояла вытянувшись, точно струна. Она-то очень хорошо поняла жадные взгляды этих страшных кафиров.

Остап что-то шепнул хорунжему. Тот кивнул.

— Вот что,— снова подойдя к Хакиму, проговорил Захар,— поведешь нас до устья реки. Ясно? Иди сейчас домой, собирайся, седлай коня. И мы немножко погреемся и поедем.

Глянув за печку, Захар захихикал, глаза его стали маслеными.

— Вот так-то, родственничек, поведешь, значит, нас. Наш отряд идет по срочному делу. А что такое армейское дело, ты, верно, знаешь, раз реального понюхал. Остапушка, как эта река-то? Соленая, что ли?

— Солянка!

— Переправив через Солянку, выведешь прямо на Бударино. Ну, иди быстро. Гречко, проводи-ка студента домой...

Хаким, оправившись от страха, решил: «Если их нужно только вывести на дорогу — черт с ними! Я бы проводил их до самого Сасая!»

— Хорошо, господин хорунжий! Я проведу вас до Солянки, а дорогу вы дальше и сами найдете — на Бударино одна дорога всего,— сказал Хаким.

— Не волнуйся, тетушка,— успел шепнуть Хаким Макке,— они потому интересовались Халеном, что хотели его заставить проводить их до Бударина. Я вместо него провожу этих людей за аул. У меня дома бумаги,— совсем тихо добавил он,— которые я должен передать Халену. Я оставлю их брату. Он передаст.

— Да забирай же всех с собой,— громко перебила Макка, кивнув в знак того, что она все поняла,— на что они тут нам?

Хаким вышел, пожав плечами. За ним как-то боком направился Гречко...

* * *

Хоть Шолпан и выросла в местечке, далеком от города, она видела русских не впервые. В детстве она ездила с отцом на базар. Бойкая, хваткая в работе, она лучше мальчика помогала отцу нагружать на телегу продукты, купленные в городе. А на Меновом Дворе девочка не боялась даже торговаться с русскими, которые закупали скот.

Как-то отец ушел искать Байеса, дал в руки Шолпан поводья и сказал:

— Торгуй, дочка. Я скоро приду. За телку проси двенадцать рублей, за двух валухов — по пять.

Шолпан было даже интересно стоять, наблюдая пеструю базарную толпу, прислушиваться к ее неумолчному гомону.

— Сколь за телку?

Русский, пощипывая светлую бородку, стоял рядом.

— Прошу двенадцать пятьдесят,— солидно ответила Шолпан.— Дешевле двенадцати не отдам!

Русский покачал головой.

— Ай и бойка ты, кызымка! — засмеялся он.— Востроглазая растешь...

Но телку все же купил, не торгуясь.

...Увидев громогласного Остапа, Шолпан подумала: «До чего же отвратителен! И откуда у русских берутся такие черномазые? Словно черный бура. Запрячь бы тебя в плуг, да попахать на тебе, да постегать бы твою толстую спину кнутом!»

Когда Остап закурил, Шолпан даже с интересом наблюдала, как из его широченных ноздрей, словно из труб, повалил дым.

«Как же у него внутренности не сгорят?» — подумала Шолпан. Она впервые видела, как курят.

А Остап буквально пожирал ее глазами, готов был наброситься на Шолпан, словно хищник. Приближаясь к ней, он старался радостно улыбнуться, но вместо улыбки лицо его исказила какая-то гнусная похотливая гримаса.

— Чего тебе надо, проклятый? Чего лезешь, как бешеный бык? — сердито закричала Шолпан.

— Ты не бойся. Я не съем тебя,— пророкотал Остап.

Шолпан, оставив Загипу, перепрыгнула на другую сторону очага. Но тут ее настиг Захар.

Сильным движением Шолпан вырвалась, отбиваясь локтями. Хорунжий показался ей намного тоньше и слабее черн го Остапа.

«С этим-то я справлюсь!» — подумала она. Но З оказался сильнее, чем она предполагала. Он снова схва и, уже не разжимая крепких объятий, стал жадно це в губы.

— Проклятый! — закричала Шолпан, вырываясь.- окаянный, слюнявый дьявол! — и презрительно сплю

Хорунжий, гордо выпятив грудь, сказал как мог

— Не бойся. Ты очень хорошая девушка и сразу лась мне. Ты похожа на наших девушек. Ты сильна сивая...

И тут Шолпан ухитрилась наконец схватить трясая ими, она заговорила:

— Ты думаешь, что от одного страха приж ей груди? Да будь ты проклят! Да чтоб тебе дел вот это? — она взмахнула клещами.— Хо мри. Иначе последние мозги вышибу из баш

А в это время Остап переключился на показался просто чудовищем этот щети плоским лицом, потрескавшимся от ве кровью бычьими глазами. Загипа забила

растопырив руки, двигался к ней. Почти потерявшую сознание девушку Остап поднял одной правой ручищей и отнес в соседнюю комнату, что-то рыча себе под нос.

Шолпан же подошла вдруг к хорунжему с улыбкой, словно была готова обнять его.

— Хорошо! — кивнула она головой, с ужасом прислушиваясь к стонам Загипы, доносящимся из другой комнаты.— Иди поближе...

Захар подошел.

— Ах,— сказала Шолпан, уцепившись за шашку хорунжего,— ну зачем тебе эта штука? Носишься с ней, ровно овца с палкой, которую ей привязывают на шею, чтоб не чесала свои раны...

Хорунжий стал покорно снимать шашку. Он и шинель бы снял в эту минуту!

Шолпан с силой ткнула его в грудь острым концом щипцов. Удар пришелся прямо против сердца, и хорунжий бессильно согнулся и присел на пол. Тогда Шолпан еще раз ткнула его в грудь железными щипцами. Потом схватила обеими руками бочку с закваской для выделки кож, что стояла в углу, и вылила ее содержимое на полулежащего хорунжего, пока он не пришел в чувство.

В одну минуту Шолпан оказалась у себя дома. Она даже бежала, а прыгала, точно заяц. Никто ее не успел заме-... Она вспомнила про выемку у стога сена, в которую ут-...ровалилась овца. Сейчас это место казалось ей самой ...чой крепостью, которую не знает ни одна живая душа. ...ившись в свое убежище, Шолпан прихватила лом, ко-...пробивала обычно лед на реке, чтобы напоить своих

...и «пещера» была глубока и просторна. Немного от-...сь, она прислушалась к тому, что происходит сна-...оговорила:

...а, сунься, окаянный! Вот этим ломом я тебя огрею ...ем щипцами!

...все было тихо. Мерно жевали сено котные овцы. ...окончательно успокоили Шолпан.

* * *

...жду домом учителя и своим показалось Ха-...м. Он хотел одного — скорее первому до-...и успеть спрятать револьвер, что лежит ...переметную сумку, в которой были лис-

...показался ему не слишком рьяным кон-

воиром. Он ехал, рассеянно поглядывая в сторону степи, и у него было доброе лицо простого крестьянина. Хаким подумал, что его острый нос и остроконечная бородка указывают в сторону степи, точно два пальца. Всю дорогу он молчал, а ведь настоящий казак мог много успеть выпытать за это время... Хаким первым нарушил молчание:

— С какой стороны Анхату вы перешли? Или со стороны моста?

Гречко не ответил.

«С какой же целью и откуда едут эти казаки? — размышлял Хаким.— Едут к Бударину, Солянке. Значит, пришли сверху, может от Уральска? Тогда выходит, что их центр разгромлен и они бегут из города. Это похоже на правду — едут спешно, лошади заморенные...»

Подъехав к дому, Хаким весь похолодел от неожиданной догадки — а что, если их много, этих казаков, другие, может, уже перевернули весь дом вверх ногами, нашли оружие, переметную сумку...

Сердце его замерло — у южной подветренной стороны была привязана оседланная лошадь.

«Так неожиданно и глупо попасть в руки врага! Неужто и над моей головою занесена шашка?» — пронеслось в голове Хакима.

В сенях топтались чужие люди. Они, деятельно орудуя ножом, обдирали шкуру с овцы, подвешенной за задние ноги к поперечной балке. Здесь же на полу, запачканном кровью, валялись баранья голова и внутренности.

Хаким поспешно вошел в дом. Двое бритоголовых казаков, точно хозяева, сидели у очага и, макая поджаренный хлеб в сливки, с жадностью поедали, чавкая. Один из них соорудил себе вместо стула целую башню из подушек и одеял. Еще один казак развалился на полу возле печки, подстелив хорошее одеяло, и курил.

Бедная старушка дрожащими руками подкладывала кизяк в печь, и губы ее шептали молитву. Увидев сына, она громко, во весь голос зарыдала.

— Перестань, мама, не плачь! — обнял ее Хаким.— Это безобидные казаки. Они нас не тронут. Тише, мама, тише.

— Господи! — воскликнула мать.— Да я ж думала, тебя заберут, за тобой пришли. Все, все разнесли в пух и прах, даже Коран истоптали ногами. А твои бумаги, сыночек, что были в хурджуне, порезали на курево. Видишь, какой чад-то!..

— Тихо, мама, тихо...

— Белолобую овечку зарезали...

И старуха Балым снова залилась горючими слезами.

— Не зарезали они,— сердито проговорил Адильбек,— долбанули по голове обухом — и все. По-поганому убили. Попала в русские ручищи овца!

Адильбек, обняв Хакима за шею, горячо зашептал:

— Я запрятал твой алтыатар [1]... И остатки твоих бумаг тоже...

Хаким кивнул, прикусив губу: молчи, мол!

— Хозяин, что ли? — спросил тот казак, что лежал на боку у печки.— Откуда?

— Да, хозяин,— смело отвечал Хаким.— Ходил к табунам в степь. Лошади далеко на тебеневке, в тридцати верстах отсюда...

— А много лошадей?

— Да, есть.

— Ты грамотный джигит, да?

— Учусь в Уральске. А сейчас вот дома — школа ведь закрыта.

Еще издали Хаким увидел свою сумку. Пачка листовок была рассыпана по полу.

Тот, что сидел на одеялах и подушках, взял одну листовку, порвал, свернул большую цигарку и стал внимательно разглядывать арабские буквы.

— Эй! Что здесь написано? — спросил он.

Хаким был уверен, что казак не знает казахского языка, на котором была отпечатана листовка. К тому же и держал он листок вверх ногами.

— Это рекламные бумаги компании «Караев — Акчурин». Здесь напечатано об их товарах. В эти бумаги приказчики заворачивают мыло. Знакомые торговцы дали мне бумагу для курева,— Хаким говорил небрежно.

Услышав имена известных богачей-миллионеров, казак покачал головой и не задавал больше вопросов.

Пришли Остап и Захар. Все казаки, топая сапогами, вошли в комнату, а Хаким вышел седлать коня. Вскоре во двор вышел его недавний конвоир с бараньей тушей на плече. Он долго возился, привязывая ее у седла. Запах свежей крови вызывал у Хакима тошноту...

Прикрутив тушу сыромятными ремнями, Гречко не спеша приблизился к Хакиму.

— Ты — большевик? — спросил он тихо по-казахски.— Так знай: плохое дело затеяли они,— он кивнул в сторону дома,— убьют тебя — вот что, как подъедут к Бударину...

Хаким с удивлением взглянул на него. Слова доходили до его сознания с трудом.

---

[1] Алтыатар — револьвер.

...Группа всадников двинулась по направлению к устью Солянки. Цокали копыта по замерзшей земле, облака морозного пара окружали людей...

В морозную степь отправилась группа людей, более лютых, чем мороз. Сухо скрипел снег под копытами коней. Холод перехватывал дыхание казаков.

А позади остался растоптанный, беззащитный аул. Остались перепуганные женщины и дети.

Забилась в угол молодая девушка, словно ягненок, побывавший в лапах волка, и, покачиваясь из стороны в сторону, с отчаянным взглядом обезумевших глаз тихо стонала.

А Хаким? Неожиданно попав в беду, словно беспомощный жаворонок в силки, он покорно ехал впереди, в сердце его было пусто и печально. Ему казалось, что все это происходит во сне. Вот когда судьба поставила на чашу весов его жизнь, и сторона смерти легко тянула вниз, а чаша жизни становилась все более легковесной...

Хаким то и дело оглядывался на остробородого Гречко, ища сочувствия и теплой улыбки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

«Кто он, этот остробородый? Ангел-хранитель среди жестоких зверей? Или он такой же, как я, несчастный, попавшийся им в лапы? По оружию, по виду похож на казака, но говорит по-казахски. В глазах светится милосердие, в голосе слышится сочувствие. Нет-нет, он совсем не похож на тех, как небо не похоже на землю...» Хаким старался держаться поближе к этому русскому, потрухивающему на коне в конце отряда. Ему хотелось услышать от него еще хоть одно доброе, теплое слово...

Хаким не знал, что остробородый русский, похожий на крестьянина, был Гречко, тот самый русский, который на речке Ямбулатовке спас от верной смерти Мендигерея, а если бы знал, то заговорил бы с ним открыто, как со старым знакомым, и посоветовался, пытался бы что-нибудь предпринять.

Последняя попытка! Разве можно не думать о ней? Бездонными глазницами уставилась на Хакима смерть. Какое живое существо согласится так просто расстаться с жизнью?! Нелегко покидать навеки родной край, отца, мать, братьев и сестер, друзей и товарищей! Разве согласишься отдаться смерти, не увидев, не обняв, не поцеловав в последний раз любимую?! Безвозвратное всегда страшит. Ничто живое не хочет

нырять в безмолвную пучину смерти! Горячие слезы выступили на глазах Хакима. Но враг не увидел их: юноша как бы невзначай провел рукавом по глазам...

«Досадно, что попался им в руки,— шептали его замерзшие губы.— Случайно, врасплох схватили. Исподтишка подкрались, застали безоружным, подлые твари, иначе бы я так просто не сдался. Но разве предугадаешь коварство злой судьбы?..»

Мысли его перебил хорунжий.

— Эй, киргиз, слезай с коня! — приказал он, остановившись.

Остановились и другие. У Хакима внутри похолодело. «Неужели сейчас?» — промелькнула догадка. Не отрываясь, смотрел он на спешившегося хорунжего.

— Сейчас, господин хорунжий,— сдавленно произнес Хаким, силясь удержать овладевшую им дрожь. С коня он спрыгнул легко. «Неужели... конец?»

— Снимай седло! — долетело до ушей Хакима. Он не сразу понял.— Живо!

— Сейчас,— ответил Хаким, догадываясь, чего хочет хорунжий. Сердце сразу успокоилось. «На сивую кобылу, собака, позарился. Мог и раньше об этом сказать!»

Хаким поспешно расстегнул подпругу, стянул седло и взглянул на коня хорунжего, думая, что теперь придется ехать на нем. Конь показался ему неплохим, выглядел бодро, был ширококруп, выше сивой кобылы, но короче корпусом. Хорунжий протянул повод своего коня русскому с острой бородой. Тот понял, спрыгнул с коня, взял повод вороного и стал снимать с него седло.

— А ваше седло на кобылу? — спросил остробородый.

Хорунжий, рассвирепев, визгливо заорал:

— А куда же еще, дурак?! Или тебя самого, дубина, оседлать?

Хорунжий ругался, пока остробородый молча седлал сивую кобылу. Ругань больно задевала Хакима, он виновато поглядывал на странно покорного русского, так похожего на крестьянина. Всей душой сочувствовал ему Хаким, но заступиться не мог. «Дела этого несчастного, видать, не лучше моих. Он, наверное, просто невольник, слуга этих злодеев. Присматривает, бедняга, за их конями, прислуживает. Они измываются над ним, потому он и посочувствовал мне»,— думал Хаким.

— А ты чего ждешь, киргиз-большевик? — накинулся на него визгливый хорунжий.— Или надеешься, что я тебе буду седлать коня?!

— Я не понял, какого коня вы даете мне, господин хорунжий.

— Смотри, он не понял! — ядовито усмехнулся тот.

Решив, что лучше не связываться, Хаким схватил седло и подошел к вороному. Конь слегка поджимал переднюю ногу. Накинув седло и затянув подпругу, Хаким заметил крупное, с пшено, бельмо на глазу коня.

«Значит, с этой стороны конь пуглив»,— отметил Хаким.

Жалко было терять сивую кобылу, но это небольшое событие позволило Хакиму сделать два открытия. Покорный русский, должно быть, насильно мобилизованный крестьянин. Возможно, он батрак одного из этих свирепых казаков. А может быть, просто переселенец. Но кто бы он ни был, он, несомненно, сочувствует красным. Значит, надо улучив момент, поговорить с ним...

После недолгого молчания Хаким, осторожно крякнув, спросил:

— Извините, как вас звать-величать?

Мужик, будто не расслышав, дернул повод и уставился в даль дороги; казалось, он прислушивался к тем, кто ехал впереди.

— Лошадь-то, оказывается, с бельмом,— снова сказал Хаким, не дождавшись ответа.

Остробородый бессмысленным взглядом скользнул по нему и ничего не ответил.

Отряд спустился в балку Жалгансай. По ее склону тянулась каткая, наезженная дорога, но конные казаки спустились ниже и поехали по тропинке среди густого кустарника; мелькали одни лишь головы поверх кустов. Высыхавшую за лето речушку, ее бугристое дно и извилины Хаким знал как свои пять пальцев. Знакомы были ему и все ее притоки, покрупней и поменьше. Впереди, у самого устья, стоял большой аул — Сагу, с мечетью и медресе. Здесь жили рыбаки, пользуясь щедрым даром великого озера и впадающих в него рек. Если бы отряд остановился здесь, Хаким сумел бы передать, что казаки арестовали его, и, может быть, джигиты сумели бы отбить его...

— Может быть, заедем в аул, отогреемся? — спросил Хаким по-русски грузного чернявого казака, ехавшего впереди.

— Нет,— резко ответил тот.— Веди нас до Солянки, прямо!

Сердце остановилось у Хакима. «Даже Хажимукана и Асана не удастся предупредить. Придется через Хан-Журты — Стойбище хана — идти прямо в Сасай. А кто там мог бы сообщить о моей беде?»

— Здесь киргизы живут? — спросил чернявый, указывая на Сагу.

— Да. Здесь есть школа, мечеть, дома, где можно остановиться, магазин есть,— начал перечислять Хаким, стараясь заинтересовать казака.

— Поедем прямо в Бударино. Там и передохнем.

Хаким отрицательно покачал головой.

— До Бударина шестьдесят верст. Без передышки кони не выдержат.

Чернявый задумался.

— Захар! — крикнул он хорунжему и подъехал к нему.— Этот киргиз говорит, что до Бударина шестьдесят верст. Где будем останавливаться?

.— Неужто шестьдесят? — переспросил визгливый Захар.

Чернявый пытливо взглянул на Хакима.

— А не врешь, киргиз?

— Так люди говорят. Может быль, немного больше, немного меньше.

— Проедем верст тридцать, там найдешь удобное местечко для отдыха. А сейчас веди нас, где людей поменьше,— решил хорунжий.

Хаким кивнул. Теперь он окончательно убедился, что казаки — дезертиры и спешат попасть в Бударино, опасаясь каждого аула, избегая встреч.

«Эти безбожники удрали из военной части и хотят меня утащить на край света. Неужели Бударино — конец моего пути?!» В глазах Хакима потемнело, когда он подумал, что стал невольно проводником своих убийц. Отряд проехал мимо Сагу по оврагу и по низине Хан-Журты направился к одинокой могиле Ереке.

Надгробие стояло на большом холме. У самой его подошвы раскинулся аул хаджи Шугула, а справа простиралось величественное озеро Шалкар. Между холмом и озером вдоль устья Ашы тянулась большая караванная дорога. По ней-то и вел сейчас Хаким отряд разбойников-казаков. Уныло трусила под ним, припадая на одну ногу, вороная лошаденка.

Мимо большого зимовья хаджи Шугула проехали спокойно, впереди показались отроги горы Кара-Омир. За горой откроется широкая равнина Ашы. Там уже не увидишь ни одной юрты. Хакиму подумалось, что за горой, похожей на баранью морду, оборвется его жизнь!

Позади остались и Ставка хана, где в детстве играли в асыки, и шумный многолюдный Сагу, за которым смутно темнели аулы Акпан и Кентубек. Там старая мать и маленькие братья. «Увижу ли вас, родные места?» Хаким обернулся

назад. С озера Шалкар подул студеный ветер, вызывая на глазах слезы.

А впереди двигались ненавистные попутчики: толстошеий, чёрный от солнца и ветра, грузный казак без устали бил пятками по брюху рыжего коня, привыкшего к мягким кибисам своего бывшего хозяина Кадеса. Словно торопясь доставить визгливого хорунжего поскорее до места, не отставала от рыжего и сивая кобыла Хакима. Остальные кони шли подпрыгивающей волчьей рысью, в такт рыси хлюпали в седлах солдаты, и маячили на сером осеннем небе их островерхие шапки...

«О создатель! Сколько унижения ты мне уготовил?!» — шептал Хаким.

Вдруг он встрепенулся, увидев, как со склона горы падучей звездой наперерез мчался одинокий всадник.

Вначале Хаким подумал, что это охотник травит лису,— полы просторного чекменя развевались по ветру, сам всадник низко-низко приник к гриве коня. Конь летел, распластавшись над землей, диким наметом, осатанело, а всадник торопил его вдобавок.

Остроглазый Хаким узнал его издали. «Аманкул. Это его привычка, прижавшись к шее коня, скакать во весь дух. Но почему он хочет опередить нас? Или он узнал, что я в беде? А может быть, что-нибудь случилось?»

Безумно мчавшийся Аманкул только сейчас увидел вооруженных верховых, да к тому же еще казаков. Он тут же круто осадил коня и застыл, воровато оглядываясь по сторонам, точно загнанный заяц.

— Что этому киргизу нужно? — крикнул, остановив коня, хорунжий.

Остробородый взглянул на Хакима,— дескать, узнай!

Хаким повернул коня, но Аманкул метнулся прочь.

— Стой! Аманкул, стой! — закричал Хаким, ударив вороного камчой.— Это я, Хаким!

Аманкул, не веря своим ушам, придержал коня и удивленно оглянулся.

— Меня угоняют, Аманкул...— вырвалось у Хакима.

— Я слышал: солдаты идут. Всех коней, говорят, забирают. Вот я и скачу по аулам предупредить.

Хаким, не расспрашивая больше, резко повернул коня и помчался к казакам, нещадно колотя вороного.

— Враг!.. Враг идет! Красные!..— не жалея глотки, завопил Хаким.— Целый полк забрал за горой табун лошадей! Господин хорунжий, красные!

Хаким, торопя коня камчой и поводом, помчался из последних сил, стараясь вырваться вперед.

Перепуганные казаки обезумело понеслись вслед за Хакимом. Визгливый хорунжий на сивой кобыле вскоре опередил всех. Любимая кобыла Хакима хотя не отличалась выносливостью, но на коротком расстоянии ее трудно было обогнать. Кобыла пулей летела впереди встревоженных дезертиров. Чернявый казак на рыжем коне Кадеса не хотел отставать и ошалело молотил каблуками. По дороге гулкой дробью застучали копыта пятнадцати коней.

Аманкул, точно пугало, застыл на месте от изумления. Что они понеслись, будто бешеные? Чего это Хаким орет? Ничего не понятно.

Казаки стали по одному опережать Хакима. Десятый... Одиннадцатый... Четырнадцатый... Хаким чуть придержал коня и, увидев, что позади уже никого нет, быстро повернул и поскакал обратно к Аманкулу.

Остробородый русский, заметив, что Хаким помчался обратно, тоже повернул коня. Казаки скакали, не оборачиваясь.

Неожиданно прогремел выстрел. Хаким припал к гриве коня, подумав, что стреляют в него. Пуля просвистела высоко. Стрелял остробородый, неотступно следивший за Хакимом. Услышав выстрел, казаки оглянулись. На горе, на самой верхушке, сбился большой табун. Он показался дезертирам отрядом красных, а на самом деле это пасся табун Аманкула. Казаки понеслись, как отара овец, преследуемая волком, к темневшей впереди балке Ашы.

Неожиданный выстрел насмерть напугал Аманкула, однако табунщик тут же решил, что пуля сначала настигнет Хакима, а потом его. Увидев, что Хаким уже совсем близко, Аманкул огрел коня камчой и через минуту вырвался вперед на расстояние полета пули.

— Ойбой, русский догоняет, ойбой! — завопил табунщик.

Измученный долгим походом, вороной Хакима скакал тяжело и устало храпел. «Больше не стреляет,— видать, шашкой зарубить решил,— подумал Хаким.— Казаки всегда шашкой орудуют. О духи предков, поддержите!»

В гору вороной поднялся резво, но на спуске, вместо того чтобы мчаться наметом, пошел пугливо, то и дело приседая. Не помогали ни камча, ни узда, ни удары каблуков. Хаким со страхом понял, что ему не уйти от погони. Он начал кричать и махать Аманкулу, надеясь взять у него коня, но Аманкул ускакал далеко. Хаким стал махать шапкой, но табунщик не видел. Он доскакал до одного косяка, пригнал его ко второму. Стригунки и кони-трехлетки, взмахивая хвоста-

ми, заплясали впереди косяков. Вскоре весь табун всколыхнулся и понесся, оглушая пригорье гулким топотом.

«Неужели конец?» — лихорадочно подумал Хаким.

2

Гречко, тихий крестьянин, попав вместе со всеми казаками села Требухи под всеобщую мобилизацию, служил денщиком у молодого хорунжего, сына известного богача Калашникова; он прислуживал не только Захару, но и Остапу Пескову, казаку-односельчанину с поистине волчьим нравом, и первым старался угодить Остапу. Тот безнаказанно измывался над всеми, кто послабей. Гречко скоро понял, чью правду защищает Войсковое правительство. Он видел, как казаки расправились с Игнатом Быковым, который создал в селе сельсовет. Там, в селе, остались жена, дети, дом, хозяйство Гречко. Поэтому Гречко страстно хотелось, чтобы обезумевший мир наконец-то утихомирился. Он дошел до далекой Ташлы и там собственными глазами увидел, как Красная гвардия в пух и прах разбила известный бородинский полк. И не только видел, но и на себе испытал: будто щепка, отлетел в сторону от своей сотни и пристал к горстке головорезов-дезертиров. Куда он едет? От кого бежит? Красная гвардия теперь, наверное, уже взяла Уральск. Председатель Быков, возможно, снова вернулся в село. Вышибли, видать, атаманов, офицеров и установили снова свою власть. Куда же теперь Гречко, бесправный, забитый крестьянин, бежит от своей власти?..

Гречко в последнее время стал молчалив, замкнут, он все чаще думал о том, что бессмысленное бегство надо бы прекратить.

Кто такой Хаким, он не знал. Но то, что некоторые киргизы, как Айтиев и его товарищи, бьются за свободу, ему было известно. Им он сочувствовал, потому и спас Мендигерея от верной гибели. А когда молодой джигит, встретившись с табунщиком-киргизом, вдруг истошно закричал: «Враг! Красные идут!» — Гречко поверил. «Пусть идут! Пусть нахлынут! Надо сдаться им. Но как нам с этим киргизом от казаков спастись?» Раздумывая, он вдруг увидел, что Хаким поскакал назад. Вначале это его поразило, но крестьянская смекалка тут же подсказала: «Вместе назад... К красным!» И на всякий случай выстрелить,— мол, погнался за беглецом.

Лишь взобравшись на хребет, Гречко спокойно огляделся. Сверху было видно, как вдалеке, по широкой дороге Ашы, в четырех-пяти верстах, неслись перепуганные казаки. А вокруг не было никаких красных, пасся мирный табун, а киргиз на

вороном торопливо спускался с горы, тщетно подгоняя усталого коня. Только сейчас остробородый догадался, что никаких красных и в помине не было. «Хитрец! Ловко обманул казачков! Молодец киргиз!» — улыбнулся он и закричал:

— Стой, джигит! Не бойся меня!

Хаким не слышал и продолжал колотить каблуками заупрямившегося коня.

Под Гречко был испытанный на крестьянской работе, выносливый конь. Расстояние между ними сокращалось.

— Стой, джигит! Я не враг тебе! Стой! — во всю глотку орал Гречко.

Но Хаким отчаянно рвался вперед, стремясь догнать бойкого табунщика в чекмене. Гречко, подняв винтовку прикладом вверх, снова закричал:

— На, возьми винтовку! Не бойся!

Когда Хаким обернулся, Гречко шырнул винтовку в сторону. Она ударилась прикладом о камень и отлетела в траву.

Хаким, увидев, как Гречко отбросил винтовку, теперь только понял, что мчался за ним тот самый остробородый, который желал ему только добра. Его сильный рыжий конь, звонко цокая копытами по мерзлой земле, скоро поравнялся с вороным Хакима.

— Если дру-уг, то скачи за-за-за мной, аксакал,— заикаясь проговорил Хаким.

Некоторое время оба ехали молча. Потом Гречко спросил:

— Почему сюда едешь, а не в аул?

Хаким с отчаянием глянул на него:

— Разве не видишь, конь-то совсем... обезножел.

— Ну, в ауле его и оставишь.

— Пока до аула доберешься, вон те...— Хаким показал камчой в сторону казаков.

Аманкул, петляя по-заячьи, исчез в гуще табуна.

— Аманкул! Эй!

Хаким, не переставая, махал ему, кричал, звал.

Любопытный Аманкул, по два раза в день объезжавший окрестные аулы в поисках новостей, давно бы подъехал к Хакиму без его зова, но боялся русского, который гнался за Хакимом, а теперь поехал рядом, стремя в стремя. Аманкул не мог понять, почему Хаким ехал вначале с русским отрядом, потом ускакал от них.

— Коня! Быстро, Аманкул, лови коня! — прокричал Хаким изумленному табунщику.

«А-а, им, оказывается, кони нужны. Это, видать, и есть настоящие большабаи. Хаким давно уже большабай. Если вам

кони нужны, я пригоню весь табун хаджи Шугула. Выбирай любого!»

Аманкул поскакал к шести коням, что кучкой паслись в сторонке от табуна, и вихрем пригнал их к «большабаям». Кони были как на подбор: статны, выхолены, серо-пегой масти, гордость хаджи.

— Какого? — крикнул Аманкул и, не дожидаясь ответа, отогнал от шести двух. Сделав небольшой круг, табунщик легко спрыгнул, бросил повод на траву и, посвистывая, пошел коням навстречу.— Киш-киш! — негромко позвал он.

Кони доверчиво взглянули на табунщика, запрядали ушами, а один, темно-серый, как бы поразмыслив, пошел на зов.

— Киш-киш! — звал его Аманкул. Приподняв полы чекменя и держа их перед собой, точно торбу с овсом, он быстро подошел к коню и ухватился за гриву, потом, тихо уговаривая коня, ловким движением накинул ремень на его шею.

— Браток... дорогой мой,— тяжело дыша, проговорил Хаким.— Бери, родной, вот этого вороного себе навсегда.

Аманкул начал рассказывать о новостях в аулах.

— Хаджи, отца твоего, Хаким, проводили в последний путь. Земля пусть будет ему пухом...

— Я знаю, Аманкул... Я ведь был дома.

— А остальные пока живы-здоровы. Но плохих вестей много. Вчера приехал Нурыш из Кзыл-Уйя. Что там творится— ужас! Все аскеры стали большабаями. Обкорнали коням хвосты и пошли в погоню за ханом Жаханшой. Всех казаков перебили, подняли знамя и поехали в Теке, к тамошним большабаям. Ихлас-ага, говорят, заболел и уехал в Теке. А Жамал привез Нурыш в аул неделю тому назад. В аулах — шум, крик, суета. Хаджи Шугул хотел погнать свои табуны в Уйшик, а Нурыш не позволил: говорит, в Уйшике рыскают казаки и забирают всех коней. Хаджи лишился сна, меня вызывает каждый божий день, иногда два раза, спрашивает про табун. Держи, говорит, в Мыншукыре, в аул не пригоняй и от Кос-Обы, говорит, подальше держись...

— Подожди, Аманкул, подожди,— перебил Хаким.— Сначала коня оседлаю.

Он быстро снял седло с вороного, оседлал темно-серого и прыгнул на него.

— Садись на свою кобылу и проводи нас до Кос-Обы. По пути обо всем расскажешь,— сказал Хаким.

Едва отъехали на несколько шагов, как табунщик снова обрушил на Хакима поток новостей.

Гречко решил выяснить, куда они теперь едут.

— Меня зовут Иван Андреевич Гречко,— заговорил он.— Я казак из села Требухи. Мои попутчики были плохие люди.

Я от них ушел навсегда и хочу вернуться в родное село.

— Там сейчас, наверное, фронт? — спросил Хаким.

— Из Требухи, я думаю, уже выгнали казачьих атаманов. Денька два назад я проезжал мимо. Красные уже под Уральском стояли.

Хаким внимательно посмотрел на Гречко, вспомнил о событиях в Требухе, о судьбе Мендигерея.

— А кого вы знаете из тамошних казахов?

— Всех знаю. И Айтиевых, и Епмагамбетовых, и их товарищей.

— Айтиевых? Где они сейчас?

Хаким спросил с умыслом, но Гречко ответил искренне:

— Я знаю, они большевики. Я тоже хотел вступить в отряд Белана, но не удалось.

— Так он же красный,— сказал Хаким, улыбаясь.

— Думаешь, что я ничего не понимаю? Скоро красные все возьмут в свои руки. Кого больше, те и побеждают. Да ты и сам хорошо знаешь.

— Значит, это вы, Иван Андреевич, притащили раненого киргизского комиссара к Абильхаиру Айтиеву, вместо того чтобы столкнуть его в прорубь? — спросил Хаким.

— А ты откуда знаешь?

Вместо ответа Хаким протянул ему обе руки.

— Поехали, Иван Андреевич. Я вас приведу прямо к Белану.

Аманкул не понял, о чем они говорили по-русски. Но, увидев, что Хаким пожал русскому руку, тоже решил выразить свое почтение.

— Тамыр, аман,— сказал он, подавая руку.— Тебе конь нужен? У меня коней много. Бери!

Гречко снисходительно улыбнулся.

— Для меня и мой рыжий хорош. В беде не оставит,— ответил он по-казахски.

— Вот здорово! Совсем как казах говоришь! — обрадовался Аманкул.— Айда в наш аул. Барана зарежу, той сделаем. Мы тоже станем большабаями. Они Қзыл-Уй захватили. И Теке взяли. Баи драпают. Их марджи, старики удирают со своими манатками. Многие до устья Кердери-Анхаты дошли.

Но Хакиму было не до рассказов Аманкула, он все еще опасался, как бы казаки не кинулись вдогонку.

— Ты махни-ка, Аманкул, на Змеиный хребет, посмотри, не видно ли русских? Если они сюда едут, быстро скачи назад. А мы пока двинемся к Кос-Обе и по низине повернем к аулу.

— Там где-то винтовка лежит,— сказал Гречко.— Подобрать ее надо, пожалуй.

— Зачем винтовку бросать...— проворчал Аманкул.— Ай-ай, тамыр, ай, ну прямо как ребенок!

И Аманкул помчался. Он дважды обскакал бугорок, потом слез с коня, поднял винтовку, привязал ее к седлу и понесся дальше. Пока Аманкул взбирался на Змеиный хребет, Хаким и Гречко спустились в Мыншукыр и остановились, наблюдая за Аманкулом.

Хаким, так неожиданно избавившись от смерти, действовал теперь особенно осторожно. Вначале он даже хотел не возвращаться в аул, а сразу ехать в Богдановку, но потом решил, что о случившемся надо сообщить учителю Халену. К вечеру добраться до аула, а утром отправиться в свой отряд. Теперь он убедился, что Гречко надежный человек.

Хаким готов был обнять и расцеловать остробородого только за то, что он шепнул тогда: «Тебя хотят убить».

— Вы мой избавитель, Иван Андреевич. Спасибо,— сказал он, волнуясь.

— Я хотел помочь тебе ночью бежать, на привале. И сам хотел заодно с тобой. Но ты опередил, так что себя благодари, не меня. Как зовут тебя, сынок?

— Хаким, а фамилия — Жунусов.

Хаким ехал не спеша, чтобы Аманкул не потерял их.

«Значит, Хаким пристал к большабаям,— думал между тем Аманкул.— Далеко пойдет, высоко взлетит. Даже самого хана Жаханшу красные вышибли из Кзыл-Уйя. Теперь не сын толстосума, Шугула, а сын хаджи Жунуса станет править народом. Он добьется! Не зря с детства в Теке сидит. Недаром все в рот ему заглядывают, когда он говорит. Да-а, покойный отец тоже не был простаком. В словесной схватке самого Шугула в пот загонял. И сын, дай бог время, всем уездом управлять будет. Не зря назвали его Хакимом».

Он поднял винтовку, хотел было выстрелить разок, но не осмелился. «Попаду еще в кого-нибудь, беды не оберешься. Да еще и прикладом стукнет. Даже дрянное ружьишко, из которого птиц бьют, и то как даст — кувырком летишь. Винтовка верблюда свалит за версту»,— самому себе говорил Аманкул, осторожно поглаживая ствол.

Табунщик догнал всадников и сразу заговорил с Гречко:

— Тамыр, не успеешь сварить мясо, как твои братья доскачут до устья Ашы. Сейчас, дай бог не соврать, они, бедняжки, скакали мимо зимовья Сасая Омиралы. А до зимовья Омиралы отсюда, из Кара-Мектепа, самое малое — десять верст. В прошлом году, во время курбан-айта, мы на скачках оттуда коней пускали. А куда эти скачут? Неужели мимо Шалкара отправятся в Теке?

Аманкул ничего не понял из происшедшего. Но Хакиму

понравились бойкость и любопытство табунщика. «А что, если взять Аманкула с собой в отряд? Из него получится отличный связной: куда надо — мигом доскачет, что надо — достанет. Джигит он верный, ездить на коне никогда не устанет».

— Аманкул, насчет Қзыл-Уйя ты ничего не приврал? — спросил Хаким.

Аманкул обиделся:

— Из-за того, что Жаханша удрал, я же у тебя денег не прошу! Или тебе не нравится, что казаки удрали из Теке? Если я вру, так почему Шугул хочет свои табуны в Уйшик угнать? Если у его знатного сына все было бы прекрасно, зачем ему перевозить сноху в аул? Ты как маленький рассуждаешь. А я-то надеялся, что из тебя выйдет большой начальник! — возмущенно выговаривал табунщик.

— Молодец, Аманкул! Но только ты так и не догадался, что вон те русские чуть не убили меня. Если бы не ты, может быть, я лежал бы с пулей во лбу. Они дезертиры, драпают из Теке.

— Я так и думал! — цокнул языком Аманкул.— А почему этот тамыр бросил винтовку?

— Если хочешь, могу тебе ее подарить,— сказал Гречко.— Бери!

Аманкул вспыхнул от счастья. Он был уверен, что винтовок достойны только воины.

— Бери, Аманкул. Храброго джигита оружие украшает. Учись защищать себя и других,— сказал Хаким.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Тяжелые времена настали для Халена.

Обезумевшие от страха домашние рассказали ему о Хакиме, попавшем в лапы казаков-дезертиров.

Хален направился к дому хаджи Жунуса, чтобы узнать, как забрали казаки Хакима, и, если возможно, послать за ним погоню. Едва показался учитель в двери, как старуха Балым заголосила:

— Забрали моего Хакима!.. Нурыма тоже нет! Одна осталась с двумя ребятишками...

Мальчики испуганно прижались к зарыдавшей матери. Маленький Адильбек, расторопный, бойкий на язык, удивленно уставился на учителя черными глазенками.

— Учитель-ага, я русских не испугался ни чуточки. Как увидел, что из дома Акмадии едут к нам трое русских, я взял

все бумаги и алтыатар Хаким-аги и спрятал в подпол. Много бумажек!

— Очень хорошо сделал, Адильбек, ты настоящий джигит. Как это сказать по-русски?

— По-русски? По-русски...— начал Адильбек и запнулся.

— По-русски в таких случаях говорят: «Молодец!» Молодец, Адильбек!

Разговаривая с учеником, учитель старался скрыть от него свои слезы.

— Ты, Адильбек, уже настоящим джигитом стал. Когда нет твоих старших братьев, ты во всем можешь помочь матери. Очень хорошо, что ты спрятал бумаги брата. А алтыатар никому не показывай.

— Нет, нет, не покажу. Чтобы не заржавел, я его положил в старую войлочную шляпу,— сказал мальчик.

Учитель одобрительно погладил его по спине и обратился к старухе:

— Успокойтесь, женге, бояться, я думаю, нечего. Казаки отстали от своего полка и попросили Хакима показать дорогу.

— Ай, не знаю, о чем думать, не знаю... Разбрелись мои сыночки-верблюжата...

Всхлипывая, старуха принялась разжигать для учителя самовар.

— Я сейчас пойду к Асану, женге, и отправлю его за Хакимом. Если казаки проедут мимо Сагу, значит, они остановятся в Дуане. Асан опередит их и на остановке встретится с Хакимом. Я еще и Сулеймена с ним пошлю.

Пока Хален утешал старуху, Адильбек юркнул в подпол и вытащил кипу листовок.

— Вот, учитель-ага, желтые бумажки Хаким-аги.

Хален взял листок желтой грубой бумаги, которой обертывают махорку, пробежал по первым строчкам воззвания Совдепа и взглянул на подписи. «Опять Бахитжан. Первым подписался. Жив, значит, старик. Сидит в тюрьме, а голос по всей степи расходится».

Учитель пошел к Асану и попросил его с порога:

— Асан, постарайся догнать Хакима! Если надо будет, не оставляй его, поезжай вместе.

Проводив Асана, учитель заторопился домой: надо было прочесть воззвание рыбакам и отправить листовки дальше, к учителям школы Уйректы-Куль.

По дороге домой ему опять повстречался Адильбек. Хален встревожился:

— Случилось что-нибудь, мой мальчик?

— Да нет, ничего не случилось, учитель-ага. Я Жумаю ку-

челябу принес. Мы на лисиц охотимся,— точно опытный охотник, ответил Адильбек.— Вчера я ездил на песчаный холм и видел там двух лисиц. Земля промерзла, в долинах сплошной лед. Мышей стало мало, и лисицы пойдут на приманку. Как только выпадет снег, они к самому аулу подойдут и будут скулить, как голодные щенки.

Хален покачал головой: его всегда поражало, что самый маленький его ученик рассуждал, как взрослый.

— Ну, а при чем тут кучеляба, Адильбек-ау? Разве капкан хуже?

Мальчик понял, что учитель не смыслит в охотничьем деле, и снисходительно объяснил:

— Лисица хитрая и осторожная, в капкан не попадет. Поэтому мы ее травим кучелябой, в мясо кладем. Меня Сулеймен научил. В прошлом году они с Нур-агой хотели отравить собаку. Положили кучелябу в бараньи легкие и зарыли в золу. Через три дня легкие стали черными от яда. Я тоже нашел у матери в торбе под изголовьем кучелябу, отрезал кусочек, завернул в мясо. Завтра с утра отправимся к Красным Пескам. До самой Кос-Обы дойдем, там много лисьих нор.

Толковый мальчик отвлек учителя от тягостных раздумий.

...В сумерках прискакал Аманкул. Он даже не поздоровался: новости, казалось, распирали табунщика.

— Хален-ага, я привез Хакима. Он зашел домой. С ним один русский. Остальные испугались меня и умчались в сторону устья Ашы. Решили, что я самый главный красный большабай. Даже не оглянулись, как зайцы. Приехал с добычей: русский подарил мне винтовку!

— Ты серьезно или шутишь? — спросил учитель.

— Оллахи, правда, Хален-ага,— побожился Аманкул.— Я с другим могу шутить, но только не с вами. Сын хаджи вернулся. Если не верите, могу позвать. Всего было пятнадцать русских. А испугались они, как телята поскакали, задрав хвосты. Четырнадцать удрапали, а один приехал с Хакимом.

Хален покачал головой, не зная, верить или не верить. «Какие же это казаки испугались Аманкула? Тут что-то не то». А Аманкул все рассказывал взахлеб, убежденный, что казаки приняли его за красного.

— Если враг бежит, то его и баба напугает. Казакам со страха показалось, что я большабай. А тут еще Хаким закричал: «Красные идут!» — продолжал Аманкул.

Учителю хотелось поскорее увидеть Хакима. В знак уважения к памяти покойного хаджи он решил сам зайти к его

сыну. А Хаким от радости потерял голову. Он крепко обнял мать, расцеловал двух братишек и побежал к Халену.

Учитель одевался. Всегда спокойный, сдержанный, сейчас он заметно волновался. Он горячо обнял Хакима и поцеловал в лоб. Глаза Халена заблестели от слез.

— Слава богу, живым-здоровым вернулся. А у нас кругом несчастья. Хаджи проводили навсегда.— Учитель помолчал, немного успокоился.— С первого дня после рождения человек идет навстречу последнему часу. Это неотвратимо, но об этом не думают. Страшно умирать, не сделав при жизни ничего доброго. Хаджи может спать спокойно. Он прожил хорошую жизнь. Вас воспитал, обучил, растил без нужды и лишений. Вы ему благодарны, он был доволен вами.

Он подробно расспросил, как схватили Хакима казаки, как он спасся. И остался очень доволен находчивостью Хакима.

— Значит, Аманкул прав: казаки действительно перепугались,— улыбнулся Хален.— Скоро они побегут отовсюду вместе с правителями из Кзыл-Уйя. Там восстал полк дружинников, прогнали офицеров валаята и всех чиновников. Сейчас полк отправился в Уил, чтобы прихватить по пути молодых юнкеров кадетской школы и присоединиться к красным. Говорят, что сегодня-завтра освободят от атаманов и город Теке.

— Значит, и в этом Аманкул был прав,— рассмеялся Хаким.— О событиях в Джамбейте я от него узнал. Это радостная весть. Объединятся все разбросанные отряды... Об этом давно уже все мечтают.

Последние слова особенно заинтересовали Халена.

Хаким стал рассказывать обо всем, что знал.

— Абдрахман Айтиев вместе с братом и несколькими джигитами отправился в Акбулак, а оттуда — в Темир. Там он поднял джигитов из рода Тама, Табын, Алим, собрал тысячи добровольцев. Летом захватили целый обоз с оружием, винтовок и патронов хватит на целый полк. Поднять дружинников и связаться с букеевской ордой было поручено Капи Мырзагалиеву, что он и сделал. Теперь Капи приведет сюда полки из орды Жанакала.

— Тогда и мы не будем сидеть сложа руки,— сказал Хален.— Пусть, начиная с рыбаков, все способные джигиты оседлают коней. Лучшие станут солдатами отряда Абеке, остальные будут поварами, снабженцами. Ты когда едешь?

— Завтра с утра.

— Счастливого пути! Возьми с собой Аманкула. Он будет хорошим спутником. Лучшего связного не найдете. Передай привет Абеке. Скажи, что найдем все: и джигитов, и коней, и подводу, и продовольствие.

На другой день, еще до зари, Хаким отправился в далекий путь вместе с Гречко и Аманкулом — в отряд Айтиева.

2

Хаким спешил в отряд Абдрахмана Айтиева.

Помимо поручения, полученного им в Богдановке, он собрал немало ценных сведений. Он не только доставил воззвания, подписанные лично Бахитжаном, и объявления подпольного штаба учителям, сочувствующим большевикам, но и узнал о восстании джамбейтинских дружинников и о том, что свыше трехсот вооруженных джигитов отправились навстречу отряду Айтиева. Об этом говорили и Аманкул, и учитель Хален, и многие другие, побывавшие в последние дни в Джамбейте. «Надо выслать навстречу гонца, чтобы указал дорогу в отряд. Нужно хорошо встретить храбрых дружинников. Если увижу Нурыма и, может быть, Мукараму, я стану самым счастливым человеком! Что бы там ни было, я пойду со всеми в Уральск. Город непременно освободят, эта радость не за горами. Увидеть бы Дусю и ее отца! Послушать бы пламенную речь Дмитриева! Скорее бы!» — мечтал Хаким, проезжая мимо Есен-Анхаты в сторону Кабанбая.

Хаким уже забыл о том, что только вчера еле вырвался из когтей смерти. Лицо его сияло, в глазах играла радость. То и дело он шевелил губами: в душе складывались красивые, светлые слова. Он улыбался мягкой, нежной как шелк улыбкой.

«Гречко, друг Гречко. Он спас не только Мендигерея, он и мне помог избавиться от верной смерти. Не будь его — кто знает, как бы все обернулось! Кстати, он говорил, что видел разгром бородинского полка, даже был участником этого сражения, на своем горьком опыте узнал стремительный натиск Красной гвардии. Надо его поскорее привести к Айтиеву, пусть расскажет о Красной Армии. Это всколыхнет добровольцев! Надо спешить, спешить!» Хаким пришпорил серого скакуна, подаренного ему Аманкулом из чужого табуна.

Хаким опередил Аманкула с Гречко и крупной рысью вырвался вперед. Словоохотливый Аманкул все выжидал удобного случая, чтобы заговорить с Гречко. Его очень забавляла казахская речь тихого с виду русского мужика. Он тщательно выговаривал слова и украшал свою речь казахскими поговорками.

— Почтенный урус, вы очень вкусно говорите. У нас есть Акмадия, когда он говорит, всегда причмокивает губами, не

сразу его поймешь. А вы, ей-богу, не вру, похожи на муэдзина Айкожу. У него такая же острая бороденка, как у вас, но только не рыжая, а черная. И посадка такая же, словно не в седле сидит, а на иголках. И даже поводья держите одинаково: руки вперед вытягиваете. Неужели руки не устают?! У меня давно бы отвалились. Айкожа тоже худой. Но по летам он, наверное, чуточку старше вас. Ему уже пятьдесят. А вам сколько? — неожиданно спросил Аманкул.

Выяснилось, что Гречко хорошо знает казахское летоисчисление.

— Нынешний год,— год змеи. Я родился в год змеи и еще встречал его дважды,— значит, мне тридцать девять,— степенно начал объяснять Гречко.— Ты говоришь: на Айкожу я похож. Ты тоже похож на других табунщиков, но поехал с нами, цель у тебя другая.

Аманкул не знал, что сказать. Он заглядывал в лицо Гречко, как бы стараясь показать, что ему не все понятно.

— Ты любишь свободу, а свободу дадут только красные. Я вот тоже еду к красным. Значит, желания наши с тобой одинаковы — мы с тобой похожи.

Аманкул восхищенно цокнул.

— Почтенный урус, ты умный человек, умнее нашего хазрета Хамидуллы. Даже самого Шугула умнее. По уму, пожалуй, ты сравняешься с Хален-агой. Дети у тебя есть?

— Есть. Чтобы они были свободны, я удрал от разбойников-казаков. Я русский кедей [1], ты казахский кедей.

— Ты тоже пастух?

— Нет, я не пастух, бедный крестьянин. У меня есть конь, корова, клочок земли. Хорошую землю казаки не дают, хорошую траву косить не позволяют. Если им конь нужен — твоего берут; арба у них сломается — твою запрягают. А если человек нужен — атаман тебя погонит, куда захочет, да еще и оскорбит. «Хохол не ровня казаку. Что хохол, что киргиз — одинаково скоты»,— говорит. А на войну насильно отправляют. Я их должен поить, кормить, пасти и седлать их коней, обед варить, дрова носить, ну прямо малай, да и только!

Аманкул покачал головой. Жизнь тихого русского показалась ему чересчур жалкой.

— Кокол — это карашекпен? — поинтересовался он.

— Хохол называют украинцев, а карашекпен — это оседлый шаруа, который землю пашет и сеет. Богатый казак считает себя выше и тех и других — выше всех.

Ехали они подальше от аулов, по степи, по пастбищам, по

---

[1] Кедей — бедный, бедняк.

ковыльной холмистой степи, по долинам, где косяками паслись табуны. Здесь было интереснее, чем на однообразной, унылой дороге. Останавливались у табунщиков, приютившихся в затишье кургана, делились скудным содержимым торсуков и хурджунов, а ночевали в одиноком зимовье. Случайно встретившись с волостным, они назвались нарочными, едущими с донесением валаята в Актюбинск. Волостной принял их с большим радушием. А беднякам они рассказывали, что служат в отряде Айтиева, скоро сюда вернутся и принесут свободу. Времена баев и тюре прошли.

На третий день до них дошел слух, что возле Шынгырлау стоит большой отряд дружинников. Путники заспешили туда. Хаким и Гречко еще издали увидели необычное оживление возле родника.

— Между крайним большим домом со скирдой и двумя зимовьями в долине без конца носятся верховые. Это неспроста,— сказал Хаким.

Гречко посмотрел, сощурясь, и решил:

— Там, должно быть, штаб. А те двое, что поскакали в степь, видать разведчики.

Хаким направил коня прямо к большому дому.

Навстречу вышел солдат в шинели, в старой, изношенной шапке, в тяжелых казахских сапогах с войлочными чулками внутри и потребовал документы.

— Веди нас в штаб. У меня есть секретное донесение,— сказал ему Хаким.

Ни о чем не спрашивая, солдат в огромных сапогах повел их к дому.

— Наверное, важная птица этот русский? — полюбопытствовал солдат, кивая на Гречко.

— Это я его поймал,— объяснил Аманкул.— Налетел на них с горы, а они давай драпать. У кого были хорошие кони— убежали, а этот на кляче отстал и попался. Но он не казак, а кокол. Тихий, смирный.

Солдат оглядел щупленькую фигуру Аманкула и усмехнулся:

— Что ж, нам и пустобрехи пригодятся...

— Э, джигит, ты еще не встречал настоящего пустобреха. Вот Рахимгали наш — тот пустобрех. «Закроет глаза и врет вовсю»,— говорят казахи о брехунах. А наш Рахимгали врет и даже глазом не моргнет. Недавно в Теке Рахимгали попал в дом атамана Мартынова и рассказывал потом, что у атамана дочь-красавица. Танцевал с ней, вино пил, и атаман сказал Рахимгали: «Ты, Рахмашка, молодец. Дочь моя как раз жениха подыскивает. Ты ей понравился. Почаще приезжай». Потом Рахимгали мне и говорит: «В следующий раз, Аман-

кул, поедешь со мной. Будешь моим сватом. Возможно, тебе удастся окрутить дочку самого жанарала Акутина. Она тоже хочет выйти за казаха, за такого красавца джигита, как мы с тобой!» Вот это пустобрех так пустобрех! А ты не веришь, что я одного русского мужичка словил.

Солдат покачал головой и подумал: «Этого, видать, словом не смутишь».

Оставив Гречко и Аманкула среди джигитов, Хаким вошел в штаб и обомлел от радости. Молодой Андреев, которого он видел летом, стоял над картой и что-то чертил на ней. На самодельных скамейках вокруг стола сидели бойцы, а перед ними стоял Абдрахман и крутил цигарку из клочка желтой бумаги.

— Ау, Жунусов, вернулся, наконец-то! — радостно сказал Абдрахман, протягивая руку смущенному Хакиму.

Хаким поочередно пожал руки всем и начал не торопясь рассказывать.

Сахипгерей и Абдрахман, Галиаскар и чернолицый крупный незнакомец внимательно слушали юношу.

— Хорошо, по-геройски поступил. Теперь отдохни, поешь и выспись хорошенько,— сказал ему Сахипгерей.

Абдрахман подошел к Хакиму и опустил руку на его плечо:

— Ты, Жунусов, оказал нашему отряду неоценимую услугу: объехал три волости, распространил воззвание Совдепа, узнал и сообщил о джамбейтинских событиях, призвал надежных джигитов в отряд. Все это говорит о том, что ты — достойный солдат революции. И место твое — в наших рядах. Четвертая армия Красной гвардии уже освободила Оренбург и с трех сторон окружила Уральск. На этой неделе Уральск будет освобожден от белых. В освобождении мы тоже примем участие. С севера и запада на город наступают двадцать вторая и двадцать пятая дивизии. Им будет помогать и наш отряд. Вот этот чернолицый человек...— Абдрахман показал на Мамбета,— привел сюда джамбейтинских дружинников. Они сейчас в сорока верстах отсюда дожидаются офицеров из Уила. Чтобы они не ждали понапрасну, мы решили послать за ними твоего товарища Ораза. Он хорошо знает дружинников. А ты, как сказал сейчас Сахипгерей-ага, отдохни и выспись. Вечером двинемся все в сторону Уральска,— закончил Абдрахман.

Хаким порывисто обнял его.

— Абдрахман-ага, я не устал. Вчера мы ночевали в теплой землянке и хорошо выспались. Я вас очень прошу: разрешите вместе с Оразом поехать к дружинникам.

Хаким с мольбой смотрел на Абдрахмана, с нетерпением

ожидая ответа этого мужественного человека, о котором в степи рассказывали легенды... Абдрахман взглянул на Мамбета.

— Коль ты так просишь — быть по-твоему,— сказал Абдрахман, снова положив руку на плечо Хакима.— На твоем месте я бы на заре вместе с полком пошел в наступление на Уральск. Ты помнишь, Жунусов, как весной озверевшие банды казаков разгромили Совдеп и бросили в тюрьму его руководителей? Какое счастье теперь увидеть освобождение славных сынов народа!

В эту минуту Абдрахман показался Хакиму необыкновенным: литые смолистые усы и брови, большие, черные, как смородина, глаза на чистом лице, точеный нос, широкие прямые плечи, статная собранная фигура — такая внешность, казалось ему, может быть только у всенародных вожаков. Айтиев говорил о большой важности предстоящего похода, о великой ответственности, говорил для того, чтобы подготовить Хакима. Юноша радовался, как мальчишка.

— Абдрахман-ага, среди дружинников есть мои друзья, которых я не видел целое лето,— сказал он.— А полк я непременно догоню вместе с ними.

— Хорошо,— ответил Абдрахман.— Но трудно догонять тех, кто рвется вперед...

Хаким и Ораз немедленно отправились к дружинникам в Ащисай, чтобы по следам полка привести их в Теректы, а Айтиев и Парамонов, получившие срочный приказ от командования Четвертой армии, выступили со своими частями громить казачьи сотни из дивизии Акутина.

3

Рано утром из аула под Шынгырлау явился Мамбет с двумя лохматыми чучелами под мышкой.

— А ну, кто из вас участвовал в хорошей байге? — громко спросил Мамбет обступивших джигитов.

Стало тихо. Джигиты недоуменно переглянулись. Кто из казахских юношей не участвовал в праздничных скачках? Кто из них не мчался диким наметом по бескрайней степи? Но сейчас все насторожились: что еще мог выдумать неугомонный Мамбет? Лучше помолчать, посмотреть.

Но Аманкул не смутился, выступил вперед.

— Батыр-ага, во всех табунах Дуаны и Анхаты, Кашарсойгана и Ащисая, я думаю, нет такого скакуна, которого бы я не оседлал. Как вам известно, в табунах Шугула — сплошь отборные тонкогривые, длиннохвостые тулпары. А их — от сосунков до шестилетних красавцев — растил и лелеял я, ваш

ничтожный братишка. На знаменитом тое потомков Турлана я пришел первым на карем жеребце с белой отметиной! — тараторил Аманкул.

— Откуда ты появился, такой шустрый? — перебил его Мамбет.

Аманкул испуганно отступил назад и понизил голос:

— Батыр-ага, я еще вдобавок легок на коне. Легче шапки становлюсь я на скачках. К тому же ведь уметь надо скакать-то. Надо низко пригнуться к гриве, ноги вытянуть назад, точно пловец в воде, а сам весь тянешься вперед, будто хочешь нырнуть, вместе с конем молнией рассекаешь воздух. Да что говорить, я никогда не отставал в байге, все аулы вдоль Анхаты подтвердят.

— А ты умеешь блеять по-козлиному? — продолжал Мамбет, чуть улыбаясь.

И Аманкул и все остальные джигиты облегченно вздохнули, заметив, как смягчился голос чернолицего великана.

— По-козлиному не пробовал, а как баран — могу.

— Кто блеет по-бараньи, сумеет и по-козлиному. А волком выть сможешь?

— О, тут уж я непревзойден, батыр-ага! Только скажи, какой тебе нужен вой? Тоскливый предвечерний вой голодного волка или победный предутренний вой сытого, когда он зовет к себе свою драгоценную подругу?

— Все сгодится. Вечером поедешь со мной,— отрезал Мамбет.— Приготовь коня. Ты, я вижу, немного болтлив?

Мамбет отправился в штаб, держа под мышкой две телячьи шкуры.

Едва Мамбет отошел, как Аманкул начал строить догадки: для чего чучела из телячьей шкуры понадобились ему?

— Я думал, что шкуры издохших телят хранят только в доме нашего хаджи, оказывается, их и в этих краях собирают,— начал он издалека.— Если бы я знал, что они нужны для байги, я бы приволок сюда целый воз. Чулан хаджи забит такими шкурами.

— Ох и горазд же ты врать, Аманкул! Думаешь, он для игры притащил чучела? — пробурчал один из джигитов.

— Да нет же,— протянул Аманкул.— Для дела принес бы целехонькие. А то что это? Шкура пегого теленка. Да и распялили-то тяп-ляп. Вот увидишь, даже корова мычать не станет.

— Вот глупец-то, а! — возмутился джигит.— Мы же не собираемся с чучелом доить коров. Они нужны для того, чтобы напугать вражьих коней!

— Вот сказанул! — плутовато ухмыльнулся Аманкул.— Если чучелом из шкуры сдохших телят можно напугать вра-

га, тогда воевать не стоит. Я бы тогда выставил против русских все из чулана хаджи!

Незнакомый джигит гневно отвернулся.

— Если Мамбет-ага выбрал тебя в попутчики, ты постарайся оправдать его доверие. Дело, видать, серьезное и требует смелости.

Но Аманкул не унимался:

— Ведь и с чучелом надо уметь обращаться! Ну вот, например, с какой стороны подскочить с ним к русским? Со стороны ветра или с затишья?

— Тьфу! — злобно плюнул джигит.

Никто из джигитов не знал, что задумал Мамбет. Предположение, что чучела нужны для того, чтобы напугать вражьих коней, было неубедительным.

Мамбет вернулся вместе с Абдрахманом Айтиевым.

— Джигиты! — уверенно и громко заговорил Айтиев.— Конный белоказачий полк стоит на этом берегу Яика. Одна сотня уральских казаков двинулась вдоль Шынгырлау в Акқалу. Против нее должны выступить мы и обратить врага в бегство. На вторую сотню белых, направляющихся в Тас-Кудык, сбоку налетит отряд Белана. Мы должны опрокинуть врага, потому что мы сильнее. К тому же мы воюем на родной земле, среди своего народа. Бейтесь с врагом смело и уверенно! Будьте готовы к бою, друзья!

— Готовы! — крикнули джигиты.— Веди нас, Абеке!

— Веди! — всколыхнулись все.

— Мамбет, собирайся,— сказал Абдрахман и поспешно пошел в штаб.

— По коням! — приказал Мамбет и сам направился к коню.

Через несколько минут Мамбет с десятью джигитами и «непревзойденным наездником» Аманкулом отправился в путь.

Когда выехали за Акбулак, Мамбет приказал двум джигитам спрятать винтовки, привязав их к седлам, и выехать вперед. Затем подозвал к себе Аманкула.

— Значит, ты табунщик, говоришь? Тогда скажи мне: что делать, если впереди вдруг появился косяк лошадей и надо его угнать? Причем быстро угнать, так, чтобы пастухи и пикнуть не успели. Как это сделать?

Аманкул понимающе улыбнулся.

— Лучше всего это делают волки. Один притаится где-нибудь и ждет, а другой подкрадывается осторожно, вспугнет табун, а сам бежит сбоку и направляет косяк к волку, который притаился. Тот выскакивает из засады и хватает коня за ляжки...

— Я тебя не спрашиваю, как волки заманивают коней. Скажи, как бы ты сам угнал косяк?

— Очень просто. Натянул бы на себя шубу наизнанку. Потом к кончику курука привязал бы тряпье — пугало — и на бешеном скаку со свистом погнал бы косяк, куда надо. А если разгорячить косяк, его уже не остановишь — только знай размахивай полами шубы и пугалом и мчись следом.

— Тогда выверни наизнанку тулуп и надень его. А вот к этому чучелу привяжи веревку и мчись вон к тому пригорку. Посмотрю, сможешь ли ты угнать табун,— сказал Мамбет.

Аманкул возражать не стал, вывернул наизнанку тулуп, надел его, потом вывернул шапку. Ехавший рядом джигит снял с седла пегое чучело, крепко привязал к нему веревку и подал один конец Аманкулу.

Конь табунщика полностью соответствовал замыслу джигитов. Едва Аманкул, гикнув, припал к гриве, конь прижал уши и рванулся в карьер, будто в шею ему вцепился барс. А пегое чучело из ссохшейся телячьей шкуры, привязанное длинной веревкой, закрутилось, заскакало, завертелось бесом по кочкам позади коня. Казалось, это гонится, поднимаясь и припадая, какое-то страшное волосатое чудовище. Аманкул оглушительно свистел, конь, распластавшись и вытянув шею, несся словно сатана, по степи — не только животное, люди ужаснутся, увидев такое...

Тренировочный выезд табунщика понравился Мамбету.

— Неплохо,— похвалил он, подозвав к себе Аманкула.— Только учти: у казаков-табунщиков может быть оружие. Если сробеешь — угробишь себя и других. Смелый джигит или погибнет, или оправдает надежду товарищей.

Одиннадцать человек ехало по берегу Шынгырлау в сторону Аккалы, что стоит в тридцати пяти верстах от Акбулака. Между двумя селениями тянулся глубокий овраг — Тиксай. По сведениям разведчиков, казаки дошли до Тиксая и повернули назад, будто чем-то напуганные. Мамбет решил проехать по оврагу засветло. Отряд шел легкой рысцой, растянувшись цепочкой по тропинке. Часто переходили на шаг.

Осенний день короток, вечера долги. Мамбет решил перед самым заходом солнца проехать Тиксай и успеть до ночи добраться до Аккалы. Остальные силы отряда между тем пройдут по оврагу и остановятся на подступах к городку. Коли враг не помешает, они сделают все необходимое еще до рассвета. С рассветом отряд должен ворваться в Аккалу.

У начала оврага путников встретил коренастый, рыжеватый джигит на карем коне.

— Путь свободен, батыр. Можно остановиться у нас, перекусить, дать коням передохнуть.

— Боюсь, что нам некогда будет ужинать, Ергали. Готовы ли твои пастухи? — спросил Мамбет.

— Пятнадцать — шестнадцать верст — дорога недолгая. Мигом доедете.

— Доехать-то доедем...— Мамбет задумался.— Если не успеем до вечернего водопоя, худо будет. Ждать на свирепом холоде до утра — опасно.

— Поэтому нужно согреться, Маке.

— Ты лучше о пастухах мне скажи.

— Пастухи вас встретят.

— Тогда, Ергали, приготовь всем по чашке разведенного курта. Только побыстрее.

Ергали поскакал назад.

Когда путники подъехали к домику у оврага, на дастархане уже стояли наготове чашки крепкого пахучего курта и холодная баранина. Привязав коней, джигиты, не раздеваясь, по двое заходили в домик, мигом опрокидывали чашку курта, поспешно закусывали двумя-тремя ломтями мяса от опаленной бараньей головы. Последним зашел Мамбет, поздоровался с хозяйкой, поджав одно колено, опустился на край дастархана, оторвал кусочек мяса и отправил в рот. Потом взял из рук хозяйки большую чашку разбавленного курта. Несколькими большими глотками выпил его, сказал: «Спасибо, женге»,— и поднялся.

Светлая, средних лет женщина вышла вслед за ним, Мамбет взял коня под уздцы и подвел к ней. Женщина погладила лошадиную морду правой рукой.

— Батыр! Когда храбрый джигит отправляется в поход, его провожает возлюбленная. К невесте джигита провожает женге. Тебя, я думаю, уже провожали и те и другие. Я тебя провожу как добрая старшая сестра. Удачного пути, батыр!

И женщина нежно провела ладонью по лбу коня.

4

Крупной рысью проехали верст восемь.

— Вон за тем перевалом Карасая сразу увидите Аккалу,— сказал Ергали Мамбету.

Мамбет в этих краях не бывал.

— Город на этом берегу? — спросил он.

— Нет, на том.

— А где же мы проедем?

— Через брод Жаман-Ockел. Там мелко, ниже брюха коню. Дождей нынче мало, речка почти везде замерзла, можно по льду проехать,— объяснил Ергали.

Мамбет не стал больше расспрашивать, задумался о чем-

то, зорко оглядывался вокруг, прошептал невнятно: «Нагрянул бы, дьявол, с правой стороны». Ергали не понял, решил, что Мамбет вспомянул казаков в Аккале.

Ехавшие в хвосте отряда Жапалак и Аманкул вдруг остановились и показали рукой на запад, в сторону города. Вдали маячили вооруженные конники.

Давно известно, что на войне побеждает та армия, которая лучше обучена и вооружена и которой командует наиболее способный, опытный полководец. Но иногда, несмотря на лучшее вооружение, на блестящее военное руководство, армия терпит неудачу за неудачей. Вот такой невезучей оказалась и отборная конная дивизия под командованием генерала Акутина. Все лето ее нещадно колотили «босяки» Чапаева, и Акутин не смог удержать фронт западнее Уральска. А позднее, когда на помощь двадцать пятой дивизии пришли бригады двадцать второй и красные в начале декабря подошли к Уральску с двух сторон, знаменитый казачий корпус генерала Акутина затрещал по всем швам, точно бязевые лохмотья. Под Каменкой целый полк из его дивизии перешел на сторону красных. Большевистские агитаторы умело попадали в цель. Их лозунги: «Землю — крестьянам!», «Заводы — рабочим!», «Русские рабочие — братья!», «Советская власть воюет не с трудящимися, а с угнетателями и с их прихвостнями — белыми генералами!» — проникали в окопы, в белоказачьи сотни и будоражили простых солдат. И не только будоражили, но и способствовали тому, что многие повернули оружие против атаманов...

В низовьях и верховьях Яика, в селах и станицах, даже в далеких аулах поднялся с оружием в руках оскорбленный и униженный люд. Вместо необузданной удали у казаков появился страх, вместо неудержимых налетов — трусливая оглядка. Презренные «карашекпены», «вонючие русские мужики» и «дикие киргизы» беспрестанно налетали на «славные» казачьи отряды, совершенно лишая их покоя. Но генерал Акутин сопротивлялся отчаянно. Против партизан с бухарской стороны держал в станицах Меновой Двор и Теректы полк конных казаков. Чтобы остановить натиск красных со стороны Самары и Саратова, надо было во что бы то ни стало добиться порядка в тылу. Теперь же Акутину пришлось перебросить этот полк на север против красных, рвавшихся в город. А на место казачьих сотен Уральское Войсковое правительство решило отправить джамбейтинских дружинников. За одну ночь на защиту Уральска был переброшен отряд в пятьсот сабель, а две сотни остались до прибытия дружинников Жаханши. Однако оставшиеся не бездействовали: чтобы показать партизанам свою силу, казаки решились

на отчаянный, рискованный маневр — из Теректы отправились в Кокпекты, а оттуда еще дальше — до Шынгырлау, с целью очистить эти места от партизанских отрядов.

Узнав о маневре белых, добровольческие отряды вышли им навстречу: с этого берега — Белан, с другого — Айтиев. Комиссар Андреев, приехавший накануне из Ташлы, привез точные сведения о численности казаков. Остановить судорожную атаку отчаявшихся казаков было не единственной целью Андреева. Комиссар решил не пускать полки Войскового правительства на левую, густо населенную сторону Яика, а гнать их по безлюдной степи, где нет ни пищи, ни корма, ни пристанища.

Дерзкие сыны степей, издревле умевшие бурей налетать на врага, сейчас бешеными, неожиданными атаками изматывали казачьи отряды. Для того чтобы дедовским испытанным примером угнать вражеских коней, Абдрахман отобрал самых надежных и смелых джигитов во главе с Мамбетом.

— Делай, что хочешь, но постарайся угнать коней казачьей сотни в Аккале. А я потом обрушу своих джигитов на пеших вояк,— говорил он вчера.

К полудню группа смельчаков остановилась недалеко от Аккалы, издали наблюдая за казаками. Ергали, брата жены Айтиева, Мамбет отправил в город на разведку. Остальные спустились к обрыву и, хоронясь точно волки рядом с отарой овец, незаметно подкрались к броду Жаман-Откел, о котором еще днем говорил Ергали.

Вскоре вернулся Ергали и повел джигитов к городку.

— Сейчас пастух должен подать сигнал,— сказал он, глядя на землянку, покрытую дерном.

Землянка стояла на отшибе у самой реки. Даже издали было видно, что она необитаема, рядом не было сена, вместо окон мрачно зияли дыры.

— Как только казаки погонят коней на водопой, из землянки мигнет «чертова свеча», и мы сразу кинемся вперед,— сказал Ергали.

— А почему бы не сразу побежать? Там бы и залегли...— сказал было Жапалак, но Ергали оборвал его:

— Казаки не дураки. Они к вечеру могут обшарить окрестности города. А если мигнет «чертова свеча», значит, опасности нет, коней погнали к водопою.

Услышав о водопое, Аманкул не смог смолчать, ему непременно захотелось высказать свою осведомленность.

— А где здесь, интересно, водопой? — спросил он.— По-

ка мы ждем в одном месте, казаки погонят своих кляч в другое. Ты подумал об этом, аксакал?

— Возле этой землянки самый близкий к городу водопой. Остальные очень далеко. А казаки не дураки гонять коней понапрасну.

— Не дураки, не дураки... А мне, аксакал, нужно, чтоб они были дураками. Чего ты без конца похваливаешь их, будто собираешься с ними свататься?

— Пустомеля, любишь языком трепать. Лучше бы подумал, как твое чучело плясать будет.

— Это не болтовня, аксакал. Я мечтаю, чтоб казак был не умный, а глупый.

Мамбет слез с коня, подтянул подпругу и низко нахлобучил шапку. Посмотрев в сторону городка, он прислушался и сказал:

— Казак, конечно, не дурак, что и говорить... Но нам надо прежде всего думать о том, что трус дело не сделает, труса мигом раскусит враг. Слушай, табунщик! Вместе с Жапалаком ты будешь пугать коней, остальные погонят их к броду. А мы с Ергали займемся отправкой строптивых казаков на тот свет. Готовьтесь! — приказал Мамбет.

Джигиты подобрали полы чекменей и шинелей, натянули поводья. Аманкул вывернул тулуп и надел его, намотал на шапку длинную белую чалму и привязал к чучелу аркан. Потом вывернул второй тулуп, напялил его на Жапалака и начал пробовать голос. Сильно втянув живот, Аманкул завыл глухим, стонущим воем, каким обычно сытый волк зовет на заре волчицу.

А «чертова свеча» все еще не мигала. Джигиты Мамбета все чаще поглядывали на зияющие окна. Время шло, но возле землянки никого не было, не мигал и долгожданный свет.

— Как бы не случилось что-нибудь...— прошептал, волнуясь, Ергали.

Наконец Мамбет подскочил к краю обрыва, вгляделся и негромко приказал:

— За мной, джигиты! — и поскакал по склону в сторону городка, все быстрей и решительней, без опаски, словно ехал к себе домой.

За ним бросились остальные. Мамбет вылетел на самый обрыв и застыл, натянув поводья. Потом быстро огляделся вокруг и указал рукой куда-то в сторону:

— Жми, табунщик!

Аманкул и Жапалак взобрались на крутояр и увидели косяк коней, спускающийся к обрыву. Впереди косяка ехали

трое верховых, позади маячили двое. Жапалак оглушительно свистнул и помчался галопом в сторону пустыря, куда указал Мамбет; за ним поскакал Аманкул. Он почти вплотную приблизился к косяку и громко и противно заблеял по-козлиному. Потом вихрем подлетел к косяку и резко затарабанил по трескучему даулпазу[1]. Над сумеречной степью будто пронеслись джинны. Безмятежных казаков, отъехавших от города на версту, обуял страх. Оглушительный свист, мерзкое блеяние, сухой треск даулпаза, дикий топот лошадиных копыт — все было так неожиданно, что казаки растерялись, а кони, панически заржав, метнулись в сторону. Аманкул между тем мчался прямо на остолбеневших казаков.

— Спаси, Христос! — невольно вскричал один из казаков, когда, бесовски прыгая, промчалось мимо него мохнатое чудовище.

Конь под казаком шарахнулся в сторону, снова в темноте промелькнул белый всадник, и тут же рядом что-то затрещало, захлопало, взвизгнуло.

В одно мгновение смешались кони и сплошной стеной помчались в сторону. Вдруг рядом с белым сатаной откуда-то вынырнул еще и черный дьявол. Он заревел по-бычьи, вздыбился и поскакал рядом. В белом тулупе и белой чалме— Аманкул, во всем черном, мохнатом — Жапалак.

Невозможно было остановить напуганных коней. В гущу косяка нырнули теперь Мамбет и Ергали. Мамбет быстро догнал одного казака и ловким ударом вышиб его из седла; на шею другого джигиты накинули петлю. Один казак успел удрать, ускользнул незаметно. Когда шестьдесят казачьих коней были возле самого брода Жаман-Откел, со стороны города раздались беспорядочные выстрелы.

Рано утром в Аккалу ворвались джигиты Айтиева, но в городке, где только вчера стояла казачья сотня, не было ни единого верхового.

— Казаков не выдашь — спалю хату! — грозно закричал Мамбет на остробородого худого мужика, хозяина одной из хат на окраине города.

— Вси утекли. Нима никого,— еле пролепетал мужик. И, склонив голову, перекрестился.

Действительно, город был пуст. Ночью белые спешно покинули город. Многие бежали пешком. Отряд Айтиева слился с батальоном Белана и направился в погоню за белоказаками.

Они спешили на помощь Красной Армии, которая с севера, запада и востока окружила и обстреливала из пушек Уральск — оплот и надежду казачьих атаманов.

[1] Даулпаз — маленький барабан, применяемый при охоте с ловчей птицей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Ночью бушевал свирепый ветер...

Нередко человек всецело находится в плену прихотливой погоды. Затяжные ливни омрачают душу; от неистовых молний и грохота грома все живое съеживается, сердце замирает, и губы сами собой шепчут молитву; в безумной оргии торжествуют вокруг темные силы природы, а в глазах людей — ужас.

Когда в сумерках Нурым вышел на улицу, ему почудилось, что земля качалась, а небо дрожало: пронизывающий ветер яростно тряс плетень и в клочья рвал скирду сена возле дома. Ветер стремился ворваться в дом, выл, свистел и рыкал в трубе, словно шаманящий баксы. Черная холодная ночь, мрачная степь, сиротливо затихший аул — все это вселяло безысходную тоску. Подавленный смутным дурным предчувствием, Нурым прошел по двору и сел в затишье. Ветер вдруг ослаб, будто круто остановился на всем скаку, и стало чуть теплей. Потом послышались чьи-то жуткие вздохи, словно сопело чудовище. Нурым прислушался, взглянул на коней, стоявших за забором подле скирды. Было слышно, как кони безмятежно жевали сено; больше ни звука, ни шороха.

Снова налетел шквальный ветер, и завыло, загудело еще сильней. Затрещали стены сарая, отчаянно засвистел камыш; казалось, дикий ветер вот-вот поднимет гурт овец и погонит его по степи, как перекати-поле.

«Ойпырмай, что за жуткая ночь!»

— Плохая погода,— сказал он угрюмо, входя в дом. У Нурыма невольно хмурились брови, по спине бегали мурашки, все тело ломило. Сердце билось неспокойно: то замирало, то начинало прыгать.

— Что, певец, съежился?! Черти тебя корежат? — спросил Орак.

— Погода противная,— задумчиво повторил Нурым.— Будто весь мир грозится кому-то.

Джигиты устроились здесь как в родном доме: ели жирную баранину, пили горячую пахучую сорпу. Дружинники отяжелели, не слышно и шуток, потягивались, позевывали, сладко дремали в тепле на мягких подстилках.

— Нурым, ты бы спел, приподнял настроение. Видишь, джигитов с вечера сон одолел,— сказал Орак.

Он хотел рассеять мрачное настроение. Нурыму вспомнились стихи Махамбета:

Приторочив кольчугу к седлу,
Далекого друга с собой веду.
День и ночь при оружье на коне
Ради жизни безутешных вдов,
Ради счастья Нарына детей...

Но петь ему не хотелось.

— В той комнате уже уснули женщины и ребенок,— отказался Нурым.

Орак не стал упрашивать. «Пусть лучше поспят джигиты»,— решил он. Все успокоились после долгих волнений. Казалось, у всех была одна дума: «Раньше чем через неделю офицеры из Уила не придут. К этому времени вернется и Мамбет».

В прихожей комнате возле печки царила беззаботность. Маленькая Зауреш за вчерашний день привыкла к Мукараме и не отходила от нее ни на шаг.

— Хватит тебе, Зауреш, тетя уже устала. Ложись спать,— уговаривала мать девочку, но Зауреш не унималась.

— Еще, еще!..— говорила она, радостно наблюдая за пальцами Мукарамы.

— Идет коза рогатая... Идет!!

Тонкие пальцы Мукарамы проворно побежали по одеялу все ближе и ближе к шейке девочки. Зауреш звонко рассмеялась и нырнула под одеяло.

— Еще!.. Еще!..

— Ну, хватит, Зауреш! — беспокоилась мать.— Вот непослушная...

— Идет коза рогатая...

— Хи-хи-хи...

— Перестань, Зауреш!

Но девочка покачала головкой, как бы говоря, что не перестанет.

— Разве сейчас Зауреш послушает маму? Ей с тетей хочется играть. А сколько тебе лет?

Девочка подняла правую руку, растопырила пальчики, потом согнула два пальчика левой рукой и сказала: «Во!»

— Три годика, значит? Ах ты умница моя!

Девочка согласно кивнула головкой.

— Ты умница, Зауреш. Ты доктором станешь, да?

Девочка опять закивала.

— Будешь большим доктором, таким, который больных режет, да?

Айша ужаснулась:

— Астафыралла! Больных режет, говорите?!

Мукарама начала объяснять:

— Болезни, Айша, бывают разные. Одни вылечивают ле-

карством, другие просто так, руками, например вывихи. Их надо только вправлять. А бывают болезни, когда нужно разрезать живот, удалить болячку и снова зашить. Это и делает врач. Хирург называется.

— И не боится резать?! — удивилась молодая женщина.

Мукарама снова объяснила:

— Надо учиться.

— Я думала, что вы толмач, а оказывается — доктор.

— Нет, я не доктор,— поправила ее Мукарама.— Чтобы стать доктором, надо много учиться. А я только помогаю, делаю то, что доктор мне прикажет: перевязываю раны, даю лекарства...

— А почему вы не учились много? — спросила Айша.

— Да вот война помешала. Кончится война — поеду в Петербург или Саратов и буду учиться...

Айша сегодня уже не чуждалась Мукарамы. Покачивая ребенка, она с нетерпением ждала, когда заговорит гостья. Девочка засыпала, а женщина думала про себя: «Молодая... Наверное, еще не замужем...»

— Хоть и неудобно, но я хотела спросить...— начала Айша и смутилась.

— Спрашивайте. Почему неудобно?

— Вы моложе меня, наверное?

— А вам сколько лет?

— В этом году будет двадцать один. А у вас нет мужа?— спросила Айша и снова покраснела, потупилась.

Быть неискренней перед этой доброй женщиной Мукарама посчитала неудобным, наоборот, ей подумалось, что с этой казашкой она может поделиться самым сокровенным. «И зачем я должна скрывать, что люблю такого умного, несравненного человека, как Хаким? Разве не из-за него я отправилась в этот опасный путь вместе с солдатами?»

— Есть,— сказала Мукарама и отвернулась к окну.

В маленькое, тусклое, как глаза старца, окошечко не было видно, что творилось в мрачной осенней степи. Девушка представила милые черты своего возлюбленного, который снился ей каждую ночь. Ей виделось, что по берегу далекого Яика неслась конница. Впереди скакал смуглый всадник, красивее всех остальных джигитов. У всех гордая посадка, в руках у них сверкают сабли, а кони под ними мчатся, споря с ветром. Впереди в белой шубе — командир, под ним — белый горячий конь. Вот командир привстал на стременах и оглядел в бинокль окрестности. За ним, чуть позади, небольшой группкой скачут адъютанты. Командир на белом коне взмахнул саблей, и в одно мгновение все вокруг превратилось в сплошной свист, гул и топот.

— Ветер сердится что-то...— сказала Айша, вызывая Мукараму на разговор.— Он, наверное, ученый джигит? Тоже доктор?

Мукарама очнулась.

— Нет, он не доктор. Может быть, когда-нибудь станет доктором. Он мечтает в Москву поехать учиться. Мы оба учиться будем. Вы знаете, какой он джигит?

Айша засмеялась, покачала головой.

— Он казах. Мы в одном городе учились, вместе гуляли. Только в этом году расстались... Проклятые белые разлучили нас. С нами здесь его старший брат, певец. Мы все едем к Хакиму и его товарищам. У них там своя армия, настоящая! Большая-пребольшая армия! Из самой Москвы идет! Скоро встретимся. Мы им навстречу идем...

— Соскучилась, видать, по мужу. А детей нет у вас?

Мукарама покраснела.

— Нет, я ведь еще молодая. Он тоже. Ему только восемнадцать лет. Мы еще не поженились... Мы только решили. Я моложе вас на четыре года.

Женщина, заметив смущение девушки, посерьезнела и спросила о том, что ее давно волновало:

— Мы слышали, что у большевиков аскеры. Они расстреливают людей, угоняют скот. Ваш сосватанный джигит, значит, среди них?

— Нет, Айша, не сосватанный. Мы друг друга полюбили и решили до самой смерти быть вместе.

— А разве несосватанной можно выходить замуж? — поразилась Айша.

— Кого полюбишь, за того и надо замуж выходить.

— Как это у образованных все просто получается,— заключила Айша, не то с осуждением, не то с жалостью.

Потом Мукарама стала рассказывать о товарищах Хакима, о дружинниках, о цели похода. Она старалась, как могла, развеять страх Айши.

— А насчет того, что красные аскеры расстреливают — это неправда, Айша! Эти джигиты — казахи, татары, башкиры, русские — так же, как и мы, мечтают о свободе. А слухи распустили белые казаки, что, мол, красные, большевики, убивают людей, угоняют скот. Вы же сами видите джигитов, которые сидят рядом, в той комнате. Товарищи Хакима такие же люди.

Женщина молча принялась стелить постель. Мукарама положила девочку и стала нежно приговаривать:

— Спи Зауреш, дитя мое. Вырастешь — большим доктором будешь. И мать твоя хочет, чтобы ты стала доктором.

Мукарама так и уснула, не раздеваясь, рядом с девочкой.

Айша положила ей под голову подушку, долго смотрела на юную красивую девушку, безмятежно спавшую рядом с ее Зауреш, и кто знает, может быть, в ее мечтах маленькая Зауреш была уже большим доктором...

2

— Через два дня на третий!.. Сигнал, как мы условились, огонь! Первым делом уничтожить дом, где остановились командиры. Действуйте решительно, господин Аблаев, чтобы потом не пожалели!

Напутствие старшины прозвучало как приказ; поручение его полностью соответствовало загадочному плану похода.

— Можете не беспокоиться: этот дом станет лучинкой для большого пожара, господин! — ответил Аблаев Азмуратову.

Так говорили между собой два преданнейших офицера Жаханши и Аруна-тюре после убийства Сальмена и Жанкожи.

Азмуратов ударил коня камчой и поскакал. Мамбету он сказал, что офицеры находятся в Уиле и что отряд вернется в Ащисай ровно через неделю. Однако на самом деле юнкера стояли в Кара-Тобе, в пятидесяти верстах от дружинников, и, чтобы привести их, было достаточно двух дней. На третий день ночью Аблаев должен был напасть на командиров, поджечь дом, а в это время в аул ворвется Азмуратов с отрядом и перерубит всех дружинников. Азмуратов знал, что только Аблаеву можно доверить осуществление такого плана.

Настала условленная третья ночь. Азмуратов вывел юнкеров из Кара-Тобе и, сделав одну ночевку, приблизился к Ащисаю. По-воровски, словно волчья стая, офицеры подкрались темной ночью и остановили коней в двух верстах от аула, ожидая, когда заполыхает крайний дом. За две версты можно было услышать топот и фырканье коней, звон оружия и говор людей, но сегодня постовые ничего не слышали: бушевала буря, а отряд подкрался против ветра, к тому же он остановился у самого устья реки, ближе к тем домам, где были расположены офицеры Аблаева.

Группа юнкеров, во главе с Аблаевым, поползла по аулу, точно змеи в поисках теплого убежища. Они незаметно подползали к домам, скрывались между конями, в скирдах, в овчарнях; некоторые забирались в сенцы, наиболее смелые даже заглядывали в окна. По распоряжению Азмуратова, к каждому дому должны были пробраться два-три человека, неожиданно ворваться, расстрелять сопротивляющихся и взять в плен тех, кто сдастся. Однако Аблаев изменил распоряже-

ние Азмуратова. Он приказал юнкерам расстреливать всех без разбору. К чему еще возиться с мерзавцами, изменниками — стреляй и руби насмерть всех!

Глубокой ночью, когда все должны были спать, Аблаев взял с собой одного офицера и добрался до большого дома, где остановились вожаки. После того как позавчера утром он, стоя за плетнем, подслушал разговор Сальмена и Нурыма, Аблаев мог найти этот дом с закрытыми глазами, он запомнил и огромную скирду сена, высокую пристройку, широкий двор и большую овчарню. Сейчас, тихо подкравшись к скирде, он прошмыгнул вдоль плетня к овчарне, построенной между домом и скирдой, осторожно открыл небольшие ворота и юркнул к овцам. Овцы шарахнулись в угол, несколько баранов, грозно фыркая, низко опустив крутолобые головы и ударяя копытами, выступили вперед, но, убедившись, что перед ними люди, бараны успокоились, и Аблаев облегченно вздохнул. Быстро оглядевшись вокруг и не услышав ни единого шороха, охваченный ненавистью офицер представил себе своих врагов: самого зачинщика бунта, нарушителя воинской дисциплины, широколицего, крупного Жоламанова, лютого врага — рослого Жунусова; третьим встал перед его глазами изменник Орак. Аблаев не сомневался в том, что все трое были сейчас в этом доме. «Через какой-нибудь час попадете в преисподнюю, голубчики. Один пепел останется от предателей-безбожников!» — злорадно подумал Аблаев, наметив себе жертвы. То ли от холода, то ли от лютой ненависти, он невольно лязгнул зубами. Вытащив гранату, Аблаев нащупал запал, повернулся к стоявшему рядом молодому офицеру.

— Интересно, этот ваш синюшный дохляк старшина прибудет к обещанному часу или притащится к шапочному разбору, когда мы уже прикончим всех мерзавцев?! Разлей керосин по углам скирды и немного погодя подожги! — пробурчал Аблаев и нервно повел плечами, стараясь избавиться от зябкой дрожи. Руки его без перчаток замерзли, пальцы совершенно не повиновались, он начал с усилием сжимать и разжимать их, тереть ладони. Вскоре он согрелся, успокоился и, подумав, что близок час возмездия, удовлетворенно опустился на сено и снова пощупал запал гранаты. Вдруг палец его соскользнул с запала, и что-то легонько щелкнуло. Офицер молниеносно вскочил — сработал предохранитель гранаты!..

Небольшой коробок толщиной с бедренную кость трехгодовалого барана сейчас взорвется и первым разнесет в клочья того, кто его держит. Аблаев застыл на долю секунды, не зная, то ли отбросить гранату в сторону, то ли все-таки швыр-

нуть в окно. Если в сторону, она с грохотом взорвется в овчарне. Через стены кинуть ее невозможно: стены высокие и овчарня полна овец. Как только раздастся взрыв, все проснутся и выбегут на улицу. Тогда бесславно завершится вся операция и придется отступать ни с чем! Рассвирепев, безбожники могут уложить всех пятьдесят юнкеров, и первым уничтожат самого Аблаева...

Он широко размахнулся и швырнул уже шипевшую гранату в окно штаба дружинников. Он старался попасть в окно, но промахнулся, и граната ударилась чуть правей. Аблаев тут же выхватил вторую, чтобы на этот раз уже не промахнуться.

3

В эту злополучную ночь в комнате не увидишь, что творится за ее стенами. В доме на краю аула не спали трое: Жоламанов, Орак и Нурым. Они изредка перебрасывались словами и попеременно выходили на улицу, сторожа покой дружинников. Только что с улицы вернулся Нурым, сейчас он сидел хмурый, подавленный. Возле двери, положив шинель под голову, полураздетым спал джигит, владелец пегой пастушьей клячи, тот самый джигит, которого Жолмукан не допустил к своей десятке: рыжий забитый пастушонок пристал к десятке Нурыма. «Несчастный»,— с тоской подумал Нурым. Потом ему вспомнился Жолмукан, широкоплечий богатырь, дерзкий упрямец, его друг, который звал Нурыма не иначе как «долговязый черный». Пошумливает, наверное, сейчас в Джамбейте...

— Выйду посмотрю,— сказал Жоламанов, перебив его мысли.

Сотник, не торопясь, направился к выходу, шагнул через порог... Вдруг со страшной силой грохнуло, и крыша дома вздрогнула. Тяжело накренилась длинная печка, увлекая за собой перегородку, как будто перевернулась телега с грузом. Неведомая сила вытолкнула Жоламанова в сени, и он упал, выбросив руки вперед. Нурыма отбросило к стене, звонко затрещало мгновенно перекосившееся окно. Горячий ветер обдал лицо Нурыма, он ринулся туда, где только что было окно, лихорадочно расталкивая, ломая все на пути. Под руки попадались осколки стекла, жестянки, но ни пореза, ни ушиба он не чувствовал, из последних сил рвался наружу. Морщась от боли и задыхаясь, он протащил наконец свое длинное тело и упал на землю, поняв, что вырвался из тисков. «Что случилось? Землетрясение?» Позади него раздался чей-то вопль:

— Что, что случилось?!

Нурым обернулся и смутно увидел в дыре, через которую только что пролез, Орака. Нурым протянул ему руку, поднатужился и вытащил вместе со скособоченной рамой своего малорослого товарища, словно козленка из колодца. От второго взрыва будто шквалом накренило весь дом с крышей. Треск дверных косяков и перегородок, чьи-то стоны, предсмертные вопли, вой обезумевшего ветра — все смешалось. В один миг дом превратился в груду развалин, похоронив под собой всех. В овчарне из угла в угол шарахались овцы, пытаясь развалить плетень, в затишье, за скирдой, визгливо ржали напуганные огнем кони, беспрестанный злорадный гул бури нагнетал ужас, где-то беспорядочно затявкали в темноте выстрелы, кричали люди — можно было не сомневаться, что настал конец света...

И в довершение всего ярко вспыхнул огромный столб пламени, мигом облизнув горячим языком все вокруг. Чадный густой дым полез Нурыму в глаза, в рот, не давал вздохнуть.

— Кто здесь? Живы ли? — кричал кто-то среди кучи обломков.

— Здесь! Здесь я! — откликнулся Нурым, узнав голос Жоламанова.

— Живой? Цел?.. На нас напали!..

В двух шагах раздался выстрел, перекрыв слова Жоламанова. Нурым услышал, как кто-то громко ахнул, и увидел рядом того, кто стрелял. Он яростно ударил его кулаком, свалил неведомого врага, подмял под себя и вырвал из рук винтовку. Орак, все еще лежавший на земле, крикнул:

— Нурым, сзади офицер целится!

Грохнул выстрел. Пуля со свистом пролетела мимо Нурыма. Он повернулся, но стрелять не смог, некогда было целиться; словно лев, он метнулся на второго юнкера и ударил его в висок. Тот отлетел, ткнувшись лицом в землю, а перед Нурымом опять вдруг появилась винтовка, прогремел выстрел — и снова мимо. Нурым молниеносно вырвал винтовку и ударил врага прикладом по голове. В это время, упираясь ногами в землю, медленно поднимался тот, которого Нурым оглушил первым. Нурым ударом приклада снова швырнул его на землю.

Подбежал Жоламанов.

— Ойпырмай, кто остался в доме? — с трудом переводя дыхание, спросил он.

— Не знаю. За мной вылез в окно Орак. Вон там лежит раненый...

— Давай вытащим остальных.

Нурым кинулся к дому, начал в темноте искать оконный

проем, но в дымящихся развалинах невозможно было его обнаружить.

— Прихожая часть вся завалилась! — крикнул Жоламанов.— Сам не знаю, как выбрался!

Оба решили во что бы то ни стало спасти оставшихся в доме людей; однако, не зная, что делать, с какой стороны подойти, они, спотыкаясь и падая, бегали вокруг развалин; наконец нашли то место, где по их предположению, была дверь, и начали быстро расчищать проход. Немыслимо было узнать, остались ли под обломками люди и живы ли они. Стояла непроглядная темень, выл ветер, мир словно обезумел.

Никого не найдя в развалинах, Нурым и Жоламанов подбежали к раненому Ораку. Рядом с ним лежал неизвестный, которого оглушил прикладом Нурым. Нурым перевернул его лицом вверх, наклонился, нащупал рукой офицерский погон.

— Офицер,— проговорил он брезгливо.

Услышав разговор, офицер простонал.

— Этот пес еще жив.

Раненый приподнял голову, уставился на Нурыма и отчетливо произнес:

— Аблаев, ты здесь?

Нурыма обожгла холодная догадка: «Неужели он здесь? Это его, наверное, я стукнул по башке». Нурым кинулся искать своего врага...

Аблаев в темноте ловко увильнул от удара Нурыма, приклад угодил ему ниже спины. От боли он упал сначала на землю, но быстро опомнился и отполз в угол ограды. Острая боль, от которой онемела нога, медленно прошла. Пригнув голову, Аблаев высматривал в темноте свою жертву. Увидев шагах в пятнадцати от себя длинную, ссутулившуюся фигуру Нурыма, искавшего что-то на земле, Аблаев прицелился из нагана...

Жоламанов сбегал к соседним домам, чтобы поднять своих джигитов. В тех домах тоже стоял невообразимый гвалт, раздавалась беспорядочная стрельба.

— Нурым! Где ты? — вернувшись, крикнул Жоламанов.

— Здесь!

Два выстрела, прозвучавших один за другим, оборвали голос Нурыма.

Жоламанов больше ничего не узнал ни о Нурыме, ни об Ораке; все смешалось, закружилось. Бесконечная стрельба, крики, плач детей, душераздирающий визг женщин, ржанье обезумевших коней, треск опрокинутой вблизи телеги. Из угла в угол затравленно метались овцы, из окон дома у са-

мого устья реки взметнулось в черное небо жадное пламя. Началось кровавое побоище, безумная пляска смерти. Азмуратов и Аблаев с юнкерами перестреляли, перерубили всех дружинников, спавших безмятежным сном. Всех до единого. В эту ночь они торжествовали.

4

Убийцы, как правило, трусы. Уильские юнкера не осмелились напасть на сотню Мамбета, стоявшую в двадцати верстах. Они боялись полка Айтиева, находившегося вблизи, и довольствовались тем, что щедро полили человеческой кровью устье Ащисая.

Пятьдесят юнкеров во главе с Аблаевым за одну ночь расстреляли двести дружинников. Большинство погибло в постели, так и не проснувшись. Пытавшихся убежать зарубили шашками.

К утру ворвался в аул отряд Азмуратова и выловил тех дружинников, что упрятались в хлевах, овчарнях, в скирдах; тут же зарубили семерых джигитов, а самого сотника схватили живьем. После этого юнкера погрузили оружие, продовольствие на телеги, согнали в гурт всех коней и поспешно уехали.

В скорбный аул, где в голос плакали женщины и дети, прискакал утром Батырбек со своими джигитами. Они выносили убитых из домов и развалин, старались успокоить жителей. Когда Батырбек увидел примчавшихся в аул Ораза и Хакима, он не сдержался, заплакал, как ребенок, горько и неутешно. Хаким побледнел как покойник, онемел, ни звука не произнес, не пролил ни единой слезы. Он безмолвно ходил по огромному двору, где рядами лежали окровавленные трупы, и кого-то искал... Наконец он остановился. Возле совершенно разрушенного дома лежал Нурым. Рядом с ним — Орак. Оба были обезглавлены.

Хаким опустился возле тела Нурыма и сидел долго как окаменелый. Вдруг он вспомнил: «Где же Мукарама? Неужто эти звери увезли ее? О боже! Лучше бы она погибла, чем оказаться в руках убийц! Лучше бы лежала здесь окровавленной, но чистой, непоруганной!» Хаким тупо повторял: «Зачем?! Зачем она здесь?»

Он на миг отвернулся от Нурыма, вскользь увидел, как жители аула вытаскивали трупы из-под развалин. Вынесли тело молодой женщины. Положили в стороне. Еще один труп, старухи. Положили рядом. Потом вынесли девочку... Еще одну женщину... Нет, девушку. С распущенными волосами. Смертельно бледную. Хаким бросился к телу девушки, обнял ее голову. Это была Мукарама...

Стоял сухой безветренный мороз. Широкая равнина между Барбастау и Меновым Двором покрылась первым легким снежком. Покрылись снегом долины и холмики, копны сена то тут, то там и редкие, чахлые кусты тоже оделись в легкое пушистое белое одеяние. Вдали сверкал белизной густой лес вдоль Яика. Кругом бело и тихо-тихо. Казалось, за одну ночь природа очистила этот неприглядный, грязно-унылый край, каким он бывает глубокой осенью. Перед зарей донеслись сюда, как далекие раскаты грома, выстрелы пушек, но сейчас и они умолкли, где-то за Лбищенском или дальше, далеко за Яиком. По тихой заснеженной степи прокладывали дорожку двое всадников. Там, где ступали кони, оставались темные следы копыт. Всадники держали путь в Меновой Двор.

Это были Ораз и Хаким, сильно осунувшийся, побледневший за последние дни, потерявший любимую девушку, родного брата, незабвенных друзей. В душе его было пустынно, мертво, сердце будто застыло, не было ни мыслей, ни дум. Он все молчал, ничего не видел вокруг. Ораз несколько раз пытался отвлечь его, но Хаким отвечал односложно: «нет» или «да».

Когда всадники приблизились к Меновому Двору, Ораз рассказал ему о большом горе, постигшем город:

— Казаки решили расправиться со всеми своими пленниками. На большой площади Сенного базара выстроили двадцать пять виселиц. В ночь перед казнью Дмитриев отравился в каземате...

Хаким вздрогнул, словно от острой боли.

— Принял яд,— продолжал Ораз.— Решил, что лучше покончить с собой, чем ждать, пока палач накинет петлю на шею. Наши не успели, злодеи торопились свершить свое черное дело. Иначе Красная гвардия освободила бы вчера всех, кто томился в «Сорока трубах». Верно ведь?

Хаким молча кивнул головой.

— В тот день погибли многие,— продолжал Ораз.— Единственный сын Гадильшиной, сидевший в тюрьме, и единственная дочь Дмитриева. Мальчика казаки изрубили шашками... Он подкрался ночью к виселице, перерезал веревку, хотел унести один из трупов, но дозорные заметили и зарубили его на месте.

Хаким догадался, что мальчик этот был Сями.

— Зверье на все способно! — тихо сказал он.

«...Ночью мы встретились возле дома Мукарамы. Летом у стен тюрьмы... Листовки приклеивал, еду носил. Смышленый мальчик, как наш Адильбек... Только немного постарше. Умный, живой был...»

Хаким посмотрел вдаль, на холодную снежную степь. Впереди темнел Меновой Двор, слышался какой-то гул, издали было заметно необычное оживление в городе.

«...В чем был виноват Сями, мальчик Сями?.. В чем были виноваты все остальные?!»

— Там народ собирается, шумят. Вон солдаты. Говорили, что полк Айтиева стоит в Меновом Дворе.

Хаким тоже привстал на стременах.

— Давай побыстрей, Хаким! — заторопился Ораз.

Оба припустили коней. Перед глазами Хакима все стоял маленький Сями, приклеивающий листовку на стену дома Курбановых. «За что убили его?.. А Мукараму? Нурыма? Сальмена?»

На площади толпился народ. Кони, телеги, верблюды, волы. Казахи в шубах, в чекменях, в огромных треухах. Кердеринцы. Среди них много знакомых. Позади на конях выстроились солдаты. Добровольцы-казахи. Тут и партизаны Белана. Казахи легко пропустили Хакима и Ораза, но отряд Белана задержал их.

— Стойте здесь и не мешайте слушать. Комиссар говорит.

— Кто?

— Старый киргиз.

— Ой, да это же Баке! Бахитжан Каратаев! — воскликнул Ораз.— Вон видишь, ветер его бороду треплет.

Чуть заметный ветерок лохматил густые с сединой волосы старика и длинную его бороду. Рослый, крупный, в шубе, он стоял на трибуне и что-то говорил. Глухой голос старика почти не доходил до последних рядов: огромная, как море, толпа волновалась, гудела. Ораз привстал на стременах, напряженно слушая обрывки фраз.

В это время из отряда Белана отделился, бесцеремонно прокладывая дорогу в толпе, точно матерая, темно-серая в пестринах щука в камышах, чернолицый, крупнотелый всадник и направил коня навстречу Оразу и Хакиму. Перед ним расступались в стороны и недовольно бурчали вслед. Но чернолицый, не обращая внимания, упрямо пробивался вперед. Ораз издали заметил его.

— Мамбет к нам едет! — сообщил он Хакиму.

Мамбет подъехал к ним и пророкотал:

— Где Батырбек?

На его зычный голос все вокруг обернулись.

— Батырбек сюда едет. Но Орака... нет,— тихо сказал Ораз.

— Почему нет?!

— Они...

— Что они?! — вскрикнул Мамбет, чувствуя неладное. Он грозно нахмурился, а голос стал глухим и сиплым.

— И Орак и Нурым — все погибли. Офицеры напали врасплох...

Мамбет заскрежетал зубами и поднял кулак.

— Ну погодите, мерзавцы!

Лицо Мамбета покрылось пятнами, стало страшным. Ораз отвел от него глаза, повернулся к Хакиму, указал в сторону Бахитжана:

— Слушай, Хаким, слушай!

Хаким, отрешенный, измученный, напрягая волю, ловил слова знаменитого Каратаева.

— ...Времена отчаяния позади. Только сейчас открылись ворота свободы. Народ вырвался из душной темницы на вольный простор. Однако настоящий поход за свободу только начинается...

— Ты слышишь, Хаким?

— Путь свободы и равенства — долгий и трудный путь. Вперед, джигиты! Немало смельчаков пролили кровь и отдали жизнь за свободу... Но крутое время миновало!

— ...И кровь пролили, и жизнь отдали. Нурым. Сальмен. Мукарама. Сями...— шептал Хаким.— Путь свободы долог и труден...

Хаким еще не знал о гибели Каримгали, Мендигерея... Он вспомнил лишь тех, о смерти которых знал.

Хаким крепче стиснул зубы, но, как ни силился сдержаться, слезы потекли по его лицу. Первые слезы за три последних страшных дня. Хаким отвернулся, пряча лицо от Ораза.

А слезы, как вырвавшийся из глубины земли светлый родник, все лились и лились...

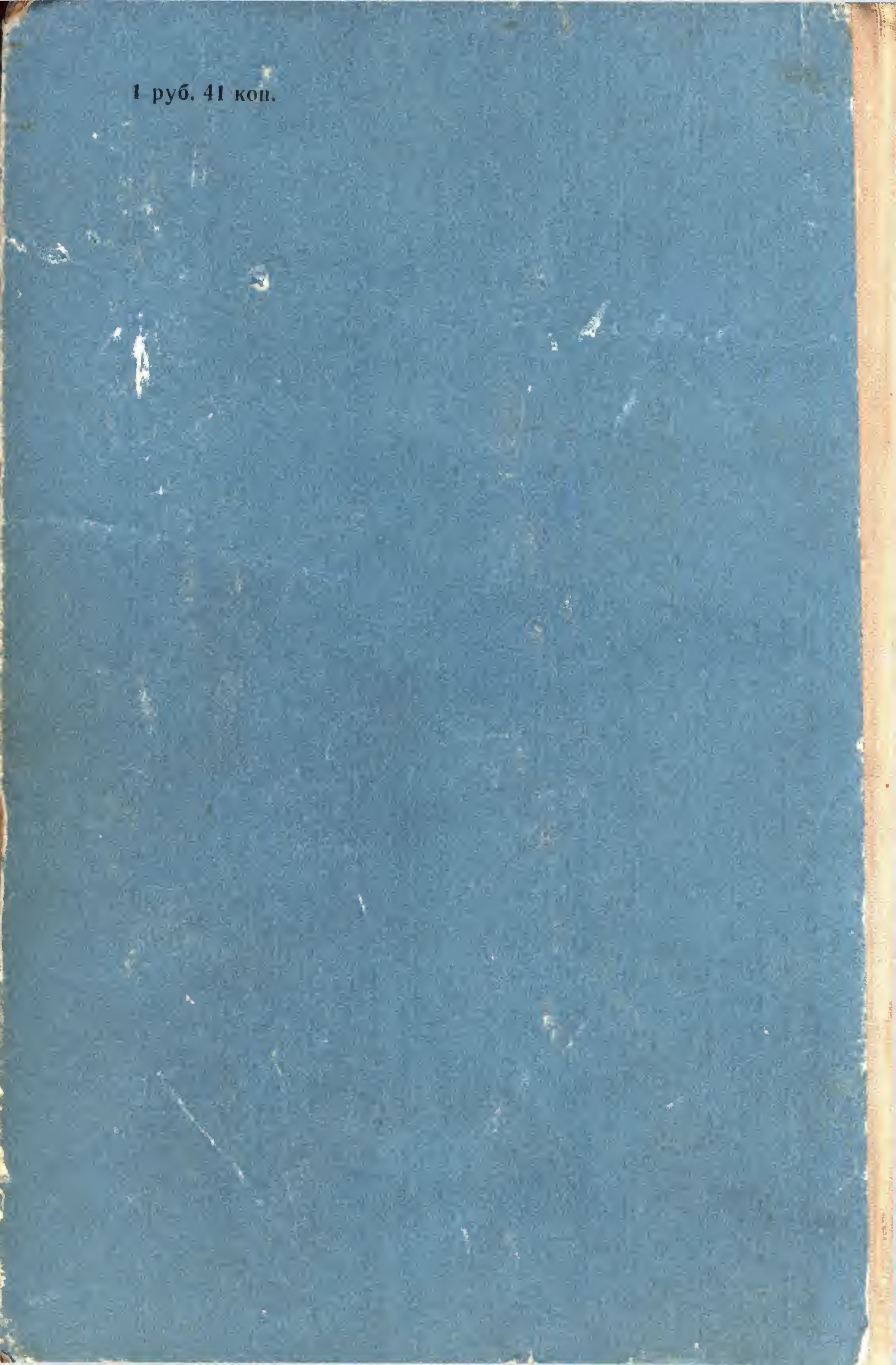
СОДЕРЖАНИЕ

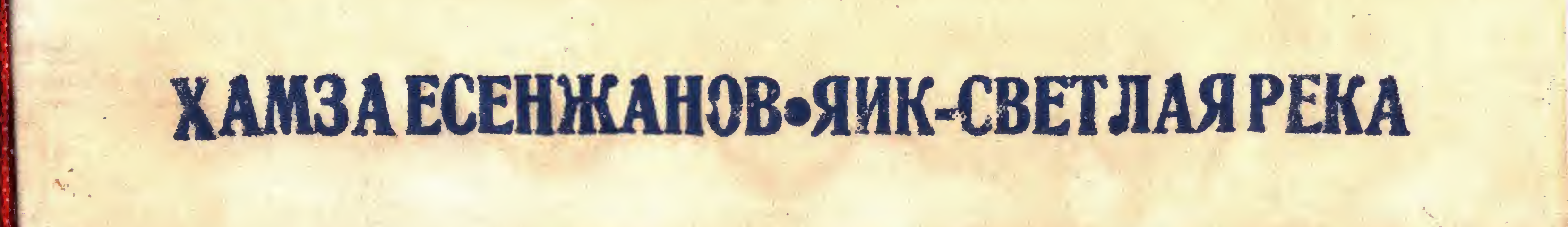

Есенжанов, Хамза.
ЯИК — СВЕТЛАЯ РЕКА. Роман. Авториз. пер. с каз. Алма-Ата, «Жазушы», 1973.
696 с.

Редактор Р. Арсланова. Художник И. Исабаев. Художественный редактор Б. Табылдиев. Технический редактор С. Лепесов. Корректор М. Кац. Сдано в набор 4/II 1971 г. Изд № 483. Подписано к печати 3/VI 1971 г. Бумага тип. № 2. Формат 60×90$^{1}/_{16}$=43,5 п. л. (Уч.-изд. л. 43,53). Тираж 100 000 экз. (2-й завод). Цена 1 р. 41 коп. Заказ № 1430.
Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

1 руб. 41 коп.

ХАМЗА ЕСЕНЖАНОВ • ЯИК-СВЕТЛАЯ РЕКА